В. Лан

США
ОТ ПЕРВОЙ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В. ЛАН

США
ОТ ПЕРВОЙ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОГИЗ

Государственное издательство политической литературы
1947

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

США И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Стр.

I. Президент Вильсон и его «новая свобода» 5
II. Нейтралитет 10
III. Английская пропаганда и германская диверсия 19
IV. «Он нас удержал от войны» 27
V. «Война, которая покончит с войнами» 34

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОТ ПЕРЕМИРИЯ ДО МИРА

I. Некоторые итоги войны 49
II. Вильсон и Версаль 53
III. Интервенция в Советскую Россию 64
IV. Крах Вильсона и его внешней политики 70

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЁМ И ПОХОД ПРОТИВ «КРАСНЫХ» В АМЕРИКЕ

I. Революционная волна в США 78
II. Возникновение коммунистической партии 89
III. Конец «новой свободы» 93

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ПОД ЗНАКОМ КОНСЕРВАТИЗМА И ИЗОЛЯЦИОНИЗМА

I. Президентская кампания 1920 г. 99
II. Реставрация «нормального» 111
III. Изоляционизм 115

ГЛАВА ПЯТАЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ

I. Стачка углекопов и железнодорожников 129
II. Производственные и компанейские союзы 134
III. Выход компартии из подполья 141

Стр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРВОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО КУЛИДЖА

I. Нефтяная панама 144
II. Кальвин Кулидж 150
III. Экономическая экспансия и политическое «невмешательство» 156
IV. Президентская кампания 1924 г. 167

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«ПРОСПЕРИТИ»

I. Массовое производство 175
II. Монополии и спекуляция 184
III. На полюсе «просперити» 208
IV. На противоположном полюсе 229
V. Мировой банкир 250
VI. «Новая эра» 267

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КРИЗИС

I. Сорок четыре месяца 286
II. Влияние кризиса на международное положение США 305
III. Возвращение демократов 316

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОТ КРИЗИСА ДО ВОЙНЫ

I. Франклин Рузвельт 326
II. «Нью-дил» 349
III. Подъём рабочего движения 380
IV. Выборные кампании 1934, 1936 и 1938 гг. 397
V. Внешняя политика 426
VI. Внешняя политика (продолжение) 444

Предметный указатель 473
Именной указатель 479

ГЛАВА ПЕРВАЯ

США И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1

ПРЕЗИДЕНТ ВИЛЬСОН И ЕГО «НОВАЯ СВОБОДА»

28-й президент. Победа на выборах меньшинством голосов. Отмена векового обычая. Тариф Андервуда. Антитрестовский закон Клейтона. 17-е добавление к конституции. Организация федеральной резервной системы.

4 марта 1913 г. 28-й президент США торжественно въехал в Белый дом. Республиканца Вильяма Тафта сменил демократ Вудро Вильсон. Впервые в истории Америки во главе государства оказался не старый политический деятель, не практик, а профессор, теоретик. Вильсону исполнилось 56 лет. Первый политический пост он занял на 55-м году своей жизни. Раньше он занимался литературной и педагогической деятельностью.

Сын пресвиторианского пастора, он хорошо владел церковной и светской риторикой. Вильсон красиво и изысканно говорил, но писал скучно. Он опубликовал объёмистые книги по истории, праву и политике. Самая крупная его работа, «История американского народа» в 5 томах, «не принесла ему, — по выражению одного из его биографов, — ни славы, ни денег; её нашли бледной и неудобочитаемой» [1]. Он был, как говорят американцы, «человек с идеями», активный и настойчивый, но вместе с тем догматик. Вильсон предстал перед избирателями как либерал, проповедующий демократические, гуманные взгляды, импонирующие широким кругам населения США. Он приобрёл немало приверженцев, но, за исключением нескольких лиц, обязанных ему своей политической карьерой, личных друзей у него не было. Лучшего друга и советника, которому он был во многом обязан своей победой на выборах в 1912 г., полковника Хауза, президент оттолкнул от себя ещё задолго до своего ухода из Белого дома. О Вильсоне говорили, что он любит человечество, но не переносит людей.

[1] *Anonymous*, The Mirrors of Washington, New York 1921, p. 32.

Головокружительная карьера Вильсона вызвала много споров. Некоторые историки считают его карьеру случайной: быстро произошёл взлёт, ещё быстрее совершилось падение. Когда Вильсон впервые въехал в Белый дом, мало кто верил, что он останется в резиденции американских президентов целых восемь лет, и никто не предполагал, что этот человек будет играть в мировой политике такую роль, какой не играл ни один из его предшественников.

Президентская кампания, закончившаяся избранием Вильсона, происходила в 1912 г. В то время прогрессивное движение широких масс избирателей приняло большие размеры, особенно в западных штатах. Большим успехом пользовалась литература, разоблачавшая господство монопольных компаний, коррупцию политических деятелей и хищнические операции трестов: «Измена сената» Филиппса, «Позор городов» и «Враги республики» Линкольна-Стефенса, «История Стандарт Ойл Компани» Иды Тарбэлл, «Джунгли» Эптона Синклера и др.

Консервативная политика Тафта — преемника Теодора Рузвельта — усилила недовольство во всех 48 штатах. Всё чаще раздавались голоса протеста не только против внутренней, но и против внешней политики правительства. Под влиянием общественного мнения в 1910 г. в сенате и в палате представителей прошла резолюция, предлагавшая президенту Тафту пригласить все иностранные государства создать международную организацию по сохранению мира. Впервые за 18 лет республиканцы в 1910 г. уступили демократам большинство в конгрессе. В республиканской партии назревал раскол. Везде — и в федеральной столице и в столицах отдельных штатов — появился «спрос» на прогрессивных лидеров.

В штате Нью-Джерси в 1910 г. происходили выборы губернатора. Боссы демократов не могли найти в рядах партийных ветеранов подходящего кандидата на высшую должность в штате. Они решили на сей раз выставить кандидатуру не активного партийного деятеля, а просто человека с хорошей репутацией. В поисках «честного человека» они остановились на кандидатуре ректора местного Принстонского университета Вудро Вильсона, зарекомендовавшего себя либералом в студенческих кругах. На посту губернатора Вильсон старался проявить себя сторонником прогрессивного законодательства. Таким образом он приобрёл известность в стране. В 1912 г. была выдвинута его кандидатура в президенты США.

Старые лидеры, профессионалы обеих крупных партий, смотрели на приход Вильсона к власти, как на случайное явление в политической жизни Америки. На национальном

конвенте (съезде) демократической партии в 1912 г. кандидатура Вильсона выплыла лишь после того, как утомлённым делегатам надоела многочисленная баллотировка других кандидатур. Вильсон прошёл при 46-м голосовании. На президентских выборах Вильсон собрал лишь около 40% всех поданных голосов. За него голосовало меньше избирателей, чем за кандидата демократической партии Брайана в любой из предшествовавших трёх президентских кампаний, в которых Брайан безуспешно баллотировался. И только благодаря расколу республиканской партии в 1912 г. Вильсону досталось президентское кресло, хотя он получил лишь относительное большинство голосов.

Однако это обстоятельство не смутило Вильсона. Он взял бразды правления в свои руки властно и решительно. Вскоре по вступлении в Белый дом он нарушил обычай, установившийся со времени третьего президента США — Джефферсона. Джефферсон считал неудобным личное обращение президента к членам обеих палат с трибуны конгресса, так как эта процедура напоминает тронную королевскую речь. В течение 112 лет президенты США отправляли свои послания в письменном виде. Вильсон считал, что он, как хороший оратор, добьётся большего эффекта, если сам будет выступать с программными речами в конгрессе.

В своих предвыборных выступлениях Вильсон, упрекая магнатов индустрии в поползновениях контролировать федеральное правительство, говорил о необходимости усиления влияния средних классов, трудящихся города и деревни, о «новом духе» в политике, о «новой свободе». Последние два слова вошли в историю США.

«Новая свобода» нашла выражение в ряде мероприятий, принятых конгрессом в первые два года президентства Вильсона. В 1913 г. был принят акт о тарифах Андервуда, который впервые за 50 лет значительно снизил таможенные пошлины. В том же году было создано самостоятельное министерство труда. В 1914 г. конгресс одобрил антитрестовский закон Клейтона и создал федеральную комиссию для наблюдения за деятельностью трестов. В это же время конгресс утвердил акты о расширении сельскохозяйственного кредита путём государственной поддержки фермерских кредитных товариществ, об ограничении детского труда и о прогрессивном подоходном налоге. В 1913 г. было принято 17-е добавление к конституции США об избрании сенаторов не законодательными собраниями штатов, а непосредственно избирателями. Это добавление действительно представляло собой некоторое достижение демократии. В конгрессе оно обсуждалось свыше 20 лет; палата представителей его много раз

принимала, а сенат каждый раз его откладывал. Другие же акты «новой свободы» в большинстве своём были сформулированы довольно расплывчато: они оставляли широкое поле для толкования и носили преимущественно декларативный характер. В частности это верно в отношении антитрестовского закона, который наряду с законом о банках рекламировался как главный актив «новой свободы». Закон Клейтона не соблюдался. Крупнейшие тресты США, в том числе Стальной трест, были официально узаконены под разными предлогами уже после его принятия. Важнейшая статья акта Клейтона — 8-я, направленная против персональной унии руководства банков и трестов, — на практике вообще не применялась.

Большие надежды приверженцы «новой свободы» возлагали на принятый в 1913 г. закон о федеральной резервной системе. По словам Вильсона, этот закон имел своей целью «уничтожить монополию денег и создать демократизм кредита»[1]. Более того, изобретатели новой банковской структуры пророчествовали, что с помощью резервной системы хозяйство США избавится от промышленных кризисов.

Банковский закон 1913 г. исходил из теории видных американских и европейских экономистов о «всесилии кредита», из концепции, что промышленные кризисы наступают вследствие недостатка ссудного капитала. Было решено централизовать банковские ресурсы страны и унифицировать кредитную политику. Вся страна была разделена на 12 районов. В каждом районе был создан резервный банк. Все более или менее крупные банки, на долю которых приходилось около $^2/_3$ всех банковских ресурсов США, вошли в состав федеральной резервной системы. Каждый резервный банк объединяет все банки своего района, которые входят как члены в резервную систему, хранит их запасные фонды и снабжает их кредитами. Банки — члены резервной системы — должны держать в резервных банках постоянный фонд, составляющий в среднем 7% их депозитов. Таким образом, резервные банки распоряжаются большим маневренным фондом. Вся резервная система возглавляется находящимся в Вашингтоне Федеральным резервным управлением, которому поручено вести кредитно-денежную политику, обеспечивающую постоянное хозяйственное процветание. На практике эта политика сводится к контролю процента на кредит понижением и повышением учётной ставки и к регулированию денежного обращения с помощью покупки и продажи

[1] *J. Woodburn*, Political Parties and Party Problems in the United States, New York 1924, p. 201.

на рынке больших пакетов государственных и коммерческих ценных бумаг [1].

Организация 12 районных центральных банков вместо одного центрального банка, как в Англии, Франции и других европейских странах, объяснялась тем, что исторический опыт и политические традиции Америки не допускают открытия единого центрального банка. Кроме того, предполагалось, что районные банки необходимы для того, чтобы избежать скопления в Нью-Йорке миллиардных денежных ресурсов, которые вздувают цены на акции и угрожают катастрофой на бирже.

Так, при новом президенте была сразу найдена панацея для капиталистического хозяйства. Во всеисцеляющую силу «новой свободы» поверили широкие круги избирателей. «Прогрессивная партия», выступившая самостоятельно и собравшая 5 600 тыс. голосов на президентских выборах 1912 г., распалась. Вильсон торжествовал.

Однако уже на втором году президентства Вильсона его демократические начинания исчерпались. Полицейская расправа с бастующими шахтёрами Колорадо весной 1914 г. вызвала в рабочих кругах разочарование в новом президенте. Охлаждение к «новой свободе» наблюдалось также в кругах мелкой буржуазии. Оппозиционная республиканская партия, оправившись от поражения 1912 г., консолидировалась. Осенью 1914 г. на выборах в конгресс правительственная партия потеряла значительное число мест в палате представителей. Приближавшийся хозяйственный кризис неминуемо должен был бы выявить экономические «достижения» «новой свободы» и продемонстрировать беспомощность резервных банков в борьбе с промышленными кризисами, биржевыми крахами и банковскими катастрофами. Но в это время по ту сторону Атлантики произошли события, которые резко изменили экономическую и политическую конъюнктуру не только в Старом, но и в Новом Свете. В Европе разгорелся пожар мировой войны.

---

[1] Когда, по мнению Федерального резервного управления, конъюнктура повышается слишком быстро и оно считает нужным тормозить «бум», резервные банки путём повышения учётной ставки удорожают кредит, с тем чтобы вызвать падение цен и ослабление производства; при падении конъюнктуры они понижением учётного процента удешевляют кредит для того, чтобы добиться роста цен и производства. Резервные банки регулируют также денежное обращение. Когда они желают стимулировать хозяйственную деятельность, все 12 резервных банков согласованно покупают на рынке различные государственные и коммерческие ценные бумаги и таким образом выбрасывают массу денег в обращение, что содействует удешевлению кредита. Когда же они считают нужным ограничить хозяйственную активность, они выбрасывают на рынок ценные бумаги для того, чтобы изъять массу денег из обращения и содействовать росту процента за кредит.

II

НЕЙТРАЛИТЕТ

Нейтралитет «в действиях и мыслях». Хозяйственные затруднения. Блокада и торговля. «Чёрный список». Роль Моргана. США не могут допустить победы Германии. Влиятельные американцы за войну. Конец нейтралитета.

Убийство австрийского эрцгерцога в Сараеве не вызвало тревоги в Америке. Америка отделена от Европы широким океаном. Она стояла в стороне от «тройственного союза» и «тройственного согласия» европейских держав. То, что за последние 10—15 лет Вашингтон установил тесные дружественные отношения с Лондоном, было известно весьма ограниченному кругу лиц. В 1905 г. президент Теодор Рузвельт послал сенатора Лоджа со специальной миссией в Великобританию. Лодж информировал Эдуарда VII о желании президента, чтобы «США и Англия выступали совместно (в Европе) так же, как они совместно выступают на Дальнем Востоке» [1]. В 1913 г. в Вашингтоне было опубликовано официальное опровержение версии о наличии секретного соглашения, связывающего США с Англией и Францией против Германии. Всё же такой авторитетный и компетентный американский историк, как Чарльз Бирд, утверждает, что эта версия «имела несомненно реальную основу» [2]. Но в первые дни войны осведомлённые политические деятели предпочитали обходить этот вопрос молчанием.

Родство культур, общность литературы и языка, обширные финансово-экономические связи содействовали политическому сближению, начавшемуся между США и Великобританией во время испано-американской войны. Под влиянием англо-германского соперничества Лондон протянул руку Вашингтону, а в США, которые в самом начале их появления на империалистической арене столкнулись с кайзеровским империализмом, быстро стали «забывать» неприглядное прошлое в англо-американских отношениях. В 1914 г. в США преобладало мнение, что Америка не будет воевать против Англии; но вместе с тем полагали, что США не выступят на стороне Англии против Германии. Казалось, что нейтральная позиция, занятая Вашингтоном летом 1914 г., выражала единодушное мнение населения США. Даже лидер проанглийских групп в Америке, бывший президент Teo-

[1] *C. Beard,* The Rise of American Civilisation, v. II, New York 1930, p. 614.

[2] Ibidem.

дор Рузвельт, опубликовал в сентябре 1914 г. статью в журнале «Outlook», в которой он рекомендовал одинаковое отношение ко всем воюющим странам.

По примеру президента Джефферсона в эпоху наполеоновской континентальной блокады и президента Гранта в 1870 г., во время франко-прусской войны, Вильсон 4 августа 1914 г. декларировал нейтралитет США. Он не сумел сразу осознать всю сложность развернувшихся событий. Вопросы внутренней экономики и проблемы внешней политики представлялись Вильсону в упрощённом виде. В сентябре его главный советник полковник Хауз жаловался, что «президент проявляет исключительно малый интерес к европейскому кризису»[1]. Вильсон, декларируя нейтралитет, пошёл в некотором отношении дальше Джефферсона: он просил граждан США соблюдать полную лойяльность ко всем воюющим державам «как на деле, так и на словах... как в действиях, так и в мыслях». Государственный секретарь Брайан, экономически обосновав декларацию президента, дал строгий наказ банкам воздержаться от реализации займов воюющих стран в Америке.

Перед Вашингтоном встала во всей сложности проблема нейтралитета. Когда Джефферсон объявил нейтралитет, США были сельскохозяйственной страной. Территория страны была в то время в 2,5 раза, население в 14 раз, а экспорт в 22 раза меньше, чем в 1914 г. Во имя сохранения нейтралитета Джефферсон прервал торговые сношения с обеими воюющими сторонами и запретил кораблям США заходить в иностранные порты под каким бы то ни было предлогом. Нейтралитет, тем не менее, завершился в 1812 г. войной с Англией. Вильсон же рассчитывал торговать со всеми воюющими державами и вместе с тем лойяльно соблюдать нейтралитет не только «в действиях, но и на словах и в мыслях».

В 1914 г. никто в США не предлагал прекращения или даже сокращения торговли США с Европой. В первые месяцы войны хозяйство США и без того переживало большие затруднения. Спешная ликвидация европейских ценностей в нью-йоркских банках сопровождалась резким падением курсов ценных бумаг и валюты США. Курс фунта стерлингов в Нью-Йорке поднялся с 4,87 до 7 долл. 1 августа, впервые после паники 1873 г., закрылась нью-йоркская биржа. Она открылась 12 декабря и начала нормально функционировать лишь в апреле 1915 г. Никогда раньше нью-йоркская биржа не закрывалась больше чем на 10 дней.

---

[1] «Архив полковника Хауза», т. I, Соцэкгиз, 1937, стр. 92.

Торговля с Европой почти приостановилась. Когда началась война, министерство земледелия США сообщило, что урожай 1914 г. превосходит на 21% самый высокий урожай в истории Америки. В атлантических портах накопились большие запасы зерна. Цены на пшеницу упали. Ещё больше падали цены на хлопок. В 1913 г. США вывезли 8 600 тыс. кип хлопка — 60% всего урожая. Больше 2,5 млн. кип было отправлено в том же году в одну Германию, которая занимала второе место в хлопковом экспорте США. В июле 1914 г. кипа хлопка стоила 62 долл., а в декабре — 36 долл. Губернатор Техаса доносил в ноябре, что разруха и голод охватили южные хлопководческие районы.

Сенаторы южных штатов забили тревогу в конгрессе. Жаловались также конгрессмены и сенаторы, представлявшие в Вашингтоне северные промышленные штаты. Не успел, однако, конгресс решить, какие мероприятия нужны для улучшения заморской торговли, как наступил перелом. В январе 1915 г. началась отправка американского вооружения в Англию. Сокращение торговли США с центральными державами в связи с блокадой начало компенсироваться ростом торговли со странами Антанты и нейтральными государствами. Американская торговля с Данией, например, увеличилась за один год в 13 раз. Экспорт пшеницы из США в нейтральные государства Европы вырос в 1915 г. по сравнению с 1913 г. больше чем в 2,5 раза; экспорт свинины — в 3 раза, обуви — в 10 раз, автомобилей и автодеталей — в 15 раз, а хлопка — больше чем в 20 раз. 1 января 1916 г. газета «New York Times» сообщила, что внешняя торговля США достигла самых больших размеров за всю историю страны и что активное сальдо за истекший 1915 г. превышает 1 млрд. долл.

В отличие от Джефферсона, решившего прекратить торговлю с Европой на время войны, Вильсон, под напором промышленников Севера и плантаторов Юга, форсировал внешнюю торговлю. Американскому экспорту в первый год войны препятствовала не столько блокада, сколько недостаток морского транспорта. В 1913 г. только 9% грузов внешней торговли США перевозилось на американских кораблях. США фрахтовали преимущественно английские и германские пароходы. В 1915 г. германские торговые суда не появлялись в Атлантическом океане, а британский морской транспорт был настолько загружён, что не успевал удовлетворить растущих запросов экспорта США. В отличие от Джефферсона, запретившего в 1807 г. американским кораблям покидать порты США, Вильсон в 1915 г. предложил

конгрессу построить за счёт государства большой торговый флот для снабжения воюющей Европы. С этой же целью он отменил предписание Брайана, запрещавшее американским банкам кредитовать воюющие державы.

Постепенно Англия расширяла морскую блокаду, усиливала контроль над торговлей США с европейскими нейтральными странами. Английские корабли сторожили у входов из океана в Северное море. Грузы, шедшие через Атлантический океан в Скандинавию и Голландию, подвергались осмотру в английских портах. Номенклатура товаров, запрещённых к импорту в нейтральные страны, увеличилась в 15 раз и дошла до 230 названий. В январе 1915 г. Англия объявила военной контрабандой продовольствие, а в августе того же года — хлопок. Военной контрабандой оказалось фактически всё, что Германия закупала за границей. Для нейтральных европейских государств Лондон установил импортную норму, не превышавшую довоенного ввоза соответствующих товаров в эти страны. Одновременно Англия составила «чёрный список» тех скандинавских и голландских фирм, которые торгуют с Германией. Все океанские грузы, предназначенные для этих фирм, конфисковались. Составлен был также «чёрный список» американских концернов. В этот список вошли те торгово-промышленные компании, которые ухитрялись окольным путём торговать с Германией или с нейтральными фирмами, включёнными в «чёрный список». Включены в него были также те фирмы, которые выражали каким-либо путём свою нелойяльность по отношению к странам Антанты. «Британским кораблям, — писал министр финансов правительства Вильсона, — запрещалось перевозить товары тех фирм, которые имели несчастье попасть в «чёрный список». Грузы этих концернов месяцами валялись и портились в наших портах» [1].

Через год-полтора после объявления Вильсоном «всестороннего нейтралитета» Америка вынуждена была ограничиться торговлей только с одним лагерем воюющих стран. Германская подводная лодка «Дейчланд» совершила в 1915 г. два рейса в Америку. Во второй раз она привезла в США ценный груз стоимостью в 10 млн. долл. и взяла обратно каучук, никель и другие остродефицитные в военной промышленности Германии товары. Но после этого союзные державы решительно запротестовали против допуска в американские порты подводных лодок, хотя бы без торпедного механизма. Америка в свою очередь в нотах, посланных Англии, отмечала, что она считает неограниченную блокаду

[1] *W. McAdoo*, Crowded Years, Boston 1931, p. 369.

незаконной; она также протестовала против составления в Лондоне «чёрного списка» американских концернов. Но эти американские ноты, заверял тогда полковник Хауз британского посла в Вашингтоне, были предназначены преимущественно для «внутреннего употребления» [1]. Потери американской торговли от блокады и «чёрных списков» с лихвой компенсировались растущей торговлей с союзниками. 1916 г. дал превышение экспорта над импортом больше чем на 3 млрд. долл. К концу 1915 г. федеральное правительство далеко отошло, если не на словах, то на деле, от провозглашённого им в августе 1914 г. принципа абсолютного нейтралитета. Да и сам Вильсон уже убедился, что клятва о нейтралитете — не панацея от военной угрозы.

В американской литературе распространено мнение, что причиной отхода США от нейтралитета была продажа союзникам оружия, военных материалов и продовольствия. Это мнение ещё больше укрепилось в 1935—1936 гг. в результате опубликования материалов сенатской комиссии Ная по обследованию прибылей, полученных банкирами, владельцами военных и других заводов во время войны. Решающая роль в изменении взглядов и политики Вашингтона в 1915—1916 гг. приписывается банкирскому дому Моргана. Расчётливые и практичные банкиры, взвешивая соотношение сухопутных и морских сил, учитывая особую роль блокады, действительно ставили с самого начала ставку на Антанту. Известный международный финансовый деятель — компаньон Моргана Томас Ламонт, восхваляя «деятельность» другого компаньона этой фирмы — Генри Дэвисона, пишет: «В конторе Джона Пирпонта Моргана и К⁰ с 1 августа 1914 г. все были душой и сердцем на стороне союзников» [2].

26 ноября 1914 г. Генри Дэвисон отправился в Лондон для переговоров с английским правительством о финансировании заказов союзников в Америке. В 1915—1916 гг. Дэвисон несколько раз посетил Лондон и Париж. В Лондоне на совещаниях, устроенных в связи с его приездом, присутствовали премьер Асквит, Ллойд Джордж, Бальфур, Риддинг, Грей, Китченер и другие видные политические деятели Англии. В некоторых совещаниях принимал участие сам Морган. 17 января 1915 г. Морган был назначен коммерческим представителем Англии в США. В мае 1915 г. фирма Моргана являлась уже торговым представителем всех союзных государств. Исключительные полномочия Моргана как наблюдателя за всеми закупками союзников в Америке

[1] *Hacker* and *Kendrick*, United States since 1865, New York 1932, p. 491.
[2] *T. Lamont*, Henry P. Davison, New York 1933, p. 7.

позволяли ему размещать огромные заказы среди подконтрольных ему компаний. Фирма Моргана стала крупнейшей в мире закупочной организацией. Она скупала и амуницию, и продовольствие, и сырьё, и бензин, и цветные металлы, и стальные изделия — от гвоздей до паровозов включительно. Летом 1915 г. стоимость этих закупок доходила до 10 млн. долл. в день. Все военные закупки союзников, прошедшие через руки Моргана, оцениваются в несколько миллиардов долларов.

Вскоре встал вопрос о финансировании огромных военных закупок союзников в Америке. Основатель фирмы старший Морган служил ещё в 70-х и 80-х годах XIX века посредником в деле финансирования европейскими банками железнодорожного, а также промышленного строительства в США. Во время мировой войны его сын Морган младший повторил аналогичные операции в обратном направлении: он стал главным посредником, когда Америка начала финансировать Европу. В октябре 1915 г. Морган предоставил Англии и Франции заём в 500 млн. долл. Все займы, заключённые этими двумя странами у Моргана до вступления США в мировую войну в апреле 1917 г., равнялись 1 470 млн. долл. [1]

Европейские держатели реализовали в США около 2 млрд. долл. ценных бумаг также с помощью Моргана. Всё же платёжных средств далеко не хватало. К концу 1916 г. Морган натолкнулся на затруднения при реализации очередных союзнических займов в США. В октябре того же года он не мог удовлетворительно ответить Ллойд Джорджу на вопрос о возможности заключения нового большого займа в США на 1,5 млрд. долл. [2]

Американский рынок отказался дальше поглощать английские и французские ценные бумаги. 27 ноября 1916 г. Федеральное резервное управление рекомендовало банкам-членам воздержаться от покупки облигаций союзников. Это решение поколебало авторитет английского фунта. В Лондоне решили защитить финансовый престиж Сити.

Английское министерство финансов сообщило, что в Америке будет немедленно сосредоточен золотой фонд в 600 млн. долл. для поддержания реномэ «британского льва» в Нью-Йорке. Из Западной Европы и Южной Африки, из Австралии и Восточной Азии быстроходные крейсеры с грузом драгоценного жёлтого металла, совершая зигзагообразные рейсы, обходя зоны операций подводных лодок, поспешили к берегам Северной Америки. В течение 4 месяцев — с декабря

[1] *T. Lamont*, Henry P. Davison, New York 1933, p. 192—212.
[2] Ibid., p. 202—204.

1916 г. по март 1917 г. — в Нью-Йорк прибыло золота на 422 млн. долл. в виде слитков и чеканных монет различных стран. Всего до апреля 1917 г. союзники отправили в Америку золота больше чем на 1 млрд. долл. Но и этого оказалось далеко не достаточно. Банки, через которые Морган реализовал союзнические займы, не только не намеревались предоставлять новые кредиты странам Антанты, но начали опасаться за судьбу уже предоставленных.

Вступление США в войну в апреле 1917 г. изменило положение. Правительство взяло кредитование союзников на себя. Через 11 дней после объявления США войны Германии Вашингтон предоставил союзникам государственный заём на сумму в 3 млрд. долл. Проблема дальнейшего финансирования военных заказов союзников в Америке была разрешена. Но ещё за два с половиной года до этого крупнейший американский банкирский дом, дом Моргана, и контролируемые этим домом крупнейшие национальные банки (в морганов ских операциях с союзниками участвовали директора 61 нью-йоркского банка) и промышленные концерны США связали судьбу своих капиталов и прибылей с судьбой Англии и Франции.

Декларация от 4 августа 1914 г. об абсолютном нейтралитете США не гармонировала с операциями влиятельных банков Нью-Йорка, хотя те, которые, ссылаясь на авторитет комиссии Ная, утверждают, что в 1917 г. позиция США в мировой войне определялась всецело прибылью Моргана, упрощают вопрос. С таким же основанием утверждалось в комиссии по иностранным делам сената [1], что если бы Вильсон не разрешил размещать англо-французские займы в США, не позволил бы американцам продавать союзникам военные материалы, сырьё и продовольствие и допустил бы, таким образом, чтобы хозяйственные затруднения, возникшие осенью 1914 г. в США, продолжались и углублялись, то такая политика вызвала бы движение за активное участие США в войне, движение, несравненно более широкое и настойчивое, чем это действительно имело место в стране, — движение, которое заставило бы конгресс объявить войну Германии не в апреле 1917 г., а гораздо раньше.

Вопросы войны и мира в 1917 г. в Вашингтоне определялись не столько непосредственными экономическими интересами, сколько далеко идущими экономическими и политическими соображениями.

«...неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению

[1] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation and our Foreign Policy, Hearings U. S. Senate», part 21, p. 591.

равновесия внутри мировой системы капитализма, причём та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьём и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить «сферы влияния» в свою пользу — путём применения вооружённой силы» [1].

В конце 1915 г. Хауз, имевший в то время особое влияние на Вильсона и на внешнюю политику США, утверждал: «США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором. Следующим объектом нападения несомненно были бы мы, и доктрина Монро в самом деле превратилась бы в «клочок бумаги» [2]. В то же время американский посол Джерард доносил из Берлина: «Если Германия победит, то я серьёзно опасаюсь войны против нас после этой войны» [3].

Незадолго до убийства в Сараеве один из высших офицеров генерального штаба кайзеровской армии, генерал фон Эдельшайм, опубликовал книгу «Заморские операции». В этой книге был изложен план внезапного нападения Германии на Америку и быстрого завоевания США. Эдельшайм писал: «Американская оборона не будет в состоянии оказать успешное сопротивление нападению такого рода... Германия — единственная великая держава, которая может разбить США без посторонней помощи».

Таким образом позицию многих влиятельных государственных и политических деятелей США в самом начале войны следует рассматривать не только с точки зрения непосредственных выгод Уолл-стрита, но и в общем аспекте американо-германских империалистических противоречий.

Бывший президент Гарвардского университета, восьмидесятилетний Чарльз Эллиот, которого в печати называли «умнейшим американцем его времени», через неделю после начала войны писал Вильсону, что США должны присоединиться к союзникам для того, «чтобы проучить и наказать Германию» [4]. Другой видный американец, бывший государственный секретарь Эллио Рут, председательствуя в «Обществе мира» Карнеджи, провёл резолюцию, гласившую, что «для США лучшее средство обеспечить мир — это вступить в войну» [5]. Бывший президент Теодор Рузвельт, хотя в сентябре 1914 г. одобрил декларацию о нейтралитете, вскоре

---

[1] *Сталин*, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, ОГИЗ, Госполитиздат, 1946, стр. 6.

[2] «Архив полковника Хауза», т. II, стр. 68.

[3] Там же, стр. 63.

[4] *M. Sullivan*, Our Times, v. V, New York 1933, p. 42.

[5] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation and our Foreign Policy, Hearings U. S. Senate», part 21, p. 605.

вместе с генералом Леонардом Вудом возглавил движение за присоединение к союзникам. В пользу союзников высказывались также лидер республиканцев сенатор Лодж, верховный судья Уайт, бывший президент Тафт, вице-президент при Вильсоне Маршал, американский посол в Лондоне Пейдж, председатель АФТ Гомперс и другие лица, оказывавшие в то время большое влияние на общественное мнение США. Ряд газет, в особенности газеты крупных городов атлантического побережья, заняли с самого начала проантлийскую позицию. В ноябре 1914 г. журнал «Literary Digest» опросил редакторов газет об их отношении к воюющим странам. Ответили 367 человек: 105 высказались за союзников, 20 — за Германию, а 242 — за сохранение нейтралитета; в этой последней группе 43 редактора были из восточных штатов, 51 — из южных, 112 — из центральных и 36 — из западных штатов. В июле 1915 г. посол Пейдж писал новому государственному секретарю США Лансингу: «Общее мнение, насколько я его понимаю, таково, что война между США и Германией неизбежна» [1].

Наконец, сам Вильсон нарушил свою декларацию. В феврале 1916 г. он пригласил в Белый дом лидеров демократической партии в конгрессе и, сообщив им о возможности войны между США и Германией, доказывал, что вступление США в мировую войну приведёт к её окончанию ещё летом того же года и, таким образом, США окажут большую услугу человечеству [2]. В том же месяце Хауз предложил британскому министру иностранных дел Грею созвать мирную конференцию и предложить на ней условия, выгодные союзникам. «И если она не приведёт к миру, если Германия окажется неблагоразумной, то США уйдут с конференции, как участник войны на стороне союзников» [3].

Так закончился вильсоновский нейтралитет «на словах и в мыслях». Второй год мировой войны убедил даже наивных политиков, что президентские декларации и правительственные акты недостаточны для обеспечения нейтралитета. К началу 1916 г., когда положение союзников вызывало опасение, руководящие лица и группы, люди, делающие политику в США, говорили уже определённо о неизбежности участия Америки в войне, о том, что Америка не может и не допустит победы Германии.

Однако для того, чтобы втянуть 48 штатов в войну, недостаточно было одного согласия руководящих групп и лиц.

---

[1] «United States Munitions Committee. Hearings», v. V, p. 1049.

[2] *C. Beard,* The Rise of American Civilisation, v. II, p. 632; «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 14, p. 357.

[3] *V. Grey,* Twenty-Five Years, v. II, New York 1937, p. 127.

В августе 1915 г. Хауз доказывал лорду Брайсу, что население США психологически ещё не готово к войне: «Мне также хотелось бы напомнить, что наш народ состоит из многих национальностей и президент должен считаться с этой особенностью» [1]. Грей не мог полностью полагаться на обязательства Хауза. 6 марта 1916 г. Вильсон, будучи целиком согласен с обещанием, данным его советником британскому министру иностранных дел, должен был прибавить к этому определённому обещанию слово «вероятно», «так как, — отмечает редактор «Архива Хауза» профессор Сэймур, — объявление войны зависит от конгресса и поскольку президент разделяет с сенатом контроль над иностранной политикой, то Вильсон не мог в категорической форме гарантировать образ действий США в будущем» [2].

В конгрессе числилось 435 конгрессменов и 96 сенаторов, прибывших в Вашингтон из 48 штатов, в которых проживало 100-миллионное население с его пёстрым социальным составом, с его особым национальным конгломератом, с его мозаичной историей и культурой в прошлом и с его местными традициями и обычаями в настоящем. Этот разнородный человеческий материал необходимо было сторонникам войны подготовить, вызвать в нём вражду к неприятелю и симпатию к союзникам. Задача сложная в условиях США. В её разрешении принимала участие Англия. Не меньшую услугу оказывала, пожалуй, сама Германия.

III

АНГЛИЙСКАЯ ПРОПАГАНДА И ГЕРМАНСКАЯ ДИВЕРСИЯ

Преимущество английской пропаганды перед немецкой. Вторжение в Бельгию. Разрушение Лувена. Прибытие Ринтелена в США. Таинственные пожары на кораблях. Свинцовые «сигары». Взрывы на военных заводах. «Чёрный Том», «Лузитания».

5 августа 1918 г. член английского парламента Джоунс, выступая в палате общин, сказал: «Бывший член парламента Гильберт Паркер, задолго до вмешательства США в войну, в такое время, когда это было очень важно, проделал огромную работу для того, чтобы американцы усвоили нашу позицию».

Гильберт Паркер — известный английский беллетрист. Он руководил британской пропагандой в Америке до вступления

[1] «Архив полковника Хауза», т. II, стр. 51.
[2] Там же, стр. 153 (сноска).

США в мировую войну. В 1918 г. в мартовском номере американского журнала «Harper's Magazine» сам Паркер рассказывал:

«Мы снабжали 360 местных газет США английской информацией, давая еженедельные обзоры и комментарии о ходе войны. Мы установили связь с массой населения через кинофильмы об армии и флоте, с помощью бесед, статей, памфлетов и т. д., посредством писем, напечатанных в виде ответов на вопросы отдельных американцев в главных газетах штатов, в которых эти американцы проживали; копии писем помещались одновременно в газетах других штатов. Мы убедили многих людей написать нужные нам статьи, использовали услуги и помощь конфиденциальных друзей, получали донесения от сведущих американцев. Мы организовали общества, связанные с руководящими и знаменитыми людьми любой профессии всех слоёв населения США, начиная от президентов университетов и колледжей, профессоров и учёных. По нашей просьбе друзья и корреспонденты устраивали доклады, дебаты и лекции силами американских граждан, но мы не поощряли поездку в Америку англичан для агитации за вступление в войну. Помимо обширной неофициальной связи с населением мы посылали огромное количество документов и литературы в публичные библиотеки, общества молодёжи, в университеты, колледжи, исторические общества, клубы, газеты».

Паркер, вероятно, не отличался скромностью, а Джоунс, надо полагать, слишком много приписал лично Паркеру. Но роль английской пропаганды в подготовке общественного мнения США к войне была действительно велика. Берлин тоже пробовал организовать свою пропагандистскую сеть в Америке. Но солдафонские приёмы кайзеровских эмиссаров сплошь и рядом шли на пользу противникам Германии. Германия подкупила ежедневную газету «Нью-Йорк Мейл», но подкуп был обнаружен. Она потратила много денег на финансирование пацифистских обществ, но эти операции немедленно получали огласку. Германский посол в Вашингтоне Бернсторф просил шифрованной телеграммой разрешения Берлина израсходовать солидную сумму на подкуп членов конгрессов, но и эта телеграмма не осталась тайной: американцы её расшифровали.

В отношении пропаганды в США англичане имели безусловно преимущества перед немцами. Лондон был больше связан с культурными центрами США и оказывал на них большее влияние, чем Берлин. До войны американские газеты имели очень мало собственных корреспондентов в Европе; они широко пользовались обширной информацией англий-

ских телеграфных агентств. Крупнейшие нью-йоркские газеты, задававшие тон в США, ориентировавшие провинциальную прессу, — «Уорлд», «Нью-Йорк Таймс», «Ивнинг Пост» и не слившиеся тогда ещё «Геральд» и «Трибюн» — заняли в самом начале войны проанглийскую позицию. В первых числах августа 1914 г. англичане перерезали германский океанский кабель и присоединили его к английскому. С тех пор телеграфные сообщения между Германией и Америкой должны были проходить через Лондон. Лондонская цензура получила возможность контролировать телеграфную информацию, посланную из Берлина в США. Сложившиеся таким образом условия сами собой сильно затрудняли германскую пропаганду за океаном. В то же время действия немецких полчищ в Европе и их диверсантов в Америке доставляли богатый материал для антигерманской агитации в США.

Тяжёлое впечатление произвело в Америке германское вторжение в Бельгию. Хорошей пропагандой против Берлина оказалось заявление германского канцлера Бетман-Гольвега о том, что соглашение Англии, Франции и Германии о нейтралитете Бельгии является «клочком бумаги». Через месяц сам кайзер дал в руки англичан ещё лучший антигерманский документ. 22 августа 1914 г. в нью-йоркских газетах было напечатано крупным шрифтом: «50 млн. долл. контрибуции Германия наложила на Льеж и Брюссель». 29-го того же месяца эти газеты напечатали сообщение о том, что немецкая военщина зверски разрушила старинный фламандский культурный центр — Лувен, сожгла около 1 300 домов, в том числе университетскую библиотеку, основанную в начале XV века, с хранившимися в ней 250 тыс. ценных редкостных манускриптов, в большинстве своём документов древнего времени, собранных в галлереях библиотеки Карлом V; расстреляла много мирных жителей, не щадя женщин и стариков.

Накануне 28 августа германское посольство в Вашингтоне официально объявило, что Лувен был разрушен в наказание за то, что гражданское население этого города напало на военные части. Германские дипломаты, воспитанные в милитаристско-монархическом духе Потсдама, не поняли, что подобное «оправдание» покажется в США странным, смешным и возмутительным. Через 10 дней Вильгельм II «поправил» дело. 7 сентября он писал президенту Вильсону, что «старинный город Лувен... должен был быть разрушен для защиты моих войск... Мои генералы вынуждены были принять самые суровые меры, чтобы наказать виновных и удержать кровожадное население от продолжения своих позорных действий».

Сказки о «бедных, обороняющихся германских генералах» и о «кровожадном, нападающем бельгийском населении» служили первоклассной английской пропагандой в Америке. Гильберту Паркеру достаточно было только позаботиться о том, чтобы аналогичные заявления кайзера и его посольства в Вашингтоне стали достоянием широких кругов населения США. Несколько тысяч бельгийских беженцев, в особенности женщин и детей, перевезённых на английских судах и высаженных в различных городах восточного побережья США, немало способствовали успехам английской пропаганды.

Ещё лучшим материалом для возбуждения общественного мнения против Германии служила диверсионная деятельность немецких шпионов в Америке. В начале 1915 г. на передовые линии союзников начали поступать большие партии американских снарядов. Эти снаряды отличались от европейских тем, что они изготовлялись не из чугуна, а из стали. Они имели бóльшую силу взрыва и производили бóльшие опустошения, чем немецкие снаряды. В Берлине решили использовать все средства для того, чтобы приостановить поток снарядов из США. Германский посол в Вашингтоне организовал специальную компанию с официальной вывеской американской корпорации, которая скупала заводы и оборудование, принимала большие заказы для того, чтобы, не выполняя их, сорвать снабжение союзников боеприпасами. В марте 1915 г. из Берлина в Нью-Йорк приехал с фальшивым паспортом швейцарца Гаше офицер германского морского штаба, капитан Ринтелен. Через несколько недель таким же способом отправился из Германии в США военный инженер Фей. Ринтелен обещал перед отъездом своему начальству: «Я скуплю всё, что смогу, и уничтожу всё остальное». Вскоре после прибытия Ринтелена и Фея в Нью-Йорк на кораблях, отправлявшихся с военным снаряжением в Европу, начали таинственно вспыхивать пожары.

В Нью-Йорке Ринтелен связался с германским шпионом, бывшим артиллерийским офицером — химиком Шеле, который прожил больше 20 лет в США. Шеле изобрёл портативный автоматически зажигающийся свинцовый снаряд величиной с сигару. «Сигара» была разделена внутри на две части медным диском. Обе части наполнялись разными кислотами, которые при смешении бесшумно воспламенялись. Время, протекавшее до соприкосновения жидкостей, зависело от толщины медного диска. Таким образом, можно было заранее рассчитать момент автоматического зажигания «сигары». Фей изобрёл бомбу, которая незаметно прикреп-

лялась к рулю парохода и в открытом море выводила корабли из строя.

Интернированный в нью-йоркском порту германский пароход «Фридрих Великий» превратился в фабрику свинцовых «сигар», а интернированные немецкие матросы, работавшие грузчиками в доках и завербованные Ринтеленом, брали в карманы «сигары» и раскладывали на кораблях, возивших снаряды и различного рода военное снаряжение в Европу. В мае 1915 г. участились пожары в открытом море и взрывы на пороховых заводах США. Это совпало по времени с большим германо-австрийским наступлением на восточном фронте. Русская артиллерия терпела большой недостаток в снарядах. Снаряды были заказаны в Америке. Но транспорты боеприпасов, отправлявшиеся из США в Архангельск, часто задерживались в дороге и не всегда прибывали к месту назначения.

Причины пожаров на кораблях в открытом море нелегко было установить. Свинцовые «сигары» при воспламенении расплавлялись, не оставляя почти никаких следов. Нью-йоркская полиция проявляла большую активность в доках. Но американским агентам, подкупленным немцами, удалось направить полицию на ложный след. Фабрика «сигар» продолжала функционировать. В июле 1915 г. в руки нью-йоркской полиции попал портфель германского коммерческого атташе Альберта. В портфеле лежали счета, показывающие, что Альберт с немецкой педантичностью записывал, на что и куда ушли 28 млн. долл., израсходованных им на пропаганду и диверсию в США. Газета «Уорлд» опубликовала документы Альберта. Однако обнаружить главный очаг диверсии пока не удалось ни нью-йоркской полиции, ни присланным ей на помощь агентам английского Скотланд-ярд.

По ту сторону океана в камере «40 О. Б.» британского адмиралтейства в строжайшей тайне английские эксперты расшифровывали германские радиограммы. Из донесений германского военного атташе в Вашингтоне фон Папена, расшифрованных в камере «40 О. Б.», стало известно о миссии Ринтелена в США. Зная немецкий шифр, англичане послали от имени Берлина депешу германскому посольству в Вашингтоне о том, что Ринтелен отзывается из США. В начале августа 1915 г. Ринтелен отправился на пароходе в Голландию. По дороге англичане его захватили.

Но «сигарное» производство, налаженное Ринтеленом, продолжало действовать и оказалось далеко не единственным средством немецких диверсантов в США. Через несколько недель после отъезда Ринтелена, 29 августа, произошёл большой взрыв на пороховых заводах Дюпона в

штате Делавер. Через три дня, 1 сентября, в открытом море вспыхнул пожар на пароходе «Роттердам». 2 сентября такая же участь постигла пароход «Санта Анна».

24 октября был арестован Фей. Но таинственные пожары продолжались. В последующие две недели 4 корабля были охвачены пламенем в открытом море, а два пожара на заводах Вифлеемской стальной корпорации уничтожили целые корпуса. В конце ноября на одном из заводов Дюпона взрывом был убит 31 человек. Всего в 1915 г. германскими агентами было произведено 19 больших диверсионных актов на военных заводах США.

В декабре 1915 г. были высланы из Америки германские военный и морской атташе фон Папен и Бой-Эд. Постепенно полиции удалось выловить крупных диверсантов, но далеко не всех. Всего за время войны в США было арестовано и осуждено 67 германских агентов.

С начала 1915 г., до вступления США в войну, диверсионные акты были совершены на 47 кораблях, отплывших из Америки в Европу. Количество намеченных жертв было гораздо больше. Но завербованные грузчики, часто не выполнив диверсионного задания, бросали свинцовые «сигары» в море. За это же время в результате взрывов были полностью или частично уничтожены 43 завода и несколько крупных военных складов в США [1]. Большая часть диверсий падает на 1915 г. Но самые крупные взрывы происходили уже после отъезда Ринтелена, высылки фон Папена и Бой-Эда, ареста Фея и других видных немецких шпионов.

30 июля 1916 г. взрыв колоссальной силы разбудил в два часа утра спящий город Нью-Йорк. Люди были выброшены из кроватей. Витрины магазинов и окна небоскрёбов разбились вдребезги. Окна уцелели только в северных кварталах города. Все в панике бросились на улицу, как во время землетрясения... Снаряды беспрерывно разрывались в воздухе, как будто многомиллионный город внезапно подвергся беспрестанной артиллерийской бомбардировке. Взорвался большой склад боеприпасов на острове Чёрный Том. Свыше тысячи тонн взрывчатых веществ, в том числе 17 вагонов снарядов, взлетело в воздух. Толчки сотрясения были слышны в Балтиморе, расположенном в 280 *км* по прямой линии от Нью-Йорка.

11 января 1917 г. Нью-Йорку опять суждено было пережить панику от грохота разрывающихся снарядов. Вечером этого дня был взорван находящийся в 15 *км* от Нью-Йорка, у города Кингслэнда, пороховой завод. Этот завод выпускал

[1] *H. Landau*, The Enemy Within, New York 1937, p. 36.

до пожара около 3 млн. снарядов в месяц; он весь сгорел. Пальба продолжалась 4 часа, пока находившиеся на заводе 500 тыс. 3-дюймовых снарядов не разорвались. Убытки только от двух диверсий — на Чёрном Томе и в Кингслэнде — оценивались в 40 млн. долл.

Ни скупка Германией военных заводов, ни попытка германского командования приостановить экспорт снарядов из США с помощью диверсий не дали ощутительных результатов. Не помогли даже организация в июле 1915 г. покушения на Моргана и подготовка взрыва в конгрессе. Взамен одного вагона снаряжения, скупленного в начале войны Германией, американская промышленность выбрасывала на рынок новых 10 вагонов снаряжения; вместо одного снаряда, взорванного диверсантами в Америке, отливалась сотня новых снарядов. Поджоги и взрывы уничтожили в конечном итоге лишь ничтожный процент колоссальной военной продукции США, но зато они восстановили значительную часть американского населения против Германии.

Большое возмущение в США вызвали также действия германских подводных лодок. В феврале 1915 г. Германия объявила военной зоной воды, окружающие Британские острова, и предупредила, что всякое торговое судно, встреченное в этой зоне, будет потоплено. Немецкие подводные лодки получили лицемерную инструкцию по возможности «щадить» определённую категорию нейтральных судов, с оговоркой, что «если, несмотря на соблюдение должной осторожности, произойдёт ошибка, командир лодки не будет нести ответственности»[1].

1 мая 1915 г. от Нью-Йорка отчалил пассажирский корабль «Лузитания». «Лузитания» считалась самым мощным и комфортабельным пароходом Атлантики. Её называли «плавающим отелем», «королевой морей». Она была рассчитана на 3 тыс. человек пассажиров и экипажа. В военное время «Лузитания» плавала с большой недогрузкой. Когда она совершала последний рейс, на её борту числилось 1 959 человек. 7 мая, когда «Лузитания» проходила мимо южного берега Ирландии, немецкая подводная лодка «U 20» выпустила в неё торпеду. Раздался взрыв. Через 18 минут от «королевы морей» остались на поверхности воды лишь уцелевшие спасательные лодки. Лодок на «Лузитании» было на 2 тыс. человек. Но катастрофа произошла так внезапно, и корабль потонул так быстро, что использовать имеющиеся спасательные средства не удалось. Некоторые лодки, пере-

[1] *Гибсон* и *Прендергаст*, Германская подводная война 1914—1918 гг., Москва, Воениздат, 1938, стр. 45.

полненные женщинами и детьми, разбились при спуске, другие, не успевшие отплыть от тонувшего гиганта, были увлечены в пучину. Только 764 человека удалось спасти. 1 195 человек погибли, среди них 286 женщин, 94 детей. Пассажиров — граждан США на борту «Лузитании» было 159, из них 124 погибли [1]. Среди погибших оказались известные в Америке писатели, публицисты и театральные деятели.

8 мая ряд американских газет озаглавил сообщение о гибели «Лузитании» словами: «Обдуманное убийство». Газеты и журналы поместили портреты утонувших женщин и детей. Пожалуй, ни одно газетное сообщение о зверствах немецкой военщины не вызвало в Америке столько возмущения и гнева, сколько портрет одной филадельфийской семьи, состоявшей из матери и шести детей. Все они погибли на «Лузитании».

«Лузитания» — самая крупная, но не единственная жертва, которую понесло мирное население США в подводной войне. Американские граждане тонули и на других кораблях, пущенных на дно германскими торпедами. Вильсон несколько раз отправлял угрожающие протесты в Берлин. Не желая разрыва дипломатических отношений с Америкой, Германия спустя год после гибели «Лузитании» отказалась временно от неограниченной подводной войны; она обещала не топить без предупреждения невоенные корабли. Но к этому времени возмущение, вызванное в США германской подводной блокадой, охватывало уже широкие слои населения. Опытные проанглийские агитаторы в Америке не отрицали, что британская блокада является тоже незаконной. Но они вместе с тем указывали на разницу, существующую между действиями английских военных кораблей и немецких подводных лодок: англичане конфискуют грузы, а немцы убивают стариков, женщин и детей.

Пиратские и диверсионные акты немцев, как и пропаганда англичан, не решили вопросов войны и мира в Америке. Но они подготовили общественное мнение США к вступлению в войну на стороне союзников.

Американские журналы организовали в 1915—1916 гг. анкетные опросы и помещали диаграммы, иллюстрирующие рост антигерманских настроений в США. Исследователей было много. Но никто из них не мог сказать, кто является в большей степени виновником этих настроений — руководитель английской пропаганды в Америке Паркер или командир германской подводной лодки «U 20» Швигер.

---

[1] *C. Lauriat,* The Lusitania's last voyage, Boston 1915.

IV

«ОН НАС УДЕРЖАЛ ОТ ВОЙНЫ»

Большинство против Германии, меньшинство за войну. Платформы республиканцев и демократов. «Готовься к обороне». Дело Тома Муни. Президентские выборы в 1916 г. Мирные предложения Вильсона и Вильгельма II. Неограниченная подводная война. Разрыв дипломатических отношений с Германией. Телеграмма Циммермана. Вступление США в войну.

Население США в большинстве своём прониклось в достаточной мере ненавистью к германскому милитаризму. Но оно не питало особой симпатии к монархическим государствам, боровшимся с Германией. Англия вела в прошлом две ожесточённые войны против США и угрожала независимости и единству республики в 60-х годах XIX века, во время гражданской войны между Севером и Югом. Славные и яркие страницы истории страны, возникновения государства и борьбы за его сохранение ассоциировались со школьной скамьи в представлении американцев с борьбой против Британии. В США, правда, были сильны симпатии к Франции. Воспоминания о Лафайете, сражавшемся со своими солдатами в армии Вашингтона за независимость США, сохранились по сей день в Америке. Но дружественные воспоминания о Франции восстанавливали в памяти враждебные действия Англии.

К концу второго года мировой войны эксперты, проверяя общественное мнение в США, могли констатировать, что большинство населения настроено против Германии, но меньшинство — за войну.

Отсюда мирные платформы обеих крупных партий в президентской кампании 1916 г. В руководящих кругах демократической партии поговаривали о войне ещё в середине 1915 г. Через месяц после гибели «Лузитании» пацифиста Брайана сменил на посту министра иностранных дел сторонник войны с Германией — Лансинг. Правительство и господствующая партия в США явно склонялись к вступлению в войну на стороне союзников. В начале 1916 г. лидеры демократов и сам Вильсон дали своё принципиальное согласие на войну. Но занимаемое ими официальное положение позволяло им высказывать свои пожелания об участии США в войне пока только в узких партийных и дипломатических кругах.

Что касается лидеров республиканской партии, то они в большинстве своём открыто выступали за войну. Бывший президент Теодор Рузвельт обвинял Вильсона в том, что он «противопоставляет политике крови и железа политику

воды и молока»[1]. Однако, когда летом 1916 г. на национальном конвенте в Чикаго составлялась выборная платформа, республиканская партия предпочла более осторожные выражения. Рабочие и фермеры были в то время настроены против вступления в войну. 1916 г. отличался многочисленными конфликтами в промышленности: 3 789 забастовок и локаутов охватили 2 275 тыс. рабочих. Летом 1916 г. объединения железнодорожных рабочих угрожали приостановить движение поездов на главных магистралях США. В сентябре того же года конгресс вынужден был принять акт Адамсона о сокращении рабочего дня и о повышении заработной платы на железных дорогах. Одновременно началось движение среди фермеров, ограбленных заготовительными компаниями. Осенью 1916 г. фермеры приостановили на несколько дней доставку молока в Нью-Йорк. Государственные и частные служащие жаловались на систематическое ухудшение материального положения. В связи с ростом цен реальная заработная плата некоторых категорий служащих оказалась к концу 1916 г. ниже, чем когда-либо на протяжении истекших 50 лет. Военная платформа не могла в этой обстановке рассчитывать на привлечение голосов рабочих, служащих и фермеров. Национальный конвент республиканской партии выбрал кандидатом в президенты Чарльза Юза, человека реакционного, но открыто не высказывавшегося за присоединение к воюющим державам.

Республиканцы не осмелились в 1916 г. выступать на выборах с призывом к войне. Тем более немыслима была подобная платформа для демократов. Вильсон был убеждён, что история возложила на него великую миссию — дать человечеству вечный, устойчивый мир. То, что экономические реформы 1913—1914 гг. не дали ощутимых результатов, можно было объяснить войной. Вильсон был уверен, что «новая свобода» разрешила большие социальные вопросы внутри страны, и главной его задачей стало разрешение проблемы мира во всём мире.

Вильсон считал, что он должен выступить в роли супер-арбитра на мирной конференции, что он должен предложить народам мирный договор, по которому не будет ни победителей ни побеждённых, договор, который обеспечит мир и счастье грядущим поколениям.

16 июня 1916 г. на национальном конвенте в Сен-Луи была принята выборная платформа демократической партии. Платформа отражала взгляды Вильсона. Она заявляла, что

---

[1] «Current History», January 1916, p. 687.

«в ваших интересах и в интересах человечества мы должны помочь водворению мира и справедливости во всём мире»[1].

Председатель национального конвента демократов сенатор Джеймс из Кентукки охарактеризовал Вудро Вильсона как миротворца, а бывший государственный секретарь Брайан заверял с трибуны конвента: «...мы имеем президента, который удержал — и который удержит — нас от войны». С лозунгом «он нас удержал от войны» делегаты разъехались из Сен-Луи по штатам.

Тем не менее, вместе с президентской кампанией по всей стране шла кампания за подготовку к войне. В штатах образовались специальные военно-пропагандистские организации: «Национальная лига защиты», «Американское общество обороны», «Лига морского флота» и др.

Когда возникла мировая война, вся федеральная армия США состояла из 80 804 человек. Из них 27 тыс. человек были заняты гарнизонной службой в колониях и около 25 тыс. обслуживали береговую оборону. Так называемая национальная гвардия, представлявшая по существу довольно слабо подготовленные территориальные части отдельных штатов, насчитывала 127 410 человек. С первых же дней войны генерал Леонард Вуд и военный писатель Гайткопер вели энергичную агитацию за усиление вооружённых сил США. Вуд организовал военное обучение студентов в университетах. В штате Нью-Йорк он соорудил специальный лагерь, в котором обучались маршировке высокопоставленные лица, включая бывшего государственного секретаря — Роберта Бэкона. Самуил Гомперс выразил пожелание создать такие же лагери из членов АФТ. В конце 1915 г. конгресс принял морскую программу, предусматривавшую доведение в течение трёх лет морских сил США до уровня, не уступающего военному флоту любой другой страны. В июне следующего года конгресс решил увеличить численность регулярной армии, поставить под контроль федерального правительства территориальные части отдельных штатов, усилить военное обучение гражданского населения и создать совет национальной обороны. В начале 1916 г. президент США, совершая поездку по юго-западным штатам, утверждал, что «нельзя терять ни одного дня в подготовке к обороне»[2].

Под лозунгом «готовься к обороне» начались военные демонстрации в крупных городах США. 13 мая 1916 г. 125 тыс.

---

[1] «Current History», July 1916, p. 647.
[2] «The American Nation», v. 27, p. 387.

человек демонстрировали по улицам Нью-Йорка. 63 колонны в сопровождении 200 оркестров шагали с утра до вечера по Бродвею. Самую большую колонну — 14 700 человек — образовали банковские служащие Уолл-стрита. Отдельной колонной шло нью-йоркское духовенство в церковном облачении. 14 июня состоялась 60-тысячная демонстрация в Вашингтоне. Впереди колонны шёл с национальным флагом в руках президент Вильсон.

Большой шум и негодование вызвали во всём мире последствия демонстрации, состоявшейся 22 июня 1916 г. в Сан-Франциско. В этот день на углу одной из улиц взорвалась бомба. Владельцы местных предприятий использовали эту провокацию для инсценировки обвинения против руководителя и организатора калифорнийских рабочих — Тома Муни, создавшего организацию трамвайщиков и рабочих электропромышленности в Сан-Франциско. На суде обвинение провалилось. Несмотря на это, «беспристрастный» суд в угоду калифорнийским фабрикантам приговорил Муни к повешению. Рабочие многих стран подняли голос протеста. В Петрограде демонстрация рабочих отправилась с протестом к зданию американского посольства. Под влиянием протестов, поступивших в Вашингтон с различных сторон земного шара, Вильсон назначил две комиссии для расследования дела о взорвавшейся бомбе в Сан-Франциско. Обе комиссии признали непричастность Муни к этому делу и обвинение против него ложным. Местные власти, однако, не освободили Муни, а заменили повешение пожизненным заключением.

Военные демонстрации происходили в промышленных центрах, как правило, без участия рабочих. Рабочие массы США сознавали, или по крайней мере чувствовали, что оба лагеря воюющих стран ведут империалистическую войну. Руководство демократической партии учитывало это обстоятельство.

В специальном предвыборном обращении демократической партии говорилось: «Вы работаете, не воюете. Вы живы и счастливы... Если хотите войну — голосуйте за Юза, если хотите мира и дальнейшего хозяйственного процветания — голосуйте за Вильсона» [1].

В ноябре 1916 г. происходили президентские выборы. Вначале было неясно, кто избран — Вильсон или Юз. Юзу не хватало всего 12 выборщиков. Все были уверены, что он станет президентом. За него голосовали, за исключением двух штатов, весь промышленный Северо-Восток и средний

[1] *M. Sullivan*, Our Times, v. V, New York 1933, p. 238.

Запад. За Вильсоном пошли все аграрные штаты, расположенные к западу от Миссисипи и к югу от Огайо. Ждали итогов в Калифорнии, которая должна была дать 13 выборщиков. Калифорния считалась традиционно республиканским штатом. Но в 1916 г. внутренняя борьба в местной организации республиканской партии дала возможность демократам победить в этом штате большинством голосов всего лишь в 0,4%. Вильсон остался ещё на 4 года в Белом доме. Но в партийных кругах продолжали считать как первое, так и второе президентство Вильсона следствием случайного стечения обстоятельств.

После победы на выборах Вильсон взялся за осуществление миссии, которую он себе приписывал. Он готовился выпустить обращение о мире к воюющим странам. Но Вильгельм II, узнав о намерениях президента США, опередил его. 12 декабря 1916 г. Германия и её союзники предложили начать переговоры о мире. Спустя 6 дней Вильсон отправил свою ноту воюющим и нейтральным государствам, подчеркнув, что «он решил предпринять этот шаг задолго до мирного предложения центральных империй» [1]. Ллойд Джордж, вспоминая об этом, пишет, что Вильсон «был очень чувствителен к обидам в тех случаях, когда его гордость бывала задета или когда предупреждали его инициативу. Мы знали, что он был не слишком доволен тем, что немцы предупредили его мирное выступление и обогнали Вильсона со своей нотой, после того как он частным образом сообщил им, что намеревается обратиться к Европе по поводу мирных переговоров» [2].

По конституции США президент объявляет войну лишь по поручению конгресса. Членов конгресса мало трогало то, что германская нота опередила мирное предложение президента. Но зато на них сильно повлияло объяснение Берлина — на каких условиях Германия готова начать мирные переговоры. В январе 1917 г. Бернсторф уведомил Вильсона, что Германия требует аннексии и контрибуции за счёт России и Франции и увеличения своих колониальных владений за счёт Франции и Англии.

В Берлине мало надеялись на принятие подобных условий союзниками. Мирные предложения центральных держав и отказ союзников нужны были Германии по внутриполитическим соображениям, а также для оправдания перед Америкой усиления подводной войны. В Берлине всё ещё

---

[1] «Current History», January 1917, p. 602.

[2] *Давид Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. III, Соцэкгиз, 1935, стр. 62.

рассчитывали, что Вильсон не решится на войну, особенно после мирного предложения Германии.

31 января 1917 г. Бернсторф известил Вильсона, что «с 1 февраля в зоне блокады будет приостановлено торговое мореплавание любым доступным оружием, без всякого дальнейшего предупреждения»[1]. Германия, в невыгодных для неё условиях затягивающейся войны, решилась на отчаянный шаг. Она объявила абсолютную и неограниченную подводную войну. США «разрешалось» один раз в неделю отправлять пассажирский корабль в Англию при соблюдении следующих правил: а) корабль должен плыть только в порт Фальмут; б) он должен строго держаться специально указанной линии маршрута; в) он должен быть покрашен широкими вертикальными белыми и красными полосами; г) он должен прибывать в Фальмут в воскресенье и уходить обратно в среду; д) правительство США должно гарантировать, что на этом корабле не будет никакой контрабанды[2].

Это предписание было принято в Вашингтоне как оскорбление великой американской республики. В США писали и говорили: «Наша страна получила приказ... Нам жалуют раз в неделю лицензию на один корабль, раскрашенный, как зебра... Как будто германские армии владеют всей нашей территорией от Атлантического до Тихого океана».

3 февраля Вильсон информировал конгресс о разрыве дипломатических отношений с Германией. В тот же день послу Бернсторфу был вручён его паспорт. 14 февраля 1917 г. от левого берега Гудзона в Нью-Йорке отплыл датский пароход. На его борту было 149 немцев — весь официальный персонал посольства и консульств Германии в США. Нить, связывавшая императорскую Германию с Заатлантической республикой, оборвалась.

Через 10 дней после отъезда германских представителей Вильсон получил важное донесение от американского посла в Лондоне Пейджа. «Чародеи» камеры «40 О. Б.» британского адмиралтейства расшифровали любопытную немецкую телеграмму. Ещё за две недели до извещения Бернсторфом Вильсона о неограниченной подводной войне статс-секретарь по иностранным делам Циммерман отправил из Берлина через посредство Государственного департамента в Вашингтоне германскому посланнику в Мексике инструкцию следующего содержания: Германия начнёт с 1 февраля неограниченную подводную войну, надеясь, что США сохранят нейтралитет; в противном случае следует предложить Мекси-

---

[1] «Current History», March 1917, p. 964.
[2] Ibid., p. 965.

ке заключить с Германией военный союз против США, обещая ей возвращение потерянных в первой половине прошлого века территорий — Техаса, Новой Мексики и Аризоны; принять также меры к вовлечению с помощью Мексики в этот союз Японии.

28 февраля американские газеты опубликовали радиограмму Циммермана. Циммерман публично признал подлинность инструкции посланнику в Мексике. «Мы, — говорил он, — приготовили меры защиты на случай, если США объявят войну Германии» [1]. Телеграмма Циммермана, подтверждение её правильности самим автором обезоружили противников войны в конгрессе.

4 марта 1917 г., когда Вильсон второй раз принял присягу на президентство, в Вашингтоне чувствовалось, что война неизбежна.

Через две недели германские подводные лодки потопили три корабля США. Президент созвал на 2 апреля чрезвычайную сессию конгресса. Вильсон, решив, что наступает время жаловать хартию «новой свободы» Европе, произнёс свою самую сильную речь. Он отметил различие между германским правительством и германским народом и сказал, что США объявляют войну прусскому милитаризму, кайзеровской автократии. «С германским народом, — подчеркнул Вильсон, — у нас нет никаких споров... Мир должен быть спасён для демократии... Мы не желаем никаких завоеваний, никаких новых территорий. Мы не потребуем никакой материальной компенсации за жертвы, которые мы добровольно принесём. Мы только один из отрядов армии бойцов за свободу человечества» [2].

Через четыре дня, 6 апреля 1917 г., конгресс большинством голосов [3] — почти в 90% — решил объявить войну Германии. В США мало кто возражал против нанесения сокрушительного удара прусскому милитаризму. Но многие передовые люди, отдававшие себе отчёт о роли крупных монополистических компаний в великой кровавой игре, возражали против вступления Америки в империалистическую войну, против союза с правительствами, преследовавшими в этой войне цели, противоположные тем, которые декларировал президент США. Со времени президентских выборов прошло всего 5 месяцев. Многие избиратели ещё не забыли лозунг — «Он нас удержал от войны».

[1] «Current History», April 1917, p. 67.
[2] «Current History», May 1917, p. 194—196.
[3] Против голосовало 6 сенаторов и 50 конгрессменов.

V

«ВОЙНА, КОТОРАЯ ПОКОНЧИТ С ВОЙНАМИ»

Обязательная воинская повинность. Военно-промышленный совет. Топливный голод. Военный совет труда. «Продовольствие выиграет войну». «Сухой» закон. «Займы свободы». Комитет общественной информации. 14 пунктов Вильсона. Соглашение Лансинг — Исии. Военные планы на 1920 г. «Мост во Францию». Морская программа. Военные действия американских войск. Негритянская дивизия. Армия и техника США на франко-германском фронте.

«Война положит конец войнам», — заверял президент в своём послании к конгрессу и народу. Лидеры оппозиционной республиканской партии, давно высказывавшиеся за войну, энергично поддерживали военные усилия правительства. Вильсон заручился поддержкой даже главных лидеров изоляционистов. Бора высказался за войну с Германией, а Брайан, ещё в начале 1917 г. боровшийся за сохранение нейтралитета США, просил зачислить его добровольцем в армию. Но всё же в конгрессе наблюдалась значительная оппозиция против активного участия США в войне. Когда в сенате и в палате представителей обсуждался вопрос об объявлении войны, в Вашингтоне официально говорили только о материальной и финансовой помощи союзникам. Около 90% членов конгресса голосовало тогда за войну. Иной итог получился, когда встал вопрос о вербовке солдат для отправки в Европу. 18 мая 1917 г. почти половина конгрессменов голосовала против обязательной воинской повинности [1].

Мобилизация людских и материальных ресурсов для войны в Европе оказалась для США нелёгкой задачей. Страна с её малочисленной армией была совершенно не подготовлена к большой войне. Армия не имела ни обученных резервов, ни резервного командного состава, ни запасов вооружения не только для артиллерии, но даже для пехоты. После двух лет разговоров о подготовке к войне рекруты в 1917 г. пользовались на военных занятиях палками и деревянными пушками [2]. Но энергия американцев и их деловитость быстро создали и наладили, используя богатейшие возможности страны, военную машину, соответствовавшую масштабам США. Для руководства колоссальным военным механизмом Америка выдвинула незаурядных организаторов, таких людей, как Барух, Крил, Ньютон Беккер и др.

---

[1] За — 199, против — 178.

[2] *K. Annin,* Woodrow Wilson, New York 1924, p. 215.

До 1914 г. за всю историю США правительство лишь один раз пробовало вербовать солдат в обязательном порядке. Это произошло в 60-х годах — на третьем году гражданской войны. Вербовка вызвала тогда большое восстание в Нью-Йорке, в котором одних убитых насчитывалось 300 человек. Бунты происходили также в ряде других городов. И в 1917 г. в Вашингтоне опасались последствий мобилизации. Недаром около половины членов палаты представителей голосовало против обязательной воинской повинности. Господствующие классы в южных штатах, занимавшие видное положение в правительственной партии, решительно возражали против обучения военному делу негров. Военный министр Ньютон Беккер учёл эти обстоятельства. В течение двух месяцев он строго секретно подготовлял мобилизационный аппарат. 18 мая 1917 г. конгресс принял закон о регистрации всех мужчин в возрасте от 21 до 30 лет. Регистрация происходила в избирательных участках и была обставлена наподобие выборной кампании [1]. Регистраторы не носили никакой формы. Из 9,5 млн. зарегистрированных 500 тыс. были по жребию призваны 20 июля 1917 г. на военную службу. Для призывников устраивали банкеты и балы. Всё же небольшие бунты произошли в Оклагоме, Северной Каролине, Георгии и в других штатах. За всё время войны, согласно официальным сообщениям военного министерства США от 18 мая 1921 г., из каждых 100 призванных в американскую армию в среднем 11 дезертировало.

В течение 3 месяцев 200 тыс. рабочих построили 16 военных городков. Военный городок был рассчитан на 40—50 тыс. призывников. В каждом городке насчитывалось 1 000—1 200 одно- и двухэтажных длинных деревянных зданий. Городки были снабжены госпиталями и магазинами, тирами и спортивными площадками, электрическим освещением, водопроводом и канализацией. Каждый городок издавал свою газету. В военных городках разместили 721 тыс. коек. Кроме того, на юге, где климатические условия позволяют круглый год жить в палатках, было разбито 16 военных лагерей на 700 тыс. человек.

В первые месяцы войны в Вашингтоне ещё надеялись, что союзники обойдутся без крупной американской армии. Главное внимание США уделяли организации военной экономики, мобилизации материальных ресурсов. Правительство создало 6 военно-экономических ведомств: военно-промышленный совет и специальные комитеты по делам топлива,

[1] *F. Palmer*, Newton D. Baker. America at War, v. I, New York 1931, p. 216.

железных дорог, транспорта, судостроения, продовольствия и торговли.

Сложная задача выпала на долю военно-промышленного совета. Возглавил этот совет нью-йоркский миллионер Бернард Барух. В кабинете Баруха сосредоточился контроль над всей промышленностью США. Он решал, какие фабрики и заводы должны быть обеспечены топливом, сырьём и рабочей силой. Военно-промышленный комитет не только регламентировал, но и ввёл в обязательном порядке максимальную стандартизацию производства в целях экономии материала и рабочей силы. Он контролировал гигантский промышленный механизм США посредством 184 тыс. местных военно-промышленных советов. Производство некоторых предметов совершенно приостановилось. Все имевшиеся в его распоряжении средства военно-промышленный комитет направил на выполнение военных заказов. Для армии США, которая к концу войны дошла до 3,5 млн. человек, было закуплено 720 млн. *м* хлопчатобумажных тканей и заказано 50 млн. пар обуви. Потребление кожи для гражданского производства было сокращено на $^3/_4$ [1].

Своевременное выполнение военных заказов затруднялось в связи с недостатком топлива. Из-за отсутствия топлива в конце 1917 г. 37 пароходов, нагружённых амуницией, застряли в нью-йоркском порту. В январе 1918 г. был издан приказ о закрытии на 5 дней всех фабрик и заводов, расположенных к востоку от Миссисипи, за исключением тех предприятий, которые производили амуницию. Впоследствии было запрещено работать на гражданских заводах по понедельникам в течение 9 недель. Временно в промышленности, исключая военную, была установлена пятидневная рабочая неделя. В северо-восточных штатах 4 вечера, а в других частях страны 2 вечера в неделю города и посёлки не освещались.

Железные дороги в США, принадлежавшие частным компаниям, были также поставлены под правительственный контроль. Министр финансов Мак-Аду был назначен генеральным директором железных дорог. Мак-Аду сократил пассажирское движение до минимума. Он разделил грузы на различные категории, обеспечив в первую очередь перевозку военных грузов.

Больше всего правительство опасалось рабочих волнений. Хотя через три дня после объявления войны, 9 апреля 1917 г., председатель Американской федерации труда Гом-

---

[1] *G. Clarkson,* Industrial America in the World War, Boston 1923, p. 432—433.

перс заверял, что в военное время рабочие бастовать не будут, 1917 г. по количеству забастовок и числу участников в стачках превысил отличавшийся многочисленными конфликтами в промышленности 1916 г. По числу этих конфликтов 1917 г. побил рекорд в истории США. Лишь в 1918 г. удалось добиться снижения числа забастовок.

В начале 1918 г. был создан Военный совет труда. Совет возглавлялся представителями предпринимателей и Американской федерации труда. Он наметил 4 правила, которые должны были обеспечить мир в промышленности: 1) право рабочих на союзы и на коллективные договоры; 2) право предпринимателей на ассоциации; 3) предприниматели не должны мешать законной деятельности профсоюзов; 4) рабочие не должны пользоваться методами, принуждающими кого-либо вступать в союз или заставляющими капиталистов заключать коллективные договоры. Четвёртое правило фактически аннулировало первое и третье. Однако обещание установить минимум заработной платы в промышленности, повышение заработной платы на железных дорогах и на военных заводах облегчили Совету труда задачу сокращения в 1918 г. числа забастовок по сравнению с 1917 г. Добившись этого, предприниматели начали тут же, где только могли, наступление на завоевания рабочего класса в первое президентство Вильсона. Воспользовавшись военным временем и недостатком рабочей силы в ряде отраслей хозяйства, реакционный Верховный суд объявил 3 июня 1918 г. федеральный закон 1916 г. о сокращении детского труда неконституционным. Для обеспечения военных заводов и предприятий, работающих на оборону, рабочей силой, во избежание конфликтов и для регулирования заработной платы и рабочего дня на этих предприятиях в мае 1918 г. был создан ещё один орган — Военный совет рабочей политики.

Энергичную деятельность развернуло военно-продовольственное ведомство. С его деятельностью связана карьера Герберта Гувера — впоследствии президента США. Этот международный делец, зарекомендовавший себя как незаурядный организатор при оказании продовольственной помощи Бельгии, не решил ещё тогда, к какой партии примкнуть — к демократической или республиканской. Перед Гувером стояла задача создания большого продовольственного фонда для бесперебойного снабжения не только солдат США, но и армий союзников. 2 июня 1917 г. Гувер доложил, что из будущего урожая союзники закупят в Америке, преимущественно в США, 970 млн. бушелей зерна (весь урожай пшеницы США в 1917 г. равнялся 637 млн. бушелей). 27 апреля 1917 г. американский посол в Лондоне Пейдж доносил

секретно Вильсону, что запасов продовольствия в Великобритании хватит максимум на два месяца[1]. В конце 1917 г и в начале 1918 г. английский министр продовольствия лорд Рондда неоднократно тревожно телеграфировал Гуверу, что Англия проиграет войну из-за недостатка хлеба. Закупленная в Австралии пшеница не прибывала во-время в Англию из-за действий германских подводных лодок. Вся надежда была на Америку. В США выдвинули лозунг: «Продовольствие выиграет войну». Правительство предлагало своим гражданам потреблять больше кукурузы и меньше пшеницы, экономить жиры и сахар. В январе 1918 г. Гувер издал распоряжение об изъятии из потребления пшеничного хлеба по понедельникам и средам, мяса — по вторникам, а свинины — по четвергам и субботам. В феврале было запрещено на 10 недель потребление куриного мяса. В мае было предложено ограничить потребление мяса 2 фунтами на человека в неделю. Потребление сахара Гувер предлагал ограничить 2 фунтами на душу населения в месяц. Затем были изданы специальные правила для столовых: не подавать хлеба к столу до окончания первого блюда, не больше одного мясного блюда и т. д. Пекарни должны были печь хлеб из смеси, содержащей не больше 80% пшеничной муки. Посевная площадь пшеницы увеличилась с 45 млн. акров в 1917 г. до 59 млн. акров в 1919 г. Сбор пшеницы составлял соответственно в миллионах бушелей: 638 и 968. С июля 1917 г. до июля 1918 г. США вывезли в страны Антанты хлеба на 81 млн. бушелей больше, а мяса и жиров на 422 млн. *кг* больше, чем с июля 1916 г. до июля 1917 г.[2]

Кампания за экономию продовольствия содействовала принятию «сухого» закона в виде XVIII добавления к конституции США. Впоследствии, на всём протяжении 20-х годов, «сухой» закон занимал большое место в общественной жизни, в печати и в партийной борьбе. Действие этого закона мы рассмотрим в одной из следующих глав. Отметим только, что принятие XVIII добавления к конституции стало возможным благодаря войне, хотя религиозные и общественные антиалкогольные организации были с давних времён сильны в Америке.

К началу мировой войны потребление алкоголя было запрещено в 14 штатах. Ещё в 1913 г. конгресс принял акт, запрещающий перевозку крепких напитков из «мокрых»

---

[1] *W. McAdoo,* Crowded Years, Boston 1931, p. 392.

[2] *J. McMaster,* The United States in the World War, v. II, New York 1929, p. 56.

штатов в «сухие». После вступления США в войну около трёх четвертей всех штатов считались уже «сухими». Правда, 12 штатов, оставшихся «мокрыми», представляли индустриальные районы и насчитывали больше половины населения страны. Но методисты, возглавлявшие антиалкогольную кампанию, стали выдвигать такие патриотические аргументы, перед которыми пасовали сомневающиеся в целесообразности «сухого» закона. Главный аргумент о преступности и непатриотичности превращения хлеба в алкоголь в то время, когда правительство требует от всех граждан максимальной экономии продовольствия, подкреплялся ещё тем обстоятельством, что большинство пивоваренных и спиртных заведений в США принадлежало немцам. Быстрое распространение автотранспорта и рост несчастных случаев на почве нетрезвого состояния водителей машин также стало веским аргументом в пользу «сухого» закона. Наконец, солидные промышленные концерны, заинтересованные в повышении производительности своих рабочих в связи с колоссальными военными заказами, начали финансировать кампанию за запрещение потребления алкоголя. Наличие «сухого» закона в большинстве штатов при этих условиях позволило конгрессу без особых трудностей перейти к общенациональному антиалкогольному эксперименту. В декабре 1917 г. обе палаты конгресса приняли XVIII добавление к конституции. В постановлении конгресса указано, что XVIII добавление войдёт в силу спустя год после ратификации его, согласно конституции, тремя четвертями всех штатов. Предельный срок для ратификации был установлен в семь лет. Но уже в январе 1919 г. 36-й штат ратифицировал XVIII добавление, а в январе следующего года, неожиданно даже для многих его приверженцев, «сухой» закон вошёл в силу.

Государственные расходы федерального правительства выросли с 734 млн. долл. в 1916 г. до 12 698 млн. долл. в 1918 г. и до 18 523 млн. долл. в 1919 г. Дефицит составлял 853 млн. долл. в 1917 г., 9 033 млн. в 1918 г. и 13 370 млн. долл. в 1919 г. За эти годы правительство США предоставило иностранным государствам займы почти на 10 млрд. долл. Для покрытия бюджетного дефицита было заключено 5 внутренних займов на сумму, превышающую 21 млрд. долл. Первые четыре были названы «займами свободы», а пятый — «займом победы». Займы распределялись формально в добровольном порядке. Фактически были приняты сильные меры воздействия на граждан, не желающих подписаться на заём: «общественный суд», так называемый суд «кенгуру», вымазывание наружных дверей квартир позорным жёлтым цветом и другие меры.

Механизм государственных займов в США функционировал таким образом, что он содействовал не только росту экспорта товаров и капитала за границу, но и увеличению покупательной способности в самой Америке. Правительство выпускало займы на рынок. Население их покупало, помещало в банки и получало под эти бумаги кредиты. То же самое происходило и с иностранными займами, гарантированными правительством США. Таким путём искусственно повышалась покупательная способность в стране. Государство, получая деньги за выпущенные займы, увеличивало соответственно свои расходы по заготовкам продовольствия и амуниции. В то же время население, отдавая свои деньги государству, отнюдь не понижало этим своей покупательной способности, так как оно получало за займы кредит в банках. Отсюда впоследствии в США были сделаны неправильные теоретические и практические выводы. В операциях военными займами искали подтверждения количественной теории денег. Выпуск займов, рассуждали некоторые видные американские экономисты, означал по существу увеличение средств обращения в стране: бумажную инфляцию, которая, естественно, сопровождалась ростом товарных цен. Но так как золотой стандарт во время войны в США сохранялся, то пришли к заключению, что в США имела место золотая инфляция, что количественная теория денег выдержала проверку на практике, что товарные цены должны всегда расти в соответствии с ростом количества денег в обращении, даже при сохранении устойчивой валюты. Однако, когда спустя 12 лет президент Гувер пробовал бороться с кризисом при помощи механизма государственных займов, ничего, как увидим ниже, не получилось. Нельзя, разумеется, делать теоретические выводы из особых условий военного времени, когда производство США не поспевало за спросом на американские товары. Да и во время войны в США фактически не было свободного золотого обращения, несмотря на то, что формально золотой стандарт не был отменён. В 1917 г., несмотря на колоссальный актив торгового и платёжного баланса, правительство наложило эмбарго на экспорт золота, сохранивший силу до середины 1920 г.

Из всех ведомств, созданных правительством Вильсона в 1917—1918 гг., наибольшую активность проявлял Комитет общественной информации, который руководил пропагандой войны в Америке. Этот комитет образовался через неделю после объявления США войны Германии. Английского писателя Гильберта Паркера сменил американский журналист Джордж Крил. Крил завербовал в свой комитет мастеров устного и печатного слова, писателей и профессоров, худож-

ников и карикатуристов, артистов и памфлетистов. Он создал специальный отдел кино, который организовал показ патриотических фильмов в 17 тыс. кинотеатров США. 75 тыс. ораторов, названных «четырёхминутными людьми», выступали от имени Комитета общественной информации перед постановками в театрах и кино, перед богослужением в церквах, перед занятиями в колледжах и университетах, перед собраниями рабочих на заводах, служащих в городах, фермеров в деревнях, не оставляя в стороне негритянских кроперов на южных плантациях и индейцев в резервациях. Где только собирался десяток человек, там непременно появлялся «четырёхминутный человек». В мае 1917 г. Крил начал издавать ежедневную газету «Официальный бюллетень США», который задавал тон всей прессе страны — 16 тыс. американских газет. Все эти газеты снабжались Комитетом общественной информации бюллетенями военного командования, рассказами и карикатурами о войне. Пропагандистскую литературу Комитета получали 17 тыс. профсоюзных организаций, 15 тыс. предпринимателей, 32 тыс. банков, 60 тыс. универмагов, 56 тыс. почтовых отделений, 9 тыс. библиотек и 125 тыс. лиц духовного звания[1]. Крил распределял десятки миллионов листовок, документов, памфлетов, брошюр под заголовками: «Почему мы воюем», «Завоевания и культура» и т. п. Брошюра под названием «Как Америка вступила в войну» вышла только на английском языке тиражом в 5,5 млн. экземпляров. Потом эта брошюра ещё печаталась большим тиражом на итальянском, испанском, польском, шведском, чешском и других языках.

В 1918 г., когда проводилась подписка на 4-й Заём свободы, число криловских агитаторов дошло до 110 тыс. 24 поезда с военными трофеями, захваченными американской армией во Франции, курсировали по стране. Поезда сопровождали ораторы, а также американские солдаты, раненные или отравленные газами на фронте, и делегации французской армии. Крил открыл свои филиалы за границей. Его эмиссары в Европе уделяли много внимания созданию популярности президента США, для чего публиковали послания Вильсона. В 1918 г. аэропланы и маленькие аэростаты разбрасывали в тылу германской армии десятки тысяч американских листовок в день. В этих листовках рассказывалось о целях войны, провозглашённых Вильсоном, о том, что Вильсон делает различие между германским правительством и германским народом. Для переправы на немецкую линию фронта листовок с речами Вильсона о мире и о необходимости создания демократического правительства в

[1] *M. Sullivan*, Our Times, v. V, p. 513.

Германии были использованы также специальные французские 75-миллиметровые снаряды, которые заполнялись листовками. К концу войны в США изобрели особый аэростат, снабжённый механизмом, автоматически разбрасывавшим листовки с воздуха в заранее намеченное время. Дальность его полёта составляла около 1 тыс. *км*. Но эту «агитационную воздушную торпеду» не удалось использовать.

8 января 1918 г. Вильсон в послании к конгрессу изложил условия мира в виде знаменитых «14 пунктов»[1], противопоставленные декларации советского правительства от 8-го ноября 1917 г. о справедливом и демократическом мире. Они предназначены были служить новым оружием пропаганды войны как в США, так и за границей.

Для пропаганды программы Вильсона среди организованных рабочих в странах союзников в Европу отправлялись за счёт государства лидеры американских профессиональных союзов. В мае 1917 г. в Россию приехал вице-президент АФТ Джеймс Дункан. Его приезд сопровождался обращением Гомперса к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов о необходимости продолжения войны. Дункан выступил в Таврическом дворце. Перед трудящимися Петрограда, готовившимися к Великому Октябрю, он в произносимых им речах рьяно — но тщетно — восхвалял методы и «достижения» АФТ.

В то же время делегация из девяти лидеров Американской федерации труда посетила Англию и Францию. Представители АФТ произвели настолько отрицательное впечатление в рабочих организациях этих стран, что американское посольство в Лондоне известило Государственный департамент в Вашингтоне о нежелательности появления подобных делегаций в Англии и во Франции[2]. Однако сами делегаты вернулись домой очень довольные собой и рекомендовали направить ещё одну миссию в Европу во главе с самим Гом-

[1] 1) Открытые мирные переговоры; 2) свобода морей в мирное и военное время; 3) снятие таможенных барьеров; 4) всеобщее разоружение до минимума, необходимого для сохранения внутреннего порядка; 5) беспристрастное регулирование колониальных притязаний, с тем чтобы интересы туземного населения имели такой же вес, как интересы государства, претендующего на господство; 6) эвакуация оккупированных территорий в России; 7) эвакуация и восстановление Бельгии; 8) восстановление разрушенных областей во Франции и возвращение ей Эльзас-Лотарингии; 9) урегулирование границ Италии; 10) автономия для народов Австро-Венгрии; 11) урегулирование границ на Балканах в соответствии с историческим развитием и этнографией полуострова, с предоставлением Сербии выхода к морю; 12) самоопределение для народов Оттоманской империи; 13) организация независимой Польши с выходом к морю; 14) создание «Всеобщей ассоциации народов».

[2] «Foreign Relation of the U. S.», 1918. Supplements, v. I, p. 259.

персом. Летом 1918 г. Гомперс побывал в Англии, Франции и Италии. В Париже он был принят президентом Пуанкаре. В Лондоне Ллойд Джордж дал в его честь обед. Гомперс выступал перед рабочими Англии, Франции и Италии, агитируя за войну. После его отъезда американский посол в Италии доносил, что в Риме социалисты остались очень недовольны Гомперсом, считая его своим противником [1].

Одновременно делегации союзников ездили в США. Они направлялись в Америку за деньгами и амуницией, за продовольствием и сырьём. Из Англии прибыл министр иностранных дел Бальфур, из Франции — бывший премьер Вивиани и бывший главнокомандующий генерал Жоффр. Лидер английских консерваторов возложил венок на могилу человека, в своё время объявленного британскими ториями бунтовщиком. На венке красовались слова: «От британской миссии бессмертной памяти Георгу Вашингтону, солдату, государственному деятелю, патриоту...»

Делегации в США прибывали не только из-за Атлантики, но и со стороны Тихого океана. Япония послала в Вашингтон виконта Исии. Его сопровождали высокие чины армии и флота. Он совершил длинное путешествие официально «только» для сообщения Вильсону, что микадо удовлетворён вступлением Америки в войну. Но «между прочим» Исии завязал переговоры с государственным секретарём Лансингом о Дальнем Востоке. Японский дипломат намекал на возможность перехода Японии на сторону немцев. 2 ноября 1917 г. в Вашингтоне было подписано соглашение между Лансингом и Исии, по которому США признали особые интересы Японии в Китае. Через несколько лет в том же Вашингтоне это соглашение, как мы увидим ниже, было аннулировано.

Прошёл почти год после объявления войны Германии. 9 апреля 1918 г. Ллойд Джордж, внеся в парламент билль об увеличении в Англии возраста мобилизуемых в армию до 50 лет, а в особых случаях — до 55 лет, жаловался на медлительность формирования большой американской армии [2].

Отправка американских солдат во Францию началась только в июне 1917 г., и в октябре лишь одна дивизия армии США заняла позицию на фронте. До марта 1918 г., т. е. до большого наступления германской армии на западном фронте, в боевых действиях участвовала только одна эта американская дивизия. До этих событий в армию США было призвано меньше 1 млн. человек. В течение лета 1918 г. конгресс США несколько раз расширял контингент военно-

---

[1] «Foreign Relation of the U. S.», p. 378.
[2] «Current History», May 1918, p. 257.

обязанных. Согласно закону от 31 августа 1918 г., регистрации подлежали все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Число взятых на учёт дошло до 24 млн. человек, что составляло 44% всего мужского населения страны. Людские ресурсы США определялись в то время в 2,5 раза больше людских ресурсов Англии и Франции, вместе взятых. Однако фактически в американскую армию за всю войну было призвано только около 3,5 млн. человек, из них 2 млн. человек были переброшены через Атлантический океан, а в сражениях принимало участие около 1 300 тыс. американских солдат. Командование вооружёнными силами США проектировало к концу 1919 г. увеличить численность американских войск во Франции в 2,5 раза. Вообще военная машина США могла быть пущена полностью в ход лишь к началу 1920 г. Но осенью 1918 г. оказалось, что нет больше надобности в продолжении военных мероприятий, широко развёрнутых в Америке.

До весны 1918 г. роль армии США на фронте была настолько незначительной, что её можно было игнорировать. Но в марте этого года, в критические дни для британской армии во Фландрии и во Франции, Ллойд Джордж обратился к Вильсону с просьбой усилить комплектование и переброску американских войск в Европу. Союзное командование считало, что США должны в срочном порядке подготовить и переправить через океан 120 дивизий по 40 тыс. в каждой, что составило бы армию в 5 млн. солдат. За недостатком транспорта пришлось план переброски американских войск сократить на $^1/_3$, но и сокращённый план представлял сложную задачу. История не знала такого случая, чтобы миллионная армия была переброшена через океан. Когда США вступили в войну, морской путь из Америки во Францию кишел германскими подводными лодками. Подводные лодки топили корабли у самых берегов США. В первый месяц неограниченной подводной войны, в феврале 1917 г., Германия потопила корабли водоизмещением в 500 тыс. *т*, в марте — в 603 тыс., а в апреле — водоизмещением около 900 тыс. *т*.[1] Вновь построенные корабли тогда ещё далеко не компенсировали потопленных. Между тем число подводных лодок в германском флоте увеличивалось. США переправляли через океан не только людей. На каждого американского солдата, посланного во Францию, следовало в США в среднем 25 *кг* грузов в день.

Прежде всего были приняты кардинальные меры к обеспечению бесперебойной и безопасной переправы войск. «По-

[1] *F. Palmer*, Newton Baker. America at War, v. I, p. 113.

строили, — как выражались в США, — мост во Францию». Американский флот не участвовал в боях, но он выполнял раньше армии поручения большой важности. Он успешно охранял транспорты войск, шедшие в Европу. В конце 1917 г. перевозка войск из Америки во Францию дошла до 50 тыс. солдат в месяц; в мае 1918 г. эта цифра равнялась 245 тыс., а в июле — 306 тыс. С тех пор в течение нескольких месяцев ежедневно из США отправлялось через океан в среднем около 10 тыс. солдат. К июлю 1918 г. во Франции числился 1 млн. американских солдат, а в октябре — 2 млн. Корабли, перевозившие армию, были по пути к Европе неуязвимы для подводных лодок. Только один пароход с американскими войсками пострадал у берегов Ирландии от торпедной атаки. Он имел на борту 2 тыс. солдат, из них 100 погибло. Но этот пароход не конвоировался американскими военными кораблями.

Транспорты войск в Европу шли караванами, эскортируемыми военными кораблями. США развернули морскую программу на тысячу кораблей, из них 500 единиц были готовы до окончания войны. Кроме того, было мобилизовано 1 600 торговых пароходов, превращённых в вспомогательные суда военного флота. Только за 12 месяцев — с 1 июля 1917 г. по 1 июля 1918 г. — конгресс ассигновал на строительство военно-морского флота 3 250 млн. долл. К концу мировой войны в военном флоте США числилось свыше 2 тыс. кораблей, а в его личном составе — свыше 600 тыс. человек. Судостроительная промышленность США была настолько расширена, что ко времени перемирия её производственная способность в два раза превышала производительность судостроительных заводов всего остального мира. Наконец, по инициативе морских кругов США, в частности помощника морского министра — будущего президента — Франклина Рузвельта, был минирован выход из Северного моря в океан от берегов Норвегии до северо-восточных мысов Шотландии. 70 тыс. мин заградили путь на расстоянии свыше 400 *км*. Больше 80% — 56 500 мин были изготовлены в США и заложены в Северном море с кораблей американского флота.

На территории Франции американцы развернули большое военно-хозяйственное строительство. Американской армии выделили крайний правый участок французской линии фронта, примыкавший к швейцарской границе. Высаживать миллионную армию США в порты канала и доставлять её к месту назначения через северные департаменты Франции не представлялось возможным. Порты канала были загружены английскими кораблями, и примыкавшие к ним сухопутные дороги были переполнены различными видами транспорта,

обслуживавшего британские армии в Пикардии и во Фландрии. К услугам США были предоставлены французские порты в Бискайском заливе и Марсель в Средиземном море. В бискайских портах американцы расширили старые и соорудили новые доки. От места дебаркации по направлению к фронту они проложили новые железнодорожные линии протяжением в 1 600 *км,* построили ряд автодорог, телеграфную и телефонную сеть длиною свыше 160 тыс. *км,* бараки, госпитали, склады. Американское военное строительство во Франции стоило в два раза больше, чем прорытие Панамского канала. Паровозы, вагоны и рельсы для железнодорожных линий, автомобили для грунтовых дорог, провода для телеграфа и телефона, оборудование для портов, составлявшие миллионы тонн грузов, не говоря уже об амуниции и продовольствии, — всё это доставлялось во Францию из Америки.

Боевая значимость американской армии начала сказываться лишь летом 1918 г. До весны этого года командующий американскими войсками во Франции генерал Першинг занимался обучением и формированием в отдельную самостоятельную армию прибывающих из США войск. 21 марта 1918 г. Людендорф начал свои последние отчаянные атаки на западном фронте. Германское командование, перебросив 30—40 дивизий с восточного фронта и добившись на западе численного перевеса, решило прорвать фронт между английской и французской армиями, оттеснить британские войска к Ла-Маншу и получить, таким образом, возможность броситься со своими армиями с северо-востока на Париж ещё до того, как США успеют переправить большую армию во Францию. В течение четырёх месяцев союзники переживали критические дни. Немецкие армии снова появились на Марне, угрожали Амьену, приблизились с двух направлений к Парижу. Французский генерал Фош стал командующим всеми вооружёнными силами союзных армий. Взоры Парижа и Лондона были обращены на США — источник свежих людских и неисчерпаемых материальных ресурсов.

Союзники переоценили силы противника. Германская армия уже выдыхалась, предпринимая последние наступления. Пополнения, переброшенные с восточного фронта, заражённые революционными веяниями, неохотно шли в атаку и оказывали деморализующее влияние на полки, стоявшие в Бельгии и во Франции. Но тревога, поднятая союзниками, содействовала активизации американских войск во Франции и ускорению переброски армии США в Европу. 28 марта 1918 г. Першинг предоставил в распоряжение маршала Фоша все войска США во Франции. 31 мая сравнительно неболь-

шие, но свежие американские силы помогли французам остановить у Шато-Тьерри германское продвижение к Парижу.

В середине июля германская армия, производя свою последнюю атаку, в течение трёх дней делала тщетные попытки перебраться через Марну. 85 тыс. американских солдат снова сдержали у Шато-Тьерри сильный натиск немцев. 18 июля началось контрнаступление союзных армий. 14 августа Людендорф заявил кайзеру, что «великая игра закончена».

Першинг, наконец, сформировал отдельную американскую армию, которой выделили большой самостоятельный участок фронта. 12 и 16 сентября американские войска успешно атаковали немцев к югу от Вердена и заставили их отступить к Мецу. 26 сентября они начали наступление в Аргоннском лесу. Это было последнее и самое крупное сражение армий США. В аргоннском наступлении участвовало 1 200 тыс. американских солдат, 2 700 орудий, 189 танков и 821 аэроплан. Наступление продолжалось 47 дней. Атака Першинга угрожала единственной коммуникационной линии, непосредственно связывавшей Германию с её центральным фронтом во Франции не через Бельгию. Для отпора американцам в таком важном стратегическом пункте немцы выделили отборные части. Но «военное счастье» изменило Германии. Прусские дивизии упорно сопротивлялись, но не выдержали нажима наспех обученных фермерских юношей из Канзаса и Миссури, Орегона и Монтаны. Перемирие застало американскую армию на линии Седан — Мец, там, где 48 годами раньше разыгрались главные события франко-прусской войны.

Отлично дрались американские негры. В армии Першинга 92-я дивизия, за исключением высшего командного состава, состояла целиком из негров. В ряде других дивизий были отдельные негритянские полки, батальоны и роты. Американские и французские офицеры, командовавшие негритянскими войсками, утверждали, что «негр может равняться с лучшими воинами, каких только история когда-либо знала», если только он убеждён, что к нему относятся так же, как к белому солдату. В январе 1919 г. командующий американскими войсками во Франции генерал Першинг, обращаясь к негритянской дивизии, заявил: «Офицеры и солдаты. Я хочу, чтобы вы знали, что 92-я дивизия никому не уступала первенства со времени её прибытия во Францию»[1]. Сотни негров получили высокие американские и французские награды, ордена и медали за храбрость и отвагу. Но многие из них после возвращения домой, в южные штаты, пали жертвами расовой ненависти.

[1] *J. Down*, The Negro in American Life, London 1927, p. 230.

В общей оценке роли американской армии на франко-германском фронте можно согласиться со следующими словами Ллойд Джорджа: «Фактическое число войск, участвовавших в сражениях, не исчерпывало всего значения американского вклада в наше дело во время войны. Присутствие свыше двадцати американских дивизий давало нам не только численное превосходство над Германией. Сознание, что за нашими линиями формируются и проходят обучение ещё 20 американских дивизий и что миллионы человек будут переброшены из Америки, когда это станет необходимым, позволило французам и англичанам бросить в бой свои последние резервы... и нанести немцам тот «удар топором», который заставил их рухнуть» [1].

Ллойд Джордж утверждает, что «ни одно орудие американского образца или американского производства не дало ни одного выстрела в эту войну. То же относится к танкам» [2]. Сами американцы говорят, что заявление бывшего английского премьера верно лишь в отношении орудий калибра 6 дюймов и выше [3]. Во всяком случае, вся тяжёлая артиллерия, все танки и две трети аэропланов, действовавших в армии Першинга, были французского или английского происхождения. Ещё в июле 1917 г. США ассигновали на авиацию 640 млн. долл. и решили создать авиационный корпус численностью в 100 тыс. человек с 22 тыс. самолётов. Весной 1918 г. военное ведомство проектировало строительство 16 крупных артиллерийских заводов и предполагало затратить 2 млрд. долл. на одни орудия. Но продукция этих заводов так и не дошла до боевых позиций: в 11 часов 11-го дня 11-го месяца 1918 г. на западном фронте наступило перемирие.

---

[1] *Давид Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, Москва, Соцэкгиз, 1938, стр. 306.

[2] Там же, стр. 310.

[3] «Current History», January 1919, p. 146.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОТ ПЕРЕМИРИЯ ДО МИРА

I

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ

Весть о перемирии. Жертвы войны. Стоимость войны. Занимательная статистика. Прибыли корпораций. Из должника — в кредитора.

7 ноября 1918 г. города США внезапно приняли праздничный вид. С фабрик и заводов, из контор и квартир люди, бросая работу, спешили на улицу. Звонили колокола. На площадях гремели оркестры. Звёзды и полосы на бесчисленных флагах и флажках мелькали среди возбуждённой и радостной толпы. В три часа дня министерство иностранных дел официально уведомило из Вашингтона, что телеграфное агентство ввело население в заблуждение, что перемирие пока не подписано. Но ликование приняло такие размеры, что официальное заявление государственного секретаря осталось без внимания. Празднества, манифестации и парады продолжались до поздней ночи.

Весть о действительном подписании перемирия дошла до Нью-Йорка в три часа по местному времени в ночь с 10 на 11 ноября. Гудки, сирены и колокола разбудили спящее население в десятках штатов. Неверная информация от 7 ноября заставила американцев осторожнее относиться к газетным сообщениям, говорившим на сей раз правду. Но официальное правительственное сообщение рассеяло всякие сомнения. Президент Вильсон созвал на час дня экстренное заседание конгресса и заверял объединённое собрание сената и палаты представителей, что «бронированный империализм низвергнут в мрачную пропасть и погиб»[1]. 50 тыс. городов и городков стали свидетелями небывалых в истории Америки торжеств. Празднества и гуляния длились весь день и всю ночь.

Не успели закончиться торжества, как американские газеты и журналы принялись подводить итоги, подсчитывать

[1] «Current History», December 1918, p. 363.

стоимость войны. Человеческих жертв на алтарь войны США принесли сравнительно немного. По данным, опубликованным в начале 1919 г., ко дню перемирия в американской армии было убито и умерло около 70 тыс., а ранено около 200 тыс. солдат. Для Англии эти цифры оказались больше в 10 раз, для Франции — соответственно в 20 и в 14 раз, а для Германии — в 24 и в 19 раз [1].

Больше внимания американская печать уделяла стоимости войны. Результаты подсчётов непосредственных расходов США на войну, произведённых различными экспертами, варьировали в пределах от 22 до 41 млрд. долл., не считая займов союзникам. Меньшая цифра равна примерно сумме всех расходов федерального правительства США в течение 125 лет, предшествовавших первой мировой войне. Институт Карнеджи разработал и опубликовал в 1919 г. цифры для всех участвовавших в войне стран. Все государства обоих воевавших лагерей израсходовали непосредственно на войну 186 млрд. долл. — сумму, равную всему национальному богатству США в 1913 г. Оценка всех расходов и потерь, связанных с войной (включая разрушение имущества, уменьшение производительности труда населения, ущерб, нанесённый нейтральным странам, пенсии и др.), колебалась между 338 млрд. и 1 триллионом долл.

В 1928 г. президент Кулидж утверждал, что если учесть все прямые и косвенные расходы США, связанные с мировой войной, то итоговая сумма дойдёт до 100 млрд. долл.

Буржуазные статистики включают в денежные расходы и такие национальные потери, которые долларами оценить никак нельзя. В 1919 г., например, людские потери были, учитывая производительность труда в различных странах, переведены на деньги: убитый американский солдат оценивался в 4 720 долл., английский — в 4 140, германский — в 3 380, французский — в 2 900 [2].

Статистика указывала, что США сравнительно мало принесли человеческих жертв, но что мировая война стоила им слишком много денег, принимая во внимание кратковременное участие Америки в войне. Статистики перевели военные расходы на житейский язык. Подсчитали, что за средства, затраченные Америкой на войну, можно было приобрести

[1] «Current History», February 1919, p. 240. Последующие подсчёты показали, что в 1919 г. цифры убитых в британских армиях были преуменьшены почти на 25% и число раненых во французской армии было также значительно преуменьшено.

[2] «Current History», February 1919, p. 438.

для каждой семьи США: 1 автомобиль с запасом бензина на целый год, один мужской костюм и два пальто, четыре дамских платья и два пальто, пальто и два костюма для мальчика и четыре платья для девочки, радиоприёмник, холодильник, обстановку для спальни и билеты в кино для всей семьи еженедельно круглый год. Президент Колумбийского университета Бетлер доказывал, что война 1914—1918 гг. стоила всему миру, по крайней мере, 400 млрд. долл. «За эти деньги, — говорил Бетлер, — можно было для каждой семьи в США, Канаде, Австралии, Англии, Уэльсе, Ирландии, Шотландии, Франции, Бельгии, Германии и России построить дом стоимостью в 2 500 долл., обставить его мебелью на тысячу долларов, отвести ему участок земли в пять акров стоимостью в 100 долл. за акр, основать в каждом городе перечисленных стран с населением в 20 тыс. жителей и выше библиотеку стоимостью в 5 млн. долл. и университет стоимостью в 10 млн. долл. Остаток, если его превратить в фонд, приносящий 5% годовых, был бы достаточен, чтобы на одни проценты содержать 125 тыс. учителей и 125 тыс. санитарных работников с окладом в 1 тыс. долл. в год».

Подобные подсчёты сами по себе более или менее верны. Но и то несомненно, что перечисленные статистиками материальные и духовные блага были бы одинаково недоступны широким массам и в том случае, если бы Америке удалось до конца сохранить нейтралитет. Верно лишь, что война и её последствия усилили процесс обнищания, увеличили число безработных и разорённых фермеров в стране. Вместе с тем прибыли небольшой группы богачей чрезвычайно возросли за время войны. В некоторых случаях эти прибыли росли гораздо быстрее, чем расходы на войну. Согласно данным Федеральной торговой комиссии, среднегодовые доходы капиталистических корпораций в 1916—1918 гг. были на 4 800 млн. долл. больше среднегодовых доходов за трёхлетие (1912—1914 гг.), предшествовавшее мировой войне. Прибыли мясного треста Эрмура дошли в 1918 г. до 75% на действительный акционерный капитал; обыкновенная акция американской шерстяной компании принесла в 1915 г. 6%, а в 1917 г. 55% дохода; прибыли на одну тонну угля владельцев юго-западных угольных шахт выросли за один 1917 г. в 7 раз по сравнению с 1916 г.; доход, приносимый обыкновенной акцией Вифлеемской стальной корпорации, дошёл в 1916 г. до 286%; 14 самых больших медных компаний имели в 1915—1916 гг. доход почти в 0,5 млрд. долл. на

акционерный капитал в 250 млн. долл.; медная компания «Анаконда» выплатила в 1914 г. дивидендов 4 долл. за акцию, а в 1916 г. — 22 долл.; пороховой заводчик Дюпон де Немур выплатил в 1915 г. дивидендов на обыкновенную акцию 30 долл., а в 1916 г. — 100 долл.[1] В итоге за несколько лет число миллионеров в Америке утроилось. В лексикон Уолл-стрита вошли новые слова — «дети войны», «военные миллионеры».

В течение нескольких лет США превратились из должника в кредитора. С момента своего возникновения вплоть до мировой войны США импортировали капиталы из Европы. В 1914 г. иностранные инвестиции в американские ценные бумаги превышали 5,5 млрд. долл. К тому времени капиталы США в других странах несколько превышали 2,5 млрд. долл. Долг США исчислялся в 2,5—3 млрд. долл. Война резко изменила международное финансовое положение США. Многомиллиардный активный торговый баланс в 1915—1920 гг. дал возможность США не только погасить свою задолженность Европе, но и получить солидную сумму европейского золота и стать крупнейшим мировым кредитором. Активное сальдо внешней торговли США в 1915—1920 гг. составило 17,5 млрд. долл. К 1921 г. европейская задолженность Америке достигла громадной суммы —15 млрд. долл., а рудники, электростанции, железнодорожные и пароходные линии в Южной Америке, принадлежавшие до войны европейцам, перешли в значительной части в руки американцев.

Процесс превращения США из должника в кредитора намечался ещё до первой мировой войны. Но война чрезвычайно ускорила этот процесс. Старые великие державы, как Англия и Франция, вновь образованные государства, как Чехословакия и Польша, все капиталистические страны стали должниками Америки. Дядя Сам — мировой банкир. Престиж Уолл-стрита в глазах капиталистов всех стран растёт. Президент США — олицетворение величия и богатства. Вильсон думает, что «сбылись его вещие сны». Он готовится к мирной конференции, преисполненный гордости и надежд.

---

[1] «World», 3. VIII. 1930.

II

ВИЛЬСОН И ВЕРСАЛЬ

Выборы в 66-й конгресс. Делегация в Версаль. Вильсон в Париже, Лондоне и Риме. Расхождения с Клемансо. Письмо Лоджа. «Большая тройка». Уступки Вильсона. Репарации. Границы 1814 г. Фиуме. Что уцелело от «14 пунктов». «Парламент человечества».

В те дни, когда союзные армии одержали окончательную победу над германскими войсками в Европе, президент Вильсон потерпел в Америке своё первое серьёзное поражение. За несколько дней до подписания перемирия произошли выборы в 66-й конгресс США. Широкие круги избирателей, независимо от их отношения к войне, считали лозунг демократической партии в президентскую кампанию 1916 г. — «Он нас удержал от войны» — заведомым обманом, и сейчас на национальных выборах они получили возможность выразить своё недовольство. В начале выборной кампании 1918 г. Вильсон констатировал, что оппозиционная партия полностью поддерживает правительство, и говорил о «перемирии» между республиканцами и демократами, об отсрочке партийной борьбы. Но за десять дней до выборов, 25 октября, сам президент, переоценивая прочность своих позиций, нарушил «перемирие»: он обратился с воззванием к американскому народу, в котором просил выбирать в конгресс только демократов. В воззвании говорилось: «Лидеры меньшинства существующего состава конгресса стояли несомненно за войну, но они настроены против правительства... Республиканское большинство в любой палате конгресса будет истолковано по ту сторону Атлантики как недоверие к моему руководству» [1].

В новом, 66-м конгрессе республиканцы получили абсолютное большинство в обеих палатах. Западные фермерские штаты, обеспечившие победу демократов в президентской кампании 1916 г., голосовали сейчас за республиканскую партию. Таким образом, на выборах 1918 г. большинство избирателей вынесло недоверие президенту, отвергло его руководство, согласно его собственному толкованию.

После выборов 1918 г. президенту ещё осталось больше двух лет управлять страной, имея перед собой оппозиционное большинство в конгрессе. В центре внимания были предстоящие мирные переговоры. Многие ожидали, что Вильсон назначит делегацию в Париж из представителей республиканцев и демократов в соответствии с положением этих партий в обеих палатах, а сам останется в Вашингтоне в роли критикующего. Такой шаг дал бы возможность президенту

[1] *F. Kent,* The Democratic Party, New York 1928, p. 432.

возложить ответственность за исход мирной конференции на оппозицию и таким образом реабилитировать себя и свою партию. Но на подобные решения Вильсон не был способен. Он предпочёл быть в роли критикуемого, уверенный, что в Париже он упрочит своё пошатнувшееся положение в Вашингтоне.

18 ноября 1918 г. правительственный Комитет общественной информации официально сообщил, что президент США будет лично участвовать в мирной конференции. Страны союзников были представлены на конференции премьерами. В США, правда, президент является одновременно и премьером. Но после ноябрьских выборов позиция президента США осложнилась. Ллойд Джордж и Клемансо имели за собой парламентское большинство в своих странах, чем Вильсон похвастать не мог.

За всю историю США не было такого прецедента, чтобы президент уезжал за океан. Дело не только в традициях, которые оппозиционная партия всегда ревниво чтит. Конституция США требует, чтобы в течение 10 дней все законопроекты, принятые конгрессом, были подписаны или отвергнуты президентом. В случае невозможности исполнения президентом своих обязанностей президентом США становится вице-президент. Противники Вильсона доказывали, что пребывание президента в Париже равносильно отречению от должности, так как он не сможет в это время выполнять свои обязанности в Вашингтоне. Сенатор Шерман даже внёс предложение об объявлении конгрессом, после отъезда Вильсона в Европу, должности президента свободной.

Эти аргументы не смутили Вильсона. Он также не пожелал считаться с победой, одержанной только что на выборах оппозиционной партией. В делегацию США на мирную конференцию он включил кроме себя трёх демократов — министра иностранных дел Лансинга, полковника Хауза и генерала Блисса — и только одного республиканца — бывшего посла во Франции Уайта. Перед отъездом Вильсон объявил, что все океанские кабели, соединяющие США не только с Европой, но и с Азией и Латинской Америкой, будут находиться, как во время войны, под наблюдением и контролем правительства. Информацию о ходе переговоров страна и конгресс должны получать только через цензуру президента, через его Комитет печати в Париже.

4 декабря 1918 г. от Нью-Йорка отчалил пассажирский пароход «Георг Вашингтон». Пароход эскортировали флотилия эсминцев и линкор «Пенсильвания». Над кораблём летали аэропланы. Береговая артиллерия салютовала американскому президенту, впервые в истории США отправлявшемуся с миссией в Европу.

Американская делегация состояла из пяти человек; её сопровождала свита экспертов и технического персонала в количестве 1 300 человек. Вильсон прибыл в Париж утром 14 декабря. На вокзале его ожидали президент Французской республики Пуанкаре, премьер Клемансо и другие высокопоставленные лица Франции и её союзников. Париж встретил Вильсона более торжественно, чем любого национального героя. Двадцать минут грохотали 6-дюймовые пушки. Не только мостовые и тротуары, но и крыши зданий, примыкавших к маршруту триумфального шествия от вокзала, были заполнены людьми. Стены домов были украшены американскими флагами. Приветственные крики оглушали процессию. Ни Фош, ни Клемансо, ни «спаситель Парижа» в 1914 г. Жоффр, не говоря уже о Ллойд Джордже, Орландо или других представителях союзников, — никто не удостоился в столице Франции такой чести, таких оваций, какие выпали на долю Вильсона. Вильсон въехал в Париж в парадной карете; рядом с ним сидел Пуанкаре. На громадном полотне над улицей, по которой они следовали, были начертаны большими буквами три слова: «Слава Вильсону, справедливому!»

В тот же день на завтраке у Пуанкаре в честь Вильсона первый обмен официальными речами обнаружил разногласия между президентами США и Франции об условиях мира. Французы пытались разными способами воздействовать на упрямого американского гостя. 16 декабря муниципалитет столицы преподнёс Вильсону большую золотую медаль с званием «гражданина Парижа». Зная, что Вильсон высоко ценит учёные звания, его пригласили в Сорбоннский университет и в присутствии президента Пуанкаре, представителей сената и палаты депутатов французского парламента, дипломатического корпуса, членов правительства и высших военных чинов ему присудили две учёные степени — доктора исторических и доктора юридических наук.

В те дни фамилия президента США склонялась во всех падежах на всех европейских языках. Его считали мессией мира, пророком счастья. Делегации малых стран, в особенности вновь образованных государств, спешили в Париж. Они засыпали американского «благодетеля» просьбами о восстановлении исторической справедливости; бельгийцы, например, просили вернуть им картины Рубенса, похищенные у них ещё в XVIII в., а поляки — архив, забранный Австрией во время раздела Польши. Итальянцы, опасаясь, чтобы их не обошли в Париже, снарядили к Вильсону делегацию в составе короля и королевы, кронпринца, премьера и министра иностранных дел Италии.

26 декабря Вильсон прибыл в Англию. Англичане, обычно весьма сдержанные при чествовании на их территории иностранных героев, старались на этот раз перещеголять гостеприимных французов. В Дувре, где президент США вступил на британскую землю, дорога от парохода к поезду была устлана широким красным сукном, по которому два ряда девушек разбрасывали впереди президента розы. В Лондоне в честь Вильсона были устроены такие торжества, какие столица Британской империи видала лишь во времена самых пышных коронаций.

Больше всех постарались итальянцы. 3 января 1919 г. Вильсон прибыл в Рим. Старинная столица была ярко декорирована. У каждого подъезда был вывешен национальный флаг США, в каждой витрине был помещён большой портрет президента. Под оглушающие крики «viva Вильсон» совершился «триумфальный въезд президента заатлантической республики в древний город Цезаря».

Вильсон посетил и другие итальянские города. В Генуе он выступил у памятника Колумбу. В Милане публика приветствовала президента у королевского дворца с присущим итальянцам темпераментом.

Вильсон, забыв о недавней неудаче на выборах, о том, что у себя на родине ему было отказано в доверии, говорил о себе как о доверенном человечества. Но вскоре ему об этом напомнили. Торжественные встречи, оказанные ему в европейских столицах, не явились бескорыстным стихийным порывом народных чувств, а были обдуманы, безукоризненно выполнены и преследовали определённые цели.

Когда, наконец, 7 января 1919 г. Вильсон вернулся в Париж, оказалось, что английского премьера Ллойд Джорджа там ещё не было. Президенту предложили увеселительное путешествие по Бельгии. Лишь через четыре недели после приезда Вильсона во Францию, 12 января, состоялось первое заседание, на котором обсуждался порядок ведения мирной конференции. Конференция официально открылась 19 января.

За пять недель, истекших со времени прибытия президента США в Европу, различие во взглядах Вильсона и Клемансо на предстоящий мирный договор ясно выявились на приёмах и банкетах, в парламенте и в прессе Парижа. Вильсон подчёркивал, что США не являются «союзной», а только «примкнувшей» к Антанте державой. Он лелеял надежду занять на конференции роль арбитра между победителями и побеждёнными, превратив «14 пунктов» в заповеди, которые водворят мир и порядок между народами на веки веков. Премьеры и министры иностранных дел Англии и Франции

смотрели на миссию Вильсона совсем по-иному. Уже при первой встрече с президентом США, 14 декабря 1918 г., президент Французской республики Пуанкаре недвусмысленно намекнул на необходимость, вопреки лозунгам Вильсона, сурового наказания виновников войны. 29-го того же месяца Клемансо, выступая в парламенте, говорил о новом балансе сил, о военном союзе четырёх государств: Англии, Франции, США и Италии. Парижская газета «Тан» писала: «Мы хотим восстановить Центральную Европу сообразно интересам Франции». В пользу Клемансо официально высказались правительственные круги в Англии и лидеры оппозиции в Америке. Председатель Национального комитета республиканской партии Хейс декларировал, что в вопросе о возмещении Германией военных убытков «Америка целиком поддерживает союзников».

На мирной конференции против президента США выступал «старый тигр» Клемансо. Клемансо думал о предотвращении возможного в будущем реванша со стороны Германии. «14 пунктов» Вильсона он рассматривал как агитационные лозунги, всякая надобность в которых миновала после перемирия. Союз народов, воспеваемый президентом США, Клемансо считал наивной мечтой книжного человека. Особенно недоверчиво французский премьер относился к немецким дипломатам. Участник мирной конференции известный английский экономист Кейнс следующим образом передаёт мнение Клемансо о немцах: «германец не понимает и не способен понимать ничего, кроме устрашения, ему чужды всякое великодушие и сострадание в переговорах, он не брезгает в этом отношении никакими преимуществами, ради собственной выгоды он готов унижаться до последнего предела и не знает ни чести, ни гордости, ни милосердия. Поэтому никогда не следует договариваться с германцем или стараться привлечь его к себе снисходительностью; германцу необходимо приказывать. Иным путём невозможно добиться его уважения и предупредить попытки обмана с его стороны» [1].

Рядом с Клемансо стоял гибкий, юркий, как ртуть, Ллойд Джордж. В обществе премьеров Англии и Франции неискушённый в европейских дипломатических интригах президент США испытывал большие затруднения. Ленин отметил: «Вильсон там оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд-Джордж вертели, как пешкой» [2].

Шаткое положение президента в Вашингтоне облегчало задачу его оппонентов в Париже. Клемансо и Ллойд

[1] *Дж. Кейнс*, Экономические последствия Версальского мирного договора, Москва. Госиздат, 1922, стр. 14.

[2] *Ленин*, т. XXV, стр. 506.

Джордж, хотя и не показывали виду, прекрасно знали, что мимолётный кумир европейских столиц не является уже кумиром в Америке. Более того, лидеры большинства в конгрессе США всячески злорадствовали по поводу неудач Вильсона на мирной конференции в Париже.

Президент США, привыкший обращаться к странам и народам через голову министров и правительств, со времени ноябрьских выборов в конгресс почувствовал, как он стеснён в своих действиях, а его власть ограничена сильной рукой лидера большинства и председателя Комиссии по иностранным делам сената Генри Кабота-Лоджа. Через Уайта, единственного республиканца в делегации США на мирной конференции, Лодж известил письменно строго конфиденциально Клемансо и Бальфура, что в торгах с Вильсоном в Париже они могут вполне рассчитывать на поддержку большинства сената в Вашингтоне. Республиканская фракция в сенате, весьма тесно связанная с финансовой олигархией Нью-Йорка, симпатизировала мирной программе Клемансо и Ллойд Джорджа. Однако позиция сенатора Лоджа объяснялась не только экономическими и внешнеполитическими соображениями. Большую роль, как всегда в США — сыграла борьба за правительственную власть. Дискредитация Вильсона в Париже облегчила возвращение к власти республиканцев в Америке.

Первый из «14 пунктов» Вильсона гласил: «Открытые мирные переговоры». Для спасения престижа президента США пленарные заседания мирной конференции были объявлены открытыми. Но этим заседаниям, редко происходившим, придали чисто формальный, торжественный характер. Представителей побеждённых стран не допускали и на пленарные заседания. Слишком велики были разногласия в лагере самой Антанты. Клемансо опасался, что противник воспользуется разногласиями в среде победителей, как сто лет тому назад сумел это сделать Талейран в Вене.

В Париже шёл торг не между победителями и побеждёнными, а между самими победителями. Для согласования спорных вопросов был создан Совет десяти в составе премьеров и министров иностранных дел Англии, Франции, Италии и Японии, президента и государственного секретаря США. Потом состав этого Совета был сокращён до пяти членов. Впоследствии, в связи с выходом из него представителя Италии и отсутствия представителя Японии, в Совете осталась так называемая «Большая тройка» — Вильсон, Клемансо и Ллойд Джордж, которая перекраивала карту Европы.

Совещания премьеров с президентом США происходили в строжайшей тайне. В течение первых трёх месяцев, до

19 апреля 1919 г., эти совещания часто даже не протоколировались, и всё, что дошло до нас от этих заседаний, основано на записях Ллойд Джорджа и нескольких лиц, состоявших для особо важных поручений при главной редакции мирного договора. Рядовые члены делегаций даже великих держав неделями и месяцами толпились и шушукались в кулуарах, пока продолжались тайные заседания «Большой тройки». Представители малых, в частности вновь образованных государств, как бедные родственники, с нетерпением ожидали за дверью, что им достанется из рук всесильной «Тройки».

Вильсон сначала сопротивлялся такому порядку ведения мирных переговоров, который противоречил первому из его «14 пунктов». Но Клемансо, решительно возражая президенту, сказал: «Хочет ли президент Вильсон своим заявлением сказать, что ни для Франции, ни для Англии, Италии или Америки не существует таких особых вопросов, относительно которых не должно быть заслушано мнение представителя Гондураса или Кубы? Я до сих пор постоянно держался того мнения, что между нами существует соглашение, в силу которого пять великих держав сами разрешают важные вопросы прежде, чем входят в залу заседаний мирной конференции» [1]. Вильсон уступил. «Идол мещан и пацифистов» [2] сложил своё главное оружие. Его общение с народами через головы правительств прекратилось. После первого «грехопадения» президент Вильсон стал сговорчивее. Он шёл от уступки к уступке.

Когда Вильсон остался наедине с Клемансо и Ллойд Джорджем, его высокопарные слова не возымели эффекта. Он пробовал заговорить о высоких идеях, о человечестве; привёл в пример молодого француза Лафайета, бескорыстно сражавшегося в армии Вашингтона за независимость США. Ничто не помогло. Клемансо тихо сказал: «Сила создала США, и сила сохраняет их от распада».

Клемансо требовал установления франко-германской границы на Рейне. Он говорил: «Я прошу только то, что европейские державы предлагали Франции в 1814 году, в дни крушения Наполеона». Вильсон возразил: «Это было 100 лет назад. 100 лет — срок большой». Клемансо, как рассказывает Ллойд Джордж, ответил: «Да, большой срок в истории США» [3].

---

[1] *С. Бекер,* Вудро Вильсон. Мировая война и Версальский мир, Москва, Госиздат, 1923, стр. 204.

[2] *Ленин,* Соч., т. XXV, стр. 337.

[3] «Daily Telegraph and Morning Post», July 14, 1938.

Клемансо твердил, что он лично высоко ценит идеи Вильсона. Но уже около 2 тыс. лет назад «Христос проповедывал идеи, не указывая практически, как их проводить в жизнь». Хотя Вильсон претендовал на то, что он предлагает «практический план для достижения целей, которые Христос имел в виду», на самом деле он декларировал только принципы. Он не мог противопоставить Клемансо ни одного конкретного плана. Перед открытием конференции он утверждал, что «экономические вопросы его не интересуют»[1]. Наблюдавший за Вильсоном Кейнс писал: «оказалось, что на самом деле президент не обдумал ничего; когда дело дошло до практического выполнения, его идеи оказались туманными и отрывочными. Он не принёс с собой ни плана, ни схемы, ни каких-либо конструктивных идей, чтобы облечь плотью и кровью те веления, которые подобно звукам грома прокатились по вселенной из покоев Белого Дома»[2]. В то же время Вильсон не советовался с членами американской делегации, не консультировался с экспертами, привезёнными им в большом количестве из США. Его министр иностранных дел Лансинг рассказывает, что президент держал его в Париже в полном неведении. Когда в феврале 1919 г. Вильсон уехал на короткое время в Америку, он не поделился с Лансингом — официальным руководителем внешней политики США — состоянием его переговоров с премьерами, предполагая, что все важные дела могут подождать до его возвращения из Вашингтона[3].

Некоторые черты вильсоновского характера облегчили Ллойд Джорджу и Клемансо «укрощение» президента США. Когда 1 февраля Вильсон собирался в Вашингтон, французский премьер опередил его, апеллируя непосредственно к американскому народу. Клемансо жаловался: «Похоже на то, что война кончилась для Франции Пирровой победой»[4].

Большое место в дискуссии между президентом США и премьерами Англии и Франции занимал вопрос о репарациях. До открытия мирной конференции Ллойд Джордж и Клемансо публично обещали, что они заставят немцев уплатить военные расходы победителей. Вильсон возражал. Спорящие стороны сошлись на том, что Германия должна будет платить репарации как компенсацию за ущерб, нанесённый гражданскому населению в оккупированных районах на суше и на море, а также компенсировать расходы союзных стран

[1] *R. Annin*, Woodrow Wilson, p. 294.
[2] *Дж. Кейнс*, Экономические последствия Версальского мирного договора, стр. 19.
[3] *R. Lansing*, The Peace Negotiations, London 1921, p. 181.
[4] «Current History», March 1919, p. 406.

по выплате пенсий в связи с войной. Вильсон предложил зафиксировать в договоре окончательную сумму, которую Германии придётся уплатить. Ллойд Джордж и Клемансо убедили его в целесообразности определения этой суммы позднее репарационной комиссией.

Самой спорной и самой трудной проблемой в лагере победителей был вопрос о франко-германской границе. Клемансо — как мы уже отмечали — больше всего боялся возможности реванша со стороны Германии. Он предпочитал видеть Германию не имеющей возможности платить репарации, чем получать репарационные платежи от сильной Германии. Со дня перемирия в течение полугода Клемансо со свойственным ему упорством и настойчивостью требовал, чтобы Рейн считался западной границей Германии. Французы выдвигали идею образования буферного прирейнского государства. Они утверждали, что Франция, дважды в течение полувека испытавшая германское вторжение, считает реку Рейн более надёжной защитой, чем проектируемая Лига наций. В этом вопросе на заседании «Большой тройки» Клемансо оказался в одиночестве. Ему не удалось восстановить границы 1814 г. Но эта неудача объясняется не столько сопротивлением Вильсона, сколько нежеланием Ллойд Джорджа.

Упорство Вильсона удалось почти полностью сломить. Он не уступал только в вопросах, которые для Англии и Франции имели тогда второстепенное значение, например в вопросах о Шаньдуне и Фиуме. Из-за Фиуме, между прочим, Вильсон порвал навсегда со своим единственным доверенным и верным советником — полковником Хаузом. Он застал полковника «на месте преступления», когда Хауз без санкции президента совещался с Ллойд Джорджем и Клемансо о Фиуме.

Вильсон высказался за передачу Фиуме Югославии. Как только эта весть дошла до Рима, в итальянских городах были организованы антивильсоновские демонстрации. Улицы итальянских городов, названные в январе 1919 г. именем Вильсона, были в апреле того же года переименованы.

Когда на особо секретных совещаниях президента с премьерами Вильсон пытался упорствовать в вопросах, непосредственно касающихся Франции, парижские газеты нападали на президента, указывая, что он является генералом без армии, что американский народ от него отвернулся во время последних выборов в конгресс. То же самое делали лондонские газеты, когда Вильсон неблагосклонно относился к притязаниям англичан на мирной конференции. Клемансо имел верно действующее средство против «капризов» президента. Стоило только в парижской прессе назвать Вильсона

«германофилом», как президент тут же переходил от настойчивости к компромиссу, а от компромисса к капитуляции.

Лишь в одном вопросе — об организации Лиги наций — Вильсон был твёрд до конца. 25 января 1919 г., после его речи на пленарном заседании мирной конференции, была принята резолюция о создании Лиги наций. Под председательством Вильсона образовалась комиссия для выработки устава Лиги наций. 14 февраля Вильсон представил конференции проект устава, а на следующий день он отправился в США. Прибыв в Вашингтон, он пригласил в Белый дом членов комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей для ознакомления их с проектом деятельности «Всеобщей ассоциации народов». Некоторые сенаторы возражали против участия США в такой ассоциации. Накануне отплытия Вильсона обратно во Францию, 4 марта, сенатор Лодж опубликовал декларацию, подписанную 37 сенаторами, о том, что они не будут голосовать за Лигу в том виде, в каком она предложена президентом, и требуют, чтобы вопрос о Лиге наций рассматривался отдельно после подписания мирного договора. Уверенный, что подавляющее большинство населения США стоит за Лигу наций, Вильсон надеялся сломить оппозицию Лоджа. В то же время, прислушиваясь к советам бывшего президента Тафта и бывшего государственного секретаря Рута, он внёс кое-какие поправки в проект устава Лиги. Сюда относятся пункт о праве выхода из Лиги наций и оговорка о сохранении за США прав и интересов, вытекающих из доктрины Монро.

Путешествие в Вашингтон и обратно отняло у Вильсона целый месяц. 14 марта он вернулся в Париж. В его отсутствие была сделана попытка отделить вопрос о Лиге наций от мирного договора. Лансинг и Хауз примирились с соответствующим предложением. Но здесь президент оказался непоколебимым. В начале апреля он даже угрожал покинуть конференцию и отдал распоряжение приготовить пароход «Георг Вашингтон» для возвращения американской делегации в США. Его оппоненты, наконец, уступили. Французы пошли ещё дальше и предложили поправку о создании генерального штаба для руководства военными операциями Лиги наций. Подобная поправка не входила в планы Вильсона, вынужденного считаться с оппозицией в сенате США.

От «14 пунктов», так гордо прокламированных президентом США в январе 1918 г., уцелело лишь то, что казалось выгодным или, по крайней мере, не противоречило интересам Англии и Франции. Эти пункты делятся на три части. Первые пять пунктов трактуют об общелиберальных принципах: открытые переговоры, свобода морей, снятие таможенных

барьеров, всеобщее разоружение и регулирование колониального вопроса с учётом голоса туземного населения. Пункты 6—13 предусматривают эвакуацию оккупированных германскими войсками территорий и вознаграждение победителей, их союзников, друзей и вассалов за счёт побеждённых. 14-й пункт говорит о создании Лиги наций. Первые пять пунктов были похоронены на мирной конференции в Париже.

Вильсон нашёл утешение и успокоение в принятии последнего из его «14 пунктов» — в согласии Клемансо и Ллойд Джорджа на образование Лиги наций. Договор в конце концов, рассуждал президент, можно исправить; главное — это создание союза народов — «парламента человечества», который правильно будет корректировать несправедливые договоры и будет впредь разрешать мирным путём все международные споры. «Соглашения, — говорил Вильсон, — могут быть временными, но сотрудничество народов в интересах мира и справедливости должно быть постоянным». Решение о создании Лиги наций вошло составной частью в мирный договор и является первым из 15 его разделов.

После трёх с половиной месяцев секретных и официальных совещаний договор был окончательно выработан. 7 мая 1919 г., в четвёртую годовщину потопления «Лузитании», 400 статей, содержащих 80 тыс. слов текста, были вручены германской делегации. В этот же день взамен границ на Рейне, которых тщетно добивался Клемансо, было опубликовано дополнительное к мирному договору соглашение об «оказании немедленной помощи Франции в случае неспровоцированного нападения на неё со стороны Германии». Вильсон обязался предложить сенату США, а Ллойд Джордж — английскому парламенту ратифицировать это соглашение.

28 июня, в день пятой годовщины убийства австрийского эрц-герцога в Сараеве, в Версале в знаменитом Зеркальном зале, там, где 48 годами раньше Бисмарк и Тьер обсуждали франко-прусский договор, где прусский король Фридрих-Вильгельм был объявлен императором Германии, состоялась процедура подписания мирного договора между Германией и союзниками. В тот же день вечером, 28 июня, Вильсон уехал в Брест, где его ожидал пароход «Георг Вашингтон».

Подписав договор, который противоречил первым пяти тезисам «14 пунктов», Вильсон, отправляясь домой, со свойственным ему упорством защищал и отстаивал этот документ: «легче было, — утверждал Кейнс, — обмануть этого старого пресвитерианца, чем раскрыть ему глаза на обман,

ибо теперь с этим обманом была связана его вера и самоуважение» [1].

Вильсон отправился в Европу дискредитированный в Америке. Он вернулся в Америку дискредитированный в Европе.

III
ИНТЕРВЕНЦИЯ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

Злоупотребление президентскими полномочиями. «Вынужденный» выбор. Обращение Вильсона к IV съезду Советов. Высадка в Архангельске. Волнения среди американских солдат. Корпус Гревса. Протесты в США. Миссия Буллита. Выступление Бора.

Незадолго до наступления перемирия на западном фронте Вильсон совершил шаг, который покрыл позором президента США и его правительство: 3 августа 1918 г. было опубликовано официальное решение Белого дома послать американские войска в Россию для оккупации Мурманска и Владивостока. Это решение, оскорбляющее традиции заатлантической республики, президент принял без санкции конгресса. Злоупотребляя полномочиями, которые конгресс предоставил ему для ведения войны с Германией, Вильсон отправил солдат США для борьбы с частями Красной Армии в России.

Правительство США организовало интервенцию совместно с другими империалистическими правительствами. Но оправдать интервенцию труднее всего было в США. Заатлантическая республика сама возникла в конце XVIII века в огне революционной войны. В продолжение всей истории республики неизменно сохранялись дружественные отношения между народами России и США. В 1918 г. в США числилось много иммигрантов и потомков тех иммигрантов, которые в своё время нашли убежище в Америке от преследований за революционную деятельность. Естественно, что посылка американских войск для борьбы с революцией в России вызвала большое недовольство в стране. Сам Вильсон вскоре убедился в неправильности своего поступка. В Париже он уже пожелал покончить с интервенцией, давившей тяжёлым грузом на него и на его партию. Общественное мнение Вашингтона осуждало интервенцию. В течение ряда лет пресса неоднократно возвращалась к этому вопросу. Официальные и неофициальные лица пытались доказать в печати, что США якобы вынуждены были участвовать в интервенции.

В апреле 1930 г., в связи с прибытием в США тел 75 американцев, убитых во время интервенции в районе Архангель-

[1] *Дж. Кейнс,* Экономические последствия Версальского мирного договора, стр 24.

ска, нью-йоркский журнал «Current History» посвятил три статьи описанию причин и хода интервенции. Первая статья была анонимная. Но в примечании редакции сообщалось, что аноним «объясняет позицию правительства США». Автор повторил два аргумента, которые в 1930 г. насчитывали уже десятилетнюю давность: первый — дипломатический нажим иностранных правительств вынудил Вашингтон участвовать в интервенции; второй — участие США в интервенции помешало «другим оккупантам воспользоваться создавшимся положением и захватить советские земли».

Правда, командующий американским экспедиционным корпусом генерал Гревс проводил политику, совершенно отличную от политики японского командования: не в интересах США было поощрение захватнических планов японской военщины на Советском Дальнем Востоке. Красная Армия и советская дипломатия в борьбе за освобождение Сибири от нашествия интервентов воспользовались, как и на других фронтах гражданской войны, противоречиями, существовавшими между империалистическими державами. Однако для США участие в интервенции не явилось, как неоднократно пытались доказывать официальные лица в Вашингтоне, ни вынужденным, ни единственно возможным или лучшим выбором. При той роли, которую Америка играла в мировой войне в 1918 г., активное противодействие Вильсона могло бы предотвратить интервенцию на советской территории. Впрочем, на севере американские войска действовали всецело под командованием англичан.

Американские войска отправились из Англии в Мурманск 27 августа 1918 г. 4 сентября они прибыли в Архангельск. Официальная версия гласила, что союзные войска должны охранять большие склады амуниции в северных портах от захвата их немцами. Но солдаты США получили приказ об отплытии в Мурманск уже во время общего отступления германских армий на западном фронте, через две недели после знаменитого заявления Людендорфа о том, что «великая игра закончена». Аппетиты германских генералов были велики, но им уже тогда было не до похода через Финляндию на далёкий Север.

Одна из основных задач, которые преследовали интервенты как США, так Англии и Франции, заключалась в том, чтобы создать базы для формирования и снабжения белогвардейских армий на советской территории. Эту истину, собственно говоря, признают сами американские офицеры, участники интервенции [1].

[1] «Current History», April 1930, p. 66.

В обращении к IV Чрезвычайному съезду Советов Вильсон выразил своё сочувствие русскому народу по поводу вторжения германских полчищ на советскую территорию. Но это обращение не было искренним [1].

Через полгода, когда Германия была окончательно разгромлена, Вильсон заявил: «А теперь наш враг есть мировой большевизм» [2]. Через два месяца после обращения Вильсона к съезду Советов правительственный Комитет общественной информации открыл всеамериканскую кампанию травли и клеветы против советской власти в России. Осенью 1918 г., когда на западном фронте наступило перемирие и «война, которая положит конец войнам», закончилась, Крил обновил антигерманские лозунги и направил их против Советской России. Сейчас Крил призывал к новой войне на «защиту цивилизации». Распространением клеветы занималась также специальная подкомиссия сената под председательством реакционера Овермана. Белые эмигранты обильно снабжали Овермана «фактами».

Предполагая, что общественное мнение достаточно обработано, президент США решил в средине 1918 г. принять участие в интервенции и штыком помочь контрреволюционным силам свергнуть советскую власть. Но Вильсон очень скоро разочаровался в своих расчётах. Он не ожидал ни широких протестов в США, ни печального исхода интервенции.

Американские войска, высадившиеся в сентябре 1918 г. в Архангельске, окончательно эвакуировались в июле 1919 г. Всего в интервенции на севере участвовало, согласно отчёту полковника Ричардсона, свыше 6 тыс. американских солдат. Из них, по официальным данным военного министерства, 224 погибло и 305 было ранено.

Из Архангельска американские и английские войска начали вместе с русскими белыми отрядами двигаться по железной дороге и по Двине на юг, думая о Вологде и даже о Петрограде. Подошедшие красноармейские части заставили вскоре интервентов в спешном порядке отступить на север. Из Шенкурска оккупанты еле успели эвакуировать живую силу, оставив Красной Армии значительные трофеи. Американцы убедились, что на севере России холодно и что красноармейцы горячо дерутся. Суровой непривычной северной зимой среди враждебного населения американские солдаты, не понимавшие смысла всей затеи, пришли — как рас-

[1] В редакционном примечании к сочинениям Ленина (т. XXII, стр. 619), помещённом после текста обращения Вильсона, говорится: «Этим обращением Вильсон стремился удержать Советскую Россию от сепаратного мира с Германией, привлечь ее на сторону Антанты и использовать русскую армию для отвлечения немецких войск с Западного фронта».

[2] *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 324.

сказывают участники интервенции — в отчаяние. Среди американских солдат начались волнения, особенное недовольство вызывало английское командование. Один английский офицер был убит, английский флаг был сорван, и один батальон американских солдат категорически отказался воевать и потребовал немедленного возвращения домой. В марте 1919 г. происходили также волнения в 339-м пехотном полку; первая рота отказалась отправиться на фронт [1].

В августе 1918 г., за несколько недель до прибытия десанта США в Архангельск, во Владивостоке начали высаживаться части американского экспедиционного корпуса под командованием генерала Гревса. Последние части этого корпуса эвакуировались из Сибири лишь 1 апреля 1920 г. Корпус Гревса расположился по линии Уссурийской железной дороги. Поскольку Дальний Восток был тогда отрезан белыми армиями, войскам Гревса не приходилось сталкиваться с Красной Армией. По отношению к оперировавшим на Дальнем Востоке красным партизанским отрядам Гревс, враждовавший с японским командованием, часто занимал терпимую позицию. Он утверждал, что соблюдает нейтралитет между воюющими сторонами и что его задача ограничивается охраной железной дороги. Но, охраняя железную дорогу, с помощью которой Антанта снабжала колчаковскую армию, Гревс фактически оказывал большую помощь Колчаку.

Когда широкие круги населения в различных штатах узнали, что, несмотря на перемирие и окончание мировой войны, американские солдаты продолжают воевать, да ещё в Советской России, которой Вашингтон никогда войны не объявлял, в стране поднялась волна протестов. Протестовали прогрессивные лица и организации, протестовали родители солдат, посланных в Архангельск и во Владивосток, протестовали влиятельные сенаторы и конгрессмены. В декабре 1918 г. и в январе 1919 г. сенаторы Лафоллет, Бора и Джонсон резко критиковали правительство за участие в интервенции. Эта критика нашла широкое сочувствие в стране. 17 февраля 1919 г. военный министр Беккер обещал отозвать американские войска из района Архангельска, как только в Белом море откроется навигация. Но протесты в конгрессе не уменьшались. Сенатор Джонсон требовал расследования причин, побудивших правительство США послать войска в Сибирь. В мае Лафоллет в сенате и Массон в палате представителей энергично настаивали на немедленном отзыве всех американских солдат из России. Лафоллет

[1] «Current History», April 1930, p. 65—68; «Daily Worker», 2. IV. 1932; *F. Schuman*, American Policy Toward Russia, New York 1928, p. 136—137.

представил соответствующую петицию сенату от законодательного собрания штата Висконсин, а Массон собрал в своём избирательном округе в штате Иллинойс 76 тыс. подписей, поддерживавших внесённую им в конгресс резолюцию.

В феврале 1919 г., когда Вильсон временно оставил мирную конференцию и прибыл в США, он лично мог убедиться, какими неприятностями чревата для него авантюра в Советской России. Ещё до его отъезда из Франции на совещании по русскому вопросу, состоявшемуся 16 января 1919 г. в Париже, Ллойд Джордж заявил: «Идея уничтожения большевизма военной силой — сплошное безумие» [1]. Во-первых, это — по его словам — невозможно. Во-вторых, любые союзные войска, посланные для проведения подобной политики, восстанут. Вильсон добавил, что он тоже чувствует, что «британские и американские войска откажутся воевать с большевиками» [2].

Вильсон решил как можно скорее и дипломатичней покончить с интервенцией. Возник план созыва конференции из представителей всех воюющих на территории бывшей России сторон. Местом для конференции предполагались Принцевы острова в Мраморном море. Белые генералы, надеясь с помощью Антанты одержать победу, отказались участвовать в конференции. Тогда Вильсон решил послать в секретном порядке специальную миссию для переговоров с советским правительством.

18 февраля 1919 г., через несколько дней после отъезда Вильсона в США, Лансинг поручил сотруднику американской мирной делегации в Париже Вильяму Буллиту отправиться в Россию. 8 марта Буллит прибыл в Петроград. 14 марта 1919 г. Буллит после свидания с Лениным получил официальный текст предложений советского правительства, написанный Лениным [3].

---

[1] «Russian-American Relations, Documents and Papers», New York 1920, p. 285.

[2] *F. Schuman,* American Policy Toward Russia, p. 128.

[3] «Все существующие де-факто правительства в России и Финляндии сохраняют власть на принадлежащей им территории, исключая случаи, которые может предусмотреть конференция, — что народы, обитающие на территории, управляемой правительством де-факто, сами пожелают переменить правительство.

При этом должно быть гарантировано общим взаимным обязательством не применять силы для низвержения какого бы то ни было из этих правительств, включая Финляндию, Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербейджан и Афганистан.

2. Экономическая блокада снимается, и восстановляются взаимные торговые сношения.

3. Советскому правительству предоставляется беспрепятственный транзит по всем железным дорогам и пользование всеми портами, принадлежавшими прежней Российской империи и Финляндии.

Миссия Буллита, однако, закончилась безрезультатно. Когда он вернулся в Париж, временные успехи Колчака опять ввели английского премьера и президента США в заблуждение. Предложения, привезённые из Советской России, предали забвению. Америка наряду с Англией и Францией начала оказывать солидную помощь Колчаку и Деникину. 26 мая Ллойд Джордж, Вильсон, Клемансо и Макино (Япония) в специальной ноте Колчаку обещали ему всяческое содействие. Транспорты оружия, амуниции и железнодорожного оборудования последовали из Америки в Сибирь для колчаковских армий. Синдикат нью-йоркских и лондонских банков, в который входили «National City Bank», «Guaranty Trust Co.» и др., предоставили заём в 38 млн. долл. на покупку оружия для Колчака. Опять усилились в США голоса протеста против помощи белым армиям и против интервенции.

5 сентября 1919 г. Бора, обратившись к президенту США с трибуны сената, сказал: «Мы не находимся в состоянии войны с Россией. Конгресс не объявлял войны ни русскому правительству, ни русскому народу. Народ Соединённых Штатов не желает войны с Россией. Если бы этот вопрос поставили перед населением страны, наш народ единогласно высказался бы против войны с Россией или с любой частью русского народа. Мы содержим армию в России, мы снабжаем другие вооружённые силы в этой стране и так вовлечены в конфликт, как будто мы, соблюдая конституционную законность, объявили войну и призвали народ к оружию для этой цели» [1].

4. Граждане охватываемых соглашением стран имеют право свободного въезда, проживания и перемещения в полной безопасности под условием невмешательства во внутреннюю политику других стран. Взаимно обеспечивается право посылать официальных представителей, которые не должны обязательно иметь все права дипломатических чиновников, но пользуются правом иммунитета.

5. Объявляется общая амнистия всем политическим противникам, преступникам и пленным в России и для всех, кто преследуется или может быть преследуем вне России за оказание помощи Советской России. Все военнопленные должны быть возвращены.

6. Немедленно при подписании этого соглашения все иностранные войска отзываются из России, и прекращается всякая военная поддержка анти-советских правительств. Все армии, остающиеся в России, переводятся на мирное положение.

7. Правительства России и Финляндии отвечают за финансовые обязательства прежней империи перед странами, участвующими в этом соглашении, и их подданными. Дальнейшие постановления на этот счет согласуются с этими основными принципами» (*Ленин*, т. XXIII, стр. 509—510).

[1] *F. Schuman*, American Policy Toward Russia, p. 163.

В то время, когда Бора обрушился на Вильсона в сенате, Колчак уже потерпел крушение. Вслед за Колчаком рухнули Юденич и Деникин. Красная Армия, разгромившая белые армии, положила конец иностранной интервенции. Интервенция закончилась полным провалом. Она завершила провал «мировой» политики Вильсона.

IV

КРАХ ВИЛЬСОНА И ЕГО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Активность Лоджа, использование им изоляционистов. Дебаты о Лиге наций в сенате. Апелляция президента к народу. Отказ в ратификации мирного договора. Отдельный договор с Германией. Конец Вильсона.

Интервенция и Версаль — с таким внешнеполитическим багажом Вильсон привёл свою партию к приближавшейся новой президентской кампании в Америке. Интервенция в Советской России — совершившийся факт. Согласен ли конгресс или нет, этот факт отменить нельзя. Но мирный договор без согласия $^2/_3$ членов сената не имеет силы. Большинство в сенате принадлежало противникам Вильсона — членам республиканской партии.

Лидер оппозиции Генри Кабот-Лодж за кулисами Парижской конференции принимал меры к тому, чтобы Версальский договор был заключён в духе Клемансо и Ллойд Джорджа. Потом договор, противоречащий декларации президента, послужил Лоджу неплохим оружием в его борьбе с Вильсоном. В 1920 г. предстоял генеральный бой между республиканцами и демократами за федеральную исполнительную власть. Отклонение Версальского договора или даже внесение в него только поправок означало большой удар по престижу Вильсона и демократической партии. Таким образом, вопрос о ратификации Версальского договора сенатом попал в центр партийной борьбы.

Лоджу, как и Ноксу, Шерману и другим представителям американского империализма в сенате, не пришлась по вкусу первая часть Версальского договора, часть, посвящённая Лиге наций. Они не желали, чтобы какая-то международная организация обсуждала и осуждала войны и интервенции, организуемые нью-йоркскими банкирами. Люди, державшиеся подобных взглядов, имели, правда, слабое меньшинство в сенате. Но они использовали изоляционистскую группу — Бора, Лафоллета и других представителей глубинных континентальных фермерских штатов в конгрессе, которые, наоборот, опасались, что Лига наций будет содействовать во-

влечению США во внешние конфликты. Группы Лоджа и Бора с трудом собрали больше 32 голосов, необходимых для отклонения Версальского договора сенатом. Многие сенаторы колебались. Но случайный инцидент помог Лоджу настроить колеблющихся сенаторов против Вильсона.

В начале мая 1919 г., когда текст Версальского договора был готов, авторы этого документа решили не публиковать его до подписания договора Германией. В течение нескольких недель любопытство и негодование в сенате США возрастали. Тем временем компаньон Моргана, Томас Ламонт, будучи финансовым экспертом американской делегации в Париже, достал копию договора и переправил её Лоджу, а Лодж передал её Бора. 3 июня Бора сообщил в сенате, что Вильсон, скрывая договор от сенаторов, позволил банкирам Уолл-Стрита получить и использовать этот важный международный трактат для своих махинаций. 9 июня газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала текст договора, а Вильсон всё ещё продолжал тщательно скрывать его от сената. Лишь 10 июля Вильсон официально вручил сенату Версальский договор, заявив при этом: «Наша изоляция закончилась 20 лет назад... Мы не можем пойти вспять, мы можем следовать только вперёд» [1]. Но к этому времени Лоджу уже удалось перетянуть некоторых колебавшихся сенаторов на свою сторону.

Начались горячие дебаты в сенате. Правая рука Лоджа — сенатор Шерман доказывал, что Устав Лиги наций умаляет суверенитет США. Он утверждал: «Лига будет налагать эмбарго на нашу торговлю, закрывать наши биржи, уничтожать наш кредит, запирать Панамский канал; она будет приказывать конгрессу объявлять войну, повышать налоги, ассигновывать денежные суммы, увеличивать армию и флот и посылать наших людей сражаться и умирать в любую часть земного шара, если только этого пожелает Совет союзных держав» [2]. Подобные комментарии 10-й статьи устава Лиги наций [3] были характерны для оппонентов Вильсона в конгрессе. Чем дальше продолжалась дискуссия, тем больше разгорались страсти.

Напрасно Вильсон и его сторонники ссылались на то, что все вопросы о санкциях решал, согласно 10-й статье, Совет, а в Совете Лиги все решения должны были приниматься

[1] «Current History», August 1919, p. 214.

[2] *R. Harlow*, Story of America, New York 1937, p. 696.

[3] Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства.

единогласно. Америке предоставлялось постоянное место в Совете, и насильно навязать Вашингтону те или иные меры было невозможно. В сенате это прекрасно знали. Но за стенами конгресса редко кто читал устав Лиги. В сенате спор принял характер острой партийной борьбы, а в стране нашлось немало неискушённых в политике американцев, которые поверили аргументации Шермана и настроились против вхождения Америки в Лигу наций. Правда, в общественном мнении США преобладали настроения в пользу Лиги наций. 15 сентября 1919 г. орган республиканской партии газета «New York Herald Tribune» сообщила, что видные республиканцы и демократы из 40 штатов просят сенат ратифицировать мирный договор без замедлений и изменений. 18-го того же месяца газета «New York Times» утверждала: «Вера в Лигу охватывает широкие слои народа». 250 известных общественных и политических деятелей подписали петицию в сенат за участие США в Лиге наций. Среди подписавших числились десять губернаторов, в том числе губернатор Нью-Йорка Смит, бывший президент США Тафт, председатель АФТ Гомперс, Томас Эдисон и др. Петиция за 17 тыс. подписей поступила в сенат от духовенства, представлявшего все вероисповедания во всех штатах страны. Только 5% духовенства США высказалось против Лиги. Журнал «Literary Digest» опросил мнение 1 377 газет с общим тиражом в 21 млн. экземпляров. 718 газет с тиражом в 10 млн. высказались за Лигу наций безоговорочно, 478 с тиражом в 6 800 тыс. — за вступление в Лигу с оговорками, а 181 с тиражом в 4 300 тыс. — против. За Лигу высказались Американская федерация труда, Американская ассоциация адвокатов, Американская ассоциация банкиров и 96% членов Торговой палаты США. В её пользу также публично выступали отдельные представители крупнейшего американского капитала: компаньоны Моргана Томас Ламонт и Генри Дэвисон, председатель Совета директоров Стального треста США Гери и др. Но все эти организации и лица не действовали так активно и решительно, как те представители монополистического капитала США, которые готовы были любой ценой воспрепятствовать вступлению США в Лигу наций.

Кампанию Лоджа против Вильсона щедро финансировали глава Американской алюминиевой компании Меллон и король угля Фрик [1]. Эти архимиллионеры, лично заинтересованные в ограждении США таможенными барьерами, выражали в данном случае мнение тех промышленных кругов,

[1] «New York Times Magazine», 20. VIII. 1944.

которые считали, что успешная борьба с конкуренцией европейской индустрии требует изоляции США от европейских политических дел.

Вопрос решался в сенате. Группа сенаторов, шедшая в вопросе о Лиге наций за Лоджем, игнорировала мнение представленного ею населения. Сенатор Кенион из Айовы, например, заявил, что если все жители штата Айовы единогласно выскажутся за Лигу, то он всё равно будет голосовать против неё. А Бора выразился публично: «Если сам Иисус Христос снова появится на земле и выскажется в пользу Лиги наций, я буду против неё».

Впоследствии в США были опубликованы две книги, иллюстрирующие маневры Лоджа и вместе с тем показывающие отношение населения США к Лиге наций. Первая книга принадлежит самому Лоджу[1]. Лодж рассказывает о своих беседах с Бора в 1919 г. Признавая, что широкие массы населения и большая часть интеллигенции настроены сочувственно к идее Лиги наций, Лодж заявил своему собеседнику: «Мне совершенно ясно, что любая попытка провалить Версальский договор вместе с Лигой немедленным голосованием безнадежна». Лодж считал нужным прежде всего организационно хорошо подготовиться к решающей схватке, используя силу комиссии по иностранным делам сената, председателем которой он был.

Вторая книга принадлежит известному лидеру республиканской партии, соратнику Лоджа в борьбе с Вильсоном, сенатору Джеймсу Уостону из Индианы[2]. Автор приводит свой разговор с Лоджем в 1919 г. о Лиге наций: «Сенатор, — обратился я к нему, — я не вижу, как мы сможем провалить это предложение. Мне кажется, что 80% населения одобряют его, проповедники и церкви в большинстве своём благословляют его, все люди, почувствовавшие бремя и гнёт ужасной трагедии войны и считающие, что Лига наций открывает путь ко всеобщему миру, стоят за неё». Лодж ответил: «О, мой дорогой Джеймс, я думаю преодолеть препятствия не фронтальной атакой, а обходным путём, методом оговорок». Затем в течение двух часов Лодж излагал Уостону приготовленные им оговорки, в которые включалось также предоставление США мандата на Армению. Наконец, Уостон согласился, что в ходе обсуждения оговорок может создаться обстановка для провала предложения Вильсона об участии США в Лиге наций.

Вильсон, убедившись, что речь идёт прежде всего о дискредитации его и его партии, решил апеллировать к населению.

[1] «The Senate and the League of Nations».
[2] «As I knew them».

3 сентября 1919 г. он отправился в путешествие по западным штатам. На следующий день утром он выступил в штате Огайо, а вечером в Индиане. Оттуда он взял курс на северо-запад, посетил крупнейшие города Тихоокеанского побережья. Из Лос-Анжелоса он повернул обратно на восток. Публика слушала президента и щедро ему аплодировала. Вслед за Вильсоном в средне-западные штаты отправились сенаторы Бора, Джонсон и др. Они резко обрушивались на президента, и слушатели им также аплодировали. Характерно, что особенно тёплые встречи были оказаны Вильсону в традиционно республиканских штатах — Миссури, Миннесота, Юта, Орегон, Калифорния и даже на родине Бора — Айдаго. Холодный приём он встречал в тех районах, где живёт много американцев немецкого происхождения. В течение трёх недель Вильсон преодолел расстояние в 9 тыс. миль, выступал по два раза в день, произнёс 39 речей. 25 сентября 1919 г., выступая в последний раз перед народом, Вильсон заявил, что если Америка откажется от участия в международной организации по сохранению мира, то «подрастающее поколение будет участвовать в войне, по сравнению с которой война 1914—1918 гг. покажется игрушкой». Он напрягал все свои силы. Это были самые колоритные и самые страстные его речи. Но они оказались последними его усилиями. Вильсон, всегда слабый здоровьем, не выдержал напряжения. 26 сентября он в дороге внезапно заболел. Его немедленно привезли в Вашингтон. У президента оказался частичный левосторонний паралич. Хотя Вильсон сохранил полное сознание, он был уже человеком надломленным.

Когда Вильсон совершал свой роковой тур, лидер оппозиции Лодж выступал в роли «примирителя». 10 сентября комиссия по иностранным делам, доложив сенату о мирном договоре, отметила, что Лига наций означает союз держав, который «вместо обеспечения мира породит войны». Она предложила ратифицировать Версальский договор с 45 добавлениями и со специальными оговорками, необходимыми «для сохранения американских прав и американского суверенитета». На самом деле эти оговорки и добавления должны были лишить Лигу наций права санкций и превратить её в чисто совещательный орган. Характерно, что специальный британский посол в Вашингтоне, бывший министр иностранных дел, лорд Грей написал открытое письмо в лондонский «Таймс», в котором он одобрил оговорки Лоджа к уставу Лиги наций. Главная оговорка, предложенная группой Лоджа, гласила: «США не могут принять на себя обязательства, которые статья 10 налагает на членов Лиги». Вильсон катего-

рически возражал против этой оговорки, заявляя, что она «вонзает нож в сердце мирного договора». Он говорил: мы можем ратифицировать или отклонить договор, но мы не можем внести в него такие поправки, которые меняют его содержание.

Обсуждение договора в сенате затянулось больше, чем на два месяца. Зачитывали текст — раздел за разделом, статью за статьёй. Все предложенные добавления были отвергнуты значительным большинством голосов. Неугомонный Лодж не растерялся. Комиссия по иностранным делам сената решила включить основное содержание добавлений в оговорки. Она добилась принятия сенатом 14 оговорок, сопровождаемых специально оговоркой о том, что договор не вступит в силу для США до тех пор, пока 3 из 4 великих держав Антанты — Англия, Франция, Италия и Япония — не одобрят 14 оговорок [1].

Большинство конгресса не церемонилось с больным Вильсоном, игнорировало и раздражало прикованного к постели президента. В октябре 1919 г. конгресс в дополнение к XVIII добавлению к конституции принял закон о том, что на территории США запрещается производство, перевозка и продажа напитков, содержащих больше 0,5% алкоголя. 27-го того же месяца Вильсон наложил вето на этот закон. В тот же день, через два часа после того, как конгресс

[1] 1) В случае выхода США из Лиги наций им самим принадлежит право судить, выполнены ли их обязательства как члена Лиги; 2) США не берут на себя никаких обязательств в отношении защиты территориальной целостности и политической независимости любой страны или участия в международных действиях, вытекающих из 10-й статьи Лиги без того, чтобы каждому конкретному случаю предшествовало соответствующее постановление конгресса; 3) никаких мандатов правительство США не берёт от Лиги наций без решения конгресса; 4) внутренние вопросы страны не рассматриваются Лигой; 5) из юрисдикции Лиги ссвершенно изымается доктрина Монро, интерпретация которой принадлежит исключительно США; 6) США не согласны со статьёй договора, касающейся Шаньдуня; 7) конгресс сохраняет за собой право решать, как назначить представителей США в Лигу наций и в её комиссии; 8) Репарационная комиссия не имеет права без санкции конгресса вмешиваться в торговлю США с Германией; 9) США не могут нести никакие расходы по Лиге наций без акта конгресса; 10) если США согласятся с планом сокращения вооружений, предложенным Лигой, то они резервируют за собой право на увеличение вооружений, не спрашивая Лиги, в случае военной угрозы; 11) США могут разрешить гражданам государства, порвавшего с Лигой наций, продолжать свои коммерческие, финансовые и другие дела в Америке; 12) за США сохраняется право защиты интересов своих граждан за границей; 13) США не будут участвовать в международной организации труда, пока об этом не будет принято решения конгресса; 14) США не будут связаны любым решением Лиги или её совета, при котором любой член Лиги имел вместе с его доминионами или колониями больше чем один голос.

узнал о решении президента, палата представителей приняла этот акт вторично большинством в две трети голосов (как полагается в случае наложения президентом вето на закон). На завтра произошло вторичное голосование закона в сенате с таким же результатом. Жёсткий антиалкогольный закон вошёл в силу вопреки вето Вильсона.

19 ноября 1919 г. вопрос о ратификации Версальского договора был поставлен в сенате на голосование. Голосовали договор с оговорками и без оговорок. В обоих случаях большинство высказалось против ратификации. В начале 1920 г. Вильсон сообщил, что он согласен с пятью оговорками, предложенными лидером демократов в сенате Хитчкоком [1]. Лодж отказался от компромисса. К этому времени появилась новая, 15-я оговорка, выражавшая симпатию Ирландии в соответствии с принципом самоопределения и резолюцией сената от 8 июня 1919 г. Сенат пробовал ещё раз, как выражаются в США, «заново молотить старую солому». В марте 1920 г. резолюция о ратификации договора вместе с оговорками голосовалась в последний раз.

После голосования решили вернуть текст Версальского договора президенту, информируя его, что «сенат не ратифицировал договора, так как он не в состоянии набрать требуемого конституцией большинства». Для требуемого большинства недоставало всего семь голосов.

Юридически Америка продолжала оставаться в состоянии войны, хотя к осени 1919 г. завершилась демобилизация армии. Обе палаты конгресса приняли резолюцию, объявлявшую войну с Германией законченной. Вильсон наложил вето на эту резолюцию. Другую аналогичную резолюцию конгресс принял спустя больше года, уже при новом президенте. Новый, отдельный договор между США и Германией был подписан лишь 25 августа 1921 г. Договор подтвердил, что за Америкой сохраняются все права, предоставленные ей Версальским договором. Вместе с тем он отмечал, что США не связаны с теми частями Версальского договора, которые посвящены Лиге наций, территориальным и колониальным вопросам.

16 января 1920 г. в Париже состоялось первое заседание Совета Лиги наций. Вильсону предоставили честь созыва первой сессии Совета. За подписью президента США рассылались приглашения представленным в Совете правительствам Англии, Франции, Италии, Японии, Бельгии, Бразилии и Испании. 15 ноября того же года в Женеве со-

[1] Эти 5 оговорок соответствовали первой, четвёртой, пятой, тринадцатой, четырнадцатой и той части второй оговорки Лоджа, которая относится к применению силы в связи со статьёй 10 Лиги наций.

стоялось первое заседание ассамблеи Лиги. Представители правительств 41 страны впервые в истории собрались вместе. Среди собравшихся на это торжественное заседание представитель США не числился. «Парламент человечества» открылся без его изобретателя.

Вильсон доживал в Белом доме инвалидом, разбитым душой и телом. «Пророк народов» превратился в больного, озлобленного старика. Он разогнал свой кабинет и оставшихся поклонников и друзей. С Хаузом он перестал дружить ещё в Париже. В начале 1920 г. Вильсон сменил своих министров иностранных и внутренних дел, финансов и сельского хозяйства. Наконец, Вильсон уволил преданнейшего ему Тьюмалти, который был беспрерывно его секретарём со времени губернаторства в Нью-Джерси. Новые члены кабинета оказались махровыми реакционерами. Новый министр иностранных дел Кольби опубликовал в сентябре 1920 г. архиреакционную декларацию против Советской России. Министр юстиции с 1919 г. — Пальмер — известен как душитель революционного и прогрессивного движения США. Так, вслед за внешнеполитическим банкротством оказалась скомпрометированной «новая свобода» во внутренней политике.

Вильсон, чувствовавший себя недавно центром вселенной, оказался сейчас политически отверженным. Победу в мировой войне он считал личной победой, а затем свою личную трагедию — всемирным поражением.

Проводя остаток дней своей жизни почти в одиночестве, Вильсон ворчливо критиковал своих политических противников, желчно проклинал своих врагов. Покинув Белый дом, он часто вспоминал у камина о Париже, как Клемансо и Ллойд Джордж ловко его обхаживали. Незадолго до смерти, в порыве злобы, рассерженный президент в отставке «каялся» и говорил, что он бы хотел дожить до того момента, когда Германия окончательно разгромит Францию [1].

Вудро Вильсон умер 3 февраля 1924 г.

[1] *D. Lawrence,* The true story of Woodrow Wilson, New York 1924, p. 354.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЁМ И ПОХОД ПРОТИВ «КРАСНЫХ» В АМЕРИКЕ

I

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЛНА В США

XIX добавление к конституции. Советы на Дальнем западе. Забастовка в Сиэтле. Стачка в нью-йоркском порту. Забастовка полицейских в Бостоне. Самуил Гомперс. Вильям Фостер. Стачка сталелитейщиков. Посредничество Вильсона. План Плэмба. Стачка углекопов.

Великая Октябрьская революция в России, вызвавшая революционный подъём в Западной Европе и на колониальном Востоке, всколыхнула рабочее движение и вызвала подъём общего прогрессивного движения в Америке.

С конца 40-х годов прошлого века в течение 70 лет американская женщина энергично боролась за избирательное право. Отдельные штаты вскоре после гражданской войны предоставили женщинам избирательное право. Но ещё к концу первой мировой войны около 10 млн. женщин избирательного возраста были в разных штатах лишены права голоса. В крупнейшем и важнейшем штате — Нью-Йорке женщина получила равноправие лишь в конце 1917 г., а закон об избирательном праве женщин в общенациональном масштабе продолжал наталкиваться на большое сопротивление. Бывший президент США Вильям Тафт возглавил кампанию против эмансипации женщин. В 1918 г. конгресс в 13-й раз провалил предложение о предоставлении избирательного права женщинам федеральным законом. Но в средине следующего года конгресс принял XIX добавление к конституции, гласящее: «Избирательные права граждан США не могут быть отменены или ограничены Соединёнными Штатами или отдельными штатами под предлогом пола». Штаты сравнительно быстро ратифицировали XIX добавление: 22 штата — к концу декабря 1919 г., 35 — к марту 1920 г. и 36 — к августу 1920 г. Одобрения трёх четвертей всех штатов достаточно для того, чтобы добавление вошло в силу. Перед президентскими выборами 1920 г. закон, урав-

нивающий женщин в избирательных правах с мужчинами, стал частью конституции США.

В самой большой американской колонии — на Филиппинских островах — усилилось движение за независимость. В конце 1918 и в начале 1919 г. Филиппинское законодательное собрание принимало резолюции, требовавшие независимости, и послало с этой целью специальную делегацию в составе 40 лиц в Вашингтон. В июне 1919 г. происходили выборы на Филиппинах, носившие характер плебисцита. Подавляющее большинство избирателей одобрило решение Законодательного собрания.

В портах США рабочие категорически отказывались грузить оружие, предназначенное для интервентов и белых армий в России. На Дальнем Западе появились в ряде городов Советы рабочих, солдат и матросов. «В западных городах, — писал один из организаторов коммунистического движения в США Джон Рид, — в особенности в Сиэтле, Бутте, городе Солёного Озера и Портлэнде, эти советы, в целях согласования действий в борьбе за интересы рабочего класса объединили вокруг себя все экономические и политические рабочие организации, стоящие на платформе классовой борьбы, а также и оппозиционные элементы из местных союзов Американской федерации труда» [1].

Несмотря на антисоветскую кампанию Гомперса и других профсоюзных бюрократов, интерес и симпатии к власти трудящихся в далёкой России росли среди рядовых членов Американской федерации труда. «Хотя американские рабочие, — писал Джон Рид, — в действительности имели очень слабое представление о том, чем в сущности была эта революция, и фактически не понимали ни большевизма, ни организации Советов, но они инстинктивно чувствовали, что Советская Россия является Рабочей Республикой, и ценность этого явления заключалась именно в том, что оно внушало мысль о рабочем контроле не только над промышленностью, но и над государством... Всё это я говорю исключительно об американских рабочих, объединённых в Американскую Федерацию Труда» [2].

Во время войны правительство США и руководители АФТ требовали от рабочих максимального напряжения всех сил, обещая им щедрую компенсацию после победы. После окончания войны, однако, прежние и новые миллионеры не только не соглашались итти на частичные уступки рабочим, но, наоборот, под лозунгом «назад к нормальному» они повели

---

[1] «Коммунистический Интернационал» № 9, 1920, стр. 1284.
[2] Там же, стр. 1282.

кампанию за общее сокращение заработной платы. Сопротивление и контрнаступление рабочих вылились в грандиозные и многочисленные стачки. В 1919 г. в США бастовало свыше 4 млн. рабочих. Массовые забастовки в капиталистической Америке приняли под влиянием победоносной пролетарской революции в России ярко политическую, революционную окраску.

6 февраля 1919 г. все рабочие тихоокеанского портового города Сиэтля объявили пятидневную забастовку. Вся жизнь 300-тысячного города замерла. С разрешения стачечного комитета работали только некоторые рестораны, продовольственные магазины, электростанции, водопровод, госпитали, а также и транспорт, перевозящий продукты питания. «В течение этих дней, — писал Джон Рид, — удивительное зрелище представляли собою улицы города, по которым двигались телеги и автомобили, снабжённые плакатами, с надписью: «С разрешения Главного стачечного комитета». На тротуарах появились длинные ряды граждан, стоявших «хвостами» перед официальными складами стачечного комитета. Для поддержания порядка комитет навербовал добровольческую «рабочую» полицию» [1]. Мэр города до того растерялся, что сам обращался в стачечный комитет за санкцией своих распоряжений. На третий день забастовки он, опомнившись, заявил представителю прессы, что сиэтльские рабочие собирались арестовать правительство и «национализировать женщин по примеру большевиков в России» [2]. Несмотря на то, что никаких беспорядков не было, мэр вызвал войска. Реакционная печать завопила по всей стране о большевистской угрозе. Некоторые лидеры стачки прекратили борьбу на четвёртый день, и забастовка была сорвана.

В начале 1919 г. забастовали грузчики в нью-йоркском порту. Вскоре в стачку были вовлечены 70 тыс. портовых рабочих. Величайший мировой порт был парализован. 495 кораблей общим водоизмещением в 1 694 тыс. *т* застряли в гавани. Стачка грозила вспыхнуть в Бостоне, Балтиморе и в других крупных портах атлантического побережья. В Нью-Йорке она продолжалась четыре недели и кончилась компромиссом. Заработная плата была повышена на 22,5%. 25 ноября 1919 г. в Нью-Йорке закончилась также компромиссом стачка печатников, приостановившая выпуск около 450 периодических изданий. В Нью-Йорке и Чикаго стачка артистов летом 1919 г. вынудила закрыть на время театры и концертные залы.

---

[1] «Коммунистический Интернационал» № 9, 1920, стр. 1286.
[2] Там же.

Много шума вызвала в США «стачка» полицейских в Бостоне. Полиция главного города штата Массачузетс, чтобы добиться повышения жалования, организовала свой союз, требуя его признания и принятия в АФТ. 9 сентября 1919 г. полицейские не явились на службу. Буржуазию Бостона охватила паника. Ценности на миллионы долларов были вывезены из города. 5 тыс. вооружённых солдат национальной гвардии шагали по улицам Бостона. Местные политики, инспирировавшие забастовку полицейских в целях разгрома их союза, твердили, что поведение полиции наносит удар основам цивилизации. Власти беспощадно расправились с «вероломными блюстителями порядка». Все они были безвозвратно уволены. Губернатор Массачузетса Кулидж, резко выступивший против «стачечников», стал внезапно героем реакционной «старой гвардии» республиканской партии. Даже лидер демократической партии президент Вильсон поздравил Кулиджа, когда его переизбрали в губернаторы Массачузетса.

Министерство труда зарегистрировало в 1919 г. 3 374 стачки. Наиболее крупные конфликты между трудом и капиталом происходили в трёх важнейших отраслях хозяйства США: в стальной и угольной промышленности и на железнодорожном транспорте.

Ко времени окончания мировой войны около половины рабочих сталелитейных заводов США работали 12 часов в день и около одной четверти — 7 дней в неделю. Иногда одна смена тянулась 24 часа беспрерывно. Средняя рабочая неделя в стальной промышленности составляла 69 часов [1]. Стальные компании во главе с моргановским Стальным трестом США не признавали и не допускали на своих предприятиях профессиональных союзов. «Открытую мастерскую» [2] они считали основой своей рабочей политики. Эту политику они отстаивали на протяжении десятков лет. В 1892, 1901 и 1909 гг. сталелитейщики выдержали жестокие бои с предпринимателями за признание их союза. Но одержать победу им не удалось. К концу первого десятилетия XX века на заводах крупных стальных трестов США исчезли всякие следы профессиональных союзов.

В 1918 г. на очередном съезде АФТ по инициативе делегата от Чикаго — Бильяма Фостера — решили начать кампанию за организацию рабочих в стальной промышленности.

[1] *P. Slosson*, A History of America since 1914, New York 1930, p. 81.

[2] «Открытой мастерской» («open shop») в США называется завод, администрация которого не признаёт ни профсоюза, ни коллективного договора, а лишь компанейский (хозяйский) союз и индивидуальное соглашение с каждым отдельным рабочим.

Для руководства кампанией создали комитет из представителей 24 союзов. Формально председателем комитета числился вначале Гомперс. Фактически им был председатель Чикагской федерации труда Фицпатрик, а секретарём-казначеем стал Фостер.

Борьба за право на объединение рабочих на заводах чёрной металлургии, начавшаяся к концу мировой войны, представляет одну из самых драматических страниц в истории рабочего движения США. Наряду с борьбой между рабочими и трестами в самом организационном комитете всё время сильно соперничали два противоположных течения: реформистское во главе с Гомперсом и революционное, возглавлявшееся Фостером.

Когда разгорелась борьба в стальной промышленности, Гомперсу шёл семидесятый год. Самуил Гомперс прибыл в Америку тринадцатилетним мальчиком во время гражданской войны между Севером и Югом. Это были годы бурного расцвета капитализма: железнодорожные и промышленные компании получали бесплатно громадные земельные участки, лесные и горные богатства; свободные девственные земли на правом берегу Миссисипи притягивали массу переселенцев с промышленного востока на аграрный запад, пролетариат США непрерывно рос, пополняясь выходцами из разных стран и народов. Практичный, способный организатор, но не обременённый глубокими знаниями враждебный социализму Гомперс восторгался капитализмом, восхвалял реакционную философию американского индивидуализма [1].

К концу XIX века плодородных свободных земель осталось мало, движение населения на запад ослабело и в промышленных центрах начал оседать постоянный слой квалифицированного пролетариата. В 1881 г. возникла и в 1886 г. окончательно оформилась Американская федерация труда как организация квалифицированных рабочих. С тех пор до самой смерти в 1924 г., за исключением одного 1895 г., Гомперс был бессменным председателем АФТ. На этом посту он со свойственной ему энергией боролся за расцвет оппортунизма и реформизма в рабочем движении США. Гомперс, проповедуя классовое сотрудничество рабочих и предпринимателей, сеял и раздувал противоречия между туземными, американизированными квалифицированными рабочими и неквалифицированными рабочими иммигрантами. В 70-х годах три четверти всех иммигрантов прибыло из Англии и Германии, а в 900-х годах — из Австро-Венгрии, Италии и России

---

[1] *S. Gompers,* Seventy Years of Life and Labor, v. II, New York 1925, p. 22—26.

Пёстрый национальный состав иммиграции оказался наруку не только капиталу, но и бюрократии АФТ.

В 1915 г. Ленин в письме Лиге социалистической пропаганды в Америке отметил: «...таких людей, как г. Легин в Германии и г. Гомперс в США, мы считаем буржуями, и их политику — не социалистической политикой, а националистической политикой среднего класса» [1].

Бывший сенатор Петтигру, близко связанный с Гомперсом и долго изучавший в Вашингтоне деятельность АФТ, удостоверяет, что «Гомперс поддерживает связь с капиталистами и эксплоататорами...

Внимательно приглядевшись к действиям АФТ, руководимой Гомперсом, я убедился в том, что он участник действий, пускаемых в ход для срыва больших забастовок, и что забастовки, устраиваемые по его советам, ведутся гораздо больше в интересах капиталистов, чем в интересах рабочих» [2].

На старости Гомперс сделался ещё бо́льшим реакционером.

Гомперсу противостоял в организационном комитете сталелитейщиков молодой Фостер. Когда кончилась мировая война, Фостеру исполнилось 37 лет. Вильям Фостер родился в Новой Англии, в семье рабочего. Его трудовая жизнь началась с детства. Девятнадцатилетним юношей он работает вагоновожатым в Нью-Йорке. В это время он вступает в социалистическую партию. В 1909 г. Фостер примыкает к ИРМ [3] и становится активным деятелем этой организации. В 1911 г. он отправляется в Европу как специальный корреспондент и как представитель ИРМ на международной конференции профсоюзов в Будапеште.

Изучив профессиональное движение в Европе и ознакомившись с синдикалистским движением в романских странах, Фостер пришёл к выводу о необходимости работать внутри массовых союзов. Вернувшись в США, он вскоре порвал с ИРМ и окончательно перешёл в АФТ, где во время войны создал оппозиционную синдикалистскую лигу. Честность и самоотверженность, бескорыстие и скромность делали этого человека, обладающего к тому же большими ораторскими и литературными способностями, очень популярным в рабочем движении США.

Гомперс, формально председательствуя в комитете по организации сталелитейщиков, старался с самого начала договориться с хозяевами, не скупясь на уступки. Фостер

[1] *Ленин,* Соч., т. XVIII, стр. 329.

[2] *Р. Петтигру,* Торжествующая плутократия, Москва 1922, стр. 107, 110—111.

[3] «Индустриальные рабочие мира» — IWW.

направил свои усилия на укрепление профсоюзных организаций. С давних времён охранка Стального треста зверски расправлялась с рабочими организаторами. Фостер рассказывает, что он знал одного организатора, который, спасаясь от чиновников охранки треста, стрелявших в него, вынужден был зимней ночью броситься в реку Аллегана[1]. В 1919 г. в сталелитейных центрах агенты компаний особенно отличались коварством и жестокостью. Но свыше 100 самоотверженных рабочих организаторов провели успешную кампанию по вовлечению рабочих в союз. С августа 1918 г. по декабрь 1919 г. 250 тыс. человек были завербованы в союз рабочих железа и стали[2]. Свыше 100 тыс. рабочих вступили в союз уже в середине 1919 г.

Гомперс никак не ожидал такого успеха кампании. 20 июня 1919 г. он написал письмо председателю совета директоров Стального треста Гери. Сообщив Гери о достижениях и перспективах организационной кампании, Гомперс просил председателя Стального треста во избежание применения революционных методов немедленно начать переговоры между представителями стальных компаний и АФТ. Гери не удостоил Гомперса ответом. Гомперс, считая, что он свою миссию выполнил, снял с себя обязанности председателя организационного комитета. На заседании национального комитета по организации рабочих сталелитейных заводов, состоявшемся 20 июля уже без Гомперса, было выставлено 12 требований: коллективные договоры, 8-часовой рабочий день, 6-дневная рабочая неделя и др. Через месяц опрос сталелитейщиков показал, что 98% всех рабочих высказываются за стачку[3]. 26 августа была сделана ещё одна попытка войти в переговоры с администрацией Стального треста. Гери ответил, что трест стоит за «открытую мастерскую» и «отказывается обсуждать с представителями союза любой вопрос, касающийся рабочих». Тогда комитет известил Гери, что «единственным способом доказательства своих прав остаётся проведение в жизнь итогов опроса рабочих о стачке».

В тот день — 26 августа 1919 г., — когда организационный комитет пытался завязать переговоры с Гери, охранка одной из компаний убила 48-летнюю женщину Зеллинс. Зеллинс была выдающимся массовиком-организатором, очень популярным в рабочей среде. Её сын погиб на поле сражения во время мировой войны во Франции. «Рабочие стальной про-

[1] *W. Foster,* Pages From a Worker's Life, New York 1934, p. 162.
[2] *W. Foster,* The Great Steel Strike and its Lessons, New York 1920, p. 65.
[3] Ibid., p. 78.

мышленности, — пишет Фостер, — почти все как один поняли, что эта преданная женщина пала жертвой за их дело» [1].

Атмосфера в районах стальной промышленности накалялась с каждым днём. Руководство АФТ решило просить президента США склонить Гери на переговоры. Гомперс в сопровождении Фицпатрика, Фостера и др. отправился к Вильсону.

Посредничество президента США ни к чему не привело. Да и Вильсону тогда было не до забот о стачке. Он готовился к поездке по стране. Тем временем стихийное движение рабочих привело уже в ряде мест к стачкам. 21 сентября в районе Питсбурга произошли столкновения между рабочими и полицией. Остановить движение было поздно. Национальный организационный комитет призвал рабочих 22 сентября 1919 г. оставить работу на предприятиях Стального треста. 365 тыс. рабочих откликнулись на призыв Национального комитета [2]. Забастовка охватила 95% всей стальной промышленности США [3].

Производство стали оказалось почти полностью парализованным. Стачка угрожала угольной промышленности и железнодорожному транспорту. Ещё в августе президент Вильсон обратился с призывом «о полугодовом перемирии в классовой борьбе». 2 сентября он пригласил представителей капиталистов, рабочих и фермеров на конференцию в Вашингтон. 6 октября 1919 г. в пан-американском здании в Вашингтоне открылась конференция представителей АФТ, предпринимателей и представителей «общества». Среди представителей «общества» числились тот же председатель Стального треста Гери, миллионер Барух и миллиардер Рокфеллер. Гомперс предложил выбрать комиссию из шести человек — по два человека от каждой делегации, представленной на конференции; комиссии поручалось ликвидировать конфликт в стальной промышленности и обязать рабочих вернуться к работе. Гери возражал. Он говорил, что конференция должна игнорировать разразившуюся стачку, что конференция собралась не для разрешения уже возникших конфликтов, а для обсуждения мероприятий, необходимых для устранения подобных конфликтов в будущем. Рокфеллер высказался в пользу хозяйских, компанейских союзов. Внесённая им резолюция рекомендовала администрации каждого предприятия, каждой компании самостоятельно сговариваться с рабочими. Делегация предпринимателей опубликовала

[1] *W. Foster,* The Great Steel Strike and its Lessons, p. 148.
[2] Ibid., p. 108, 191.
[3] Ibid., p. 106.

декларацию, требовавшую «невмешательства в открытую мастерскую» и осуждения стачек солидарности.

Гомперс произнёс на конференции речь, типичную для реакционной верхушки АФТ. Обращаясь к делегатам капитала, он сказал: «Вы, быть может, не знаете характера и ответственности нашей работы, наших стараний сохранить возможно лучшие отношения между предпринимателями и рабочими... Мы никогда не посягали — и это совершенно чуждо нам — на право собственности или на право управления производством. Вы можете положить конец стачке сталелитейщиков, если согласитесь разрешить спор тем путём, который мы так лойяльно предложили вам. Но если вы отвергнете наш метод и стачка продолжится один-два или три месяца после того, как эти люди разойдутся по стране с проповедями о тирании и о невыносимых условиях, испытываемых ими, о причиняемых им несправедливостях, тогда, — что бы ни случилось, — вы посеяли и вы же пожнёте плоды» [1].

Как Гомперс ни заботился о благополучии и спокойствии капиталистов, убедить Гери и Рокфеллера ему не удалось. Конференция провалилась. Стальной трест с помощью государственного и партийного аппаратов, прессы и полиции приступил к подавлению стачки. В сталелитейный центр город Гери прибыл на помощь полиции и охранке треста полк отборных солдат, вооружённых пулемётами и пушками, под командованием генерала Леонарда Вуда. В районе Питсбурга к услугам трестов было наготове 25 тыс. вооружённых людей.

В некоторых городах на каждого бастующего рабочего стальные компании имели своего вооружённого человека [2]. В ряде районов было объявлено военное положение. В графстве Аллегани запрещалось собираться вместе больше чем двум человекам. 20 стачечников было убито, сотни ранены и тысячи арестованы [3]. Рабочие были лишены свободы слова, печати и собраний, а реакционные газеты помещали под большими заголовками лживые и провокационные сообщения: «Бастующие стреляли в сенаторов», «Возвращайтесь к работе, стачка закончена». Полиция и «благонадёжные» граждане обходили дома бастующих. Первая силой, а вторые уговором старались вернуть рабочих на заводы.

Рабочие стойко выдержали два месяца. Стальной трест, учитывая прекращение военных заказов и возможность использования штрейкбрехеров — частью демобилизованных

---

[1] «Current History», November 1919, p. 197.
[2] *L. Adamic,* Dynamite, New York 1934, p. 288.
[3] *W. Foster,* The Great Steel Strike and its Lessons, p. 223.

солдат, частью насильно привезённых с юга негров, — решил не уступать. На третий месяц стачка пошла на убыль. К началу января 1920 г. Стальному тресту удалось довести число занятых на своих заводах до 75% номинального количества рабочих [1]. 8 января 1920 г. Национальный организационный комитет объявил забастовку законченной. Хотя стачка не увенчалась успехом, она всё же помешала проведению общего снижения заработной платы в стальной промышленности.

Основная причина неудачи крупной стачки на стальных заводах, как и в других отраслях хозяйства, в 1919 г. заключалась в том, что политика Гомперса предоставляла возможность капиталистам громить каждую стачку в отдельности. В то время, как предприниматели выступали объединённо, Гомперс не только не призывал рабочих к объединению, но мешал организованным рабочим объявить стачку солидарности. Даже бастовавшие в 1919 г. углекопы и железнодорожники не согласовали своих действий со сталелитейщиками. А ведь не только Фостер, но даже буржуазные исследователи признают, что стоило только сталелитейщикам, углекопам и железнодорожникам выступить объединённо, как упрямое сопротивление Гери рухнуло бы.

В каменноугольной промышленности и на железных дорогах рабочие выдвигали после войны программу национализации этих отраслей народного хозяйства. Революционный подъём в массах заставил профсоюзных лидеров во многих случаях уступать натиску низов. В 1919 г. «Братства (союзы) железнодорожников» требовали гарантии определённого минимума заработной платы или принятия плана Плэмба. Юрисконсульт «братств» Плэмб выдвинул план выкупа дорог государством. Этот план пользовался тогда популярностью у железнодорожников и был одобрен съездом АФТ. Была создана под почётным председательством Гомперса лига для проведения в жизнь плана Плэмба. Правительство, конгресс и Торговая палата США встретили этот план в штыки. Бывший президент Тафт, обрушиваясь на проект Плэмба, объявил его «радикально социалистическим, подобным советской системе в России» [2]. Железнодорожникам обещали повышение заработной платы на 4 цента в час. Не удовлетворившись этим, «братства» и входящие в АФТ рабочие железнодорожных мастерских объявили 1 сентября 1919 г. забастовку. Гомперс всячески боролся со стачкой железнодорожников и демонстративно сложил с себя звание

---

[1] *E. Berman,* Labor Disputes and the Presidents of the United States, New York 1924, p. 174.

[2] «Current History», September 1919, p. 450.

почётного председателя в комиссии по проведению плана Плэмба. Совместными усилиями правительство и АФТ ликвидировали забастовку.

В угольных районах волнения шахтёров тянулись с начала 1919 г.

В сентябре того же года на съезде углекопов в Кливлэнде была принята резолюция о необходимости «национализации горных богатств и рудников», введения 6-часового рабочего дня и 5-дневной рабочей недели. 1 ноября 1919 г. забастовали 550 тыс. углекопов. Болезнь не помешала президенту Вильсону отправить в район забастовки 100 тыс. солдат. В разгар стачки судья Андерсон по указанию генерального прокурора Пальмера вынес на основании законов военного времени постановление, запрещающее лидерам союзов руководить стачкой. Вожди углекопов немедленно капитулировали. 11 ноября лидеры Объединённого союза углекопов постановили прекратить забастовку. Стачечники, однако, отказались возвратиться на работу. Правительство конфисковало кассу союза и запретило кому бы то ни было оказывать помощь бастующим. Невзирая на правительственные приказы и на препятствия реакционных вождей, некоторые союзы оказывали материальную поддержку стачке. Забастовка кончилась компромиссом. Зарплата углекопам была несколько повышена.

Применяя по отношению к углекопам и железнодорожникам политику «кнута и пряника», предпринимателям удалось с помощью Гомперса изолировать борющихся сталелитейщиков. В середине ноября 1919 г. бастующие рабочие сталелитейных заводов остались на боевых позициях почти одинокими.

Большие стачки 1919 г. показали, что в американском пролетариате живы революционные традиции, что рабочий класс США в массе своей настроен — как писал Фостер — антикапиталистически, что организованные в профсоюзы рабочие, вопреки утверждениям реакционной печати, далеко не консервативны, а консервативны лишь аппарат и руководство АФТ.

Общий кризис капитализма вовлёк в свою орбиту и заатлантическую твердыню международного капитала. Однако своеобразные условия послевоенного развития США позволили стальным трестам с помощью реакционных лидеров АФТ сохранить «открытую мастерскую» на своих заводах ещё на протяжении полутора десятков лет.

Вопрос о создании производственных, активных профессиональных союзов не был снят с порядка дня. Осуществление его лишь было временно отложено.

II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Лига социалистической пропаганды. Левое крыло в социалистической партии. Две коммунистические партии. Объединение. На нелегальном положении. Джон Рид. Чарльз Рутенберг.

В обстановке мирового революционного подъёма, всколыхнувшего и рабочую Америку, зародилось коммунистическое движение в США. В американской социалистической партии существовала с 1915 г. Лига социалистической пропаганды (ЛСП). В начале 1916 г. Ленин писал об этой лиге: «Эта лига — интернационалистская, с программой, явно клонящей влево» [1]. Вокруг лиги начало группироваться всё революционное, что было в социалистической партии. В её работе принимал участие ряд будущих активных деятелей американского и международного коммунистического движения, в частности находившийся тогда в Нью-Йорке Сэн Катаяма. В начале 1917 г. ЛСП начала издавать свой еженедельник «Интернационалист». Исполнительный комитет социалистической партии обрушился на лигу за «пропаганду ереси». Несмотря на угрозы исполкома, число сторонников лиги росло.

После Октябрьской революции ЛСП создала Комитет большевистской информации, который разоблачал ложь и клевету, распространяемые буржуазной и реформистской печатью о молодой Советской республике. ЛСП сыграла большую роль в сколачивании революционных элементов и в организации левого крыла в социалистической партии. Октябрьская революция в России обнаружила бездну между правыми вождями и большинством рядовых членов социалистической партии в Америке. Под влиянием этой революции маленькая пропагандистская группа в социалистической партии США начала превращаться в сильное левое крыло. Весною 1918 г. левые группы числились уже во всех штатах, где только существовали организации социалистической партии. К началу 1919 г. отдельные оппозиционные группы превратились в общее левое крыло, имевшее свои отличительные членские билеты и собиравшее отдельно членские взносы. В пролетарских центрах организация за организацией становились на сторону левого крыла. Созданный под руководством Рутенберга совет левых членов СП выпустил «Манифест и программу левого крыла социалистической партии».

Вскоре произошли выборы партийных комитетов. Около 80% членов социалистической партии голосовало за

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIX, стр. 234.

кандидатов левого крыла. В национальном исполнительном комитете СП левое крыло из 15 мест получило 12. Этим голосованием члены социалистической партии как бы ответили на вопрос об их отношении к Октябрьской революции в России.

Правые вожди, однако, решили любой ценой удержать власть в своих руках. Срок полномочий старого исполнительного комитета истекал 30 июня 1919 г. За месяц до этого срока исполнительный комитет постановил проверить результаты выборов нового руководящего состава на экстренной конференции, назначенной на 30 августа того же года в Чикаго. Для того чтобы обеспечить себе победу на конференции, исполнительный комитет исключил из партии 7 из 12 национальных секций — русских, украинцев, поляков, латышей, литовцев, венгров и балканцев, а также массачузетскую, огайскую и мичиганскую организации, т. е. исключил 40 тыс. самых активных членов партии [1].

В июне 1919 г. в Нью-Йорке состоялась конференция левого крыла. На этой конференции присутствовали 92 делегата, избранные в промышленных центрах 20 штатов. 38 делегатов высказались за немедленную организацию коммунистической партии. Большинство же настаивало на продолжении борьбы за завоевание руководства в старой партии, по крайней мере до августовской конференции. В результате меньшинство постановило порвать с СП и созвать на 1 сентября в Чикаго конференцию для организации коммунистической партии.

Большинство делегатов левого крыла, лелеявших надежду добиться своей цели внутри социалистической партии, вскоре разочаровалось. 30 августа представители левого крыла на конференции СП были удалены из зала заседания с помощью полиции. Тогда эти делегаты решили полностью войти в состав конференции коммунистической партии.

Меньшинство левого крыла, постановившее в июне немедленно порвать с СП, открыло свою конференцию 1 сентября 1919 г. в Чикаго. В центре внимания конференции стоял вопрос об отношении к делегатам, удалённым с конференции СП. Было решено пропустить их персонально через мандатную комиссию; они же требовали, чтобы их приняли коллективно как организацию. Соглашение не было достигнуто. В результате возникли две коммунистические партии. Обе они были загнаны в подполье. Меньшинство образовало коммунистическую партию Америки, а большинство — коммуни-

[1] «Коммунистический Интернационал» № 7, 1919, стр. 1170.

стическую рабочую партию. Первую возглавлял Чарльз Рутенберг, вторую — Джон Рид. В первой, образованной меньшинством делегатов, числилось 25 тыс. членов, во второй — около 20 тыс. Обе партии решили войти в Коммунистический Интернационал.

Основания для существования двух коммунистических партий в США, «серьёзных программных разногласий между двумя партиями», как отметил впоследствии Исполком Коминтерна, не только не было, но, наоборот, скорейшее объединение обеих партий было крайне необходимо: «Обе партии, — говорило обращение Исполкома Коминтерна к американским товарищам, — представляют собою как бы разные стороны коммунистического движения в Америке, отлично могущие дополнить одна другую. В одной партии (Американская коммунистическая партия) остались, главным образом, элементы иностранные, объединённые в так называемых «национальных федерациях». Другая (Американская коммунистическая рабочая партия) представляет преимущественно элементы американские или говорящие по-английски. Если первые часто лучше подготовлены в теоретическом отношении и теснее связаны с традициями революционной борьбы рабочего класса России, то они в то же время менее связаны с массовым движением и массовыми организациями американских рабочих, постепенно выходящих на широкую дорогу классовой борьбы. Если вторые ещё не прошли подобной теоретической школы, они зато имеют то громадное преимущество, что коммунистическая партия через них гораздо легче может влиять на широкие массы коренных американских рабочих, которым в грядущих решающих классовых битвах будет принадлежать важнейшая роль» [1].

Руководитель коммунистической рабочей партии Джон Рид утверждал, что эта партия будет, «строго следуя принципам, установленным первым съездом III Интернационала в Москве, стараться толковать коммунизм применительно к социальным и экономическим условиям Америки» [2].

При содействии Исполкома Коминтерна в начале 1920 г. образовалось специальное бюро для объединения обеих партий. В ЦК коммунистической партии были вначале разногласия по вопросу об объединении. Часть коммунистической партии вместе с коммунистической рабочей партией образовала объединённую коммунистическую партию Америки. В мае 1921 г. было достигнуто соглашение и с другой

[1] «Коммунистический Интернационал» № 11, 1920, стр. 1888.
[2] «Коммунистический Интернационал» № 10, 1920, стр. 1499

частью коммунистической партии. В глубоком подполье образовалась единая коммунистическая партия Америки.

Образование единой партии происходило без основателей обеих коммунистических партий — без Чарльза Рутенберга и без Джона Рида. Первый сидел в тюрьме, а второго уже полгода как не было в живых.

Джон Рид родился в 1887 г. на дальнем западе, в штате Орегон в Портлэнде. Через 33 года он был похоронен под звуки Интернационала у Кремлёвской стены в Москве. Рид провёл детство на дальнем западе. У него на глазах развивалась боевая деятельность Западной федерации горнорабочих. Рид учился в специальной аристократической школе Нью-Джерси, а потом — в Гарвардском университете. Консервативный стиль и буржуазные догмы Гарварда не импонировали Риду. Двадцати трёх лет Джон Рид путешествует по Мексике, живо интересуется мексиканской революцией и описывает её. В 1913 г. он был арестован за активное содействие бастующим в Патерсоне. Через два года он снова был арестован уже царской жандармерией в России, куда он прибыл во время войны в качестве корреспондента. Буржуазная печать Нью-Йорка отзывалась о нём как о лучшем военном корреспонденте [1]. В Октябрьские дни Рид участвовал в боях в рядах петроградских большевиков. После победы революции в России Рид активно участвует в формировании левого крыла в социалистической партии Америки, а затем возглавляет коммунистическую рабочую партию; летом 1920 г. он — делегат II конгресса Коммунистического Интернационала.

Смерть рано вырвала из рядов борющегося пролетариата также основателя и руководителя коммунистической партии Америки Чарльза Рутенберга. Рутенберг родился в 1882 г. в семье грузчика в городе Кливлэнде. В раннем возрасте он стал фабричным рабочим. На 20-м году своей жизни он вступил в социалистическую партию. Вскоре он стал секретарём городской организации. В 1911—1912 гг. был редактором партийного органа в Кливлэнде. После 1912 г. он возглавлял оппозицию, протестовавшую против принятия на съезде СП оппортунистической резолюции и против попыток исключения Хейвуда из исполкома партии. Рутенберг становится популярным вождём рабочих своего родного штата Огайо. В 1915 г. его избирают членом исполкома социалистической партии. В 1917 г. Рутенберг возглавляет оппозицию против правых вождей на конференции в Сен-Луи и добивается принятия подавляющим большинством

[1] «New York Times Book Review», 19. IV. 1936.

голосов резолюции против империалистической войны. Его бросают в тюрьму. По выходе из тюрьмы он становится во главе формирующегося левого крыла. 1 мая 1919 г. Рутенберг организует демонстрацию в Кливлэнде, в которой участвовало 40 тыс. рабочих. Полиция и солдаты встретили демонстрантов пулемётами и танками. Рабочие приняли бой, который продолжался несколько часов.

Рутенберг был секретарём коммунистической партии Америки с первых же дней её возникновения. Правительство объявило обе коммунистические партии вне закона. Рутенберг быстро перестраивает организацию на непривычную для неё подпольную работу. Вся партия была разбита на маленькие группы, не свыше десяти человек в каждой. Для кандидатов в партию были организованы особые группы. В 1920 г. Рутенберга заключают в нью-йоркскую тюрьму «Синг-Синг». В тюрьме он разработал план вывода партии из подполья. Этот план вылился в создание временной параллельной легальной рабочей партии (Workers Party). По выходе из тюрьмы в 1922 г. Рутенберг опять на посту секретаря партии, на котором он оставался до своей смерти в 1927 г. Он был членом Исполкома Коминтерна, активно боролся против сектантства, против недооценки профсоюзной работы и против других ошибок в партии. Рутенберг много работал над созданием массовой рабочей партии. Он воплощал в себе лучшие традиции революционного движения в Америке.

III

КОНЕЦ «НОВОЙ СВОБОДЫ»

«Нежелательные». «Министр по облавам». Сакко и Ванцетти. Американский легион. Ку-клукс-клан. Фундаменталисты.

Возникновение коммунистических организаций в США в период победоносных сражений Красной армии в России, революционного подъёма в Европе и массовых выступлений пролетариата внутри страны чрезвычайно напугали американскую реакцию. Буржуазию охватил, по выражению американских публицистов, «великий красный страх». «Эксперты» определяли число коммунистов в стране в 600 тыс. Правительство объявило «крестовый поход» против красных. Не только обе коммунистические партии были загнаны немедленно после их возникновения в подполье, но в ряде штатов была объявлена незаконной также и социалистическая партия. В апреле 1920 г. были исключены из Законодательного

собрания штата Нью-Йорк все входившие в него 5 социалистических депутатов на том основании, что они являются членами «незаконной организации, состоящей исключительно из сплошных предателей». Коммунистов судили как агентов иностранных государств, заговорщиков и анархистов.

Акт о шпионаже и другие законы военного времени были продлены. Министерству труда было поручено выслать из пределов США «нежелательных граждан». Попавшие в категорию «нежелательных» не могли жаловаться ни судебным органам, ни даже президенту США. Был издан специальный закон о высылке из пределов США «каждого иностранца, который сам призывал или принадлежал к организации, призывающей к ниспровержению правительства или к упразднению собственности». Согласно официальным данным судебной комиссии сената, с июля 1919 г. до января 1921 г. было издано 6 328 предписаний об аресте «анархистов-иностранцев».

За всё время войны в США было арестовано и осуждено 67 германских агентов, а после перемирия тысячи американских граждан были обвинены в шпионаже. К середине 1919 г. в тюрьмах США томились «свыше 2 тыс. человек таких «преступников», приговорённых в общей сложности к 25 тыс. лет тюремного заключения. Самое ужасное то, что обращаются с ними не как с политическими, а как с уголовными преступниками» [1]. Сенат США ассигновал 2 млн. долл. и создал комиссию под председательством сенатора Лоска для борьбы с коммунистами и левыми социалистами. «Правительство разрешило также реакционным буржуазным организациям «задерживать германских шпионов». Организации эти состояли из фабрикантов, банкиров, студентов и приказчиков. Они носили различные названия, например «Лига национальной безопасности», «Американская лига охраны», «Американское общество защиты», «Служители свободы» и пр. «Поставив себе задачей — уничтожить все существующие рабочие организации, они терроризировали рабочих на фабриках и заводах; у них всюду были свои шпионы, и они добивались увольнения рабочих, проявлявших какую-либо деятельность в профессиональных союзах или партийных социалистических организациях» [2].

Генеральные прокуроры — Григори и сменивший его Пальмер — утверждали, что «свободное выражение мыслей опасно для американских учреждений» [3]. Предприниматели окружали себя вооружённой охраной. В главном

[1] «Коммунистический Интернационал» № 5, 1919, стр. 718.
[2] «Коммунистический Интернационал» № 7—8, 1919, стр. 1018.
[3] *D. Dumond,* Roosevelt to Roosevelt, New York 1937, p. 268.

промышленном штате — в Пенсильвании — ко времени стальной стачки 1919 г. были наготове против рабочих: полиция и национальная гвардия штата, городская полиция, полицейские агенты, сыщики трестов, частные сыщики, полиция угольных и стальных компаний, вооружённые отряды «бдительных», а в случае надобности и федеральные войска.

Генеральный прокурор Пальмер превратился в «министра по облавам на иностранцев». Зверства Пальмера явились заключительным аккордом вильсоновской «новой свободы». Сам Пальмер заявил, что в последние месяцы правительства Вильсона больше половины работы его ведомства относится к борьбе с революционным движением [1]. Пальмер устраивал Варфоломеевские ночи против «красных». Бывший редактор известного американского журнала «Атлантик Монтли» — Эллен, внимательно наблюдавший события тех дней, пишет: «Арестовывали направо и налево, арестовывали с требуемым законом ордером на арест, арестовывали и без оного... В Детройте свыше ста человек были собраны в загоне для скота, размером в двадцать четыре фута в длину и тридцать футов в ширину и продержаны там целую неделю в условиях, которые сам мэр города должен был назвать невыносимыми. В Гарфорде власти арестовывали и сажали в тюрьму всех посетителей, приходивших навестить заключённых... В конечном итоге стало известно, что в результате налётов по всей стране на этих опасных людей — вооружённых якобы до зубов — было найдено ровным счётом три револьвера и не было обнаружено никаких взрывчатых веществ. Но пока что газеты были полны сообщений, исходивших от сотрудников Пальмера, об открытых новых доказательствах гигантского заговора против безопасности страны...» [2]

Число уголовных дел одних федеральных судебных органов, исключая все дела, касающиеся «сухого» закона, выросли с 9,5 тыс. в 1912 г. до 40 тыс. в 1921 г. [3] Полагали, что в судебных органах штатов рост уголовных дел был ещё более значительным. В США, правда, наблюдался рост преступлений после войны. Но немалая доля уголовных дел в первые годы после войны относилась к мнимым заговорщикам.

В те дни полицейского разгула был вынесен один из наиболее позорных в истории буржуазного суда приговоров — приговор над Сакко и Ванцетти. Николай Сакко и

---

[1] «Коммунистический Интернационал» № 26—27, 1923, стр. 7367.
[2] *Ф. Эллен*, Только вчера, Москва 1933, стр. 57.
[3] «Current History», October 1931, p. 61.

Варфоломей Ванцетти были итальянскими революционерами, иммигрировавшими в США в 1908 г. В Новом Свете оба они вели активную революционную и антиимпериалистическую агитацию. Сакко основал в Бостоне революционный клуб итальянских анархистов. В 1920 г., в разгар вильсоновского похода против коммунистов, Сакко и Ванцетти выступили с разоблачениями министерства юстиции. Для того чтобы оправдать жестокие репрессии, принятые тогда американской реакцией против «иностранных заговорщиков и анархистов», в мае 1920 г. Сакко и Ванцетти было предъявлено сфабрикованное обвинение в убийстве казначея одной обувной фабрики. Было установлено, что во время убийства казначея Сакко был в помещении итальянского консульства в Бостоне, а Ванцетти находился на расстоянии больше 50 *км* от места убийства. Всё же суд, состоявшийся через 2 месяца, признал обоих виновными, но приведение приговора в исполнение откладывалось в течение семи лет благодаря широкой огласке и протесту общественного мнения в США и за границей.

Пальмеровские жестокости вызвали протесты даже со стороны группы известных буржуазных юристов. Соперник Вильсона на президентских выборах 1916 г., впоследствии глава Верховного суда, — Юз говорил в публичном выступлении летом 1920 г. о «возбуждении предрассудков районными прокурорами и о запугивании свидетелей судьями на всевозможных процессах и во всех частях страны» [1].

Юз, конечно, руководствовался в своём выступлении партийными соображениями. Но в данном случае его слова вполне соответствовали действительности.

Наряду с существовавшими гражданскими реакционными клубами и обществами после окончания войны возникли большие военизированные организации. В марте 1919 г. делегаты армейских частей во Франции образовали в Париже Американский легион — общество бывших участников войны. Хотя это общество, как и армия, из которой оно вышло, было весьма разношёрстно по своему социальному составу, руководство, находившееся в руках высшего офицерства, старалось с самого начала превратить легион в опору и оружие реакции в Америке. В мае 1919 г. в Сен-Луи состоялся первый съезд легиона.

В обстановке разжигания национальной нетерпимости и шовинистических страстей «воскрес» Ку-клукс-клан. Секретный орден Ку-клукс-клана возник впервые во время окончания гражданской войны в 1866 г. в штате Теннеси. В тече-

[1] *C. Beard,* The Rise of American civilization, v. II, p. 671.

ние десятка лет он представлял собой крупную террористическую организацию во всех южных штатах. Ку-клукс-клан являлся тайной организацией побеждённых в гражданской войне рабовладельцев. Особые условия побеждённого Юга обеспечили ему почву среди довольно широких слоёв местного населения. Лидеры Ку-клукс-клана заявляли, что они борются с диктаторским режимом, режимом реконструкции, установленным на ряд лет на Юге, что клан заботится о жёнах и детях солдат, павших в бою за конфедерацию, и что он борется с «африканизацией». Разжигая национальную и расовую ненависть в условиях диктатуры северных генералов и образования негритянских полицейских отрядов в Южных штатах, Ку-клукс-клану удалось завербовать много членов. Орден организовал террористические акты против представителей существовавшего режима. Поэтому он оставался строго секретным. Для устрашения суеверных негров Ку-клукс-клан соблюдал таинственный ритуал: ночные походы отрядов безмолвных людей, одетых в белые балахоны с капюшонами, огненные кресты, пароли из бессмысленного, непонятного набора букв и другие дикие обряды. Каждый член Ку-клукс-клана знал только несколько человек своего отряда. Других он видел только в капюшонах. Во главе всего Ку-клукс-клана стоял «великий чародей», во главе организации штата — «великий дракон». Затем ниже по рангу шли «великие» гиганты, титаны, циклопы и др. Всё это нелепое здание развалилось после окончания реконструкции. К концу 70-х годов от большого Ку-клукс-клана остались незначительные ячейки с ничтожным числом членов.

Во время мировой войны, в конце 1915 г., в разгар «ультра-патриотических настроений», некий полковник Симмонс из штата Георгия начал твердить, что провидение призвало его возродить Ку-клукс-клан. До 1920 г. проповедь мессии из города Атланты не имела успеха. Он увлёк за собой всего лишь несколько сот человек. Но когда по стране неистовствовали пальмеровские молодцы, когда богачей охватила паника, боязнь потерять накопленные военные барыши, полковник Симмонс оказался спасителем; Ку-клукс-клан рос как на дрожжах. После гражданской войны он существовал только на Юге, а после мировой войны его организации формировались также во многих северных штатах. От старого клана новый Ку-клукс-клан заимствовал целиком форму и ритуал, а от прошлых задач осталась только борьба с неграми, к которой присоединились выступления против католиков, китайцев, евреев и всех живущих в Америке людей иностранного происхождения.

Новый Ку-клукс-клан, как большая организация, орудовал, правда, всего несколько лет. Но одно время число членов клана исчислялось миллионами [1]. Такой рост объяснялся не только «патриотической» экзальтацией. Вступительный взнос в клан равнялся 10 долл., из них 4 долл. шли в карман вербовщика нового члена. Рост Ку-клукс-клана сопровождался ростом числа линчеваний, разбоев и убийств. Негры, бывшие участники войны, «из которых многие получили ордена за храбрость от французского и бельгийского правительств, вернулись в деревни Юга, где многие из них подверглись суду Линча за то, что осмелились появиться на улицах в мундирах и при орденах» [2].

Негров терроризировали на Юге. Им мешали переселяться на Север. Сотни негров были арестованы на железнодорожных станциях и брошены в тюрьмы за попытку покинуть южные штаты [3].

Вместе с Ку-клукс-кланом процветало после войны реакционное движение фундаментализма, сопротивлявшееся всяким государственным или общественным попыткам внесения каких бы то ни было реформ в сложившиеся социальные отношения. В этом движении нашли общий язык капиталисты Севера и плантаторы Юга, а также такой «прогрессивный» демократ, как Брайан. Первые выступали против вмешательства кого бы то ни было в их взаимоотношения с рабочими; вторые — против вмешательства в эксплоатацию негров, а третьи — против примирения библии с современной наукой. Ку-клукс-клан требовал чтения библии в школах. Фундаменталисты развернули кампанию против преподавания эволюционной теории в учебных заведениях.

В атмосфере торжествующей реакции началась кампания за изоляцию Америки и закрытие границ США для иностранных рабочих.

«Новая свобода» доживавшего в Белом доме Вильсона казалась эпизодом далёкого прошлого.

---

[1] *D. Dumond*, Roosevelt to Roosevelt, p. 271.

[2] «II конгресс Коммунистического Интернационала», Москва, Партиздат, 1934, стр. 108.

[3] Roosevelt to Roosevelt, p. 270.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ПОД ЗНАКОМ КОНСЕРВАТИЗМА И ИЗОЛЯЦИОНИЗМА

I

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 1920 г.

Республиканцы и демократы. Территориальные партии. Консерваторы и прогрессисты. Национальные конвенты. «Тёмная лошадь». Экономический кризис. Победа республиканцев. Уоррен Гардинг. Догерти. Гардинг-сенатор. «Средний американец» в Белом доме.

1920-й високосный год, год президентских выборов в Америке. Президентская кампания поглощает главное внимание прессы и общества. Прошла мировая война. Шёл последний год второго десятилетия XX века. А избиратели США, как и 50, и 100 лет назад, отдают свои голоса почти исключительно двум большим партиям. Как обычно, на президентских выборах 1920 г. республиканцы и демократы собрали 95% всех поданных голосов.

Что собой представляют республиканцы и демократы, какая разница между ними?

Ленин ещё в 1912 г. писал: «После освобождения негров разница между той и другой партией становилась все меньше. Борьба этих партий велась преимущественно из-за вопроса о большей или меньшей высоте таможенных пошлин. Никакого *серьезного* значения для массы народа эта борьба *не имела*. Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* двух буржуазных партий» [1].

К концу первой мировой войны бывший сенатор Петтигру, человек, который хорошо знал вашингтонские политические круги, аттестовал республиканцев и демократов следующими словами:

«Я ясно видел, что обе партии вдохновляются собственническими интересами эксплоататоров, и что спор между ними шёл собственно о том, кому занимать должности, раздавать милости и собирать бесчисленные миллионы на цели

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 190.

кампании... Обе партии одинаковы, как две горошины из одного стручка. Разница между ними заключалась всегда лишь в формулировке их программы, а в 1918 г., словно в доказательство, что обе они одно и то же, партии слились в тех округах (особенно в Висконсине и Нью-Йорке), где в выборной борьбе на три фронта шансы на победу имели социалисты» [1].

Во время одной из послевоенных президентских кампаний одна американская газета предложила приз за лучший ответ на вопрос: «Какая разница между республиканцами и демократами?». Приз достался женщине, которая сказала: «Республиканцы думают, что правительство демократической партии плохо для «бизнеса», а демократы думают, что для «бизнеса» плохо правительство республиканской партии» [2].

Республиканцы и демократы не имеют ни определённой программы, ни твёрдых принципов. Их платформы и лозунги не декларируют и не популяризируют партийных взглядов, а формулируют те пожелания, которые в данное время популярны в стране.

Когда развернулась президентская кампания 1920 г., демократическая партия носила её современное название уже 90 лет, а республиканская партия — 65 лет. За эти годы в Америке многое изменилось. Изменился и характер обеих партий. Оставались лишь их старые названия. В 30-х годах XIX века, когда старая партия Джефферсона стала называться демократической, 80% самостоятельного населения США составляли фермеры, а после первой мировой войны около 80% самостоятельного населения страны составляли рабочие и служащие. Демократическая партия продолжает носить старое название, но социальный состав населения, на которое она опирается, менялся неоднократно. Наряду с названием до 20-х годов XX века сохранялось и основное территориальное влияние демократической партии.

Со времени борьбы за независимость вплоть до конца XIX века партийная борьба в заатлантической республике покоилась в основном на экономических противоречиях, существовавших между торгово-промышленным Северо-востоком и плантаторским Югом. Под каким бы названием ни выступали политические организации в конгрессе и на выборах, они до конца XIX века в основном отражали борьбу между промышленниками и аграриями. На протяжении более чем 100 лет политические партии промышленников и аграриев имели свои постоянные территориальные «сферы

---

[1] *Р. Петтигру,* Торжествующая плутократия, стр. 237.

[2] *Е. Logan,* The American Political Scene, New York 1936, p. 48.

влияния», так как до конца XIX века промышленность развивалась преимущественно на Северо-востоке, а Юг оставался сельскохозяйственной областью. Это обстоятельство создавало в пределах географического господства каждой политической организации специальные органы, занимавшиеся укреплением положения данной партии и борьбой против проникновения влияния другой партии. Наличие же в первые десятилетия существования двухпартийной системы в США крепкого партийного аппарата, выросшего в огромную силу во второй половине XIX века, содействовало тому, что обе партии оставались ещё до последнего времени в основном территориальными партиями, несмотря на то, что первоначальные причины, разделявшие республиканцев и демократов, уже давно потеряли свою актуальность.

Сохранение влияния демократов на «прочном» Юге и республиканцев в ряде штатов Северо-востока стало не только политической традицией, но и барометром прочности партийных аппаратов, в известной мере — и самой двухпартийной системы.

По мере индустриализации Юга и уменьшения удельного веса сельского хозяйства в экономике США демократическая партия переходила на сторону крупного капитала. Крупный капитал стал контролировать обе партии. Но противоречия, существующие между крупной и мелкой буржуазией, между капиталистами и фермерами, находят отражение внутри каждой партии. Каждая партия имеет своих консерваторов и своих прогрессистов; в одних штатах партийное руководство находится почти систематически в руках реакционных, а в других — в руках либеральных элементов. Федеративное устройство США, особые местные интересы и традиции, а также сила партийных аппаратов на местах облегчают существование в одной общенациональной партии противоречивых интересов и взглядов. Взгляды и позиции Национального комитета республиканцев или демократов часто не совпадают со взглядами и позициями соответствующих партийных комитетов в ряде штатов.

В национальном масштабе крупный капитал отдавал долго предпочтение своей старой партийной организации — республиканской партии. От Авраама Линкольна до Вудро Вильсона было 12 президентов, из них только один демократ — Кливлэнд. В республиканской партии с давних времён центральное руководство сохраняется в руках реакционной «старой гвардии». Демократы, будучи в федеральном масштабе в течение многих десятилетий на положении оппозиционной партии, имели в борьбе за президентскую власть шансы на победу лишь тогда, когда они были в состоянии

завоевать массу колеблющихся избирателей, когда партию возглавляли либеральные лица.

Вильсон дважды избирался в президенты как прогрессивный демократ. Но он начал за здравие, а кончил за упокой. Он сам дезорганизовал прогрессивные силы, в поддержке которых нуждался. Многих передовых людей он посадил в тюрьму. Лишив свободы слова и печати бастующих рабочих, Вильсон тем самым ослабил всё прогрессивное движение и укрепил реакцию в стране. Реакционеры его ненавидели и высмеивали, а прогрессисты в нём разочаровались. В самой демократической партии руководство развернувшейся президентской кампанией перешло в руки консерваторов.

Национальный конвент демократической партии собрался в конце июня 1920 г. в Сан-Франциско. Среди демократов, претендовавших на высшую должность в Америке, фигурировали: бывший министр финансов Мак-Аду, губернатор Огайо Кокс, губернатор Нью-Йорка Смит и генеральный прокурор Пальмер. Взвешивая соотношение сил, учитывая неблагоприятные перспективы для своей партии, Мак-Аду за несколько дней до конвента сам снял свою кандидатуру. Либералы в Сан-Франциско оказались в меньшинстве. Брайан по ряду вопросов горячо выступал на конвенте со своей собственной платформой, которая была отвергнута подавляющим большинством голосов. Конвент выбрал Кокса кандидатом в президенты.

Национальный конвент республиканцев открылся 8 июня 1920 г. в Чикаго. Республиканцы были уверены в своей победе. Уже одно разочарование широких кругов избирателей в результатах войны должно было содействовать поражению правительственной партии на выборах. Даже в Париже и Риме потерпели уже к тому времени поражение главы военных правительств — Клемансо и Орландо. Республиканские боссы решили на сей раз выдвинуть послушную «тёмную лошадь». В партийной практике США иногда имело место такое явление: когда делегаты достаточно утомлялись процедурой голосования, партийные вожди выдвигали кандидатуру мало кому известного лица, так называемую «тёмную лошадь», которая «выигрывает скачки». О подобной партийной практике в Америке писал Маркс ещё в 1861 г.[1]

---

[1] «За последние два десятилетия в Соединенных Штатах выработалась своеобразная практика не выбирать в президенты людей, которые занимали выдающееся положение в своей партии. Правда, имена таких людей используют для предвыборных демонстраций, но когда доходит до дела, их заменяют неизвестными посредственностями, имеющими влияние лишь в местном масштабе» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XII, ч. II, стр. 269).

В 1920 г. «тёмной лошадью» на конвенте в Чикаго оказалась кандидатура Уоррена Гардинга. Гардинг почти не фигурировал в предвыборной кампании. Делегациями подавляющего большинства штатов выставлялись кандидатуры генерала Леонарда Вуда и губернатора Иллинойса — Лоудена. Конвент голосовал 4 раза. Вуд собрал свыше 300 голосов, Лоуден — почти столько же, а для Гардинга с трудом набрали 60 голосов, из коих 39 дала делегация его штата. Боссы организовали дело так, что Лоуден и Вуд друг друга обескровили в борьбе, и, таким образом, при десятом голосовании им удалось протащить в виде компромисса одобренную нефтепромышленниками «нейтральную» фигуру Гардинга. Кандидатом в вице-президенты Чикагский конвент избрал «героя-победителя» забастовки полицейских Бостона — губернатора Массачузетса Кальвина Кулиджа.

Положение на выборах кандидата демократической партии Кокса и без того было безнадёжно. К тому же в разгаре выборной кампании разразился экономический кризис, который в Америке всегда оказывается не в пользу господствующей партии.

Военный бум был прерван после перемирия кратковременным затишьем в деловой жизни. Но в начале 1919 г. наступил опять хозяйственный подъём. Восстановление европейской промышленности и транспорта, разрушенного войной, дало новые заказы американским фабрикам и заводам. Изголодавшиеся миллионы людей воюющих стран предъявили большой спрос на продукты питания. В результате экспорт США сопровождался новыми рекордными цифрами: 8 059 279 тыс. долл. в 1919 г. и 8 439 474 тыс. долл. в 1920 г. Фермеры, прельщённые высокими ценами на их продукты, арендовали и покупали новые земли, обзаводились новыми машинами и строили новые здания. Всё это приобреталось в большинстве случаев в кредит по существовавшим тогда высоким ценам. Ипотечная задолженность фермеров, несмотря на рост их доходов, возросла с 1 726 млн. долл. в 1910 г. до 4 003 млн. в 1920 г. То же самое происходило в промышленности, производственная способность которой, необычайно выросшая благодаря войне, во многом превышала ёмкость рынка мирного времени. В 1920 г. текстильные фабрики, например, могли давать продукцию, превышающую вдвое потребность США, а производственная способность обувной промышленности равнялась 1 750 тыс. пар в день, что составляло 5,5 пары обуви на душу населения в год. Спрос на кредит увеличивался с каждым днём. Между маем 1919 г. и маем 1920 г. кредиты всех банков США

возросли на 25%. Цены на товары в этот период также продолжали подниматься.

В середине 1920 г. возник кризис, который продолжался до середины 1921 г. Самой низкой точки кризис достиг в марте 1921 г. С июня 1920 г. до апреля 1921 г. индекс промышленного производства понизился на 29%. За время кризиса ежемесячная выплавка чугуна сократилась на 74%, производство стали — на 77, добыча угля — на 47, а потребление хлопка — на 50%. В марте 1920 г. выплавка чугуна равнялась 3 376 тыс. *т*, а выплавка стали — 3 917 тыс. *т*. В июле 1921 г. эти цифры сократились соответственно до 865 тыс. и до 918 тыс. *т*. Цифры, опубликованные министерством труда 25 января 1921 г., показали, что количество рабочих, занятых в промышленности, уменьшилось за истекший год на 3 473 тыс. Всего число безработных выросло за время кризиса до 5 млн. Очень сильно почувствовал кризис американский фермер. В декабре 1919 г. бушель пшеницы продавался в Чикаго по 3,5 долл., а фунт хлопка — по 48 центов. В 1921 г. цены на пшеницу упали до 1 долл. за бушель, а цены на хлопок — до 11 центов за фунт. Общий индекс товарных цен упал к началу 1922 г. по сравнению с маем 1920 г. на 44%. Между тем, цены на важнейшие фермерские продукты — на пшеницу и хлопок — понизились на 70—80%. Этому содействовало заявление президента Вильсона в мае 1920 г. о том, что с 1 июня прекращаются правительственные закупки пшеницы. За этим заявлением последовало спешное аннулирование ряда частных заказов. В июле 1920 г. ликвидированные сделки только на одну шерсть составляли сумму в 100 млн. долл.[1] В то же время аграрный кризис охватил Аргентину, Бразилию, Парагвай, Кубу и другие Латино-Американские страны, которые, страдая от резкого падения сельскохозяйственных цен, отказались поглощать промышленные товары США. Убытки экспортёров США в южные страны оценивались к концу 1920 г. суммой не менее 150 млн. долл.[2]

Падение сельскохозяйственных цен образовало ножницы между ценами на товары, продаваемые и покупаемые фермерами. В 1921 г. министр земледелия Уоллес, утверждая, что сельское хозяйство страдало от кризиса относительно больше, чем промышленность, иллюстрировал это следующими цифрами: цены, получаемые фермерами в штате Айова за кукурузу и за овёс, на 20% ниже, чем до войны. Между тем,

---

[1] *A. Noyes,* The War Period of American Finance, New York 1926, p. 397.

[2] Ibid., p. 394.

железнодорожные фрахты на 70—90% выше, а чугун, нефть и строительные материалы стоят фермеру на 100—150% дороже, чем до войны [1]. В октябре 1920 г., когда цена бушеля пшеницы упала ниже 2 долл., ассоциация производителей пшеницы предложила фермерам прекратить всякую продажу пшеницы пока цена не дойдёт опять до 3 долл. за бушель. Но сельскохозяйственные цены продолжали систематически падать, и к осени 1921 г. цены на пшеницу дошли до довоенного уровня — до 1 долл. за бушель.

Кризис фермерского хозяйства не кончился вместе с окончанием кризиса в промышленности. Началось сильное движение населения из деревни в город, с аграрного запада на промышленный восток, в отличие от векового движения населения с востока на запад — из фабричных районов на свободные земли. Переселение на запад смягчало кризисы, сокращало безработицу и расширяло внутренний рынок для восточной промышленности. Обратный отлив населения на восток, естественно, должен был привести к противоположным результатам.

Кризис 1920—1921 гг., если не считать относительно небольшой тревоги 12 ноября 1919 г., — единственный кризис в истории США, не сопровождавшийся паникой на бирже. В 1921 г. лопнули почти исключительно мелкие банки, не являвшиеся членами резервной системы. 404 банка, потерпевшие крах в 1921 г., имели капитал всего в 173 млн. долл. по сравнению с капиталом в 233 млн., принадлежавшим 132 банкам, обанкротившимся в кризисном 1907 г. За 12 месяцев, с июля 1920 г. до июля 1921 г., обанкротились 330 не национальных, местных банков и только 28 национальных банков — членов резервной системы. Эти национальные банки были мелкими. Капитал каждого из них составлял менее 100 тыс. долл. Почти все они были расположены в отдалённых западных и южных районах. Эти обстоятельства и, равным образом, сравнительно быстрое наступление подъёма в США многие приписывали наличию федеральной резервной системы, несмотря на то, что в 1920 г. резервные банки не придерживались принятой для кризиса тактики и не только не снижали, но с возникновением кризиса даже несколько раз повышали учётную ставку. Несколько успокоило вкладчиков опубликование в августе 1920 г. оптимистических цифр о росте национального богатства США — с 187 млрд. долл. в 1912 г. до 500 млрд. долл. в 1920 г.; при этом замалчивали резкий скачок цен в последние 5 лет. В официальных кругах указывалось также, что по

[1] «Current History», November 1921, p. 234.

национальному богатству США чуть ли не превосходят всю Европу [1].

Как бы то ни было, экономический кризис был включён в пассив господствовавшей в течение последних 8 лет демократической партии. Перед президентскими выборами, в октябре 1920 г. собрание делегатов сельскохозяйственных ассоциаций в Вашингтоне заявило: «Производители различных продуктов сельского хозяйства чувствуют, что рука правительства против них» [2]. Таким образом, против демократов оказались те фермерские штаты, которые привели их к победе в 1916 г.

Апостол демократов — больной Вильсон — говорил, что выборы 1920 г. должны стать «великим референдумом» по вопросу о вхождении США в Лигу наций. Платформа демократической партии выдвигала вопрос о Лиге наций на первый план.

Платформа республиканской партии, возражая против некоторых деталей устава Лиги наций, высказалась за «ассоциацию наций» и в пользу международного трибунала. За две недели до выборов 31 лидер республиканской партии, включая бывшего президента Тафта и будущего президента Гувера, бывшего государственного секретаря Рута и будущих государственных секретарей Юза и Стимсона, выступили с общим заявлением о том, что по вопросу о присоединении США к Лиге наций в принципе нет разногласий между кандидатами обеих партий. В промышленных районах востока агитаторы республиканской партии твердили: «Гардинг создаст возможность для нашего вступления в Лигу наций». Американский журнал «The Woman Citizen» утверждал тогда, что 92% избирателей обеих партий были уверены, что они голосуют за вхождение США в Лигу наций.

2 ноября 1920 г. состоялись президентские выборы. Республиканцы победили в 37 из всех 48 штатов. Они получили 16 млн. голосов и 404 выборщика, а демократы — 9 млн. голосов и всего 127 выборщиков. Около 1 млн. голосов собрал кандидат социалистической партии Евгений Дебс. Дебс баллотировался пятый раз в президенты США. В прошлых кампаниях он совершал агитационные туры по штатам. В 1920 г. Дебс был лишён этой возможности. Он был узником федеральной тюрьмы в Атланте.

Президентские выборы 1920 г. представляли собою «референдум» не только в вопросе о Лиге наций, но и о всей внешней и внутренней политике Вильсона. Слово «референ-

[1] «Current History», August 1920, p. 840—842.
[2] *A. Noyes*, The War Period of American Finance, p. 409.

дум» не было здесь уместно, так как сами республиканцы высказывались за участие США в Лиге наций. Это, однако, не помешало потом правительству от республиканцев комментировать в партийных интересах выборы 1920 г. как голосование против Лиги, как мандат избирателей на изоляцию Америки.

Вместе с президентскими выборами происходили выборы в 67-й конгресс. Республиканское большинство в обеих палатах ещё больше увеличилось. Впервые в истории США в палате представителей одна партия получила на 170 мест больше другой. В новом конгрессе республиканцы имели 300 мест в палате представителей и 59 — в сенате, а демократы — 37 мест в сенате и 130 — в нижней палате. За исключением Северной Дакоты, все штаты, голосовавшие за Гардинга и проводившие одновременно местные выборы, выбрали в губернаторы также республиканцев. Таким образом, реакционная «старая гвардия» республиканской партии получила контроль над исполнительной и законодательной властью не только в федеральном масштабе, но и в большинстве штатов.

Президентские выборы 1920 г. обнаружили брешь в «прочном» Юге, — цитадели демократической партии. Республиканцы впервые в истории получили большинство в районах, по традиции преданных демократам. Они победили в Тенесси, получили половину голосов (49,8%) в Кентукки и большинство в ряде городов и графств других южных штатов. Вторжение в «территориальные владения» другой партии весьма симптоматично. Демократы не могли защитить некоторые десятилетиями укреплённые партийные бастионы, хотя свои основные позиции на Юге они сохранили.

4 марта 1921 г. Вудро Вильсон уступил президентское кресло Уоррену Гардингу, 29-му президенту США. Когда Гардинг очутился на высшем посту в государстве, в Америке начали изучать его жизненный путь. Гардинг много на своём веку написал. Ещё больше он наговорил. Но он ничего такого не сказал, что запоминается; ничего оригинального не написал, что можно было бы цитировать. Республиканские агитаторы, рекламируя кандидатуру Гардинга, уделяли много внимания его импозантной внешности.

В тот самый день, когда Гардинга избрали в президенты, ему исполнилось 55 лет. Он родился в штате Огайо, в семье сельского врача, в 1865 г., в год окончания гражданской войны между Севером и Югом. После гражданской войны быстро росли хозяйство и техника США. Росло благосостояние штата Огайо. Процветала также семья врача Гардинга. Уоррен Гардинг окончил огайский колледж в 1882 г. Через

несколько лет он приобрёл ежедневную газету «Звезда», которую купил на аукционе за 300 долл. в небольшом городе Марионе, и начал жизнь обеспеченного молодого человека среднего американского города: стал членом спортивной команды, членом республиканской партии, играл на трубе в городском оркестре. Когда ему исполнилось 26 лет, он женился на дочери местного банкира — самого богатого человека в Марионе — на 34-летней Флоренс.

Город Марион имел в 1900 г. 11 тыс. жителей, а во всём Марионском графстве насчитывалось около 30 тыс. человек. Гардинг писал передовицы, заполнял свою газету объявлениями и рассказами на местные темы. Покладистый, приветливый характер способствовал его популярности. О нём говорили, что он не любит спорить, никого ни в чём не обвиняет и не имеет врагов.

Энергичная Флоренс не довольствовалась обыденной спокойной жизнью. Она заботится о политической карьере Гардинга, активизирует его как члена республиканской партии. «Звезда» становится официальным органом республиканцев в графстве. Круг деятельности её редактора расширяется. Гардинг — уже видный гражданин Мариона, председатель ряда комиссий торговой палаты, член благотворительного общества, член комиссии по приёму важных персон, посещающих Марион, и автор резолюций на общественных собраниях. Популярность Гардинга выходит за пределы графства. Растёт число его друзей и знакомых. Когда Гардинг стал владельцем марионской «Звезды», тираж этой газеты составлял около тысячи экземпляров. Закончился XIX век. Гардингу исполнилось 35 лет. Тираж «Звезды» увеличился и достиг нескольких тысяч экземпляров. В это время Гардинг подружился с Гарри Догерти, сыгравшим важную и роковую роль в его жизни.

Догерти принадлежал к числу тех крупных хищников республиканского партийного аппарата, которые сами не могут рассчитывать на выборную должность национального масштаба. Он был членом законодательного собрания штата Огайо в 1890—1894 гг. и играл руководящую роль в огайском аппарате республиканской партии. Но путь к дальнейшей карьере по выборной линии для него был закрыт. В те годы происходило быстрое трестирование американской промышленности, в частности предприятий коммунального обслуживания. Аферы и подкуп сопровождали деятельность компаний, обслуживавших города газом, трамваем, электричеством и телефоном. Публицист Сулливен, лично хорошо знавший Догерти, писал о нём: «Он всегда знал, какую ниточку нужно дёрнуть; он всегда был связан с различными

людьми, занимающими тёплые местечки; он всегда умел добиться результатов». Встретившись с Гардингом, Догерти уже не расставался с ним. Он, как и Флоренс, взял на себя заботу о его карьере.

Догерти говорил о Гардинге: «Я его пустил в воду и заставил плавать». В 1900—1904 гг. Гардинг — член сената штата, в 1904—1906 гг. — вице-губернатор Огайо. В 1910 г. он неудачно баллотируется в губернаторы. Но Гардинг не жалеет о поражении. К тому времени «Звезда» дошла до 10-тысячного тиража и приносила 15—20 тыс. долл. дохода в год. Казалось, мечты её редактора сбылись и наступила, наконец, счастливая, спокойная жизнь. Но не надолго.

В начале 1915 г. Догерти предлагает Гардингу выставить его кандидатуру в сенат США от Огайо. Гардинг отказывается, но Догерти настаивает. Гардинг уступает. Он становится сенатором.

В сенате США, как и в сенате Огайо, Гардинг идёт в ногу с реакционным большинством партии. Он высказывается за вступление США в мировую войну, голосует против утверждения прогрессиста Брандиса в члены Верховного суда и за поправки Лоджа к Версальскому договору. За 6 лет его пребывания в конгрессе не слышно о каком-либо билле, добавлении или резолюции Гардинга. В Вашингтоне, как и в Марионе, он является душой общества.

Догерти следовал, как тень, по пятам Гардинга. Он руководил партийной организацией штата Огайо и стал видной фигурой в национальном комитете республиканской партии. Он начал поговаривать, что Гардинг будет «Великим президентом», иногда сам поправляя «президентом величественного вида».

Наступил 1920 год. Догерти предложил Гардингу готовиться к выборам в президенты США. Гардинг отклонял предложение. Он говорил, что «предпочитает положение сенатора от Огайо»[1]. Неудачная же баллотировка в президенты может лишить его места в сенате. Догерти доказывал обратное: срок Гардинга в сенате истекает, в Огайо готовится солидный соперник; самый факт выдвижения кандидатуры Гардинга в президенты упрочит его положение как сенатора. Аргумент подействовал.

В штабе республиканской партии председатель Чикагского конвента Генри Кабот Лодж и другие руководящие лица сомневались вначале в целесообразности выдвижения кандидатуры Гардинга. Они больше склонялись в пользу кандидатуры генерала Вуда. Догерти, однако, ещё за несколько

[1] *M. Sullivan,* Our Times, v. VI, New York 1935, p. 73.

месяцев до конвента твердил, что генерал Вуд и губернатор Лоуден друг друга нейтрализуют, а избранным окажется Гардинг [1]. С помощью охотников за нефтеносными землями Догерти довёл свой план до конца. Он сговорился со сторонниками Лоудена о блоке против Вуда. А когда совместными усилиями удалось обезвредить самого сильного кандидата, путь для Гардинга был открыт.

11 июня 1920 г. было последним сроком выдвижения в Огайо кандидатуры в сенат США. В тот день четырёхкратная баллотировка на национальном конвенте не сулила Гардингу никаких шансов. В 11 часов 58 минут ночи, за 2 минуты до истечения срока, столица Огайо получила экстренное сообщение от Гардинга. Вопреки обычаю и приличию, его кандидатура выставлялась одновременно в Чикаго в президенты и в Колумбусе — в сенаторы.

В тот же вечер 11 июня на совещании Лоджа с другими тремя деятелями республиканской «старой гвардии» было решено, что, поскольку кандидатура Вуда наталкивается на непреодолимые затруднения, Гардинг может стать президентом — именно ввиду «отсутствия в нём оригинальности». На следующий день решение совещания четвёрки было проведено на конвенте.

Осенью 1920 г., когда граждане США собирались к избирательным урнам, противники республиканского кандидата в президенты распустили слух, что среди предков Гардинга были индейцы, метисы и мулаты. Но ничего не помогло. В южных штатах, где сильна расовая рознь, большинство избирателей всё равно голосовало бы за демократов. Во всех других штатах победили республиканцы. Республиканцы характеризовали Гардинга как «среднего американца среднего американского города».

Лодж, Бетлер и другие лидеры республиканской партии позаботились о том, чтобы главные портфели в новом кабинете оказались в надёжных руках: руководителем иностранных дел стал Юз, финансов — Меллон, а торговли — Гувер. Остальные посты в государственном аппарате Гардинг роздал своим землякам и друзьям. Догерти получил пост генерального прокурора; секретарём министерства внутренних дел сделался ставленник нефтепромышленников Фолл, которого Гардингу не удалось сделать государственным секретарём. За Догерти и Фоллом в Вашингтон нахлынула орава прихлебателей. По всем федеральным учреждениям шла смена должностных лиц, «обновление» государственного аппарата и передача постов махровым реакционерам.

---

[1] *W. White,* Masks in a Pageant, New York 1929, p. 405.

А глава государства, Уоррен Гардинг, усевшись в резиденции американских президентов, велел снять часовых, которые со времени вступления США в первую мировую войну в течение 4 лет охраняли ворота Белого дома, тепло встречал посетителей и желал им «счастья и спокойствия». Но сам Гардинг лишился спокойствия. Многочисленные сложные, «скучные» государственные проблемы его утомляли и нервировали. На одном правительственном заседании по налоговому вопросу в 1921 г., по которому Меллон никак не мог договориться с представителями конгресса, Гардинг воскликнул: «Я не вижу выхода из этой налоговой проблемы. Я слушаю одну сторону, и она кажется мне правой, а затем — бог милостивый! — говорю с другой стороной, она кажется также правой, и я топчусь на месте... О господи! Ну и должность!» [1] Гардинг тяготился бременем государственной власти. Он заявлял, что «в американской деревне больше счастья, чем где бы то ни было на земном шаре» [2]. *Позже он говорил:* «Белый дом — тюрьма... я узник» [3]. За два года пребывания в Белом доме Гардинг постарел, поседел. Он находил успокоение и утешение в небольшом частном доме, где он, Догерти и другие «земляки» часто собирались, развлекались и из «уважения» к «сухому» закону распивали за игрой в покер виски и коньяк.

II

РЕСТАВРАЦИЯ «НОРМАЛЬНОГО»

Верховный суд и «честные тресты». «Противоконституционное» рабочее законодательство. Налоговая политика Меллона. Выборы в 68-й конгресс.

Когда Гардинг принял президентскую власть из рук Вильсона, он, зачитывая своё первое послание американскому народу, повысил голос и сказал: «Нашей высшей задачей является продолжение нашего нормального пути. Реконструкция, восстановление порядка, реставрация — всё это должно следовать».

Реставрация «нормального» была поручена в правительственном кабинете Меллону и Догерти. В двух других ответвлениях троевластия США — в конгрессе и в Верховном суде — наведением порядка занялись лидеры республиканской

[1] *W. White,* Masks in a Pageant, p. 422—423.
[2] *C. Beard,* Rise of American Civilization, v. II, p. 676.
[3] *W. White,* Masks in a Pageant, p. 431.

«старой гвардии» Лодж и Тафт. В июне 1921 г. Гардинг назначил бывшего президента Тафта главой Верховного суда США. Это единственный случай в истории Америки, когда бывший глава исполнительной власти возглавил судебную власть. Блюстители политических традиций не постеснялись нарушить их. Новый глава Верховного суда был известен своими реакционными взглядами. «Старая гвардия» считала его лучшим кандидатом для устранения всего прогрессивного, что было завоёвано в первые годы «новой свободы». В 1922—1923 гг. в Верховном суде США оказались три вакансии. Гардинг заполнил их также известными консерваторами — Зудерландом, Бетлером и Занфордом. Из 9 толкователей конституции и хранителей законов 48 штатов шесть были твердолобыми, неисправимыми реакционерами.

Ещё при Вильсоне был взят курс на изъятие крупнейших монополий из сферы действия антитрестовских законов. В этом направлении подготавливалось общественное мнение в течение нескольких лет. Высокая хозяйственная конъюнктура в военные годы ослабила оппозицию фермеров и городской мелкой буржуазии в отношении монополий. Печать и клубы, театры и кино, школы и университеты начали воспевать директоров крупнейших промышленных комбинатов как капитанов индустрии, руководителей трестов, как гениев процветающей Америки. Верховный суд вывел правительство из затруднений, объяснив, что принятый в 1914 г. по инициативе Вильсона антитрестовский закон Клейтона и, равным образом, существующий с 1890 г. антитрестовский закон Шермана касаются только «нечестных компаний». За год до ухода Вильсона из Белого дома, в марте 1920 г., Верховный суд узаконил крупнейшую монополию, решив, что деятельность Стального треста США является «благоразумной» и не чрезмерно ограничивает торговлю. Таким образом, ещё при господстве демократов крупнейшие тресты попали в число «честных компаний» и были взяты под защиту закона.

После прихода к власти республиканцев и пополнения Верховного суда отборными реакционерами стало излишним прятаться под маской «честных дел». Для людей кабинета Гардинга всякое крупное дело — честное дело. В апреле 1921 г. Верховный суд аннулировал решение местных судебных органов, мешавшее электрической компании штата Айовы повысить плату за энергию и свет. Как в 1894 г., когда лидеры исторической железнодорожной забастовки были арестованы на основании антитрестовского акта Шермана, якобы потому, что стачка стесняет внутреннюю и внешнюю торговлю, так и в 1921 г. Верховный суд пытался толковать акт Клейтона против рабочих. В 1921 г. суд объявил, что

применение «инджонкшон» (судебный указ, запрещающий бастовать) находится в соответствии с антитрестовским законом Клейтона. В том же году Верховный суд признал закон штата Аризоны, воспрещающий применение «инджонкшон» к бастующим рабочим, противоконституционным. Спустя полтора года этот же суд объявил противоконституционным закон округа Колумбия об установлении минимума заработной платы для женщин. Федеральный закон об ограничении детского труда был Верховным судом признан противоконституционным ещё при Вильсоне.

Летом 1921 г. наметился выход из экономического кризиса. В 1922 г. наступил промышленный подъём. В 1921 г. США импортировали золота на 667 млн. долл. больше, чем экспортировали его. Большой приток золота из Европы продолжался и в следующие годы. Заговорили о «просперити» и о том, что после мировой войны Америка должна занять то место в мировом хозяйстве, которое Англия занимала после наполеоновских войн, что Нью-Йорк должен занять место Лондона в качестве мирового кредитора. О том, что экономика Америки отличалась от экономики Великобритании, предпочитали не говорить. Экономисты абстрагировались даже от того известного факта, что Англия получала в счёт платежей по долгам товары, в частности продовольствие и сырьё, чего Америка получать не пожелает.

Для выполнения новой миссии крупная буржуазия потребовала новых привилегий, ликвидации остатков государственного вмешательства в хозяйство. По её мнению, правительство должно не контролировать, а помогать, обслуживать крупный капитал. Директоры трестов требовали прежде всего снижения налога на крупные доходы. Питсбургский банкир и промышленник, глава Американской алюминиевой компании архимиллионер Меллон стал корифеем финансовой науки в Америке. Крупные банкиры превозносили Меллона, называли его финансовым гением, сравнивали его с первым министром финансов США Гамильтоном, твердя, что после Вашингтона ни один президент не имел такого помощника по финансовым делам, как Меллон.

Меллон строго держался тех консервативных взглядов, которые проводились тремя послевоенными республиканскими правительствами. Он был ярым представителем непримиримой реакционной буржуазии, которая считает, что благосостояние страны зависит исключительно от положения крупнейших банкиров и промышленников. Богатство, по мнению этой буржуазии, не должно быть обременено налогами, так как этим сокращаются фонды, идущие на увеличение

производственного аппарата и на развитие производительных сил страны. Бедные же платят налоги из тех средств, которые расходуются ими на предметы потребления.

Меллон изобрёл регрессивный налог на крупнейшие доходы. Он предложил снизить максимальное обложение годового дохода в 1 млн. долл. и выше с 65 до 25%. В конгрессе были приняты компромиссные билли, снижавшие эти налоги сначала до 50, а затем до 40%. Согласно существующей в США «по-степенной системе» обложения, 40% облагалась только та часть крупного дохода, которая превышает 1 млн. долл. Пользуясь сложной подоходно-налоговой системой США, Меллон так маневрировал, что к 1922—1923 гг. он довёл процент обложения доходов в 1 млн. долл. и выше до более низкого уровня, чем обложение доходов от 150 тыс. до 1 млн. долл. в год [1].

Величина дохода (в тыс. долл.)	Средний процент обложения всего дохода		
	1921 г.	1922 г.	1923 г.
150— 300	42,14	37,03	23,83
300— 500	51,94	37,27	25,42
500—1000	58,70	35,81	26,81
1000 и выше	63,59	35,02	23,53

В первые 4 года пребывания Меллона на посту министра финансов он освободил от налога доходы крупных капиталистов в размере 30 млрд. долл. Делалось это просто: обложению, согласно разъяснению Верховного суда ещё в 1920 г., подлежали лишь «кассовые прибыли», но не «биржевые прибыли». Капиталистам с помощью министра финансов не трудно было всегда объявлять львиную долю своих доходов «биржевой прибылью». Министр финансов, как и следовало ожидать, и себя не обидел. «Биржевые прибыли» меллоновской нефтяной корпорации составляли за один 1922 г. 80 млн. долл. [2]

Политика «старой гвардии» республиканцев не встречала серьёзного сопротивления со стороны демократической партии, руководство которой также перешло к консерваторам. Но в 1921 г. образовалась оппозиция в рядах самих республиканцев в виде блока представителей западных штатов в Вашингтоне. Недовольство разнузданной реакцией в стране нашло выражение на выборах в 68-й конгресс осенью 1922 г. Господствующая партия потеряла много голосов в обеих палатах. Её прочное большинство в 67-м конгрессе в палате представителей снизилось со 170 до 18 голосов, а в сенате —

[1] *L. Hains,* Your Servants in the Senate, Washington 1926, p. 35.
[2] Ibid., p. 33.

с 22 до 8 голосов. Победа, одержанная республиканцами на выборах в 67-й конгресс, была сведена на-нет. Знаменательно, что на выборах в 68-й конгресс провалились почти исключительно реакционеры, выступавшие за налоги Меллона и поддерживавшие во всём правительство Гардинга. Оппозиционные к правительству республиканцы, наоборот, в большинстве случаев победили. В результате в конгрессе усилился блок представителей фермерских штатов, руководимый сенатором от Висконсина Робертом Лафоллетом.

III

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

Влияние географии и экономики. «Завещание» Вашингтона. Ссылки на традицию. Сила изоляционизма. Использование изоляционизма реакцией. Тихий океан чреват угрозами. Вашингтонская морская конференция. План Юза. Пятая панамериканская конференция. Тариф Мак-Кембера. «Золотое ожирение». Иммиграционный закон. Поворот в истории США.

Во внешней политике Гардинг всецело полагался на Юза. Лично он считал отношения с Мексикой главным делом государственного департамента [1]. Как во внутренней, так и во внешней политике говорили о «возвращении к нормальному», о соблюдении традиционных грёх «принципов» внешней политики США: доктрины Монро в Латинской Америке, «открытых дверей» в Китае и невмешательства, «изоляционизма» по отношению к Европе.

Изоляционизм — старое движение в Америке. Но оно приобрело международную известность, а слово «изоляционизм» как выражение влиятельного течения в США завоевало определённое место в политической терминологии лишь после первой мировой войны. Старые изоляционисты обосновывали свою позицию аргументами географического характера. Их опора — континентальные фермерские штаты.

США отделены от европейского континента Атлантическим океаном, а от азиатского — Тихим океаном. В этом отчасти коренились причины безразличия к событиям в других частях мира и уверенности относительно невозможности вовлечения США в мировые конфликты. Единственные соседи США на континенте — Канада и Мексика — не представляют для США угрозы в военном отношении. Мексика уже с 40-х годов прошлого века — после того как она в результате войны уступила США больше половины своей территории —

[1] *M. Sullivan,* Our Times, v. VI, p. 145.

не может действовать против интересов Вашингтона. Канада, хотя и является частью Британской империи, тесно связана с США. На протяжении 3 тыс. миль границы на суше и по Великим озёрам между Канадой и США нет ни одной крепости, ни одного военного корабля, ни одного зенитного орудия.

Изоляционисты выдвигали и экономические соображения. Промышленность США в целом обыкновенно работает больше чем на 90% на внутренний рынок. Правда, в отдельных отраслях промышленности — в производстве автомобилей, в добыче нефти и др. — экспорт играет значительную роль. Но для промышленности США в целом удельный вес внутреннего рынка больше, чем в любой другой крупной капиталистической индустриальной стране. Ещё с конца прошлого века в известных промышленных кругах США раздавались голоса об ограждении американского рынка от конкуренции промышленной Европы и об изоляции США от европейских политических дел.

Изоляционисты всегда апеллировали к прошлому американского народа. Они часто напоминают о «завещании» первого президента США Георга Вашингтона, как о непреложном, вечно неизменном руководящем принципе внешней политики [1]. Они ссылаются на историческую традицию, с которой, по их мнению, связан американский образ жизни, на традицию, которая продолжает занимать определённое место в сознании населения даже после того, как условия, создавшие недосягаемость Америки, изменились. Они говорят, что отсутствие милитаризма больше всего отличало Америку от Европы, что активная внешняя политика неизбежно создаёт милитаризм, а милитаризм, сопровождаемый колоссальными непроизводительными расходами и отрывом от полезного труда молодых людей в самые цветущие их годы, представляет угрозу для стандарта жизни и свободы в Америке. Они твердят, что подражание Америки великим европейским державам во внешней политике — предательство по отношению к отцам и дедам, к отважным предкам-пионерам, кото-

[1] В своей «прощальной» речи, произнесённой в 1796 г., Вашингтон говорил: «Европа имеет ряд особых интересов, которые не имеют никакого или имеют к нам весьма отдалённое отношение... Поэтому было бы неразумно вовлекать себя искусственными связями в обычные превратности её политики или в заурядные комбинации и коллизии её дружбы и вражды. Наше обособленное и отдалённое положение подсказывает и даёт нам возможность следовать иному курсу».

Правда, Вашингтон рекомендовал не связывать республику только «постоянными союзами с любой частью внешнего мира». В «прощальной» же речи он сказал: «Временным союзам мы можем смело доверяться в чрезвычайной обстановке».

рые, оставив родные края, пересекли океан и горы, рубили первобытные леса, осваивали дикие прерии и, преодолевая сверхчеловеческие трудности и лишения, строили очаги свободной жизни в Новом Свете.

С начала XX века изоляционисты представляют значительную силу в политической жизни Америки, несравненно большую, чем численность и экономическая роль того населения, которое изоляционисты представляют.

Изоляционизм зародился и окреп как организованное движение в западных фермерских штатах, в штатах не столь заинтересованных во внешней экспансии, как восточные финансово-промышленные центры. Эти штаты, расположенные между Аллеганскими и Скалистыми горами, менее связаны с внешним миром, чем приморские районы. В портовых центрах, расположенных на берегах Атлантического и Тихого океанов, изоляционизм имеет меньше сторонников. За океанами и за горами американский фермер чувствовал себя в безопасности. Его представители в конгрессе возражали против вмешательства США в мировые, в частности в европейские проблемы. Они опасались увеличения налогов и роста военных расходов, которых потребует активная внешняя политика. Изоляционизм был распространён в малонаселённых штатах. Но в американских условиях жители этих штатов имеют при решении международных вопросов в конгрессе относительно больше голосов, чем население многолюдных штатов.

Международные договоры, заключаемые правительством США, подлежат, по конституции, ратификации сенатом. Договор вступает в силу, если его одобряют две трети присутствующих сенаторов. Из 96 сенаторов 33 могут отклонить любое международное соглашение, подписанное правительством США. В сенате малонаселённые штаты аграрного запада — родины изоляционизма — имеют каждый такое же представительство, как любой многолюдный штат. Например, в штате Нью-Йорк населения в 18 раз больше, чем в штате Северной Дакоты, в 23 раза больше, чем в Монтане, в 28 раз больше, чем в Айдаго, в 56 раз больше населения Вайоминга и в 123 раза больше населения Невады. Каждый из этих малонаселённых штатов имеет наравне с Нью-Йорком два голоса в сенате. В 17 западных аграрных (изоляционистски настроенных) штатах меньше населения, чем в 2 восточных штатах — Нью-Йорк и Пенсильвания. Штаты Нью-Йорк и Пенсильвания имеют всего 4 голоса в сенате, а 17 западных штатов — 34 голоса. Изоляционистам достаточно иметь на своей стороне представителей 17 штатов в сенате для того, чтобы решать судьбу любого международного договора,

заключённого правительством США. Эти 17 штатов могут иметь вместе всего 7% населения страны.

Отсюда сила изоляционизма, сила, с которой каждая из двух больших партий США должна была считаться, сила, которую партия, находящаяся в оппозиции, часто старалась использовать. Потенциальная сила его ещё больше. Изоляционистам, использовавшим естественное желание американского народа жить в мире, неоднократно удавалось мобилизовать на базе своих платформ и лозунгов большое число избирателей и членов конгресса из других, неизоляционистских штатов.

Между изоляционистами, представлявшими фермеров, и изоляционистами, представляющими промышленников, имелась существенная разница. Изоляционисты промышленных кругов США отстаивали политику невмешательства преимущественно в европейские дела, но в то же самое время они проявляли значительный интерес к Дальнему Востоку и требовали активного вмешательства в жизнь стран Нового Света. Представители же аграрного запада — Брайан, Петтигру, Бора и др., — активно выступавшие с конца XIX века как изоляционисты, выражали тем самым недовольство фермеров монополиями, их оппозицию к политике внешней экспансии Уолл-Стрита. Сенатор Петтигру в своё время энергично боролся против аннексии Гавайских островов. Брайан возражал против втягивания США в первую мировую войну. Бора высказывался против посылки экспедиционных войск в Центральную Америку. Он неуклонно отстаивал невмешательство в европейские дела. Отсюда его неприязнь к Лиге наций. И Петтигру, и Брайан, и Бора выступали против участия США в каком бы то ни было внешнем конфликте, против захватнической политики в какой бы то ни было части земного шара. Этот «провинциальный аграрный пацифизм» сам по себе считался до поры до времени безвредным, мирным. Однако со времени окончания первой мировой войны, когда реакционные круги пытались использовать изоляционистские настроения фермерских штатов в своих корыстных целях, традиционный изоляционизм аграрного Запада стал приобретать другой характер.

«Старая гвардия» республиканской партии, с сенатором Лоджем во главе, использовала изоляционистские настроения в континентальных фермерских штатах и недовольство широких слоёв населения результатами войны для возрождения реакции в стране. В определение «изоляционизма» пытались втиснуть и запретительные таможенные тарифы, и соперничество на Тихом океане, и колумбийскую нефть, и иммиграционные законы, и экспорт миллиардов за границу, и «спа-

сение» Германии от революции, и непризнание Советской России.

В марте 1921 г., вскоре после образования кабинета Гардинга, советское правительство обратилось в Вашингтон с предложением восстановить торговые отношения между обеими великими странами. Юз ответил, что до «коренных изменений» во внутренней политике советской власти его «правительство не видит основания для обсуждения таких отношений» [1].

Затем Юз пытался «настежь открыть двери» в Китай, укрепить ослабленные во время мировой войны позиции США на Дальнем Востоке. Пользуясь тем, что внимание великих держав Европы и США было поглощено войной, Япония энергично нажимала на Китай, пытаясь превратить обширную страну с её 400-миллионным населением в своего вассала. В 1915 г. Токио потребовал от Пекина подписать «21 требование». Этим ультиматумом Япония пыталась установить свой протекторат над Китаем. В 1917 г. по соглашению Лансинг — Исии правительство Вильсона признало особые интересы Японии в Китае. Японские купцы и офицеры нахлынули в китайские торговые и стратегические пункты, вытесняя в ряде случаев старые американские фирмы. «Открытые двери» постепенно стали закрываться. Американский эксперт по китайским делам Миллард в докладе комиссии по иностранным делам сената утверждал, что Япония «намерена взять под свой контроль всю американо-китайскую торговлю» [2].

В политических кругах Вашингтона начали задавать вопрос: «является ли доктрина «открытых дверей», декларированная в 1899 г. государственным секретарём Хейем, только тактическим шагом правительства Мак-Кинли или она является кардинальным принципом внешней политики США?» Ответ был дан устами американского президента. В одной из своих речей, которые, как правило, всегда читались в письменном виде, Гардинг сказал: «Мы видим, как взоры всего мира обращены к Тихому океану. В обессиленной Европе вряд ли назреет скоро конфликт, но Тихий океан чреват угрозами, которые глубоко нас касаются» [3]. Нью-Йоркские журналы указывали, что японский милитаризм является большей угрозой, чем кайзеровская автократия [4]. Мировая печать заговорила о назревании японо-американской войны.

На Тихом океане соперничали три крупные империалистические державы — Англия, Япония и США. Между двумя

[1] «Current History», May 1921, p. 190.
[2] Ibid., August 1921, p. 739 [0].
[3] *C. Beard*, Rise of American Civilization, v. II, p. 683.
[4] «Current History», August 1921, p. 739 .

первыми существовал (заключённый в 1902 г. и обновлённый в 1911 г.) военный союз. Естественно возникал вопрос: против кого направлен сейчас англо-японский союз, если не против Америки? Америка сосредоточила свой флот в Тихом океане. Но сосредоточение военных кораблей США у Калифорнийского побережья и у Гавайских островов не возымело полного воздействия на Японию. Несмотря на проводимую Вашингтоном с 1916 г. большую морскую программу, ко времени прихода республиканской партии к власти, в 1921 г., соотношение морских сил далеко ещё не сложилось в пользу США. Правда, количественно американский флот занимал второе место после английского [1]. Но качественно его ставили на третье место после английского и японского [2].

Мандатные острова, отошедшие к Японии после войны, усилили стратегические позиции японского флота в западных водах Тихого океана — там, где предполагались главные морские сражения в случае японо-американской войны. Между тем стратегические базы США в этом районе — Гуам и Филиппины — считались весьма уязвимыми. Конечно, экономически и технически США имели возможность построить такой большой военно-морской флот, который ликвидировал бы стратегические преимущества Японии, но финансирование большого морского строительства встречало в США политические затруднения.

Меллон проектировал снижение налога на капитал, а строить флот за счёт налога на потребление мешали представители фермерских штатов в конгрессе. Не меньшую проблему вызывало содержание военного флота в мирное время. Вербовать людей в обязательном порядке нельзя было, а наёмный персонал для большого флота обходится в Америке довольно дорого.

В Вашингтоне решили, что для улучшения позиций Америки на Дальнем Востоке дешевле и проще использовать дипломатические средства, выросший международный авторитет США и антивоенные настроения мирового обществен-

---

[1] В конце 1921 г. соотношение флотов крупнейших трёх морских держав представлялось в следующем виде:

	Тоннаж кораблей в строю	Тоннаж строевых и строящихся кораблей
Англия	1 582 442	1 665 332
США	779 173	1 621 282
Япония	340 596	669 056

(«Current History», September 1921, p. 922).

[2] «Current History», October 1921, p. 44.

ного мнения. На помощь департаменту иностранных дел пришли изоляционисты в конгрессе.

Сенатор Бора внёс к биллю о военно-морском бюджете специальное добавление, которое уполномочивало президента США пригласить Англию и Японию на конференцию по сокращению морских вооружений. 25 мая 1921 г. сенат принял это добавление единогласно.

12 ноября 1921 г. в Вашингтоне открылась конференция по ограничению вооружений. На неё собрались министры иностранных дел и крупнейшие военные руководители важнейших капиталистических стран. Делегацию США возглавлял Юз; Лодж был членом делегации. От Англии был Бальфур, адмирал Битти и др. Среди представителей Франции числились Бриан, Вивиани и Фош. В японскую делегацию входили принц Токугава, адмирал Като и посол в США Сидехара. На конференцию также прибыли делегации Китая, Италии, Голландии, Бельгии и Португалии.

Председательствовавший на конференции Юз выступил с программной речью, которая удивила и смутила некоторых делегатов, в частности японцев. Он подошёл к вопросу по-деловому, по-американски, конкретно приводя названия строевых, строящихся и проектируемых кораблей. Юз предложил приостановить на 10 лет строительство линкоров, установить максимальный размер линейных кораблей в 35 тыс. *т*, а линейные флоты трёх крупнейших морских держав ограничить: 500 тыс. *т* для Англии, 500 тыс. *т* для США и 300 тыс. *т* для Японии. Для проведения указанной программы, говорил Юз, США придётся вывести из строя и прекратить строительство кораблей тоннажем в 846 тыс. *т*, Англии — 583 тыс. *т*, а Японии — 449 тыс. *т*.

Американский проект застал английских и японских адмиралов врасплох. Изложив неожиданный план в субботу 12 ноября, Юз предложил, по тактическим соображениям, отложить конференцию до вторника. Он хотел дать возможность мировому общественному мнению высказаться по его докладу ещё до выступления на конференции представителей Англии и Японии.

Широкие массы капиталистических государств, потрясённые войной и её последствиями и не видя реальных шагов в отношении разоружения со стороны Лиги наций, встретили речь государственного секретаря США весьма одобрительно. 300 газет различных стран высказались за поддержку Юза. В кулуарах конференции говорили: «Юз потопил в течение 35 минут больше кораблей, чем адмиралы всего мира в течение веков».

15 ноября, когда состоялось следующее заседание конференции и слово было предоставлено Бальфуру, бывший министр иностранных дел Великобритании заявил, что он в принципе согласен с Юзом. Он просил только при обсуждении деталей учесть территориальные особенности Британской империи, разбросанность её владений. Обращаясь к Юзу, Бальфур просил войти в его положение: «Вообразите, например, — говорил он, — что ваши западные штаты внезапно отодвинулись на 10 тыс. миль через океан, что ваши промышленные центры расположены на небольшом острове, зависящем в отношении сырья и продовольствия от заморской торговли». Тем не менее британский министр иностранных дел заявил, что Англия, господствовавшая веками на морях, удовлетворится отныне военно-морским флотом, равным флоту США.

Затем представитель Японии адмирал Като выступил с краткой речью, которую закончил следующими словами: «Япония никогда не претендовала и никогда не имела намерения претендовать на морские силы, равные силам США или Британской империи. Её настоящий план убедит каждого, что она никогда не собиралась готовиться к наступательной войне» [1].

Одновременно Сидехара обрушился в печати на «недружелюбных критиков», обвиняющих Японию в стремлениях завоевать Китай. «Прежде всего, — утверждал Сидехара, — попытка выполнения подобного плана вовлекла бы нас в конфликт с другими государствами, имеющими значительные интересы на Дальнем Востоке... Китай неоднократно подвергался нашествиям и завоеваниям, и их неизменным концом являлось поглощение «завоевателя» Китаем» [2].

Юз использовал благоприятную международную обстановку. В итоге конференции были заключены пять соглашений:

1) Соглашение пяти держав о соотношении линейных флотов в течение 15 лет: для США и Англии по 525 тыс. *т*, для Японии — 315 тыс. *т*, а для Франции и Италии — по 175 тыс. *т*.

2) Соглашение четырёх держав — США, Англии, Франции и Японии — о сохранении мира и о взаимной гарантии владений на Тихом океане. Это соглашение предусматривало расторжение англо-японского союза. Район между Сингапуром, Австралией, Новой Зеландией, Гавайями и Японией решили демилитаризовать.

---

[1] «Current History», December 1921, p. XXII.
[2] Ibid., p. 395.

3) Соглашение девяти держав — США, Англии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии, Португалии, Японии и Китая — о сохранении целостности китайской территории. Конференция подтвердила необходимость соблюдения принципа «открытых дверей» в Китае. Япония обещала эвакуировать Шаньдунь.

4) Соглашение держав с Китаем, по которому державы обещали отказаться в скором времени от ряда привилегий, в частности от таможенного контроля в Китае.

5) Соглашение между США и Японией о мандатном острове Яп и о тихоокеанском кабеле.

Вскоре после конференции Юз объявил, что соглашение Лансинг — Исии 1917 г. не имеет больше силы.

Итоги Вашингтонской конференции рассматривали в США и за границей как большое дипломатическое достижение правительства Гардинга. И изоляционисты и сторонники активной политики на Дальнем Востоке остались довольны. И те и другие считали себя победителями. 6 февраля 1922 г., в день закрытия Вашингтонской конференции, провозгласили наступление новой эры в международных отношениях.

В Латинской, в особенности в Центральной, Америке правительство Гардинга следовало политике предыдущих республиканских президентов — Мак-Кинлея, Рузвельта и Тафта — политике, которую, между прочим, энергично проводил и демократ Вильсон.

Когда началось строительство Панамского канала, президент США Теодор Рузвельт заявил: «Мы начали овладевать континентом». А его преемник Тафт писал: «Может быть, недалёк тот день, когда три знамени звёзд и полос будут отмечать расширение нашей территории в трёх равноотстоящих точках: одна у Северного полюса, другая у Панамского канала и третья у Южного полюса; всё полушарие будет наше «де-факто», как в силу нашего расового превосходства оно уже наше «де-юре» [1].

По распоряжению Вильсона в 1915 г. американские войска оккупировали Гаити, а в 1916 г. — Сан-Доминго. Вильсон также послал войска США в Мексику и на Кубу.

Для сглаживания тяжёлого впечатления, произведённого десантами США в Гаити, Сан-Доминго и других странах, Вильсон перед уходом из Белого дома отправил со специальной миссией своего министра иностранных дел Кольби в столицы Южной Америки. В конце 1920 г. на празднестве в Чили в честь 400-летия со времени проплытия Магеллана

---

[1] *M. Ugarte,* The Destiny of a Continent, New York 1925, p. 134—135.

мимо чилийских берегов присутствовала эскадра военных кораблей США.

Республиканцы продолжали тактику Вильсона, стараясь к готовившейся пятой панамериканской конференции укрепить экономические и политические связи с южными странами. Вильсон ещё во время открытия Панамского канала обещал Колумбии 25 млн. долл. в виде компенсации за насильственное отторжение от неё Панамы в 1903 г. Правительство республиканцев, подгоняемое некоторыми влиятельными трестами, заинтересованными в колумбийской нефти, поспешило улучшить отношения с Колумбией и начало выплачивать ей указанную сумму. К открытию панамериканской конференции весной 1923 г. США приняли также меры к улучшению отношений с Мексикой. После двухлетних торгов Юз признал правительство Обрегона, вооружил его и помогал ему подавить восстание его противников. В июле 1922 г. президент Гардинг стал арбитром в старом конфликте между Чили и Перу из-за прибрежной земли Такна-Арика, которую называют «Эльзас-Лотарингией западного полушария».

19 апреля 1921 г. Нью-Йорк получил статую Боливара в виде подарка от Венецуэлы. В этот день президент США заявил, что «страна готова, если понадобится воевать в защиту доктрины Монро» [1].

Под видом «возвращения к старой испытанной политике» невмешательства в европейские дела — к изоляционизму — республиканцы вернулись к запретительным таможенным тарифам. В 1921 г. для нейтрализации фермерской оппозиции к тарифам был принят предварительный временный тариф, повысивший пошлины преимущественно на продукты сельского хозяйства. Затем, в сентябре 1922 г., прошёл тариф Мак-Кембера, который установил самые высокие таможенные пошлины на промышленные изделия, по сравнению с когда-либо ранее существовавшими. Этот тариф принёс миллиарды американским монополиям. Доходы промышленных корпораций в последний год высокой конъюнктуры перед принятием тарифа Мак-Кембера (в 1919 г.) составляли, при вздутых военных ценах, 10 303 млн. долл., а за один год после принятия указанного тарифа, в 1923 г., эти доходы выросли, при гораздо более низком общем индексе товарных цен, до 14 881 млн. долл. За первый год действия тарифа Мак-Кембера цены на алюминий, монопольное производство которого находится в руках Алюминиевой компании, принадлежавшей министру финансов Меллону, поднялись в Нью-

[1] «Current History», July 1921, p. 582.

Йорке на 45%. В 1921 г. выплаченные Алюминиевой компанией дивиденды составляли 1 000%, а после принятия нового тарифа — 1 500% от капитала, вложенного этой компанией в свои предприятия, не считая прибыли [1]. Морганов-ский Стальной трест после вступления в силу нового тарифа повысил цены на все предметы своего производства настолько, что стоимость годового потребления железа и стали в США увеличилась на 1 млрд. долл. [2]

Республиканцы вернулись к старому протекционизму, игнорируя изменения, происшедшие в экономике США, в отношениях Америки с внешним миром. Проводить протекционистскую политику было легко, когда США были должником, но когда Вашингтон стал мировым кредитором, проводить политику протекционизма стало значительно труднее. Трудно одновременно быть и государством-кредитором и страной запретительных тарифов, ибо государства-должники могут платить по векселям главным образом товарами. Проблема ещё больше усугублялась банкирами Уолл-стрита, форсировавшими экспорт капитала за границу. Запретительный тариф кредитора заставлял страны-должники платить по долгам золотом. Вскоре около половины золотых запасов капиталистического мира сосредоточилось в Америке. Отлив массы золота в США углубил валютный хаос в большинстве капиталистических стран, что впоследствии ударило рикошетом по Америке. «Золотое ожирение» оказалось неприятной и трудно излечимой болезнью.

В угаре изоляционизма и шовинизма конгресс США принял первый закон об иммиграционных квотах. Кампания за ограничение иммиграции в США велась с конца XIX века. Конгресс неоднократно принимал соответствующие билли. Но президенты Кливленд, Тафт и Вильсон накладывали на них своё вето. В начале 1921 г. конгресс принял акт о квотах. Вильсон наложил на него вето. Вскоре после прихода к власти республиканской партии этот акт вступил в силу. Акт 1921 г. ограничивал ежегодное число иммигрантов каждой страны 3% того количества иммигрантов данного государства, которые родились за границей и проживали в США в 1910 г. Квота учитывала место рождения, а не последнее место жительства прибывшего иммигранта. Она была установлена на 13 месяцев — с июня 1921 г. по июль 1922 г. В течение этого срока общее число иммигрантов было ограничено 350 тыс. человек. В 1922 г. указанная квота была продлена ещё на 2 года.

[1] *E. Bates,* The Story of Congress, New York 1936, p. 346.
[2] *L. Hains,* Your Servants in the Senate, p. 65, 76—78, 85; *E. Bates,* The Story of Congress, p. 396.

По сравнению с 1913 г. иммиграция в США была сокращена в 3,5 раза. Большую роль в принятии закона в целом и в определении квот по странам в частности сыграл страх перед революционными идеями. В 1913 г. Россия занимала первое место в американской иммиграции; из России эмигрировали в США 291 тыс. человек. В 1921 г. эта цифра была сокращена в шесть раз для всех государств, входивших ранее в состав Российской империи, вместе взятых.

Желая изолировать США от европейского революционного движения, большинство членов конгресса высказывалось против предоставления в дальнейшем права убежища политическим эмигрантам, ликвидировало тот обычай, который являлся традиционной гордостью заатлантической республики. Внесённое в конгресс добавление к иммиграционному акту об изъятии из его действия лиц, эмигрировавших в США из-за политических и религиозных преследований, было отвергнуто. Однако боязнь революционных идей, желание изолировать США от «неспокойной» Европы послужило только толчком к принятию иммиграционного закона. Принятие закона 1921 г. стало возможным благодаря глубоким социально-экономическим изменениям, происшедшим в США. В стране впервые появилась постоянная, исчисляемая миллионами, армия безработных.

Американская индустрия создана руками рабочих-иммигрантов. В течение многих десятилетий иммиграция питала рабочей силой промышленность и содействовала отливу населения с промышленного Востока на аграрный Запад, на свободные земли. Американский капитализм начал закрывать двери США для иностранных рабочих лишь тогда, когда перед ним встала большая проблема безработицы, когда начался обратный отлив населения с запада на восток. Таким образом, строгие иммиграционные законы отражали крупные социально-экономические сдвиги, происшедшие в США, отмечали поворот в истории Америки.

Проповедниками ограничения иммиграции в США были с давних времён поклонники англо-саксонской расы и «изоляционисты-националисты», мечтавшие о монолитной американской нации вместо пёстрой смеси национальностей, населяющих США. По переписи 1910 г. из 91 972 тыс. жителей США 32 243 тыс., или больше одной трети, приходилось на долю иммигрантов и детей иммигрантов. По переписи 1920 г. в США числилось 13 713 тыс. иммигрантов, 19 190 тыс. детей иммигрантов и 20 629 тыс. внуков иммигрантов. Если к этому числу прибавить 10,5 млн. негров, то на долю «стопроцентных американцев» оставалось меньше 40% населения страны. В 11 промышленных северо-восточных штатах, где

в 1920 г. жило около половины населения страны, больше половины приходилось на долю иммигрантов и детей иммигрантов. В штатах Нью-Йорк, Массачузетс и Род-Айленд последние составляли больше двух третей всего населения [1].

Иммиграционные законы по идее их авторов должны были изменить национальный состав населения. Но изменения в национальном составе, являющиеся следствием определённых социальных сдвигов, сами чреваты большими социальными последствиями. Перед мировой войной больше 80% всех иммигрантов составляли рабочие, а свыше 75% всех рабочих-иммигрантов не имели никакой квалификации: они выполняли наиболее тяжёлую и наименее оплачиваемую работу.

«В Соединенных Штатах, — отмечает Ленин, — иммигранты из восточной и южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы» [2].

Ещё в 1893 г. Фридрих Энгельс в письме к Зорге, говоря о трудностях, стоящих на пути к развитию рабочей партии в Америке, отметил: «. . .огромное значение имеет эмиграция, которая делит рабочих на две группы, туземных и пришлых, а этих последних на 1) ирландцев, 2) немцев и 3) целый ряд мелких групп,» . . .«а именно: чехов, поляков, итальянцев, скандинавцев и т. д. А к ним еще присоединяются и негры. Нужны особо благоприятные условия для того, чтобы из этих элементов образовать единую партию. Иногда внезапно наступает сильный порыв, но стоит только буржуазии пассивно выдержать его, как разнообразные элементы рабочих масс снова распадутся» [3]. Выводы Энгельса, сделанные на основе изучения состава иммигрантов 70-х и 80-х годов, ещё более верны для следующих 2—3 десятилетий. В 70-х годах около трёх четвертей, а в 80-х годах около двух третей всех иммигрантов составляли переселенцы из Англии и Германии — люди тех наций, которые более или менее легко ассимилируются в Новом Свете. Между тем, в 90-х годах около половины, а в 900-х годах около трёх четвертей иммигрантов в США составляли переселенцы из Австро-Венгрии, Италии и России, — люди трудно американизирующиеся. Помимо того, среди иммигрантов США из Великобритании и Германии

---

[1] «Current History», July 1921, p. 604.

[2] *Ленин,* Соч., т. XIX, стр. 157.

[3] «Письма Беккера, Дицгена, Энгельса, Маркса и др. к Зорге и др.», Москва 1913, стр. 455.

удельный вес квалифицированных рабочих был больше, чем среди иммигрантов из восточной и юго-восточной Европы.

В течение четверти века, предшествовавшего первой мировой войне, американский рабочий класс пополнялся людьми, прибывавшими в Новый Свет из различных стран. Национальная пестрота затрудняла организацию рабочего класса. Вместе с тем она способствовала отделению рабочей аристократии от главной массы пролетариата и помогала разгрому революционных организаций.

Иммиграционные законы отнюдь не изолировали США от капиталистического мира. Они только обнажали назревшие пороки американского капитализма.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ

I

СТАЧКА УГЛЕКОПОВ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Небывалая стачка шахтёров. «Угольный голод неизбежен». Кровавые стычки. Структура союзов на железных дорогах и стачка. Комиссия Гувера. Уроки больших стачек.

Начало 20-х годов в мировом рабочем движении отмечалось как окончание очередного тура войн и революций и наступление относительной стабилизации капитализма. В США послевоенный революционный период завершился в 1922 г. крупными классовыми сражениями, большими стачками в угольной промышленности и на железных дорогах.

Капиталисты старались переложить тяжести экономического кризиса 1920—1921 гг. и его последствия на рабочий класс. В ряде отраслей промышленности предприниматели начали сокращать заработную плату. В апреле 1922 г. истёк срок договора между рабочими и предпринимателями в угольной промышленности. Шахтовладельцы объявили снижение заработной платы от 20 до 40%. В ответ углекопы забастовали. Они возобновили требование 1919 г. о введении шестичасового рабочего дня и пятидневной рабочей недели. Они также требовали 20-процентной надбавки к заработной плате рабочих антрацитовой промышленности. Согласно оценке министерства труда, в июле 1922 г. число бастующих углекопов доходило до 610 тыс. человек. Из них 155 тыс. приходилось на долю рабочих антрацитовых рудников. Впервые в истории американского союза горнорабочих забастовка охватила шахтёров, добывающих не только битуминозные угли, но и антрацит. В 1922 г. бастовало углекопов больше, чем когда бы то ни было раньше в истории Америки.

На призыв к стачке широко откликнулись и неорганизованные в союз рабочие. В Коннельсвильском коксовом районе штата Пенсильвания, например, рабочие, которые в течение 30 лет не участвовали в забастовках углекопов, примкнули сейчас к стачке. В течение 30 лет союз углекопов не имел в Коннельсвильском районе ни одной организации; в

середине апреля 1922 г. на каждой шахте этого района функционировало местное отделение союза горнорабочих.

Когда забастовка началась, представители власти и печать, сочувствующая шахтовладельцам, твердили, что в настоящее время стачка горнорабочих не вызывает у них никакой тревоги. 1 апреля нью-йоркская газета «World» писала, что «стачка начинается в период, когда запасы добытого угля достигли максимальных в истории США размеров». Федеральное правительство уверяло, что «стачка не создаст для населения никаких затруднений». Но уже через 3 месяца американские газеты запестрели заголовками: «Предстоящая остановка важнейших отраслей промышленности», «Угольный голод неизбежен», «Запасы угля подходят к концу».

В начале 1922 г. шахтовладельцы не желали пойти на уступки союзу горнорабочих. Наоборот, они надеялись извлечь выгоды из большой забастовки, продавая колоссальные запасы угля по взвинченным ценам. Шахтовладельцы также рассчитывали в борьбе довести членов союза до такого изнурения, что углекопы согласятся вернуться к работе на условиях, обычных для неорганизованных рабочих, и, таким образом, сломить сильнейший в АФТ союз, организованный по производственному принципу. Расчёты предпринимателей не оправдались. Стачка оказалась слишком серьёзной. Недостаток топлива обнаружился довольно скоро. Попытка использовать штрейкбрехеров привела к кровавым боям. Такая попытка была сделана на третий месяц стачки угольной компанией Южного Иллинойса, в графстве Вильямсоне в Геррине. Группа шахтёров отправилась для переговоров с штрейкбрехерами. Охрана компании встретила её пулемётным огнём. Двое рабочих были убиты на месте. Углекопы из соседних шахт двинулись к месту происшествия. Охрана открыла огонь. Шахтёры бросились в атаку. Испугавшись, охрана подняла белый флаг. В сражении было убито 19 охранников и штрейкбрехеров и два стачечника [1].

Через несколько недель произошла также вооружённая схватка между шахтёрами, пытавшимися снять с работы штрейкбрехеров, и охраной угольной компании в Западной Вирджинии. В сражении было убито 7 бастующих, 13 штрейкбрехеров и шериф графства. Столкновения между бастующими рабочими и вооружёнными агентами предпринимателей происходили также и в других угольных районах. На отдалён-

[1] *S. Perlman* and *P. Taft*, History of Labor in the United States, v. IV, New York 1935, p. 484.

ных от больших городов шахтах, где целые рабочие посёлки принадлежат угольной компании, которая содержит полицию, школу и церковь, каждая стычка между рабочими и предпринимателями придавала классовой борьбе особо острый и напряжённый характер.

Ещё до начала стачки союз настаивал на едином соглашении по всей стране. Представители компании требовали сепаратных соглашений в каждом районе. Успех стачки зависел прежде всего от единства и сплочённости углекопов. Во время объявления забастовки местные союзы на ряде шахт в штате Кентукки и Теннеси заключили сепаратные соглашения с предпринимателями. Несмотря на штрейкбрехерские действия некоторых местных союзов, около 75% всех рабочих, занятых в битуминозной промышленности, присоединились к забастовке. Стачка приняла грандиозный размах.

В июне добыча угля на шахтах, где рабочие не бастовали, значительно увеличилась. Стачка переживала критические дни. Но к этому времени на помощь бастующим углекопам пришли железнодорожники, которые отказались перевозить уголь. Разразившаяся вскоре железнодорожная забастовка заставила шахтовладельцев отказаться от выдвинутого ими проекта сокращения заработной платы.

На железных дорогах существовали 16 отдельных союзов. 4 союза рабочих службы движения — машинистов, кочегаров, кондукторов и проводников — образуют железнодорожные братства, которые не входят в АФТ. Остальные 12 союзов входят в федерацию и образуют железнодорожную секцию. Но из этих 12 союзов только шесть — союзы железнодорожных мастерских — выступали сообща. Таким образом, сама структура союзов железнодорожников, их разделение на братства и на организации, входящие в АФТ, а последних — на профсоюзы рабочих мастерских и — рабочих пути затрудняли общее выступление железнодорожников в борьбе с железнодорожными компаниями.

Конфликты на железных дорогах, как и в угольной промышленности, тянулись с 1919 г. В марте 1920 г. железные дороги, находившиеся во время войны в распоряжении правительства, перешли опять в руки частных владельцев. Боевое настроение железнодорожников и продолжавшаяся высокая хозяйственная конъюнктура заставили компании во время перехода дорог обратно в их руки повысить заработную плату на 22%. Спустя полтора года железнодорожные компании объявили снижение заработной платы. Забастовка четырёх «братств» и присоединившихся к ним стрелочников вынудила владельцев железных дорог отказаться от своих намерений. Но весной 1922 г. компании понизили заработную

плату на железных дорогах в среднем на 12%. Снижение коснулось только 10 из 16 союзов железнодорожников. Этот маневр облегчал владельцам железнодорожных линий и правым лидерам профессиональных союзов возможность сорвать объединённое выступление всего железнодорожного пролетариата страны. Одновременно железнодорожные компании, при содействии правительства Гардинга, решили отказаться в дальнейшем от тарифных соглашений в общенациональном масштабе, как это имело место, когда железные дороги были в ведении государства.

Железнодорожники угрожали общей забастовкой, которая должна была охватить 1 200 тыс. человек. Общая стачка была намечена до начала июля. Угроза приостановки железнодорожного движения во всей стране стала реальной. Страх перед всеобщей забастовкой железнодорожников при наличии стачки 600 тыс. углекопов охватил не только правящие круги американского капитала, но и ряд лидеров союзов железнодорожников. При существующей организационной структуре этих союзов и при специально диференцированном подходе владельцев к рабочим различных профессий профсоюзным бюрократам удалось сорвать единое общее выступление железнодорожного пролетариата США. Вместо ожидавшихся 1 200 тыс. — в июле 1922 г. забастовало около 500 тыс. железнодорожников, из них 400 тыс. — члены шести союзов железнодорожных мастерских.

Забастовки горнорабочих и железнодорожников охватили в общей сложности свыше 1 млн. рабочих. Они встревожили реакционное республиканское правительство. 20 июля 1922 г. Питсбургская газета «Таймс» сообщила, что президент Гардинг по телефону предложил губернаторам 28 штатов помочь шахтовладельцам возобновить работу, обещая полную поддержку федерального правительства. Губернаторы Пенсильвании и Огайо отправили в угольные районы части национальной гвардии. Штрейкбрехеры получили возможность работать под охраной вооружённых солдат. Но мероприятия президента США не дали заметного эффекта. Недостаток угля стал ощущаться всё острее. В конце июля была создана федеральная чрезвычайная топливная комиссия под руководством министра торговли Гувера.

Углекопы упорно держались. Но председатель объединённого союза горнорабочих проявил большую уступчивость. 15 августа он подписал соглашение с предпринимателями сроком до апреля 1923 г., по которому рабочие должны были возвратиться к работе на условиях, существовавших до забастовки. Соглашение было сепаратным; оно не касалось 155 тыс. рабочих антрацитовой промышленности, а также

около 100 тыс. не организованных в союзы рабочих, которые очень дисциплинированно вели себя во время стачки. Оставшись одни, рабочие антрацитовой промышленности вынуждены были в сентябре также присоединиться к соглашению. Забастовки на шахтах, где были заняты не организованные в союзы рабочие, прекратились не сразу. Они затянулись до лета 1923 г. Специальная комиссия, созданная тогда мэром Нью-Йорка, по обследованию положения неорганизованных рабочих в одной южной компании, снабжающей топливом нью-йоркский транспорт, доносила, что условия жизни шахтёров «хуже жизненных условий рабов до гражданской войны» [1].

После заключения сепаратного соглашения в угольной промышленности настроение бастующих железнодорожников резко упало. В то же время на железнодорожную стачку обрушилось правительство США, полиция и реакционное студенчество. Особенно свирепствовал генеральный прокурор Догерти. Суд постановил привлекать к ответственности стачечников, осмеливающихся именовать штрейкбрехерами людей, занявших их место.

В обстановке травли и преследования бастующих рабочих профсоюзные вожди всеми силами удерживали большинство железнодорожников от забастовки. Лидеры АФТ мешали другим союзам оказывать поддержку бастующим. Стачка кончилась неудачно. Больше половины бастующих капитулировало в сентябре 1922 г.; около 200 тыс. человек продолжало бастовать до начала 1923 г., но все они вынуждены были вернуться к работе за пониженную заработную плату.

Большими стачками углекопов и железнодорожников завершается четырёхлетний послевоенный период стачечной борьбы американского пролетариата. Стачки в угольной и стальной промышленности и на железных дорогах представляют собой самые крупные классовые бои 1919—1922 гг. в США. В эти годы стачечная волна охватила наряду с железнодорожным транспортом, угольной и стальной промышленностью автомобильную, текстильную, мясную, строительную, полиграфическую и другие отрасли промышленности. Согласно официальным данным министерства труда, в забастовках 1919—1922 гг. участвовало 8 335 тыс. рабочих.

Крупные послевоенные стачки убедили рабочих, что «в царстве Гомперса что-то подгнило». К концу 1923 г. организации, входящие в АФТ, насчитывали на 1 150 тыс. членов

---

[1] *S. Perlman* and *P. Taft,* History of Labor in the United States, v. IV, p. 486.

меньше, чем к концу 1920 г. За один 1922 г. число членов АФТ сократилось больше чем на 700 тыс. человек. Такого сокращения численного состава федерация никогда за всю свою историю не знала. В рабочем классе усилилось движение за создание новых производственных союзов. Капиталисты в свою очередь повели кампанию за организацию хозяйских, компанейских союзов.

II

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И КОМПАНЕЙСКИЕ СОЮЗЫ

Структура и традиции АФТ, её состав. ЛПП. Движение за амальгамацию. Рост компанейских союзов. «План Б.-О.». «Контракт рыжей собаки».

Американская федерация труда являлась с самого её возникновения, в 80-х годах прошлого века, почти единственной массовой профсоюзной организацией в США. Федерация образовалась в тот период, когда промышленность и транспорт США развивались самыми высокими темпами, которые когда-либо были известны капитализму, в те годы, когда Америка стала страной тяжёлой промышленности. Движение населения на запад, на свободные земли, к тому времени замедлилось. В фабричных центрах начал оседать постоянный слой квалифицированного пролетариата. Наряду с этим в конце XIX века, как мы уже отмечали, резко менялся национальный состав иммигрантов. Англичане и немцы, составлявшие в 70-х годах $^3/_4$ всех иммигрантов в США, в 90-х годах дали $^1/_3$, а в 900-х годах — всего $^1/_7$ числа иностранцев, прибывших в США. Место англичан и немцев заняли иммигранты, которые медленнее поддавались американизации. Из них комплектовалась главным образом армия неквалифицированных рабочих в Америке.

АФТ образовалась как организация квалифицированных рабочих, состоявших преимущественно из американцев или американизированных рабочих в противовес громадной массе пролетариата, которая вербовалась из иммигрантов. Вождём и организатором АФТ был Самуил Гомперс — сам рабочий в молодости, но в старости брезгливо чуравшийся рабочих. Идеалом для грядущих поколений Гомперс считал гильдейское общество. Но даже гильдейский социализм представлялся ему слишком революционной теорией. Сообразно своим идеям Гомперс создавал консервативные организационные формы и традиции. Лидер АФТ, если он сам добровольно не подаёт в отставку, остаётся пожизненно вождём. В органи-

зационном отношении Федерация напоминает скорее объединение автономных союзов. Однако национальный исполнительный комитет применяет иногда крайние меры взыскания, вплоть до исключения из состава АФТ. Хотя некоторые большие союзы, как, например, союзы горнорабочих и текстильщиков, организованы по производственному принципу, в целом АФТ сохраняла цеховую раздроблённость. В АФТ числятся сотни центральных и десятки тысяч рабочих союзов местного масштаба. Цеховая раздроблённость чрезвычайно затрудняет профессиональным союзам возможность сопротивления нажиму предпринимателей. Рабочие одного и того же предприятия зачастую принадлежат к десяткам различных цеховых союзов.

Ставя своей задачей защиту интересов квалифицированных рабочих за счёт остальной массы пролетариата, союзы АФТ с самого начала своего возникновения принимали меры к ограждению от проникновения в их ряды неквалифицированных рабочих. Характерные факты, иллюстрирующие, насколько политика Гомперса затрудняла доступ в федерацию неквалифицированных рабочих и рабочих иммигрантов, привёл в 1921 г. лидер «Индустриальных рабочих мира» — Вильям Хейвуд. Он писал, что союзы, входящие в АФТ, требуют, «чтобы каждый новый член отбыл ученичество, срок которого различен для разных профессий... Некоторые союзы требуют крупных вступительных взносов. Например, стеклодувы зелёного бутылочного стекла установили вступительный взнос в 500 долл. Со стеклодувов богемского стекла взимают вступительный взнос в 1 тыс. долл.... Рабочие электрики платят 250 долл. Союз плотников и столяров в некоторых местах назначил 75 долл. вступительного взноса. Член союза, переезжающий в местность, где вступительный взнос выше, чем в том союзе, в котором он состоял, обязан уплатить разницу... Многие ремесленные союзы Американской федерации труда ограничивают число учеников, принимаемых для изучения профессии. Обычно один ученик должен приходиться на 7, в некоторых ремёслах на 10 рабочих... Существуют союзы, как, например, союз художников и декораторов и союз пекарей и пирожников, которые окончательно отказались принимать новых членов... Некоторые интернациональные союзы Американской федерации труда отказываются допускать женщин в число членов. Пример — интернациональный союз парикмахеров. Другие ремесленные союзы требуют, чтобы вступающий в союз был американским гражданином. Многие профессиональные или ремесленные союзы

не допускают в число членов чернокожих, китайцев и японцев» [1].

«В результате своей странной структуры, — писал известный американский историк Шлезингер, — Американская Федерация труда автоматически исключает из своих рядов огромную массу неорганизованных и неквалифицированных рабочих, составляющих, возможно, около 90% трудящегося класса» [2].

В условиях высокой концентрации и трестирования промышленности давно уже обнаружилась не только реакционность, но и несостоятельность политики цеховой раздробленности АФТ. В важнейших трестифицированных отраслях промышленности, как, например, на предприятиях стальных трестов и автомобильных компаний, АФТ не могла охватить даже квалифицированных рабочих. К середине 20-х годов две трети всех членов профессиональных союзов в США составляли транспортники, строители, горнорабочие и служащие государственных и общественных учреждений. На транспорте и в строительстве числилась половина членов всех союзов. Между тем рабочие фабричной промышленности оставались почти не организованными. В особенности несостоятельность и реакционность структуры АФТ сказалась во время больших послевоенных стачек, когда организационные дефекты профессиональных союзов облегчали трестированному капиталу возможность громить каждую забастовку в отдельности. В это время больше миллиона рабочих, недовольных и разочарованных в политике профессиональных вождей, оставило ряды АФТ.

Ещё в ноябре 1920 г. в Чикаго была создана под руководством Вильяма Фостера Лига профсоюзной пропаганды (ЛПП), которая ставила своей целью воспитание существующих массовых союзов в духе классовой борьбы и объединение раздроблённых цеховых организаций в большие единые производственные союзы, способные защищать общие и повседневные интересы рабочего класса. Коммунистическая партия США, насчитывавшая тогда всего около года своего существования, уделяла уже большое внимание работе внутри старых массовых профессиональных союзов, преодолевая ультра-левые тенденции недооценки профсоюзной работы. В этом отношении американским коммунистам помогли, как неоднократно подчёркивал Фостер, тактические указания Ленина, в частности его классическая работа о марксистской

---

[1] «Коммунистический Интернационал» № 17, 1921 г., стр. 4184—4185.
[2] *A. Schlesinger,* Political and Social History of the United States, New York 1927, p. 378.

стратегии и тактике — «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Коммунистическая партия активно поддерживала ЛПП. Ко времени больших стачек углекопов и железнодорожников в 1922 г. ЛПП стала реальной силой в борьбе за укрепление американских профессиональных союзов. По инициативе ЛПП весною 1922 г. Чикагская федерация труда приняла резолюцию об амальгамации, которая означала превращение цеховых профессиональных союзов, организованных по горизонтальному признаку, в производственные — вертикально построенные союзы. Под влиянием боевых настроений пролетариата в то время в АФТ образовалась оппозиция против гомперсовского руководства. Председатель Чикагской федерации труда Фицпатрик действовал одно время в контакте с ЛПП. Вместе с принятием резолюции о перестройке союзов Чикагская федерация обратилась к АФТ с требованием созвать специальный съезд для реорганизации по производственному принципу профессиональных союзов США и Канады. Это обращение нашло в союзах широкий отклик. В течение 5 месяцев 17 федераций штатов, 19 интернациональных союзов и тысячи местных союзов, конференции железнодорожников, горнорабочих и др. — в общем больше половины организованных рабочих США и Канады — одобрили резолюцию Чикагской федерации об амальгамации, — резолюцию о перестройке союзов, выработанную ЛПП.

Наряду с реорганизацией профессиональных союзов по производственному принципу оппозиция в АФТ поддерживала идею создания большой рабочей партии. В июле 1923 г. в Чикаго состоялась конференция представителей 500 тыс. рабочих. Конференция была организована коммунистической партией и группой Фицпатрика. Но Фицпатрик, учитывая новую экономическую и политическую конъюнктуру, начал бить отбой. К этому времени революционная волна, поднявшаяся в капиталистическом мире под влиянием Великой Октябрьской революции, начала спадать. Заговорили о «просперити», о «стабилизации». Эти «новые веяния» дали повод мимолётному революционеру Фицпатрику и его «левой» группе повернуть вспять, обратно в «семейство» Гомперса. Этим заканчивается первая стадия послевоенной борьбы рабочего класса США за производственные, активные профессиональные союзы в Америке.

АФТ не удовлетворяла активных, проникнутых классовым сознанием рабочих. Лидерами федерации остались также недовольны многие капиталисты. Правые профсоюзные вожди оказались в ответственные моменты бессильными. Вопреки

усилиям Гомперса разразились грозные стачки в решающих отраслях промышленности и на транспорте США.

Американские профессиональные союзы, насчитывавшие 2 600 тыс. членов в 1915 г., имели больше 5 млн. членов в 1920 г. В одной Американской федерации труда число членов за эти пять лет выросло с 2 до 4 млн. Большие стачки 1919—1922 гг. показали, что рабочие организации таких масштабов чреваты неожиданностями и неприятностями для капиталистов даже при сохранении руководящих постов профсоюзного аппарата в руках консервативных вождей. Различные ухищрения предпринимателей не могли приостановить роста профессионального движения. За первые два десятилетия XX века численность американских профессиональных союзов увеличилась в шесть раз. К концу первой мировой войны некоторые капиталистические компании решили обезвредить это «зло» (т. е. стремление рабочих к объединению) организацией на своих заводах собственных компанейских союзов, союзов классового «сотрудничества». Такая идея возникала у предпринимателей и раньше, ещё в середине 80-х годов прошлого века. К началу мировой войны компанейские союзы появились на некоторых предприятиях Рокфеллера. Однако до вступления Америки в войну в США было известно не больше полудюжины таких союзов. В 1917—1918 гг. предприниматели извлекли уроки из деятельности правительственных военно-промышленных советов и военных советов труда. Эти советы имели своей главной целью увеличение производительности труда и сохранение мира в промышленности. Они самим своим существованием подсказали администрации многих трестов мысль о создании на своих предприятиях частных советов с аналогичной целью. В результате на ряде заводов создавались по инициативе хозяев компанейские союзы. Когда война кончилась и по индустриальным районам США пронеслась стачечная волна, капиталисты усилили свою активность в этом направлении. В 1919 г. в США насчитывалось 196 компанейских союзов, охватывавших 404 тыс. человек; в 1922 г. эти цифры соответственно равнялись 725 и 690 тыс., а в 1924 г. — 815 и 1 200 тыс. [1]

Компанейские союзы не являются ни производственным, ни цеховым объединением рабочих, а союзом рабочих и администрации каждого отдельного предприятия, каждой отдельной железной дороги. Эти фальсифицированные союзы изолируют рабочих каждого предприятия в их борьбе за улучшение условий труда, за сокращение рабочего дня и за повышение

[1] *D. Lescohier,* History of Labor in the United States, v. III, New York 1935, p. 350.

заработной платы. Они не имеют своих фондов, своей печати, своих должностных лиц. Их «выборные» представители находятся на жаловании у их же предпринимателей. Полное бесправие рабочих — характерная черта компанейских союзов. Эти союзы не имеют права не только бастовать, но даже пользоваться юридической защитой, консультантом или другим экспертом, за исключением того, который нанимается и оплачивается компанией. Компанейскому союзу одного предприятия сплошь да рядом запрещается быть в контакте с союзом другого предприятия даже тогда, когда речь идёт о двух компанейских союзах на двух предприятиях одной и той же компании. Во многих случаях компанейские союзы официально учреждены лишь как совещательный орган при администрации, за которой сохраняется право вето на все решения так называемого союза.

Предпринимательская печать США и Западной Европы воспевала компанейские союзы в Америке как демонстрацию «гармонии интересов» пролетариата и буржуазии, как образец «делового сотрудничества» рабочих и капиталистов. Но американский опыт показал, что компанейские союзы являются орудием усиления эксплоатации и снижения жизненного уровня рабочих, орудием реакции в борьбе с рабочим и прогрессивным движением в Америке. Директоры крупнейших трестов рассматривают компанейские союзы как свой орган, который должен воспитывать рабочих в духе содружества с капиталистами и так называемого индивидуализма, в духе недоверия и подозрения к революционной партии и профессиональному союзу, а также к государственному или общественному владению предприятиями коммунального обслуживания.

Вице-президент медной компании «Майами» утверждал, что компанейские союзы служат «механизмом, помогающим администрации управлять предприятием» [1]. В известном отчёте комитета президента Гувера компанейские союзы на железной дороге Балтимор-Огайо (Б.-О.) и в производстве мужского платья характеризуются следующими словами: «Сущность прославленного опыта сотрудничества тред-юнионов с администрацией, известного под названием «системы Б и О», заключается в том, что тред-юнионы взяли на себя ответственность за производительность труда и размер выработки. В производстве мужского платья тред-юнионы пошли ещё дальше. Здесь Объединённый союз швейников дошёл до того, что стал открывать для предпринимателей новые производственные единицы и разделять с администрацией как в новых,

[1] *D. Lescohier*, History of Labor in the United States, v. III, p. 355.

так и в старых мастерских бремя управления, непосредственно сокращая таким образом накладные расходы и косвенно многие статьи расходов на рабочую силу» [1].

Компанейский союз на железной дороге Балтимор-Огайо считается образцовым. Он известен как «план Б.-О.». «План Б.-О.» проводится на ряде железнодорожных линий. В 1924 г. он был принят в принципе съездом металлопромышленников в Детройте. Он был разработан одним инженером-экономистом по производительности труда Отто Бейером в 1920—1921 гг. Тогда же по инициативе бывшего председателя интернациональной ассоциации машинистов Вильямса Джонстона этот план стали впервые проводить на железной дороге Балтимор-Огайо. Джонстон заявил: «Идею, положенную в основу нашего обслуживания линии Балтимор-Огайо, можно сравнить с идеей, положенной в основу обслуживания железных дорог техническими компаниями, обязующимися по контракту поставлять железным дорогам, скажем, кирпич, перегреватели, паровозный уголь или смазочные масла. Члены союза поставляют свою силу на наиболее выгодных для заинтересованных сторон условиях» [2].

Сущность «плана Б.-О.» заключается в том, что фабрично-заводской комитет, состоящий из представителей рабочих и предпринимателей, имеет голос в управлении предприятия и содействует вместе с администрацией, как отметил отчёт Гувера, повышению производительности труда путём тщательной рационализации производства. Такая постановка дела, естественно, мешает организации рабочих защищать свои классовые интересы, но с успехом защищает интересы предпринимателей.

Компанейские союзы распространялись в 20-х годах «просперити» особенно на железных дорогах и в частности на крупнейшей в США Пенсильванской железной дороге. Эта дорога имеет протяжение 40 тыс. *км*. Количество рабочих и служащих, занятых на Пенсильванской линии, доходило временами до 250 тыс. человек. В 1923 г. глава Верховного суда — бывший президент Тафт официально сообщил, что администрация Пенсильванской железнодорожной линии содержит компанейский союз и выплачивает постоянное жалование лицам, занятым в аппарате этого союза [3].

При организации компанейских союзов пускаются часто в ход обман, демагогические обещания и насилие. Были слу-

[1] «Новейшие изменения в экономике США», т. II, Москва 1930, стр. 72—73.
[2] *В. Фостер*, Профжулики в США, Москва 1929, стр. 61—62.
[3] *R. Dunn*, Company Unions, New York 1937, p. 118.

чаи, когда, например, на заводе с 1 300 рабочими предложение об организации компанейского союза получило всего 59 голосов, и всё-таки союз образовался [1]. На некоторых железных дорогах, где создались компанейские союзы, членские взносы вычитывали из заработной платы у всех рабочих и служащих. На многих предприятиях после организации компанейского союза администрация потребовала от каждого рабочего подписать обязательство не вступать в профессиональный союз и не участвовать в забастовках. Такие обязательства, практиковавшиеся и раньше на заводах некоторых трестов, американские рабочие прозвали «контрактом рыжей собаки». Все эти меры сопровождались преследованием недовольных, переводом на худшую работу и увольнением тех рабочих, которые осмеливались протестовать.

Администрация Пенсильванской железной дороги пошла дальше. Она снарядила делегацию из представителей компанейского союза в Вашингтон для приветствия и пожатия руки президенту США. Делегация восхваляла от имени «организованных рабочих» «классовое сотрудничество» и реакционную политику стоявшей у власти с 1921 г. республиканской партии. Примеру Пенсильванской линии последовали компанейские союзы других железных дорог.

III

ВЫХОД КОМПАРТИИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Движение против репрессий. Суд над участниками съезда коммунистов. Рабочая партия. Отмена военных законов. Легализация компартии.

В 1922—1923 гг. промышленность США оправилась от кризиса. В экономических обзорах многочисленных газет и журналов всё чаще появлялось слово «просперити». Стачечная волна после больших забастовок 1922 г. пошла на убыль. Компанейские союзы предприниматели рассматривали как средство против рабочих волнений, как основу длительного мира в промышленности. В капиталистической Европе также после бурных революционных порывов наступило относительное затишье, частичная стабилизация капитализма.

«Шовинистический угар», годами отравлявший политическую атмосферу в Америке, постепенно выдыхался. Панический страх рантье за накопленные во время войны сбережения рассеивался. Между тем акт о шпионаже и другие

[1] *R. Dunn*, Company Unions, p. 153.

законы военного времени продолжали действовать. Коммунистическая партия оставалась в подполье. Либеральная печать, наконец, осмелилась заговорить о «законности», о том, что бесшабашные налёты полицейских агентов опаснее «красной угрозы». Наиболее дальновидные представители буржуазии начали сомневаться в методах Пальмера, указывали, что загнанные в подполье и упрятанные в тюрьму коммунисты превращаются в глазах широких масс в героев и мучеников. Генеральный прокурор Гардинга, взяточник и уголовный преступник Догерти не уступал в свирепости Пальмеру. Но на втором году президентства Гардинга, после окончания больших послевоенных стачек, правительство осознало, что общественное мнение возмущено пальмеровскими приёмами, что сказки о «тайных заговорах красных» надоели всем и что необходимо несколько смягчить репрессии. Это нашло отражение в процессе над Фостером, Рутенбергом и другими американскими коммунистами весной 1923 г., которых суд принуждён был оправдать.

22 августа 1922 г. полиция устроила налёт на подпольный съезд американской коммунистической партии, состоявшийся в штате Мичиган. На съезд съехалось свыше 70 делегатов. Но полиция застала на месте лишь 17 человек и арестовала их. В марте 1923 г. начался процесс, к которому были привлечены и другие, не захваченные на съезде руководители американского коммунистического движения. Всего на скамье подсудимых оказалось 32 человека. Фостера арестовали в штате Иллинойс в Чикаго и выдали его властям штата Мичиган. Со времени большой стачки в стальной промышленности агенты предпринимателей следили по пятам за Фостером, ища повода для инспирации процесса над ним. В августе 1922 г., во время агитационной поездки по стране, Фостер был похищен полицейскими агентами в городе Денвере штата Колорадо перед началом его лекции. Похитители отвезли Фостера в штат Вайоминг и там высадили его в 10 *км* от ближайшей железнодорожной станции. Тогда же была сделана неудачная попытка арестовать и обвинить Фостера в связи с крушением экспресса в штате Индиана около города Гери. Привлечение Фостера к процессу над участниками подпольного съезда коммунистической партии США реакция считала удобным способом избавиться от неподкупного вождя американского рабочего класса. Но и это средство к тому времени, к началу третьего года президентства Гардинга, оказалось уже слабо действующим.

Коммунистическая партия «признала публично, что этот съезд был действительно подпольным съездом компартии, но он был подпольным только потому, что сами власти в нару-

шение основных законов республики и отдельных штатов загнали коммунистов временно в подполье, но что отныне коммунисты будут бороться до конца за право легального существования и работы, за дело коммунизма под знаменем «Workers Party» («Рабочей партии») [1].

Коммунистическая партия США продолжала до начала 1923 г. формально оставаться «незаконной» политической организацией. Фактически она давно пользовалась легальными и полулегальными возможностями для различных сторон своей работы. Условия подполья чрезвычайно затрудняли связь с массами. Поэтому была создана параллельная легальная коммунистическая организация — Американский рабочий союз. В декабре 1921 г. Американский рабочий союз и отколовшаяся в июне того же года от СП группа основали рабочую партию Америки. В апреле 1923 г. компартия США решила упразднить нелегальную организацию, поручив рабочей партии принять впоследствии наименование коммунистической партии, что и было сделано в 1929 г. С первых дней 1924 г. партия издаёт ежедневную газету «Дейли Уоркер». С 1924 г. партия участвует в президентских выборах.

Через несколько месяцев после легализации коммунистической партии председатель Стального треста, непримиримый реакционер Гери вынужден был уступить духу времени, сторонникам компромисса и проповедникам мира в промышленности. 2 августа 1923 г. он заявил, что существующий 12-часовой рабочий день в стальной промышленности будет сокращён. В 1924 г. федеральные власти отменили специальные военные законы. Конгресс сильно урезал ассигнования департамента юстиции на борьбу с красными.

Компартия быстро развёртывала свою работу, используя новые легальные возможности. Тяжёлые условия подполья не прошли бесследно, они привели к сокращению числа членов партии. Если ко времени организации коммунистической партии и коммунистической рабочей партии числилось, по самым минимальным подсчётам, 45 тыс. членов, то ко времени ликвидации подпольной организации, летом 1923 г., в единой компартии США оказалось всего лишь 15 тыс. членов [2].

Первые годы в истории компартии США — годы, насыщенные революционной борьбой американского пролетариата.

---

[1] «Коммунистический Интернационал» № 25, 1923, стр. 6821.
[2] «American Labor Year Book», 1923/24, p. 159.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРВОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО КУЛИДЖА

I

НЕФТЯНАЯ ПАНАМА

Официальное благополучие. Смерть Гардинга. Денационализация нефтяных резервов. Комиссия Уолша. Осуждение Фолла. Хищения в Бюро помощи ветеранам. Показания Догерти. Заявление Вандерлипа.

На третьем году пребывания Гардинга в Белом доме кривая хозяйственной конъюнктуры поднималась вверх. Правда, экономическое «процветание» коснулось далеко не всех отраслей народного хозяйства. Большинство рабочих и фермеров, масса служащих и интеллигенции остались за бортом «просперити». Но это не особенно смущало стоявшую у власти республиканскую партию, которая хвастливо кричала о своих заслугах в оздоровлении экономики США. В абсолютном выражении национальный доход и национальное богатство США, бесспорно, росли. Росли прибыли корпораций, росло число миллионеров, возросло количество нью-йоркских небоскрёбов.

Выборы 1922 г. в 68-й конгресс лишили республиканцев многих мест в палате представителей и в сенате. У избирательных урн широкие слои населения США выразили своё недовольство правительственной партией. Однако общий подъём обрабатывающей промышленности и строительства дал возможность республиканцам постоянно твердить, что реставрация «нормального», затеянная правительством Гардинга после экономического кризиса 1920—1921 гг., увенчалась успехом.

Правительство щеголяло ростом числа автомобилей и автодорог в Америке. В Вашингтоне, не стесняясь, говорили о всеобщем благополучии, которое якобы достаётся гражданам США из рук добродушного президента и его мудрого правительства. Но таинственные исчезновения и самоубийства крупных чиновников и близких к Гардингу людей будоражи-

ли общественное мнение [1] и показывали, что не всё благополучно в этом «мудром» правительстве. Президент «величественного вида» стоял на авансцене. А по ту сторону занавеса правительственная арена представляла политическую клоаку.

Гардинг, встревоженный и раздражённый, желая отвлечься от тяготившей его обстановки Белого дома, решил летом 1923 г. совершить путешествие на Аляску [2].

На обратном пути Гардинг заболел. 2 августа 1923 г. он умер в Сан-Франциско.

Причина смерти Гардинга осталась невыясненной. Его врач Сойер объяснил заболевание Гардинга отравлением крабами на пароходе. Но потом оказалось, что на пароходе крабов совсем не было. Незадолго до смерти неоднократно сообщали, что президент окончательно выздоравливает. Неожиданно было выпущено сообщение, что Гардинг скончался от

---

[1] Большое негодование в вашингтонских кругах вызвала внезапная смерть друга и доверенного Догерти, Джесса Смита. Догерти переехал в Вашингтон без семьи и проживал там в одной квартире со Смитом. Смит не был официальным сотрудником департамента юстиции, но работал в этом учреждении, в комнате рядом с кабинетом Догерти. Чиновники столицы, конгрессмены и сенаторы прекрасно знали, что Догерти является самым близким к Гардингу человеком. Они также знали об интимной дружбе между Догерти и Смитом. Бывший лавочник Джесс Смит был сильной и влиятельной фигурой в кулуарах Вашингтона. Он был хорошо известен главарям бутлеггеров, контрабандистов и гангстеров в различных штатах. Летом 1923 г. Смит внезапно исчез. Официальное сообщение гласило, что друг генерального прокурора покончил самоубийством. Но через несколько лет сами представители департамента юстиции признали, что Смит был насильственно отправлен на тот свет.

Смерть Смита произошла через десять недель после самоубийства крупного чиновника в Бюро помощи ветеранам. После мировой войны на помощь ветеранам в Америке ассигновывались по государственному бюджету 400—500 млн. долл. в год. Этими суммами распоряжался приятель президента Чарльс Форбс, которого Гардинг назначил главой Бюро помощи ветеранам. Форбс оказался одним из крупнейших в истории Америки казнокрадов. В марте 1923 г. комиссия сената начала расследование коррупции в Бюро помощи ветеранам. Форбс успел двумя неделями раньше сбежать за границу. Но его ближайший помощник Крамер покончил самоубийством через 12 дней после решения сената обследовать операции Форбса. Самоубийство произошло в Вашингтоне в бывшем доме Гардинга, в котором президент проживал, когда он был ещё сенатором. Вместе с Крамером и Смитом загадочно исчезло внезапно ещё несколько близко соприкасавшихся с ними лиц.

[2] На Аляске президент получил длинное зашифрованное донесение, которое сильно его потрясло. Он обратился к находившемуся возле него министру торговли Гуверу и к окружавшим его надёжным корреспондентам с вопросом: «Что должен делать президент, друзья которого предали его; должен ли он покрывать своих друзей или должен обратиться к стране, рассказать населению правду, просить прощения, уверять, что опыт предохранит его от дальнейших ошибок?» (*W. White*, Masks in a Pageant, New York 1929, p. 432).

апоплексии. Но почему-то вскрытие сделано не было. Спустя некоторое время нашумевшая в Америке и выдержавшая в США и за границей много изданий книга Самуэла Адамса «Разгул» утверждала, что Гардинг, уже выздоравливая, принял сильнодействующий яд. Сотрудник министерства юстиции при Догерти Гастон Минс доказывал, что президента отравили близкие ему люди.

Возможно, что страх перед позорным разоблачением либо побудил президента принять кубок Сократа, либо довёл его до апоплексии. Возможно, что Гардинга убрали для того, чтобы спасти лицо республиканской партии накануне очередной президентской кампании. Как бы то ни было, президент США оказался зажатым в кольцах удава. Глашатай «нормальной жизни» для всех граждан США сам ушёл из жизни ненормальным путём. Его непонятный конец отображал весь духовный и нравственный маразм правившей тогда в Вашингтоне политической верхушки.

Население США ничего не знало о подробностях смерти Гардинга. По всей стране был объявлен день траура. В довольно широких кругах чувствовалось искреннее огорчение. Его сравнивали с Аристидом и Христом, Вашингтоном и Линкольном. На памятник охотно подписывались во всех штатах. Слава покойного президента, однако, быстро поблекла. Постепенно перед страной раскрывалась картина взяточничества членов правительственного кабинета, ближайших приятелей и ставленников Гардинга. Лидеры оппозиции в сенате уже за полтора года до его смерти занимались собиранием и изучением фактов, связанных с расхищением государственных нефтеносных земель членами правительства.

После русско-японской войны морской штаб США начал в своих оперативных планах уделять особое внимание перспективе большой войны на Тихом океане. Нефть с каждым годом приобретала всё большее значение как топливо для военно-морского флота. Между тем хищническая добыча быстро истощала богатые запасы нефти в Америке. Решено было резервировать у берегов Тихого океана определённую площадь нефтеносных земель для военных нужд. В 1912 г. было закреплено за морским министерством 50 тыс. акров нефтеносных земель в Калифорнии в виде резервов № 1 и № 2 военно-морского флота США, а в 1915 г. было закреплено свыше 90 тыс. акров земли в штате Вайоминг в виде резерва № 3.

При Гардинге все три резерва очутились каким-то образом в руках нефтепромышленников Синклера и Догени. Синклер наткнулся в Вайоминге на сопротивление местных нефтепро-

мышленников. В июле 1922 г. морское министерство США отправило на место бывшего резерва № 3 отряд вооружённых моряков для охраны интересов Синклера.

Расхищение государственных земельных фондов, имеющих оборонное значение, способствовало, оказывается, увеличению состояния министра внутренних дел Фолла. Этот факт вызвал определённое подозрение у лидеров оппозиции. В сенате образовалась комиссия по расследованию причин денационализации нефтеносных резервов. Возглавлял обследование ветеран демократической партии сенатор Томас Уолш из Монтаны.

7 июня 1922 г. в письме сенату Гардинг заявил, что передача резервов происходила с его одобрения. Но неугомонный Уолш кропотливо продолжал свою деятельность. Вооружившись материалами, 25 сентября 1923 г., через два с половиной месяца после похорон президента Гардинга, Уолш созвал первое публичное заседание сенатской комиссии и пригласил на допрос Фолла.

Известие о крупной нефтяной панаме, вскрытой в Вашингтоне, молниеносно облетело все штаты и все страны. Расследование затянулось на годы. Сенатская комиссия установила, что весной 1921 г., вскоре после прихода к власти, Гардинг по просьбе Фолла подписал приказ о передаче нефтеносных резервов из ведения морского министерства в ведение министерства внутренних дел. В июле того же года министерство внутренних дел тайно, без торгов, сдало в аренду нефтепромышленнику миллионеру Догени резерв № 1 в Калифорнии. Спустя четыре месяца, в ноябре 1921 г., Догени «одолжил» министру внутренних дел Фоллу 100 тыс. долл. без процентов и без обеспечения. Деньги были переданы министру не в виде чеков и не через банк, а в необычайной для современной Америки форме. Деньги доставил в сумке из Нью-Йорка в Вашингтон сын Догени. Весной 1922 г. Фолл сдал снова, без торгов, тайно в аренду нефтепромышленнику Синклеру резерв № 3 в Вайоминге; за это Синклер вручил лично Фоллу также тайно на 250 тыс. долл. облигаций Займа свободы. Одновременно Синклер отправил около дюжины голов племенного скота на новое ранчо министра внутренних дел в штате Новая Мексика. Во время президентской кампании 1920 г. Синклер пожертвовал в фонд республиканской партии 75 тыс. долл. Потом, когда у Синклера установились интимные деловые отношения с членами кабинета Гардинга, он «дал взаймы» председателю национального комитета республиканской партии Хейсу дополнительно 185 тыс. долл. облигациями Займа свободы; из них 100 тыс. долл. были возвращены обратно, когда лидеры

оппозиции в сенате заинтересовались судьбой нефтеносных резервов.

В ноябре 1921 г. Синклер вместе с другими тремя нефтепромышленниками образовал фиктивную фирму под названием «Континентальная торговая компания», которая формально числилась канадским концерном. «Континентальная компания» купила в Нью-Йорке 33 млн. бочек будущей нефти из источников Техаса по 1,5 долл. за бочку и тут же перепродала концернам Синклера и О'Нейля эту нефть по 1,75 долл. за бочку. Таким образом, Синклер и О'Нейль скрыли от акционеров своих компаний сделку, сулившую свыше 8 млн. долл. прибыли. Но когда прибыль превысила 3 млн. долл., выгодную сделку пришлось аннулировать, в связи с энергичной деятельностью сенатора Уолша. Но комиссии сената удалось установить, что около полумиллиона долларов облигаций Займа свободы, которые Синклер передал Фоллу и Хейсу, были получены в виде прибыли «Континентальной компании» и что министр финансов Меллон был в курсе этих дел.

Осенью 1923 г., когда Фолл предстал перед комиссией сената, он категорически отрицал получение им каких бы то ни было сумм от Синклера и Догени. Но Догени его выдал. В январе 1924 г. Догени сам явился в комиссию сената, признался и подробно рассказал, как он секретно передал Фоллу 100 тыс. долл. Он также сообщил, что ожидал от резервов не меньше 100 млн. долл. прибыли. Фолл признался в получении 100 тыс. долл. от Догени лишь спустя шесть лет.

Бывший председатель национального комитета республиканской партии Хейс в течение пяти лет скрывал от комиссии получение 185 тыс. долл. облигациями от Синклера и признался в этом лишь в 1928 г.

Все, кроме Фолла, были оправданы. Правительству пришлось долго судиться, чтобы добиться аннулирования аренды нефтеносных резервов. Фолла окончательно осудили лишь в конце 1929 г. Его присудили к году тюрьмы, в которую он был посажен только в конце 1931 г. Через девять месяцев его освободили досрочно за хорошее поведение в тюрьме. Синклер отбыл девять месяцев принудительных работ в качестве аптекаря в Вашингтонской тюрьме не за взятки, а за издевательство над сенатской комиссией и представителями суда. Впрочем, и у оппозиционной демократической партии оказалось рыльце в пушку. На службе у Догени находились бывшие члены правительства Вильсона, в том числе вильсоновский министр финансов Мак-Аду, которого считали вероятным кандидатом от демократов в президенты на ближайших выборах.

Эта «панама» служит иллюстрацией для характеристики аппарата «великой» старой республиканской партии — GOP [1], которая с 1921 г. в течение 12 лет беспрерывно господствовала в стране. Дело Фолла и других характеризует также классовый суд в Америке. Рабочего-литейщика Тома Муни суд в Калифорнии приговорил к пожизненному заключению по явно ложному обвинению, а нефтяная панама, в которой участвовали миллионеры и министры, потребовала семи лет работы комиссии сената, а действительные преступники в это время не были лишены свободы. Состоявшийся, наконец, суд почти целиком реабилитировал всех преступников.

Наряду с нефтяной панамой не менее громким делом оказалось хищение фондов, предназначенных для ветеранов войны. За два года пребывания приятеля Гардинга Форбса во главе Бюро помощи ветеранам в этом учреждении было расхищено около 200 млн. долл. государственных денег.

Немец Мертон, добиваясь в 1921 г. в Нью-Йорке компенсации за будто бы незаконно конфискованное во время войны имущество одной германской фирмы стоимостью в 6 млн. долл., вручил, как впоследствии было установлено судом, члену национального комитета республиканской партии Кингу облигаций Займа свободы на 391 тыс. долл. и 20 тыс. долл. денежными знаками. Из этой суммы около 200 тыс. долл. получил друг генерального прокурора Джесс Смит, с которым Кинг свёл Мертона. Около 50 тыс. долл. Смит положил тогда на свой особый текущий счёт. В штате Огайо в банке брата Догерти числился счёт «Джесс Смит экстра № 3». Догерти открыл этот «политический счёт», когда руководил финансированием кампании за избрание Гардинга в президенты.

Сам Догерти, находясь уже больше года в отставке, был, наконец, в 1925 г. привлечён к суду. Суд совещался 66 часов и оправдал его. По делу бывшей германской собственности в Америке Догерти категорически отказался дать судье какие-либо показания, мотивируя тем, что его отношения с Гардингом, Кулиджем и другими высокопоставленными лицами были не только служебного, но и «самого доверительного характера». Эту мотивировку он отправил судье в записке, которую закончил словами: «Я отказываюсь давать показания и отвечать на поставленные мне вопросы, так как ответ, который я могу дать, или показания, которые я могу сделать, могут быть вменены мне в вину» [2].

---

[1] GOP — Grand Old Party — «Великая старая партия» — так именуют свою организацию лидеры республиканцев.

[2] *M. Sullivan,* Our Times, v. VI, p. 354.

Даже тогда, когда спустя несколько лет бывший сотрудник департамента юстиции сообщил, что в своё время он собрал взятками от торговцев алкоголем 7 млн. долл. и передал эти деньги Джессу Смиту как доверенному генерального прокурора Догерти, последний остался безнаказанным.

Сама комиссия Уолша косвенно признала, что она «перехватила через край». В феврале 1924 г. известный нью-йоркский банкир Франк Вандерлип сделал публичное заявление, которое инкриминировало лично Гардингу, что он приобрёл нечистым путём около 300 тыс. долл. Эта сумма, по словам Вандерлипа, была вручена президенту США в завуалированном виде при продаже марионской газеты Гардинга в 1923 г. Вандерлипа пригласили в комиссию Уолша и задали ему там изрядную головомойку: можно в высших кругах Вашингтона и Нью-Йорка заниматься в известной мере разоблачениями и взаимной критикой; но нельзя чернить покойника, который два года и пять месяцев был президентом Соединённых Штатов Америки.

II

КАЛЬВИН КУЛИДЖ

30-й президент. «Молчаливый гений». Удача на выборах. Из консервативного Вермонта. Унаследованные взгляды. Одиннадцать слов. Губернатор Массачузетса. Вице-президент США. Президентская присяга. В Белом доме.

После смерти Гардинга, согласно конституции, во главе государства стал вице-президент Кальвин Кулидж. Кулидж был тридцатым президентом США.

О тридцатом президенте написано в Америке много книг, статей, памфлетов. За исключением Вашингтона и Линкольна, персоны немногих президентов удостоились такого внимания печати, какое выпало на долю Кальвина Кулиджа. Личность Кулиджа, типичная своей ограниченностью, меньше всего заслуживает этого. Он даже не обладал такой эффектной внешностью, какой отличался его предшественник.

Кулидж выглядел хилым. Он был худощав, узкоплеч, с маленьким бледным лицом, с острым носом и подбородком. Его тонкие губы были всегда плотно сжаты. Нелюдимый и мрачный, он имел обычно недовольный вид.

Кулидж возглавлял правительство США в лучшие для американской экономики послевоенные годы, когда весь капиталистический мир преклонялся перед Нью-Йорком, как перед своим кредитором. Кулиджа называли сфинксом и молчаливым гением. С именем Кулиджа ассоциировалось аме-

риканское «просперити». Он вполне оправдывал те надежды, которые хозяева американских монополий на него возлагали.

Роль Кулиджа в Белом доме нам станет более ясной, если мы вкратце коснёмся прошлого этого человека и расскажем в самых общих чертах, как эта бледная фигура дошла до высшей должности в Америке.

В 1899 г. двадцатисемилетний Кулидж был избран в муниципалитет Нордгамптона — города с населением в 23 тыс. жителей. С тех пор Кулидж 20 раз баллотировался на выборах, конкурируя с известными американскими политиками, и 19 раз выходил из выборной борьбы победителем, подымаясь по политической лестнице всё выше и выше. Такого рекорда не побил ни один президент США, по крайней мере на протяжении последних 50 лет. Кулиджу давались победы легко, без напряжения. В 1899 г. он вступил на первую ступень выборной должности, как на политический эскалатор. Дальше он без труда поднимался, пока не оказался на высшем государственном посту в США. В чём заключалась магическая сила тридцатого президента США?

Кулидж, при всей его ограниченности, умел практически использовать обстановку.

Кулидж родился в 1872 г., воспитывался и вырос в условиях, необычных для США конца XIX века.

На северо-восточных отрогах Аллеганских гор, рядом с многолюдным штатом Нью-Йорк, расположен на скалистых холмах малонаселённый штат Вермонт — живой памятник старины, молчаливый свидетель ушедших времён. За 50 лет, истекших от дня рождения Кулиджа до его восхождения на президентское кресло, население США увеличилось в 3 раза. Значительно выросли за это время, хотя очень неравномерно, 47 из 48 штатов. Вермонт — единственный штат, в котором с середины прошлого века население остаётся почти стабильным: он насчитывал 331 тыс. жителей в 1870 г. и 352 тыс. в 1920 г. Он заселён преимущественно зажиточными фермерами, скупыми, неразговорчивыми, сухопарыми пуританами. Там процент арендаторов невелик. Там редко найдётся семья без сберегательной книжки. Бережливость — характерная черта вермонтцев. Американские темпы чужды Вермонту. Американская техника туго в нём прививается.

Консерватизм Вермонта устойчив, как его скалистые горы. На президентских выборах 1912 г. консерватор Тафт победил только в двух штатах. Одним из этих двух штатов был Вермонт. Через четверть века, на выборах 1936 г., Вермонт был одним из двух штатов, голосовавших за Лендона, кандидата реакции.

В этом штате, в маленьком деревенском посёлке Плимут, в семье богатого фермера и лавочника, родился и вырос Кальвин Кулидж. Здесь, среди скалистых гор и лесистых холмов, на своей уединённой ферме, вели со времени войны за независимость монотонный образ жизни пять поколений Кулиджей. Никто из них никогда не ездил на Запад, не перешагнул через Аллеганы, не поинтересовался посмотреть, что делается в соседнем богатом штате Нью-Йорк. И сам Кальвин Кулидж, будучи уже губернатором главного штата Новой Англии — Массачузетса, никогда не был ещё по ту сторону Аллеган. Он впервые вошёл в пульмановский железнодорожный вагон в 1920 г., когда национальный конвент республиканской партии избрал его кандидатом в вице-президенты США. Кулиджи считались угрюмыми и скупыми даже в Вермонте. Эти качества с раннего детства прививали будущему президенту. Кулидж всю жизнь экономил всё: деньги, слова, мысли. Он, как и его предки, обожествлял доллары. Образование, полученное им в близлежащем колледже, укрепило его унаследованные взгляды, заморозило на всю жизнь сложившиеся в детстве убеждения. Кулидж считал американский капитализм вечным, незыблемым, как скалы Вермонта, миллионеров — счастьем и гордостью Нового Света. Он выбрал своей специальностью право, но признавал только право сильных, понимал лишь власть имущих.

Начав свою самостоятельную жизнь в 1895 г. в юридической конторе города Нордгамптона, расположенного в граничащем с Вермонтом штате Массачузетс, молодой Кулидж занялся вскоре политикой. Он по семейной традиции голосовал за республиканцев. В 1899 г. он стал членом нордгамптонского муниципалитета, а через год он был выбран городским присяжным. Выборные должности не сулили ему большой карьеры. В провинциальных городах США кандидаты на выборные должности обычно сами обходят избирателей, демонстрируют перед ними свои достоинства: Кулидж не мог блеснуть красноречием и остроумием. Однако узкопрактичный Кулидж удачно утилизировал даже свой ораторский дефект. Он обходил квартиры избирателей, нигде не излагал никаких платформ, никому ничего конкретно не обещал, а открывая дверь, снимал шляпу и произносил в нос сухим бесчувственным голосом три коротких фразы: «Я желаю ваш голос. Я нуждаюсь в нём. Я его оценю». И тут же удалялся. Такой эксперимент в американской избирательной процедуре казался дерзким. Но избирателям визит Кулиджа нравился больше, чем посещение их квартир словоохотливыми риторами. И они за него голосовали. В Америке местные выборы происходят часто. Кулидж каждый раз обходил из-

бирателей, повторял в каждом доме одни и те же одиннадцать слов и почти всегда получал нужные ему голоса.

В 1907 г. Кулидж был уже членом нижней палаты штата Массачузетс. В 1910 г. он стал мэром Нордгамптона, а в 1912 г. — сенатором штата. Дальше подыматься такими примитивными приёмами нельзя было. Но к этому времени влиятельные бостонские капиталисты и политики, оценив заслуги Кулиджа, начали смотреть на него как на свою надёжную креатуру. Кулидж, во-первых, органически не терпел политических новшеств. В политике ему был понятен только статус-кво. На выборных должностях он не проявлял инициативы. О нём говорили, что он совершенно не понимает, что нужно делать, но хорошо знает — чего не следует делать. Во-вторых, он с фельдфебельской преданностью и пуританской честностью служил капиталу. Кулидж ценил людей по богатству, расценивал их соответственно доходу. Но, как потомственный пуританин, он не позволял себе дохода, который капиталистический закон или буржуазная этика не оправдывает. Взяток он не брал. Можно было быть уверенным, что он из-за собственной наживы не скомпрометирует своей партии в глазах избирателей. Таких людей в аппарате республиканской партии США не так уж много.

Кулиджа взял под своё покровительство владелец бумажных фабрик сенатор Крейн, который возглавлял тогда аппарат республиканской партии в штате Массачузетс. Для Кулиджа открылись новые перспективы. В 1914 г. Кулидж — председатель сената штата Массачузетс. В 1916 г. он вице-губернатор, в 1919 г. — губернатор Массачузетса. Но он продолжает оставаться провинциальным политиком. Страна его не знала. Он страны не видел. Ему уже скоро 50 лет, а дальше родной Новой Англии он не бывал.

Вступление Кулиджа в должность губернатора совпало с крупными политическими событиями в жизни Америки. Реакцию пугала поднявшаяся в стране революционная волна Генеральный прокурор Вильсона Пальмер становится героем дня в Вашингтоне. В промышленных штатах обнаружились местные «герои». И губернатору Массачузетса представилась возможность отличиться. Забастовка полицейских Бостона в сентябре 1919 г. дала повод покровителям Кулиджа широко рекламировать его как человека, водворившего железной рукой порядок в Бостоне. Хотя подавлением забастовки занимались мэр города и комиссар бостонской полиции, а губернатор проявил своё «железное мужество» задним числом, когда всё уже кончилось, тем не менее Кулидж в те дни легко приобрёл известность в стране.

В дни бостонских событий деятельность Кулиджа отмечалась двумя заявлениями, которым аплодировали не только реакционеры его партии, но и так называемые прогрессисты в лагере демократов, включая и президента Вильсона. На третий день после начала забастовки губернатор заявил посетившим его лидерам местных союзов, что он целиком поддерживает суровые меры, принимаемые комиссаром полиции. В ответном письме председателю АФТ Гомперсу Кулидж подчеркнул следующие слова: «Никто, нигде, никогда не имеет права бастовать в ущерб общественной безопасности». Губернатор Массачузетса сразу стал идолом «старой гвардии» республиканской партии. Его авторитет в глазах реакционных элементов ещё больше повысился, когда он осудил предложение комиссии почётных граждан Бостона амнистировать «вероломных блюстителей порядка».

Через 9 месяцев после забастовки бостонских полицейских национальный конвент республиканской партии избрал Кулиджа кандидатом в вице-президенты США. Весной 1921 г., когда Гардинг переехал в Белый дом, в Вашингтон прибыл Кулидж. Он по обязанности присутствовал на многочисленных приёмах и банкетах, не промолвив ни слова.

Весть о смерти Гардинга застигла Кулиджа в доме его отца, в Плимуте, в ночь со 2 на 3 августа. Кулиджу исполнился 51 год. Президентское кресло освободилось для него. Ему остаётся только принять полагающуюся по конституции присягу. Присягу новому президенту диктует обычно глава Верховного суда США. Но Кулидж решил не ждать ни одного дня. Он преобразился в мгновение ока. Медлительность уступила место торопливости. 3 августа 1923 г. в 2 часа 30 минут утра перед двумя керосиновыми лампами семидесятивосьмилетний Джон Кулидж читал, а его сын вслед за ним повторял: «Я торжественно клянусь, что буду верно выполнять свои обязанности президента США...» Кулиджу не терпелось. Он хотел насладиться добычей тут же, пожелал немедленно чувствовать себя главой сорока восьми штатов. Однако, прибыв в Вашингтон, он должен был принять присягу ещё раз.

В первые дни президентства Кулиджа лидер республиканцев в конгрессе поучал его: «Вы должны улыбаться посетителям и смотреть им в глаза, когда к вам обращаются» [1]. Но ничего не помогло.

Новому президенту США как верховному командиру армии и флота пришлось принять морской парад. В простом

[1] *W. White*, Calvin Coolidge, New York 1925, p. 36.

гражданском костюме и морской форменной шляпе он стоял на борту корабля, шокируя своим поведением адмиралов, одетых в полную парадную форму. Его глаза изредка на мгновение поднимались. Они всё время смотрели вниз. Когда мощная эскадра начала под громовые салюты свой триумфальный ход, новый президент тихонько отошёл в сторону, подыскал соответствующее местечко и прилёг.

Несколько времени спустя один представитель печати задал Кулиджу вопрос: «Почему Вы не окружаете себя художниками, музыкантами, артистами, поэтами, как бывало в Белом доме при Вильсоне и Рузвельте, а отчасти при Тафте и Гардинге?» Президент США ответил: «Я знал однажды поэта, когда был в колледже, поэта — моего одноклассника по фамилии Смит. С тех пор я никогда больше о нём ничего не слыхал»[1]. На этом диалог закончился.

Кулидж как президент США покировал учёных, художников, журналистов, но отнюдь не капиталистов. После раскрытия нефтяной панамы суровый пуританин Кулидж, вместо мягкотелого Гардинга в Белом доме, был больше чем кстати для восстановления престижа «старой гвардии» республиканской партии. Гардинга хвалили за то, что он имел много друзей и не имел врагов. Кулиджа превозносили за то, что он не имел ни врагов, ни друзей.

Когда Кулидж принял дела, «просперити» было в разгаре. Банкиры и промышленники требовали больше власти, полной свободы для монопольных концернов и биржевой спекуляции. Экономия и невмешательство в хозяйство стали центральными лозунгами кабинета Кулиджа. «Невмешательство» означало узаконение крупнейших трестов, а экономия — снижение налогов на крупнейшие доходы. Скупому Кулиджу импонировала экономия капитала, а жадным капиталистам — скупой Кулидж. Раньше, в Бостоне, флегматичный Кулидж энергично боролся против оплаты за сверхурочную работу служащих. Позже, в Вашингтоне, он накладывал вето на билли о помощи фермерам.

В этом холодном человеке некоронованные короли США увидели верного защитника богачей и беспощадного врага трудящихся. Реакционная «старая гвардия» республиканской партии возвела Кулиджа при жизни в великого, а после смерти — в святого.

---

[1] *W. White,* A Puritan in Babylon, New York 1938, p. 335.

III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО»

Экспорт капитала. Репарационный вопрос. План Дауэса. Соглашения о военных долгах. Проблема трансфера. Кредитование должников. Америка XX века в роли Англии XIX века. Экспансия в Латинской Америке. Иммиграционный закон 1924 г.

Невмешательство правительства в хозяйство, полная свобода действия для крупных монополий, руководящих банков и энергетических трестов стали основами экономической политики Белого дома в президентство Кулиджа. Но банкиры Уолл-стрита, требуя невмешательства государства в свои дела, вынуждали Вашингтон вмешиваться в хозяйственную жизнь других государств.

В годы первой мировой войны США превратились из должника в кредитора. Америка стала крупнейшим в мире экспортёром капитала. Между тем всего одним поколением раньше США служили главным местом приложения иностранных инвестиций. В период между гражданской и испанской войнами американская промышленность и в особенности сеть американских железных дорог выросли в значительной части за счёт иностранных капиталов. Ко времени гражданской войны европейские инвестиции в США оценивались в 400 млн. долл., а ко времени испано-американской войны — в 3 300 млн. долл.[1] На рубеже XIX и XX веков США сами начали вывозить капиталы в другие страны Нового Света, а спустя полтора десятка лет они стали кредитовать и государства, расположенные по ту сторону Атлантики. Превращение Америки из должника в кредитора изменило её внешнюю политику. Вашингтон мог сравнительно легко продолжать традиционную политику невмешательства в европейские дела, пока Европа кредитовала Америку. Но трудно стало соблюдать «невмешательство», когда Америка начала вывозить капиталы в Европу.

Официальные отчёты министерства торговли США сообщали, что Америка инвестировала в иностранные ценные бумаги 1 092 млн. долл. в 1921 г., 963 млн. долл. в 1922 г., 417 млн. долл. в 1923 г. и 909 млн. долл. в 1924 г. Эти инвестиции, правда, не являлись государственными займами. Но частные инвестиции за границей — не частное дело; банкиры, вкладывающие большие суммы в другие страны, рассчитывают на своё правительство, на его помощь в случае,

[1] *E. Humphrey,* An Economic History of the United States, New York 1931, p. 523.

если их заграничные капиталы окажутся под угрозой. Они также сплошь да рядом влияют на политику правительства по отношению к государствам-должникам. Ещё в марте 1922 г. — через год после прихода к власти республиканской партии — официальное коммюнике Белого дома известило страну о совещании, имевшем место между членами кабинета и банкирами по поводу согласования с правительством операций, относящихся к иностранным займам. Такие заявления поощряли экспорт капитала из США. Вместе с тем они даже чисто формально возлагали на правительство ответственность за судьбу вывезенного капитала.

Изоляционизм оказался прежде всего тактическим орудием республиканской партии в борьбе с Вильсоном. Главные фигуры в кабинете Гардинга и Кулиджа — Юз, Меллон и Гувер — толковали невмешательство по-своему. Они говорили, что изоляционизм, правда, не одобряет участия США в европейских политических делах, но он отнюдь не игнорирует финансово-экономического сотрудничества между Европой и Америкой. Меллоно-гуверовское финансовое сотрудничество приобретало яркую политическую окраску. Американский капитал охранял от революции Веймарскую Германию, укреплял положение Муссолини в Италии и поддерживал пошатнувшиеся позиции капитализма во всей Западной Европе. Временная стабилизация капитализма, наступившая в 1924 г. в Старом Свете, происходила при активном участии капиталистов Нового Света. Вашингтон участвовал в европейских политических делах не только косвенно, путём «экономического сотрудничества», но и непосредственно. Достаточно указать на роль Америки в репарационном вопросе.

В первые послевоенные годы репарационная проблема стояла в центре европейской политики. Английское и французское правительства старались с самого начала возникновения Лиги наций превратить её в бесплодную международную говорильню. Все важные европейские проблемы обсуждались одно время на секретных совещаниях, на так называемой конференции послов в Париже. Америка, отказываясь послать официального представителя в Женеву, уполномочила своего посла во Франции участвовать в секретных парижских совещаниях. Весной 1922 г. на Генуэзской конференции Вашингтон ограничился одним молчаливым наблюдателем. В ноябре того же года на конференции в Лозанне присутствовало три американских наблюдателя, которые на сей раз уже не молчали. Вскоре сам государственный секретарь США публично заявил об отказе от политики невмешательства в европейские дела. 29 декабря 1922 г. Юз,

выступая на годичном собрании Американского исторического общества, подробно остановился на положении в Европе и указал, что решение репарационного вопроса лучше всего поручить комиссии экспертов и что американцы согласятся работать в этой комиссии. С реализацией своего предложения Юзу пришлось несколько подождать, пока не закончились «операции» Пуанкаре в Руре. В конце 1923 г. идея Юза легла в основу дискуссии о репарациях. Так зародился план чикагского банкира Дауэса.

Комиссия экспертов под председательством Дауэса заседала в Париже с 30 ноября 1923 г. по 9 апреля 1924 г. Проект комиссии рассматривался на конференции союзных держав в Лондоне с участием представителя США. В критические дни конференции, в июле 1924 г., в Лондон прибыл Юз. Государственный секретарь США совещался с премьерами Англии и Франции. 30-го августа 1924 г. соглашение о принятии плана Дауэса было официально подписано.

Номинально этот план просуществовал пять лет. Фактически реализация плана в полном объёме так и не имела места. Ежегодные равномерные, полные платежи, равнявшиеся, согласно предложению комиссии Дауэса 2,5 млрд. золотых марок, Германия должна была вносить союзникам только начиная с пятого года действия нового репарационного плана. Но к тому времени план Дауэса был заменён планом Юнга.

Репарационные платежи составляли от 1 млрд. марок в первом году и постепенно должны были возрастать до 1 750 млн. марок в четвёртом году. Но уже с самого начала вступления в силу плана Дауэса Америка стала играть решающую роль в репарационном вопросе, в значительной мере определявшем экономическое и политическое развитие Германии, а отчасти и всей Западной Европы. Генеральным агентом по репарациям был американец Гильберт Паркер. Вместе с принятием плана Дауэса был учреждён третейский трибунал для разбора споров, возникающих в связи с применением нового репарационного плана. Положение о трибунале предусматривало, чтобы его председатель обязательно являлся гражданином США. Америка отказывалась заседать в Лиге наций на равных правах с европейскими государствами. Но она охотно соглашалась выступать в роли арбитра, желая быть над Лигой и над Европой. Американцы были председателями ряда политических и экономических комиссий Лиги: по вопросу об Аландских островах, по мемельскому вопросу, по международным займам Греции и др. С принятием плана Дауэса нью-йоркские банки начали предоставлять крупные займы Германии и кредитовать её репарационные платежи. Международная реакция начала рассмат-

ривать восстанавливающуюся Германию как орудие в борьбе с СССР, а оказываемые ей кредиты — как аванс на подготовку похода против Советского Союза. В связи с принятием плана Дауэса товарищ Сталин отметил, что наступившая «стабилизация капитализма может выразиться в том, что империалистические группы передовых стран попытаются сговориться насчет единого фронта против Советского союза»[1].

Вопреки изоляционистским «принципам» республиканской партии, правительство этой партии активно вмешивалось в европейские экономические и политические дела. Временное разрешение репарационной проблемы расширило европейские рынки для капиталов и товаров США. За один 1924 г. экспорт капитала из США увеличился больше чем в два раза по сравнению с 1923 г. Кроме того, союзники связывали свою задолженность Америке с проблемой репараций.

Ко времени принятия плана Дауэса одни военные долги европейских государств Америке превышали 11,5 млрд. долларов. Из этой суммы больше 4 млрд. долларов приходилось на долю Франции и больше 4,5 млрд. долл. на долю Англий. Французское правительство объявило, что его платежеспособность Америке зависит от репараций, получаемых от Германии. Английское правительство пошло дальше: 1 августа 1922 г. министр иностранных дел Великобритании Бальфур объявил, что, несмотря на то, что британские военные займы союзникам превышают в два раза английские долги Америке, Лондон готов аннулировать долги и отказаться от репараций, если только Вашингтон займёт аналогичную позицию по отношению к военным долгам.

Бальфур сделал «великодушное» заявление отнюдь не из альтруистических побуждений. Дальнейший ход событий показал, что английская политика в вопросе о военных долгах была более дальновидной и реальной, чем американская. Не только реальная возможность, но и экономическая целесообразность получения военных долгов вызвали с самого начала большие сомнения в английских политических кругах. Но дело не только в этом. После разгрома Германии в первой мировой войне Америка превратилась в крупнейшего конкурента Англии. Англо-американское соперничество стало на длительное время главным противоречием в лагере империалистических держав. Англию раздражало, что она очутилась на положении должника по отношению к своему мировому сопернику.

Америка, в свою очередь, не хотела выпустить из рук козырь военных долгов. Недавний должник, став мировым

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 114.

кредитором, пожелал воспользоваться преимуществом своего нового положения.

9 февраля 1922 г. вошло в силу постановление конгресса о конверсии военных долгов. Постановление предусматривало создание комиссии по иностранным долгам. Комиссии поручалось ведение переговоров с должниками при условии, что никто не получит отсрочки дальше 1947 г. и что проценты по долгам не будут установлены ниже 4,25 в год.

Первая делегация, прибывшая в Америку для переговоров о долгах, была английской. Она приехала в Вашингтон в январе 1923 г. Но первое соглашение о долгах США подписали с Финляндией. Эта процедура произошла 1 мая 1923 г. Англия подписала соглашение спустя 7 недель — 19 июля этого же года. Другие европейские государства избегали переговоров о долгах; они предпочитали в этом вопросе хранить молчание. Но нужда в кредитах заставила и их заговорить с Вашингтоном. Президент Кулидж уведомил банкиров, что правительство США возражает против предоставления займов тем странам, которые уклоняются от соглашения по военным долгам. Постепенно одна за другой страны-должники делегировали своих представителей в Вашингтон. В течение трёх лет со дня урегулирования вопроса о долгах с Финляндией было подписано 13 соглашений, охватывающих более 97% всей суммы европейских военных долгов Америке.

В ходе переговоров Вашингтон должен был отказаться и от предельных сроков и от размера процентов, указанных в постановлении конгресса. Сроки пришлось удлинить, а проценты уменьшить. Вместо 25-летнего срока, намеченного конгрессом, Вашингтон вынужден был согласиться на получение долгов в течение 62 лет. Вместо 4,25% годовых — средний процент на весь период погашения долга был установлен для Англии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии в 3,3; для Бельгии — 1,8, для Франции — 1,6, для Югославии — 1,0, а для Италии — 0,4. По сравнению с условиями, на которых иностранные военные займы заключались в Вашингтоне, подписанные соглашения сократили: английские платежи по долгам на 30%, французские — на 60, итальянские — на 80, а по всем долгам в среднем — на 51%. Европейские страны-должники обязались выплачивать Америке в течение 62 лет сокращёнными платежами 11,5 млрд. долл., а вместе с процентами — больше 22 млрд. долл. Из этой суммы 11 106 млн. долл. приходилось на долю Англии, 5 848 млн. — на долю Франции и 2 408 млн. долл. на долю Италии.

Соглашения о долгах предусматривали постепенное возрастание ежегодных платежей до 187 млн. долл. для Англии и до 125 млн. долл. для Франции. Всего Америке причиталось по всем долгам около 400 млн. долл. в год. Вместе с процентами по частным займам поступления в США от заграничных инвестиций доходили уже к середине 20-х годов до полмиллиарда долларов, а к концу 20-х годов они исчислялись в $^3/_4$ млрд. долл. в год. Между тем до войны Америка при окончательных расчётах сама платила около 200 млн. долл. процентов за иностранный капитал в год. Один миллиард долларов в годовом платёжном балансе Вашингтона отмечал превращение Америки из должника в кредитора. Возникла большая проблема трансфера, проблема перевода денег через океан, и расчёта европейских должников с американским кредитором.

Внешние долги приходится платить либо золотом, либо товарами. К середине 1924 г. из 9 млрд. долл. мирового запаса золота половина — 4,5 млрд. долл. — находилась в США и около 1,5 млрд. долларов — в Англии и во Франции. Остальные 3 млрд. были распределены между 40 государствами. Даже Англии, которая тогда стояла на втором месте по золотому запасу и которая давно занимала и продолжает занимать первое место по добыче золота, трудно было платить долги одним драгоценным металлом. Вместе с процентами, английские военные долги США превышали раз в 15 золотые резервы Великобритании. Оставалось другое средство платежа — товары. Но для того чтобы платить долги товарами, кредитору необходимо покупать у должников больше товаров, чем он продаёт им. Между тем, США всё время продают европейским должникам больше товаров, чем они у них покупают. За 5 лет — с 1921 по 1925 г. — активное сальдо торгового баланса США превышало в два раза активное сальдо 1910—1914 гг. Одновременно с постановлением о конверсии долгов конгресс принял в 1922 г. запретительный тариф Мак-Кембера. Кредитор дал знать должникам, что расплата товарами нежелательна. Как же в таком случае европейские страны могли платить долги, да ещё покрывать свой пассивный баланс в торговле с США?

Временное разрешение вопроса Вашингтон нашёл в кредитовании нью-йоркскими банками европейских стран. Америка финансировала Германию. Германия платила репарации союзникам, а союзники платили долги Америке. Помимо этого кругооборота американских капиталов нью-йоркские банки непосредственно кредитовали и союзников. В течение ряда лет на каждый доллар, поступавший в казначейство США на погашение долгов европейских государств, увеличивалась

больше чем на два доллара частная задолженность европейских стран Америке. Создалось положение, при котором Америка, чтобы получать платежи по военным долгам, должна была вывозить в два раза больше капиталов, чем составляла сумма этих платежей, а для того чтобы получать взносы по новым большим инвестициям, приходилось, очевидно, вывозить ещё бóльшие суммы за границу. Капиталы в виде займов легко текли по направлению к восточным берегам Атлантики, но обратно к западным её берегам они двигались туго. Америка накапливала большие денежные суммы в Европе. Но перспектива обратного перевода этих сумм через океан становилась всё менее ясной. Нью-йоркские банки могли получать за платежи по долгам акции местных предприятий и, таким образом, овладевать рядом железных дорог, фабрик и заводов европейских стран. Но Европа — не Латинская Америка. Подобные операции казались рискованными для американских капиталов. Оставалось единственное средство получения взносов по долгам — кредитование платежей, экспорт капитала.

Вывоз капитала, разумеется, нельзя увеличивать беспредельно. Но с принятием плана Дауэса и подписанием соглашений о долгах Америка активизировалась в роли крупнейшего в мире кредитора.

«Дядя Сам» стал ростовщиком стран и народов. Его прозвали «Шейлоком XX-го века». Международное положение США развивалось в направлении, нарисованном Лениным ещё в 1920 г.: «Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально» [1].

Экспорт капитала до поры до времени стимулировал вывоз товаров. Кредитование должников и покупателей как внутри страны, так и за границей стало неотъемлемой частью послевоенного американского «просперити». Учёные экономисты из Гарвардского и Колумбийского университетов, оракулы, обслуживающие биржу и спекулятивные банки, пророчествовали Америке и американским капиталам такую роль в послевоенном мировом хозяйстве, какую Англия играла в мировой экономике после наполеоновских войн. Они твердили, что после урегулирования вопроса о долгах и репарациях «просперити» в США продолжится много десятков лет, как в Англии после Венского конгресса. Но от Венского конгресса до Версальского мира прошёл целый век.

В храмах экономической науки США незыблемость существующих социально-экономических отношений является акси-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXV, стр. 506.

ой, не подлежащей дискуссии. Но аналогия с Англией XIX века неуместна хотя бы потому, что Англия, финансируя много стран, проводила политику фритредерства и имела пассивный торговый баланс; Америка, наоборот, став мировым кредитором, установила запретительные таможенные тарифы и увеличила актив своего торгового баланса.

В финансовых кругах Нью-Йорка вскоре поняли, что США не могут одновременно удержать львиную долю мирового запаса золота и воздвигать запретительные тарифы, настаивать на платежах по иностранным долгам и вместе с тем сохранять и расширять внешние рынки для автомобилей, хлопка и пшеницы. Влиятельные экспортёры потребовали аннулирования военных долгов. Банкиры, которые реализовали военные займы европейских государств в Америке, начали высказываться в таком же духе. Они ничего не теряли. Аннулирование военных долгов означало переложение бремени на казначейство, на налогоплательщиков США, но вместе с тем оно бы облегчило Европе уплату американским банкам частных долгов и проведение дальнейших финансовых операций в США. В Вашингтоне создалась парадоксальная картина: представители финансовой олигархии в конгрессе выступали с «гуманными» предложениями об аннулировании долгов, а представители фермерских штатов, боясь увеличения налогов, оказались «беспощадными» к должникам.

Правительство не одобряло аннулирования долгов. Но это не значит, что оно приняло сторону конгрессменов и сенаторов из фермерских штатов. Правительство просто использовало их выступления для подкрепления своих позиций. Непосредственные материальные выгоды экспортёров и международных банкиров отступали на задний план перед общими интересами мировой политики американского империализма. Долги стали предметом престижа и гордости капитализма США. Они помогли Америке задавать тон в европейских и мировых вопросах, облегчили борьбу с конкурентами в южных странах Нового Света.

Военные долги были аннулированы не кредитором, а должниками. Характерно, что немало американских политических деятелей, сенаторов и учёных предполагали, что в течение более чем 60 лет европейские государства будут возвращать ссуду, полученную не на строительство, а на разрушение, верили, что два поколения Старого Света будут расплачиваться за «грехи предков», будут покорно отбывать денежную повинность и платить «Дяде Саму» дань в виде процента на «мёртвый капитал».

Совершенно иначе обстояло дело с увеличением капиталов США в странах Латинской Америки. Аннулировать здесь

долги было гораздо труднее, независимо от того, заключены ли займы в мирное или в военное время. Здесь доллары обеспечивались военно-морской силой, подкреплялись в случае надобности десантами США. Американский капитал охотно и смело овладевал плантациями и рудниками, фабриками и заводами, железными дорогами и предприятиями коммунального обслуживания в Латинской Америке. Если в странах, расположенных к югу от Рио-Гранде, события принимали нежелательный для нью-йоркских капиталов оборот, то на горизонте появлялись пушечные жерла военных кораблей, шедших под флагом США. Вера-Круц, Гаити, Сан-Доминго, Никарагуа и др. стали очевидцами «мирного» похода американского империализма в южные страны.

Весною 1923 г. на пятой панамериканской конференции в Сант-Яго представители некоторых стран подняли вопрос о характере, значении и толковании доктрины Монро. Делегат США Флетчер безапелляционно заявил, что доктрина Монро не подлежит дискуссии, что она является «односторонним делом национальной политики США», которую только один Вашингтон может интерпретировать и применять. Заявление Флетчера немедленно подкрепил государственный секретарь Юз, объявив, что декларировали доктрину Монро США, они же защищали и будут защищать её впредь.

У Мексики, после признания Вашингтоном правительства Обрегона в августе 1923 г., Юз добился согласия на создание двух смешанных комиссий для рассмотрения взаимных претензий. Первой комиссии поручалось рассмотрение претензий граждан США и Мексики начиная с 1861 г., за исключением революционного периода 1911—1920 гг. Для рассмотрения претензий этого периода образована была вторая комиссия. Взаимность была в данном случае условной. Претензии Мексики были сравнительно незначительны и «юридически» не столь определённы, как претензии США. Они относились преимущественно к материальному ущербу, нанесённому Мексике оккупацией Вера-Круц в 1914 г. и экспедицией Першинга в 1916—1917 гг. Претензии США исчислялись суммой, превышающей полмиллиарда долларов.

В июле 1924 г. американский журнал «Atlantic Monthly» утверждал, что гражданам США принадлежит $^1/_3$ национального богатства Мексики, в том числе 73% нефтеносных земель страны. В этом журнале также указывалось, что больше половины мексиканской земли — территория, равная поверхности Франции, Испании, Португалии и Швейцарии, вместе взятых, — принадлежит иностранцам, преимущественно американцам.

В Гватемале доллар стал законным средством обращения. Объединённая фруктовая и другие компании США установили свой контроль над железными дорогами страны.

Сальвадору нью-йоркские банки предоставили заём на кабальных условиях. Заём и 8% годовых гарантировались 70% таможенных поступлений государства. Специальное соглашение, заключённое с помощью Юза, предусматривало передачу всех спорных вопросов, возникающих между нью-йоркскими банкирами и правительством Сальвадора, Верховному суду США, решение которого является окончательным.

В Гондурас Кулидж отправил десант для «защиты жизни и собственности граждан США».

В Никарагуа нью-йоркские банки овладели железными дорогами и таможнями. Вооружённые силы США охраняли правительство, которое подавляющее большинство населения страны ненавидело.

В Коста-Рика американцы, в частности владельцы банановых плантаций, вели себя со времени окончания первой мировой войны, как полновластные хозяева.

О Панаме, территория которой разделена каналом и владениями США, говорить не приходится. В 1925 г. один известный латино-американский писатель рассказывал, что панамский президент в откровенной беседе говорил ему: «Положение Панамы становится всё труднее; моё правительство не в состоянии создать себе мало-мальски реальный авторитет; у меня нет средств для проведения в жизнь его постановлений. Я встречаю затруднения даже в вооружении должным образом полиции, которая часто становится жертвой таинственных преступлений. Лица из зоны канала приходят сюда, нападают на моих полицейских и возвращаются безнаказанно на территорию США после нарушения местных законов и порядков» [1].

Куба являлась со времени испано-американской войны самостоятельным государством, правда, с некоторыми оговорками. Гаити и Сан-Доминго — формально независимые государства, без всяких оговорок. Фактически, все эти три карибские страны находились в XX веке в одинаковом положении. Американские вооружённые отряды неоднократно разгуливали по двум большим островам, на которых расположены эти три государства. В президентство Кулиджа власть банков и трестов США над финансами, плантациями и всей экономической и политической жизнью Кубы, Сан-Доминго и Гаити чрезвычайно усилилась.

[1] *M. Ugarte,* The Destiny of a Continent, New York 1925, p. 146.

Ко времени принятия плана Дауэса и назначения американца генеральным агентом по репарациям в Европе в Латинской Америке 11 из 20 государств вели своё налоговое и финансовое дело под наблюдением и руководством специальных советников США. На территории 6 из этих 11 государств находились американские вооружённые силы.

Под доктриной Монро правительство Кулиджа понимало экспансию империализма США в Латинской Америке. Под лозунгом «открытых дверей» оно боролось за интересы американского капитала в Китае. Под видом восстановления разрушенного войной хозяйства оно вмешивалось в экономическую и политическую жизнь Европы.

Единственно, на чём Юз настаивал, это на изоляции США от зарубежного революционного движения. Вопреки историческим традициям США, признававших всегда правительство, пришедшее к власти революционным путём, как только новая власть выходила из борьбы победителем, Юз упорно продолжал политику непризнания СССР, продолжал упорствовать и после того, как другие великие державы установили дипломатические отношения с Советским Союзом.

В 1923 г. в Вашингтоне состоялась конференция центрально-американских государств. На конференции председательствовал Юз. Государства Центральной Америки обязались не признавать правительства, которое придёт к власти с помощью революции в любой из участвующих на конференции республик. Вскоре вспыхнуло восстание в Гондурасе. Юз демонстративно заявил, что США будут соблюдать решения Вашингтонской конференции 1923 г. Так, правительство республики, возникшей в революционной борьбе, правительство партии, боровшейся за власть в гражданской войне, выступало против революционной борьбы в других странах.

Боязнь «революционной инфекции» сказывалась и в новых иммиграционных ограничениях. В 1924 г. конгресс принял ещё более жёсткий, чем в 1921 г., иммиграционный закон. По закону 1921 г. число иммигрантов, допускаемое ежегодно от каждой страны, ограничивается 3% того количества иммигрантов от данного государства, которое проживало в США в 1910 г. В 1924 г. квота была сокращена до 2%, а за основу был взят 1890 г. Смысл новой основы для квоты — 1890 год вместо 1910 года — нам станет ясным, если вспомнить об изменении национального состава иммигрантов в конце прошлого века. С начала основания США до 90-х годов XIX века подавляющее большинство иммигрантов составляли переселенцы из Англии, Ирландии, Германии и Скандинавии. Начиная с 90-х годов большинство иммигрантов в

Америке прибывало из России, Австро-Венгрии, Италии, Турции и из балканских государств.

На иммиграционный закон 1924 г. оказали влияние и сторонники расовой теории в США, считающие, что англичане, скандинавцы, немцы и голландцы, принадлежавшие около 2 тыс. лет тому назад к родственным племенам, обитавшим у берегов Северного моря, должны сейчас восстановить расовое единство, образовать «великое племя», единую американскую нацию в Новом Свете. По сравнению с 1921 г. новая квота сократила годовое число иммигрантов с 356 955 до 164 667, в том числе из России — с 34 284 до 2 248, из Италии — с 42 057 до 3 845, из Германии — с 68 059 до 51 227 и из Великобритании — с 77 342 до 62 574. Однако законодатели преследовали определённые практические цели. По существу закон 1924 г. закрывал двери Америки для иностранного пролетариата, за исключением небольшого числа рабочих, специально отобранных консулами США в государствах северо-западной Европы, в тех странах, где оппортунизм пустил глубокие корни в рабочем движении, где вожди реформистских союзов образуют «родственное племя» с Гомперсом и Грином в Америке.

Со времени Великой Октябрьской революции в России заокеанская реакция старалась изолировать американский пролетариат от революционных рабочих Европы.

IV

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 1924 Г.

Хозяйственная депрессия. Бурный конвент демократов. Кампания Лафоллета. Компартия на национальных выборах. Выборы в 69-й конгресс. Абсентеизм. Победа республиканцев.

Внутри страны с наступлением 1924 г. политическая жизнь сосредоточилась вокруг развернувшейся очередной президентской кампании. Не успел Кулидж освоиться в Белом доме, как предстоящие национальные выборы начали поглощать главное внимание федеральных и местных партийных организаций.

Демократы были не прочь использовать разоблачения, связанные с нефтяной панамой и другими скандалами правительства Гардинга. Но Гардинг во-время умер. Кулиджа раскрытые аферы непосредственно не затрагивали. Разоблачённых министров новый президент заставил подать в отставку. Страна быстро успокоилась. Демократам тем труднее было

политически использовать нефтяную панаму, что некоторые их лидеры, включая популярного кандидата в президенты Мак-Аду, оказались на службе у нефтепромышленника Доэки.

Не помогло демократам и снижение хозяйственной конъюнктуры летом 1924 г. Обычно ухудшение конъюнктуры во время выборной кампании приносит пользу оппозиционной партии. В 1924 г., когда собрались национальные конвенты, в решающих отраслях промышленности намечалось довольно сильное падение производства. Индекс промышленной продукции Федерального резервного управления, равнявшийся 103 в марте 1924 г., упал до 81 в июле. В обрабатывающей промышленности этот индекс снизился в указанные месяцы со 105 до 78. Ежемесячная выплавка чугуна сократилась за это время с 3 466 тыс. *т* до 1 775 тыс. *т*, а производство стали — с 4 207 тыс. *т* до 1 878 тыс. *т*. В июле 1924 г., в тот месяц, когда национальный конвент демократической партии выбирал кандидатов в президенты и вице-президенты США, падение производства в решающих отраслях тяжёлой промышленности напоминало экономический кризис. В кругах господствующей партии возникали опасения: дальнейшее ухудшение хозяйственной конъюнктуры могло играть наруку оппозиции. Но опасения республиканцев не оправдались. Депрессия оказалась частичной, промежуточной и весьма кратковременной. Она только отразила глубокие противоречия, нарастающие в капиталистической экономике и грозящие неизбежным взрывом в будущем на бирже и в производстве. В августе конъюнктура начала улучшаться. Ко времени выборов, в ноябре 1924 г. индекс промышленной продукции Федерального резервного управления поднялся до уровня ноября 1923 г.

Летом 1924 г. нью-йоркский Резервный банк сознательно снизил учётную ставку с 4 до 3 с тем, чтобы удешевить кредит и увеличить количество денег в обращении, что по теории основателей Федеральной резервной системы должно было привести к росту товарных цен и к оживлению в производстве. Впоследствии опыт показал несостоятельность этой теоретической концепции. Однако случайное совпадение в 1924 г. — повышение производства после снижения дисконтного процента — подняло авторитет резервных банков и ввело, таким образом, в заблуждение немалое число государственных деятелей и видных экономистов США.

Кратковременность депрессии 1924 г. объясняется в основном тем, что за 2—$2^1/_2$ года, истекших с начала последнего подъёма в промышленности, хозяйство США ещё не созрело для очередного циклического кризиса. Принятие плана Дауэса, сопровождавшееся усилением экспорта американских

капиталов и товаров, содействовало хозяйственному оживлению осенью 1924 г. Когда граждане США отправились к избирательным урнам, кривая хозяйственной конъюнктуры шла уже вверх.

Недовольство реакционной политикой господствующей партии было сильно в стране. Но недовольные не верили демократам так же, как и республиканцам. Партийные аппараты республиканцев и демократов боролись между собой за президентское кресло, за государственный пирог, за хорошо оплачиваемые должности. Борьба, отражавшая экономические интересы широких слоёв населения США, шла не между партиями, а внутри каждой из двух крупных партий. И у республиканцев, и у демократов обнаружились глубокие разногласия между представителями капиталистов и фермеров. Национальный конвент республиканской партии открылся 12 июня 1924 г. в городе Кливленде. Он продолжался всего три дня. Все вопросы разрешались в комиссиях. На пленарных заседаниях почти не было дискуссий. Протесты и предложения недовольных из штата Висконсин были бесцеремонно отвергнуты. Консерваторы восторжествовали. Конвент принял реакционную программу. Он обещал сокращение налогов и экономию государственных средств в духе Кулиджа. Кулиджа выбрали кандидатом в президенты, а Дауэса — кандидатом в вице-президенты. Непримиримые элементы, неудовлетворённые партийным конвентом, решили на сей раз созвать собственный конвент.

В демократической партии большая дискуссия между представителями существующих групп и интересов развернулась на самом пленуме конвента. Конвент открылся в Нью-Йорке 24 июня и затянулся до 10 июля — необычайно много времени для партийного съезда в Америке! Он был одним из наиболее бурных конвентов со времени 1860 г., когда демократическая партия раскололась на две части. Заглушить разногласия за кулисами в комиссиях не удалось. На трибуне выступали делегаты из аграрных штатов Юга и Запада и из фермерских районов Северо-Востока. Их речи напоминали старую борьбу демократической партии против таможенных тарифов, против промышленных и железнодорожных магнатов. Но соотношение сил изменилось. Удельный вес промышленности в экономике США увеличился, а удельный вес сельского хозяйства уменьшился. Соответственно изменилась роль капиталистов и фермеров в демократической партии. В республиканской партии фермерская оппозиция также мобилизовала значительные резервы в кампании 1924 г. Но «старая гвардия» была настолько уверена в своих силах, что на конвенте в Кливленде она игнорировала протесты и угрозы

«мятежных» республиканцев. В демократической партии, как партии оппозиционной, имеющей к тому же свою опорную базу в южных штатах, голоса представителей аграриев раздавались громче. Делегаты Юга, блокируясь с делегатами Запада, образовали внушительную коалицию.

Национальный конвент демократов в Нью-Йорке прошёл в горячих дебатах о религии, расе и спиртных напитках. Причиной обсуждения этих вопросов послужила кандидатура в президенты губернатора Нью-Йорка — католика и «мокрого» — Смита. Представители Юга и Запада поддерживали кандидатуру Мак-Аду. Из 1 908 делегатов конвента 541 голосовал за резолюцию, порицающую Ку-клукс-клан; 546 делегатов высказались против открытого обличения этой организации.

В этой дискуссии, как и в спорах между протестантами Юга и католиками Северо-Востока, между сторонниками «сухого» закона в аграрных штатах и противниками этого закона в промышленных районах кроются социально-экономические противоречия между промышленными и аграрными интересами. Эти интересы распределяются в демократической партии соответственно её религиозному и национальному составу. Партийному аппарату удобнее дискуссировать в национальном масштабе вопросы, относящиеся к духовному миру, чем к миру материальному.

Как только делегация Нью-Йорка выдвинула в конвенте кандидатуру своего губернатора, сторонники Смита устроили в его честь такую бурную демонстрацию, какой раньше никогда не видел ни один конвент в истории Америки. Восторженные крики продолжались больше двух часов. В зале заседания конвента загудели сирены, снятые с пожарных автомобилей.

С таким же упорством отстаивали своего кандидата приверженцы Мак-Аду. Десятки раз голосовали, но никто из кандидатов не получил нужного большинства. Партийные вожаки считали, что духу времени соответствует консервативный кандидат. Они решили взять конвент измором. В июле в Нью-Йорке жарко. В зале заседаний было довольно душно Многие утомлённые и измученные делегаты покинули Нью-Йорк, не дождавшись результатов баллотировки.

Смит и Мак-Аду, наконец, нейтрализовали друг друга. При 103-м голосовании заправилам конвента удалось протащить кандидатуру бывшего посла в Англии, юрисконсульта Моргана, консерватора Джона Девиса. Для умиротворения демократов из фермерских штатов кандидатом в вице-президенты избрали брата известного Брайана, губернатора Небраски Чарлза Брайана. Джон Девис и Чарлз Брайан должны были

олицетворять сотрудничество Востока и Запада, капиталистов и фермеров. На выборах демократы, хотя и сохранили формально единство, имели значительный отсев, даже по сравнению с 1920 г.

Особый интерес в 1924 г. представляла кампания Лафоллета. Роберт Лафоллет был лидером оппозиции в рядах республиканцев в течение четверти века. Его политическая карьера началась в 1881 г. Ему тогда было 26 лет. С тех пор в течение 44 лет он считался бунтарём. В республиканской партии он почти всегда оставался в меньшинстве, а иногда чуть ли не в одиночестве. В 1901—1905 гг. он был губернатором штата Висконсин. С 1905 г. до конца его жизни он являлся сенатором США. Лафоллет умер в 1925 г. в возрасте 70 лет. Самое крупное своё политическое сражение он провёл за год до смерти. Он всегда был популярен в своём штате Висконсин, где его звали просто Боб Лафоллет. Висконсин — континентальный штат. В нём живёт много немцев, там сильны изоляционистские настроения. В 1917 г. Лафоллет голосовал против войны. В 1919 г. он беспощадно критиковал Версальский договор. Его авторитет в штате вырос настолько, что после смерти его популярность перешла на его сыновей. Один из них стал сенатором США, а другой — губернатором Висконсина.

Послевоенный аграрный кризис расширил деятельность Лафоллета и активизировал его сторонников. В то время как крупные тресты кричали о «просперити» и хвастливо рекламировали рост дивидендов, в 15 западных штатах, являющихся главными производителями пшеницы, 26% всех фермеров фактически обанкротились. Осенью 1922 г. на выборах в конгресс реакционная «старая гвардия» потерпела поражение в ряде западных штатов. Фермерский блок, руководимый Лафоллетом, стал большой силой в сенате и палате представителей. Но он не во всём соглашался со своим лидером. Конгрессмены и сенаторы из аграрных штатов представляли в большинстве случаев фермерскую верхушку. Они не были довольны падением сельскохозяйственных цен, налоговой и тарифной политикой Меллона. Они требовали государственной помощи для ликвидации ножниц между ценами на товары, покупаемые и продаваемые фермерами. Но вместе с тем они оставались консерваторами, не желавшими объединённых действий с организациями рабочего класса.

Лафоллет, наоборот, принимал меры к привлечению на свою сторону рабочих организаций. Американская федерация труда, железнодорожные братства и социалистическая партия оказывали большую поддержку Лафоллету. Социалистическая партия даже отказалась в его пользу от выставления

собственного кандидата в президенты на выборах 1924 г. Лафоллет пытался использовать рабочее движение. Он поощрял совместное выступление рабочих и фермеров, но не под руководством пролетариата. Он заявил, что не желает «представлять классового движения и стать во главе партии классового самосознания». Лафоллет даже не старался организовать самостоятельную третью партию. Он стремился лишь к усилению оппозиционного блока в конгрессе. В то время на западе образовалась «фермерско-рабочая партия». Возникла она не в Висконсине, а в Миннесоте и распространила своё влияние в обеих Дакотах, в Монтане, в Вашингтоне, Айдаго, Канзасе, Небраске, Оклагоме и других фермерских штатах.

В июле 1924 г. в Кливленде состоялся конвент, который назывался «конференцией прогрессивных политических действий». На нём собралось свыше тысячи делегатов от разных фермерских организаций, в том числе от «фермерско-рабочей партии», от железнодорожных братств и от социалистической партии. Конвент выбрал Лафоллета кандидатом в президенты. Программа Лафоллета говорила о демократизации государственного и партийного аппаратов, об уменьшении власти Верховного суда, о выборах судей всеобщим прямым голосованием сроком не более чем на 10 лет, о запрещении детского труда и применения «инджонкшон» — судебных распоряжений против рабочих забастовок. Предлагалось установить контроль над деятельностью банков, железнодорожных и промышленных компаний. Программа Лафоллета содержала предложение снизить таможенные тарифы, уменьшить железнодорожные фрахты и увеличить налоги на наследство и крупные доходы. Касаясь внешней политики, программа критиковала империалистическую политику Вашингтона.

Фермерские организации особенно усердно настаивали тогда на удешевлении железнодорожных фрахтов, на отмене акта Эш-Куминса, принятого после войны, во время снятия правительственного контроля над железными дорогами. Акт Эш-Куминса гарантировал железнодорожным компаниям 6-процентный дивиденд на инвестиции. Фермеры доказывали, что правительство гарантирует твёрдый доход на акции, из которых 8 млрд. долл., или 40% общей суммы в 20 млрд. долл., номинально числившихся в железнодорожных инвестициях, представляли фиктивный капитал. По настоянию наиболее радикальной фермерской группы и представителей железнодорожных братств Лафоллет включил в свою платформу требование о национализации железных дорог.

Лафоллет образовал блок различных организаций, но не создал третьей партии. Он считал себя независимым канди-

датом. «Независимость», по его мнению, должна была привлечь большое число избирателей. Лафоллет собрал на выборах почти 5 млн. голосов, но своей цели он не достиг. Его блок немедленно распался. Быстрый распад организаций Лафоллета наглядно показал, что подобные методы далеко не достаточны для успешной борьбы на выборах с двумя старыми партиями, а также лишний раз продемонстрировал, что успех борьбы союза трудящихся города и деревни не может быть обеспечен тогда, когда руководство этой борьбой не принадлежит рабочему классу.

В 1924 г. коммунистическая партия США впервые открыто участвовала в национальной выборной кампании. Её кандидатом в президенты был Вильям Фостер. Коммунисты критиковали на выборах платформу старых буржуазных партий, а также Лафоллета, пытавшегося победить «старую гвардию» республиканцев нерешительными действиями, неправильными и негодными средствами.

Выступление только что вышедшей из подполья молодой коммунистической партии как самостоятельной политической организации в национальной выборной кампании имело немалое пропагандистское значение. Большую роль в этом отношении сыграл партийный орган коммунистов — газета «Дейли Уоркер», которая начала выходить в первые дни 1924 г.

Кулидж получил на выборах 15 725 тыс. голосов и 382 выборщика; Девис — 8 386 тыс. голосов и 136 выборщиков, а Лафоллет — 4 823 тыс. голосов и 13 выборщиков. Выборы в 69-й конгресс, состоявшиеся вместе с президентскими выборами, прошли также благоприятно для республиканской партии. Республиканское большинство в сенате увеличилось с 51 до 54, а в палате представителей — с 225 до 247.

Выборы 1924 г., как и 1920 г., обнаружили безразличие широких кругов избирателей к выборам. Несмотря на прирост населения, в 18 штатах число поданных голосов на выборах 1924 г. было меньше, чем в 1920 г. Например, на президентских выборах 1896 г., в выборах участвовали 84% лиц, имевших право голоса. Через 20 лет — в 1916 г. — этот процент равнялся 70, а в 1924 г. он снизился до 51. Падение активности избирателей нельзя объяснить расширением избирательного корпуса, эмансипацией женщин в 1920 г. Во-первых, это падение наблюдалось и до 1920 г.; во-вторых, после 1920 г. женщины, согласно официальным отчётам и исследованиям, проявляют почти такое же отношение к голосованию, как и мужчины [1].

[1] «Recent Social Trends in the United States», v. I, New York 1933, p. 738.

Печать монополистического капитала комментировала исход президентской кампании 1924 г. как победу правительства Кулиджа, как торжество политики невмешательства государства в хозяйство, политики поощрения необузданной экспансии банков и трестов.

Выборы в США осенью 1924 г. совпали с выборами в Великобритании и с возвращением к власти Болдуина в Англии. Уолл-стрит и Сити поздравляли друг друга: Болдуин и Кулидж — столпы реакции, символы консерватизма в Западной Европе и в Северной Америке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«ПРОСПЕРИТИ»

I

МАССОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Производство и потребление в США к концу 20-х годов. Стандартизация. Энергетическая база. Неравномерность хозяйственного развития. Роль автомобиля в послевоенной экономике. Генри Форд. Условия, благоприятствующие автомобильному транспорту в Америке. Продажа в рассрочку. Предел роста автомобильной промышленности. Ненадёжная основа «просперити». Массовое производство и монополии.

Второе президентство Кулиджа протекало под флагом пресловутого «просперити». Между двумя кризисами начала и конца 20-х годов экономика США насчитывала «семь тучных лет». Но американское «просперити» стало международным термином лишь в середине третьего десятилетия нашего века.

25 января 1925 г. газета «Нью-Йорк Таймс», приводя цифры роста национального богатства США, чванливо изобразила Креза и Мидаса преклоняющимися перед Дядей Самом.

Нью-Йоркские и местные газеты и журналы помещали в различных комбинациях и вариантах таблицы и диаграммы о росте богатства и дохода, производства и потребления в потучневшей на войне Америке по сравнению с обнищавшей в итоге этой войны Европой. Материалом для показных, кичливых иллюстраций служили данные, опубликованные в те годы в Вашингтоне и в Женеве. В 1927 г. международная экономическая конференция в Женеве огласила цифры, согласно которым на долю США падало тогда около 40% мирового производства каменного угля, около 50% стали, около 60% меди и около 70% нефти. В 1929 г. министр финансов США Миллс утверждал, что в Америке потребляется около $^1/_3$ мирового потребления каменного угля и около $^2/_3$ нефти.

Американская статистика, претендуя на то, что к концу «просперити» на долю США падало около одной трети мирового богатства и мирового дохода, подсчитала, что в среднем на каждую семью этой страны приходилось около 15 тыс. долл. богатства и около 3 тыс. долл. годового дохода. Но в Америке богатство и доход не распределяются в среднем среди населения. Рекламируя с пеной у рта средние цифры, эта статистика сплошь и рядом замалчивала социальное распределение богатства и доходов в Америке, то что нигде нет

такого резкого контраста между богатством и нищетой, как в США. Правда, в 1926 г. Федеральная торговая комиссия США признала, что к началу послевоенного «просперити» 1% населения владел 59% всего богатства США. Но она, конечно, не объясняла, что это богатство нажито на грабеже народов старого и нового света, на жертвах миллионов, погибших в первую мировую войну; не рассказывала о том, что алчные короли угля и стали, нефти и пороха в США, помня обильную жатву, собранную ими на военных барышах, мечтали о следующем мировом побоище, поджигали новые войны. Не говоря уже о том, что состояния заокеанских миллионеров и миллиардеров пропитаны потом и кровью трудящихся многих стран и народов, а также о том, что подсчёты мирового богатства и мирового дохода вообще весьма относительны и сомнительны, искажённое представление об Америке получается оттого, что страна берётся в целом, а состояние и доход каждой семьи США рассматриваются в среднем.

Совершенно иная — как мы увидим в следующих частях данной главы — получается картина, когда выступают цифры, показывающие, кому принадлежит американское богатство и кто пользуется колоссальным доходом.

Послевоенное «просперити» развивалось на основе технического и экономического уровня предыдущих лет. В 1914 г. Ленин писал: «Соед. Штаты не имеют равного себе соперника ни по быстроте развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже ими наибольшей высоте его развития, ни по громадности площади, на которой применяется по последнему слову науки оборудованная техника, учитывающая замечательное разнообразие естественно-исторических условий» [1].

В первом послевоенном десятилетии дистанция, отделяющая американский капитализм от европейского, увеличивалась. Новые отрасли промышленности — автомобильная, электротехническая, радио и др. — росли быстро. Массовое производство и стандартизация стали девизом заокеанского капитализма.

Основные черты, которыми экономисты обыкновенно характеризовали «просперити», сводились к следующему: 1) большие размеры массового производства, 2) сильный рост концентрации производства и централизации капитала, 3) разводнение акций, создание огромного фиктивного капитала и раздувание неслыханной спекуляции на фондовой бирже.

Массовое производство давно практикуется в Америке. Рост продукции американских предприятий связан с стандартизацией производства. Тысячи заводов специализировались

[1] *Ленин.* Соч., т. XVII, стр. 575.

на изготовлении миллионов идентичных деталей. Процесс производства упрощён. Люди повторяют движения с точностью автомата. Стандарт не мешает разнообразию внешнего оформления готового фабриката. Стандарт — свойство не только фабричного производства, но и строительства. Даже там, где здания — жилые или фабричные — радикально отличаются друг от друга, они содержат в себе много совершенно одинаковых частей: окна, двери, карнизы и пр. Американские промышленники давно применяли стандартизацию. После первой мировой войны этот процесс принял особенно широкие размеры. Специальный отдел министерства торговли «по упрощению процесса производства» организовал по этому вопросу конференции руководителей крупных предприятий. Больше двухсот таких конференций были созваны только за первые четыре года пребывания Гувера на посту министра торговли в кабинетах Гардинга и Кулиджа. За 10 лет этот отдел добился введения в промышленность свыше 100 проектов стандартизации.

Массовое производство опирается на мощную базу механической и электрической энергии. Развитие электрического мотора изменило внутренний вид фабрик и заводов. Многочисленные колёса и ремни, нагромождённая паутина передаточных механизмов, сооружённых между двигателями и станками, быстро исчезают из американских предприятий. Небольшой электрический мотор, получающий энергию по проводу, легко приспособить и установить непосредственно у станка. С помощью нового мотора создавалась и усовершенствовалась система конвейера. За десять лет, истекших со времени мировой войны, число электромоторов в фабричной промышленности США более чем удвоилось. За эти же десять лет выпуск продукции на каждого рабочего в горной промышленности увеличился на 20%, а в обрабатывающей промышленности — на 30%.

В последние годы «просперити» США потребляли ежегодно каменного угля и нефти, натурального газа и водной энергии около 950 млн. *т* (в переводе на уголь). Из этих источников можно было тогда получить энергии больше 600 млрд. лош. сил. В среднем это было бы равносильно тому, что на каждого жителя США работают две лошадиных силы 300 дней в году по 8 часов в день.

Массовое производство, развитое в США относительно и раньше, особенно интенсивно внедрялось со времени первой мировой войны. Война ускорила этот процесс. Она потребовала товаров в любом количестве и за любую цену. «Война, однако, — утверждает известный отчёт Комитета президента Гувера, — заставила фиксировать внимание на выгодах мас-

сового производства. В целях изготовления военных материалов много предприятий было узко специализировано и одновременно было организовано много предприятий, имевших целью производство одного единственного продукта... К тому же, в результате войны, в стране сильно увеличилось количество промышленного оборудования, а стремление поддержать это оборудование в действии привело к огромному развитию производства» [1].

При всём том следует отметить, что массовое производство не охватило ни всей, ни даже большей части американской промышленности. Физический объём продукции сельского хозяйства, обрабатывающей, добывающей и строительной промышленности США вырос в 1922—1929 гг. на 34%. Среднегодовой прирост продукции в годы послевоенного «просперити» мало чем отличался от довоенных лет. В 1901—1913 гг. среднегодовой прирост продукции промышленности и сельского хозяйства составлял 3,1%, а в 1922—1929 гг. — 3,8% [2].

Неравномерность развития отдельных отраслей хозяйства весьма характерна для послевоенного «просперити» в Америке. Рост производства предметов первой необходимости — пищевых продуктов, текстиля, обуви и жилищного строительства не на много превышал рост населения США. Если принять 1922 г. за 100, то в 1929 г. население США равнялось 111, производство пищевых продуктов — 113, текстиля — 116, обуви — 112, а жилищное строительство равнялось 115. Между тем, производство разного рода машин выросло за это время на 91% [3].

В послевоенные годы в США производились в довольно широких размерах стандартного типа сельскохозяйственные машины, мебель, рефрижераторы, стиральные машины, пылесосы, радиоприёмники и патефоны. За 10 лет, истекших со времени окончания мировой войны, в США было продано свыше 13 млн. радиоприёмников, 1,5 млн. рефрижераторов и около 5,5 млн. электрических стиральных машин. Но массовое производство в том виде, в каком его рекламировали, преимущественно было введено на автомобильных заводах. С автомобилем ассоциируется американское «просперити». Роль автомобиля в послевоенной экономике напоминает роль железных дорог в Америке после гражданской войны.

---

[1] «Новейшие изменения в экономике США», Москва, Госиздат, 1930, т. I, стр 134.

[2] «Recent Social Trends in the U. S.», v. I, p. 232.

[3] В течение указанных лет производство стали выросло на 58%, производство чугуна — на 56, а добыча угля — на 28%. Между тем добыча нефти выросла за это время на 81%, производство электроэнергии — на 104, а выпуск автомобилей — на 113% (ibid., p. 233—234).

В 1922—1929 гг. автомобильные заводы США произвели в готовом и в несобранном виде свыше 33 млн. машин. Среднегодовая продукция за это время составляла 4 160 тыс. автомобилей, а продукция одного 1929 г. — 5 600 тыс. машин. Весной этого года в рекордные дни снималось с конвейера больше 24 тыс. автомобилей в день. Зарегистрированный автомобильный парк в США вырос с 12 млн. машин в 1922 г. до 26,5 млн. в 1929 г. В 1928 г. расходы на покупку автомобилей и на их содержание оценивались в 14 млрд. долл. За 15 лет, предшествовавших 1930 г., население США израсходовало на приобретение и ремонт автомобилей, на горючее, зарплату шофёрам, гаражи и автомобильные дороги около 100 млрд. долл.[1] Добыча нефти выросла в 2,5 раза за десятилетие со времени окончания мировой войны. Этот рост обязан больше всего автомобилю В 1928 г. на автомобильную промышленность и на эксплоатацию автомобилей ушло 85% всего израсходованного в стране каучука, 74% листового стекла, 18% проката, 15% меди, 28% алюминия, 28% никеля и 80% бензина. В том же году на автомобильных заводах работало 402 тыс. человек, а в автосборочных и авторемонтных мастерских — 500 тыс. человек. Всего непосредственно в автомобильном деле вместе с шофёрами было занято 3 806 тыс. рабочих и служащих. Кроме того, 535 тыс. человек работали над выполнением заказов автомобильной промышленности. Таким образом, в 1928 г. прямо и косвенно автомобиль давал работу 4 341 тыс. человек. В 1929 г. это число дошло до 4 700 тыс. человек[2]. Некоторые авторитетные лица США считали, что уже в 1928 г. эта цифра превышала 7 млн.[3]

Война, с её ненасытным спросом на моторизованный транспорт, содействовала ускорению и усовершенствованию выпуска автомобилей. Один Форд довёл его после войны на своих заводах до 10 тыс. автомобилей в день.

Развитие автомобильного дела в Америке тесно связано с жизнью и деятельностью Генри Форда. Форд — выдающийся конструктор и организатор. Он родился в 1863 г. в семье фермера. В раннем возрасте он задумал постройку машины для замены лошади на полевых работах. В 1892 г. он соорудил первый автомобиль. Через 10 лет он организовал автомобильную компанию Форда с капиталом в 28 тыс. долл., в 1923 г. Форд снял с конвейера 2 200 тыс. машин — больше половины всего производства автомобильных заводов США.

---

[1] *A. Dana,* Prosperity Problems, New Haven 1931, p. 215; *L. Shaw,* The Hope of America, Boston 1937, p. 88.

[2] *A. Dana,* op. cit., p. 219.

[3] «A Century of Industrial Progress», New York 1928, p. 486.

Он проповедует принцип: человек не должен делать то, что может выполнить машина, а квалифицированный рабочий не должен заниматься тем, что доступно неквалифицированному. У Форда рабочий больше, чем на других капиталистических предприятиях, стал частью машины. Форд умело использовал накопленный в Америке технический опыт. Идею конвейера он заимствовал у чикагских боен. Его компания представляет гигантский комбинат с собственными предприятиями, начиная от железных рудников и каучуковых плантаций и кончая сборочными мастерскими и агентствами по сбыту машин в США и за границей. В 1908 г. на фордовских предприятиях была сконструирована знаменитая модель «Т», которая во всём мире называется «форд». 26 мая 1927 г. была изготовлена 15-миллионная машина этой марки. Форд достиг тогда своего зенита. Затем его начала обгонять конкурирующая автомобильная компания «Дженерал Моторс».

По отношению к рабочим и служащим Форд занимает позицию автократа, деспота, пренебрегающего самолюбием и достоинством подчинённых ему по работе людей. Централизация производства и сбыта сопровождается централизацией управления. Генри Форд не терпит возражений. Он не допускает рабочих союзов, не считается с мнением служащих. Совещания и конференции, твердит он, враг производства. Рабочий должен получать такую зарплату, какую ему назначают, и работать столько часов в день, сколько велит Форд. Форд — олицетворение американского индивидуализма в самой грубой его форме. Он нанимает рабочих, когда они ему нужны, когда они приносят прибыль, и бесцеремонно выбрасывает тысячу людей на улицу, как только их труд на его заводах перестаёт быть прибыльным.

В старости Форд пытался высказать свои социальные взгляды в книге «Моя жизнь и мои достижения», а также в других сочинениях. Однако талантливый инженер Форд, став «философом», напоминает оратора, который скудость мыслей компенсирует многословием речи. Он показал себя весьма ограниченным, невежественным в вопросах сравнительно недлинной истории его собственной страны [1]. В своих книгах Форд утверждает, что образцовая организация и якобы незаинтересованность в большой прибыли дали ему возможность продавать дёшево автомобиль потребителю и вместе с тем платить высокую заработную плату рабочему.

В 1914 г. Форд установил на своих заводах максимальный рабочий день в 8 часов и минимальную заработную плату в 5 долл. После войны Форд повысил этот минимум до 6 долл.

[1] *F. Slosson,* The Great Crusade and After, New York 1930, p. 228.

Несмотря на сравнительно высокую заработную плату, его богатство вырастало, как снежный ком. В 1924 г. состояние Форда оценивалось в 750 млн. долл., а в 1929 г. — в 1 млрд. долл. В 20-х годах иногда чистые прибыли Форда намного превышали 100 млн. долл. в год, иногда они доходили до 400 тыс. долл. в день. Эти цифры трудно согласовать с заявлением Форда о том, что он не заинтересован в высоких прибылях. Весь секрет Форда заключается в том, что он благодаря высокой организации производства и интенсивной эксплоатации рабочих добился наибольшей прибыли при сравнительно высокой заработной плате и дешёвой продукции. Высокая заработная плата, как и дешёвая продукция, в данном случае отнюдь не идут в ущерб прибыли, а, наоборот, увеличивают её. Американские эксперты утверждают, что — при относительно высокой заработной плате — рабочему у Форда приходится работать так интенсивно, что он быстро теряет работоспособность.

Социальные взгляды Форда явно профашистского толка. Впоследствии он покровительствовал распространителям гитлеровских идей в Америке.

Параллельно с развитием автомобильной промышленности, в Америке строились автомобильные дороги, а это способствовало расширению внутреннего рынка.

Автомобиль появился одновременно в Старом и Новом Свете. Но широкое применение легковых автомобилей стало особенностью Америки. Дешёвый «форд» доступен сравнительно широкому кругу американских покупателей, потому что покупательная способность населения в Америке гораздо выше, чем в Европе. Согласно данным Бюро труда Лиги наций, к началу 1925 г. заработная плата в главном городе главного промышленного штата США — в Филадельфии — была в два раза выше, чем в Лондоне, в 2,5 раза выше, чем в Копенгагене, в 3 раза выше, чем в Париже, в 3,5 раза выше, чем в Берлине, и в 4,5 раза выше, чем в Риме. Но дело не только в сравнительно высокой заработной плате в Америке.

Большое значение для насыщения США автомобилями имели американские расстояния. В Америке насчитывается немало штатов, которые по своей территории больше, чем Италия или Англия. Некоторую роль сыграло также то, что значительная часть населения США на протяжении всей истории страны «находилась на колёсах», в поисках лучшей земли, заработка или «бизнеса». Современное население США — это внуки и правнуки эмигрантов из Европы в Америку, это дети и внуки пионеров-переселенцев с востока на запад. Нигде, ни в одной другой стране, автомобиль не вызывал у населения такой страсти, такого восторга, как в

Америке. Несостоятельные люди и семьи годами отказывали себе во многом, лишь бы иметь своё собственное средство передвижения — свой «фордик» или «шевроле».

Перечисленные благоприятные условия сами по себе не обеспечили ещё того колоссального рынка, который автомобильная промышленность имеет в Америке. Наряду с автомобильными компаниями, федеральная и местные власти принимали ряд мер для создания и расширения этого рынка. Строительство дорог, гаражей, обслуживающих мастерских, бензиновых колонок, а также реклама только частично объясняют быстрое распространение автомобиля в Америке. Больше всего, пожалуй, сделала в этом отношении продажа в кредит, в рассрочку.

Как внешний, так и внутренний рынок для американской промышленности расширялся в годы «просперити» с помощью кредитования потребителя. Розничная продажа в кредит внутри страны достигла суммы от 5 до 8 млрд. долл. в год [1]. Эта сумма превышала примерно в полтора раза стоимость экспорта США. В 1924—1926 гг. 75% всех автомобилей, 65% пылесосов и 80% патефонов было продано в рассрочку [2]. Рассрочка платежей растягивалась в среднем на 2 года, иногда этот срок доходил до 4 лет. Одно обследование, произведённое в США, показало, что в два раза больше людей покупает в рассрочку автомобили, чем мебель, стиральные машины и другие предметы домашнего обихода [3]. Другое обследование, произведённое в 450 городах 35 штатов, свидетельствовало, что в 1929 г. доля автомобиля в розничной торговле составляла: в 271 городе — от 19 до 28%, в 100 городах — от 28% и выше. В некоторых случаях этот процент доходил до 45 [4].

Автомобиль приобретается в большинстве случаев за счёт отказа от других товаров, иногда — от самых необходимых предметов потребления [5]. Продажа в рассрочку сокращает будущую покупательную способность, уменьшает сбережения на старость, про чёрный день. Покупка в рассрочку обходится потребителю на 11—40% дороже, чем покупка за наличный расчёт [6]. В разгар «просперити» американские эко-

[1] *P. Mazur,* American Prosperity, New York 1928, p. 98.

[2] «Current History», August 1932, p. 556; «Literary Digest», May 1926, p. 14.

[3] «North American Review», March — May 1927, p. 83.

[4] *A. Dana,* Prosperity Problems, New Haven 1931, p. 65.

[5] В среднем каждый американец в период «просперити» носил один костюм в течение года (*D. Dumond,* Roosevelt to Roosevelt, New York 1937, p. 295).

[6] *W. Plumber,* Social and Economic Consequences of Buying on the Instalment Plan, Philadelphia 1927, p. 30.

номисты рекламировали продажу в рассрочку, называя её топливом для торговли.

На основе изучения роста автомобильного парка США в первое послевоенное десятилетие, в конце 20-х годов исследователи Гарвардского университета утверждали, что через несколько лет число автомобилей в Америке дойдёт до 50 млн. [1] На самом же деле в 1929 г. рост автомобильной промышленности приостановился. Не помогли ни рекламы, ни рассрочка. Рынок был насыщен или, по крайней мере, близок к насыщению. С 1919 по 1929 г. зарегистрированный автомобильный парк США увеличился с 7,5 млн. до 26,5 млн. машин — прирост 19 млн. В следующем десятилетии прирост составил всего 3 млн. По отношению к населению автомобильный парк США с 1929 г. почти не вырос. Производимые после 1929 г. автомобили идут главным образом на замену выходящих из строя машин. Нормальный срок жизни автомобиля считается не больше пяти лет. Чтобы своевременно заменять выбывающие машины, американские заводы должны выпускать 5—6 млн. автомобилей в год. За 10 лет, истекших после 1929 г., продукция только одного 1937 г. дошла почти до 5 млн. машин. В остальные годы продукция была гораздо ниже. То, что после 1929 г. автомобильный парк США сохранялся, даже немного увеличивался, объясняется тем, что к началу второй мировой войны около 40% зарегистрированных автомобилей были в эксплоатации свыше пяти лет.

В США насчитывается около 1 млн. богачей, которые имеют по две и больше машин.

В 1928 г., когда «просперити» достигло зенита, около 60% всех поступивших на рынок автомобилей были проданы в рассрочку. Новый автомобиль стоил в среднем 606 долл., несколько подержанный — 295 долл., а старый — меньше 100 долл. Однако американцы, изучившие этот вопрос, утверждали, что к концу «просперити» для 60—70% рабочих США ветхий «фордик» был ещё мечтой [2].

Автомобиль являлся барометром «просперити». «Просперити» базировалось на ненадёжной, быстро изнашиваемой основе. Сам капитализм определял предел экспансии автомобильных заводов и границы кредитования потребителя. Как иностранная задолженность Америке, так и рост долгов широких кругов населения США никак не могли служить базой длительного подъёма в промышленности. Когда население получает предметы потребления в кредит, его покупательная

---

[1] *A. Dana,* Prosperity Problems, p. 254.
[2] «Current History», August 1932, p. 556.

способность увеличивается, когда же оно начинает выплачивать долг, покупательная способность падает. В дальнейшем, для того чтобы сохранить достигнутый уровень спроса, приходится уже финансировать и новые закупки и очередные взносы по старым закупкам. Искусственное расширение рынка с помощью продажи товаров в рассрочку вызывает прогрессивный рост задолженности. Долги и кредиты не могут увеличиваться бесконечно.

Расчёты на длительное «просперити» в Америке строились на зыбкой почве. Но опыт конвейеров на заводах «Дженерал Моторс», опыт Форда временно изменили отношение средних классов к промышленным монополиям.

В течение многих десятилетий фермеры и городская мелкая буржуазия энергично боролись против трестов. Вопрос о монополиях стоял долго в центре партийно-политической борьбы в Америке. В годы послевоенного «просперити» массовое производство дешёвых автомобилей стало весьма популярно среди американцев. Но массовое производство — это крупное концентрированное производство. Отсюда вывод: дорога трестам! Печать начала открыто восхвалять монополии. Экономисты превозносили тресты, школы и университеты, пели гимны «капитанам индустрии». Существовавшие антитрестовские законы не применялись; победа Кулиджа на выборах 1924 г. означала предание их полному забвению. Правительство Кулиджа, следуя девизу своего президента — «невмешательство государства в хозяйство», всемерно поощряло дальнейшую концентрацию и трестирование в промышленности и на транспорте.

II

МОНОПОЛИИ И СПЕКУЛЯЦИЯ

Исследования Муди, Берли и Минза. Влияние роста числа акционеров на рост монополий. Держательские компании. Обыкновенные и привилегированные акции в годы «просперити». Флинн, Пинчот и Рипли о контроле корпораций держательскими компаниями. «Освобождение» мелких акционеров от их прав. Электрическая империя Инсула. Пирамида братьев Ван-Свернген. Паразитические компании. Распределение акций по «особому листу». Спекулятивная горячка «Флорида». Временное ухудшение хозяйственной конъюнктуры. Биржевая оргия.

Трестирование промышленности, сосредоточение контроля над производством в руках монополий приняли в годы «просперити» невиданные ранее размеры. Характерным стало уже не создание новых трестов, а организация более могучих капиталистических компаний, каждая из которых является

своего рода корпорацией трестов; одна такая компания объединяет под своим контролем не отдельные предприятия, а целый ряд трестов.

Путь развития монополистического капитализма в XX веке раскрыт в бессмертной книге Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В рассматриваемый нами период капитализм США со свойственным ему размахом двигался по этому пути. Данные Ленина о концентрации производства в США и о порождении этой концентрацией монополий основываются на переписях, произведённых до конца первого десятилетия XX столетия. Данные третьего десятилетия нашего века показывают, насколько далеко ушёл процесс трестирования в американском хозяйстве. Они ещё раз подтверждают всю правильность и дальновидность тех выводов, которые Ленин сделал на основе анализа первых итогов деятельности монополий в промышленных странах.

В XX веке в США опубликованы два исследования, которые дают общее представление о процессе трестирования в Соединённых Штатах в эпоху империализма. Первое — работа Джона Муди «Правда о трестах» — появилось в 1904 г. после возникновения крупнейших современных монополий; второе — книга двух сотрудников Колумбийского университета Берли и Минза «Современная корпорация и частная собственность». Эта книга вышла в свет в 1932 г. Её выводы были опубликованы в американских журналах несколько раньше. Данные книги относятся к концу послевоенного «просперити». Муди насчитал в 1904 г. в США 318 трестов с общим капиталом в 7 млрд. долл.; из них с капиталом больше чем в 100 млн. долл. только 10. По данным Берли и Минза, к концу 1929 г. 15 трестов имели активы больше чем в 1 млрд. долл. каждый, а с активом больше чем в 100 млн. долл. насчитывалось 189 корпораций. Активы этих величайших 189 компаний, вместе взятых, составляли на 1 января 1930 г. сумму в 81 млрд. долл.

Приведённые подсчёты Берли и Минза относятся только к промышленным, железнодорожным и другим нефинансовым корпорациям. Если включить финансовые концерны, то число компаний с капиталом в 1 млрд. долл. и выше было к концу «просперити» в полтора раза больше: в 1929 г. в США числилось 23 промышленных, железнодорожных, финансовых и страховых компаний с активами больше чем в 1 млрд. долл. каждая. Пять из них — Стальной трест, «Дженерал Моторс», Американская телефонная и телеграфная компания, «Стандарт-Ойл Нью-Джерси» и Пенсильванская железная дорога — имели в том же году больше чем по 100 млн. долл. чистого дохода.

В 1930 г. в США числилось около 300 тыс. корпораций, не считая банков, с общей суммой активов в 165 млрд. долл. 200 самых крупных из них владели 49% всех активов. Другими словами, 0,07% всех компаний держали в своих руках половину активов всех корпораций [1]. В 1930 г. американские статистики считали, что в 1950 г. этим крупнейшим компаниям будут принадлежать около двух третей активов всех корпораций и около половины национального богатства США [2].

В работе «Структура американской экономики», опубликованной в 1939 г. в Вашингтоне Комиссией национальных ресурсов, перечислены важнейшие отрасли производства США — сталь, чугун, автомобили, авиация, амуниция, сельскохозяйственные машины, химия, резина, искусственный шёлк, цветные и драгоценные металлы, табачное, мясоконсервное дело и др., где от 50 до 90% всей продукции контролируется в каждой отрасли всего четырьмя крупнейшими компаниями.

Таковы общие сведения о концентрации контроля над производством, о централизации капитала в Америке. Но в 20-х годах наблюдалось не только трестирование промышленности вообще, а происходило в широких размерах, если можно так выразиться, «трестирование» трестов. Излюбленной формой объединения стала так называемая компания держателей акций (Holding Company).

Прежде чем перейти к конкретным иллюстрациям, необходимо напомнить несколько деталей из положения акционеров и из практики американских трестов.

В годы «просперити» много говорили и писали о «демократизации богатства» в Америке, о том, что современный крупный концерн представляет нечто целое лишь в отношении производства, а в отношении собственности каждая корпорация делится на атомы, распределённые между массой мелких владельцев. Учёные Гарварда и Колумбии даже пробовали утверждать, что в США происходит «экономическая революция», перераспределение ценностей, «мирный переход богатства от Уолл-стрита к Мэйн-стриту» [3].

---

[1] В 1910 г. 200 крупнейшим корпорациям принадлежало меньше 1/4 активов всех корпораций.

[2] В 1929 г. в США насчитывалось 456 тыс. фирм, из них 1 349 с чистым доходом не менее чем в 1 млн. долл., а 68 с чистым доходом менее чем в 20 млн. долл. каждая. Чистая прибыль этих 1 349 крупнейших корпораций равнялась в указанном году 7 млрд. долл., что составляло 80% чистой прибыли всех 456 тыс. фирм страны, а на долю 68 самых крупных корпораций пришлось 35% прибыли всех 456 тыс. американских фирм.

[3] Мэйн-стрит — главная улица, обычное название одной из улиц в американском городе. В переносном смысле: улица среднего американца.

Основой подобных рассуждений служил рост числа акционеров со времени войны в Америке. Профессоры Гарвардского университета Карвер в своей книге «Современная экономическая революция в США» и Рипли в книге «Мэйн-стрит и Уолл-стрит» утверждают, что уже в 1923 г. в США числилось 14 400 тыс. акционеров. В 1929 г. некоторые американские профессоры увеличили эту цифру до 20 млн.

За первые три десятилетия XX века число акционеров, числящихся в списках корпораций, выросло в пять раз. Главный рост приходится на последние 10—12 лет. Во время войны распределялись среди широких кругов населения «займы свободы». Затем реализация акций на облигации этих займов оказалась задачей несравненно более лёгкой, чем продажа ценных бумаг корпораций за наличный расчёт. Агитацией за покупку ценных бумаг занималась в годы «процветания» вся буржуазная печать, доказывая, что приобретение акций является почётной и священной обязанностью гражданина США. Она считала, что мельчайшая акция в кармане рабочего, служащего и фермера имеет большое воспитательное значение в смысле укрепления духа индивидуализма и капитализма в Америке, в смысле изменения отношения широких кругов населения к своему традиционному врагу — к Уолл-стриту. Председатель военно-промышленного комитета при Вильсоне Бернард Барух писал в 1928 г., что акции, распределённые между широкими слоями мелких держателей, лучше всего охраняют социально-экономическую структуру США.

Как бы ни выросло число акционеров в Америке, это отнюдь не означало «демократизации богатства». Прежде всего отметим, что число акционеров, фигурирующих в трудах некоторых известных американских профессоров, сильно раздуто. Возможно, что в списках корпораций в 1927 г. числилось около 18 млн., а в 1929 г. около 20 млн. акционеров. Но надо полагать, что Карверу, Рипли и тому подобным «корифеям» экономической науки не менее, чем нам, известна следующая истина: число акционеров в списках корпораций и число лиц, владеющих акциями, — не тождественные величины. Большинство лиц, приобретающих ценные бумаги, предпочитает держать у себя акции не одной, а нескольких компаний. Таким образом, одно и то же лицо часто повторяется в списках различных корпораций. Исходя из этого положения, Берли и Минз приходят к выводу, что даже в 1929 г. число лиц, владевших акциями, могло дойти максимально лишь до семи миллионов [1].

[1] *A. Berle* and *G. Means*. The Modern Corporation and Private Property, New York 1933, p. 374.

Конечно, 7 млн. акционеров — не мало. Берли и Минз считают это число максимально возможным. Статистик министерства финансов США Май-Кой утверждал, что в дни самого большого спекулятивного бума в Америке числилось только 4 млн. держателей акций и облигаций: «исследование показало, что некоторые лица являются держателями до 500 акций различных видов» [1].

Допустим, что в 1929 г. 7 млн. американцев имели акции. Тем не менее утверждение о так называемой децентрализации, «демократизации богатства» не имело под собой почвы. Достаточно человеку иметь ценную бумагу на 100, 50 или даже меньше долларов, чтобы числиться акционером. Между тем чем больше акционеров, тем легче учредителям трестов распоряжаться чужими деньгами, манипулировать и спекулировать большой суммой мелких сбережений в своих интересах. Большой рост акционеров, который со времени первой мировой войны, несомненно, имел место в Америке, сам по себе, помимо всего прочего, содействовал трестированию в промышленности и спекуляции на бирже.

Многомиллиардный номинальный капитал промышленности и транспорта США представлен в акциях. Из крупнейших американских богачей полностью только Форд, а до известной степени Рокфеллер, Меллон, Дюпон и несколько других архимиллионеров сами финансируют свои предприятия. В общем американском капитале около двух дюжин крупных богачей представляют исключение. Как правило, крупное предприятие собирает и превращает в капитал массу мелких сбережений. В 1929 г., например, «Дженерал электрик» насчитывал 60 тыс. акционеров, «Стандарт-Ойл Нью-Джерси» — 104 тыс., Стальной трест — 183 тыс., «Дженерал Моторс» — 190 тыс., Пенсильванская железная дорога — 196 тыс., а Американская телефонная и телеграфная компания — 476 тыс. акционеров.

В таких корпорациях право голоса больше чем для 99% акционеров понятие чисто теоретическое, не имеющее никакого практического значения. Дюпон являлся долго хозяином «Дженерал Моторс» и продолжает властвовать в пороховой компании «Дюпон де Немур». В 1929 г. ему принадлежало в первой компании 33%, а во второй — 30% всех акций. Рокфеллеру тогда принадлежало в «Стандарт-Ойл» Нью-Йорка и Нью-Джерси 20, а в «Стандарт-Ойл» Индианы — 14,5%. Рокфеллер и Дюпон, как мы уже указали, являются исключением. В трёх величайших американских концернах,

[1] «Current History», August 1932, p. 555.

занимающих первое место в промышленности, транспорте и связи — в Стальном тресте, Пенсильванской железной дороге и Американской телефонной и телеграфной компании, — самому крупному акционеру принадлежало в 1929 г. меньше 1% всех акций. К концу «просперити» из 200 величайших нефинансовых корпораций США 12 с капиталом в 3 366 млн. долл. контролировались непосредственно владельцами; 10 с капиталом в 1 542 млн. долл. — людьми, владевшими большинством акций; 46 с капиталом в 11 223 млн. долл. — владельцами меньшинства акций, а 130 с капиталом в 64 673 млн. долл., составлявшим 80% всего состояния всех 200 величайших корпораций страны, контролировались лицами, которые не вложили или почти не вложили никаких средств в подчинённые им компании. В 1928 г. всем директорам Стального треста вместе принадлежало всего 1,4% всех акций треста [1].

Не все руководители корпораций пользуются такими привилегиями, как директоры Стального треста. Но, за незначительным исключением, действительным хозяевам трестов принадлежит обыкновенно не больше 10—20% акционерного капитала. Во многих, если не в большинстве случаев этот процент гораздо меньше пяти.

Предположим, что компания «А» с акционерным капиталом в 100 млн. долл., контролируемая директорами, владеющими 5% акций, приносит хорошую прибыль. Другая группа капиталистов, следя за делами этой компании, хочет вырвать контроль из рук её директоров. Она организует с этой целью новую компанию «В». Компании «В» достаточно уже ассигновать 3 млн. долл. и приобрести на эту сумму контролирующие акции из указанных 5%, чтобы установить свой контроль над компанией «А» с её капиталом в 100 млн. долл. Организация компании «Б» — это упрощённый пример распространённой в 20-х годах формы централизации капитала в Америке; это та компания держателей акций, которую мы упомянули выше.

Компания держателей акций, или, как её называют в Америке, «держательская компания», — по определению комиссии сената США — «организуется для того, чтобы захватить и держать в других компаниях ценные бумаги с целью контроля или существенного влияния на руководство этими компаниями... Держательская компания служит механизмом, с помощью которого группа людей, используя общественные деньги, в состоянии концентрировать контроль над

[1] *A. Berle* and *G. Means*. The Modern Corporation and Private Property, p. 47, 87, 102–103, 115.

промышленностью, предприятиями общественных услуг и важнейшими богатствами народа»[1].

Держательская компания появилась в США ещё в 90-х годах прошлого века, после принятия антитрестовского закона Шермана. Когда слово «трест» было объявлено незаконным, тогда были изобретены такие формы капиталистических объединений, которые совершают в более крупных масштабах старые операции под новым названием. Держательские компании ограничивались вначале приобретением контрольных пакетов акций своих конкурентов. Так, например, сделала Американская телефонная и телеграфная компания, которая владеет контролирующими акциями в большинстве телефонных компаний США. Затем начали создаваться специальные держательские компании с исключительной целью овладеть контрольными пакетами акций ряда конкурирующих и не конкурирующих фирм.

В 20-х годах держательская компания стала наиболее характерным орудием превращения отдельных предприятий и корпораций в крупную монополию. В новейшем её виде — констатировала комиссия президента Гувера — «держательская компания является фактически «продуктом 20-х годов XX века»[2]. Другие авторитетные заявления в американской литературе гласят, что экономическая история 20-х годов является в известной мере историей деятельности держательских компаний.

В целях более простого изложения запутанной механики американских монополий мы до сих пор исходили из того, что все акции предоставляют их держателям формально одинаковое право. На практике ценные бумаги корпораций, не считая облигаций, делятся на привилегированные и обыкновенные акции.

Привилегированная акция имеет теоретически право первенства на прибыль, но зато она лишена ряда других, зачастую всех остальных прав. Обыкновенная акция рассчитывает на повышение цен, на будущую прибыль, в частности на биржевую прибыль. Она предоставляет право выбора директоров. Она обеспечивает её владельцам контроль над предприятием и корпорацией. Обыкновенные акции сплошь и рядом не представляют действительно инвестированного в предприятии капитала. Их выпуск ничем и никем не контролируется. Это в большинстве случаев бумажный поток, раз-

---

[1] «Senate Reports» No. 1455, 73 Congress, 2d Session; *Stock*, Exchange Practices, Washington 1934, p. 333, 363.

[2] «Recent Social Trends in the U. S.», v. I, New York 1933, p. 248.

водняющий другие ценные бумаги. Но за эту «воду» к началу 30-х годов, по утверждению видного американского экономиста, учредители трестов претендовали получить 75 млрд. долл. [1]

В действительности обыкновенная акция пользуется особыми привилегиями. За привилегированной акцией сплошь и рядом остаётся только почётное название [2].

Нигде привилегии учредительских акций не создавали таких благоприятных условий для злоупотреблений, как в США в годы «просперити». В прошлом право учредителей имело в США известные пределы, деятельность директоров контролировалась, интересы мелких акционеров защищались. При президенте Кулидже миллионерам, достаточно сильным, чтобы учреждать корпорации и выпускать акции, были предоставлены неограниченные возможности.

Деление акций на дающие и не дающие право голоса их держателям, на номинально и фактически привилегированные облегчает во многом задачи держательской компании. Владение 51% одних обыкновенных акций является максимальным требованием для установления контроля над какой-либо корпорацией. В принципе эти ухищрения трестовского капитала известны были ещё задолго до первой мировой войны. Ещё Гильфердинг указал, что в Америке крупные промышленные компании собирают нужный им капитал с помощью выпуска на рынок привилегированных акций и оставляют себе ничего им не стоящие обыкновенные акции, которые дают им возможность сохранять контроль над предприятиями данной компании. Но после первой мировой войны люди, ткущие финансовую паутину в Америке, внесли в старый способ новый момент, дающий им изрядную экономию при установлении своего контроля над миллиардами долларов.

---

[1] «New York Herald Tribune», 30. VII. 1933.

[2] Держатели обыкновенных акций определяют выпуск привилегированных акций и размер дивидендов, подлежащих распределению. Они могут объявлять львиную долю доходов биржевой прибылью, а биржевая прибыль является преимущественно достоянием обыкновенных акций. Они могут покупать и продавать предприятия и корпорации. Словом, они чувствуют себя полными хозяевами всего акционерного капитала. Морганы, бекеры, фишеры редко оставляют себе незначительное число облигаций и привилегированных акций, но они обычно держат в своём резерве нужное количество обыкновенных акций. В 1928 г., например, в Стальном тресте Моргану принадлежало 105 привилегированных и 1 261 обыкновенная акция, а Бекеру — 500 привилегированных и 87 001 обыкновенных акций. В 1926 г. исполнилось 25 лет со дня организации Стального треста. К этому времени его обыкновенные акции принесли больше 1,5 млрд. долл. дохода.

Обыкновенные акции делятся на серии, например, на акции «А» и «В», и только держателям одной серии предоставляется право голоса [1].

Особенностью 20-х годов, однако, повторяем, является не самое деление акций на полноправные и бесправные, как и не само существование держательской компании, а бешеная деятельность этих компаний и их манипуляции акциями: то, что до начала эпохи империализма было новинкой, редкостью, исключением, в 20-х годах стало системой. Президент Стального треста Джемс Фаррель сам поражался быстроте трестирования народного хозяйства США. Летом 1930 г. в беседе с другими стальными королями он выразил свои опасения перед неизвестной будущностью, заявив, что гигантские индустриальные объединения образуются с невиданной быстротой, что страна двигается в этом направлении со слишком большой скоростью, что «очень скоро каждой отраслью промышленности будет владеть полдюжины больших концернов».

Известный нью-йоркский исследователь структуры американских трестов Джон Флинн дал наглядную иллюстрацию к заявлению Фарреля. Он показал, как в конце 1929 г. 2 621 корпорация с акционерным капиталом в 21 655 млн долл. контролировалась держательскими компаниями. В автомобильной промышленности 23 компании контролировали 187 корпораций с капиталом в 2 630 млн. долл., в химической 17 компаний контролировали 189 корпораций с капиталом в 1 902 млн. долл., в горно-металлургической — 25 контролировали 217 с капиталом в 2 114 млн. долл., в мясо-консервной 8 контролировали 203 с капиталом в 291 млн. долл., в молочной — 6 контролировали 236 с капиталом в 530 млн долл., а в предприятиях связи 3 компании контролировали 627 с капиталом в 4 434 млн. долл. [2]

[1] В 1925 г. братья Додж для овладения автомобильной компанией выпустили на рынок привилегированные акции и облигации на 160 млн. долл. Они продали также 1 500 тыс. лишённых права голоса обыкновенных акций серии «А». Полноправными были объявлены только 500 тыс. акций серии «В», которые в продажу не поступили. Примером может также служить Корпорация искусственного шёлка. Она тоже предоставила право голоса только акциям серии «В». Серии «А» было 598 тыс., а серии «В» — 2 тыс. акций. Вся серия «А» была продана, а вся серия «В» была оставлена директорам корпорации. В результате 0,3% акций контролировали весь акционерный капитал корпорации (*M. Ripley,* Main Street and Wall Street, Boston 1932, p. 86—87).

[2] «New Republic», 2. VII. 1930. Под капиталом в данном случае понимается биржевая стоимость акций на 31 декабря 1929 г. В середине 1929 г. акционерный капитал перечисленных корпораций составлял сумму, в 1,5—2 раза большую указанной Флинном.

Весной 1929 г. бывший губернатор Пенсильвании и председатель федеральной комиссии по сохранению естественных ресурсов страны Пинчот опубликовал весьма любопытные данные о контроле держательскими компаниями над энергетическими трестами. Пинчот утверждал, что в течение двух лет он подбирал материалы во всех 48 штатах, тщательно следя, чтобы полученные факты не подтасовывались в угоду какой-либо теории. В итоге оказалось: в 1926 г. в США оперировали 4 362 энергетических треста; из них независимых было только 85; 3 108 контролировались крупными, а остальные — мелкими держательскими компаниями. 3 108 из всех 4 362 энергетических трестов производили в 1926 г. 82% электричества и обслуживали территорию, на которой живет 83% всего населения США. Все эти 3 108 трестов контролировались 41 крупной держательской компанией, из коих 35 объединились шестью сверхдержательскими компаниями, системами «Дженерал Электрик», «Инсул», «Морган», «Меллон», «Байльсби» и «Догерти». В 1926 г. эти шесть гигантских систем производили 63% электричества и снабжали энергией и светом 68% всего обслуживаемого электричеством населения США [1]. Пинчот также утверждает, что такая лихорадочная концентрация произошла в годы «просперити». Правительство установило максимальную прибыль для энергетических трестов — 7% на инвестированный капитал. Но тресты, по мнению Пинчота, считают нормальным получение 7% и на разводнённые акции.

В 1928 г. в США числилось 573 солидных нефинансовых компаний, акции которых регулярно котировались на нью-йоркской бирже. Из них только 86 не были держательскими компаниями, 395 совмещали контроль над другими компаниями с крупными оперативными делами в промышленности, в связи или на транспорте, а 92 были только держательскими компаниями. До первой мировой войны таких компаний, которые занимались только установлением контроля над корпорациями, насчитывалось всего 15. В 1913—1920 гг. к ним прибавились ещё 23, а в 1921—1929 гг. — 54 [2].

Держательская компания — наиболее выгодная, удобная и дешёвая форма объединения промышленности монополистическим капиталом. Она автоматически обходит антитрестовские законы, как компания, формально не имеющая отношения ни к производству, ни к сбыту. Она подчиняет себе соперников не дорого стоящей конкурентной борьбой, а с минимальными затратами. Она не контролирует операций

[1] «Current History», April 1929, p. 40—42.

[2] *A. Berle* and *G. Means*, The Modern Corporation and Private Property, p. 205.

завоёванных ею корпораций, а контролирует лишь их контрольные пакеты акций.

Компания, контролирующая корпорации, умеет «делать деньги из ничего». Профессор Рипли, иллюстрируя «чудотворение» держательских компаний, приводит такой пример. Компания «А» контролирует четыре компании — «В», «С», «D» и «Е». «Е» покупает предприятие за 1 млн. долл. и продаёт его компании «D» за 1 250 тыс. долл. «D» продаёт «С» за 1 500 тыс. долл. «С» продаёт «В» за 1 750 тыс. долл., а «В» уступает «А» за 2 млн. долл. Ни производственные, ни рыночные факторы не внесли каких бы то ни было изменений в цену предприятия. Но компании «В», «С», «D» и «Е» объявляют прибыль в 250 тыс. долл. каждая. На основе прибыли подконтрольных компаний компания «А», естественно, также объявляет прибыль, её акции повышаются. Аналогия профессора Рипли упрощённая. Но примерно таким путём — как мы скоро увидим — держательские компании получают прибыль, «делают золото».

У финансовых алхимиков итог оказывается больше суммы слагаемых. Когда одна организация объединяет под своим контролем ряд корпораций, она обещает каждой из них определённые выгоды [1]. Организаторы держательских компаний твердят, что они «усиливают и охраняют корпорации». «Усиление» и «охрану» капиталисты понимают как увеличение прибыли. На основе предполагаемого роста доходов в период «просперити» повышается курс акций. Таким образом, одни организационные мероприятия, одно лишь установление контроля увеличивает номинально состояние всей системы, объединяемой держательской компанией, и приносит солидные барыши. Поэтому крупные компании, связанные с известными банкирскими домами, не всегда завоёвывают контроль над корпорациями с боем. Зачастую администрация независимого концерна добровольно отказывается от самостоятельности в пользу солидной держательской компании [2].

---

[1] Во-первых, финансовая помощь. Обыкновенно держательская компания связана с каким-нибудь банкирским домом; во-вторых, оптовые совместные закупки для подконтрольных компаний сырья, топлива и энергии, а также сделки с транспортными организациями; в-третьих, помощь в борьбе с рабочими организациями и стачками; в-четвёртых, защита интересов в печати, в законодательных и судебных органах; в-пятых, защита контрольных пакетов акций от покушений конкурентов.

[2] Интересно отметить, что и фиск поощрял так называемую консолидацию корпораций под эгидой контролирующих компаний. Федеральный налоговый закон гласил, что те подконтрольные корпорации, которые держат не менее 95% акций, дающих право голоса, в контролирующей компании сами обложению не подлежат. Из чего бы ни исхо-

В 20-х годах параллельно усилению деятельности держательских компаний отнимались даже формальные права у акционеров, не имеющих отношения к руководству корпораций. Перспектива большого повышения курсов бесправных ценных бумаг или других сомнительных благ послужила достаточной приманкой. Рядовые акционеры нередко легко соглашались на обмен своих акций, на продажу своих прав за «журавля в небе».

«Освобождение» мелких держателей акций от их прав связано с ростом количества акционеров, с деятельностью держательских компаний. Чем больше число акционеров в каждой компании, тем меньше возможностей для рядового держателя акций воспользоваться своими правами. Чем больше бесправных акций, тем легче и дешевле держательским компаниям устанавливать и сохранять свой контроль над корпорациями.

Отчёт сенатской комиссии 73-му конгрессу констатировал: «Значительное увеличение участия населения в покупке и продаже акций окончательно установило контроль финансовых деятелей над богатствами страны. Широкое распределение бесправных акций между неорганизованными акционерами, которые не могут эффективно проводить совместные действия, имеет своим следствием господство над корпорациями маленькой группы людей, держащих сравнительно незначительную часть голосующих акций. Эта группа диктует выбор директоров. Следовательно, она распоряжается управлением и контролем этих корпоративных институтов» [1].

По мере продолжения «просперити» акционеры «освобождались» от своих прав, контролирующие компании росли. Новые держательские компании устанавливали свой контроль над старыми, а новейшие — над новыми компаниями. Многоэтажные иерархии контролирующих компаний, названные пирамидами, формировались в штатах. Каждый новый этаж объявлял новую прибыль, выпускал новые акции, создавал новый фиктивный капитал. Чем выше этаж, тем меньшую долю акционерного капитала составляли акции, контролирующие производственные корпорации. Промышленные, транспортные и финансовые пирамиды росли, как грибы.

дил фиск, он толкал самостоятельные корпорации в объятия держательских компаний. Взыскание одного налога с общего дохода ряда корпораций через их высший контрольный орган в 20-х годах вполне устраивало и контролируемые и контролирующие компании. Министр финансов Меллон, как мы уже знаем, добился регрессивного налога на величайшие доходы. Кроме того, федеральный налоговый закон содействовал лишению права голоса массы мелких акционеров.

[1] «Senate Reports» No. 1455, 63th Congress, etc., p. 385.

Бросим беглый взгляд на две пирамиды, построенные в годы «просперити» в промышленности и на транспорте.

Среди 200 крупнейших корпораций США в 1929 г. числились 52 компании предприятий общественных услуг. 23 700 млн. долл., составлявших 92% всего капитала этих 52 компаний, контролировались людьми, которые ничего или почти ничего не вложили в это дело [1]. В предприятиях, снабжающих города и штаты водой и газом, энергией и светом, свили себе тёплые гнёзда гигантские держательские компании. Шесть таких компаний, как мы уже видели, контролировали в 1926 г. около двух третей производства электричества в Америке. Компании, подвластные одной моргановской «Объединённой корпорации», контролировали 22% производства газа и электричества всех центральных станций США [2]. Характерным примером является компания Инсула, которая распространила свой контроль на электрические станции и другие предприятия общественных услуг в трёх десятках штатов, а также в Канаде и Мексике.

Самуил Инсул — символ «просперити». В конце 70-х годов прошлого века молодой Самуил, сын бедного английского клерка, служил в Лондоне писарем за фунт стерлингов в месяц. Когда ему было около 20 лет, он перебрался через океан. В Новом Свете он был секретарём у Эдисона. Способный и предприимчивый, Инсул принимает активное участие в реализации открытий великого изобретателя. В 1893 г. он становится президентом электрической компании Эдисона в Чикаго. Учтивый и льстивый, решительный и беспощадный, без принципов и предрассудков, он в борьбе с конкурентами выходит победителем. Наступают первые годы XX в. Чикаго необычайно растёт, удваивает своё население, оставляет далеко позади Филадельфию. Второй по величине в Америке 2-миллионный город получает свет от электрических станций Инсула. Инсул — монополист в Чикаго. Его деятельность выходит за пределы города и штата. В 1912 г. он организует Средне-западную компанию общественных услуг. Его репутация уже достаточно выросла, чтобы распоряжаться чужими миллионами. Акции, представляющие весь вложенный Инсулом капитал, быстро распродаются. Инсул берёт себе бесплатно 50 тыс. обыкновенных акций, контроль и должность президента Средне-западной компании. Мировая война множит его богатство, увеличивает его алчность.

---

[1] *Berle* and *Means*. op. cit., p. 115—117.

[2] «Senate Reports» No. 1455, 73th Congress, etc., p. 360.

Начинается послевоенное «просперити». Самуилу Инсулу идёт седьмой десяток. Но всё прожитое кажется ему лишь увертюрой к настоящему «бизнесу».

Когда Кулидж сменил Гардинга и стал президентом США, в Америке разгорелась отчаянная борьба между крупнейшими монополиями за овладение местными компаниями, обслуживающими энергией и светом штаты. Рынок быстро поглощал акции энергетических трестов. Держательские компании создавались одна над другой, образуя целые системы контролирующих и контролируемых концернов, охватывая группами штаты, монополизируя целые районы. В борьбу включается Самуил Инсул.

Инсул снабжает электричеством Средне-западные штаты. Его Средне-западная компания стоит на вершине пирамиды контролирующих и контролируемых корпораций. Актив Средне-западной компании оценивался в 1929 г. в 1 120 млн. долл. Число акционеров пирамиды превышает полмиллиона[1]. Инсул хвастает, что он «персонально ответствен за 1 млрд. чужих денег». Активы всей контролируемой им «Электрической империи» доходят до 4 млрд. долл. Система Инсула объединяет несколько сот электрических станций, 17 тыс. *км* газопроводов, трамваи, водопроводы. Перед Инсулом преклоняются мэры городов, губернаторы штатов. Он частый и желанный гость в Белом доме. Инсул интересуется искусством. Он строит большой оперный театр стоимостью в 20 млн. долл. Его чтут музыканты, ему благодарны артисты, улыбаются певицы.

Инсул — президент одиннадцати и председатель совета директоров 65 корпораций. Он расширяет свою активность на новые области, приобретает новые состояния. Он покупает текстильные и кожевенные фабрики на крайнем северо-востоке США, в Новой Англии, а на крайнем юге, в Техасе, он строит «Южную Венецию».

В штатах, входящих в сферу влияния Инсула, не должны оставаться самостоятельные энергетические тресты. Президент одной компании, которой принадлежало больше 80% производства энергии целого штата, хвастал, что с юных лет он всегда был самостоятелен. Это был инженер, начавший когда-то свои промышленные дела с маленькой гидро-электростанции, а потом всячески отстаивавший своё положение и свою независимость. Инсулу не удалось захватить контрольные акции этой компании. В 1925 г. он предложил за неё тройную цену. Инженер не устоял и уступил. В том же

[1] *Berle* and *Means*, Modern Corporation and Private Property, p. 101; *M. Ripley*, Main Street and Wall Street, p. 281; *P. Hansl*, Years of Plunder, New York 1935, p. 150, 154.

году Инсул подчинил себе большую держательскую компанию — «Национальную компанию электрической энергии», а через два года — «Национальную корпорацию общественных услуг». К концу «просперити» система Инсула образовала 8-этажную пирамиду держательских компаний.

Производственные дела далеко не были столь блестящими, чтобы содержать многоэтажную пирамиду и финансировать войну за монополию электричества в Америке. В лучшие годы послевоенного «просперити» Средне-западная компания не имела достаточно дохода, чтобы оправдать дивиденды, выплаченные наличными [1]. Но дело, оказывается, не в производстве, а во внутренней бухгалтерии. Достаточно привести один пример, чтобы видеть, как Инсул увеличивал прибыль своей системы.

В январе 1928 г. Средне-западная компания и Национальная компания электрической энергии продали друг другу акции на 12 с лишним млн. долл. Каждая «заработала» на сделке больше чем по 3 млн. долл. Первая компания владеет второй. Обе компании принадлежат Инсулу. Акции остались в прежних руках. Состояние Инсула увеличилось номинально больше чем на 6 млн. долл. [2]

Несколько подобных «сделок» послужили достаточным основанием для увеличения рыночной стоимости акций Средне-западной компании на 100 млн. долл. [3]

В целях ещё большего усовершенствования системы, по выражению Инсула, а в действительности для облегчения борьбы с «Наполеоном» города Кливленда Ийтоном, в декабре 1928 г. была создана новая архидержательская компания «Инсул Ютилити Инвестментс». С помощью инсульских биржевых брокеров стоимость обыкновенной акции этой новой компании выросла за 8 месяцев почти в 20 раз — с 7,5 до 149 долл. [4]

Инсул наконец сам оказался во власти созданной им громоздкой системы. Он мог продолжать борьбу лишь до тех пор, пока граждане США широко открывали кошельки для его акций.

После окончания «просперити» пирамида Инсула обнаружила глубокие трещины. Вскоре она рухнула. Непосредственные потери акционеров оценивались в 700 млн., а общие убытки от краха — в 2 млрд. долл. [5] Чикагский владыка

---

[1] «Atlantic Monthly», April 1933, p. 505.
[2] Ibid., p. 506—507.
[3] Ibid., p. 507.
[4] «Stock Exchange Practices, Hearings before a Subcommittee of the Committee on Banking and Currency U. S. Senate, 72th Congress, Second Session», part 5, p. 1409—1410.
[5] «Atlantic Monthly», April 1933, p. 498, 508; *P. Hansl*, op. cit., p. 161.

стал преступником, спасшимся от судебных преследований у далёких берегов Средиземного моря.

Инсул заслуживает внимания не потому, что он потерпел крах. Благодаря краху обнаружился материал, раскрывший некоторые тайны послевоенного «просперити», показавший, какими средствами разжигается спекуляция на бирже, каким способом получаются миллионные прибыли, как «делается золото из ничего». Но Инсул далеко не единственный. Он отличается от некоторых своих соперников только тем, что, идя в наступление, он сжигал за собой мосты. Он верил в свои силы, способности, которые ему долго не изменяли, в судьбу, которая с юных лет до глубокой старости многое ему прощала. Он продолжал, независимо от конъюнктуры, объявлять прибыли и платить дивиденды, черпая средства из выпуска новых обязательств, новых акций на основе увеличения и реорганизации своей пирамиды. Он в отличие от других не обеспечил себя аварийным фондом, который в минуты угрозы дал бы возможность изъять с рынка необходимое количество ценных бумаг и тем самым убить одновременно двух зайцев — и опасности миновать и по дешёвке вернуть себе обратно акции. Инсула погубила его самостоятельность: он не только не опирался на денежные мешки Нью-Йорка, но, наоборот, соперничал с тузами Уолл-стрита. Нью-йоркские банкиры в критический момент вынесли Инсулу безжалостный приговор.

В 20-х годах два брата Ван-Сверинген стали крупнейшими владельцами американских железных дорог. Вандербильт и Гульд, Хилл и Гарриман — былые железнодорожные короли — казались карликами по сравнению с «братьями-великанами». Пирамида, построенная ими, рассматривалась на Уолл-стрите как одно из чудес «просперити». Ван-Сверингены вложили в дело 1 млн. долл.[1] С помощью держательских компаний они расширили свой контроль на активы больше чем в 3 млрд. долл.[2]

Братья Ван-Сверинген, Орис и Мантис, приобрели известность, когда им было лет под пятьдесят. Оба совершенно не интересовались ни политической, ни общественной жизнью. Так же мало внимания уделяли они и личной жизни. Оба — старые холостяки. Они не курили и не пили, не играли в гольф, не ездили на курорты. Их интересовало только одно — богатство. Достигнув финансовых вершин, они не изменили своего образа жизни, не обзавелись аппартаментами и

[1] «Stock Exchange Practices, Hearings before the Committee on Banking and Currency U. S. Senate, 73th Congress, First Session», part 2, p. 658.

[2] «Literary Digest», 21. IX. 1935, p. 36.

конторами в Нью-Йорке, не присутствовали даже на банкетах, которые устраивались в их честь.

Спекулируя на земельных участках в окрестностях города Кливленда, братья Ван-Сверинген нажили состояние в несколько сот тысяч долларов. Во время первой мировой войны они расширили сферу своей деятельности. В то время железнодорожная компания «Нью-Йорк—Централь» продавала пакет акций, контролирующих железную дорогу Нью-Йорк — Чикаго — Сен-Луис, обычно называемую Никель Плэт. Никель Плэт проходит через Кливленд. Ван-Сверингены решили приобрести эту дорогу. Одни контрольные акции стоили 8,5 млн. долл. 2 100 тыс. долл. дал кливлендский банк. Остальные гарантировал нью-йоркский банк «Гаранти Трест Компани» [1], который считается Морган-Бекерским банком. Таким образом Ван-Сверингены заручились с самого начала хорошим расположением к себе Моргана. Они создали держательскую компанию, которая, сохранив за ними контроль над железной дорогой Никель Плэт, взяла на себя их долг банкам.

Дела Никель Плэт шли хорошо. В годы послевоенного «просперити» Ван-Сверингены начали строить пирамиду на железных дорогах. В 1923 г. они с помощью Моргана захватили акции Гунтингтона в железной дороге Чизапик — Огайо. С каждым годом они увеличивали свои операции. К концу «просперити» в систему Ван-Сверингенов входило восемь железнодорожных линий протяжением свыше 45 тыс. *км*, на которых было занято более 100 тыс. рабочих. Братья совершали сделки на сотни миллионов долларов. Их прибыль от отдельных сделок исчислялась десятками миллионов.

Над сверингенскими линиями стояли несколько держательских компаний. На вершине пирамиды находились сами братья. На трёх следующих этажах были соответственно расположены три держательские компании: организованная в 1927 г. Всеобщая корпорация ценных бумаг, созданная в 1929 г. Аллеганская и в 1927 г. Чизапикская корпорация. Последние две держательские компании контролировали непосредственно железные дороги. В первой держательской компании Ван-Сверингенам принадлежало 51,8% акций, во второй — 8,6%, в третьей — 4,1%, а в шести железных дорогах — меньше чем по 1% [2].

Одновременно Ван-Сверингены с целью избежания налогов и из других соображений создавали параллельные держатель-

[1] «Hearings 73th Congress» etc., part 2, p. 575—576.
[2] *Berle* and *Means*, op. cit., p. 74.

ские компании — Женевскую корпорацию и др. Сделки внутри пирамиды Ван-Сверингенов были ещё более внушительными, чем у Инсула. От одних внутренних сделок с Аллеганской корпорацией в 1929 г. братья выручили 93 млн. долл. [1]

Пирамида Ориса и Мантиса Ван-Сверинген просуществовала несколько дольше пирамиды Инсула. Но и она потерпела крушение. В один осенний день её покровитель Морган объявил о продаже с молотка железных дорог, угольных шахт и других предприятий, входивших в империю Ван-Сверингенов. По милости «всемогущего» банкирского дома их не постигла трагическая участь Инсула. Единицы рухнули, но десятки пирамид сотни держательских компаний выдержали последовавшие за «просперити» тяжёлые годы кризиса и депрессии. Морган пожертвовал своими вассалами — братьями Ван-Сверинген. Но его величайшая держательская Американская телефонная и телеграфная компания продолжает как ни в чём не бывало функционировать.

Ленин ещё в 1916 г. писал: «А в Соединенных Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз *благодаря* этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко» [2].

Спустя 18 лет даже отчёт сенатской комиссии, расследовавшей деятельность банков и трестов в годы «просперити», подтвердил вывод Ленина: «Держательская компания стала важнейшим элементом, а промышленность или производственные компании — только игрушками или орудиями финансовых махинаций и спекуляций... Держательские компании не организуются и не возглавляются лицами, обладающими необходимой квалификацией и опытом или питающими интерес к промышленности, представляющей основу этих компаний. Они скорее являются средствами манипуляторов, которые особенно посвящены в тайны присваивания денег, нагромождения пирамид корпораций и продажи ценных бумаг населению» [3].

Держательские компании организовались в годы «просперити» под руководством банков и банкиров. Они послужили средством усиления власти и влияния финансовой олигархии в Америке. Они предоставили в ряде случаев крупнейшим банкирам контроль над миллиардами без малейшей ответственности банкиров. Примером может служить роль Моргана в пирамиде братьев Ван-Сверинген.

[1] «Senate Reports» No. 1455, 73th Congress, etc., p. 377.
[2] *Ленин*, Соч., т. XIX, стр. 172.
[3] «Senate Reports No. 1455, 73th Congress, etc., p. 382.

Морган и его партнёры, согласно тому же отчёту комиссии сената, были представлены в 89 компаниях, не считая их дочерних обществ. В советах директоров 82 из этих 89 компаний числились директоры других 2 175 корпораций, из коих только 1 003 владели ресурсами, оцениваемыми больше чем в 100 млрд. долл.[1] Эта сумма была в конце 20-х годов в полтора раза больше всего национального богатства Франции или Германии.

За всё время «просперити» ряд важных отраслей народного хозяйства — сельское хозяйство, железнодорожный транспорт, угольная промышленность, текстильная, кожевенная и др. — находился в депрессивном состоянии. Так называемое хозяйственное процветание базировалось главным образом на автомобилях, рефрижераторах, радиоприёмниках и ещё на некоторых других предметах, сбыт которых обеспечивался широкой системой продажи в рассрочку. До поры до времени банкиры, строившие пирамиды, к услугам которых были и резервные и национальные банки, и правительство и конгресс, и биржа и пресса, ослепляли страну показным благополучием «просперити».

На фондовой бирже поддерживалась всеми средствами возбуждённая атмосфера. Банкиры устанавливали двоякие цены на акции: одни цены для «своих людей», другие — для идущих в капкан неосведомленных покупателей. В начале 1929 г., например, фирма Моргана купила 1 250 тыс. акций Аллеганской корпорации Ван-Сверингенов по 20 долл. за акцию, в то время как на бирже эти акции котировались по 31—35 долл. Часть акций Аллеганской корпорации Морган оставлял лично себе, своей фирме и одному из контролируемых им банков. Остальные он распределил по «особому списку». В списке числились фамилии руководителей крупнейших банков и трестов, а также видных государственных и политических деятелей. Президенты крупнейших нью-йоркских банков — Митчель и Вигин получили по 10 тыс. акций. Столько же досталось президентам Стального треста и «Дженерал Моторс». Среди политических деятелей «в особом списке» фигурировали казначей национального комитета республиканской партии Нэтт, председатель комитета республиканской партии штата Нью-Йорк Макхольд, председатель национального комитета демократической партии Раскоб, президент торговой палаты США Строун, морской министр Адамс, Чарльз Линдберг и др.[2]

---

[1] «Senate Reports» No. 1455, 73th Congress, etc., p. 385—386.
[2] «Hearings 73th Congress», etc., part I, p. 138—139.

В своём кругу по особому списку, как видно из материалов сенатской комиссии, распределялись также акции непосредственно моргановских компаний. Льготным тарифом воспользовался даже сам президент США Кальвин Кулидж, получив скидку в размере 30 тыс. долл. [1]

Подобные скидки считались вполне «законными». В Америке миллионы людей старались таким «трудом» зарабатывать деньги. Строители пирамид внушали населению, что страна вошла в такую стадию «просперити», когда масса людей может нажить некоторое состояние без труда, имея у себя только акции держательских компаний. Акции быстро повышались в цене. Их держатели «богатели». «Богатела» также страна. Официальная статистика прибавляла номинальную цену вздутых акций к национальному богатству. Неудивительно, что общественное мнение США так вяло реагировало на нефтяную панаму.

Спекулятивный бум охватил не только Нью-Йорк, но и главные города всех штатов. Больше всех нашумела и раньше других началась и кончилась горячка на юго-восточной окраине США — в Южной Флориде.

Южная Флорида — самая южная континентальная территория США. Ещё задолго до послевоенного «просперити» можно было встретить в воскресных приложениях к нью-йоркским газетам иллюстрации, показывающие, как в январе дети миллионеров купаются в тёплых водах, омывающих южные мысы Флориды. В годы «просперити» заговорили о том, что пришло время, когда не только миллионеры, но и миллионы американцев могут найти убежище от суровой зимы под яркими лучами флоридского солнца. Известные статистики подсчитали, что больше 15 млн. жителей США могут себе позволить зимний отдых во Флориде [2]. Историки вспомнили, что Понсе де Леон открыл Флориду на целый век раньше начала колонизации англичанами восточного побережья Северной Америки, что флоридский Санкт-Августин — самый старинный город на территории США.

Вся американская печать воспевает Флориду. Флорида рекламирует свой климат, зазывает туристов. Но Флорида — полуостров тропических зарослей, болот и аллигаторов, малярии и жёлтой лихорадки. Здесь бывают опустошающие наводнения и грозные ураганы. Курорты для богачей — маленькие оазисы на большом негостеприимном побережье.

Во Флориду потекли с севера капиталы — 450 млн. долл. за один 1924 г. [3] Развернулись осушительные работы, строились

[1] «Hearings 73th Congress» etc., part I, p. 220.
[2] «Current History», November 1925, p. 183.
[3] *A. Dana,* Prosperity Problems, p. 89.

курорты и гостиницы, парки и спортивные площадки, железнодорожные и автомобильные пути, сооружались аэродромы. В переписи 1925 г. южнофлоридские городки удвоили своё постоянное население по сравнению с переписью 1920 г.[1] Число постоянных жителей Майми, составлявшее 71 тыс. к началу 1925 г., превышало 130 тыс. в 1926 г.

В целях привлечения капитала в 1924 г. было принято добавление к конституции штата, запрещающее облагать капиталистов подоходным налогом и налогом на наследство. В то время в 46 из всех 48 штатов существовал местный налог на наследство. Цена на землю во Флориде повышалась с каждым днём. В 1819 г. США купили весь полуостров у Испании за 5 млн. долл. В 1925 г. одна его земля оценивалась больше чем в 5 млрд. долл.[2]

Газеты Майми призывают всех состоятельных граждан США обзавестись как можно скорее земельными участками в тёплой Флориде. Они побивают мировой рекорд по количеству анонсов. Они рассказывают, как за один 1925 г. было уплачено за земельные участки около 250 млн. долл., как один житель Флориды получил 40 тыс. долл. за маленький клочок земли, который 15 годами раньше, когда он овладел им, ничего ему не стоил; как участок земли в Санкт-Петербурге, купленный несколькими годами раньше за 400 долл., был продан в 1925 г. за 450 тыс. долл., и как покупатели, в свою очередь перепродав его, заработали на этой сделке больше 100%. Издатель маймских «Ежедневных новостей», бывший кандидат в президенты от демократической партии Кокс, выпустил в 1925 г. специальный номер газеты размером в 504 страницы, превосходя все рекорды в этом отношении.

«Все наши золотые, нефтяные и земельные горячки, — писал один распространённый американский журнал в 1925 г., — теряют своё значение по сравнению с людским потоком, двигающимся во Флориду со всех концов страны»[3]. Правда, этот поток далеко не оправдал рекламных прогнозов статистиков. Но в 1925 г. 1 250 тыс. туристов посетили Флориду.

Между Южной Флоридой и Южной Калифорнией завязалась борьба за доллар туриста: Калифорния пугала ураганами Флориды, а Флорида — землетрясениями Калифорнии. Спор разрешила разгневанная стихия: 18 сентября 1926 г. Атлантический океан обрушил на южную оконечность Флориды свирепый ураган. Тысячи домов были разрушены

[1] Население Тампы выросло за это время с 52 тыс. до 95 тыс., население Санкт-Петербурга — с 14 тыс. до 27 тыс., Орланда — с 9 тыс. до 22 тыс., а население Майми — с 29 тыс. до 71 тыс.

[2] «Current History», November 1925, p. 181.

[3] «Literary Digest», 24. X. 1925.

и изуродованы. Вышедшее из берегов озеро Окичоби смыло город Мур Хейвен. 400 человек погибло и свыше 6 тыс. было ранено.

Майми и другие пострадавшие курорты быстро восстановили разрушенное. Но Флорида прошла через высшую точку бума ещё до урагана. Уже в июле 1926 г. во Флориде закрылись 32 банка. Стихийные бедствия только ускорили неизбежный финал земельной лихорадки, основанной на фантазии тенденциозной статистики, что в капиталистической Америке 15 млн. человек могут себе позволить такую роскошь, как пользование южными курортами.

Вскоре после крушения спекулятивной горячки во Флориде хозяйственный подъём приостановился во всей стране. Во всех штатах в 1926 г. обанкротились 956 банков по сравнению с 612 в 1925 г. и 662 в 1927 г. Как и в 1924 г., депрессия оказалась кратковременной. Она напоминала частичный, промежуточный кризис, возвещая только о приближении неминуемой катастрофы. Вскоре в стране возобновился спекулятивный бум с новой силой. Но Флорида уже больше не оправилась.

Индекс промышленной продукции Федерального резервного управления, равнявшийся 115 в октябре 1926 г., упал до 101 в декабре того же года и до 96 — в декабре 1927 г. Ежемесячный выпуск автомобилей сократился в течение 1927 г. с 406 тыс. до 134 тыс. штук. Как в 1924 г., в августе 1927 г. Нью-Йоркский резервный банк, в соответствии с теорией основателей резервной системы, снизил учётную ставку с тем, чтобы добиться повышения товарных цен и оживления в производстве; и, как в 1924 г., политика резервных банков ввела в заблуждение государственных деятелей и руководителей хозяйства США.

Перепроизводство в целом ещё не достигло в 1927 г. таких размеров, чтобы вызвать в США очередной промышленный кризис. Хозяйственная конъюнктура после кратковременного падения, очевидно, повысилась бы и без снижения в августе 1927 г. учётной ставки с 4 до $3^1/_2$%. Половина процента этой ставки не могла произвести перелома в состоянии экономики. Операции с дисконтным процентом, совпавшие с повышением конъюнктуры, усилили авторитет резервной системы и влили новую струю горючего в огонь биржевой игры.

В январе и феврале 1928 г. известный американский профессор Джон Коммонс доказывал на страницах журнала «Норд Американ Ревью», что федеральное резервное управление всегда в состоянии понижением учётной ставки повышать цены на товары и повышением дисконтного процента понижать товарные цены, что опыт 1924—1927 гг. оправдал

пророчество изобретателей резервной системы. Коммонс пришёл к выводу, что «изменения учётной ставки подобны контрольным рычагам автомобиля», что резервные банки избавили навсегда промышленность США от кризисов и что, как только такой регулятор будет найден для сельского хозяйства, все социально-экономические проблемы Америки будут разрешены.

На фондовых биржах США наступили месяцы настоящей вакханалии. В 1914 г. на нью-йоркской бирже было продано всего 48 млн. акций. Через десять лет, в 1924 г., число проданных акций достигло цифры в 282 млн., в 1926 г. — 449 млн., в 1927 г. — 577 млн., в 1928 г. — 920 млн., а в 1929 г. — 1 125 млн. 1 декабря 1924 г. акции, котирующиеся на нью-йоркской бирже, оценивались в 27 млрд. долл., 1 декабря 1926 г. — в 37 млрд. долл., 1 декабря 1927 г. — в 49 млрд. долл., 1 декабря 1928 г. — в 66 млрд. долл., а 1 сентября 1929 г. — в 90 млрд. долл. Меньше чем за пять лет акции, котирующиеся на одной нью-йоркской бирже, увеличились в цене на 63 млрд. долл. Самые большие скачки вверх приходятся на полтора года — с марта 1928 г. по сентябрь 1929 г. За эти 18 месяцев акции «Вестингауз» выросли с 91 до 313 пунктов, «Дженерал Электрик» — с 182 до 396, а Американской радиокорпорации — с 94 до 549.

Официальные данные, опубликованные сенатской комиссией, показывают, что капиталы фирмы Моргана вместе с её филадельфийской конторой увеличились в 1928—1929 гг. на 47 млн. долл.[1] Сюда не входят биржевые прибыли подведомственных Моргану компаний. Одни биржевые операции, проделанные под руководством Моргана в 1927 г. держательской компанией «Электрических облигаций и акций», принесли, согласно данным Федеральной торговой комиссии, доход в 399 млн. долл. Ещё в марте 1926 г. газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что семья Меллонов получила в первые годы «просперити» 300 млн. долл. в виде биржевой прибыли только двух из многих её компаний — алюминиевой и нефтяной. Компаньоны банкирского дома «Диллон-Рид» ухитрились к концу «просперити» на акцию, которая им стоила 20 центов, поднять цену до 52 долл.[2]

Осенью 1928 г. на президентских выборах победил Герберт Гувер. Господствующая партия обещала ещё четыре года «просперити». Биржа показала новые «чудеса». За место на нью-йоркской бирже, которое стоило в 1914 г. 55 тыс. долл., в 1924 г. — 101 тыс. долл., а в 1927 г. — 305 тыс. долл., платили в конце 1928 г. 595 тыс. долл. Банкиры, совершая бан-

---

[1] «Hearings 73th Congress» etc., part 1, p. 22.
[2] Ibid., part 4, p. 1675—1677, 1685.

ковские фузии и строя пирамиды держательских компаний, выпускали на основе этих организационных «изобретений» миллионы новых акций. Покупатели с жадностью набрасывались на новые псевдоценные бумаги. Акции делились на десятки классов и серий. Объединённая газовая и электрическая компания, например, предлагала акции не менее 20 названий, в том числе ценные бумаги, «действительные до 1 января 2875 г.»

В 1929 г. биржевой ажиотаж превзошёл всякую фантазию. В ожидании больших прибылей в обещанные четыре года «просперити» цены на обыкновенные акции ряда фирм повышались на сотни процентов. Банки и тресты пустили в спекулятивные каналы свои свободные капиталы. Займы банков биржевым маклерам-брокерам выросли за годы «просперити» с 1 927 млн. долл. до 8 550 млн. долл. Между тем коммерческие краткосрочные банковские займы промышленности и торговли не обнаруживали за этот период сколько-нибудь существенных изменений.

По закону национальные банки не имеют права заниматься торговлей на фондовой бирже. Тем более им запрещается спекулировать собственными акциями. Их основная задача финансировать хозяйственные операции, завершающиеся в более или менее короткий отрезок времени. Но национальные банки легко обходят законодательство. Для этого при крупных национальных банках существуют так называемые «дочерние общества». При крупнейшем Нью-Йоркском банке, например, при «Нейшенел Сити банк» функционировал «Нейшенел Сити Компани», через которую президент этого банка Митчель продал в 1929 г. на бирже миллионы своих и чужих акций [1].

Отчёт сенатской комиссии утверждает, что в 1929 г. 33 крупнейших коммерческих банка США, в том числе нью-йоркские банки с депозитами в 1 млрд. долл. и выше, как «Нейшенел Сити» и «Гаранти трест», финансировали биржевые спекуляции. Не только банки, но и 20 крупнейших промышленных и других корпораций выбросили на биржу свои собственные капиталы. За один 1929 г. общие операции «Вифлеемской стальной корпорации» с брокерами, например, равнялись 539 млн. долл., морганавской «Компании электрических акций» — 867 млн. долл., операции рокфеллеровского «Стандарт-Ойл Нью-Джерси» исчислялись многими миллиардами. Займы этих трёх фирм брокерам в течение одного дня дошли соответственно до 157 млн., 188 млн. и 98 млн. долл. [2]

[1] «Hearings 72th Congress, etc., Second Session», part 6, p. 1880—1881.
[2] «Hearings 73th Congress» etc., part 14, p. 6324, 6334, 6370.

Ненасытная биржа требовала всё больше и больше денег. Процент на займы до востребования — на онкольные займы — дошёл до 20 [1]. Миллиарды долларов притекали на нью-йоркскую биржу из-за границы. Алжир и Египет экспортировали посильные им капиталы в Америку, чтобы участвовать в лёгкой наживе на Уолл-стрите.

При малейшей заминке на бирже, при пессимистическом высказывании какого-нибудь осторожного авторитетного лица следовало заявление Белого дома: «Хозяйство вполне здорово». Когда отдельные лица обращали внимание президента США на необходимость некоторого торможения биржевой оргии, Кальвин Кулидж отвечал: «Хватит законов, у нас их слишком много; хватит ограничений на цены и на прибыли предпринимателей».

Президенту вторила большая пресса: нет границ американскому «просперити»! Нью-йоркские и местные газеты подогревали страсти, помещая портреты артисток и стенографисток, которые нажили тысячи долларов на акциях.

В десятках крупных городов США народ кишмя кишел вокруг фондовых бирж. Не меньше 1 млн. человек специально занимались куплей и продажей ценных бумаг. Миллионы людей, которые раньше понятия не имели о фондовых операциях, проверяли каждый день биржевые сводки и подсчитывали выигрыши и потери, горячили себя акциями, как вином!

Лето 1929 г. идёт к концу. На биржах США разыгрывается трагический финал «просперити» 20-х годов. Колесница деловой Америки несётся наугад, в неизвестность.

III

НА ПОЛЮСЕ «ПРОСПЕРИТИ»

Из жизни богачей. Автомобиль и туризм. Небоскрёбы. Периодическая печать. Скриппс Говард и Херст. Крупнейшие нью-йоркские газеты. Реклама. Радио и кино. Спорт. Фундаменталисты и эволюционисты. «Обезьяний процесс». «Сухой» закон Врачи-шарлатаны. Ракеты.

За пять лет «просперити» цена бумаг, котировавшихся на нью-йоркской бирже, возросла на 63 млрд. долл. На эти миллиарды можно было купить много автомобилей, рефрижераторов, можно было построить много домов-небоскрёбов. Появилось немало новых миллионеров, а старые миллионеры

[1] «Hearings 73th Congress», part 14, p. 6317.

умножили своё состояние. Спустя некоторое время одни жестоко поплатились за азартную игру; другие проскочили сквозь «опасную зону». Пока что лёгкая нажива разожгла аппетиты новоиспечённых богачей. Колоссальные расходы на роскошь придали внешний лоск «просперити».

Число миллионеров выросло с 11 тыс. в 1923 г. до 42 600 в 1929 г. Число лиц с годовым доходом в 1 млн. долл. и выше увеличилось за это время с 74 до 513. Общий доход этих 513 человек равнялся в 1929 г. 1 212 млн. долл. В 1923 г. в США насчитывалось 4 богача с чистым доходом в 5 млн. долл. и выше; в 1925 г. — 14, в 1928 г. — 16, а в 1929 г. — 38. В 1923—1929 гг. 400 тыс. лиц, относящихся к категории богатых, увеличили свои доходы на 77%, из них 40 тыс. наиболее богатых — на 129%; 4 тыс. богатейших — на 207%, а верхушка, состоящая из 400 семейств крупнейших миллионеров Америки, — на 234%.

В 1928 г. в США на предметы роскоши было израсходовано 21 млрд. долл., а в 1929 г. одни расходы на шикарные автомобили, меховые и ювелирные изделия составили около 8 млрд. долл. «Жить на Парк-авеню, — писала одна американская газета в начале 1929 г., — это быть признанным представителем финансовой аристократии; семьи, у которых богатство стало таким же наследственным, как цвет глаз, живут на Парк-авеню. На этой богатейшей в мире улице живёт около пяти тысяч семей, которые тратят в среднем около 80 тыс. долл. в год каждая. Составляя около 0,3% населения Нью-Йорка, жители Парк-авеню тратят в 3½ раза больше в год, чем город истратил на нужды просвещения в 1928 г.» [1]

Известный американский историк Чарлз Бирд рассказывает, как поколением раньше, в 90-х годах прошлого века, когда крупные монополии только начали возникать, для дочери миллионера покупалось ожерелье за 600 тыс. долл., туалетный столик — за 65 тыс. долл., а театральный бинокль — за 75 тыс. долл. В 1937 г. в Нью-Йорке вышла книга Фердинанда Лендберга «Шестьдесят семейств Америки», которая описывает роскошь хозяев США в 20-х и 30-х годах XX в. Цитируя Бирда, Лендберг не без основания говорит, что по сравнению с нынешними богачами богачи прошлого поколения кажутся аскетами [2].

---

[1] «Kansas City Star», 7. I. 1929.

[2] Он рассказывает о миллионерше, носящей бриллиант стоимостью в 2 млн. долл., о частных приёмах, которые обходятся не менее чем в 250 тыс. долл., и об ожерелье, оцениваемом в 800 тыс. долл. Это ожерелье когда-то принадлежало Екатерине II, потом оно очутилось в Америке и было подарено дочери автопромышленника Доджа.

Американские богачи, подобно древнеримским патрициям, проводят много времени в ваннах. Обширные, роскошно убранные, обставленные радиоприёмниками и телефоном ванные залы и бассейны для плавания служат им часто местом, где они беседуют с друзьями и принимают доклады управляющих и секретарей. В имениях американских богачей насчитывается около тысячи бассейнов для плавания. Ванная-салон в пригородной вилле Самуила Инсула была облицована золотыми плитами. В вилле имеются залы старинных замков, целиком вывезенные Инсулом из Европы. Резиденция короля «жёлтой» прессы США — Херста, расположена на высоких калифорнийских холмах, в стороне от главной магистрали Сан-Франциско — Лос-Анжелос. Там, в богатом, окружённом колючей проволокой заповеднике, находится его Сен-Симонский замок. Сен-Симонское поместье простирается больше чем на 100 тыс. *га*. Херст — крупнейший землевладелец США. Его три ранчо имеют площадь в полмиллиона *га*. Он является также одним из пяти крупнейших владельцев недвижимости в Нью-Йорке. Имения Вандербильтов оцениваются в 125 млн. долл. Дворцы их имений оборудованы бассейнами для плавания, кинотеатрами, большими спортивными залами и залами для колоссальных органов. Имения семьи Дюпонов оцениваются не менее чем в 150 млн. долл. Количество прислуги Дюпонов превышает лейб-гвардию и обслуживающий персонал дворца английского короля. В штате Делавер расположено больше 20 поместий Дюпонов. В одном из них находится дворец из 150 комнат, в другом — почти из 200, с обслуживающим персоналом больше 100 человек, со специальным помещением для органа из 10 тыс труб, привезённого в 14 железнодорожных вагонах. Для вдувания воздуха в трубы органа приводится в движение мотор в 72 лош. силы. Обстановка некоторых зал в дюпоновских жилищах вывезена из европейских королевских дворцов.

Крупные богачи — Морганы, Рокфеллеры, Беккеры, Асторы и др. — имеют уже давно свой (запретный для посторонних) остров Джейкел Айленд, расположенный у берегов штата Георгия. Некоторые из них обзавелись также собственными островами. Моргану принадлежат острова около Нью-Йорка, у Лонг Айленда, автопромышленнику Коффину — у берегов Георгии, чикагскому капиталисту Риглею — у Калифорнийских берегов и т. д.

Крезы XX века считают необходимым иметь виллы и дворцы во Флориде, в Южной Калифорнии или на других тёплых берегах США. Морган имеет свои замки, кроме того, и в Англии.

Царь царей среди американских богачей — Рокфеллер живёт в поместье, простирающемся на 1 400 *га* на холмах Покантико в штате Нью-Йорк. Главное здание поместья построено в стиле Людовика XIV. Покантико напоминает маленькое царство, как владение Ватикана в Риме. Его управления имеют свою полицию, пожарную охрану, органы «общественных работ» и здравоохранения. Жилище Рокфеллера окружено высокой оградой, подступы к которой тщательно охраняются вооружённой охраной днём и ночью. На дорогах вокруг Покантико разъезжает частная полиция Рокфеллера в автомобилях, оборудованных специальными радиоаппаратами. Такими автомобилями пользуется частная полиция и других поместий для охраны от похитителей детей богачей.

«Феодальный замок» на Покантико соорудил основатель династии — старый Джон Рокфеллер. В 1926 г. там построили дом спорта и игр для его внуков и правнуков, стоимостью в полмиллиона долларов. В 1929 г. Джон младший решил перенести железную дорогу, проходящую близко от его усадьбы. Дорога была передвинута таким образом, что она проходит вдоль главной улицы городка Иствью. Только за снос домов в Иствью Рокфеллер уплатил 700 тыс. долл. Одно разведение садов в поместье Рокфеллера стоило 2 млн. долл., а их содержание обходилось в 500 тыс. долл. в год. Там собраны деревья, кусты и цветы со всех уголков земного шара. В нескольких километрах от имения расположена ферма. 35 породистых коров доставляют молочные продукты на стол Рокфеллера. У Рокфеллера свои лечебные залы и свой медицинский персонал. Умерший в мае 1937 г. 97-летний Джон пережил своих 20 лейб-врачей. Обслуживающий персонал поместья на Покантико состоит из 350 человек. Рокфеллеры имеют виллы также на северном и южном побережье США.

В предметы личного обихода железнодорожных, автомобильных и других королей США входят и яхты. Морган довольствуется одной яхтой, названной «Корсар», хотя его родословная полна «сухопутных» пиратов. Расходы на содержание «Корсара» доходят до 0,5 млн. долл. в год. Форд имеет 2 яхты, Меллон — 2, Гугенгеймы — 3, Вандербильты — 10, Форбсы — 13, а Дюпоны — больше 30. Некоторые частные яхты имеют на борту аэропланы, выбрасываемые в воздух с катапульта, как на военных кораблях. Некоторые архимиллионеры обзавелись в 20-х годах не только своими аэропланами, но и своими ангарами и аэродромами. Собственные железнодорожные салон-вагоны практикуются в Америке давно. Конюшни чистокровных породистых лошадей Дюпонов,

Вандербильтов, Фиппсов оцениваются в миллионы долларов. В гараже заурядного миллионера имеется, как правило, десяток роскошных автомобилей, зачастую сделанных по индивидуальному заказу. Некоторые из них оборудованы даже электрическими кухнями. В личных гаражах семей Дюпонов и Вандербильтов насчитывается больше чем по 500 легковых автомобилей.

Немало историков и беллетристов обрисовали яркими красками расточительство дворцовой знати при Людовике XVI и Марии-Антуанетте. Но все эти описания блекнут перед сухими фактами и цифрами, собранными в книге Фердинанда Лендберга. Состояние одного Рокфеллера к началу «просперити» (около 2,5 млрд. долл.) вряд ли уступает богатству всего Парижа и его окрестностей к концу царствования Людовика XVI.

Конечно, частная жизнь миллионеров не рекламируется в витринах. Что каждому бросалось в глаза в годы «просперити», что изменило внешний вид Америки и что больше всего обращает внимание посторонних наблюдателей, — это автомобиль. Число легковых автомобилей, курсирующих по штатам, увеличилось за первое послевоенное десятилетие в четыре раза. В 1929 г. в штате Нью-Йорк одна машина приходилась на каждые 5 человек, а в штате Калифорния — на каждые 3 человека. Правда, не каждый обладатель автомобиля был в состоянии вдоволь эксплоатировать свою машину. В 1928 г. содержание машины, не считая шофёра, гаража, страхования и налога, стоило в среднем 293 долл.[1] Да и миллионы машин имели жалкий вид. Но всё же по улицам больших городов и по главным дорогам страны беспрерывно двигались лимузины, которые поражали иностранцев, посещающих США. К концу 1929 г. в США числилось свыше 1 млн. *км* шоссейных дорог, из них около 125 тыс. — асфальтированных. Асфальтированные дороги протяжением в 50 тыс. *км* были построены только за период 1925—1929 гг. Эти десятки тысяч километров асфальтированных дорог, десятки миллионов автомобилей, 50 тыс. гаражей. 100 тыс. авторемонтных и автообслуживающих мастерских вместе с расставленными по всем городам, посёлкам и дорогам страны тремя сотнями тысяч бензиновых колонок служили главным обоснованием для разговоров о «просперити».

Автомобиль изменил в значительной степени весь уклад жизни широких слоёв американского населения. Он оказал своё влияние и на быт, и на мораль, и на общественную жизнь. Духовенство жаловалось, что увлечение автомобилем

[1] *A. Dana,* Prosperity Problems, p. 224.

резко сократило посещение церквей. Полиция утверждала, что автомобиль облегчил преступникам возможность скрываться. Автомобиль раздвинул границы городов, сломал барьер провинциализма, улучшил связь между штатами, между городами, между городами и фермами.

Туризм принял широкие размеры. Каждый штат демонстрировал свои достопримечательности, старался оборудовать гостиницы, лагери и другие удобства для туристов.

Больше всего туристов привлекали Южная Флорида и Южная Калифорния. Зимой 1925 г. во Флориде функционировало 178 туристских лагерей, рассчитанных на 600 тыс. человек. 60% посетителей Флориды и 40% туристов в Южную Калифорнию прибывали на автомобилях.

Столица Южной Калифорнии — Лос-Анжелос — больше чем удвоила своё население за десятилетие; она насчитывала в 1920 г. 576 тыс. жителей, а в 1929 г. 1 238 тыс. Бурный рост Лос-Анжелоса обязан не в малой степени не только туризму, но и кинопромышленности его пригорода — Голливуда. Климат Южной Калифорнии благоприятствовал и тому и другому. В Лос-Анжелосе бывает до 350 солнечных дней в году.

Говоря о туризме, отметим заокеанские путешествия американцев. В 1927 г., по данным департамента торговли США, американские туристы за границей израсходовали 800 млн. долл., а в 1928 г. — 900 млн. долл. — в 4—5 раз больше, чем до первой мировой войны. Состоятельные американцы, путешествуя по обнищавшей Европе, демонстрировали в Старом Свете богатство США. Но заграничные путешествия доступны сравнительно незначительному числу американских граждан. Многих американцев увлекали поездки по штатам — внутренний туризм, который своим развитием обязан больше всего автомобилю. Американская автомобильная ассоциация определила количество туристов, совершивших путешествия на автомобилях по штатам, в 36 млн. в 1926 г. и в 44 млн. в 1928 г. За 7 лет «просперити» — 1923—1929 гг. — США принесли на алтарь автомобиля 138 тыс. убитых и около 3,5 млн. искалеченных — в 10 раз больше пострадавших по сравнению с общим количеством жертв американской армии в первую мировую войну.

Наряду с автомобилем рекламой для «просперити» служило строительство. Национальный конвент 1928 г. стоявшей у власти республиканской партии больше всего щеголял успехами в области строительства, не останавливаясь даже перед опубликованием преувеличенных почти в два раза цифр. В программной речи конвента говорилось: «За последние 8 лет было построено 3 млн. новых домов, на которые

затрачивалось ежегодно около 4 млрд. долл., а всего свыше 30 млрд. долл. Это относится только к жилым помещениям»[1]. На самом деле, на жилищное строительство в 1921—1928 гг. было израсходовано только около 17 млрд. долл. Все строительные контракты за 7 лет «просперити» — 1923—1929 гг. — были заключены на сумму 68 млрд. долл., из коих на жилищное строительство приходилось 16,5 млрд. долл., а на строительство всех зданий — около 35 млрд. долл.[2]

Несмотря на большое строительство, процент домовладельцев в США почти не изменился. Согласно цензовым данным, в 1920 г. 53,2%, а в 1930 г. — 52,5% всех домов не принадлежало их обитателям. Цензу называет «домом» и нью-йоркский небоскрёб, и лачугу рабочего, и хижину фермера. В больших городах процент домовладельцев ничтожен. В главной части Нью-Йорка в Манхаттене, например, 98% всех домов арендуются[3]. Между тем из всех огромных затрат на строительство в годы «просперити» около 75% приходилось на города с населением не менее 25 тыс.[4], а 43% — на 14 крупнейших городов США с населением не меньше чем 500 тыс.[5] Из всего строительства жилых и других зданий в 534 городах США, имевших в то время какое-нибудь значение в строительном отношении, на долю Нью-Йорка приходилось в 1924 г. 23%, в 1926 г. — 26, в 1928 г. — 27, а в 1929 г. — 31%[6].

На один город Нью-Йорк падало в годы «просперити» больше $^1/_4$ стоимости строительства всех жилых домов, гостиниц, контор, складов, гаражей, школ, кинотеатров, фабричных и других зданий во всех более или менее важных городах страны и около $^1/_5$ всего этого строительства всех 48 штатов[7]. В 1925—1929 гг. число нью-йоркских небоскрёбов в 30 этажей и выше увеличилось с 16 до 63, в 40 этажей и выше — с 3 до 22, в 50 этажей и выше — с 2 до 8, в 60 этажей и выше — с 1 до 4.

С каждым годом высшая точка нью-йоркских сооружений поднималась, как Вавилонская башня, всё ближе к небу. И как будто бы для доказательства дальности границ высотного строительства решили соорудить 102-этажный «Эмпайр Стейт Билдинг». Но этот, самый высокий, нью-йоркский домбашня был готов уже после окончания «просперити».

---

[1] «New York Times», 13. VI. 1928.
[2] *A. Dana,* Prosperity Problems, p. 71.
[3] *L. Shaw,* The Hope of America, Boston 1927, p. 96.
[4] В строительной статистике 1929 г. таких городов было 311.
[5] *A. Dana,* Prosperity Problems, p. 71—74.
[6] «Commercial and Financial Chronicle», 31. I. 1931, p. 725.
[7] *A. Dana,* Prosperity Problems, p. 71, 74.

В годы президентства Кулиджа американская буржуазная печать унифицировала свою тематику. Она больше всего занималась тем, что на разные голоса воздавала хвалу «просперити». Даже те журналы, которые до войны специализировались на разоблачениях и приобрели известность описаниями злоупотреблений монополий, предпочитали сейчас печатать подробные подслащённые биографии «капитанов индустрии», сильных людей Уолл-стрита. Такие розово-либеральные журналы, как «Нейшен» и «Нью-Рипаблик», представляли лишь жалкое подобие разоблачительной литературы начала XX века. Унификация печати ушла настолько далеко, что во многих городах слились газеты республиканской и демократической партий. 26 августа 1928 г. нью-йоркский «Уорлд» утверждал, что в США можно насчитать тысячу городов, в которых раньше каждая из двух партий имела свой орган, а сейчас эти города обслуживаются газетами, выражающими одинаковые мнения или не имеющими никакого мнения. Сама «Уорлд» — главный орган демократов — словно в доказательство исчезновения разницы между обеими партиями, окончательно отказалась в годы «просперити» от своих демократических традиций, а затем и вовсе закрылась.

Количество газет, выходящих в крупных американских городах, сократилось по сравнению с довоенным временем. В 1914 г., например, в Нью-Йорке выходило 17 газет на английском языке, а в 1924 г. — 11. Чикаго сократило число утренних газет с 7 до 2, а Детройт, увеличив своё население в 5 раз, уменьшил за это время количество своих утренних газет с 3 до 1.

Всего в 1929 г. в США выходило 15 333 периодических издания, из них 2 086 ежедневных газет, общим тиражом в 42 млн.; 7 075 еженедельных, преимущественно местных, газет, тиражом в 19 млн. и 1 158 еженедельных журналов, тиражом в 34 млн.[1] Значительная часть этой периодики объединена в газетных трестах. К 1928 г. в Америке существовало 55 таких трестов[2]. Наиболее крупными из них считались Скриппс Говард и Херст. Скриппс Говард объединял около 30 газет. После войны 1914—1918 гг. эти газеты, считавшиеся ранее либеральными, принимали всё более реакционное направление. На выборах 1928 г. они стали на сторону Гувера.

Херст — одиозная фигура в Америке — прежде всего крупный горнопромышленник, но он известен как король

[1] «World Almanac», 1936, p. 372.
[2] «A Century of Industrial Progress», New York 1928, p. 225.

«желтой» прессы. Газеты — его орудие борьбы с противниками. После первой мировой войны Херст считал своим главным противником революционное и прогрессивное движение в США. Херст — высокий, сухопарый старик, с длинным лошадиным лицом и ледяными синими глазами. В 1929 г. ему исполнилось 67 лет. Его дед был миссурийский рабовладелец, его отец — калифорнийский золотопромышленник. В Херсте сочетались коварство и жадность, взгляды и методы, нравы и приёмы отца и деда. Обуреваемый манией величия, мечтами о славе, несбывшейся на выборах, он старается проложить себе путь через печать. Херсту принадлежало к концу 20-х годов больше 30 газет и больше 10 журналов с многомиллионным тиражом, телеграфные агентства и радиовещательные станции. Сотрудники Херста обыкновенно люди способные, но недобросовестные, наглые и циничные. Они больше всего гонятся за сенсацией. Они рассчитывают на грубые вкусы отсталых слоёв населения.

Крупнейшие нью-йоркские газеты, задающие тон в стране, — «Нью-Йорк Таймс» и «Нью-Йорк Геральд Трибюн» — представляют собой самостоятельные большие концерны. Первая близка к демократической партии, но имеет претензии на независимый тон. Вторая является главным органом республиканцев.

Число крупных газет уменьшилось, но их тираж и в особенности объём увеличились. По сравнению с довоенным временем размер нью-йоркских газет увеличился в 2—3 раза. 40 страниц в будни и 150 страниц в воскресный день — обычная норма «Нью-Йорк Таймс» и «Геральд Трибюн» Даже ежедневные газеты захолустных городов с населением в 40—50 тыс. человек начали в годы «просперити» считать своим стандартом 20 страниц[1]. Воскресные газеты крупнейших городов имеют десяток отделов: общеполитических обзоров, экономики и финансов, спорта и туризма, кино и театра, дамских мод, иллюстративный, юмористический и др Каждый отдел занимает по 10 и больше страниц. В херстовских и других «жёлтых» газетах бывают ещё отделы, заполненные скандалами и сплетнями местного высшего общества.

В годы «просперити» финансовые отделы больших газет, выросшие в 2—3 раза, широко афишировали операции Уолл-стрита. Один «Нью-Йорк Таймс» обслуживают больше 40 экспертов по вопросам финансов и биржи[2]. Ещё более тесная связь существует между главным органом республиканцев и крупнейшими банкирами. Правая рука Моргана —

---

[1] *A. Blumenthal,* Small Town Stuff, Chicago 1932, p. II, 182.
[2] *R. Weissmann,* The New Wall Street, New York 1939, p. 25.

Томас Ламонт — начал когда-то свою карьеру финансовым корреспондентом газеты «Трибюн», которая в 1924 г. слилась с газетой «Геральд». С тех пор объединённая «Геральд Трибюн» зорко стоит на страже интересов той финансовой клики, которая повелевает республиканской партией. Кроме того, Уолл-стрит имеет свою собственную газету — «Уолл-стрит джорнал», не считая журналов.

Объёмистые газеты и журналы зависят от объявлений. Доход от продажи газет в годы «просперити» покрывал только 30% расходов издательства. В 1928 г. газета «Детройтские новости», например, утверждала, что годовая стоимость одной чистой бумаги превышает на 1,5 млн. долл. поступления от продажи этой газеты. Объявления покрывают дефицит и приносят ещё солидную прибыль владельцам газет. В годовой бюджет крупной корпорации входит обычно больше 1 млн. долл. на объявления в ежедневных газетах [1]. 11 июля 1928 г. газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что в 1928 г. объявления обошлись стране больше чем в 1,5 млрд. долл., из них 800 млн. долл. было уплачено газетам. Реклама и объявления начали в 20-х годах занимать около половины места во многих газетах. Сам президент США восхищался рекламой [2].

Корпорации, помещая свои объявления и хорошо их оплачивая, естественно, отдают предпочтение тем газетам, которые выходят большим тиражом. Борьба за подписчиков — борьба за объявления, за существование газеты. В погоне за читателями газеты соревнуются в объёме, в количестве отделов, в детективных романах, в иллюстративном и юмористическом материале. Разница между газетами США, по выражению одного американского автора, — «не качественная, а количественная» [3].

Размеры газет увеличились в 20-х годах. Вместе с тем увеличилась разница между стоимостью производства и

[1] «A Century of Industrial Progress», p. 225.

[2] В конце 1926 г. Кулидж заявил: «Раньше считалось аксиомой, что душа торговли — это конкуренция. При современных методах более правильно было бы сказать, что душою торговли является реклама... Массовое производство возможно только там, где есть массовый спрос. Массовый спрос был создан почти исключительно путём развития рекламы» («New York Times», 28, X. 1936). Орган города Даласа штата Миннесота писал в 1926 г.: «Реклама — самое благородное, самое эстетическое, самое полезное из искусств. Она — служанка цивилизации и закваска прогресса». Через два года Калифорния превзошла Миннесоту. Одна её газета поместила такое откровение: «Реклама — божественного происхождения. Первым проявлением рекламы было появление радуги на небе... 10 заповедей, написанных Моисеем на каменных скрижалях, были божественной рекламой» («American Mercury», September 1926, p. 35; September 1928, p. 28).

[3] *S. Bent*, Strange Bedfellows, New York 1928, p. 199.

продажной ценой газеты. Уже одно это обстоятельство усиливало непосредственную зависимость всей прессы от капиталистических фирм. Недаром коллективная книга, изданная с предисловием Герберта Гувера, отмечала: «Горе той газете, которая в 1928 г. будет вести себя так же, как в 1914 г. или даже как в 1920 г.» [1]

Наряду с газетами и журналами в 20-х годах капиталистические фирмы начали широко пользоваться для рекламы радио и кино. Радиовещание в Америке, как и в Европе, — продукт третьего десятилетия нашего века. В 1930 г. в США числилось свыше 13 млн. радиоприёмников — примерно столько же, сколько во всех остальных частях земного шара, вместе взятых.

Кино появилось в Америке в конце прошлого века, но исключительного распространения оно достигло в 20-х годах XX века. В 1922 г. в США еженедельно в среднем продавалось 40 млн. билетов в кино, а в 1929 г. — 95 млн. В 1929 г. в США функционировало более 22 тыс. кинотеатров общей вместимостью в 11 млн. человек [2]. В 1928 г. президент ассоциации американских кинопромышленников утверждал, что США выпускают больше 85% мирового производства кинокартин [3]. Количество кинематографов в США удвоилось в 20-х годах, но за это же время число театров сократилось в 3 раза — с 1 500 до 500 [4].

Пожалуй, больше всего шума и трескотни создавалось вокруг спорта. К концу «просперити» считали, что в одно оборудование для игры в гольф вложено около 2 млрд. долл. или больше, чем во всю кинопромышленность и во все кинотеатры США. Поражение чемпиона тенниса Тильдена летом 1928 г. отодвинуло в газетах на второй план сообщения об итогах состоявшегося тогда национального конвента демократической партии, о ходе президентской кампании, гибели Амундсена и о других важных национальных и международных событиях.

Американцы практичны и деловиты. Актрепренёры спортивных состязаний сделали из этого вида развлечений столь крупный источник дохода и обогащения, что в нужное время они оказались в силах занимать главное место на страницах американских газет. Чемпионы бейзбола, футбола и бокса стали такими же известными в стране, как Форд или президент США. Подготовке к матчу знаменитых боксёров газе-

---

[1] «A Century of Industrial Progress», p. 228.
[2] «World Almanac» 1931, p. 240, 927.
[3] «A Century of Industrial Progress», p. 530.
[4] «Current History», July 1929, p. 590.

ты уделяли более внимания, чем готовившимся тогда первым трансатлантическим перелётам, используя при этом всю свою богатую технику разжигания любопытства. Все американские и международные состязания устраивались и рекламировались частными дельцами, превратившими спорт в крупный бизнесс. Драматические театры с каждым годом всё больше пустели и закрывались один за другим, а спортивные стадионы едва вмещали зрителей. Футбольный сезон в США продолжается всего около двух месяцев. За этот короткий срок в 1927 г. на футбольном состязании было продано 30 млн. билетов, за которые было уплачено 50 млн. долл., 5 октября 1928 г. газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что игра в бейзбол привлекла в один день на одном лишь стадионе больше 60 тыс. зрителей, уплативших за вход около 225 тыс. долл. Крупные футбольные стадионы насчитывают по 80 тыс. мест, но в дни «большой игры» их оказывалось недостаточно.

В 20-х годах американцы особенно сильно увлекались боксом. 2 июля 1921 г. публика уплатила 1 626 тыс. долл. за билеты на матч в Джерси Сити между чемпионом бокса США — Джеком Демпси и его французским соперником. В 1923 г. выступление Демпси собрало 1 177 тыс. долл., из которых 500 тыс. получил победитель состязания. Зрители платили больше 25 долл. за вход для того, чтобы видеть борьбу, длившуюся меньше 6 минут. Каждый раз «болельщики» съезжались со всех концов страны. На выставке 1926 г. в Филадельфии, устроенной в честь 150-летия независимости США, коронным номером считалось выступление любимого боксёра. Зрители уплатили 1 895 тыс. долл., из коих 700 тыс. долл. досталось Джеку Демпси. Рекорд был побит 22 сентября 1927 г. в Чикаго на матче Демпси с новым чемпионом — Теннеем. 150 тыс. человек уплатили за вход 2 650 тыс. долларов [1]. Несмотря на заинтересованность спортивных предпринимателей в высоких доходах, такой повышенный интерес к боксу им не удалось сохранить на достигнутом уровне даже до осени 1929 г., до конца «просперити».

Увлечение значительных слоёв населения, в частности молодёжи, автомобилем, туризмом и спортом всячески поощрялось и поддерживалось правящими кругами США при помощи печати, кино и других средств идеологического воздействия. Всё это должно было отвлечь народные массы от политики. Однако автомобиль, кино и спорт отвлекали

[1] 10 человек умерло от разрыва сердца в результате возбуждения, вызванного у них слушанием передачи этого матча по радио («World Almanac», 1928, p. 53).

молодёжь не только от политики, но и от церкви. Даже в фермерских районах, где влияние религии наиболее сильно, тысячи церквей были заброшены, свыше 1 050 — в одном только штате Огайо. Большая текучесть среди духовенства — верный признак неблагополучия в делах церкви. В некоторых штатах в течение одного года сменилось свыше 60% сельских пасторов [1].

Законодатели ряда штатов стали жаловаться, что христианские чувства, сдерживающие зависть бедных и укрощающие страсти имущих, заметно исчезают в народе, что над Америкой нависают «грозные тучи» и что это большое, пришедшее из-за океана зло. Иезуиты 20-х годов XX века в Новом Свете — фундаменталисты — взяли на себя миссию защиты библии в Америке. Огонь был направлен против сторонников дарвинизма, против теории эволюции, противоречащей первой книге Моисеева «Бытия».

Фундаменталисты, по словам их противников, располагали около 25 млн. приверженцев [2]. «Организованное невежество», как называли фундаментализм эволюционисты, щедро финансировалось старыми и новыми миллионерами, которым слово «эволюция» не пришлось в те годы по вкусу; оно как будто напоминало о неизбежном окончании «просперити», о возможных социальных изменениях. Богачи поддерживали долларами движение фундаменталистов. Один из столпов этого движения хвастал, что фундаментализм финансируют 500 «выдающихся» американцев в 20 решающих штатах [3].

Огромные размеры приняло антиэволюционистское движение на Юге. Потомки рабовладельцев опасались, что раз учёные осмеливаются доказывать происхождение американского англо-сакса от африканской обезьяны, тем с большей лёгкостью, возможно, наука докажет происхождение белого американца от африканского негра. В южных штатах в помощь фундаменталистам формировались «библейские крестоносцы» и другие боевые организации. Вопросы биологии, проблемы происхождения жизни на земле, происхождение человека и пр. решались голосованием в законодательных собраниях некоторых штатов. Подобным же голосованием подтверждалась достоверность потопа, раздел моря жезлом Моисея и другие библейские предания.

В 6-й статье конституции заатлантической республики сказано: «Никакое вероисповедание никогда не будет требоваться, как квалификация для занятия какой либо должности или для исполнения общественной обязанности в США».

[1] «Current History», December 1926, p. 343, 345.
[2] Ibid., p. 340.
[3] «Current History», September 1926, p. 897.

Спустя 130 лет после принятия федеральной конституции власти ряда штатов начали преследовать учителей и профессоров за атеистические взгляды или религиозные убеждения, не соответствующие взглядам фундаменталистов.

К середине 20-х годов законы, обязывающие ежедневное чтение библии в школах, существовали в 11 штатах. В марте 1925 г. в штате Теннеси вошёл в силу закон, считающий уголовным преступлением преподавание «любой теории, отрицающей божественное происхождение человека в соответствии с библией». Через год аналогичный акт приняло законодательное собрание в штате Миссисипи, а обе палаты штата Флориды единодушно приняли решение, осуждающее преподавание дарвинизма или «любой гипотезы, связывающей человека кровным родством с низшей формой жизни». В штате Кентукки преподаватели высшей школы были уволены по подозрению в сочувствии эволюционной теории развития. В Техасе власти, признав «книгу Бытия» более авторитетной по вопросам происхождения человека, чем «Происхождение видов» Дарвина, приказали вычеркнуть из учебников биологии всё то, что имеет отношение к теории эволюции [1].

Фундаменталисты активизировались не только на Юге, но и на Западе; в частности, в Канзасе они сожгли книгу, содержащую рассуждения об эволюции. Антиэволюционные законопроекты были в течение одного года внесены в законодательные собрания 14 штатов [2]. Старый лидер демократической партии Вильям Брайан требовал принятия подобных законов в каждом штате. Незачем, по его словам, искать в книге Дарвина то, что тысячи лет назад было объяснено в книге Моисея. Другой вождь фундаментализма — Джон Стратон — заявил: «Лучше уничтожить все школы, чем разрешить преподавание теории эволюции и тем подорвать веру в библию» [3]. Третий призывал снять «языческую статую Свободы у входа в Нью-йоркскую гавань и воздвигнуть на её месте статую Иисуса Христа» [4].

Фундаментализм дошёл до апогея в нашумевшем во всём мире «обезьяньем процессе» в Дейтоне. Дейтон — маленький городок, расположенный в районе фруктовых садов в долине реки Теннеси. В течение трёх недель это захолустье было в центре внимания мировой печати; туда прибыло свыше 100 газетных корреспондентов.

Летом 1925 г. молодой учитель биологии в Дейтоне Джон Скопс высказал мысль, что принятый законодательным

[1] «Literary Digest», 14. VIII. 1926, p. 30.
[2] «Current History», March 1928, p. 801.
[3] «Current History», September 1926, p. 895.
[4] «Current History», December 1926, p. 341.

собранием штата Теннеси антиэволюционный билль противоречит конституции и ограничивает свободу мысли и преподавания. Скопса арестовали. Во всех штатах разгорелись дебаты. В современной Америке ожил старинный вековой спор между рационализмом и католицизмом, который сейчас называли спором между модернизмом и фундаментализмом. Модернисты — не атеисты. Они только хотели примирить библию с наукой, рассуждая, что не всё, сказанное в книге «Бытия» следует понимать буквально. Фундаменталисты твердили, что верующие эволюционисты хуже агностиков и открытых безбожников, что модернисты являются «внутренними» более опасными врагами христианства.

Открывшийся 9 июля 1925 г. процесс в Дейтоне принял характер борьбы между наукой и религией.

Брайану, обвинителю на этом процессе, исполнилось 65 лет. На рубеже XX века он считался апостолом демократической партии. Он три раза неудачно баллотировался в президенты США. В правительстве Вильсона он два года занимал пост государственного секретаря; потом, будучи в отставке, он стал блюстителем чистоты христианства в Америке. Человек, которого прозвали «Демосфеном западных штатов», когда-то беспощадный критик нью-йоркских банкиров, сделавшись на старости оплотом мракобесия, врагом прогрессивных учений, ненавистником теории эволюции, сам служил живым образцом той эволюции, которую демократическая партия проделала в эпоху империализма в Америке.

На процессе в Дейтоне Брайан взял на себя миссию прокурора. Нью-йоркское общество защиты гражданских свобод послало в качестве защитника Скопса крупнейшего американского криминалиста Дарроу. Мировая пресса сосредоточила своё внимание на словесных состязаниях Дарроу с Брайаном. Высшей точки напряжения процесс достиг на 11-й день, 20 июля, когда Дарроу с библией в руках задал Брайану несколько вопросов, касающихся священного писания.

Общественное мнение в Америке оценивало поединок как победу Дарроу, хотя дейтонские судебные заседатели осудили Скопса. Брайан тяжело переживал поражение. Человек, который в течение 10—15 лет находился в числе полудюжины самых известных людей в Америке, о котором во время трёх президентских кампаний знал весь культурный мир, понял, как неудачно он провёл своё последнее публичное выступление. Брайан оставил суд разбитым и разочарованным. Напрягая последние усилия, больной Брайан написал автобиографический очерк, в котором старался доказать, что он не был невежественным и необразованным человеком, как его охарактеризовал публично Дарроу. Через 6 дней после горячей

схватки с Дарроу, 26 июля, не покидая Дейтона, Брайан скончался.

Со смертью Брайана движение антиэволюционистов перешагнуло через свой кульминационный пункт. Насмешки в Америке и Европе над «обезьяньим процессом» и над «гибелью на посту» его прокурора содействовали постепенному отсеву, начавшемуся в рядах фундаменталистов. Но ревнители религиозной морали продолжали кампанию в штатах.

Спустя четыре года после процесса в Дейтоне фундаменталисты добились увольнения профессора биологии Дея в штате Алабама. «Дей позволил себе сказать студентам, что существование ноева ковчега и пребывание Ионы во чреве кита не нужно понимать в буквальном смысле» [1].

Большой «вклад в науку» сделал в начале 1928 г. сенатор Гефлин из Алабамы, который претендовал на то, что его «открытие» является «абсолютным доказательством лживости теории эволюции». Он «доказал», что ни одна обезьяна «в зоологических парках в течение столетий не принесла ни одного потомка, который развился бы в человеческое существо» [2].

К концу «просперити» в центре споров о морали стоял «сухой» закон. Когда развернулась президентская кампания 1928 г., антиалкогольное добавление к конституции США служило главной темой предвыборной дискуссии. Когда Кулидж расстался с Белым домом, «сухому» закону в Америке шёл десятый год. Итоги десятилетнего эксперимента оказались весьма безотрадными.

Смерть от алкоголя на 100 тыс. человек населения США увеличилась с 1 в 1920 г. до 4 в 1928 г. В особенности выросла эта цифра в больших городах. В 1920 г. в Нью-Йорке умерло от алкоголя 98 человек, а в 1929 г. — 909 [3]. Данные полиции 534 городов показывали 282 тыс. арестованных пьяных в 1920 г. и 664 тыс. в 1926 г. [4]

В мае 1929 г. новый президент США создал комиссию из 11 человек во главе с Викершемом по обследованию действий «сухого» закона. Комиссия, проработав около двух лет, пришла к выводу, что закон не соблюдается. Эксперт комиссии Феррестер утверждал, что количество нелегальных пивных и трактиров в США в три раза больше, чем тогда, когда они были легальны, что контингент потребителей алкоголя увеличился после издания «сухого» закона. «Многие женщины, которые не пили опьяняющих ликёров до запрещения потребления алкоголя, пользуются сейчас крепкими

[1] «Nation», 16. XII. 1929.
[2] «American Mercury», November 1928, p. 50.
[3] «World Almanac», 1931, p. 453, 563; «New York Times», 30. XI. 1930.
[4] «Current History», April 1928, p. 7.

напитками, и молодые люди обоих полов пьют сейчас больше, чем раньше [1].

В отчёте комиссии Викершема говорится, что с каждым годом растёт производство самогона, который в Америке называют «ликёром лунного сияния». Исключительное место занимает контрабандный алкоголь, который доставляется всеми видами сухопутного, морского и воздушного транспорта. Контрабандисты имеют свои радиостанции, своих тайных агентов и содержат своих людей в специальной полиции по борьбе с нарушителями «сухого» закона. Сама эта полиция отличается своей продажностью и взяточничеством. В некоторых районах работают нелегально крупные винокуренные предприятия, выпускающие массовую продукцию. Действительных хозяев таких заводов трудно найти. В случае ареста рабочих этих предприятий их семьи обеспечиваются владельцами [2].

Любопытные сведения дал в 1926 г. главный комиссар по соблюдению «сухого» закона полковник Андрес в своём отчёте комиссии сената. Правительство, по словам Андреса, конфискует не больше 5% импортного алкоголя, 95% проходят контрабандой через все преграды и потребляются в стране. В США имеется 1 620 тыс. самогонных аппаратов. Больше полумиллиона человек занято перегонкой крепкого спирта, и 2 млн. человек занимаются контрабандой и перевозкой алкоголя [3].

Между тем до введения «сухого» закона в США функционировало всего 34 завода для перегонки спирта, на которых было занято 1 380 человек. Конечно, эти заводы оперировали в несравненно более крупных масштабах, чем тайные предприятия. Но и нелегальные установки достигали значительных размеров. Весною 1926 г. в штате Оклагома, например, был раскрыт крупный винокуренный завод, находившийся на глубине 250 футов под землёй. Там оказались чаны для спирта, ёмкостью в 40 тыс. галлонов, электрические насосы, лифт и тайно проведённые трубы от городского водопровода [4].

Спекуляция спиртными напитками охватила различные слои населения во всех штатах. 15 тыс. врачей и 57 тыс. фармацевтов добились вскоре после принятия «сухого» закона разрешения на получение спирта от государства для медицинских и промышленных целей. Львиная доля этого спирта отправлялась в подпольные кабачки, которые получали также

---

[1] «Current History», March 1931, p. 811.

[2] «Text of the Wickersham Commission Report on Prohibition».

[3] «World» 30 сентября 1928 г. Андрес также указал, что из 875 провинившихся людей в его аппарате 121 были уволены за взятки, 61 — за соучастие в алкогольном деле, а 187 — за дебоши в пьяном виде.

[4] «American Mercury», May 1926, p. 47.

спирт нелегально непосредственно с заводов. Перед правительством встала задача борьбы с нелегальным сбытом алкоголя оставшимися крупными винокуренными заводами, растущими производством спиртных напитков во всей стране и контрабандой на протяжении 18 тыс. миль сухопутных и морских границ США. Согласно донесению властей, в 1925 г. 322 корабля занимались доставкой запретного алкоголя в США. Одни эти корабли были в состоянии импортировать столько же крепких напитков, сколько страна потребляла до принятия «сухого» закона [1]. Известные контрабандные операции у берегов Северной Америки в XVIII веке показались мизерными по сравнению с контрабандой третьего десятилетия XX века. После принятия XVIII добавления к конституции США экспорт спиртных напитков из Англии в Канаду увеличился больше чем в 5 раз, в Мексику — в 8 раз, на Кубу — в 17 раз, на Бермуды — в 43 раза, а на Багамские острова — больше чем в 400 раз [2].

XVIII добавление к конституции не только не убавило, но, наоборот, увеличило аппетиты к крепким напиткам в Америке. Уже на пятом году существования «сухого» закона в стране потреблялось, согласно оценке экспертов, примерно в два раза больше спиртных напитков, чем до принятия этого закона [3].

Никакие репрессии не помогали. В 1929 г. было арестовано около 67 тыс. спекулянтов алкоголем. В том же году в стычках с нарушителями «сухого» закона было убито и ранено 100 полицейских агентов [4]. За нарушение «сухого» закона никто не мог избежать наказания. В 1926 г. в штате Георгия 84-летний старик, бывший солдат конфедеративной армии во время гражданской войны между Югом и Севером, был приговорён к шести месяцам работ в каменноугольной шахте и к штрафу в 500 долл. за нарушение закона о спиртных напитках [5]. В 1927 г. южнокалифорнийский университет ввёл в программу обучения курс по проведению в жизнь закона, запрещающего потребление алкоголя. Но ничто не помогало. Правительство оказалось не в силах заставить население соблюдать «сухой» закон.

На первых порах конгресс ассигновал на борьбу с нарушением XVIII добавления к конституции 6 млн. долл. в год, потом эта сумма выросла до 13 млн. В конце 1928 г. конгресс

---

[1] «North American Review», June — August 1925, p. 594.
[2] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», September 1923, p. 153.
[3] «North American Review», June — August 1925, p. 595.
[4] *C. Merz*, The Dry Decade, New York 1931, p. 331.
[5] «American Mercury», May 1926, p. 44.

обсуждал вопрос об ассигновании ещё 256 млн. долл. Сенат даже одобрил это ассигнование. Комиссар по соблюдению «сухого» закона доказывал комиссии конгресса, что эффективная борьба с нарушением XVIII добавления должна стоить федеральному правительству не менее 300 млн. долл. в год. Напомним для сопоставления, что расходы США на армию в 1928 г. составили 400 млн. долл.

Со временем всё большие круги населения, разочарованные в «нравственной» затее, начали выступать за отмену «сухого» закона. Господствующей республиканской партии неудобно было признать провал эксперимента. «Сухой» закон, войдя в силу вопреки вето Вильсона, кумира демократов, принял политическую окраску, стал с самого начала партийным вопросом. Отказ от запрещения потребления алкоголя означал бы прежде всего моральное поражение республиканцев и победу демократов. Несмотря на дискредитацию «сухого» закона, он продолжал существовать, как часть основного закона США, пока республиканская партия оставалась у власти в Вашингтоне. Лишь с поражением республиканцев было бесславно погребено XVIII добавление; оно было отменено специальным XXI добавлением к конституции США.

На всём протяжении 20-х годов «сухой» закон содействовал развитию взяточничества и бандитизма в Америке. Коррупция распространялась, как злокачественная опухоль. Торговцы алкоголем, поставленные вне закона, создали свои собственные законы; они также имели блюстителей своих законов. Осенью 1928 г. один известный американский журнал, сообщая, как соблюдается «сухой» закон в Филадельфии, писал: «За исключением двух случаев, каждый крупный политический чиновник получает подарки от главарей контрабандистов, которые, например, подарили на рождество 250 тыс. долл. охране общественной безопасности. Взятки за год составляют, по самым минимальным подсчётам, 2 млн. долл. Как и в других городах, вооружённые шайки работают здесь в качестве частной полиции спекулянтов алкоголем. Они совершают расправу над другими бандитами, используя при этом пулемёты. Вооружённые шайки образовали свой собственный суд для решения споров между отдельными соперничающими группами, в котором учёные юристы выступали в качестве истцов и защитников» [1].

Ещё задолго до «сухого» закона Америка шла впереди Европы по количеству преступлений. Во втором десятилетии XX века число убийств в США на каждые 100 тыс. жителей было в 2 раза больше, чем в Италии, в 8 раз больше, чем в

[1] «New Republic», 26. IX. 1928, p. 141.

Испании, в 9 раз больше, чем в Англии, и в 36 раз больше, чем в Швейцарии. На пятом году существования «сухого» закона число убийств по отношению к численности населения выросло в полтора раза по сравнению с предшествовавшим десятилетием [1]. Нигде нет столько профессиональных преступников, сколько в Америке. Один из крупнейших американских криминалистов утверждал в 1925 г., что в США разгуливает на свободе 135 тыс. убийц [2]. Громадное количество убийств в США не снижалось на всём протяжении 20-х годов. То же самое относится и к грабежам. Столица США с её 450-тысячным населением насчитывала в год гораздо больше грабежей, чем английская столица с её 8-миллионным населением, а один город Лос-Анжелос — больше, чем вся Великобритания [3]. Не отстают от Лос-Анжелоса Сен-Луи, Детройт и даже другие, менее крупные города, не говоря уже о Нью-Йорке и Чикаго. Материальный ущерб, наносимый преступниками населению США в течение одного года, оценивался в середине 20-х годов в 10 млрд. долл. Через 10 лет специалисты утверждали, что преступления обходятся стране минимум в 12 млрд. долл. в год, или примерно во столько же, сколько составлял весь национальный доход Германии в 1925 г. [4]

В 1929 г. американская печать сообщала о заговоре врачей-шарлатанов. Врачи крупных городов и целых районов, сговорившись между собой, продлевали болезни, производили ненужные операции, рекомендовали друг друга больным и делили между собой доходы, превратив благородную профессию в источник преступной наживы. Во многих городах страны, по утверждению сведущих лиц, не менее 90% всех операций производилось хирургами — участниками этой мошеннической шайки [5]. В некоторых клиниках смертных случаев от операций, произведённых рекомендованными местными «талантами», оказалось в 5—10 раз больше нормального количества [6]. Честных врачей выживали, создавали им дурную репутацию. Известный американский профессор 79-летний доктор медицины Болдуин уверял в 1929 г., что во многих городах США честный врач — феноменальное явление [7].

---

[1] «Current History», January 1926, p. 470.
[2] «Current History», October 1925, p. 2.
[3] «Current History», January 1926, p. 470.
[4] «Current History», October 1925, p. 1; «New York Herald Tribune», 13. X. 1935; «American Economic Review», No. 1, 1930, p. 23.
[5] «Current History», September 1929, p. 1022.
[6] Ibid., p. 1021.
[7] Ibid., p. 1023.

Рекорды убийств, грабежей и вымогательств в годы «просперити» шли в ногу с ростом социальных контрастов в Америке. «Сухой» закон внёс и в это дело свою лепту, он оживил деятельность бандитских шаек, знаменитых американских «гангов» и «ракетов». В особенности отличилось Чикаго. В этом трёхмиллионном городе организация гангстеров пользовалась «экстерриториальностью», орудовала как государство в государстве. Чикагский король контрабандистов Аль-Капоне стал «легендарной» фигурой в Америке. Представители власти оценивали доход «ракета» Капоне в 60 млн. долл. в год. Ставка Капоне находилась в предместье Чикаго — в Цицеро. Капоне превратил Цицеро в свою вотчину, посадил там своего мэра и подчинил себе местную полицию. Он имел также богатую резиденцию в Майми во Флориде. По улицам Чикаго Капоне разъезжал в бронированном автомобиле, эскортируемом вооружёнными отрядами. В театре его окружали полторы дюжины вооружённых телохранителей.

Чикагские «ракеты» насчитывали тысячи людей [1]. «Ракеты» были вооружены пулемётами. В годы «просперити» в Чикаго неоднократно происходили уличные перестрелки из ручных пулемётов между сторонниками и противниками Капоне. В мае 1926 г. в Цицеро на автомобиль, в котором находился помощник прокурора штата и два его спутника, посыпался град пуль из пулемёта. Все трое были убиты. Помощник прокурора был заранее извещён гангстерами, что он ими осуждён на смерть. С начала 1926 г. до этого инцидента чикагские гангстеры учинили расправу ещё над 20-ю намеченными жертвами [2]. В том же году соперники Капоне повели атаку на его главную квартиру в Цицеро пулемётным огнём с восьми автомобилей. За 15 месяцев, с конца 1927 г. до 1929 г., в царстве Капоне, в районе Чикаго, было брошено 150 бомб, но никто не был привлечён к ответственности.

Чикаго — не исключение. «Нью-Йорк, — утверждала американская печать в 1926 г., — охвачен такой же волной преступлений. Чикаго и Нью-Йорк, ввиду их большого и разношёрстного состава населения, наиболее подходящие места для беззаконных действий. Но многие города меньшего масштаба насчитывают не меньше преступлений пропорционально их населению и размерам [3]. Власти беспомощны. 18 тыс. полицейских Нью-Йорка признают своё бессилие в борьбе с «гангами».

---

[1] «Current History», September 1929, p. 1001.
[2] «Literary Digest», 15. V. 1926, p. 12.
[3] Ibid., p. 13.

В чём заключается «таинственная» сила «ракетов»? Как понять, что на территории современной Америки свободно оперируют средневековые пираты, вооружённые современной техникой? Такие события, как атака 1926 г. в Цицеро и как 150 безнаказанных взрывов за 15 месяцев в Чикаго, не могут происходить без молчаливого благоволения законных властей. Власти молчат потому, что «ракеты» сплошь да рядом связаны с местными партийными боссами. Историки «ракетов» рассказывают, что «ракеты» служат с давних времён тайной вооружённой силой партийных аппаратов [1].

Известный чикагский криминалист профессор Барджес, говоря об «определённой общности интересов между гангстерами и политиками», указывает: «Первичные выборы иллюстрируют взаимные услуги: политик обеспечивает защиту или иммунитет от преследования, а гангстер — явку людей как для правильного, так и для подтасованного голосования» [2].

Сделки между гангстерами и политиками совершаются за закрытыми дверями. Только в особых случаях партнёры показываются совместно на людях. «Интимную картину дружбы политика и бандита обнаруживают похороны гангстеров; политик и гангстер стоят плечом к плечу молча, отдавая последнюю дань внезаконному, но как будто популярному герою» [3].

«Ганги» и «ракеты», автомобиль и туризм, кино и бокс, «сухой» закон и «обезьяний процесс», роскошь богачей и рост преступлений — таков один из полюсов «просперити».

IV

НА ПРОТИВОПОЛОЖНОМ ПОЛЮСЕ

Процент бедных в Америке. Безработица в годы «просперити». Продажа ферм с молотка. Диференциация фермерства. Прожиточный минимум и заработная плата. Учитель и школа. Борьба углекопов Сакко и Ванцетти. Забастовки текстильщиков. Истые англо-саксы на южных фабриках. События в Гастонии. Линчевание негров. Вымирающие индейские племена. Участь рабочих банков и рабочих акций.

Автор учебника по истории США Карман рассказывает, что даже в дни наиболее высокого хозяйственного подъёма, в лучшие месяцы 1929 г., три четверти американских семейств не имели достаточного дохода, чтобы позволить себе сносное питание, а обильный стол не был доступен девяти десятым

[1] «New York Times Magazine», 27. IV. 1930.
[2] «Current History», September 1929, p. 1004.
[3] Ibid.

всех семейств страны [1]. Сенатская комиссия 72-го конгресса, работавшая под председательством Лафоллета, констатировала, что в 1927 г. 35,3% населения США бедствовало, 18,5% находилось в крайней нужде, хорошо жило только 8,4%, а роскошно — лишь 1,7% населения. В конце 1929 г. министр труда США Девис заявил, что к бедному населению страны следует отнести 86% американцев.

В декабре 1929 г. бюро труда США оценивало годовой прожиточный минимум средней рабочей семьи в различных промышленных районах страны колеблющимся от 2 069 до 2 544 долл. В том же году среди самодеятельного населения США 15 473 тыс. человек имели заработок меньше 1 тыс. долл. Каждый американец в группе лиц с годовым доходом в 1 млн. долл. и больше заработал в 1929 г. в среднем столько же, сколько 3 822 человека в группе с заработком ниже 1 тыс. долл.

На всём протяжении 20-х годов число безработных в Америке исчислялось миллионами. По исчислениям Бюро труда США, в 1927 г. в стране было 4 млн. безработных [2]. Пока продолжалось «просперити», в правительственных и капиталистических кругах принято было считать безработицу не существующей. Генри Форд даже заявил весной 1928 г. в Лондоне, что в США число безработных, возможно, доходит до 5 млн., «но это всё люди, которые не хотят работать» [3].

До начала 30-х годов правящие круги Вашингтона игнорировали проблему безработицы. Фермерскую проблему они вынуждены были признать в самом начале 20-х годов. В течение всего периода «просперити» положение фермерского хозяйства внушало тревогу конгрессу. Фермерское население составляло в 1929 г. меньше 25% населения США и примерно 1,5% населения земного шара. Эти $1^1/_2$% обитателей нашей планеты производили в 20-е годы около 65% мирового производства кукурузы, около 55% хлопка, 30% табака, 30% овса, 20% пшеницы, 15% ячменя, 10% шерсти, 25% свинины, 30% домашней птицы и 10% говядины. Большинство производителей этих продуктов испытывало нужду. Многие из них нищенствовали.

Наступивший в 1920 г. экономический кризис принял в главных фермерских районах хронический характер. Ножни-

---

[1] *H. Carman,* History Currents in Changing America, Chicago 1938, p. 688.

[2] «Новейшие изменения в экономике США», т. II, Москва 1930, стр. 56.

[3] «Times», 7. IV. 1928.

цы, образовавшиеся между ценами на товары, продаваемые и покупаемые фермерами, продолжали в тех или иных размерах существовать на всём протяжении периода «просперити». В 1929 г., чтобы приобрести такую же обувь, как в 1914 г., фермер должен был продавать пшеницы в два раза, а картофеля в три раза больше, чем до войны.

Движение населения из деревни в город приобрело вид бегства с ферм. Программная речь, произнесённая на национальном конвенте демократической партии 1928 г., констатировала: «Миллионы ферм покинуты, 2 млн. человек были изгнаны экономической нуждой в течение одного года. Молоток аукционера, уничтожающего фермерские земли, бьёт на западе, как непрерывная канонада великих сражений» [1]. Весной 1929 г. американские газеты и журналы писали, что на фермах продаются с аукциона лошади по 1 долл. и сельскохозяйственный инвентарь за $^1/_{10}$ его стоимости [2]. Количество ферм, проданных с молотка за неуплату налогов и долгов, было в 1928—1929 гг. в 5,5 раза больше, чем до первой мировой войны. В пшеничном штате Монтана число ферм со времени вступления США в мировую войну до 1929 г. сократилось больше чем наполовину. Во всех штатах только за последние 4 года «просперити», 1926—1929 гг., 8 млн. человек покинули фермы. Несмотря на то, что в деревне рождаемость несравненно выше, чем в городе, удельный вес фермерского населения в стране сильно упал. Так, в 1920 г. фермеры составляли 30%, а в 1930 г. — меньше 25% населения США.

Задолженность фермеров была в 1928 г. в три раза больше, чем в 1914 г., достигнув 12 млрд. долл. [3] По вычислениям, сделанным на основе данных департамента сельского хозяйства США, к 1929 г. эта задолженность равнялась одной трети стоимости всей фермерской собственности в Америке [4]. Многие фермеры задолжались в военные годы, когда цены были высоки. Потом, для того чтобы выплачивать ту же сумму долга, приходилось продавать в два-три раза больше продуктов, чем тогда, когда фермер приобретал землю и инвентарь в кредит. В главных фермерских штатах, являющихся житницей США, цена на фермерскую недвижимость была в 1929 г. на 40% ниже, чем в 1920 г.

Однако при всех перечисленных неблагоприятных условиях продукция сельского хозяйства продолжала расти. Средний

---

[1] «World», 27. VI. 1928.
[2] «North American Review», April 1929, p. 482.
[3] «Current History», November 1928, p. 267.
[4] «North American Review», April 1929, p. 484.

урожай за 1925—1928 гг. был на 16% выше среднего урожая 1919—1922 гг. Богатые фермеры приспособились к новым условиям и получали прибыль, несмотря на снижение сельскохозяйственных цен. Остроту затяжного послевоенного аграрного кризиса ощущала масса мелких фермеров. После войны усилился присущий капиталистическому сельскому хозяйству процесс дифференциации, процесс вытеснения менее производительных, менее интенсивных и мелких хозяйств более производительными, более интенсивными и крупнокапиталистическими фермами.

К концу 20-х годов немногим больше 1% фермеров принадлежало 28% всей фермерской земли под фермами. Среди них в 1925 г. числилось 7 455 самых крупных ферм с владениями в 2 тыс. *га* и выше. В 1929 г. 49% всех американских фермеров считалось мелкими. На их долю приходилось всего 14% общего дохода всех фермеров. 42,5% были средними; они имели 46% общего дохода. К крупным относились только 8,5% фермеров; они прибрали к рукам 40% всего дохода сельского хозяйства США.

Крупные фермеры, пользуясь сельскохозяйственными машинами, продолжали работать с прибылью. Обследование в различных штатах показало, что при одинаковых почвенных и климатических условиях себестоимость пшеницы на фермах, применяющих машины, в 2—3 раза ниже, чем на фермах, не пользующихся машинами. Изучение 1 200 крупных ферм, представляющих все штаты и все виды сельского хозяйства, обнаружило их большое преимущество перед мелкими хозяйствами как в покупке инвентаря, так и в производстве и продаже продуктов [1]. После первой мировой войны на крупных американских фермах широко начала применяться современная техника. За 10 послевоенных лет количество тракторов на фермах США выросло с 80 тыс. до 850 тыс. В 1929 г. на одной только ферме Кемпбела в Монтане числилось 56 тракторов, 21 комбайн, 500 плугов, 72 сноповязалки, 9 молотилок, 22 автомобиля и 200 прицепных вагонеток, аэроплан и бензинохранилище вместимостью в 70 тыс. галлонов [2]. В то же время 40% всех фермеров имели только одно-лошадное хозяйство с доходом, не превышающим 50 центов в день [3].

К концу 20-х годов 12—15% всех ферм имели тракторы и автомобили. Они пользовались электричеством и водопрово-

---

[1] «Current History», September 1929, p. 1070.

[2] Ibid., p. 1071.

[3] *E. Bogardt,* Economic History of the American People, New York 1935, p. 720.

дом, они производили дешевле и продавали с прибылью пшеницу и кукурузу, рис и хлопок. Большинство фермеров, работавших с лошадиной тягой, прозябали. В капиталистическом сельском хозяйстве технический прогресс, увеличивающий прибыли и удобства меньшинства, приносит большинству фермеров разорение и несчастье. Мелкий фермер лишён возможности пользоваться преимуществами сельскохозяйственной науки и техники, составляющими привилегию крупных хозяйств. Он производит мало и дорого. Он не в состоянии выдержать конкурентную борьбу на рынке. Он беспомощен перед своими кредиторами. Условия капиталистического хозяйства давят на него, вытесняют его из производства, создают в деревне, как и в городе, «лишних» людей.

Английский экономист и публицист Норман Энджел, совершая в 1927 г. путешествие по сельскохозяйственным штатам Америки, писал, что везде бросается в глаза «угнетающее состояние нищеты, разваливающиеся дома, скудная еда, лохмотья, озабоченность, задолженность и беспомощность» [1].

Можно себе представить, с каким чувством трудящиеся деревни воспринимали декларации о «просперити». Не лучше могли реагировать на эти разговоры широкие слои трудящихся города. При годовом прожиточном минимуме, колеблющемся в различных штатах от 2 000 до 2 500 долл., 40% американских семейств имели заработок меньше 1 тыс. долл., а 65% — менее 1 500 долл. в год. Обследование 24 отраслей промышленности, в которых числилось около половины наёмных рабочих США, показало, что даже в 1929 г., при условии занятости в течение 52 недель, средняя годовая зарплата не доходила до 1 500 долл. [2]

Конечно, по сравнению с Европой заработная плата в Америке высока. Но сравнение денежного заработка рабочих в различных странах может ввести в заблуждение. Нельзя брать, как это делал Герберт Гувер в 1928 г., те продукты, которые стоят в США дешевле, и говорить, что американские железнодорожники, углекопы и строители могут за свою недельную или месячную заработную плату покупать гораздо больше хлеба и масла, чем рабочие соответствующих профессий в Англии, Германии, Франции, Бельгии, Италии, Швеции и Японии [3]. В Америке свой, американский стандарт жизни, с его потребностями и с его расходами.

---

[1] «American Labor Year Book», 1929, p. 44.
[2] «Current History», August 1932, p. 551.
[3] «New York Times», 18. IX. 1928.

У американского рабочего, например, расходы на квартирную плату, освещение и отопление составляют в 2—3 раза большую долю бюджета, чем у европейского рабочего [1].

Декларированное всеобщее благополучие — «просперити» далеко не соответствовало и положению широких слоёв интеллигенции. Возьмём для примера учителей, занимающих большое место среди интеллигентных профессий. В середине 20-х годов в Америке числилось около 700 тыс. учителей. По данным Национальной ассоциации просвещения США, средняя годовая заработная плата учителя по всей стране составляла тогда 1 226 долл. — 50—60% прожиточного минимума средней рабочей семьи. Максимальный заработок учителя доходил до 2 тыс. долл. в год. Не нужно забывать, что этого максимума добилась лишь небольшая прослойка старых педагогов. Больше половины американских учителей зарабатывало в среднем 855 долл. в год [2]. Несмотря на всё богатство США, добрая половина американских школ имела жалкий вид. Из числившихся в США к началу 30-х годов 250 тыс. школ около 150 тыс. представляли собой однокомнатные «учебные заведения» — наследство прошлых поколений [3].

Печально было состояние многих школ в фермерских районах. Аграрные штаты отпускали мизерные средства на народное образование. Текучесть учителей — обыденное явление. В середине 20-х годов 50% всех американских учителей имели педагогический стаж менее 5 лет, а 25% — менее двух лет [4]. В южных штатах, где силен национальный гнёт, на обучение негритянских детей отпускалось в 5—10 раз меньше средств, чем на обучение детей белых. В 1930 г. в США числилось около 1 млн. негритянских детей школьного возраста, которые совсем не посещали школу [5].

В истории классовой борьбы в Америке 20-е годы «просперити» считаются периодом относительного затишья. Тем не менее в это время происходили значительные по своим размерам и важные по своему значению забастовки. Сюда относится прежде всего борьба углекопов.

Конфликты в угольной промышленности почти не прекращались. В 1925—1926 гг. забастовка на антрацитных шахтах, охватившая 150 тыс. рабочих, стоила стране почти

---

[1] «New York Times», 18. I. 1931; «Current History», August 1932, p. 550.

[2] «Current History», April 1926, p. 69—70.

[3] «New York Herald Tribune Magazine», 12. VIII. 1934.

[4] «Current History», April 1926, p. 71.

[5] «American Labor Year Book», 1928, p. 127; «Labor Fact Book», 1934, p. 136—137.

1 млрд. долл.[1] В то же время назревал сильный конфликт в районах добычи битуминозного угля.

Углекопы завоевали 8-часовой рабочий день в 1898 г. В 1926 г., согласно официальным донесениям, десятки тысяч шахтёров работали ещё по 9—10 часов в день[2]. Несчастных случаев было на шахтах по отношению к числу занятых рабочих в десять раз больше, чем в фабричной промышленности[3]. Число заболеваний среди углекопов в Америке также очень высоко. Представители объединённого союза углекопов, пользуясь доводами и терминологией капиталистов, говорили предпринимателям: «Риск для жизни и для здоровья, связанный с работой на шахтах, требует соответствующей заработной платы, подобно тому, как капиталовложение в рискованное дело заслуживает большей прибыли, чем помещение капитала в предприятие, не связанное с риском». Капиталисты формально признавали аргументы, подписывали соглашение с союзом горнорабочих. На деле они нарушали взятые на себя обязательства. Два обстоятельства облегчали произвол шахтовладельцев: значительная часть углекопов не была организована в союзы; кроме того, производственная способность шахт битуминозного угля превышала на 60—70% спрос на его продукцию.

Весной 1924 г. истёк срок продлённого договора, заключённого между рабочими и шахтовладельцами после большой стачки 1922 г. В феврале 1924 г. в городе Джексонвилль было достигнуто новое соглашение. Угольные компании обязались сохранять в течение трёх лет старую заработную плату — 7,5 долл. в день, или 1,08 долл. за тонну. Председатель объединённого союза углекопов Джон Льюис со своей стороны обещал, что во время действия этого договора рабочие не будут бастовать и будут содействовать повышению производительности труда.

7,5 долл. в день — сравнительно высокий заработок. Но члены союза углекопов не были заняты полную рабочую неделю. Залежи битуминозного угля, в отличие от антрацита, распределены между 26 штатами. В некоторых штатах, в частности на Юге, углекопы были совершенно не организованы. В Алабаме и Кентукки шахтовладельцы платили рабочим всего по 2 долл. в день[4]. Капиталисты увеличили добычу угля на Юге и сократили работу шахт в центральном районе: в Иллинойсе, Индиане и Огайо. В штате Огайо добыча

[1] «Current History», May 1926, p. 247.
[2] «Current History», April 1929, p. 91—92.
[3] «Current History», May 1923, p. 251.
[4] *S. Perlman* and *P. Taft*, History of Labor in the United States, v. IV, New York 1935, p. 563.

угля была в 1925 г. на 31% меньше, чем в 1923 г. Между тем Кентукки, шедший ранее позади этого центрального штата, дал в 1925 г. в два раза больше угля, чем Огайо [1]. Увеличение добычи угля в районах, где рабочие не организованы в союз, дало возможность предпринимателям сократить занятость углекопов, состоящих членами союза, на 30—50% в год. Предпочтение, отдаваемое предпринимателями неорганизованным рабочим, ложилось тяжёлым бременем на производственный союз, находившийся в системе АФТ.

В апреле 1927 г., когда срок соглашения в Джексонвилле истёк, шахтовладельцы объявили о 20—30-процентном снижении заработной платы. 175 тыс. рабочих забастовало. Стачка затянулась на полтора года. С первых же дней лидеры углекопов приняли все меры к локализации забастовки. 175 тыс. рабочих бастовали, а больше 550 тыс. шахтёров, добывающих битуминозный уголь и антрацит, продолжали свою работу. При таких условиях шахтовладельцы ни о каких компромиссах и слышать не хотели. Вначале они надеялись взять рабочих измором. Но к концу 1927 г. запасы угля начали истощаться. Спрос на топливо увеличивался по мере приближения зимы. Тогда началась расправа с бастующими — выселение из квартир, аресты и даже расстрелы. Шахтёры героически и упорно боролись в тяжёлую зиму 1927/28 г. В это время председатель Объединённого союза углекопов Джон Льюис, будучи вместе с тем членом национального комитета республиканской партии, занял роль посредника, действуя фактически в интересах предпринимателей. После 15 месяцев борьбы, в июле 1928 г., лидеры союза капитулировали и предложили рабочим в каждом районе договариваться со своими хозяевами, как они сумеют.

Об издевательствах над рабочими в угольной забастовке 1927—1928 гг. достаточно говорит донесение созданной по этому делу сенатской комиссии. Члены комиссии, посетившие район забастовки в центральной Пенсильвании, установили, что там господствует террор, что «полиция, оплачиваемая шахтовладельцами, жестоко избивает беззащитных людей, что она вооружена пулемётами, стреляет в жилища бастующих и в детские школы, лишает гражданское население всяких прав и распоряжается целыми районами так, как она хочет, что углекопы выброшены из занимаемых ими квартир и штрейкбрехеры ведут себя зверски дико и грубо» [2]. Так расправлялись со своими рабочими Рокфеллер и Меллон,

---

[1] *S. Perlman* and *P. Taft*, History of Labor in the United States, v. IV, New York 1935, p. 563.

[2] «American Labor Year Book», 1929, p. 137—138.

владеющие большей частью угольных копей центральной Пенсильвании.

То же самое происходило и в других угольных районах во время забастовки. Особенно жестоко вёл себя губернатор Адамс в Колорадо. Он направил против бастующих углекопов полицейский корпус штата и национальную гвардию в сопровождении аэропланов. 21 ноября 1927 г. и 12 января 1928 г. бастующие были обстреляны пулемётным огнём, несколько десятков рабочих было убито и ранено.

Весной 1927 г., когда разразился очередной конфликт в угольных районах Пенсильвании и Огайо, на северо-востоке, в штате Массачузетс исполнилось уже семь лет как томились в тюрьме Сакко и Ванцетти, узники новоанглийских фабрикантов. Материалов по делу заключённых накопилось много. Впоследствии они были опубликованы в шести томах. Сакко и Ванцетти стали известны всему миру. Весь мир был уверен, что они ни в чём не виновны. Об этом знали и обвинители. Председатель суда — бессердечный реакционер Тейэр, подводя итоги делу Ванцетти, признал: «Этот человек, хотя возможно не совершил приписанного ему преступления, тем не менее он морально виновен, потому что он враг существующих наших институтов» [1].

Ещё 18 ноября 1925 г. осуждённый по другому делу молодой португалец — Мадейрос — в своих показаниях признал, что он принимал участие в убийстве казначея обувной фабрики, и утверждал, что Сакко и Ванцетти, которых обвиняют в этом преступлении, никакого отношения к нему не имеют. Тейэр отказался пересмотреть дело, мотивируя тем, что Мадейрос, беря на себя вину за убийство казначея, может говорить неправду, так как ему всё равно нечего терять.

Сакко и Ванцетти, не чувствуя за собой никакой вины, отказались ходатайствовать о помиловании. Они проявили большую революционную выдержку как на суде, так и в течение семилетнего заточения. 9 апреля 1927 г. Тейэр окончательно решил казнить обоих невинных заключённых. В тот же день Ванцетти, делая своё последнее заявление суду, сказал: «Уже семь лет, как мы в тюрьме. Человеческий язык не в состоянии передать наши страдания за эти годы... Но я настолько убеждён в своей правоте, что если бы вы могли меня дважды казнить и если бы я мог второй раз родиться, я опять жил бы для того, чтобы делать снова то, что я делал» [2].

---

[1] *L. Adamic,* Dynamite, New York 1934, p. 312.

[2] *H. Commager,* Documents of American History, New York 1934, p. 399.

Решение Тейэра вызвало во многих городах США и в промышленных центрах других стран демонстрации и протесты широких пролетарских масс, к голосу которых присоединились либеральные элементы других слоёв населения. Даже бывшие премьеры Англии и Франции — Макдональд и Эррио публично выразили своё негодование по поводу осуждения Сакко и Ванцетти. Десятки миллионов рабочих всего мира участвовали в демонстрациях, протестуя против сфабрикованного процесса. Полиция и войска были сосредоточены против демонстраций в полусотне стран. Везде американские посольства и консульства охранялись многочисленными отрядами полиции и войск. В Буэнос-Айресе были выбиты окна в консульстве США. Прибывшие в Париж на торжества командующий во время войны американскими войсками в Европе генерал Першинг и его ветераны были встречены грудящимися Франции враждебно. Со всех концов земного шара направлялись по телеграфу протесты в законодательное собрание штата Массачузетс.

Губернатор Массачузетса Фуллер вынужден был для вида создать комиссию. Фуллер — открытый враг рабочего и прогрессивного движения. Лавры Кулиджа не давали ему покоя. Он непрочь был «отличиться» на процессе Сакко и Ванцетти, как его предшественник на «забастовке» бостонской полиции. Он назначил комиссию из трёх известных консерваторов — столпов реакции в Новой Англии.

10 августа 1927 г. губернатор объявил, что «Сакко и Ванцетти должны умереть». Приведение приговора в исполнение было отложено до 23 августа. В оставшиеся 12 дней все усилия представителей рабочих организаций были тщетны. Фабриканты Бостона требовали крови. Углепромышленникам Пенсильвании было необходимо именно в те дни острастки ради добиться казни двух активных революционеров. Этого хотела и международная реакция, нагло поднявшая голову вследствие неудачи всеобщей стачки в Англии, вооружённой борьбы в Вене и революции в Китае.

19 августа Верховный суд Массачузетса отверг апелляцию. Назавтра защита три раза усердно пыталась через различные инстанции поднять вопрос перед федеральным судом. Все старания оказались напрасными. В Вашингтоне чиновник Верховного суда США отказался принять петицию, потому что к ней не были приложены соответствующие бумаги, требуемые правилами высшей судебной инстанции страны. Обращение 21 августа к отдельным членам Верховного суда, в том числе и к его председателю — бывшему президенту США Тафту, отдыхавшим в своих летних виллах на побережье США и Канады, не дало никаких резуль-

татов. Безрезультатно было также обращение жены Сакко и сестры Ванцетти к Фуллеру 22 августа. В ночь с 22 на 23 августа в Чарльстонской тюрьме штата Массачузетс Сакко и Ванцетти не стало. Их убили на электрическом стуле.

Петиция, посланная в Вашингтон после исполнения всех формальностей, на сей раз была принята Верховным судом. Но было уже поздно.

28 августа длинная похоронная процессия проходила через Бостон. 200 тыс. человек заполнили улицы. Семь тысяч мужчин и женщин следовали за гробами на протяжении 13 *км*. Демонстрации и собрания, посвящённые памяти невинных жертв, происходили и в других городах. Сакко и Ванцетти стали символом борьбы. Рабочий класс их не забудет.

Наряду с конфликтами в угольных районах происходили в те годы значительные забастовки в текстильной промышленности. Несмотря на высокую прибыль, доходившую на некоторых предприятиях до 93% инвестированного капитала [1], и на низкую заработную плату текстильщиков, в октябре 1925 г. было объявлено 10-процентное снижение заработной платы на 9 шерстяных фабриках Пассейка и Гарфильда в штате Нью-Джерси. Под руководством ЛПП (Лига профсоюзной пропаганды) организовался комитет единого фронта для сопротивления натиску фабрикантов. Члены комитета были уволены с работы. 16 тыс. рабочих объявили забастовку протеста. Полиция атаковала бастующих слезоточивыми бомбами, врезывалась в демонстрацию рабочих на мотоциклах и верхом, арестовывала демонстрантов целыми группами. Рабочие пикеты стояли на посту в противогазах. Район забастовки принял вид фронтовой полосы во время войны. Борьба продолжалась в 1926—1927 гг.

В апреле 1928 г. предприниматели хлопчатобумажных фабрик Нью-Бедфорда в Массачузетсе объявили также о 10-процентном снижении заработной платы. 25 тыс. рабочих забастовало. Стачка продолжалась пять месяцев. Рабочие неоднократно сражались с полицией и частями национальной гвардии. Упорство бастующих заставило предпринимателей в сентябре этого же года пойти на компромисс.

В 1929 г. крупные события происходили на юге США. Молодой пролетариат южных штатов впервые выступил на большой арене классовой борьбы.

Индустриализация Юга, начавшаяся в конце XIX века, продолжалась в годы послевоенного «просперити». Добыча нефти в Оклагоме выросла с 1919 по 1929 г. с 87 млн. до

---

[1] «American Labor Year Book», 1927, p. 105.

215 млн. бочек, а в Техасе — с 79 млн. до 290 млн. бочек. Новый сталелитейный центр — Бирмингам в Алабаме быстро становился вторым Питсбургом. Хлопчатобумажная промышленность Юга заняла ещё до мировой войны первое место в стране. После войны в старом текстильном центре в Новой Англии закрывалось предприятие за предприятием. Между тем в южных штатах с каждым годом росло число текстильных фабрик. В 1919 г. в Новой Англии было потреблено 2 165 тыс., а на Юге — 3 199 тыс. кип хлопка; в 1929 г. соответственно — 1 488 тыс. и 5 392 тыс.

Перемещению текстильных фабрик на Юг содействовали три условия: большой резерв дешёвой рабочей силы в южных штатах, местное сырьё и дешёвая электрическая энергия. Главной приманкой для предпринимателей служила дешёвая и неорганизованная рабочая сила. Промышленный ценз 1927 г. показал, что на текстильных фабриках Юга недельная заработная плата на одну треть ниже, чем в Новой Англии. В почасовой заработной плате обнаружилось ещё большее расхождение. В Северной Каролине и Георгии 60-часовая рабочая неделя считалась правилом. На некоторых фабриках рабочая неделя доходила до 69 часов, а рабочий день до 12 часов [1]. Дешёвая рабочая сила южных штатов привлекала, как и Латинская Америка, капиталы с Севера. Не только для отечественного капитала, но и для иностранного капитала Юг США казался приманкой. В частности немецкая фирма построила после войны крупные фабрики искусственного шёлка в Теннеси. Предприниматели, набросившись на новый резерв неорганизованных рабочих, опасались одного — профессиональных союзов. Они были убеждены, что заработная плата на Юге будет низка до тех пор, пока рабочие останутся неорганизованными.

Старинная «теория» американской реакции гласила, что профессиональные союзы являются «злом иностранного происхождения». В отличие от углекопов и северных текстильщиков, состоявших к началу третьего десятилетия XX века на 40—50% из людей, рождённых за границей, южный пролетариат комплектовался из туземцев. К концу 20-х годов на Юге числилось около 300 тыс. текстильщиков. Рабочую силу на южные фабрики поставляла местная деревенская беднота, состоявшая из белых и негров. На текстильных фабриках у станков работали почти исключительно белые мужчины, женщины и дети. Негры на этих предприятиях были преимущественно чернорабочими.

---

[1] *S. Yellen,* American Labor Struggles, New York 1936, p. 317; «Daily Worker», 4. X. 1929.

В Южных Аллеганах, в горах Северной Каролины и Теннеси, на холмах северных графств Алабамы и Георгии живут бедные, отсталые мелкие фермеры. Это потомки тех обездоленных и голодных обитателей Британских островов, которых сотни лет тому назад нужда перебросила через океан. Вместе с тем англо-саксонский тип среди них сохранился здесь в более чистом виде, чем где бы то ни было на территории США. Промышленное развитие Юга превращает этих горцев в текстильщиков. Владельцы текстильных фабрик в Северной Каролине и Теннеси «вправе» были ожидать, что эти истые англо-саксы, этот высший тип «стопроцентного американизма»[1] не поддастся «иностранному злу», не вступит в профессиональный союз и тем более не будет бастовать. Вопреки этой «теории» в 1929 г. «стопроцентные американцы» организовали профессиональные союзы и объявили стачки.

Борьба рабочих на южных фабриках затруднялась тем, что большая резервная армия труда, новая дешёвая рабочая сила всегда готова к услугам предпринимателей. Она также осложнялась особыми бытовыми условиями южных текстильщиков.

В новых фабричных районах Юга целые города принадлежат промышленным компаниям. Администрация фабрик содержит полицию, школу и церковь. «Проблема южных предпринимателей, — писал один американский журнал в конце 1929 г., — усложняется системой фабричных посёлков. Когда текстильные фабрики строились, рабочие привлекались из сельских районов; их необходимо было обеспечить жильём, так как иного выхода не было. Работает ли предприятие хорошо или худо, предприниматель инвестирует в жилищное строительство крупные капиталы. Большинство фабричных посёлков имеет вид ряда связанных между собой городов, так что фабрика должна строить не только дома, но и сооружать канализацию, свет, мостовые и общественные здания; в большинстве случаев она платит жалованье полицейским, учителям, а также священникам»[2].

Хозяевами южных фабрик являются северные капиталисты и местные крупные плантаторы. Взаимоотношения между предпринимателями и рабочими напоминают до известной степени взаимоотношения, существовавшие между плантаторами и рабами до гражданской войны. Хорошо знакомый с жизнью южных рабочих профессор Пенсильванского университета Эберлинг писал в середине 1929 г.: «Компания не

---

[1] «World», 5. V. 1929.

[2] «North American Review», December 1929, p. 687.

только определяет, как рабочие должны работать, но и как они должны проводить свой отдых, что и где они должны покупать, регламентируя, таким образом, полностью их существование» [1].

В начале 1929 г. ЛПП, реорганизованная в то время в Лигу профсоюзного единства (ЛПЕ), обратила своё внимание на положение рабочих в текстильных районах южных штатов. Успех ЛПЕ заставил и АФТ заняться южными текстильщиками. Профессиональные союзы начали охватывать фабрику за фабрикой, район за районом. На южных хлопчатобумажных фабриках рабочие провели за один 1929 г. около 20 стачек [2]. В мае того года были арестованы сотни рабочих на предприятиях искусственного шёлка немецкой фирмы в Элезабеттоне штата Теннеси. В октябре того же года в Северной Каролине полиция стреляла в бастующих рабочих Марионской фабрики. Шесть человек было убито, 18 ранено. Из всех стачек 1929 г. на Юге наибольшее значение приобрели события в Гастонии.

Гастония — важный промышленный район в Северной Каролине. Она имела в 1929 г. больше 100 фабрик и около 60 тыс. текстильщиков. К началу 1929 г. в этом районе почувствовалось влияние ЛПЕ. Организация профессиональных союзов привела в ярость предпринимателей. Весной 1929 г. фирма Лорей в Гастонии, узнав о создании союза на её фабрике, уволила нескольких рабочих-активистов. В ответ на это 1 апреля рабочие объявили забастовку. Назавтра губернатор Северной Каролины, который сам владел текстильной фабрикой, расположенной всего в 10 милях от Гастонии, выслал для борьбы с бастующими рабочими пять рот из частей национальной гвардии. Помимо национальной гвардии и полиции для борьбы с бастующими рабочими был организован особый батальон из вооружённых местных черносотенцев.

18 апреля человек 50 в масках, поддержанные полицией, разгромили помещение союза текстильщиков и уничтожили запас продовольствия бастующих. Одновременно происходили многочисленные аресты среди рабочих. Рабочих и работниц избивали [3]. Сотни семейств были выброшены на улицу. ЛПЕ устроила для рабочих загородные палатки. В одной из этих палаток поместилось руководство стачкой. Там также был сосредоточен новый продовольственный фонд. 7 июня ночью предприниматели организовали вооружённый налёт на лагерь. Дежурный у лагеря, увидев прибывших полицейских, просил предъявить ордер. На него навели револьвер. Завя-

[1] «Current History», June 1929, p. 453.
[2] «North American Review», December 1929, p. 686.
[3] «World», 5. V. 1929.

залась перестрелка. Начальник полиции города Гастонии Адерхольт был смертельно ранен. Назавтра он скончался. Полиция тут же арестовала 75 человек, из них 16, в том числе 4 женщины, обвинялись в убийстве начальника полиции.

Предприниматели неистовствовали. Они угрожали арестованным электрическим стулом. Они ассигновали 1 млн. долл. на «разжигание страстей против своих врагов» [1]. 14 сентября агенты предпринимателей стреляли в грузовик, на котором находились бастующие рабочие, и убили работницу — мать пяти детей Эллу Вигинс [2].

Дело в Гастонии привлекло большое внимание общественности всех штатов. В октябре 1929 г., когда на Юге состоялся процесс над бастующими рабочими, на Севере, в Нью-Йорке, биржа сигнализировала о конце «просперити». Не желая на этот раз вызывать в стране такие протесты и такое негодование, какое было вызвано осуждением Сакко и Ванцетти, суд несколько смягчил обвинение и признал, что убийство начальника полиции города Гастонии не было предумышленным. Приговор всё же оказался суровым: обвиняемые были присуждены к тюремному заключению на сроки от пяти до двадцати лет.

События 1929 г. на Юге всколыхнули наиболее эксплоатируемую часть американского пролетариата. Эти события свидетельствовали о том, что чистокровные англо-саксы готовы бороться со своими эксплоататорами так же, как и рабочие других национальностей, и демонстрировали общность интересов трудящихся белых и негров.

Чернокожих рабочих в промышленности и на транспорте США насчитывалось к концу 20-х годов около 2 млн. К началу «просперити» негры составляли 20% всех сельскохозяйственных рабочих и 12% всего пролетариата США. В обоих Каролинах, Теннеси, Георгии и Виргинии от одной четверти до одной трети всех мужчин, работавших в промышленности, были негры. В годы «просперити» число негров среди

---

[1] «New York Times», 29. VII. 1929.

[2] За три недели перед смертью Элла Вигинс, говоря о своей жизни, рассказала: «Я никогда не зарабатывала больше 9 долл. в неделю, а на эти деньги с семьёй никак нельзя жить. Я мать девяти детей, но четверо из них умерли от коклюша. Я работала ночью, и никто, кроме 11-летней девочки, не оставался с больными детьми. Я просила управляющего перевести меня на дневную работу, но он не хотел. Так что я вынуждена была оставить работу. Денег на лечение не было, и дети умерли. И теперь мне кажется, что я никогда ничего не могла сделать для своих детей и даже не была в состоянии сохранить им жизнь... вот почему я выступаю за союз» («North American Review», December 1929, p. 690).

индустриальных рабочих росло как на Юге, так и на Севере. Но везде и всюду они преимущественно выполняли наиболее тяжёлую и наименее оплачиваемую работу. Негров было мало на текстильных фабриках, но они заполняли лесопильные заводы в южных штатах. В текстильной и пищевой промышленности средняя заработная плата негра была на 30% ниже средней заработной платы белого рабочего, а в химической промышленности и на транспорте — на 40%. Характерно, что около половины всей домашней и личной прислуги в США составляют негры [1].

АФТ, даже в тех немногих случаях, когда она объединяла негров, создавала для них отдельные, обособленные организации. Железнодорожные «братства» совсем не допускали в свои союзы чернокожих, несмотря на то, что среди кочегаров числится немало негров. В районе машиностроения — в Бессемер-Сити ЛПЕ организовала белых рабочих и негров в общие союзы. В течение многих лет фабриканты использовали расовые предрассудки для сохранения своих особых привилегий на Юге. В течение поколений господствующие классы в южных штатах твердили об «африканской угрозе», о том, что негр является тем врагом, против которого все белые должны выступать объединённо. 1929 год показал, как национальная гвардия, полиция и суд, которые «защищают» на Юге белых от чёрных, охраняют фабрикантов, но осуждают и убивают белых рабочих.

По данным переписи 1930 г., в США жило 11 891 тыс. негров. Формально негры были приравнены к белым ещё в 60-х годах прошлого века. Фактически подавляющее большинство негритянского населения продолжает по сей день влачить жалкое существование. Трудящимся неграм не принесли облегчения и годы послевоенного «просперити». В южных штатах убийство негра сплошь и рядом проходит безнаказанно, и даже на Севере линчевание чернокожего суд не всегда рассматривает как преступление. В 20-х годах официальная статистика утверждала, что число случаев линчевания в США уменьшается. Но подобные данные не отражают действительности. Средневековые нравы в современных южных штатах далеко ещё не изжиты. В январе 1930 г. один американский журнал сопоставил цифры убийств с цифрами линчевания в стране. Оказалось: чем ниже опускается кривая линчевания, тем выше поднимается кривая убийств [2]. Это объясняется тем, что увеличивающиеся с каж-

---

[1] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», January 1931, p. 171—173; «Labor Fact Book», 1934, p. 132.

[2] «Nation», 1. I. 1930.

дым годом случаи расправы на почве национальной розни и расовой ненависти, разжигаемой реакцией на Юге, стали относить в рубрику обыкновенных убийств.

Известный представитель Юга в конгрессе США сенатор Вальтер Джордж из Георгии писал в 1928 г.: «Никакой гражданский или военный закон не может уничтожить закон общественной необходимости и социальной справедливости. Зачем извиняться или оправдываться. Мы очень тщательно подчинялись букве федеральной конституции, но мы очень усердно вытравляли дух таких добавлений к конституции и таких постановлений, которые дают негру возможность думать, что он равен белому человеку. Так же будем себя вести и в дальнейшем» [1].

Большинство негров живёт на Юге. 5 млн. негров сосредоточено было в 1930 г. в 325 южных сельскохозяйственных графствах. Эти графства, расположенные рядом, образуют «Чёрный пояс». Здесь абсолютное большинство населения составляют негры. В ближайших к «Чёрному поясу» 300 графствах тоже живёт много негров. Но там они уже составляют меньшинство — около одной трети всего населения. В общем в 1930 г. в южных штатах жило свыше 9 млн. негров. Большинство их относилось к сельскохозяйственному населению.

В 1930 г. в южных штатах 2 млн. негров, имевших самостоятельный заработок, были непосредственно заняты на полевых работах. Из них только 140,5 тыс. считались хозяевами обрабатываемой ими земли, 1 113 тыс. были батраками, 98 тыс. арендовали землю за деньги. Остальные были издольщиками, арендующими землю за часть урожая или за работу на полях владельцев. Самостоятельных фермеров среди негров становится с каждой переписью всё меньше. В 1920 г. их насчитывалось ещё 178,5 тыс., а к 1930 г. осталось всего 140,5 тыс.

Ряд драконовских законов приковывает южного издольщика к его хозяину. В южных штатах строго соблюдается средневековый закон о бродяжничестве. В Арканзасе, например, каждый человек старше 14 лет, если он неимущий и у него нет работы, может быть арестован. В Южной Каролине закон о бродяжничестве распространяется и на издольщиков, работающих «недобросовестно» или обрабатывающих недостаточное количество земли. Местные власти узаконили по сути дела принудительный труд, пользуясь задолженностью издольщиков. Эти же власти принимают все меры против побегов издольщиков и батраков. Во многих сельскохозяйственных

---

[1] *M. Wilson,* Forced Labor in the United States, New York 1933, p. 99.

районах Юга заработок шерифа полиции зависит от количества арестованных негров.

В 1929 г. профессор Флоридского университета Армстронг установил факт продажи негров одной промышленной компании. Однако случаи, когда один плантатор передаёт или продаёт другому плантатору свою землю вместе с неграми-издольщиками, происходят на юге США довольно часто и открыто.

В 1927 г., когда река Миссисипи вышла из берегов и угрожала затопить район, где жили несколько сот тысяч негров — батраков и издольщиков, плантаторы не разрешили им уйти из их жилищ, опасаясь массового бегства. Когда же вода хлынула в хижины, Красный Крест США согласно соглашению с плантаторами, переселил негров под охраной национальной гвардии в лагерь и вернул их обратно под той же охраной хозяевам после окончания наводнения. Несмотря на строгую охрану, много негров, не обременённых семьями, оставили свой скудный скарб и с риском для жизни бежали из лагеря. «В соответствии с распоряжением Красного Креста, — писал один американский журнал об этом случае, — издольщики охранялись гвардейцами. Несколько негров было убито при попытке к бегству. Наводнение принесло им надежду на освобождение. Для них это был единственный случай, предоставивший возможность освободиться от рабства, в котором они находились всю жизнь, но Красный Крест помог землевладельцам удержать их дальше в рабстве» [1].

Спустя много десятилетий после «освобождения» рабов, миллионы негров продолжают фактически оставаться рабами на тех же плантациях, на которые когда-то прибыли пленными их предки.

Ничего хорошего не принесло «просперити» аборигенам Америки — индейцам.

В США индейцев называют вымирающими племенами. Профессор общественного здравоохранения Колумбийского университета Эммерсон писал об участи индейцев: «Передо мною лежат таблицы смертности индейского населения в обследованных районах. Из них видно, что за 4 года смертность среди индейцев повысилась на 48%. В Монтане — штате с многочисленным индейским населением — в 1924 г. приходилось 34,5 смертей на каждую тысячу населения, в Северной Дакоте — 33, в Вашингтоне — 34,5, а в Вайоминге смертность индейского населения в 1924 г. достигла 86,1 на тысячу человек. Эти цифры указывают на вымирание целых

[1] «American Mercury», November 1934, p. 455.

племён, которое происходит более или менее быстро»[1]. В 1930 г. на территории США насчитывалось индейцев в три раза меньше, чем в конце XV века, когда Колумб открыл Америку.

Белым завоевателям не удавалось в своё время превратить индейцев в рабов. Но что не удалось сделать завоевателям, сделал вековой капиталистический гнёт. Участник комиссии по обследованию жизни индейцев в штате Миссисипи сенатор Фрезир писал в декабре 1930 г.: «Сейчас многие индейцы живут на положении издольщиков на земле, которая по праву им принадлежит. Белые фермеры, фактические владельцы земли, принимают все меры, чтобы эти индейцы всегда были у них в долгу, и не разрешают им переходить к другому плантатору, пока они не выплатят своего долга. Система закабаления индейцев настолько прочно укоренилась, что существует даже установившаяся цена за передачу индейской семьи от одного плантатора к другому»[2].

В лучшие годы «просперити» реакционные круги в США не допускали и мысли о введении в Америке социального страхования не только для цветных, но и для белых рабочих, даже в таком куцом виде, в каком это страхование существовало тогда в некоторых буржуазно-демократических государствах Европы.

В то время в США много говорилось о сбережениях и полисах, которые якобы значительно компенсируют отсутствие социального страхования в Америке. В ряде европейских стран рабочие добились социального страхования за счёт государства. В Америке страховые полисы, если даже они имеются у рабочих, приобретаются за его собственный счёт, за счёт снижения его жизненного уровня. Впрочем, больше 75% всех числившихся в США к концу 1929 г. полисов было мелкими, сулившими весьма мало надежд в случае потери трудоспособности. В среднем они стоили по 203 долл.[3] — месячный прожиточный минимум средней рабочей семьи. В 1929 г. у людей с доходом до 2 тыс. долл. в год сбережения составляли меньше 5% дохода[4]. К таким людям тогда относилось около 80% самодеятельного населения США. Среди рабочих и фермеров этот процент, разумеется, был ещё выше.

Большое внимание в европейских реформистских кругах привлекала так называемая «демократизация» богатства в

[1] *R. Gessner,* Massacre, New York 1931, p. 78—79.
[2] Ibid., p. 360—361.
[3] «Current History», August 1932, p. 554.
[4] *Z. Yoder* and *G. Davies,* Depression and Recovery, New York 1934, p. 74.

США. Основой подобных разговоров служили рабочие акции и рабочие банки в Америке. Рабочие банки носили наименование «Профсоюзный капитализм». Рабочие акции изображались как троянский конь пролетариата в стане капитала. Пионером новейшей, довольно скудоумной, утопии о «демократизации богатства» явился уже упомянутый нами профессор Гарвардского университета Карвер [1], утверждавший, что в США происходит «экономическая революция». Отдавая должное главному автору, американская литература называла даже иногда «демократизацию» богатства «карверизмом». Слова Гарвардского профессора подхватили знатные вельможи Уолл-стрита [2].

Им вторил вице-президент АФТ Уолл, который утверждал, что вслед за банками рабочие союзы учредят крупные страховые общества.

Какова участь рабочих банков и рабочих акций, вызвавших в 20-х годах столь много устных и письменных толкований и «исследований»?

Первый рабочий банк открылся в столице США в 1920 г. Вслед за ним «братство» железнодорожных машинистов основало свой банк в Кливлэнде. К середине 20-х годов это «братство» насчитывало около 15 банков. Оно проектировало устройство сети финансовых учреждений во всех штатах. Но к этому времени начала сказываться неудача эксперимента. Профсоюзные лидеры, проповедники делового тред-юнионизма, оказались не деловыми банкирами. В 1926 г. рабочие банки достигли своей высшей точки развития: их количество дошло до 36, их капиталы — до 9 млн. долл., а их ресурсы — до 127 млн. долл. В 1928 г. в США насчитывалось уже 27 банков с ресурсами в 116 млн. долл., а в 1930 г. — 13 с ресурсами — 69 млн. долл. [3]

Не лучше участь рабочих акций. Официальная статистика указывала, что к концу третьего десятилетия нашего века

---

[1] Карвер говорил: «Эта революция стирает разницу между рабочими и капиталистами тем, что она делает рабочих их собственными капиталистами и заставляет большинство капиталистов стать в том или ином виде рабочими, потому что немногие из них будут в состоянии жить только на доходы от капитала. Это что-то новое в истории мира». (*J. Carver,* The Present Economic Revolution in the United States, Boston 1926, p. 9—10.)

[2] Вице-президент второго по величине в США банка Сиссон уверял, что «в Америке происходит постепенная социализация промышленности. Рабочий шаг за шагом овладевает средствами производства. Он становится своим собственным предпринимателем». («Current History», August 1932, p. 550.)

[3] «American Labor Year Book», 1930, p. 197; «World Almanac», 1931, p. 166.

около 1 млн. рабочих в США владели акциями стоимостью свыше 1 млрд. долл.[1] Отчёт комитета президента Гувера внёс в статистику о социальном распределении акций существенную поправку: «При употреблении термина «рабочие и служащие» в эту категорию включаются не только рабочие и низкооплачиваемые служащие, но также администрация и высокооплачиваемые служащие»[2]. Если даже допустить, что акции на 1 млрд. долл. принадлежали исключительно рабочим, то и эта сумма составляла бы тогда всего около 1% стоимости всех акций США. До торжества «карверизма» рабочему осталось завоевать «пустяки» — 99%.

Даже отчёт комитета Гувера выражал своё неверие в «демократизацию» богатства: «Можно сомневаться, чтобы это явление сильно отразилось на распределении богатства и доходов в США или чтобы оно было проявлением серьёзных изменений в этом отношении»[3].

Небольшое число корпораций, принимавших специальные меры к распределению акций между своими рабочими, достигло некоторых успехов в этом отношении. В 1927 г. в 315 корпорациях, по данным американской промышленной статистики, 4,5% рыночной стоимости всех акций принадлежало рабочим[4].

В 1926 г. утверждали, что больше 25% рабочих Стального треста владеет акциями и что стоимость рабочих акций этого треста превышает 100 млн. долл.[5] Но наделение рабочих ценными бумагами этого крупнейшего треста происходило на особых условиях. Трест мог аннулировать акции, не оплачивая дивидендов или процентов в трёх случаях: 1) если рабочий по своей воле уходит с работы; 2) если он увольняется за проступок; 3) если он временно прекращает работу помимо желания администрации[6]. Покупая акцию, рабочий должен был отказаться от участия в стачке и в политической жизни.

В 1928 г. около 70% всех акций принадлежало 1% населения США. 1% населения США получал в годы «просперити» больше 80% дивидендов всех акций, а половина всех дивидендов падала на долю 0,2% самодеятельного населения страны — 100 тыс. самых богатых людей Америки; 0,03% самодеятельного населения страны — 16 тыс. человек,

---

[1] «American Labor Year Book», 1929, p. 66; «Current History», August 1932, p. 555.
[2] «Новейшие изменения в экономике США», т. II, стр. 80—81.
[3] Там же, стр. 80.
[4] «Current History», August 1932, p. 555.
[5] «Current History», September 1926, p. 928.
[6] «Current History», March 1927, p. 806.

имеющих каждый в отдельности доход не менее 100 тыс. долл. в год, — владели в 1928 г. 27% всех акций [1].

Рабочие акции и рабочие банки служили предметом обсуждения, правда, лишь в годы «просперити». Но в действительности не было никаких оснований говорить о «демократизации» богатства в Америке. Богатство неизменно аккумулировалось на одном полюсе, а нищета — на другом.

V

МИРОВОЙ БАНКИР

Заморская торговля и заграничные предприятия США. Дипломатия доллара. «Частная война» в Никарагуа. Шестая пан-американская конференция. Экспансия в Канаде. Политика США на Дальнем Востоке. План Юнга. Англо-американское соперничество. Каучук и нефть. Женевская конференция морских держав. Морская программа. Пакт Келлога. «Теория исключительности». Товарищ Сталин о назревании кризиса в Америке.

Во внешней политике годов «просперити» Вашингтон уделял главное внимание финансово-экономическим вопросам: увеличению заграничных капиталов, расширению внешней торговли, завоеванию новых рынков. Экспорт товаров из США составил по своей стоимости 3 832 млн. долл. в 1922 г., 4 910 млн. долл. в 1925 г. и 5 241 млн. долл. в 1929 г. По экспорту Америка заняла первое место в мире ещё во время первой мировой войны. В 1929 г. Англия впервые за триста лет уступила первенство США в общем обороте внешней торговли.

В среднем за пятилетие 1925—1929 гг. США ежегодно вывозили на 725 млн. долл. товаров больше, чем ввозили. Но мало этого. Крупные американские концерны, ломая преграды, воздвигнутые на их пути, — таможенные барьеры, импортные квоты и другие препятствия, — открыли свои филиалы во многих странах. К 1928 г. «Дженерал Моторс» организовал автосборочные предприятия в 18 городах Канады, Латинской Америки, Западной Европы и Дальнего Востока и 40 тыс. автообслуживающих станций в различных странах земного шара. Фордовские заводы имели свои филиалы в Англии, Франции, Германии, Испании, Бельгии, Дании, Ирландии, Канаде, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Мексике и Японии, железные рудники в Нью-Фаундленде и каучуковые плантации протяжением в 2 млн. *га* в долине Амазонки. Амери-

[1] «New York Herald Tribune», 30. VI. 1930; «Labor Fact Book», 1931, p. 46.

канской международной телефонной и телеграфной компании принадлежали заводы в Англии, Франции, Бельгии, Испании, Италии, Японии и Китае. Мясной трест Эрмура, имея около 100 отделений в Европе, Канаде и Латинской Америке, контролировал почти половину импорта мяса в Англию [1]. Компания Зингера контролировала с помощью своих предприятий в США и за границей 80% мирового производства швейных машин, а никелевая компания — 90% мирового производства никеля. Не перечисляя других фирм, укажем только на активность, которую нефтяные короли проявляли в годы «просперити» за границей. Нью-йоркская нефтяная компания «Вакуум-Ойл», например, основала свои отделения во всех странах капиталистического мира, за исключением Аравии.

Заграничные отделения фирмы в целях облегчения борьбы с местной промышленностью и местными законами создавались как формально независимые предприятия. Каждый филиал уполномочивался самостоятельно разрешать производственные и экономические проблемы, возникающие на территории, охватываемой его операциями.

В 1927 г. конгресс США решил командировать сотни агентов за границу в поисках новых возможностей для экспорта.

Возглавлявший тогда департамент торговли Герберт Гувер создал специальный отдел по обслуживанию внешней торговли. Донесения гуверовской агентуры рассылались соответствующим американским фирмам. Крупная заморская торговля США пользовалась часто иностранными судами. Американским пароходным компаниям трудно было конкурировать с европейскими: в США судостроение стоило дороже, а заработная плата персонала кораблей была выше, чем в Европе. Поэтому в 1928 г. решили оказывать государственную финансовую помощь судостроению; продавать частным компаниям государственные пароходы по низкой цене — ниже их стоимости в других странах; повысить оплату перевозок государственной почты, перевозимой частными кораблями; командиров запаса военно-морского флота, служащих у частных пароходных компаний, содержать на 50% за счёт государства.

И конгресс, и правительство, и министры, и послы, и консулы, и моряки — все старались увеличить торговлю США с другими странами. Достигнутые успехи трудно умалить. В 1925—1929 гг. стоимость экспорта США превышала в 2,5 раза стоимость экспорта в 1910—1914 гг. Если учесть разницу в ценах, то экспорт 1925—1929 гг. превышал

---

[1] *J. Carter,* Conquest, New York 1928, p. 244—247.

в среднем примерно на 75% среднегодовой экспорт за пятилетие, предшествовавшее первой мировой войне.

К количественным достижениям следует прибавить продолжавшиеся изменения в структуре и географии внешней торговли США. На рубеже XX века свыше двух третей американского экспорта приходилось на долю пищевых продуктов и сырья. В 1929 г. экспорт промышленных изделий доходил до двух третей всего вывоза. За семь лет, предшествовавших 1929 г., стоимость экспорта готовых фабрикатов удвоилась. В 1901 г. в Европу направлялось свыше 75% американского экспорта, в 1914 г. — 63%, а в 1929 г. — 45%. К 1930 г. около двух третей внешней торговли США производилось с неевропейскими странами.

Успех внешней торговли США не следует приписывать только стараниям министров и дипломатов. Министры других империалистических держав старались в интересах экспортёров своих государств не меньше, чем правительство США. Но богатство США предоставляло американским экспортёрам больше возможностей. Американские банкиры кредитовали заграничных клиентов США. Они старались завоевать и расширить новые рынки продажей изделий американских фабрик и заводов в кредит, в рассрочку.

В 20-х годах экспорт капитала из США находился в среднем на уровне 1 млрд. долл. в год. В 1927 г. он дошёл до 1 376 млн. долл., а в 1928 г. — до 1 250 млн. долл. В 1929 г., в связи с большим спросом на деньги со стороны нью-йоркской биржи, инвестиции США в иностранные ценные бумаги снизились до 671 млн. долл. В начале 1930 г. американские капиталы за границей, не считая так называемых политических или военных займов, превышали 16,5 млрд. долл. Эти суммы распределялись следующим образом: в Европе было около 5 млрд. долл., в Канаде — 4 400 млн., а в Латинской Америке — 5 700 млн. долл. Около половины заграничных капиталов США было непосредственно вложено в фабрики, заводы, электрические станции, шахты, рудники, нефтеносные земли, плантации и железные дороги. Вторая половина была инвестирована в иностранные ценные бумаги, в обязательства правительств, муниципалитетов и частных фирм. Ежегодные доходы от заграничных инвестиций во вторую половину 20-х годов составляли в среднем около 850 млн. долл.

Доходы от заграничных инвестиций в большинстве случаев не шли в США, они оставались сплошь да рядом за границей. Вместе с новыми капиталами, продолжавшими прибывать из Нью-Йорка, они увеличивали спрос на американские

товары. Росло число стран-должников Уолл-стрита. Говорили, что доллар «скупает земной шар».

В Вашингтоне даже многие изоляционисты относились отнюдь не равнодушно к положению в тех странах, где находились американские капиталы. В 1926 г. морской министр Вильбур публично напомнил, что американские инвестиции за границей равны национальному богатству США в 1878 г. Вслед за ним президент Кулидж заявил, что заграничные капиталы должны быть защищены. В особенности дипломатия доллара активно действовала в государствах западного полушария в странах, расположенных к югу от США.

Мы уже указывали, что к середине 20-х годов финансы 11 из 20 государств Латинской Америки контролировались Вашингтоном. В дальнейшем нью-йоркские банкиры навязывали свои займы правительствам и муниципалитетам, скупали предприятия латино-американских стран, используя для этого любые возможности и не останавливаясь перед ценой. Они даже готовы были на временные убытки, лишь бы овладеть рынками и богатствами южных стран.

В 1929 г. журнал «Nation» рассказывал, что Американская силовая компания, снабжавшая к тому времени энергией и светом свыше 60 муниципалитетов латино-американских государств, предлагала англичанам за акции электрических предприятий в Аргентине, Бразилии, Чили и других южных странах Нового Света сумму, превышавшую на 25% их рыночную цену [1]. Акции Американской силовой компании никаких дивидендов не приносили. Несмотря на это, они котировались на нью-йоркской бирже гораздо выше номинала и чрезвычайно быстро распродавались. Курс тех или иных ценных бумаг зависел тогда не столько от прибыли представляемых *ими* предприятий, сколько от биржевых приёмов нью-йоркских брокеров.

В отчёте сенатской комиссии 73-му конгрессу США говорилось: «факты об операциях банкиров с иностранными акциями являются одной из самых скандальных глав в истории американских банковских инвестиций. Продажа этих ценных бумаг сопровождалась такими злоупотреблениями, которые оскверняют самые элементарные принципы деловой этики» [2].

Сын президента Перу получил от нью-йоркского банкирского дома Зелигмана «подарок» в 415 тыс. долл. за то, что он уговорил перуанское правительство заключить у США

---

[1] «Nation», 10. VII. 1929, p. 35.

[2] «Senate Reports» No. 1455, 73th Congress, 2-d Session, Stock Exchange Practices, Washington 1934, p. 125.

заём на 100 млн. долл.[1] Кабальный заём не был выгоден Перу. Перуанские ценные бумаги — как выяснила впоследствии сенатская комиссия — сулили их держателям в США только убыток[2]. Но на подобных операциях наживались банкиры Уолл-стрита. Займы Перу, как и другим латиноамериканским государствам, соответствовали политике финансовой олигархии США, политике установления господства доллара над центральными и южными странами западного полушария.

На Кубе в 1925 г. пришёл к власти сравнительно небогатый человек — Мачадо. За несколько лет президентства Мачадо нажил большое состояние. Он великодушно, хотя, видимо, не бескорыстно, относился к оперировавшим на острове энергетическим компаниям США. Жители Кубы платили за электричество в среднем в 2,5 раза больше, чем жители США. В дополнение к большим прибылям Мачадо провёл закон, освобождающий электрические компании от обложения. Он также аннулировал их прежнюю налоговую задолженность в размере 2 млн. долл. Спустя несколько лет комиссия сената в Вашингтоне раскрыла секрет особо тёплых чувств президента Кубы к энергетическим трестам США. В конце 1927 г. нью-йоркский Чейз-Банк открыл частный кредит президенту Кубы. В течение следующих трёх лет суммы, предоставленные этим банком в личное распоряжение Мачадо, исчислялись сотнями тысяч долларов[3].

Государственные мужи Кубы и Перу — не досадное исключение в Латинской Америке. Говорят, что Филипп Македонский сказал: «Едва ли существует такая высокая городская стена, через которую не мог бы перешагнуть осёл, нагружённый золотом». Спустя 2 300 лет нью-йоркские банкиры пробовали в Латинской Америке подчинить себе города и страны с помощью автомобиля, нагружённого долларами.

Осенью 1928 г. Герберт Гувер, путешествуя после победы на президентских выборах по южным странам, отметил, что за восемь предшествующих лет банкиры США вложили в Латинскую Америку в 6 раз больше капиталов, чем банкиры всех других стран вместе взятых. Ко времени этого визита Гувера на Юг США успели распространить свой военный, политический или финансовый контроль над 14 из существующих 20 латино-американских государств. На помощь Уолл-стриту неоднократно приходили военные корабли и десанты. Вслед за поездкой Гувера военно-морской флот США демон-

[1] *L. Seras,* History of American Foreign Relations, N. Y. 1937, p. 614.
[2] «Senate Reports» No. 1455, 73th Congress, p. 126—130.
[3] «Stock Exchange Practices, Hearings, 73th Congress, etc., First Session», part 5, p. 2645—2647.

стрировал свою мощь у берегов Перу и Чили, напоминая южным странам лишний раз о заинтересованности США в делах Латинской Америки.

В Центральной Америке события зашли ещё дальше. Там то в одной, то в другой стране десанты северного соседа занимались «наведением порядка». Больше всего досталось Никарагуа. Ещё за несколько лет до первой мировой войны на территории этой страны проектировалось прорытие второго канала между Атлантическим и Тихим океанами. Подготовка строительства в Никарагуа началась в 1909 г. с американской интервенции, которая затянулась на 24 года. Интервенты покровительствовали правительству, приемлемому для Нью-Йорка. В 1925 г. Вашингтон попробовал было отозвать свои войска. Как только американские моряки оставили пределы Никарагуа, там развернулось сильное движение против ставленников Нью-Йорка. Вашингтон вооружал и финансировал правительство Диаса. Но этого оказалось недостаточно. К началу 1927 г. 11 военных кораблей и больше 5 тыс. солдат, посланных Кулиджем без санкции конгресса, вели «частную войну» в Никарагуа.

Действия Кулиджа вызывали резкие протесты в стране и в конгрессе. Председатель комиссии по иностранным делам сената Бора заявил: «Наша политика не должна базироваться только на нефти и красном дереве» [1]. Газета «Нью-Йорк Таймс» нашла нужным 10 марта 1927 г. писать: «Президент Диас — «свой человек», держащийся у власти только с помощью американских штыков... Хорошо было бы, если бы правительство приостановило этот фарс, не давая ему развиваться дальше». В конце апреля того же года Кулидж, отвечая на критику, утверждал, что «война США в Никарагуа подобна борьбе полицейского с проходящими мимо него по улице частными людьми».

Президент США тогда послал полковника Стимсона (будущего государственного секретаря) со специальной миссией в Никарагуа. Отправив посланца, Кулидж декларировал 25 апреля 1927 г., что «граждане и их имущество даже тогда, когда они находятся за границей, продолжают оставаться неотъемлемой частью государства». Стимсону удалось убедить одного руководителя оппозиции — Монкадо — пойти на соглашение с Диасом на основе проведения в Никарагуа новых выборов под наблюдением США. Другой руководитель либерального движения — Сандино — отказался признать опеку Вашингтона.

---

[1] «Current History», April 1927, p. 106.

Выступление Сандино приняло характер массового антиимпериалистического движения. Борьба с ним, затянувшаяся на годы, причинила много хлопот оккупационной армии.

16 января 1928 г. президент Кулидж открыл в Гаванне шестую пан-американскую конференцию. События в Никарагуа служили свежим напоминанием о том, что в Гаванне собрались отнюдь не делегации равноправных государств. Представитель Сальвадора осмелился утверждать, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние дела другого государства». Глава американской делегации Юз призвал его к порядку. Делегат крошечного Сальвадора не учёл, очевидно, старинную поговорку: «Не судись с судьёй».

В граничащем с США на огромном пространстве британском доминионе — в Канаде — американский капитал давно уже играет большую роль. В годы послевоенного «просперити» позиция Нью-Йорка на территории, расположенной к северу от США, усилилась. До войны 1914—1918 гг. экспорт США в Канаду превышал в 3 раза английский экспорт в эту страну, а в 1929 г. — в 4,5 раза. Канада, вслед за Англией, заняла второе место в мире по сбыту товаров США. В 1929 г. Канада закупила у своего южного соседа около 80% всех импортируемых ею товаров [1]. Через Канаду американские товары на льготных началах проникали в страны Британской империи. К 1928 г. в Канаде открыто функционировало свыше 700 отделений крупных американских промышленных концернов. Наряду с этим многие предприятия, оперировавшие в качестве канадских, контролировались капиталами США, которые к тому времени уже овладели одной третью фабричной и горной промышленности Канады.

В Восточной Азии экономические интересы США не были столь крупными, как в Канаде или Латинской Америке. Экспорт США в одну Канаду или в Латинскую Америку был в 1929 г. в полтора раза больше, чем экспорт во все азиатские страны. В 1930 г. американские инвестиции во все государства Азии составляли около 1 млрд. долл. — в 4,5 раза меньше, чем в Канаде, в 5 раз меньше, чем в Европе, и почти в 6 раз меньше, чем в Латинской Америке. Из этой суммы 445 млн. долл. было инвестировано в Японии, 201 млн. долл. — в Голландской Индии и всего 130 млн. долл. — в Китае. Тем не менее Дальний Восток, в частности Китай, занимал большое место во внешней политике Вашингтона в послевоенные годы.

---

[1] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1929, p. 80.

Китай с его почти нетронутыми естественными богатствами, с его обширной территорией, на которой обитает около одной четверти населения земного шара, рассматривается в Вашингтоне как потенциально обширный рынок для сбыта товаров и богатый край для приложения капиталов. Отдалённость Восточной Азии и крупные интересы других империалистических держав на Дальнем Востоке не дали возможности Вашингтону вести в Китае такую агрессивную политику, как в Латинской Америке. Нью-Йорк в данном случае полагался на свои большие финансовые возможности. Он надеялся с помощью долларов обеспечить США львиную долю в эксплоатации Китая. Он, как в 1921 г. на Вашингтонской конференции, продолжал настаивать на сохранении целостности китайской территории, на соблюдении принципа, опубликованного США ещё в 1899 г., — принципа «открытых дверей» и равных возможностей в Китае. Об этом государственный секретарь США Келлог неоднократно публично говорил во второй половине 20-х годов как о кардинальной политике Вашингтона на Дальнем Востоке.

Требуя равных возможностей для США, правительство Кулиджа продолжало обращаться с Китаем, как с неравным государством. 24 марта 1927 г. военные корабли США, под избитым империалистическим предлогом «защиты жизни и имущества своих граждан», обстреляли Нанкин. Спустя год Келлог заставил китайские власти извиниться за этот инцидент. Нанкинское правительство просило Вашингтон выразить и с его стороны сожаление по поводу случившегося. Представитель США с негодованием отклонил «дерзкое» требование Нанкина.

Большой экспорт капиталов и товаров в Европу, в частности в Германию, в 20-х годах резко отличался от экономической экспансии США в колониальные и полуколониальные страны. Ещё в 1925 г. нью-йоркские журналы писали о подчинении доллару не только американских, но и ряда европейских государств. В начале 1929 г. известный английский финансовый эксперт, член репарационной комиссии Стамп пророчествовал, что «американцы станут в большой степени хозяевами Германии» [1]. Подобные пророки не только ошибались в прогнозах, но и неправильно освещали происходивший в действительности процесс.

В последние годы «просперити» роль Америки как кредитора Европы постепенно уменьшалась. Уже в 1927 г. Европа отправила в Америку больше капиталов, чем Америка в

---

[1] «Current History», April 1929, p. 28.

Европу[1]. Взносы по военным долгам США получали с помощью финансирования репарационных платежей. В то же время через другие каналы европейские деньги текли в Америку. В европейских государствах, прошедших через войну и инфляцию, напуганные вкладчики предпочитали по мере возможности держать свои сбережения и накопления в Америке. Америка начиная с 1927 г. ссужала Европу европейскими же деньгами. Иными словами, Европа до известной степени сама себя финансировала через Америку. Америка только получала комиссионные за хорошую репутацию доллара.

К концу 20-х годов Уолл-стрит должен был отказаться от мысли о подчинении экономики Европы своему контролю. В кругах конгресса опять заговорили громким голосом изоляционисты. В 1929 г. план Дауэса был заменён планом Юнга.

По плану Дауэса, американец в должности генерального агента по репарациям возглавлял контроль над командными высотами германского хозяйства. Принятый в июне 1929 г. план американского банкира Юнга отменил этот контроль. План Юнга сократил размеры ежегодных платежей Германии, установил общую сумму и наметил срок окончательной выплаты репараций. Сумма определялась в 37 млрд. золотых марок, или 9 млрд. долл.; срок — 59 лет. Такой же срок был установлен в своё время для выплаты военных долгов союзников Америке. Таким образом, план Юнга косвенно зафиксировал связь между репарациями и союзными долгами. Союзники пожелали эту связь отметить непосредственно в плане. Но представители США не соглашались. В специальном меморандуме, подписанном одновременно с планом Юнга, союзники обещали, что в случае получения ими льгот по их задолженности Америке эти льготы будут в первые 37 лет на две трети, а в последующие 23 года целиком перенесены на германские репарационные платежи.

После принятия плана Юнга нью-йоркский капитал пытался сохранить известное влияние в Европе с помощью Международного банка. Пятая и шестая части нового репарационного плана предусматривали создание Банка международных расчётов, которому поручены были функции бывшего генерального агента по получению и распределению репарационных платежей. Американский капитал возлагал на новое международное финансовое учреждение особые задачи. Нью-йоркская печать утверждала, что этот задуманный Уолл-стритом «сверх-банк» должен рассматриваться как грандиозный банк центральных банков всего мира[2]. Недаром среди

[1] «Current History», December 1928, p. 399.
[2] Ibid., August 1929, p. 859.

американских делегатов на конференции, разработавшей новый репарационный план, присутствовали сам Джон Пирпонт Морган и его правая рука — Томас Ламонт.

Мировая экспансия нью-йоркских банкиров, в частности движение их инвестиций на юг и на запад, естественно, должна была наталкиваться на сопротивление Англии, на препятствия со стороны того государства, которое долго занимало первое место в вывозе товаров и капиталов в Латинскую Америку и на Дальний Восток. До войны 1914—1918 гг. Англия видела перед собой более грозного и воинствующего соперника в лице кайзеровской Германии. Поверженная в результате войны Германия оказалась на ряд лет обессиленной. С поражением кайзеровской империи конкуренция между США и Великобританией приобретала большее значение. В третьем десятилетии XX века основная борьба в лагере империалистических держав разыгрывается между Англией и Америкой. Во вторую половину 20-х годов эта борьба выливается в довольно острые формы.

В течение 15 лет, с начала первой мировой войны до конца 20-х годов, Америка наступала, отвоёвывая у Англии позицию за позицией, рынок за рынком. В 1922 г. Вашингтон заставил Лондон согласиться на равенство морских вооружений, а в 1923 г. — платить военные долги. В дальнейшем растущее соперничество между двумя крупнейшими империалистическими державами за рынки сбыта и за источники сырья наблюдалось во всех частях земного шара. В Латинской Америке и в Канаде, на континенте Европы и в Восточной Азии американская торговля увеличивала, а английская уменьшала свой удельный вес. В середине 20-х годов экспорт капитала из США превышал более чем в два раза экспорт капиталов из Англии. В Лондоне начали опасаться, что колоссальные производственные возможности промышленности США позволят американцам с каждым годом всё интенсивнее вытеснять англичан со старых мировых рынков.

Англичане пытались воспользоваться монополией Британской империи на производство некоторых важнейших видов тропического сырья. Несмотря на богатство США естественными ресурсами, Америка зависит от заграницы в отношении очень важных видов минерального и сельскохозяйственного сырья. В 20-х годах США импортировали 100% своей потребности олова, селитры, хромовых руд, шёлка-сырца и естественного каучука, 92% марганца и 98% никеля. Очень важный для автомобильной промышленности каучук импортировался в США преимущественно из стран, подконтрольных Лондону. То же самое относится к никелю и олову. Во

второй половине 20-х годов США ежегодно ввозили одного каучука на 300 млн. долл.

В конце 1925 г. министр торговли Кулиджа Герберт Гувер указал, что США покупают за границей ежегодно на 800 млн. долл. таких товаров, на которые правительства определённых государств, пользуясь своим монопольным производством, искусственно взвинчивают цены. Гувер предупредил, что Вашингтон не будет мириться с таким положением. Острие его выступления было направлено в сторону Англии. Он утверждал, что монопольная цена британского каучука обеспечивала доход в 300% и выше в год на инвестированный капитал и что США переплачивают на импортированном сырье монопольного производства около 300 млн. долл. в год [1].

Каучук имеет промышленное значение с 40-х годов прошлого века. Но впервые в 20-х годах нашего века мировая печать начала уделять ему значительное внимание, и вопрос о каучуке стал большой политической проблемой. Американская пресса проповедывала избавление промышленности США от зависимости в области английского каучука, рассматривая это как большую патриотическую задачу. Форд расширял свои каучуковые плантации в Бразилии, а Файерстон — в Либерии. В 1926 г. президент Кулидж послал на Филиппины особо уполномоченного полковника Томпсона со специальным наказом изучить возможность разведения в широком масштабе каучука на островах. Со своей стороны британское правительство принимало меры к сокращению импорта хлопка из США, к обеспечению английских хлопчатобумажных фабрик сырьём, производимым в империи. В течение нескольких лет продукция хлопка в Индии и в Египте выросла на 25%, а в Судане — почти на 200%.

Большое место в англо-американском соперничестве занимала на протяжении 20-х годов борьба за нефть. Англо-Голландская нефтяная компания монополизировала нефтяные источники в Британской империи и в Голландской Индии, вытеснила американцев из нефтеносных земель на Борнео и Суматре и наложила свою руку на моссульскую нефть. В то же время она продолжала беспрепятственно эксплоатировать свои источники на территории США. Более того, возглавлявший Англо-Голландскую компанию Генри Детердинг пытался помешать сбыту советской нефти на американском рынке. Он не жалел денег на подкуп прессы. Нью-йоркские газеты заговорили, что самая опасная «большевистская угроза» таится в нефти, поступающей из СССР. В 1928 г.

[1] «Current History», December 1925, p. 309.

было достигнуто соглашение между английским и американским нефтяными трестами. Голландия открыла нефтяным компаниям США доступ в её Ост-Индские колонии. Разговоры об угрозе миру и покою Америки со стороны советской нефти прекратились.

Вопросы нефти связаны с проблемой морского могущества. Экономическая борьба между двумя крупнейшими капиталистическими державами нашла во второй половине 20-х годов своё политическое выражение в англо-американском морском соперничестве. В соответствии с Вашингтонским соглашением 1922 г. США вывели из строя и прекратили строительство военных кораблей в 842 тыс. *т* — больше, чем Англия и Япония вместе взятые. Среди этих кораблей в США числилось 19 старых и 13 новых единиц, в Японии — 12 старых и 4 новых, а в Англии — 22 старых и ни одного нового корабля. Вашингтонская конференция морских держав ограничивала тоннаж только линейных флотов. Англия и Япония сделали упор на строительство крейсеров и мелких военных кораблей. Америка, надеясь на свою экономическую мощь, увлечённая разговорами и теориями о длительном «просперити», не только не шла в ногу со своими морскими соперниками, но и не использовала тех прав, которые ей предоставила Вашингтонская конференция в отношении линейных кораблей.

Через пять лет после Вашингтонской конференции Америка, которая претендовала на военный флот, равный британскому, оказалась по боевым качествам своих линейных кораблей не только далеко позади Англии, но и позади Японии[1]. В линейном флоте США числилось почти столько же кораблей, сколько в английском, и намного больше, чем в японском. Но в то время как Англия имела 16 линейных кораблей со скоростью в 22 узла и больше, а Япония насчитывала 10 таких кораблей, Америка не имела ни одного линейного корабля с такой скоростью. По дальнобойности английские и японские корабли также превосходили американские.

---

[1] В 1926 г. соотношение находившихся в строю и строившихся больших военных кораблей крупнейших трёх морских держав представлялось в следующем виде:

	Англия	США	Япония
Линкоры	16	18	6
Линейные крейсеры	4	0	4
Лёгкие крейсеры	47	10	25
Авианосцы	6	3	3

Помимо перечисленных больших кораблей в так называемой второй линии флота США числились тогда 6 крейсеров, из них 3 тяжёлых и 3 лёгких по 3 200 *т* каждый.

10 февраля 1927 г. президент Кулидж внезапно, без соответствующей дипломатической подготовки, предложил морским державам созыв конференции по разоружению. Франция и Италия, ссылаясь на формальные соображения — на то, что они связаны программой разоружения Лиги наций, отклонили приглашение президента США. Лондон и Токио приняли предложение Вашингтона.

20 июня 1927 г. в Женеве открылась конференция трёх крупнейших морских держав. Соотношение сил было на этот раз иное, чем в 1921 г., во время открытия морской конференции в Вашингтоне. Англия и Япония заняли в Женеве неуступчивую позицию. Спустя несколько лет комиссия сената установила, что владельцы военных заводов США принимали в 1927 г. меры к тому, чтобы американская делегация на Женевской конференции также не склонна была итти на компромиссы. Конференция трёх держав продолжалась 45 дней. 4 августа 1927 г. она закончилась полным провалом.

Основной спор в Женеве шёл о норме крейсерских флотов. Англия, имея стратегические базы и топливные станции на всех перекрёстках мировых путей, могла превосходно использовать лёгкие крейсеры. Она предлагала сильно ограничить число тяжёлых крейсеров, имеющих водоизмещение в 10 тыс. *т* и вооружённых 8-дюймовыми орудиями. В таких крейсерах как раз больше всего был заинтересован Вашингтон. Недостаток баз заставил американцев строить крупные корабли, тяжёлые крейсеры, которые могут возить с собой большие запасы топлива. США настаивали в Женеве на сокращении числа лёгких крейсеров. Делегации покинули Женеву, каждая оставаясь при своём особом мнении.

В Женеве Англия фактически взяла обратно своё согласие на равенство морских вооружений с Америкой. Правда, конференция 1927 г. не модифицировала соотношения линейных флотов, установленного в Вашингтоне. Но после неудачного торга в Женеве британский канцлер казначейства Уинстон Черчилль заявил: «Мы не можем сейчас — и, я надеюсь, никогда в будущем — вносить в важнейшие международные соглашения какие бы то ни было слова, которые будут связывать нас с принципом математического равенства морских сил» [1].

Ответом Вашингтона на английскую политику в Женеве был опубликованный 14 декабря 1927 г. проект новой морской программы в 725 млн. долл. Программа предусматривала строительство 71 корабля, в том числе 25 тяжёлых крейсеров и 5 авианосцев.

[1] *J. Garter,* Conquest, New York 1928, p. 195.

Между Лондоном и Вашингтоном начались трения, взаимные обвинения и выпады. 6 декабря 1927 г. президент США в послании конгрессу отметил: «Япония идёт во многом на сотрудничество, но мы не в состоянии притти к соглашению с Великобританией» [1]. В европейской и американской печати появились сообщения о секретном англо-японском соглашении, восстановившем союз, расторгнутый в Вашингтоне в 1922 г. Английский король в коронной речи в парламенте в ноябре 1928 г. заявил: «Историческая дружба, которая столько лет объединяла Японию и мою страну, всегда служила могущественным фактором поддержания мира на Дальнем Востоке». Через месяц, в декабре 1928 г., британский маршал Робертсон высказался публично более резко. Он говорил, что американские притязания на морское могущество «очень напоминают то, что мы так часто слышали от Германии перед трагедией 1914 г.» [2].

В этом же духе высказывались и влиятельные политические деятели Вашингтона. Когда в конгрессе США обсуждалась новая морская программа, сенатор Уолш из Монтаны сказал: «Совершенно очевидно, что строительство крейсеров, предлагаемое законопроектом, рассчитано на войну, в первую очередь с Англией и во вторую — с Японией» [3].

Американская печать перечисляла стратегические пункты, которые Англия прибрала к своим рукам; печать указывала, что Гибралтар и Сингапур запирают, как два замка, все пути, идущие через бассейн Средиземного моря и Индийского океана, что Англия несравненно лучше, чем США, укреплена у западных берегов Тихого океана, что Великобритания господствует у восточных берегов Атлантики и имеет разветвлённую сеть укреплённых баз у западных берегов Атлантического океана, у берегов Америки, что базы Бермуда и Галифакс — пистолеты, направленные в сердце США, а укрепления на Ямайке и Барбадоссе — засады, угрожающие Панамскому каналу. Много разговоров вызвала в печати и в конгрессе США концессия, полученная в 1926 г. англичанами в Панаме. По этой концессии Англия получала по обеим сторонам Канала территорию, годную для разведения каучука. В кругах конгресса этот шаг рассматривался не только как экономическое, но и как стратегическое достижение Англии в её соперничестве с США [4].

Несмотря на весь шум, поднятый в Вашингтоне против британской угрозы, конгресс после обсуждения, длившегося

[1] «Chicago Tribune», 7. XII. 1927.
[2] «Current History», May 1929, p. 192.
[3] Ibid., April 1929, p. 31.
[4] «Literary Digest», 26. VI. 1926, p. 13.

больше года, снизил морскую программу с 71 корабля до 16. Но и сокращённую программу не торопились проводить в жизнь. Так же обстояло с программой военно-воздушного флота, о которой много говорили и писали в 1926—1927 гг.

Пятилетняя программа предусматривала доведение авиационного корпуса армии до 15 тыс. человек, а число первоклассных боевых самолётов в армии и флоте — до 3800. Этот грандиозный по тем временам план военно-воздушного строительства на практике не был осуществлён. Лишь гражданская авиация США сильно шагнула вперёд во вторую половину 20-х годов. В стране были открыты трансконтинентальные воздушные линии. Уже к началу 1927 г. в США оперировало больше гражданских самолётов, чем в Англии, Франции, Германии и Японии вместе взятых [1].

Америка пока удовлетворялась экономической экспансией. Из всего клубка англо-американских противоречий Вашингтон сосредоточил своё внимание лишь на проблеме «свободы морей», о чём в 1928—1929 гг. разгорелись горячие дискуссии с Лондоном. Изоляционисты и другие сторонники «небольшого флота» (Small Navy Men) в Америке рассуждали, что, мол, «большие флоты и большие армии никогда не помешали большим войнам». Они нашли поддержку у президента США. Экономный Кулидж, поскольку это от него зависело, тормозил увеличение флота. Большая программа морских вооружений Вашингтона продолжала оставаться при наличии острых англо-американских противоречий угрозой на словах, проектом на бумаге. На политику вооружения США тогда оказывали сильное влияние наряду со старыми изоляционистами новые «теоретики», проповедники «экономической империи», мечтавшие завоевать земной шар долларом. Этим объясняются «миролюбивые» начинания государственного департамента при Кулидже в области международной политики. Но «миролюбие», конечно, не относилось к дипломатии доллара в Центральной Америке.

Имея во всех частях земного шара крупные капиталы и большие торговые интересы, не обеспеченные соответствующей военной силой, Вашингтон в 20-х годах естественно выступал на международной арене как сторонник сохранения мира. Мало надеясь на конференцию по разоружению, Америка выдвинула новую «универсальную» идею. В Колумбийском университете зародилась мысль об объявлении войны вне закона. Весной 1927 г. профессор этого университета Шотвель, будучи в Париже, изложил план «запрещения» войны перед министром иностранных дел Франции Брианом.

[1] «Current History», January 1927, p. 476.

В день десятилетия вступления США в мировую войну, 6 апреля 1927 г., Бриан в обращении к американскому народу говорил, что Франция готова заключить с Америкой соглашение об объявлении войны вне закона.

27 августа 1928 г. в Париже в здании министерства иностранных дел представители 15 государств подписали соглашение об отказе от войны как орудия национальной политики. Соглашение получило название пакта Келлога.

Келлог был не отцом, а в лучшем случае отчимом приписанного ему детища. В течение девяти месяцев он уклонялся от предложения Бриана. Исходя из интересов международных банкиров Нью-Йорка, стремившихся к установлению и закреплению гегемонии американского капитала во многих странах и смотревших на новое международное политическое соглашение как на орудие утверждения своего экономического господства, Келлог противопоставлял французскому проекту двустороннего пакта американский план многостороннего соглашения. Активность президента Колумбийского университета Бетлера, сенатора Бора и известных изоляционистов-пацифистов, инициаторов петиции с 2 млн. подписей, направленной в Вашингтон, помогла государственному департаменту США изображать пакт о том, что отныне международное право будет считать войну нелегальным, незаконным действием, как большое альтруистическое мероприятие.

При подписании пакта стороны сошлись на безвредной формуле об отказе от войны как орудия национальной политики. Министр иностранных дел Германии Штреземан говорил о «движении к образованию Соединённых Штатов Европы». Государственный секретарь США участвовал в парижской процедуре молча. Бриан предложил посвятить соглашение от 27 августа 1928 г. «всем погибшим в великую войну».

Вашингтон пригласил 48 государств присоединиться к пакту Келлога. Старый реакционер Келлог стал в глазах американских и европейских пацифистов заклинателем злейших духов человеческой истории. О нём говорили, что он облёк Марса в ризу миролюбия, что он воздвиг столп мира. Но столп оказался с трещиной: пакт Келлога не предусматривал даже формально применения санкций по отношению к его нарушителям.

В руководящих кругах Вашингтона антивоенное соглашение мало в ком вызывало иллюзии. Сенатор Рид из Миссури назвал его «международным поцелуем». Скептики указывали,

что такое же соглашение о вечном мире было подписано ещё около 4 200 лет тому назад между хеттами и египтянами. Президент США предупредил, что пакт Келлога «не окажет никакого влияния на политику и морскую программу Вашингтона» [1]. Однако очередная декларация Белого дома, как и опубликованные проекты большого строительства морского и воздушного флота оставались невыполненными. В Вашингтоне тогда преобладали круги, которые считали, что Америке легче и дешевле бороться со своими соперниками долларами, чем военными кораблями.

Вышедшая в 1929 г. в США и переизданная в СССР книга Людвелла Дени «Америка завоёвывает Британию», расхваливая преимущества «возрастающей могущественной невидимой экономической империи» нью-йоркских банкиров, подытоживала только те рассуждения и формулировала лишь те пожелания, которые в годы «просперити» занимали умы определённых политических кругов в Вашингтоне. Влиятельные лица в США доказывали, что американский капитализм является новым, особым, исключительным империализмом, который может завоевать все рынки и все страны чисто экономическим путём.

Рассуждения об американском сверхимпериализме, равным образом как и иллюзии о вечном «процветании», соблазнили некоторые неустойчивые элементы компартии США. В 1928 г. в коммунистической партии США образовалась фракционная группа во главе с Ловстоном, которая проповедывала «теорию исключительности» американского капитализма.

Согласно «теории исключительности» в 1928 г. «США не стояли перед угрозой серьёзного кризиса, а, наоборот, входили в период беспримерного процветания и экспансии, который может быть сравнён только с эпохой Виктории британского империализма и который, по заявлению Ловстона, войдёт в историю как «гуверовская эпоха» [2].

Товарищ Сталин, отметив несостоятельность «теории исключительности», указал ещё в мае 1929 г. — в тот месяц, когда индекс промышленного производства США достиг своей высшей точки за весь период послевоенного «просперити», — на назревание кризиса в Америке.

---

[1] «Current History», October 1928, p. 123.
[2] «Communist», September 1934, p. 639.

VI
«НОВАЯ ЭРА»

Теоретическая основа «новой эры». Национальные конвенты 1928 г. Дискуссия о религии и водке. Генеалогический «дефект» кандидата демократов. Фермерская оппозиция в Канзас-Сити. Коммунистическая партия на выборах 1928 г. Итоги президентской кампании. Съезд губернаторов в Новом Орлеане. Смена президентов. Герберт Гувер — международный делец. «Философский» трактат Гувера. Первые акты нового президента.

Лето 1928 г. Индекс производства и биржи стремится ввысь. Идёт последний год второго президентства Кулиджа. Очередная выборная кампания в разгаре. Под громовые крики о «просперити» открывается национальный конвент господствующей республиканской партии в Канзас-Сити: в Америке открыли новую эру! В США найден путь к бескризисному развитию капитализма! Ключ к беспрерывному хозяйственному процветанию в руках республиканской партии! «Хотите продолжения «просперити» — голосуйте за кандидатов республиканцев!» Таков девиз национального конвента. Таковы призывы, несущиеся из Канзас-Сити по штатам.

В течение почти целого века американская экономическая литература говорила о циклическом развитии капиталистического хозяйства, как о бесспорном факте. Спор шёл лишь о его причинах и о продолжительности цикла. В Америке, как и в Европе, многие экономисты блуждали в теориях больших, малых и коротких циклов, как в трёх соснах. Но само существование капиталистического цикла — смена каждого промышленного подъёма кризисом — не нуждалось в доказательстве. Одни признавали это явление неизбежным злом, другие мечтали об изобретении, способном избавить капитализм от кризисов. На патент подобного рода претендовали, как мы уже знаем, изобретатели федеральной резервной системы.

К концу президентства Кулиджа объявили, что сбылись вещие сны, что американский гений довёл производительные силы страны до такого уровня, когда само производство автоматически расчищает себе дорогу, устраняет ухабы, ликвидирует препятствия, стоящие на его пути, и таким образом гарантирует хозяйство от неприятных неожиданностей. Массовое производство — утверждали — создаёт массовый сбыт. Оно удешевляет продукцию настолько, что одновременно выигрывают и капиталист, и рабочий, и потребитель. Производственные расходы уменьшаются в таких размерах, что создаётся возможность увеличивать прибыль, повышать заработную плату и вместе с тем дёшево продавать товары.

Словом, массовое производство обеспечивает беспрерывный возрастающий массовый спрос. В Вашингтоне и в Нью-Йорке декларировали торжество новой эры: «Биржевые паники и кризисы — явления минувших дней» [1].

Правда, в 1928 г. страна насчитывала около 4 млн. безработных. Но безработицу называли технологической, временной, отмечая, что по мере усовершенствования новой эры каждый будет обеспечен работой.

В прошлом, в годы экономического подъёма, тоже находились пророки, предсказывавшие если не вечное, то по крайней мере длительное хозяйственное процветание. Но «научно» подобные прогнозы были обоснованы впервые. Они стали официальной концепцией правительства, «кредо» господствующей партии.

Конвент в Канзас-Сити выбрал министра торговли Герберта Гувера кандидатом в президенты США. Гувер — синоним хозяйственного преуспевания. Конвентом руководили крупные реакционеры из «старой гвардии» республиканцев, такие известные в США консерваторы, как сенаторы Рид из Пенсильвании и Фесс из Огайо. Фесс был главным докладчиком в Канзас-Сити.

Демократической партией в 1928 г. тоже руководили консерваторы. Председателем национального комитета демократов стал бывший член республиканской партии крупный промышленник, председатель финансового комитета «Дженерал Моторс», Джон Раскоб. Демократы заседали на своём национальном конвенте в Хьюстоне штата Техас с 26 по 29 июня 1928 г. Вначале их главными кандидатами в президенты были, как и в 1924 г., Смит и Мак-Аду. Мак-Аду, чувствуя, что его шансы невелики, сам снял незадолго до конвента свою кандидатуру. Смит, не имея солидного соперника, на сей раз легко прошёл на конвенте при первом же голосовании.

Демократы, как и республиканцы, обещали продолжение «просперити». Платформы обеих партий были похожи одна на другую. Ни одна из них не сулила облегчений безработным. Обе они отказались удовлетворить пожелания фермеров. Демократы отреклись в 1928 г. от своей традиционной борьбы с протекционными тарифами. Их платформа успокаивала хозяев трестов, заявляя: «Честные дела, независимо от их объёма, не должны бояться демократического правительства» [2]. Один американский историк, профессор Мичиганского университета Дюмон, назвал платформы обеих пар-

---

[1] *P. Hansl,* Years of Plunder, New York 1935, p. 201.
[2] «World», 29. VI. 1928.

тий «сборником тривиальностей и двусмысленностей», а всю президентскую кампанию 1928 г. — «бесстыдным политическим развратом» [1].

Выдвижение католика и притом «мокрого» Смита кандидатом в президенты опять, как в 1924 г., разжигало страстную дискуссию о религии и водке. Но в отличие от 1924 г., когда «философская» тематика обсуждалась внутри демократической партии, сейчас в связи с тем, что в Хьюстоне был избран Смит, религиозный вопрос и в особенности «сухой» закон стали предметами горячих споров между республиканцами и демократами. XVIII добавление к конституции США служило главной темой предвыборной дискуссии. Платформы обеих партий обещали соблюдать конституционное добавление, но кандидат демократов Смит предложил после национального конвента поправку к партийной платформе: организовать референдум о наблюдении за проведением «сухого» закона федеральными или местными властями, что открыло бы возможность для отдельных штатов по желанию большинства граждан легализовать производство и продажу алкоголя.

Дискуссия о «сухом» законе проходила оживлённо и вызывала немало сенсационных выступлений в значительной мере потому, что она приобрела в предвыборной борьбе определённый практический смысл. Смит старался нажить на своей позиции в этом вопросе политический капитал в промышленных центрах. Республиканцы пытались настроить сторонников XVIII добавления к конституции в фермерских штатах, в особенности на демократическом Юге, против «мокрого» кандидата в президенты. В таком же духе республиканские боссы не прочь были использовать католицизм Смита. В традиционно-преданных демократам протестантских штатах Юга распространяли лозунг: «Не желаем иметь католического папу в Белом доме».

Более серьёзную и более глубокую борьбу, однако, вызвал Смит как кандидат в президенты в связи с его другими «грехами». Об этих «грехах» открыто не спорили. Их предпочитали публично не обсуждать. В печати их избегали публиковать.

Конституция США запрещает жаловать дворянские титулы. Формально страна не знает сословий. Но в США действуют неписанные законы и существуют неузаконенные сословия. На родине декларации буржуазного равноправия при ближайшем рассмотрении можно по сей день наблюдать иерархию политического неравенства.

---

[1] *D. Dumond,* Roosevelt to Roosevelt, New York 1937, p. 381, 384.

Хозяева США в их борьбе против так называемого «зла иностранного происхождения» делят население страны на категории: иммигрантов, детей иммигрантов, их внуков и т. д. Авраам Линкольн в своё время высмеивал кичливых янки, неоднократно повторяя: «Мы все иностранцы». Туземцами, говорил он, являются только индейцы. Спустя 70—80 лет американцами высшего сословия продолжают в США считать потомков тех переселенцев, которые прибыли в Новый Свет в колониальный период. По конституции президентом может быть избран любой гражданин США, родившийся в Америке, имевший в течение 14 лет постоянное местожительство на родине и достигший 35-летнего возраста. По традиции, однако, звание президента США может носить лишь тот, чьи предки жили в Америке ещё до борьбы за независимость.

В 1928 г. родившиеся за пределами США и потомки тех людей, которые эмигрировали из Европы в Америку после революции 1848 г., составляли большинство белого населения страны. Их всех относят к так называемой новой иммиграции. Не все они, конечно, рассматриваются как равные. Но всех их в известной мере считают гражданами низших рангов. Такое положение имеет определённую социальную основу. Из иммигрантов и их ближайших потомков состоит большинство американского пролетариата. Между тем командные высоты хозяйства США держат в своих руках в большинстве случаев старинные американские семьи. При равных материальных возможностях и умственных способностях, когда в буржуазных кругах речь идёт о продвижении человека по финансовой, политической, военной или другой линии, предпочтение всегда отдаётся потомкам более старых переселенцев в Америку. Моральным оправданием служит то, что, мол, управлять страной достойны прежде всего наследники пионеров, заселявших её прерии и рубивших её первобытные леса. Миллионеры из старинных американских семей держат себя сплошь и рядом обособленно даже от миллионеров из новой иммиграции. В особенности это бросается в глаза, когда речь идёт об обществе, об интимных друзьях или о заключении брака.

Новая иммиграция, правда, добилась известного признания среди «стопроцентных» американцев. Она дала немало богачей, миллионеров. Она также завоевала определённые политические права в стране. Она выдвинула из своих рядов известных местных политиков, мэров и даже губернаторов. Но на высшую должность в Америке фактически не допускается человек из граждан «второго сорта».

И Смита и Гувера — обоих кандидатов в президенты легко рекламировать перед широкими кругами избирателей. Оба остались в детстве сиротами. Оба выбились из низов и обладали крупным состоянием. Оба они должны были подкрепить буржуазную догму о том, что в Америке сыновьям подённого рабочего и мелкого фермера, обладающим способностями и талантом, дана возможность сделаться капиталистами, предоставлено право стать президентом.

Смита характеризовали в 1928 г. как одного из лучших, проницательнейших американских политиков. Его считали фаворитом Уолл-стрита, любимцем мелкой буржуазии и личным другом председателя АФТ. Как превосходный оратор он пользовался большим успехом на открытых многолюдных собраниях, в отличие от не обладавшего красноречием Гувера, которого в данном отношении выручило радио, впервые широко применённое в президентской кампании 1928 г.

Смит дошёл уже в 1918 г. до высшей должности в штате Нью-Йорк. С тех пор его пять раз переизбирали губернатором штата. Но дальше его политическая карьера наталкивалась на сильное сопротивление, связанное с его происхождением из новой иммиграции. Неоформленная наследственная аристократия негодовала: неужели этот «нью-йоркский истсайдер [1], чьи выражения и акцент ещё выдают его происхождение, станет президентом Соединённых Штатов?»

В течение первых сорока лет после принятия конституции США отпрыски колониальной аристократии Виргинии считали должность главы государства в федерации своей монополией. За это время они лишь на восемь лет уступили президентское кресло представителям Массачузетса. В 1828 г. Эндрю Джексон, опираясь на фермеров Запада, выросших к тому времени в большую силу, вырвал президентский скипетр из рук «Виргинской династии». Неужели в 1928 г., — спрашивали в Америке, — Смит победит и подымет реноме новой иммиграции, как Джексон возвысил достоинство западного фермера в 1828 г.?

Новая иммиграция ассоциируется с американским пролетариатом. Смит находился уже десятки лет в противоположном лагере, когда национальный конвент демократической партии выбрал его кандидатом в президенты США. В рядах другого класса его с каждым годом всё больше влекло к консервативному крылу. Тем не менее его борьба на выборах нашла сочувствие среди значительных кругов трудящихся. Новой иммиграции борьба напоминала ущемлённые права

[1] *Истсайдер* — житель восточной стороны, подразумевается человек из бедноты восточной части Нью-Йорка.

большинства, юридически неоформленное неравенство в стране формального равноправия.

Во всех крупнейших городах США, где была сильно представлена новая иммиграция, Смит получил большую поддержку. В городе Нью-Йорке он победил на выборах 1928 г. большинством свыше 400 тыс., хотя в штате Нью-Йорк в целом большинство оказалось против него. Он завоевал Бостон, Кливленд, Сен-Луи, Сан-Франциско и Мильвокки. Он был близок к победе в Чикаго, Детройте и Балтиморе. Он также получил много голосов в твердыне республиканской партии — в Филадельфии. За него голосовали 41% всех участвовавших в выборах 1928 г. по сравнению с 34% голосов, поданных за кандидата демократической партии в 1920 г. и 30% в 1924 г.

Смит набрал 15 млн. голосов — на 6 млн. больше, чем любой до него кандидат в президенты от демократов, но на 6 млн. меньше, чем получил Гувер. Принадлежность Смита к новой иммиграции и отношение к «сухому» закону, служившие источником силы в промышленных центрах и в крупнейших городах страны, ослабили его позиции в цитадели его собственной партии — в южных штатах. В лице Смита — редкое сочетание личных качеств, необходимых для большой политической карьеры в Америке, с культивированной преданностью Уолл-стриту и с биографией, производящей впечатление на широкие круги избирателей. За ним числился только один непоправимый и непростительный «грех» — его предки слишком поздно эмигрировали в Америку.

Генеалогический дефект Смита, какое бы ни придавали ему значение, сам по себе, однако, не определил исхода кампании. Главным активом республиканского кандидата служили «просперити» и «новая эра». Господствующей партии удалось создать в стране «распространённое мнение, что «просперити» связано с республиканским правительством»[1]. Будучи уверенным в своих силах, национальный конвент республиканцев в 1928 г. ещё больше, чем в 1924 г., игнорировал фермерскую оппозицию.

После распада блока Лафоллета фермерам трудно было сколотить снова большую организованную силу. В течение нескольких лет, когда в конгрессе обсуждались различные планы помощи фермерам, не удавалось организовать на западе массовых выступлений в защиту известного билля Мак-Нери[2]. Пользуясь слабостью фермеров, Кулидж дважды на-

[1] «Current History», December 1928, p. 354.

[2] Сенатор Мак-Нери из Орегона предложил гарантировать цены

ложил вето на указанный билль. Накануне открытия национального конвента республиканцев в 1928 г. губернатор Адам Мак-Мулен из Небраски обратился к фермерам с воззванием об организации 100-тысячного похода в Канзас-Сити, чтобы оказать давление на конвент в пользу выбора сторонника плана Мак-Нери. Но неорганизованный фермер не откликнулся. На призыв Мак-Мулена явилось всего несколько сот человек. 12 июня, в день открытия конвента, 300 фермеров проходили по улицам Канзас-Сити. Они добрались до «Ийглхолла», где заседала комиссия по резолюциям, и просили принять резолюцию, содержащую принципы Мак-Нери. Комитет демонстрации отправился к Меллону и предупредил его, что центральный запад покинет республиканскую партию, если на конвенте победит Гувер. Меллон ничего не ответил делегации фермеров на её угрозы. Через день история повторилась и кончилась ещё более печально для сторонников билля Мак-Нери. 13 июня утром фермерская демонстрация в 500 человек пришла со знамёнами к залу заседания конвента. Демонстранты кричали: «Не заставляйте нас голосовать за демократов в ноябре!» Им никто не ответил. Когда они попытались проникнуть в помещение, они были рассеяны полицией.

Предложенная на конвенте делегациями от аграрного запада резолюция была отвергнута большинством 807 против 277. Из этих 277 голосов 216 принадлежало представителям фермерских штатов. Все 90 представителей Нью-Йорка голосовали против, а из 79 делегатов Пенсильвании только два голосовали за фермерскую резолюцию [1]. Делегации десяти важнейших хлебных штатов США выступали в Канзас-Сити довольно единодушно. Если бы они могли довести свои угрозы до логического конца — до голосования избирателей их штатов за демократов на предстоящих в ноябре президентских выборах, — то их положение на конвенте было бы более прочным. Напрасно, однако, фермерская демонстрация в Канзас-Сити угрожала голосованием за демократов. Демократы также отказались принять план Мак-Нери. Они так же, как республиканцы, опирались в 1928 г. не на Дакоту и Небраску, а на Нью-Йорк и Детройт.

—

на продукты сельского хозяйства с таким расчётом, чтобы они не были ниже довоенных по отношению к ценам на промышленные изделия. С этой целью специальная правительственная экспортная организация должна была закупить все излишки на внутреннем рынке по установленным ценам и сбывать их за любую возможную выручку за границей. Потери от разницы между фиксируемыми внутренними ценами и мировыми покрываются специальным налогом на фермеров.

[1] «World», 15. VI. 1928.

Платформа компартии, подробно освещая фермерскую проблему, указывая, что «40% сельскохозяйственного населения не имеют никакой собственности, кроме своей рабочей силы», и что одних процентов по долгам фермеры платят 900 млн. долл. в год, требовала предоставления фермерам пятилетнего моратория.

Национальный конвент коммунистической партии открылся 25 мая 1928 г. в Нью-Йорке. На нём присутствовало 250 делегатов. Вильям Фостер был избран второй раз кандидатом в президенты США. Конвент развернул перед страной положение небольшой группы богачей и миллионов трудовых масс в позолоченные годы «просперити».

Выборы происходили 6 ноября 1928 г. Гувер победил в 40 из всех 48 штатов. Он получил 21 429 тыс. голосов и 444 выборщика. Смит собрал 15 млн. голосов и всего 87 выборщиков [1]. Выборы в 71-й конгресс, происходившие вместе с президентскими выборами, увеличили республиканское большинство в обеих палатах. В 70-м конгрессе республиканцы имели 48 мест в сенате и 237 в палате представителей, а демократы соответственно 47 и 195 мест. В 71-м конгрессе республиканцы получили в сенате 55 мест, а демократы 39; в палате республиканцы — 268, а демократы — 165 мест.

Президентские выборы 1928 г. значительно расширили брешь, которая обнаружилась на выборах 1920 г. в «прочном Юге». Республиканцы на сей раз ворвались не только в такие штаты, как Кентукки и Теннеси, которые когда-то считались буферными. Они впервые победили в таких традиционно преданных демократам штатах, как Флорида, Северная Каролина, Виргиния и Техас. Кандидатура Смита, правда, рассматривалась с самого начала кампании как пассив демократов на Юге. Но то, что моральные взгляды Смита и «грехи» его предков могли служить достаточным основанием для разгрома наиболее укреплённых позиций демократов, свидетельствовало о том, что «прочный» Юг уже больше не столь прочен, что границы географического распределения влияния обеих партий стираются.

Как прошлые выборы, выборы 1928 г. отличались большим абсентеизмом. Гувер получил президентство из рук всего 35% лиц, пользовавшихся правом голоса в Америке. Несмотря на то, что Гувера изображали на выборах, как

[1] В 1928 г. Норман Томас впервые баллотировался в президенты от социалистической партии. Томас собрал 268 тыс., или 0,7% всех поданных на выборах голосов. В прошлом кандидат от социалистической партии, Дебс собирал в последних проведённых им президентских кампаниях по 900 тыс. голосов, что составляло 5,9% всех голосов в 1912 г. и 3,5% в 1920 г.

символ «новой эры», как гарантию вечного процветания, около двух третей избирателей США относилось к его избранию отрицательно или безразлично.

Победа Гувера вызвала новый подъём на нью-йоркской бирже. Господствующая партия заверяла, что наступающее новое президентство будет сплошным царством всеобщего благополучия. Однако вдали от Нью-Йорка на берегу Мексиканского залива произошёл эпизод, который несколько смутил наивных оптимистов. В ноябре 1928 г., в том же месяце, когда Гувера выбрали президентом США, в Новом Орлеане заседал съезд губернаторов. Туда пригласили представителей Американской федерации труда. Высокие чины АФТ вместе с губернаторами штатов обсуждали «странный» вопрос: что делать, если, несмотря на «новую эру», кризис всё же возникнет? И решили: на случай наступления экономического кризиса создать 3-миллиардный фонд для проведения большой программы строительных работ. «Средство» было найдено. Ничто больше не могло угрожать желанному хозяйственному процветанию. Обнадёженные губернаторы разъехались по штатам.

Через две недели после победы на выборах вновь избранный президент отправился на борту военного корабля с визитом «доброго пожелания» в страны Латинской Америки. Маршрут будущего главы США по южным странам демонстрирует перед всем миром, куда больше всего стремится экспансия заатлантического кредитора.

4 марта 1929 г. Герберт Гувер сменил Кальвина Кулиджа. 31-й президент США въехал в Белый дом с большой помпой. 15 июня 1928 г. газета «Нью-Йорк Таймс», излагая биографию Гувера, назвала его «легендарной фигурой». Гувер — великий организатор, великий инженер, великий филантроп. Он — зодчий, строивший шахты и рудники на всех континентах. Он давал пищу миллионам голодающих Европы. Он — символ «просперити». Он — президент, подобающий новой эре. Он — чародей и сверхчеловек. Только его внешность несколько разочаровывала: устало прищуренные глаза и одутловатые щеки 54-летнего мужчины придавали «сверхчеловеку» выражение обыкновенного смертного, обременяющего себя яствами.

Два качества все признавали за Гувером: организаторский дар и большую работоспособность. Гувер вышел из квакеров. Эта немногочисленная протестантская секта в Америке, подвергавшаяся когда-то гонениям в Старом и Новом свете, выработала свою этику и свою мораль. Большим грехом у квакеров считается тунеядство. В юности Гувер упорно работал и учился. Мораль квакеров требует скромности,

а также добросовестности в коммерческих делах. Эти правила Гувер фарисейски нарушал.

Гувер родился в 1874 г. Его отрочество проходит в семье его дяди на Дальнем Западе, у берегов Тихого океана. В 80-х годах закончилась прокладка трансконтинентальных железнодорожных линий. Дальний Запад быстро заселяется, почти удвоив своё население за десятилетие. В Скалистые горы и на тихоокеанское побережье, от Канады до Мексики нахлынули искатели золота, серебра и нефти. Везде слышались рассказы о счастливцах. И дядя Гувера, фермер, сельский врач и учитель в штате Орегон, начинает в конце 80-х годов искать счастья в горном деле.

В 1891 г. в штате Калифорния, в Пала Альто, открылся Станфордский университет. Гувер поступил туда на геологическое отделение. Стоя у побережья, он как будто чует добычу на далёких тихоокеанских берегах. В особенности он оказался падким на «запах» золота и нефти.

Уже в университете Гувер отличался тем, что реорганизовал финансы спортивных и других студенческих обществ. В 1895 г. он кончил университет со степенью баккалавра геологии. Но этого не было достаточно для того, чтобы получить место инженера. Проработав с полгода в шахте рабочим, он поступил на работу в одну известную в Калифорнии горную контору. Его приняли с условием, что он будет работать на пишущей машинке. Упорный Гувер овладел техникой печатания на машинке. Вскоре, однако, судьба ему улыбнулась.

В Западной Австралии было открыто золото. Лондонская фирма «Бьюик-Моринг и К⁰» обратилась в контору, в которой работал Гувер, с просьбой прислать опытного инженера лет 35 для внедрения американских методов в эксплоатацию новых британских золотых приисков. Гувер взялся за это дело. Он работал в горной конторе всего около восьми месяцев, из них только два месяца на производстве. Ему ещё не исполнилось 23 лет. Он отпустил бороду и, выдавая себя за инженера с десятилетним стажем, весной 1897 г. отправился через Лондон в далёкую Австралию.

На новом месте Гувер немедленно «отличился». В мае 1898 г. в местной газете появилось сообщение о том, что на россыпях, подведомственных Гуверу, руда содержит золота в 13—14 раз больше, чем указано в официальных отчётах горного департамента Австралии. Сообщение было необоснованным и неверным. Но оно сделало своё дело. На лондонской бирже повысились акции «Бьюик-Моринг и К⁰». Моринг оценил «талант» калифорнийского инженера.

В том же 1898 г. китайское правительство, желая разра-

ботать минеральные богатства страны, обратилось к Моринту за технической помощью. Моринг увидел в этом предложении путь к неисчерпаемым богатствам Небесной империи. Нужна была только «умелая рука». Он рекомендовал в качестве эксперта «опытного» американского инженера Гувера. Гувер стал главным инженером императорского горного департамента. Но теперь Гувер уже не инженер, а «коммерсант», «бизнесмен».

В Китае будущий миллионер проходит быстро через стадию первоначального накопления. «Деньги, — утверждает Гувер, — ничего не боятся» [1]. В 1901 г. он уже основывает свою главную резиденцию в Лондоне. В 1902 г. он становится партнёром фирмы «Бьюик-Моринг и К°». Фирма рекламирует его как крупнейшего специалиста по горным делам. Гувер путешествует по всем частям света, по всем странам мира. Везде он «открывает» подземные богатства, всюду он находит золотое руно. В 1901 г. Гувер в Японии, в 1902 г. — в Новой Зеландии, в 1903 г. — в Индии, в 1904 г. — в Родезии и в Южной Африке, в 1905 г. — в Египте, в 1907 г. — в Бирме, на Цейлоне и в Малайских государствах, в 1908 г. — в Италии, а в 1909 г. — во Франции, Германии и России. В Кыштыме (на Урале) он задумывает строительство ряда предприятий. Во Франции и в Германии он связан с сооружением металлургических заводов. В 1911 г. он в Западной Сибири. Неизведанные богатства Алтая не дают ему покоя.

В 1909 г. Гувер встречается в Лондоне с нью-йоркским банкиром, имевшим крупные интересы в горной промышленности, Вильямом Томпсоном. Томпсон находит Гувера уже достаточно проявившим себя, чтобы ввести его в орбиту банкирского дома Моргана.

Заработок Гувера оценивается в пределах от 100 тыс. до 500 тыс. долл. в год [2]. Его называют «врачом больных шахт». Там, где обнаруживают новые ископаемые, где находят уголь, железо, нефть, золото, серебро, медь, цинк, свинец, графит или олово, там появляется Гувер. Он только избегает заниматься теми шахтами и рудниками, на которых работают организованные рабочие [3].

Он крупный инженер почти без производственной практики. Нигде он не засиживается, везде он гастролёр. У него свой метод «лечения» заброшенных шахт, нерентабельных рудников. Он переводит с помощью жены работу известного минералога XVI века Агриколы. Агрикола перечисляет

---

[1] *J. O'Brien,* Hoover's Millions and how He Made Them, New York 1932, p. 12.

[2] *E. Reeves,* This Man Hoover, New York 1928, p. 90.

[3] Ibid, p. 91.

коварные способы, какими в его время могли пользоваться ловкие управляющие, обманывая несведущих пайщиков или владельцев рудников. Гувер, намотав на ус указания Агриколы, прибавляет к ним изобретения биржевой техники XX века.

У Гувера оригинальный приём. Он охотно занимается малоизвестными рудниками, недостаточно исследованными залежами. Он приезжает на место и даёт свою экспертизу. Положительное заключение такого авторитета автоматически отражается на бирже. Гувер не только эксперт, но сплошь и рядом учредитель. Он берёт себе в награду толстый пакет обыкновенных акций. Но он их долго у себя не держит. Пока не остывает горячка на бирже, он их сбывает. Сегодня он в Новой Зеландии, завтра — в Трансваале, а послезавтра — на Урале.

Характерной иллюстрацией гуверовских операций может служить русская нефть в районе Майкопа. 30 августа 1909 г. в Майкопском районе близ станции Ширванской ударил сильный фонтан нефти. В первые дни фонтан выбрасывал по 5 тыс. *т* жидкого топлива ежедневно. Это топливо послужило немедленно материалом для разжигания ажиотажа на лондонской бирже. Гувер, не владея ни одним квадратным метром земли в районе Майкопа (до февраля 1911 г. иностранцы не имели разрешения на обладание недрами в этом районе), организует в феврале 1910 г. трест «Майкопнефть» и продаёт акций больше чем на 750 тыс. долл. В то же время он создаёт компанию по строительству нефтепровода Майкоп — Туапсе и сбывает на бирже ценные бумаги больше чем на 1,5 млн. долл. В 1912 г., немедленно после того, как нефтепровод был сооружён, Гувер продаёт всё дело новой, организованной его приятелем Морингом компании. Акционеры вынуждены обменять свои акции на ценные бумаги новой компании. Они теряют на этой операции больше 50%.

Доверчивые акционеры поплатились не только за акции нефтеносных земель. Спустя много лет, когда Гувер уже сидел в Белом доме, люди, детально изучив прошлое 31-го президента США, нашли документы, устанавливающие, что Гувер разбогател на предприятиях, акционеры которых потеряли 322 млн. долл.[1] Пока что горное дело — подземное, тёмное дело. Пока что Гувер загребает миллионы.

Перед первой мировой войной Гувер заметно свёртывает свои заграничные дела. В конце 1913 г. он переезжает обратно из Лондона в Калифорнию. Он становится попечи-

---

[1] *J. O'Brien*, Hoover's Millions and how He Made Them, New York 1932, p. 448.

телем Станфордского университета и производит впечатление человека, готового отдохнуть после бурных и весьма прибыльных деловых лет. Но в это время в Сан-Франциско готовится открытие Панамско-тихоокеанской выставки. Местные капиталистические круги, заинтересованные в участии на выставке представителей европейских государств, предлагают Гуверу отправиться с этой целью в Лондон. В Лондоне его застаёт начало мировой войны.

К августу 1914 г. в Европе оказываются 200 тыс. американцев. Почти все они желают немедленно покинуть воюющие страны, выбраться домой. Война сразу нарушает нормальную работу транспорта и связи. Банки не выдают денег. За фунт стерлингов, котировавшийся до войны меньше чем в 5 долл., платят в начале августа 1914 г. в Лондоне 8—10 долл. Конгресс США решает отправить на линкоре 1 млн. долл. золотом в Европу. Гувер, используя свои обширные связи на британских островах и на европейском континенте, берётся за организацию эвакуации американцев на родину. Как Гувер нажил крупное состояние за границей — мало кто знал в США. Как он помог тысячам американцев в начале войны — стало сразу широко известно.

Оккупация в августе 1914 г. Бельгии германскими войсками становится предметом пропаганды в Америке. Посылкой продовольствия в Бельгию и деятельностью американского Красного Креста в Европе интересуются и члены правительства и компаньоны Моргана. Гуверу, проявившему себя в деле эвакуации американцев из Европы, поручается организация продовольственной помощи Бельгии. Его связи в крупнокапиталистических кругах воюющих стран опять облегчают его задачу. Германское правительство соглашается, чтобы присланное из-за границы продовольствие распределялось только среди бельгийского населения, а английское правительство обещает пропустить это продовольствие через кордон.

Гувер создаёт аппарат, который распределяет продукты среди населения Бельгии и оккупированной Франции в количестве 350 млн. фунтов в месяц. 10 млн. человек получают продовольственную помощь. 200 кораблей, находящихся в распоряжении Гувера, свободно пропускаются через линию блокады.

Гувер в глазах общественного мнения Европы и Америки — благодетель. Лишь спустя много лет кропотливые архивариусы высказали подозрение, что практичный инженер наживался и на голоде в оккупированных областях. В 1920—1922 гг., например, в Брюсселе были опубликованы 11 томов о гуверовской деятельности в Бельгии. В 1927—1928 гг., когда

речь зашла об избрании Гувера президентом США, какая-то «таинственная» рука изъяла из обращения эти тома как в Европе, так и в Америке. В Бельгии этим делом занялась жандармерия. Даже в Вашингтоне в библиотеке конгресса уцелели лишь 2 тома, содержащие только чисто статистический материал [1].

Как бы то ни было, совершенно неизвестный годом раньше в политических кругах Америки Гувер настолько прославился на организации помощи Бельгии, что он сразу становится фигурой национального масштаба. Весной 1917 г., когда Америка вступает в войну, президент Вильсон поручает Гуверу руководство созданным в США военно-продовольственным ведомством. После перемирия на западном фронте он становится во главе американской организации помощи пострадавшим — АРА, которая доставляет продовольствие в Германию, Австрию, Чехословакию, Югославию, Польшу и другие страны. В 1921 г. АРА берёт на себя также оказание продовольственной помощи пострадавшим от засухи в приволжских и других районах РСФСР. АРА за время её существования распространяет свою деятельность больше чем на 20 стран, оказывает продовольственную помощь почти 30 млн. человек и заодно собирает ценные сведения для Гувера об экономике РСФСР и других государств Европы.

Ко времени национальных конвентов 1920 г. популярность Гувера настолько вырастает, что поговаривают о его кандидатуре в президенты США. Но Гувер не политик. Он даже не знает, демократ ли он или республиканец. Демократы считают его своим, поскольку он возглавлял продовольственное дело в правительстве Вильсона. Они ищут популярную фигуру и намечают Гувера. Республиканцы заволновались: у демократов появляются шансы на победу. Они обещают Гуверу сделать его своим кандидатом, если он объявит себя республиканцем. Гувер, взвешивая соотношение сил в развернувшейся выборной кампании, сообщает публично, что он не примет предложения демократов. Главари республиканской партии включают Гувера в список кандидатов в президенты, но обеспечивают ему на национальном конвенте в Чикаго только 5 из 493 голосов, необходимых для того, чтобы быть избранным.

Гувер, считая, что он близко подошёл к высшей должности в государстве, к вершине славы в федерации, и извлекая уроки из президентской кампании 1920 г., подчёркивает неоднократно свою верность «старой гвардии» республиканцев.

[1] *J. O'Brien,* Hoover's Millions and how He Made Them, p. 453—454.

В период обострения классовой борьбы в Америке, в 1922 г., инженер Гувер делается, как на старости конструктор Форд, «философом». Он выпускает «трактат» «Американский индивидуализм», в котором он обрушивается на коммунизм и защищает капитализм. В нём он пытается «научно» обосновать ту программную линию, которой держалась после войны республиканская партия на протяжении 12 лет её господства в Вашингтоне.

В этой книжке и в последующих устных и письменных выступлениях Гувер твердит об одном и том же. Если не считать набивших оскомину разговоров о «просперити» и «демократизации» богатства, то Гувер во всех своих «философских» рассуждениях проводит одну мысль, которую известный американский политический деятель Гамильтон высказал почти за 150 лет до него. Гамильтон говорил: «Народ неспокоен и непостоянен, он редко рассуждает правильно» [1]. Гувер пишет: «Действия и идеи, ведущие к прогрессу, рождаются в индивидуальном уме, а не в уме толпы. Толпа только чувствует... Она легковерна, она уничтожает, потребляет, ненавидит, мечтает, — но она никогда не строит» [2].

Сильная личность — всё, народ, или, по-гуверовски, толпа, — ничто.

Для того чтобы одарённая личность беспрепятственно реализовала полностью свои способности, заключает Гувер, государство не должно вмешиваться в хозяйственную деятельность людей, ибо его вмешательство ущемляет частную инициативу, тормозит индивидуальную предприимчивость.

22 октября 1928 г. Гувер произносит речь, которой он заканчивает свои публичные выступления в президентской кампании 1928 г. Эта речь получает название «Философии грубого индивидуализма». В ней он указывает ограниченные функции государства в мирное время. Экономическая деятельность правительства является побочным продуктом его задач по организации национальной обороны, ирригационных работ, борьбы с наводнением и т. п. Основная его задача — защита жизни и собственности граждан. В общем Гувер с большим опозданием повторяет то, что говорили идеологи буржуазии на заре капитализма не только в Америке, но и в Европе. Однако его «философия» помимо выражения идеологии крупного американского капитала имеет для него определённый, практический смысл.

В 20-х годах процесс трестирования народного хозяйства США происходит наиболее бурно в предприятиях общест-

[1] *C. Beard,* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States, New York 1923, p. 199.

[2] *H. Hoover,* American Individualism, New York 1923, p. 24.

венного обслуживания, в компаниях, снабжающих города и штаты энергией и светом, водой и газом. Обычные протесты широких кругов населения против грабительской деятельности трестов находят в этот период выражение в движении за национализацию и муниципализацию предприятий общественных услуг. Этим вопросом вынуждены годами заниматься комиссии и подкомиссии конгресса. Энергетические тресты ведут отчаянную борьбу. Они ассигнуют на эту борьбу, по утверждению сенатора Норриса, миллионы: 400 тыс. долл. только на провал билля о сохранении гидростанции Мосл Шоалс в руках государства [1]. Государственное невмешательство в хозяйство становится лозунгом силовых трестов. «Американский индивидуализм» Гувера становится теоретической основой новейших держательских компаний. Компании общественных услуг превозносят Гувера. Электрические тресты провозглашают «великого» инженера и филантропа великим мыслителем. Они поддерживают и финансируют кампанию Гувера на президентских выборах 1928 г.

С 1921 по 1928 г. Гувер — министр торговли в кабинетах Гардинга и Кулиджа. Вопреки проповеди его секты, квакер Гувер показывает на этом посту образцы самовосхваления. Завоевание внешнего рынка он превращает на страницах печати в такую же романтику, как помощь голодающим в Бельгии, проводимую по его инициативе стандартизацию производства — в героику, сравнимую лишь разве с первыми трансатлантическими перелётами. Компетентные американцы утверждают, что из государственных деятелей США только один Теодор Рузвельт имел в своё время больше связи с газетами и журналами, чем Герберт Гувер [2].

Рекламируя свои достижения, Гувер рекламирует свою «философию». Практические успехи, твердит он, обязаны силе американского индивидуализма. На его предвыборной платформе начертаны слова «индивидуализм» и «просперити» как синонимы мудрости и благополучия.

В середине июня 1928 г. Гувер, произнося первую речь как официальный кандидат от республиканской партии в президенты США, обещает, что если продолжить политическую линию последних восьми лет, то «с божьей помощью мы скоро будем свидетелями того дня, когда бедность исчезнет из нашей страны».

Заняв президентское кресло, Гувер раздаёт важнейшие министерские посты моргановским людям, верным защитникам хозяев предприятий общественных услуг. Секретарём по

---

[1] «Nation», 18. IX. 1929, p. 296.

[2] *Anonymous,* The Mirrors of Washington, N. Y. 1921, p. 121.

внутренним делам становится приятель Гувера президент Станфордского университета Вильбур. Станфорд — идеологическая опора силовых трестов. Морские дела поручаются директору 33 морганов ских корпораций, в том числе Американской телефонной и телеграфной компании, Адамсу. Адамс к тому же тесть сына Моргана. Другой директор нескольких морганов ских концернов, будущий президент картели Стальных трестов — Американского института железа и стали — Роберт Ламонт назначается секретарём торговли. Главными ведомствами в правительстве США считаются казначейство и государственный секретариат — финансы и иностранные дела. Секретарём казначейства продолжает оставаться престарелый миллиардер Меллон.

Государственным секретарём при Гувере становится Генри Стимсон. Стимсон считается экспертом по Дальнему Востоку и Латинской Америке. Он участвовал в разрешении спора о Такна-Арике между Чили и Перу. В 1927 г. он отправился с чрезвычайной миссией в Никарагуа, а в 1928 г. он стал генеральным губернатором Филиппинских островов. Как в Никарагуа, так и на Филиппинах Стимсон показал свою способность примирить лидеров туземной буржуазии с капиталом США. В Никарагуа он поставил инсургентов перед альтернативой: разоружиться без посторонней помощи или с помощью американских войск; на Филиппинах он обещал туземной буржуазии американскую финансовую помощь при условии прекращения или по крайней мере ослабления дискуссии о независимости архипелага.

Государственный секретарь Гувера Стимсон был военным министром ещё в правительстве республиканца Тафта. Спустя 30 лет, он снова получил этот пост в кабинете демократа Рузвельта. Назначением Стимсона в кабинете Гувера подчёркивалось то большое значение, которое США придают Латинской Америке и Дальнему Востоку.

Принимая присягу президента США, Гувер заявляет, что «Америка поглощена строительством новой экономической, социальной и политической системы» [1]. Для того, чтобы построить «новую систему», чтобы «изгнать нищету из страны», чтобы снять последние препятствия, мешающие «новой эре» — эре вечного процветания, — остаётся конгрессу принять, а президенту подписать три закона: иммиграционный, фермерский и тарифный. Первый закон должен ликвидировать безработицу, второй — ножницы между ценами на товары, покупаемые и продаваемые фермерами, а третий закон должен ещё более плотно, чем тарифный акт 1922 г., закрыть

[1] «Current History», April 1929, p. 5.

двери США перед европейскими экспортёрами, которые пытаются товарными диверсиями взорвать «новую эру» в Америке.

В июле 1929 г. в США вошёл в силу закон, названный актом «национального происхождения» (National origins). Он гласит, что население каждой страны может ежегодно иммигрировать в США в такой пропорции к общему разрешённому числу иммигрантов в 153 тыс., в какой выходцы из данной страны, проживавшие в США, относились к общему населению США в 1920 г.[1] Максимальное число иммигрантов, имеющих право прибывать из Европы в США, определено законом 1929 г. в 153 417 человек против 164 667 человек, имевших право иммигрировать согласно закону 1924 г., и 356 995 — согласно акту 1921 г. Новая квота ещё больше, чем предыдущие, поощряет иммиграцию англичан, которые, между прочим, не заполняют предоставленные им места. Иммиграция рабочих в США, доведённая уже раньше до ничтожного минимума, после 1929 г. фактически прекратилась: помимо закона, консулы США за границей получили строгие инструкции о социальном отборе иммигрантов. «Визы на въезд в США, — рассказывала американская пресса в 1929 г., — даются преимущественно лицам, принадлежащим к привилегированным классам или предъявляющим сумму денег, достаточную на проживание в США по крайней мере в течение одного года»[2]. В одной работе, напечатанной в 1932 г., сообщалось, что 68% всех лиц, пользующихся согласно квоте правом въезда в США, отказывают в визах[3].

Закон о помощи фермерам вошёл в силу 15 июня 1929 г. Его назвали «планом Гувера». В отличие от «плана Мак-Нери», он отказывается от гарантии таких цен, которые подняли бы покупательную способность сельскохозяйственных продуктов до уровня не ниже довоенного. Гуверовский план предусматривает только создание условий для более организованного сбыта сельскохозяйственных продуктов. С этой целью была создана федеральная Фермерская палата с фондом 500 млн. долл. Фонд должен был дать фермерам возможность маневрировать излишками сельскохозяйственных продуктов и продавать их в периоды высоких цен. Фермеру оставалось ждать.

[1] По сравнению с прежней квотой новый закон увеличил квоту для иммигрантов в США из Англии с 34 007 до 65 721 человека. Для иммигрантов из других стран эта квота была сокращена: из Германии — с 51 227 до 26 957, из Франции — с 3 954 до 3 086, из Ирландии — с 28 567 до 17 853 человек. Для СССР прежняя квота составляла 2 248 человек, а новая — 2 784.

[2] «New York Times», 14. XII. 1929.

[3] *L. Hacker* and *B. Kendrick*, U. S. since 1865, N. Y. 1932, p. 667.

Новый протекционный тариф, предложенный Гувером немедленно после вступления в должность президента США, стал законом как тариф Смута уже в 1930 г.

Переезд Гувера в Белый дом усиливает ажиотаж на бирже. Биржа с каждым днём всё больше отрывается от производства: строительный бум прекратился ещё в 1928 г.; через три месяца после смены Кулиджа Гувером начинает сокращаться производство стали и автомобилей. Состояние промышленности и накопляющиеся товарные запасы начинают вызывать опасения, внушать кое-кому тревогу. Но из главной квартиры республиканской партии и из покоев Белого дома доносятся успокоительные возгласы: «Четыре года «просперити» нам обеспечены!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КРИЗИС

I

СОРОК ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА

Биржевой крах. Конференция деловых кругов. Совещание у Моргана. Старания Рокфеллера. Демонстрация 6 марта 1930 г. Засуха. Тариф Смута. Надежды на самотёк. Выборы в 72-й конгресс. Продолжительность и глубина кризиса. Безработица. Кто помогал нуждающимся. Голодные походы. Поход ветеранов. Дело в Скоттсборо. Фермерские «забастовки». Растерянность в руководящих кругах. Поиски причин кризиса. Теория недостатка капитала и политика резервных банков. Технократы. «Плановый» капитализм. РФК. Крах Инсула. Падение Митчеля. Банковская катастрофа.

Осенью 1929 г. на нью-йоркской бирже наступили грозные дни. Не прошло и четырёх месяцев после официальных заверений президента Гувера о дальнейшем четырёхлетнем экономическом процветании США, как американское «просперити» и «новая эра» очутились перед крахом.

В одиннадцатом часу утра 24 октября 1929 г. началась неслыханная паника на Уолл-стрите. До этой даты количество акций, проданных на нью-йоркской бирже в течение одного дня, никогда не превышало 8 200 тыс. 24 октября было продано 12 800 тыс. акций. За несколько недель до потрясения биржу сильно лихорадило. Группа нью-йоркских банкиров во главе с президентом крупнейшего банка США Митчелем поддерживала дыхание биржи миллионами, как кислородными подушками. Митчель заверял страну, что промышленность и банки находятся в превосходном состоянии. Ему вторили известные авторитеты — экономист Айрес и профессор Ирвинг Фишер. Фишер предсказывал новое большое повышение ценных бумаг. На третий день после паники, 26 октября Общество экономических исследований Гарвардского университета обнародовало свой прогноз о том, что события на бирже отнюдь не являются «предтечей кризиса».

Пророчество оказалось пустым и вредным. 29 октября в пароксизме спекулятивного ажиотажа на нью-йоркской бирже перешли из рук в руки 16 410 тыс. акций. В этот

день число проданных ценных бумаг было в два раза больше, чем в любой день до 24 октября 1929 г. С сентября по ноябрь 1929 г. стоимость акций, котировавшихся на нью-йоркской бирже, понизилась больше чем наполовину. За это время индекс 25 самых солидных промышленных акций, публикуемый газетой «Нью-Йорк Таймс», упал на 53%. Крах 24 и 29 октября уничтожил немало «бумажных» состояний. 50 млрд. долл. как бы испарились в результате биржевой паники. Разорились многие тысячи американцев. Иностранных спекулянтов, которых запах лёгкой наживы привлёк на Уолл-стрит из разных концов земного шара, биржевой крах рассеял, как выстрел стаю ворон.

Биржевой крах явился симптомом кризиса хозяйства США. С лета 1929 г. наблюдалось перепроизводство в важнейших отраслях промышленности. В Вашингтоне и Нью-Йорке всячески пытались умалить значение этого явления. Но биржа скомпрометировала жрецов Белого дома и Уолл-стрита. Кризис вышел наружу. «Американское процветание» рухнуло.

Президент США пытался успокоить страну. Гувер управлял большими делами во многих странах. Он мастерски провёл не одну биржевую операцию. Но автору «Американского индивидуализма» пришлось поступиться: придя к власти, он вынужден рекомендовать правительству активное вмешательство в хозяйство. Президент приступает к реализации мер, рекомендованных год тому назад съездом губернаторов на случай ухудшения хозяйственной конъюнктуры. Он созывает экстренную конференцию деловых людей для разработки «конструктивной хозяйственной программы».

5 декабря в Вашингтоне собираются 400 руководителей крупнейших банков и трестов США. Гувер выступает перед ними с 8-миллиардной программой капитального строительства в 1930 г. Эта программа оказывается слишком громоздкой и нереальной. Но всё же промышленные и железнодорожные компании обязуются вложить в 1930 г. в свои предприятия свыше 3 млрд. долл. Правительство берёт на себя строительство на сумму в несколько сот миллионов долларов. Резервные банки обещают с помощью снижения учётной ставки и покупки на рынке ценных бумаг удешевить кредит. Представители промышленников обязуются в целях сохранения покупательной способности населения не сокращать число рабочих и не снижать заработной платы. Решение конференции, как и политика резервных банков, исходили из пресловутой буржуазной теории, гласящей, что промышленные кризисы наступают вследствие недостатка капитала. В такой стране, где золотой запас превышал

4 млрд. долл. и где излишки бюджета исчислялись сотнями миллионов, бороться с кризисом, по мнению Гувера, казалось нетрудным. Гувер считал, что затраты на выполнение его плана будут несравненно меньше и будут использованы гораздо целесообразнее, чем издержки кризиса 1921 г., которые, по его подсчётам, составляли 20 млрд. долл. Он был доволен работой конференции. Он надеялся войти в историю в качестве первого президента, железной рукой приостановившего стихию кризиса.

В дни замешательства и растерянности на бирже буржуазная печать, банкиры, да и сам президент США возлагали много надежд на Моргана. 3 декабря 1929 г. «Нью-Йорк Таймс» писал: «В течение последних десяти дней внимание всего мира приковано к Уолл-стриту, а взоры Уолл-стрита обращены на маленькую группу людей, которые часто собираются в канцеляриях Моргана». В октябре 1929 г., в разгар биржевой паники, в конторе Моргана начались совещания пятёрки виднейших американских банкиров. В эту пятёрку вошли правая рука Моргана — Ламонт, Беккер, Митчель, Проссер и Петтер. От них ожидали большего, чем от созванной Гувером многолюдной конференции в Вашингтоне. Совещания пятёрки продолжались до 20-х чисел февраля 1930 г. Вся работа протекала в строго секретной обстановке. Как в 1889 г. в доме Моргана был создан тайный союз железнодорожных магнатов, точно так же спустя ровно 40 лет совершался в конторе Джона Пирпонта Моргана тайный сговор крупнейших банкиров. Никто не знает, на сколько миллионов долларов эта банкирская пятёрка выбросила на рынок ценных бумаг накануне паники, и никто не может сказать, на какую сумму она купила за полцены акций после биржевого краха. За всё время совещания пятёрки было сделано только одно заявление Ламонта. Он сообщил, что кроме собственных фондов пятёрка получила ещё 100 млн. долл. для своих операций, но эти деньги не были использованы. 24 февраля другой компаньон Моргана — Уитней заявил, что совещание пяти банкиров закончило свою работу и что больше никаких информаций по этому вопросу не последует [1].

Вместе с Гувером и Морганом стал бороться с паникой старейший миллиардер США. Немедленно после биржевого краха девяностолетний Рокфеллер в своём последнем публичном деловом заявлении сообщил: «Мой сын и я покупаем доброкачественные обыкновенные акции» [2]. Джон Рок-

[1] «Journal of Commerce», 25. II. 1930.
[2] «New York Herald Tribune», 24. V. 1937.

феллер-младший приступил к строительству на Мангатане ряда небоскрёбов, названных «рокфеллерским центром», известного под именем Радио-сити Нью-Йорка.

Ничто не помогло. Сокрушающий и разоряющий кризис, как всепожирающий огонь, носился по штатам. Наступила тяжёлая зима. Заводы и фабрики закрывались. Цены падали. Рабочих увольняли, несмотря на заверения представителей промышленников на гуверовской конференции сохранить занятость рабочих и уровень заработной платы. Безработица тяжёлым бременем легла на плечи пролетариата. Заработная плата падала. Но Вашингтон упорно молчал, не признавая растущую в стране проблему безработицы.

6 марта 1930 г. по призыву коммунистической партии США 1 250 тыс. человек вышли на улицу. Коммунисты, организуя и активизируя движение безработных, заставили весной 1930 г. печать и членов конгресса заговорить о растущей безработице как об общенациональной проблеме американского капитализма. Но правительство продолжало упорствовать. Президент США настаивал на том, чтобы безработными занимались отдельные штаты, местные власти, но ни в коем случае не федеральное правительство.

Летом 1930 г. резко ухудшается положение американского фермера. Небывалая в истории страны засуха губит урожай в 30 штатах от берегов Атлантики до западных границ с Канадой. В 15 штатах количество осадков равно половине нормальных. Засуха не останавливает, однако, падения цен на сельскохозяйственные продукты. Не спасает положения и созданная Гувером Фермерская палата. За 15 месяцев, с 15 июля 1929 г. по 15 октября 1930 г., палата израсходовала 378 млн. долл. на изъятие с рынка излишков зерна и хлопка. За это время цена бушеля пшеницы снизилась с 1,18 долл. до 61 цента, а фунта хлопка — с 16 до 7 центов.

Новый тарифный билль, установивший самые высокие в истории Америки таможенные пошлины, был внесён в конгресс ещё весной 1929 г., через два месяца после прихода Гувера к власти. В течение года принятие тарифа наталкивалось на непреодолимые препятствия в сенате. 8 марта 1930 г. президент Гувер обещал, что «кризис исчезнет в течение 60 дней». 1 мая того же года, ссылаясь на телеграфные донесения губернаторов и мэров, Гувер уверял, что кризис уже остался позади. Он просил об одном — одобрить тариф.

В конгрессе появились новые аргументы: «Если высокий тариф хорош в годы «просперити», — почему более высокий

тариф не должен быть ещё лучше во время кризиса». Новый тариф, утверждали сторонники правительства в конгрессе, забронирует большой внутренний рынок целиком для американских фабрик и заводов. Как только тариф будет применён, колёса промышленности завертятся полным ходом Почти все капиталистические государства отправили протесты в Вашингтон. В самой Америке свыше тысячи экономистов также подписали коллективный протест. Протесты не возымели эффекта. 17 июня 1930 г. новый тариф, названный тарифом Смута, стал законом. Вслед за США другие капиталистические страны одна за другой воздвигали запретительные таможенные барьеры. Сократившийся и без того экспорт США начал катастрофически падать. Таможенная стена Смута, окружившая Америку, конечно, не вернула «просперити», а, наоборот, ещё более углубила кризис.

В начале 1930 г. наблюдалось некоторое улучшение в производстве и на бирже. Возможно, сказывались мероприятия Гувера, Моргана и Рокфеллера. Но попытка искусственно оживить хозяйство с помощью вливания миллиардов долларов в производство могла, однако, в лучшем случае лишь временно смягчить, но отнюдь не ликвидировать кризис В мае 1930 г. происходит новый крах на бирже. Гувер признаёт свою беспомощность. Он кается, что временно отступил от принципа невмешательства правительства в хозяйство, от философии «американского индивидуализма». Исходя из того, что «экономические болезни нельзя лечить законами», Гувер рекомендует конгрессу полагаться на самотёк, на великодушие времени.

В течение года, с середины 1930 до середины 1931 г., президент США воздерживается от лечения экономики, бьющейся в судорогах кризиса. Он старается не нарушать естественного хода событий искусственными мероприятиями. Не нужно, по его мнению, мешать организму капиталистического хозяйства самому бороться с болезнью. Но «болезнь» затягивается, кризис углубляется, а конца не видно.

Осенью 1930 г. в больших городах США увеличиваются с каждым днём очереди безработных за куском хлеба и за тарелкой супа. В очередях можно было видеть много сравнительно молодых людей. В глаза бросались бледные, исхудалые лица. 16 октября 1930 г. «Нью-Йорк Таймс» писал: «Самое сильное впечатление при посещении очередей за хлебом и в ожидании агентов по найму рабочей силы производит молчание. Мужчины и женщины стоят, погружённые в мысли о своих горестях; их померкшие, зачастую ничего не видящие глаза свидетельствуют о глубоком внутреннем переживании. Люди прислоняются к стене, ожидая

своей тарелки супа, и если кто-либо заговаривает с соседом, то только шопотом и короткими фразами. Затем его взгляд устремляется в землю, и он снова размышляет. На наблюдателя это производит впечатление такой массовой катастрофы, столь необъяснимой, что о ней ничего нельзя сказать. Люди стоят и ждут, ждут бесконечно, ждут супа, работы, ночлега, зная, что завтра они будут ждать снова».

В ноябре 1930 г. на выборах в 72-й конгресс широкие круги избирателей выразили недоверие господствующей партии. Впервые со времени первого президентства Вильсона, впервые после 1914 г. демократы получают большинство в палате представителей. В сенате число демократов увеличивается с 39 до 47.

После выборов в конгресс резко ухудшается хозяйственная конъюнктура. В январе 1931 г. к президенту США прибыла делегация делового мира с просьбой принять срочные меры против дальнейшего роста безработицы. Гувер, пробуя врачевать хозяйство психологическим воздействием, держал себя так, как будто кризис уже остался позади... Он заявил: «Джентльмены! Вы опоздали со своим визитом на 6 недель».

Состояние хозяйства сильно ухудшается во второй половине 1931 г. За тяжёлым 1931 г. следует ещё более тяжёлый 1932 год. За три года промышленность США сократила свою продукцию больше чем наполовину. Общий индекс промышленного производства Федерального резервного управления, равнявшийся 125 в июне 1929 г., снизился до 56 в июле 1932 г. К концу третьего года кризиса в решающих отраслях промышленности наблюдалась плачевная картина. В важнейших индустриальных районах было закрыто много заводов и фабрик, сплошь и рядом встречались ржавеющие железнодорожные рельсы, потухшие домны. Месячный выпуск автомобилей уменьшился в 12 раз. С июля 1929 г. до июля 1932 г. месячное производство стали сократилось с 4 898 тыс. *т* до 815 тыс., а месячная выплавка чугуна — с 3 785 тыс. *т* до 572 тыс. В середине 1932 г. сталелитейные заводы были загружены всего на 12% своей производственной способности, а из числившихся в США 285 доменных печей действовало только 46. Никогда раньше решающие отрасли промышленности не знали такого катастрофического падения производства. В кризисный 1920/21 г., например, производство чугуна резко сократилось благодаря исключительному росту металлопродукции во время мировой войны. Но катастрофическое падение производства чугуна в рассматриваемом кризисе перещеголяло уже в конце 1931 г. первый послевоенный кризис, не говоря уже о

других кризисах, которые имели место в США в последние 50 лет: в кризисные 1883—1884 гг. производство чугуна сократилось на 48%, в 1893 г. — на 58%, в 1907 г. — на 54%, в 1920—1921 гг. — на 74%, а в 1929—1932 гг. оно сократилось на 86%.

Наряду с тяжёлой индустрией кризис 1929—1933 гг. сильно ударил по лёгкой промышленности, в частности он доконал хлопчатобумажные предприятия Новой Англии, которые и до кризиса отступали перед новыми текстильными фабриками Юга.

Стоимость промышленных акций, котирующихся на нью-йоркской бирже, сократилась с сентября 1929 г. до середины 1932 г. на 85%, что значительно превосходило падение ценных бумаг во время любого из кризисов за последние 50 лет: в кризисные 1883—1884 гг., например, стоимость промышленных акций понизилась на 45%, в 1893 г. — на 55%, в 1906—1907 гг. — на 49%, а в 1920—1921 гг. — на 45%[1].

Самые солидные акции упали больше чем наполовину в первые же месяцы кризиса, а к началу 1933 г. некоторые из них понизились в 10—20 раз[2].

Крупнейшие монопольные компании и во время кризиса получали прибыль, хотя далеко не такую большую, как в годы «просперити». В 1930—1932 гг. чистый доход 960 крупнейших корпораций, составлявших лишь 0,2% всего числа корпораций США, равнялся 4 600 млн. долл. Все остальные корпорации закончили это трёхлетие дефицитом в 12 млрд. долл. Даже самый тяжёлый кризисный 1932 г. эти 960 крупных компаний ухитрились закончить с чистой прибылью в 363 млн. долл., в то время как дефицит всех остальных корпораций достиг 6 млрд. долл.[3]

Товарные цены оставались в годы «просперити» в общем стабильными. В 1925 г. они были даже на несколько про-

---

[1] «Annalist», 16. I. 1931, p. 163; 15. VIII. 1932, p. 176.
[2] Ibid., 17. I. 1930; 16. I. 1931; 1. I. 1934.

Фирмы	Самый высокий уровень 1929 г.	Самый низкий уровень 1929 г.	Самый низкий уровень 1933 г.
Стальной трест	261	150	23
Вифлеемская корпорация	140	78	10
«Дженерал Моторс»	91	33	10
Крайслер	135	36	7
Американская телефонная и телеграфная компания	310	193	86
Международное общество жатвенных машин	142	65	13
Дюпон де Немур	231	80	32
Железная дорога Балтимор — Огайо	145	105	8

[3] *C. Beard* and *G. Smith,* The Old Deal and the New, New York 1940, p. 54.

центов выше, чем в 1928 г. или в первой половине 1929 г. Естественно, они не могли впоследствии падать так, как цены на акции. Всё же цены на некоторые товары, в частности на фермерские продукты, падали катастрофически. Резкое снижение цен наблюдалось в годы кризиса также в менее трестированной лёгкой промышленности. Гораздо меньше страдала в этом отношении продукция металлургических и энергетических трестов. В июле 1932 г. индекс оптовых цен всех товаров упал по сравнению с июлем 1929 г. на 33%, текстильных — на 41, металла — на 21, а топлива и света — на 13%. По сравнению с 1926 г. весной 1933 г. цены на продукты сельского хозяйства были на 60% ниже; цены на текстильные товары снизились на 49%, а на металлические изделия — на 23% [1].

«Нынешний капитализм, в отличие от старого капитализма, — отметил товарищ Сталин в политическом отчёте XVI съезду партии, — является капитализмом *монополистическим*, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких, монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание» [2].

Наступивший в 1929 г. кризис превзошёл все прошлые экономические кризисы по своей продолжительности. Если взять последние 50 лет, то период времени от начала кризиса до его высшей точки продолжался: в 1883—1884 гг. — 20 месяцев, в 1893—1894 гг. — 13 месяцев, в 1907 г. — 6 месяцев, в 1920—1921 гг. — 9 месяцев; в рассматриваемом

---

[1] Наглядную картину разницы между падением цен на товары трестированного производства и на продукты сельского хозяйства даёт следующая таблица:

Продукция тяжёлой промышленности (индекс цен, получаемых производителями)	Сентябрь 1929 г	Сентябрь 1930 г.	Сентябрь 1931 г.	Сентябрь 1932 г.	Март 1933 г.
Каменный уголь	91	90	86	84	82
Антрацит	94	92	95	78	79
Чугун	98	95	91	79	79
Сталь	100	89	83	74	74
Фермерские продукты (индекс цен, получаемых фермерами)					
Пшеница	83	52	29	28	26
Хлопок	121	66	39	48	40
Говядина	143	102	76	67	53
Баранина	96	58	43	36	38

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 351—352.

кризисе индекс производства начал понижаться в середине 1929 г., а низшая точка кризиса была достигнута лишь весной 1933 г. — через 44 месяца.

Третья и четвёртая зимы кризиса были особенно суровыми. К концу 1931 г. число безработных перевалило за 10 млн., а к началу 1933 г. число безработных в США определялось в 15—17 млн. Не уволенные с работы люди были сплошь и рядом заняты всего от одного до трёх дней в неделю. Вместе с членами семей безработные и полубезработные составили к концу 1932 г. около половины всего населения США. В декабре 1931 г. один консервативный нью-йоркский журнал писал: «Вдоль доков и железнодорожных станций, на окраинах и у ворот домов густо населённых районов без дела шатающиеся люди ворчат и проклинают мир, который отказывает им в возможности тяжело работать за кусок хлеба. Всё чаще и чаще на тротуарах прохожие задерживаются молодыми людьми, нередко здоровыми и с ясными глазами, просящими подаяние. Агенты по найму рабочей силы окружены толпой людей столь многочисленной, что полиция должна вмешиваться для сохранения порядка. Это обычная картина, которую в эту зиму можно наблюдать в любом городе США» [1].

Тысячи безработных бросились в сельское хозяйство в поисках приюта у родственников, у знакомых. Другие устраивались за городом, в лачугах из разбитых ящиков, обзаводились по возможности коровой и огородиком. В промышленных районах скопление подобных лачуг образовало так называемые «гуверовские городки». Сотни тысяч мужчин и женщин взялись с отчаяния за ручную торговлю. Продавцов становилось с каждым днём всё больше и больше, а покупателей — всё меньше. Но к этим незавидным занятиям смогла приспособиться лишь та часть безработных, которая имела какие-то сбережения. Большинство же уволенных с фабрик и заводов людей были беспомощны. Разговоры об акциях, полисах и сбережениях рабочих оказались блефом. Летом 1931 г. газета «Нью-Йорк Таймс» в одном своём воскресном приложении писала: «После десяти лет самой высокой заработной платы в истории средний американский рабочий, если он становится безработным, может выдержать всего около одного месяца без очереди за куском хлеба» [2]. По подсчётам, произведённым на основании данных городского благотворительного общества, только за 1931 г. в Нью-Йорке 2 тыс. человек умерли от голода.

---

[1] «North American Review», December 1931, p. 543.
[2] «New York Times Magazine», 16. VIII. 1931.

Улицы кишели нищими и бездомными. Участились самоубийства. Бывали случаи, когда мать сначала убивала своих детей, а потом кончала с собой. Выбрасывались из окон небоскрёбов. Бросались под поезда. Вешались. В бедных кварталах повсюду на тротуарах валялась мебель и скарб семей, выкинутых хозяевами из квартир.

А Гувер продолжает свою линию. В марте 1931 г. он накладывает вето на билль Вагнера о создании национальной системы помощи безработным. В октябре того же года он получает наказ от съезда американских банкиров — ни на иоту не отступать от своей позиции. Президент США рекомендует Красному Кресту и филантропическим обществам собрать добровольные пожертвования для помощи нуждающимся. В прессе развёртывается кампания за сбор средств. По радио выступают 57 почтенных стариков, в том числе такие известные фигуры, как бывший президент Кулидж, бывший кандидат в президенты Смит и не свергнутый пока ещё король электричества — Инсул. Но что могла дать эта благотворительность? В Детройте, например, пожертвования Форда равнялись лишь 15% той суммы, которую город тратил ежемесячно на помощь рабочим, уволенным с фордовских заводов [1]. В Нью-Йорке и Чикаго помощь безработным была организована сравнительно лучше, чем в других городах. Но и в Нью-Йорке за счёт средств, собранных от частных пожертвований, смогли оказать незначительную поддержку лишь 40% нуждающихся, а в Чикаго помощь, оказываемая безработным, составила всего лишь 5% получаемой ими ранее заработной платы. В столице США Вашингтоне частные пожертвования на религиозные цели в 1931 г. составили 1 944 тыс. долл., а в фонд помощи нуждающимся — всего 202 тыс. долл. — почти в 10 раз меньше. В Нью-Йорке частные пожертвования в 1931 г. в пользу нуждающихся равнялись 32 508 тыс. долл., а в пользу изящных искусств — 15 209 тыс. долл.

В январе 1931 г. по радио велась большая агитация за сбор 10 млн. долл. в пользу фермеров, пострадавших от засухи. У микрофона выступали президент Гувер, Мэри Пикфорд, генерал Першинг и другие видные в США лица. Сам президент проявлял в данном случае особую активность. Сбор 10 млн. долл. должен был демонстрировать реальность и эффективность частных пожертвований. Прошёл положенный срок. Собрано было только 70% назначенной суммы. Банкиры и промышленники на своих собраниях высказывались против расходования государственных средств на

[1] «American Mercury», May 1931, p. 26.

поддержание голодающих рабочих и фермеров. Они опасались роста налогов. Вместе с тем они, за незначительным исключением, старались увильнуть от пожертвований в фонд помощи безработным.

На призыв о помощи откликнулись преимущественно рабочие и служащие. Комитет помощи безработным мэра города Нью-Йорка, например, собрал больше 60% всего фонда среди рабочих и служащих, а около 30% — с футбольных игр. В начале 1931 г. мэр города Филадельфии сообщил: «Большая часть фонда помощи состоит из взносов рабочего класса... Многие из наших богатых людей совершенно не отозвались...» [1] По стране пошла поговорка: «Богатые помогают богатым, а бедные — бедным».

Голодный люд, наконец, заволновался. В 1931 г. происходили кровавые бои в основных угольных районах. Отдельные стачки против массовых увольнений рабочих, в которых участвовало от 5 до 20 тыс. шахтёров, тянулись с середины 1930 г. Летом 1931 г. число бастующих доходило до 50 тыс. человек. Горняки выбросили лозунг: «Бастуй против голодной смерти». В районе стачки, переполненном вооружёнными силами шахтовладельцев, трещали пулемёты. Десятки людей были убиты и ранены. Число арестованных превысило 1 тыс., а количество избитых и пострадавших от газов — 2 тыс. человек. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс», побывавший на месте забастовки, писал: «Битуминозные угольные районы от Пенсильвании до Оклагомы и от Западной Виргинии до Алабамы находятся в огне... Почти ежедневно газеты сообщают о таких, примерно, происшествиях: «Двухтысячная толпа шахтёров атаковала тюрьму в графстве Вельмент штата Огайо с целью освобождения 11 бастующих. Шериф и 48 специальных бойцов встретили толпу пулемётами и слезоточивыми бомбами» [2].

В стране организовали «голодные походы» безработных, походы ветеранов и фермеров. В декабре 1931 г. 1 500 делегатов от безработных провели национальный голодный поход в Вашингтон. В 1932 г. в столицу США направились представители безработных, организовавшие второй национальный «голодный поход». Одним из наиболее трагических походов того времени явился поход ветеранов войны летом 1932 г. Ещё в 1924 г. конгресс США постановил уплатить бывшим солдатам, участникам войны, по одному доллару за каждый день действительной службы как компенсацию за неаккуратную выдачу жалования в военное время. Но вме-

[1] «American Mercury», May 1931, p. 26.
[2] «New York Times Magazine», 11. X. 1931.

сто денег ветераны получили сертификаты, которые должны были быть оплачены спустя 20 лет. С 1930 г. эти сертификаты могли быть заложены только за половину их нарицательной стоимости. Во время кризиса сотни тысяч бывших участников войны, очутившиеся в рядах безработных, заговорили опять полным голосом о совершённых и совершающихся по отношению к ним несправедливостях. Палата представителей приняла весной 1932 г. законопроект о немедленной и полной оплате правительством сертификатов, выданных бывшим солдатам. Она исходила из того, что подобное мероприятие повысит покупательную способность многих людей и будет содействовать смягчению кризиса. Однако сенат отверг этот билль.

Ветераны войны организовали поход на Вашингтон. К июню 1932 г. в столицу США собралось около 10 тыс. участников похода. Со всех штатов в Вашингтон тянулись группы бывших солдат. По дороге были случаи захвата поездов, автомобилей и стычек с полицией. Ветераны угрожали, что они не оставят Вашингтон, пока конгресс не решит немедленно и полностью оплатить сертификаты. Когда их делегация отправилась к Белому дому, она была встречена полицией. Два представителя ветеранов были убиты на месте. В конце июля 1932 г. правительство очистило столицу США от бывших солдат с помощью отряда войск, вооружённого пулемётами, слезоточивыми бомбами, орудиями и танками.

На Юге господствующие круги пытались, по обыкновению, направить растущее недовольство широких слоёв населения в русло расовой ненависти. Наиболее бесстыдной попыткой подобного рода был процесс, сфабрикованный в Скоттсборо и получивший потом широкую известность. 24 марта 1931 г. семеро молодых белых людей с двумя «девушками», одетыми в мужское платье, решили совершить прогулку в полуоткрытых вагонах одного товаро-пассажирского поезда, шедшего в северной части штата Алабама. В поезде они застали группу негритянских парней в 20 человек и завязали с ними драку. В результате белые, за исключением «девушек» и одного мужчины, который не успел во-время соскочить, вынуждены были оставить поезд. Когда поезд прибыл на станцию Пэйнт-Рок, на нём оказалось всего 12 негров, остальные сошли раньше. В Пэйнт-Роке негры и «девушки» были задержаны полицией. Женщины были немедленно проверены двумя врачами, которые нашли их в хорошем физическом состоянии. В дальнейшем выяснилось, что эти «девушки» являлись известными местными проститутками. Сначала «девушки» ни на что не жаловались, но после переговоров с полицией они подали жалобу на негров о покушении на их честь. 30 марта

девяти негритянским юношам было предъявлено обвинение в изнасиловании. Вскоре состоялся суд, который приговорил восемь из них к смертной казни на электрическом стуле, а девятого, 14-летнего мальчика — к пожизненному заключению. Все осуждённые были совершенно неграмотными рабочими. Они говорили, что они белым женщинам ничего плохого не сделали и поэтому они совершенно спокойно продолжали свою поездку. Если бы они чувствовали за собой вину, то могли бы раньше оставить поезд, как это сделали другие ехавшие с ними негры. «Ни один здравомыслящий человек, — писал журнал «Nation» 3 июня 1931 г., — не может ответить на вопрос: почему эти негры, совершившие покушение на белых женщин, должны были остаться на месте преступления, в то время как они имели возможность уйти оттуда?» Лишь широкая общественная кампания протеста, поднятая по инициативе коммунистической партии в США и за границей, удержала палачей от приведения приговора в исполнение.

По мере углубления кризиса в городе ухудшалось положение в деревне. Осенью 1932 г. важнейшие фермерские продукты — пшеница, кукуруза, хлопок, картофель — стоили в 3—4 раза дешевле, чем осенью 1929 г. Между тем цены на предметы промышленности, на товары, покупаемые фермерами, понизились за это время всего на одну треть. В 1933 г. одна фермерская газета писала, что фермер должен продать шкуры 17 телят для того, чтобы купить одну пару ботинок. За пару ботинок приходилось в конце 1932 г. давать 15 шкур или 50 бушелей кукурузы, в то время как в 1929 г., когда тоже говорили о «ножницах», пару ботинок можно было приобрести за 6—7 бушелей кукурузы.

Кризис ускорил процесс превращения собственника в арендатора. В 1910 г. 37% ферм обрабатывались арендаторами; в 1920 г. — 38%, в 1930 г. — 42%; а в 1935 г. — 50%. Фермеры — дети и внуки пионеров, гордившиеся тем, что поколениями владели гомстедом, приобретённым предками, — лишились очага. Стихия кризиса бросила их в другие штаты, на чужую землю.

Разорившийся фермер, как и безработный, волновался, протестовал. В сельскохозяйственных районах образовались комитеты действия для борьбы с продажей ферм с молотка за неуплату долгов. В январе 1933 г. американская печать указывала, что «эти комитеты действия распространяются, как лесной пожар». К весне 1933 г. на всём центральном западе — от штата Небраска до границ Канады — участились вооружённые столкновения между фермерами и полицией, в которые неоднократно вмешивались регулярные войска.

В мае того же года, в связи с волнениями в штате Висконсин и захватом власти в городе Шауоне 3 300 вооружёнными фермерами, губернатор штата мобилизовал части национальной гвардии. В то же время разгорелась борьба между фермерами и правительственными войсками в штате Айова.

Борьба фермеров принимала различные формы. Летом 1932 г. начались так называемые «фермерские забастовки». Фермерская забастовка означает прекращение продажи сельскохозяйственных продуктов торговым компаниям, поставляющим в города молоко, масло, сыр и другие продукты. Она является протестом против грабежа, производимого капиталистами-спекулянтами и перекупщиками, против низких цен на продукты сельскохозяйственного производства и высоких цен на промышленные товары. «Забастовки» часто приводили к сражению с полицией и войсками [1].

Профессор Чикагского университета Артур Хольт после возвращения из поездки по штатам Висконсин, Миннесота, Айова, Северная и Южная Дакоты писал в июне 1933 г.: «Везде фермеры, протестуя против существующих условий, принимают решительные меры для объединения своих действий. Среди фермеров растёт классовое самосознание, и если правительственные мероприятия помощи фермерам не дадут немедленного эффекта, то разгорится всеобщая фермерская забастовка» [2].

По мере углубления кризиса капиталисты начали терять уверенность в своих силах. Растерянность нашла своё выражение в выступлениях представителей США на экономической конференции крупнейших банкиров и экономистов 48 стран, состоявшейся в мае 1931 г. в Вашингтоне. Декан Гарвардского университета Донам заявил на этой конференции: «Если в наших странах отсутствуют умы, средства и дух сотрудничества, необходимые для оздоровления условий, в которых очутился весь мир, то наше массовое производство, прогресс нашей науки и наш контроль над природой могут действительно уничтожить цивилизацию. Массовое производство, механизация и контроль над естественными силами природы принесут с собой или великую эпоху,

[1] В 1933 г. в штате Айова в городе Джеймстауне фермеры сожгли железнодорожный мост, остановив пассажирское и товарное движение на этом участке. В городе Лотоне фермеры забаррикадировали Чикагскую и Северо-западную железнодорожные линии, остановили поезд, везший скот, и выпустили из вагонов рогатый скот и птицу, которые разбрелись по всем улицам города. В то время американские газеты определяли количество фермеров, дежуривших на дорогах, в 250 тыс. человек.

[2] «Current History», June 1933, p. 339.

или возврат к тёмному прошлому... Если наша цивилизация не разрешит этих проблем, то погибнет не массовое производство и механизация, а мы сами»[1].

В начале следующего года крупнейшая американская газета охарактеризовала создавшееся положение следующими словами: «Обилие: слишком много пшеницы, хлопка, кофе, нефти, стали, угля, меди, автомобилей, нарядов, рубах. Словом, изобилие всех предметов необходимости и роскоши. Золотой век с очередями за куском хлеба! Пресыщение, при котором во всём мире умирает с голоду больше людей, чем при любой засухе! Преизобилие, которое заставляет нас морить население, как в осаждённом городе»[2].

Многие хотели помочь, старались изобрести способ возвращения тучных годов минувшего десятилетия. Со всех штатов направлялись в Вашингтон экономические планы, рецепты для лечения больного хозяйства. Большие дискуссии велись в стране о причинах кризиса. Одни объясняли кризис последствиями мировой войны, репарациями и военными долгами, революциями и волнениями в ряде стран; другие — значительной недогрузкой производственного аппарата США, а третьи — нездоровой основой внутренней и внешней торговли, тем, что значительная часть американских товаров продаётся как внутри страны, так и за границей в кредит, в рассрочку.

К 1933 г. доход средней американской семьи сократился наполовину по сравнению с 1929 г., между тем как её расходы по долгам за товары, купленные в рассрочку, остались те же. Частная задолженность в городах превышала 35 млрд. долл. У одной пятой всех фермеров задолженность составляла свыше четырёх пятых стоимости их имущества. Конечно, когда кризис возник, продажа в рассрочку, как и ряд других обстоятельств, свойственных послевоенным годам, множили трудности капиталистической экономики. Но послевоенные особенности американского, как и международного капитализма не служили причиной циклического кризиса. Циклические кризисы бывали и раньше, когда этих особенностей не было.

В Америке имеется достаточно материалов, показывающих действительные причины кризиса, причины, заключающиеся в самой сущности капиталистического производства — в противоречиях между общественным характером производства и частным характером присвоения, в противоречиях между производством, стремящимся к неограниченному вы-

---

[1] «New York Times», 10. V. 1931.
[2] Ibid., 17. I. 1932.

пуску продукции, и ограниченной покупательной способностью широких масс населения.

Исследование известного в США Брукингского института показало, что в 1929 г. 36 тыс. наиболее богатых семейств США имели столько же дохода, сколько другие 11 653 тыс. семейств. К первой группе относилось 0,1% всех семейств страны, ко второй — 42%[1]. Это исследование также установило, что в 1929 г. доход 60% всех американских семейств был ниже прожиточного минимума; около 6 млн. из этих семейств имели за весь 1929 г. доход менее 1 тыс. долл. каждое. Их общие расходы в годы наивысшего подъёма «просперити» превышали больше чем на 2 млрд. долл. их доходы. Между тем, наиболее богатые 600 тыс. семейств накопили в 1929 г. сбережений больше 10 млрд. долл., из них больше половины — свыше 5 млрд. долл. — приходилось на долю 24 тыс. самых богатых семейств Америки[2].

Миллиарды долларов богачей отчасти бездействовали, отчасти шли в спекулятивные каналы, отчасти в производство. Промышленная продукция росла, а миллионы американских семейств не были в состоянии покупать необходимые для существования товары. Увеличивался разрыв между производством и покупательной способностью населения.

Наконец, наступил критический момент — общее перепроизводство, кризис.

В общем материалов, иллюстрирующих противоречия капитализма, можно найти в Америке немало. Однако не в этих материалах буржуазные учёные привыкли искать причину экономических кризисов. Учёные, как и сами капиталисты, не углубляются в сущность явления. Во время кризиса капиталисты причину падения цен и недостаток оборотных средств видят в недостатке капиталов. Они полагают, что если хозяйственный механизм застопорился, останавливается, то нужно, следовательно, влить в него миллиарды долларов. Таким образом можно повысить цены и заставить этот механизм действовать попрежнему. Тогда опять всё будет в порядке. Эта концепция, сочетаясь (впоследствии) с мелкобуржуазной теорией недопотребления, служила «научной» основой для различных планов по борьбе с кризисом.

На теории недостатка капитала основывалась, как мы уже неоднократно говорили, политика резервных банков, политика удешевления и расширения кредита с помощью снижения учётных ставок. Так поступали резервные банки во

---

[1] *M. Leven, H. Moulton* and *C. Warburton,* America's Capacity to Consume, Washington 1934, p. 56.

[2] Ibid., p. 56, 93.

время хозяйственных депрессий 1924 и 1927 гг. Так они действовали во время кризиса 1929—1933 гг. В августе 1929 г. учётная ставка Нью-Йоркского резервного банка дошла до 6; в ноябре того же года она понизилась до 4,5, в мае 1930 г. — до 3, в декабре — до 2, а в мае 1931 г. — до 1,5. В 1924 и 1927 гг. политика снижения дисконтного процента вводила в заблуждение «теоретиков». В 1930—1931 гг. эта политика ещё больше углубляла кризис. Дисконтный процент достиг небывало низкого в истории резервных банков уровня, а товарные цены не переставали падать. В начале 1931 г. известный американский конъюнктурный журнал утверждал, что политика федерального резервного управления в 1930 г. явилась бичом, усилившим удары кризиса [1].

Когда вера в силу федеральной резервной системы, в эффективность её борьбы с кризисом рухнула, в Вашингтоне начали искать новых средств. На общественно-политической арене появились новые лекари, так называемые технократы, выдвигавшие идею перехода руководства государством к инженерам, экономистам и техникам, к командирам промышленности и обещавшие предоставить каждому гражданину США дом, автомобиль и 20 тыс. долл. в год дохода в случае принятия их планов спасения хозяйства.

В американской печати — не только либеральной, но даже консервативной — началось обсуждение возможности планирования экономики США. Упомянутый Донам из Гарвардского университета опубликовал в 1931 г. книгу «Бизнесс наугад», в которой писал: «Два урока, по крайней мере, мы должны извлечь из опыта Советского государства: первый — о значении и необходимости генерального плана, а второй — о важности такого плана для цивилизации. Трудности, которые мы переживаем, объясняются больше всего отсутствием плана» [2].

Известный американский публицист и экономист Стюарт Чейз утверждал: «План для Соединённых Штатов, так же как для России, не является предметом, находящимся за пределами реальности. Обе страны достаточно велики и владеют достаточными естественными ресурсами для того, чтобы беспредельно развиваться» [3].

В таком духе высказывались сотни заокеанских авторитетов. Под влиянием подобных разговоров в 1931 г. сенат США создал под председательством сенатора Лафоллета комиссию для изучения возможности планировать американскую экономику. Лафоллет пригласил крупнейших банкиров и промышленников, руководителей железных дорог, извест-

[1] «Annalist», 16. I. 1931.
[2] *W. Donham,* Business Adrift, New York 1931, p. 151.
[3] *S. Chase,* Out of the Depression and After, p. 20.

ных экономистов и лидеров Американской федерации труда. Каждого из них Лафоллет просил высказать свои соображения относительно составленного им проекта введения планового хозяйства в США.

Сам президент Гувер до середины 1931 г. старался выдержать курс, взятый им после первых неудач борьбы с кризисом, курс на невмешательство в естественный ход событий. Он даже не реагировал на крах Банка Соединённых Штатов в конце 1930 г. К началу третьего года кризиса США стали перед угрозой массового банковского краха. В сентябре 1931 г. лопнули 305 банков, а в октябре — 520. Гувер опять приглашает крупнейших банкиров на совещание в Вашингтон. В результате этого совещания в октябре 1931 г. организовалась Национальная кредитная корпорация с капиталом в 500 млн. долл. для спасения от краха промышленных, финансовых, торговых и железнодорожных компаний. В начале 1932 г. национальная кредитная корпорация была заменена Реконструктивной финансовой корпорацией (РФК). Капитал РФК постоянно увеличивался и вскоре дошёл до 3 800 млн. долл. РФК было поручено и оказание помощи сельскому хозяйству. Но Гувер, словно для подтверждения того, что «богатый помогает богатым», направил государственные миллиарды на выручку крупнейших финансовых, страховых и железнодорожных компаний. 90 млн. долл. получил для своего Чикагского банка бывший вице-президент США, автор известного репарационного плана Чарльз Дауэс [1]. Наметившееся повальное банкротство банков удалось несколько затормозить. Интересы рантье охранялись. По сравнению с 1929 г. в 1932 г. заработная плата рабочим сократилась на 60%, жалование служащим — на 40%, а выплаченные в стране проценты сократились в общей сумме всего на 3,3%.

Стихия кризиса, наконец, разразилась со всей силой в банковской системе. Гувер мог, в лучшем случае, только временно отсрочить момент взрыва: когда разгорается всеобщая паника и вкладчики во всех штатах одновременно осаждают банки, никакая РФК уже не поможет, и любой правительственный фонд, как бы он ни был велик, оказывается далеко не достаточным.

В 1932 г. затрещали крупнейшие банки, величайшие держательские компании. Затяжной кризис сократил, по утверждению сведущих американцев, даже состояние Рокфеллера [2]. Король электричества, «первый гражданин» Чикаго

[1] *P. Hansl.* Years of Plunder, New York 1935, p. 285.
[2] Ibid., p. 255.

Самуил Инсул, закладывая ценные бумаги на 440 млн. долл. и получая заём на 110 млн., продолжает до весны 1932 г. платить дивиденды. Но его роковой день наступил. Он отдаётся на милость неприятелю, едет в Нью-Йорк, на Уолл-стрит, просить у своих соперников лощады и помощи.

8 апреля 1932 г. в кабинете Оуэна Юнга группа нью-йоркских банкиров объявляет Инсулу, что они «считают его положение безнадёжным». «Электрическая империя» средне-западных штатов терпит крушение. Величайшее банкротство в истории Америки совершается. Но крупнейшие нью-йоркские газеты замалчивают это событие или упоминают о нём как о незначительном факте.

«Первый консул» Чикаго гол, как сокол. В один день он подписывает 85 актов об отказе от руководства многочисленными корпорациями. Он больше никому не нужен. Прихлебатели и приспешники, увивавшиеся вокруг него, теперь его не узнают. Издёрганный старик молит о смерти. Его привлекают к судебной ответственности. От краха его пирамиды пострадали десятки тысяч наивных и доверчивых американцев. Но Инсул пока обвиняется только в пользовании почтой США при надувательстве вкладчиков.

Вслед за компанией Инсула рушились другие крупные энергетические компании. Корпорация «Сентрал Паблик Сервис», оперировавшая в 20 штатах и в 7 иностранных государствах, обанкротилась в конце 1932 г. Ещё раньше обнаружила свою несостоятельность система Генри Догерти, которая в своё время привлекла свыше полумиллиона акционеров. Стоимость акции его держательской компании «Ситис Сервис Компани» упала с 68,12 долл. в 1929 г. до 1,25 долл. в 1932 г.; акции «Американской и Иностранной Энергетической компании» упали с 199,25 долл. до 2 долл., а морганавской компании «Электрик Бонд Энд Шейр» — с 71,25 долл. до 1,12 долл.[1]

РФК продлила жизнь обречённых компаний не надолго. В начале 1933 г. возникли сомнения в кредитоспособности крупнейшего нью-йоркского банка «National City Bank». В феврале 1933 г. Чарльз Митчель, занимавший в течение 12 лет должность президента этого банка, ушёл, потеряв вместе с высоким постом своё состояние, имение и дом на Пятом Авеню в Нью-Йорке. Носились слухи о предстоящем штурме банков. 14 февраля губернатор Мичигана закрыл на 8 дней все банки штата. Через 10 дней его примеру последовал губернатор штата Мериленд. 1 и 2 марта аналогичные мероприятия были приняты в 12 штатах. Паника охватывала

[1] *M. Ramsay,* Pyramids of Power, New York 1937, p. 80—81.

штат за штатом. 4 марта были закрыты банки и биржа в Нью-Йорке и Чикаго.

Спасательная затея РФК завершилась эпидемией банкротств весной 1933 г. Во время первого послевоенного кризиса, в 1921 г., в США потерпели крах всего 400 банков с депозитами в 175 млн. долл. В 1931 г. такая участь постигла 2 250 банков с депозитами в 1 700 млн. долл., а в 1933 г. — 2 700 банков с депозитами в 2 875 млн. долл. Как попытка искусственно оживить производство и кредит, сделанная в конце 1929 г. и в начале 1930 г., имела своим последствием обострение кризиса в 1931 г., точно так же искусственное поддержание Реконструктивной финансовой корпорацией пошатнувшихся банков в 1932 г. неизбежно должно было закончиться банковской катастрофой в 1933 г.

Этим и закончилась тщетная попытка Гувера воздвигнуть плотину против стихии кризиса.

II

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ США

Морское соглашение 1930 г. Мораторий. Участь военных долгов. Позиция США в японо-китайском конфликте. Оттавская конференция. Английское контрнаступление в Южной Америке.

Кризис ослабил позиции США в ряде стран. Размеры старых инвестиций за границей сокращались. Экспорт новых капиталов из Нью-Йорка приостановился. Престиж доллара упал. Европейские должники прекратили платежи по военным долгам. Все эти события происходили постепенно, по мере нарастания и углубления кризиса. В 1930 г. заграничные инвестиции США ещё увеличились примерно на 1 млрд. долл. Происходившая весною этого года морская конференция в Лондоне закончилась более успешно, чем конференция 1927 г. в Женеве.

Кризис охватил в той или иной мере весь капиталистический мир. Англия испытывала серьёзные экономические затруднения тогда, когда США наслаждались ещё «процветити». Соревнование в морских вооружениях было для лондонского казначейства более тяжёлым бременем, чем для вашингтонского. И в Англии, и в Америке усиливались сторонники «исправления ошибок», допущенных в 1927 г. в Женеве.

В 1929 г. в Англии сформировалось второе лейбористское правительство. Макдональд не выполнял своих обещаний

в области внутренней политики, а гнался за эффектными внешнеполитическими успехами. В Америке преемник Кулиджа президент Гувер считал своей основной задачей во внешней политике экономическую экспансию. Он был одним из наиболее видных представителей тех кругов в Америке, которые, исходя из богатства и финансовых возможностей США, возлагали в своей политике экспансии больше надежд на доллары, чем на военные корабли. Он даже заявил, что никогда не добивался равенства в морских вооружениях с Англией и не возражал против оставления первенства за британским флотом [1]. В личных взглядах Гувера, надо полагать, известную роль сыграло то, что он большую часть своей деловой жизни провёл в окружении господствующих британских кругов. Сторонники большого флота в Америке упрекали правительство, что оно в своих симпатиях к Англии зашло слишком далеко.

Позиция президента США укреплялась благодаря случайному факту, оживившему в конгрессе деятельность изоляционистов. 21 августа 1929 г. некий Ширер возбудил против Вифлеемской и двух других судостроительных корпораций, заинтересованных в морских вооружениях, иск в 250 тыс. долл. за представительство их интересов на морской конференции в Женеве в 1927 г., содействовавшее провалу этой конференции. В сентябре сенатор Бора потребовал официального расследования этого вопроса. Дело было поручено морской комиссии сената. Выступая в комиссии, Бора заявил, что судостроительные компании, нанимая секретно людей для того, чтобы провалить морскую конференцию, «доходят до заговора против народа и правительства США». Гувер взял под свою защиту тех капиталистов, в которых метили изоляционисты в сенате. Он заявил, что «не допускает, чтобы ответственные директоры судостроительных корпораций имели отношение к этому делу». Вместе с тем он предупредил о нежелательности «вмешательства со стороны таких групп и с помощью подобных методов в происходящие переговоры с иностранными государствами» [2].

Со времени переезда Гувера в Белый дом руководящие газеты и журналы США довольно часто отмечали, что строительство военных кораблей стоит Америке много денег. Указывали на то, что в бюджетном году, кончившемся 30 июня 1929 г., США израсходовали на военно-морской флот в три раза больше, чем Германия в 1914 г., что больше 80% до-

---

[1] *L. Sears*, A History of American Foreign Relations, New York 1935, p. 601.

[2] «Current History», October 1929, p. 157.

хода федерального правительства уходит на покрытие затрат на прошлые и на будущие войны [1]. 23 июля 1929 г. президент Гувер, утверждая, что военные расходы США являются самыми большими в мире, говорил о необходимости существенного сокращения бюджетов военного и морского ведомств. Назавтра он демонстративно распорядился прекратить работу по сооружению трёх крейсеров.

Летом 1929 г. в Лондоне велись переговоры между новым американским послом в Англии Дауэсом и Макдональдом. Несколько раньше Стимсон, уезжая из Филиппин в Вашингтон для принятия поста государственного секретаря, остановился в Токио и нащупывал почву для морского соглашения. 13 сентября в Лондоне было опубликовано коммюнике о том, что правительства Великобритании и США пришли к предварительному соглашению на основе паритета о сокращении всех категорий военных кораблей и собираются пригласить Японию, Францию и Италию на морскую конференцию. 4 октября Макдональд прибыл с визитом в Америку. В Вашингтоне британский премьер выступал перед сенатом США. 7-го того же месяца английское правительство официально пригласило морские державы на конференцию по сокращению вооружений в Лондон.

Конференция открылась 21 января 1930 г. В ней участвовали представители Британской империи, США, Японии, Франции и Италии. В старинном лондонском дворце, построенном ещё Генрихом VIII, продолжались трёхмесячные торги между делегатами пяти морских держав. Американскую делегацию возглавлял государственный секретарь Генри Стимсон. Стимсону пришлось в Лондоне выдержать упорную борьбу с его собственными экспертами. Адмирал Джонс тщетно доказывал, что только тяжёлому крейсеру по силам расстояние в Тихом океане между американскими топливными станциями на Гавайях и на Филиппинах. Стимсон, в соответствии с наказом Гувера, держал курс на компромисс. Соглашение было подписано. 22 апреля 1930 г. Лондонская морская конференция закончила свою работу. Принцип паритета линейных флотов Англии и Америки был перенесён и на другие корабли. Соотношение флотов США и Японии было соответственно установлено: для линейных кораблей, авианосцев и тяжёлых крейсеров — 10 : 6, для лёгких крейсеров, вспомогательных и более мелких судов — 10 : 7, а для подводных лодок — равенство. Общий тоннаж крейсерского флота для Англии, по Лондонскому соглашению, был

[1] «Current History», January 1930, p. 711.

установлен на 16 тыс. *т* больше, чем для США. Зато Америка сохранила право содержать больше тяжёлых крейсеров [1].

После трёхмесячных заседаний в Лондоне Стимсону предстояла трёхмесячная борьба в Вашингтоне. В сенате сторонники большого флота возражали. 23 адмирала выражали своё негодование в сенатской комиссии. Сенатор Джонсон из Калифорнии возмущался по поводу того, что японская норма военно-морского флота оказалась несколько выше трёх пятых нормы США. Адмиралы утверждали, что Стимсон игнорировал их советы, что он отправился в Лондон с программой, предусматривающей 23 тяжёлых крейсера, а вернулся с 18, что лёгкие крейсеры бесполезны для страны, не имеющей соответствующей сети морских баз, что паритет в тоннаже остаётся в сущности паритетом на бумаге. В сенате имели место возражения и другого порядка. Сенатор Мак-Киллер из Теннеси настаивал, чтобы Лондонское соглашение было ратифицировано лишь с рядом поправок. Одна такая поправка гласила, что нарушитель соглашения обязан уплатить другим участникам морской конференции 1 млрд. долл. [2]

В Лондоне и Токио решение конференции также встретило оппозицию. Уинстон Черчилль, утверждая, что морское соглашение приведёт к подчинению британского флота американскому, заявил, что «никогда, со времени царствования Карла II, страна не была так беззащитна» [3]. И в Англии, и в Америке, и в Японии делегации на Лондонской конференции подвергались резкой атаке со стороны руководящих морских кругов. Всюду адмиралы говорили, что их родина была на конференции предана, а их флот «искалечен». Английские морские круги, с бывшим морским министром Черчиллем во главе, утверждали, что от соглашения выиграла Америка; американские говорили, что в выигрыше остались

---

[1] После Лондонского соглашения крупнейшие три морские державы — Англия, Америка и Япония — имели право содержать флоты следующего состава:

Классы кораблей	Англия	США	Япония
	(тоннаж в тысячах)		
Линкоры	525	525	315
Крейсеры «А» (8-дюймовые орудия)	147	180	108
Крейсеры «Б» (6,1-дюймовые орудия)	192	143	100
Авианосцы	135	135	81
Эсминцы	150	150	106
Подводные лодки	53	53	53
Всего	1 202	1 186	763

[2] «Current History», September 1930, p. 1193.

[3] Ibid., July 1930, p. 759.

Англия и Япония, а японские доказывали, что в Лондоне победили Англия и Америка. Одна нью-йоркская газета предложила трём крупнейшим морским державам облегчить участь критикуемых правительств и произвести временный обмен адмиралами.

Гувер заявил, что Лондонская конференция сэкономит в ближайшие 6 лет казначейству 1 млрд. долл. В конгрессе эта цифра подействовала. 21 июля 1930 г. сенат ратифицировал Лондонское соглашение.

Англия и Япония старались использовать свои права, своевременно заменить старые корабли новыми. Америка же продолжала, как и после соглашения 1927 г., отставать от своих морских соперников. В итоге за время президентства Гувера в американском флоте увеличилось число устарелых кораблей. Не считая судов, отслуживших свой срок, флот США по тоннажу намного отставал от английского и близко подошёл к японскому [1].

Морское соглашение 1930 г. служило первым и последним внешнеполитическим «активом» правительства Гувера. Президент США считал своей заслугой и мораторий по долгам. Но этот шаг был использован европейскими должниками против Америки.

Со времени заключения Версальского договора Вашингтон категорически отрицал наличие какой-либо связи между военными долгами и репарациями. Европейские должники, наоборот, как и во время принятия плана Юнга, добивались оформления этой связи. США не были в состоянии силой заставить союзников платить военные долги. Союзники же платили Америке не свои деньги, а номинально германские. Германия получила для этой цели в США 4 млрд. долл. Пока Америка финансировала Европу, дискуссия о связи репараций и долгов не имела практического значения. Другая ситуация создалась к концу второго года экономического кризиса, когда Нью-Йорк прекратил экспорт капиталов в Европу.

Весной 1931 г. начала рушиться кредитная система в Центральной Европе. Первой жертвой был крупнейший Венский

---

[1] Если взять только те корабли, которые не вышли из предельного для них возраста, то к концу президентства Гувера в 1933 г. соотношение сил флотов трёх крупнейших морских держав было таково («New York Herald Tribune», 22. X. 1933):

	Количество кораблей	Тоннаж
Англия	134	966 379
США	84	708 550
Япония	164	653 389

банк. Вслед за Австрией паника охватила Германию. Вскоре дошла очередь до Англии и Америки. Американские богачи, боясь обесценения доллара, начали в панике отправлять свои капиталы в Голландию и Швейцарию. В сентябре 1931 г. Англия отошла от золотого стандарта. США выдержали нажим на доллар. Но положение в стране оставалось тревожным. Гувер опасался революции в Германии, куда Америка вложила миллиарды долларов. Надежды на получение платежей по репарациям и военным долгам становились с каждым днём всё более иллюзорными. Президент США решил согласиться на отсрочку очередных международных государственных платежей, с тем чтобы облегчить взносы по частным долгам. Когда кредитная паника распространилась в Центральной Европе, 20 июня 1931 г. Гувер предложил мораторий на один год по репарациям и международным государственным долгам. Конгресс одобрил мораторий лишь 22 декабря с оговоркой, что никакие государственные долги Америке не будут аннулированы или сокращены. Но к этому времени европейские должники уже не так считались с мнением «Капитолия», как десять лет тому назад, когда конгресс США принял билль о конверсии иностранных военных долгов Америке.

Европейским должникам нетрудно было сообразить, что если можно не платить долгов один год, то почему не повторить этот опыт в дальнейшем. Европейская печать настойчиво спрашивала: какой смысл выкачивать деньги из Германии и отправлять их в Америку? Эту кампанию возглавляла Англия. Осенью 1932 г. один влиятельный лондонский журнал писал: «Своим теперешним отчаянным положением мир обязан главным образом огромным суммам, полученным иностранными государствами в виде займов в Америке во время и после мировой войны» [1].

Летом 1932 г. Англии удалось в Лозанне организовать европейских должников против США. Было решено сократить общую сумму германских репараций до 714 млн. долл., если Америка аннулирует или по крайней мере соответственно сократит военные долги. Лозаннская конференция 1932 г. состоялась без участия США.

Англия выбрала для лозаннской операции довольно благоприятный момент. Когда европейские державы собрались в Лозанне, Вашингтон был всецело занят президентской кампанией. Должники выждали и официальное уведомление о своём намерении больше не платить долгов отправили Америке лишь после президентских выборов. На выборах Гувер

[1] «Contemporary Review», October 1932, p. 406.

потерпел поражение. Новый президент принял дела лишь весной 1933 г. Пока в Вашингтоне никто должным образом не реагировал на поведение должников.

15 декабря 1932 г., после истечения срока моратория, наступил очередной срок взносов по военным долгам. Шесть государств, в том числе Франция, отказались платить. Прецедент был создан. Через шесть месяцев, 15 июля 1933 г., из 14 европейских государств, заключивших после войны специальные соглашения с США о долгах, Финляндия оказалась единственной страной, внесшей полностью очередной платёж Америке, что сказалось в дальнейшем отношении США к этой стране.

Глубокий экономический кризис ослабил позиции США не только в Европе. На Дальнем Востоке Япония бросила открытый вызов Америке. Событие это произошло в сентябре 1931 г., когда Япония, начав войну с Китаем, расторгла односторонним актом Вашингтонское соглашение 1922 г. Как Лондон в вопросе о долгах, так и Токио, приступая к оккупации Маньчжурии, учитывало наряду с другими обстоятельствами приближавшуюся президентскую кампанию в Америке. «Если кто-то, — писал Стимсон, — спланировал «взрыв» в Маньчжурии с таким расчётом, чтобы быть свободным от вмешательства всего остального мира, то он, несомненно, удачно выбрал момент»[1].

Из капиталистических держав, имеющих интересы на Дальнем Востоке, США были единственной, которая открыто выражала своё недовольство и которая пыталась дипломатическими средствами помешать отторжению Маньчжурии от Китая. Англия в период войны в Маньчжурии, наоборот, упорно саботировала все предложения о совместном протесте против расторжения Японией Вашингтонского соглашения о неприкосновенности китайской территории, подписанного Англией наряду с США.

Японский министр иностранных дел Сидехара и представитель Японии в Лиге наций Иошидзава уверяли, что оккупация носит временный характер и что она не выйдет за пределы Южно-Маньчжурской железнодорожной зоны. Стоявшее в Токио у власти правительство Минсейто утверждало, что «Япония не имеет никаких территориальных притязаний в Маньчжурии». В Токио ждали, что скажут великие морские державы, в частности, как будет себя вести Англия.

7 января 1932 г. Стимсон официально известил Японию и Китай, что США не признают никакого нового статуса, который будет установлен в Маньчжурии в результате применения

---

[1] *Г. Стимсон,* Дальневосточный кризис, Москва, Соцэкгиз, 1938, стр. 5.

методов, противоречащих пакту Келлога. Через четыре дня, 11 января, британское министерство иностранных дел опубликовало коммюнике, в котором оно выражало удовлетворение в связи с заверениями Токио о том, что «Япония является в Маньчжурии чемпионом принципа равных возможностей и «открытых дверей» для экономической активности всех наций» [1]. В тот же день лондонский «Times», интерпретируя коммюнике, высмеивал Вашингтонское соглашение девяти держав о сохранении целостности китайской территории: «Эта целостность не существовала в 1922 г., не существует она и сейчас» [2]. «Содержание этого коммюнике, — утверждал Стимсон, — было таково, что большинство читателей, включая — что было наиболее важным — японское правительство, восприняло его как отпор Соединённым Штатам» [3].

22 февраля 1932 г. английский министр иностранных дел Саймон, изложив в палате общин официальную точку зрения Лондона на события в Маньчжурии, подчеркнул, что британское правительство решило содействовать непосредственным переговорам между Японией и Китаем. Этим самым Саймон ещё раз подтвердил тезис Токио и отверг предложение Вашингтона об оказании совместного давления на Японию [4].

Кенворти (впоследствии лорд Страболджи), компетентный в международных проблемах, бывший офицер британского флота и член парламента с 1919 по 1931 г., писал через 15 месяцев после начала военных действий в Маньчжурии: «То, что между британской и американской политикой и практикой на Дальнем Востоке имеются глубокие расхождения, к сожалению, слишком очевидно... Министерство иностранных дел в течение последних двадцати пяти лет постоянно проводило политику возможно более тесного сотрудничества с французской дипломатией в Европе и поддержания возможно более дружественных отношений с Японией в Азии...» [5] Такой политики требовало прежде всего, по словам Кенворти, «наиболее влиятельное учреждение в го-

---

[1] *Г. Стимсон,* Дальневосточный кризис, стр. 69.

[2] Там же, стр. 71.

[3] Там же, стр. 69.

[4] 11 марта 1933 г. Англия внесла в Лигу наций резолюцию, которая была принята единогласно. В резолюции говорилось: «Члены Лиги не должны признавать любого положения, договора или соглашения, достигнутых средствами, противоречащими уставу Лиги наций или пакту Келлога». После отклонения Великобританией предложений США эта резолюция общего характера не возымела должного эффекта в Токио, где её рассматривали как жест английского правительства перед общественным мнением.

[5] «Current History», December 1932, p. 267—268.

сударстве» — британское адмиралтейство. Хорошо осведомлённый в закулисных делах Лиги наций редактор женевской газеты Вильям Мартен писал в 1933 г.: «Уверенный, что равенство морских сил Англии и США вызывает необходимость существования большой морской державы в Тихом океане, Макдональд решительно отказывался проводить малейшее мероприятие, ведущее к ослаблению японских позиций в военном, политическом или моральном отношении» [1].

Англия игнорировала предложение США о совместном протесте против нарушения Вашингтонского соглашения 1922 г. Позиция, занятая Лондоном в маньчжурском вопросе, окрылила японских милитаристов и в своё время содействовала падению кабинета Минсейто и усилению контроля наиболее агрессивных элементов над правительством в Японии. В разговорах с Вашингтоном Токио повысило тон. Министр иностранных дел Хирота заявил: «США должны отказаться от вмешательства в дальневосточные дела и положиться на Японию в деле сохранения мира и порядка в Азии» [2].

Через пять месяцев после начала маньчжурского «инцидента» государственный секретарь США в открытом письме сенатору Бора сформулировал позицию США в маньчжурском вопросе [3]. Стимсон жаловался на трудности в борьбе с Японией. Америке без поддержки Англии в силу её военно-стратегического и внутриполитического положения не легко было тогда оказать эффективное воздействие на Японию, тем более что в этом споре она сама не желала выйти за пределы дипломатического нажима.

В апреле 1932 г. сам Стимсон отправился в Женеву, пытаясь опереться на Лигу наций — ту Лигу, порог которой его партия клялась не переступать. Лига наций, бессильная с самого начала своего существования, демонстрировала в японо-китайском конфликте свою полную беспомощность и по

---

[1] «Current History», October 1933, p. 14.

[2] Ibid., November 1933, p. 354.

[3] В этом письме говорилось: «Седьмого января, по приказанию президента, правительство Соединённых Штатов официально нотифицировало Японии и Китаю, что оно не признаёт никакого положения, никакого договора или соглашения, заключённого этими правительствами, нарушающих обязательства указанных выше договоров и способных нанести ущерб правам нашего правительства или наших граждан в Китае. Если бы другие правительства приняли такое же решение и заняли аналогичную позицию, сопротивление, которое было бы таким образом оказано, было бы достаточно для того, чтобы сделать навсегда действительно незаконными всякие права, которых добиваются при помощи давления или нарушения договоров, и привело бы в конце концов к восстановлению прав Китая, которых он мог быть лишён» (*Генри Л. Стимсон,* Дальневосточный кризис, стр. 119).

существу санкционировала первый крупный прецедент — безнаказанности агрессора.

В Западном полушарии англо-американские противоречия проявлялись в годы кризиса более непосредственно, чем на Дальнем Востоке. Мировой экономический кризис ударил гораздо сильнее по хозяйству США, чем по экономике Англии. Весной 1933 г. промышленная продукция США сократилась почти на 60% по сравнению с весной 1929 г. Английская промышленная продукция сократилась за это время всего на 8%. Национальный доход Англии был в 1932 г. только на 12% меньше, чем в 1929 г. Между тем национальный доход США сократился за это время больше чем наполовину. За эти же годы внешняя торговля Великобритании упала на 45%, а внешняя торговля США — на 70%. За время кризиса Англия снова заняла первое место в мировой внешней торговле. Огромная колониальная империя оказала ей большую услугу в этом отношении. Английский экспорт идёт на 40—45% в британские колонии и доминионы, между тем как американские колонии потребляют лишь 7—8% экспорта США. Ещё в большей степени чувствуется во всех частях Британской империи финансовое влияние Лондона. Согласно оценкам одного английского эксперта, Роберта Киндерслея, около двух третей всех английских капиталов за границей помещены в британских колониях и доминионах. В американские же колонии вложено меньше 10% иностранных инвестиций США, в то время как две трети всех их инвестиций приходятся на Европу, Канаду и Австралию, т. е. на те страны, где Америка не могла применить силу для защиты своих капиталов. Американские капиталы за границей обесценились за годы кризиса в гораздо большей степени, чем английские. Особенно велики были потери на инвестициях в Южной Америке, где нью-йорские банкиры старались до кризиса любой ценой овладеть английскими ценными бумагами. Например, чилийские займы в США на сумму в 290 млн долл. котировались в 1933 г. всего в 15 млн. долл.

В 1931—1932 гг. Англия начала наступление на завоёванные США во время и после первой мировой войны позиции в Канаде, Южной Америке и других странах. За один 1931/32 г. торговля Канады с США упала на 59%, а её торговля с другими странами — только на 44%[1]. В июле — августе 1932 г. в Оттаве состоялась специальная конференция по укреплению британской внутриимперской торговли за счёт сокращения торговых отношений Англии и её заморских владений с другими странами. Острие этой конференции было направлено

[1] «Current History», September 1932, p. 732.

против США. Достаточно указать на то, что экспорт из США только в Англию и Канаду за предшествовавшие 1932 г. десять лет в среднем превышал 1 600 млн. долл. в год. В результате Оттавской конференции Канада впервые после 1915 г. заключила заём в Лондоне, а не в Нью-Йорке [1].

Англия повела энергичную контратаку на США и в Южной Америке. За один 1932 г. Южная Америка сократила свою торговлю с США на 42%, а с Англией — только на 11%. Согласно данным подготовительной комиссии к седьмой пан-американской конференции, с 1929 по 1932 г. вся внешняя торговля США сократилась на 69%, а их торговля с Южной Америкой упала на 82%. Экспорт США в основные страны Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Перу, Уругвай, Венецуэла) равнялся в 1929 г. 603 млн. долл., а в 1933 г. он снизился до 108 млн. долл. В 1933 г. торговое соглашение Рока — Ренсимена установило в значительной мере английский контроль над фондами иностранной валюты Аргентины.

В 1933 г. англичане начали скупать в Южной Америке ценные бумаги, принадлежащие американцам, т. е. стали производить такие же операции, какие до кризиса обыкновенно производили нью-йоркские банкиры с английскими акциями, с той лишь разницей, что Американская электрическая компания, скупая до кризиса английские акции, платила за них существовавшую тогда высокую рыночную цену и 25-процентную надбавку к ней, а англичане на четвёртом году кризиса покупали акции своих конкурентов в Латинской Америке за бесценок.

Контрнаступление Сити в Западном полушарии наталкивалось на упорное сопротивление Уолл-стрита. Обострение противоречий между Англией и США в Латинской Америке содействовало возникновению ряда вооружённых конфликтов в этой части света.

Затянувшаяся на ряд лет боливо-парагвайская война отражала борьбу между британским и американским капиталами за нефтеносные земли Чако, за открытие дешёвого пути к Атлантическому океану через судоходную реку Парагвай, для принадлежащих американским компаниям олова и нефти Боливии. В Боливии находятся богатые запасы олова. США потребляют свыше 50% мирового производства этого чрезвычайно важного в военной промышленности металла. Между тем 80% мировой добычи олова находятся в руках Англии. В 1933 г. один американский журнал сообщал, что за несколько месяцев до начала вооружённого столкновения

[1] «Journal of Commerce», 4. VIII. 1933.

в Чако Боливия получила у банкиров Уолл-стрита заём на покупку амуниции [1]. Равным образом вспыхнувшая в июле 1932 г. гражданская война в Бразилии, в которой участвовало около 250 тыс. человек, вооружённых пулемётами, лёгкой и тяжёлой артиллерией, танками и аэропланами, была в значительной мере вызвана борьбой между английским и американским капиталами за бразильское сырьё, за богатства долины Амазонки и за бразильский рынок.

Англо-американская борьба не случайно привела к ряду вооружённых столкновений в Латинской Америке. В Латинскую Америку обе державы вложили колоссальные капиталы. Туда прежде всего направляется внешняя экспансия США. Между тем в течение 100 лет Латинская Америка служила крупным источником сырья и рынком сбыта для английской промышленности.

Экономический кризис, ослабивший позиции американского капитализма на обоих полушариях, создал политическую почву для усиления изоляционистов в Вашингтоне.

III

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕМОКРАТОВ

Национальные конвенты 1932 г. Вынужденная кандидатура республиканцев. Франклин Рузвельт — кандидат демократов. Платформы обеих партий. Вопрос о силовых трестах. Козырь Рузвельта. Последние усилия Гувера. «Гуверовская бомба» в Женеве. Кампания социалистической партии. Коммунистическая партия на выборах. Небывалое поражение республиканцев.

К концу третьего года кризиса республиканцы и демократы созвали в Чикаго свои национальные конвенты. Страна готовилась к новым выборам. Очередная президентская кампания приковывала к себе большое внимание в Америке и в Европе. Внешнеполитические неудачи Вашингтона ухудшили шансы Гувера. Но исход выборов зависел больше всего от внутренних проблем.

На предыдущем национальном конвенте, в 1928 г., боссы республиканской партии трактовали «просперити» как собственное достижение. В 1932 г. они заняли оборонительную позицию. Предвыборная платформа республиканцев по своему размеру в шесть раз превышала платформу демократов. Но убедить большинство избирателей в своей неви-

[1] «New Republic», 22. II. 1932.

новности им не удалось. Гувер и его партия были уже скомпрометированы. В конце 1931 г. один американский журнал подсчитал, что с начала экономического кризиса на страницах нью-йоркской прессы было опубликовано около 100 обещаний Белого дома о немедленном возвращении пресловутого «просперити». Президент США не раз уверял, что «просперити» уже находится за углом и вот-вот повернёт на главную аллею индустриальной Америки. Осенью 1931 г., когда в важнейших отраслях промышленности происходило повальное снижение заработной платы, орган американских финансовых кругов писал, что торжественные заверения Гувера о том, что заработная плата не будет снижена, преследовали лишь тактические соображения [1].

Планы Гувера по борьбе с кризисом провалились. Его обещания оказались пустыми, его предсказания — политическим шарлатанством. Но вместе с тем республиканцы не могли отказаться от его кандидатуры на следующее президентство. Такой шаг означал бы признание собственной слабости. Со дня своего возникновения республиканская партия лишь два раза отступала от обычая, обеспечившего на национальном конвенте выбор кандидатуры президента, если последний пребывал в Белом доме не больше четырёх лет: в 1880 г. при Хейсе и в 1884 г. при Артуре; но Хейс сам категорически отказался от дальнейшего пребывания на посту президента, а Артур был избран лишь вице-президентом и попал в президенты случайно, в связи с убийством Гарфильда в 1881 г.

Национальный конвент республиканцев открылся 14 июня 1932 г. Из 1 154 голосов 1 127 было подано за кандидатуру Гувера. 27 июня в Чикаго в том же самом зале, где заседали республиканцы, открылся национальный конвент демократов. При четвёртом голосовании губернатор Нью-Йорка Франклин Рузвельт получил 945 из 1 154 голосов. Вопреки традициям, не позволявшим кандидату в президенты присутствовать на национальном конвенте, Рузвельт, узнав о победе его кандидатуры, немедленно вылетел в Чикаго. 2 июля он предстал перед конвентом. Произнеся свою первую речь как официальный кандидат в президенты от демократической партии, Рузвельт тут же с трибуны конвента апеллировал к широким кругам избирателей. Он заявил: «Общие прибыли в предшествовавший период были огромными. В то же время лишь малая доля этих прибылей шла на снижение цен. О потребителе забыли. Очень мало этих прибылей пошло на повышение заработной платы. О рабочем забыли. Дивиденды

[1] «Financial Chronicle», 3. X. 1931, p. 2154.

выплачивались в пропорции, которая ни в коем случае не соответствовала прибылям компаний. Держатели акций оказались забытыми»[1].

Вскоре после конвента Рузвельт отправился в большой тур по стране. В эту предвыборную кампанию кандидат демократов объехал больше чем 25 тыс. миль[2]. Летом 1932 г. происходила горячая дискуссия между обеими партиями. Рузвельт придал своему поединку с Гувером характер борьбы «либерализма против консерватизма»[3].

Платформы республиканцев и демократов высказались за твёрдую валюту и за бездефицитный бюджет. Обе обещали федеральный кредит штатам для помощи безработным. Обе, констатируя тяжёлое положение фермеров, обещали помощь сельскому хозяйству. Платформа демократов резко осудила тариф Смута, «запретительные пошлины которого вызвали ответные меры со стороны больше чем 40 стран»[4]. Но она не требовала отмены этого тарифа.

Демократы требовали отмены «сухого» закона. Республиканцы согласились лишь с ревизией и модификацией XVIII добавления к конституции США. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, укажем сейчас, что вскоре после смены президента, ещё до окончания 1933 г., было ратифицировано штатами и вошло в силу XXI добавление, отменившее XVIII добавление к конституции США.

Существенную роль, как в президентской кампании 1928 г., играл в предвыборной дискуссии 1932 г. вопрос об энергетических трестах. Поводом к этому послужили на сей раз события, связанные с крахом Инсула. Конвенты состоялись в том городе, в котором находилась резиденция обанкротившегося короля электричества. 15 сенаторов и 22 конгрессмена, преимущественно из западных штатов, вместе с другими известными в США политическими деятелями опубликовали декларацию против энергетических трестов[5]. Плат-

---

[1] «New York Times», 3. VII. 1932.

[2] *L. Hacker* and *B. Kendrick*, The United States since 1865, New York 1939, p. 683.

[3] «Current History», December 1932, p. 261.

[4] «Text of the Party Platforms», «Current History», August 1932, p. 640.

[5] В декларации говорилось: «Мы рассматриваем проблему энергетики в её экономическом, финансовом, промышленном и социальном аспекте как один из самых важных вопросов, стоящих перед американским народом в кампании 1932 г... Объединённые интересы предприятий общественных услуг и банков, возглавляемые энергетическими трестами, имеют наиболее могущественную и организованную, разветвлённую политическую машину из когда-либо известных в нашей истории. Эта машина действует согласованно с другими реакционными эко-

формы республиканцев и демократов вынуждены были отразить возмущение избирателей среднезападных штатов. В обеих платформах подчёркивалась необходимость государственного контроля над предприятиями общественных услуг и регулирования цен на электричество, передаваемое за пределы того или иного штата. Демократы пошли дальше республиканцев. Они констатировали неудовлетворительное положение в этой важной отрасли народного хозяйства и обещали регулировать деятельность держательских компаний. Гувер в своих выступлениях старался умалить значение всего этого вопроса. Верный своим покровителям, Гувер подчёркивал свою оппозицию к государственному владению электрическими предприятиями. Рузвельт отметил борьбу между общественными и частными интересами в производстве и распределении электричества. Он говорил, что общественные интересы нуждаются в защите. Но вместе с тем он перед самыми выборами, 20 октября, выступая в Индианополисе, дал понять, что он не против частного владения энергетическими предприятиями, как некоторые могли бы думать, а только за государственный контроль над этими предприятиями для того, чтобы избегнуть ошибок прошлого.

Из других вопросов следует отметить 14-й пункт платформы демократов. Этот пункт начинается словами «Независимость Филиппинам». В прошлом лидеры демократов неоднократно декларировали независимость Филиппин и не выполнили своих обещаний в отношении этих островов в течение восьмилетнего президентства Вильсона. Поэтому в США не придавали большого значения 14-му пункту платформы демократов.

Демократы воспользовались слабостью республиканцев в 1932 г.

В президентскую кампанию 1928 г. Гувер уверял, что США пользуются «просперити» благодаря мудрости республиканской партии. Сейчас он объяснял кризис объективными причинами: последствиями мировой войны, революциями в России и Китае, волнениями в ряде других стран и т. п. Рузвельт в своей первой официальной речи кандидата в президенты поставил в затруднительное положение своего оппонента 2 июля на конвенте он задал вопрос Гуверу: «Если республиканцы имеют монопольный патент на «просперити», то как вы можете отказаться от такого же патента на кризис?» [1].

номическими, промышленными и финансовыми группами. Она энергично старается контролировать выдвижение кандидатов в конгресс и в президенты от обеих доминирующих политических партий» («Current History», October 1932, p. 44).

[1] «New York Times», 3. VII. 1932.

В своих дальнейших выступлениях Рузвельт критиковал «философию американского индивидуализма» Гувера. Выступая 20 августа в Колумбусе, Рузвельт заявил: «Две трети всей американской промышленности сконцентрировано в нескольких сотнях корпораций и управляются фактически не более чем пятью лицами. Менее трёх дюжин частных банковских домов и уполномоченных коммерческих банков по сбыту акций направляют течение американского капитала. Другими словами, экономическая сила сконцентрирована в руках нескольких человек; это совершенная противоположность тому индивидуализму, о котором говорит президент. Мы видим, что большая часть нашего трудящегося населения не имеет возможности существовать иначе, как милостью этой концентрированной индустриальной машины; мы видим миллионы и миллионы американцев без работы, что возлагает на обременённое заботами государство дополнительные заботы об оказании им помощи» [1].

В программной речи на конвенте 2 июля Рузвельт обещал вернуть к работе 10 млн. безработных. Фермеров он уверял, что будут подняты цены на сельскохозяйственные продукты. Как бы ни относилась многомиллионная армия безработных и разорённых фермеров к подобным обещаниям, у Рузвельта был большой козырь в предвыборной дискуссии. Гувер за время пребывания в должности президента сильно себя дискредитировал в глазах широких масс избирателей.

В ходе кампании стало ясно безнадёжное положение Гувера. 13 сентября на выборах губернатора и членов конгресса в традиционно республиканском штате Мэн победили демократы. Выборы в конгресс происходят в Мэне почти на два месяца раньше, чем по всей стране. Исход выборов в этом штате имеет особое значение. У республиканцев одно время была в ходу поговорка «как голосует Мэн, так голосует страна». От Гувера отвернулись известные лидеры республиканской партии в западных штатах. Сенаторы Джонсон из Калифорнии, Норрис из Небраски и Лафоллет из Висконсина открыто высказались за поддержку Рузвельта. Наконец, Рузвельта поддерживали и некоторые известные крупные банкиры с Оуэном Юнгом во главе. Как будто для успокоения некоторых богачей, обеспокоенных нападками Рузвельта на монополистический капитал, ежемесячник крупнейшего банка США заявил, что «ни избрание Гувера, ни избрание Рузвельта не чревато опасностями для бизнеса» [2].

---

[1] «New York Times», 21. VIII. 1932.

[2] «National City Bank», «Economic Conditions», November 1932, p. 161.

Гувер, чувствуя перемену настроения в рядах своей партии, начал принимать срочные меры. 15 сентября он открыл в Белом доме совещание по вопросу о помощи нуждающимся и заявил, что «в предстоящую зиму ни один человек не должен голодать». В то же время он просил директоров железных дорог отложить предполагаемое снижение заработной платы рабочим до конца года. 4 октября Гувер выступил в Айове. В том штате, где 58-ю годами раньше он родился на ферме, президент США пытался сейчас удержать за собой разочарованных избирателей аграрного Запада. Он изложил новую программу из 11 пунктов о помощи сельскому хозяйству. Но фермеры ему больше не верили. Его прошлый план помощи фермерам провалился. Созданная им Фермерская палата, не добившись своими закупками никаких результатов, сама начала выбрасывать изъятые ею сельскохозяйственные продукты на рынок. Её запасы пшеницы и хлопка стимулировали дальнейшее падение цен и ухудшение положения фермеров.

Параллельно с этим президент США, в целях восстановления своей поблекшей репутации, пробовал совершить важный внешнеполитический шаг. Через несколько дней после избрания национальным конвентом республиканцев Гувера кандидатом в президенты США в Женеве «взорвалась» так называемая «гуверовская бомба», 21 июня 1932 г. американская делегация на конференции по разоружению внесла предложение о сокращении вооружений всего мира на одну треть и о полной ликвидации всей бомбардировочной авиации, всех танков, всех тяжёлых подвижных орудий и всех средств химической войны. «Гуверовская бомба», продиктованная предвыборными соображениями, была рассчитана прежде всего на эффект внутри страны.

Все экстраординарные мероприятия Гувера в последние месяцы перед выборами не были в состоянии удержать ускользающую из его рук власть. За четыре дня до выборов, 4 ноября 1932 г., журнал «Literary Digest» опубликовал итог предварительного опроса избирателей в 41 из 48 штатов. Все шансы оказались на стороне Рузвельта.

Демократы, повторяем, черпали в 1932 г. свою силу в слабости республиканцев. Кризис сильно увеличил в кругах трудящихся недовольство существующим порядком, недоверие к обеим крупным партиям. Даже такой консерватор, как председатель АФТ Грин, в своём выступлении на конференции федерации штата Нью-Джерси в сентябре 1932 г. вынужден был отказаться от своего основного «принципа»: профсоюзы — вне партии, и заявить, что члены АФТ создадут «независимую политическую организацию», если это будет

лучше соответствовать их интересам. Грин, конечно, дальше слов не шёл, а в стране не оказалось тогда третьей политической партии, достаточно сильной и подготовленной, чтобы воспользоваться ситуацией и привлечь на свою сторону широкие массы недовольных избирателей.

Недовольство республиканцами и демократами пыталась использовать социалистическая партия. Социалистическая партия, согласно официальным данным секретаря её национального комитета, насчитывала в 1930 г. всего 10 627 членов [1]. Главными фигурами социалистической партии в кампании 1932 г. являлись кандидат в президенты Норман Томас и председатель национального комитета Морис Хилкуит. Томас — бывший пастор. Хилкуит — богатый нью-йоркский адвокат. Он показал своё настоящее лицо в 1931 г., когда он выступил в качестве адвоката бывших бакинских нефтепромышленников, которые заявили претензии на советскую нефть, проданную в США.

Предвыборный съезд социалистической партии состоялся в мае 1932 г. в городе Мильвоки. На нём преобладали интеллигенты свободных профессий. Оживлённую дискуссию вызвал на съезде вопрос об отношении к СССР. В те годы, когда капиталистический мир переживал кризис, СССР победоносно выполнил план первой пятилетки. Широкие круги США начинали всё больше интересоваться Страной Советов. Некоторые серьёзные буржуазные учёные Америки стали признавать, что большевики опираются на твёрдую экономическую основу. В Мильвоки было предложено девять резолюций о признании СССР Америкой. Но формулировка резолюций и сопровождавшие их дебаты не оставляли сомнения в плохо замаскированном недружелюбном либо даже открыто враждебном отношении к социалистическому государству.

В процентном отношении социалистическая партия получила в 1932 г. почти в три раза меньше голосов, чем двадцатью годами раньше. В 1912 г. она собрала на президентских выборах 5,9% всех поданных голосов, в 1920 г. — 3,5%, а в 1932 г. — 2,1%.

Коммунистическая партия США проводила в 1932 г. третью президентскую кампанию, первую после очистки своих рядов от троцкистов и ловстонцев.

В мае 1932 г. в Чикаго состоялась массовая конференция, созванная для выдвижения коммунистических кандидатов на предстоящих президентских выборах. На конференции собралось свыше тысячи представителей трудящихся Америки.

---

[1] «American Labor Year Book», 1931, p. 152.

Около трёх четвертей всех делегатов были беспартийные рабочие, выбранные на местных конференциях в промышленных районах или посланные различными пролетарскими организациями с наказом мобилизовать силы против наступления капитала. На съезде присутствовали делегаты почти всех штатов и национальностей. Трудящиеся негры были представлены делегациями как из южных, так и из северных штатов. Там были шахтёры угольных районов, рабочие автомобильных заводов, текстильщики, моряки и др. Многие делегаты были арестованы по дороге или ещё до того, как они успели отправиться на конференцию. Вашингтонская делегация была задержана, а из 15 делегатов углекопов Кентукки 12 попали в руки полиции. При открытии конференции присутствовало свыше 10 тыс. гостей. Она выбрала кандидатом в президенты США председателя коммунистической партии Вильяма Фостера, а кандидатом в вице-президенты — негра, рабочего Форда.

Чикагская работница негритянка Лаура Осби, выступая на конференции, сказала: «Мы заглядываем назад в историю и не можем найти такого случая, когда человек моей бедной, подавленной, угнетённой расы имел возможность стать кандидатом в вице-президенты».

Коммунистическая партия указывала в своей платформе конкретные мероприятия, необходимые для оказания немедленной помощи безработным пролетариям и разорённым фермерам.

Выборы происходили в ноябре 1932 г. По сравнению с предыдущими президентскими выборами партии поменялись ролями. В 1928 г. республиканцы победили в 40 штатах. В 1932 г. демократы победили в 42 из 48 штатов. Рузвельт получил 22 822 тыс. голосов и 472 выборщика. Гувер собрал 15 762 тыс. голосов и всего 59 выборщиков. Такого поражения никогда в прошлом республиканцы не знали. За 72 года, истекшие со дня избрания первого президента-республиканца Авраама Линкольна, Франклин Рузвельт был третьим победившим на президентских выборах кандидатом от демократической партии. Но он был первым демократом, одержавшим такую большую победу над своим соперником.

Широкие круги американских избирателей голосовали за демократов, демонстрируя этим способом своё возмущение героем «вечного процветания», пророком «скорого исчезновения нищеты» — Гувером. Характерна агитировавшая за Рузвельта статья, напечатанная в вышедшем за несколько дней до выборов очередном номере известного американского журнала: «С начала президентства Гардинга до настоящего времени никогда в истории нашей страны ни одна группа не

имела столько власти, сколько имеют руководители американского капитала. Посмотрите, как они использовали власть, сконцентрированную в их руках! Они взяли самую богатую и цветущую страну в мире и разрушили её. Они взяли наиболее уважаемый всеми иностранными правительствами народ и сделали его предметом насмешек, презрения и унижения.

Пьянствуя и пируя в каюте капитана, они оставили на произвол судьбы корабль перед ясно видимыми скалами. Выберем же в качестве правителей по крайней мере таких людей, которые не провалились, о которых нельзя по крайней мере сказать, что их неспособность подтвердилась на опыте»[1].

Впрочем, выборы 1932 г., как и предыдущие президентские кампании, обнаружили большой абсентеизм. Свыше двух пятых избирательного корпуса США не участвовали в выборах.

Своей небывалой победой над республиканцами демократы обязаны были во многом экономическому кризису. Следует отметить, что и в прошлом кризисы, происходившие в США в годы президентских выборов, всегда шли на пользу оппозиционной партии. Но тогда речь шла только о завоевании оппозицией так называемых «колеблющихся» западных штатов, т. е. избирателей тех районов, в которых нет постоянного преобладающего влияния одной партии. В 1932 г. демократы одержали верх над своими противниками в таких штатах, которые со времени гражданской войны постоянно отдавали свои голоса республиканцам. До 20-х годов XX века республиканцы и демократы сохранили, как мы уже отметили, сферы влияния. За исключением 1912 г., республиканцы всегда побеждали на северо-востоке и в центре, а демократы, за исключением 1928 г., всегда получали подавляющее большинство голосов на юге. Менее устойчивым было положение на западе.

Президентские кампании 1928 и 1932 гг. обнаружили большие трещины в цитаделях обеих партий. В 1928 г. партийные аппараты демократов уже не были в состоянии сохранить за Смитом «прочный Юг», а в 1932 г. республиканские боссы никак не могли обеспечить Гуверу победу в тех штатах северо-востока и центра, которые в течение 70 лет были верны республиканцам. Для того чтобы сделать «прочный Юг» непрочным, достаточно было лозунга «просперити» в 1928 г. и спекуляции на принадлежности тогдашнего кандидата в президенты от демократов к католической церкви и к противникам «сухого» закона. Для того чтобы прорвать фронт республиканцев, понадобились сильные потрясения,

[1] «North American Review», November 1932, p. 396.

вызванные небывалым кризисом. Но несомненно, что две президентские кампании, одна за другой, прорвали территориальные границы влияния обеих партий. Этим подтачивается могущество партийных аппаратов, играющих особую роль в жизни обеих партий.

Происходившие вместе с президентскими выборами выборы в 73-й конгресс принесли также большую победу демократам. В палате представителей число демократов увеличилось с 219 до 313, а в сенате — с 47 до 59. Эти выборы сократили число республиканцев в палате представителей с 214 до 117, а в сенате — с 48 до 36. Демократы после многолетнего пребывания в оппозиции стали хозяевами федеральной исполнительной и законодательной власти. Вновь избранный президент развернул большую программу укрепления хозяйства, пострадавшего от кризиса, провозгласил «Нью-дил» («новый курс»).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОТ КРИЗИСА ДО ВОЙНЫ

I

ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ

Сравнение с предыдущими президентами. Рузвельт — загадка. Родословная. Детство. Гротонская школа. Гарвардский и Колумбийский университеты. Элеонора Рузвельт. Сенатор Нью-Йорка. Помощник морского министра. Болезнь. Губернатор. Кандидат в президенты. Общение с населением. Подбор ближайших сотрудников. Влияние Джефферсона. Мысли о реформах. Товарищ Сталин о Рузвельте.

Франклин Рузвельт — 32-й президент США. Он пятый и последний из тех президентов, жизнь и деятельность которых мы рассматриваем. Каждый из его четырёх предшественников сильно отличался от остальных, и все они вместе резко отличаются от Рузвельта. После Авраама Линкольна правительство США не возглавлял ещё такой крупный государственный деятель, и до Линкольна лишь два президента — Вашингтон и Джефферсон — измерялись такими масштабами, какими характеризуется Рузвельт.

Франклина Рузвельта сравнивают часто в Америке с Рузвельтом Теодором. Помимо далёких общих предков биографии обоих действительно во многом совпадают: оба — воспитанники Гарвардского университета, оба — талантливые ораторы, оба были помощниками морского министра и губернаторами Нью-Йорка, оба баллотировались в вице-президенты и оба были президентами США. Но никогда Рузвельт Теодор не имел такой опоры в стране, какую имел Франклин Рузвельт. Первый тщетно пытался получить третье президентство. Второй одержал победы на президентских выборах четыре раза. До 1940 г. никто не избирался в президенты более двух раз, и никогда ни один человек не собирал на выборах в США столько голосов, сколько собирал Франклин Рузвельт.

Рузвельта сравнивают также с Вильсоном: оба были лидерами демократической партии, оба возглавляли правительство США во время мировых войн, оба они выступали

глашатаями организации международной безопасности. Но когда мы подводим итоги деятельности обоих в Белом доме, перед нами встают несравнимые величины. Недаром некоторые сопоставляют эти две политические фигуры как противоположности: «Вильсон был учёный. Рузвельт — наблюдатель. Вильсон не любил людей, и ему трудно было иметь дело с ними. Рузвельт любит людей и находит общий язык почти с каждым. Вильсон любил быть наедине и часто бывал. Рузвельт не переносит одиночества и редко бывает один. Рабочий кабинет Вильсона был заполнен книгами, а Рузвельта — моделями кораблей. Вильсон читал и черпал большинство своих идей из книг. Рузвельт разговаривает и извлекает большинство своих идей из бесед. Вильсон был теоретиком демократии, но не демократом. Рузвельт не исследователь демократии, но большой демократ»[1].

Эти слова печатались, когда наступило второе президентство Рузвельта. Автор приведённых строк оговаривается, что из его характеристики отнюдь не следует, что Рузвельт интеллектуально поверхностен. Наоборот, Рузвельт не был просто одним из президентов, а являлся одним из самых глубоких и образованных президентов США. Но в отличие от Вильсона Рузвельт не был догматиком. Он был человеком конкретных действий, а не отвлечённых идей.

Когда мы говорили о предшественниках Рузвельта, мы отметили, что Гардинг, например, имел много друзей и не имел врагов, а Кулидж не имел ни тех, ни других. У Рузвельта было много друзей и немало врагов.

15 февраля 1933 г., не успел ещё Рузвельт после выборов сменить Гувера в Белом доме, как было совершено покушение на его жизнь. Он случайно уцелел. Сопровождавший нового президента в автомобиле мэр Чикаго был убит. Четыре человека получили ранения. Когда развернулась президентская кампания 1936 г., американские газеты сообщили, что житель богатейшей улицы Нью-Йорка Парк Авеню был осуждён за открытые угрозы убить Рузвельта.

Он вызывал к себе большую симпатию и яростную вражду, но редко кто к нему относился безразлично.

Для многих его биографов Рузвельт представляет загадку. Он родился и вырос в богатой семье. Вместе с тем американские богачи сплошь и рядом его ненавидели, называя его то «социальным ренегатом»[2], то хитрым и жуликоватым[3]. Перед президентской кампанией 1936 г. они даже

---

[1] *S. High,* Roosevelt — and Then? New York 1937, p. 5—6.
[2] «New York Herald Tribune», 13. IV. 1945.
[3] «Harper's Magazine», February 1944, p. 197.

распространяли по стране шопотом «диагноз», что Рузвельт страдает умопомешательством [1].

Рузвельт получил аристократическое воспитание. Его детские и юношеские годы протекали в роскоши и блеске, изолированно от окружающей действительности. Между тем с самого начала его политической деятельности он обнаруживал незаурядное понимание действительности. И его приверженцы и его противники отмечали, что он умел угадывать и формулировать желания масс. В августе 1932 г. один известный нью-йоркский журнал писал, что Рузвельт «знает язык людей низших классов, тех людей, которые, в конечном итоге, подают подавляющее большинство голосов на выборах» [2]. О Рузвельте говорили, что он чувствителен к переменам в настроении населения, как некоторые люди чувствительны к переменам погоды.

Каждый автор книги или статьи о Рузвельте ищет в нём особенности, свойственные только великим людям, но каждый из них обыкновенно отмечает, что в первые три четверти своей жизни Рузвельт ничем особенно не выделялся. В 1932 г. один из американских публицистов, Вальтер Липпман, который одно время активно поддерживал внешнюю политику Рузвельта, описывал его, как «приятного джентльмена, совершенно не имеющего высокой квалификации, необходимой для президента». А газета «New York Times» назвала тогда Рузвельта «неопределённым, абстрактным и нерешительным».

Все биографы Рузвельта подчёркивают его привлекательный облик, его личное обаяние. Когда двадцативосьмилетний Рузвельт впервые победил на выборах, его соперники пытались объяснить эту победу только его внешностью. Один из них выразился: «Он красив, как греческий бог».

Рузвельт был 188 сантиметров ростом, с сильной шеей и атлетической грудью. У него были голубые, ясные глаза и очаровательная улыбка. Карикатуристы жаловались, что им трудно шаржировать черты лица президента, так как все они правильны.

На людей, общавшихся с ним, он производил впечатление человека добродушного и любезного, без претензий и притворства, человека с большой выдержкой и самообладанием, которого очень трудно рассердить. Его острый ум и здравый смысл подавляли противников, когда они сталкивались лицом к лицу с президентом. Один сенатор, который резко нападал на Рузвельта в конгрессе, после аудиенции у прези-

---

[1] *M. Childs*, They Have Roosevelt. New York 1936, p. 12.
[2] «Current History», August 1932, p. 520.

дента заявил: «У меня чувство человека, которому продали совершенно ненужный ему товар. Я не люблю этого чувства. Моей ноги больше не будет в Белом доме».

Орган оппозиционной, республиканской партии охарактеризовал Рузвельта как «величайшего оратора его времени, возможно величайшего в истории страны. У него был живой ум. Он любил хорошую шутку и она ему давалась обыкновенно легче, чем другим людям» [1]. Он говорил красноречиво и убедительно. Яркий юмор, чистый, приятного тембра голос украшали его выступления у микрофона, которые слушали миллионы американцев.

Внешние достоинства, хотя они до мельчайших подробностей обрисованы в довольно богатой американской литературе о Рузвельте, имеют, однако, второстепенное значение для политической характеристики. В лагере его противников, в республиканской партии имеется немало блестящих ораторов с импозантной внешностью, с хорошим голосом и весёлым юмором, которые мечтают о президентском кресле. Главная сила рузвельтовских речей была не в форме: он говорил о том, о чём широкие слои населения США хотели слушать. Но откуда такая сила у Рузвельта, какие события влияли на формирование его социально-политических взглядов? Эта сторона вопроса менее всего изучена.

Когда Рузвельту исполнилось десять лет, страна торжественно ознаменовала 400-летие открытия Америки. В своём окружении Рузвельт слышал о США только как о стране неограниченных возможностей, как о родине изобилия и счастья. Когда ему шёл двенадцатый год, историческая забастовка, начавшаяся на пульмановских вагоностроительных заводах, охватила 23 линии. Железнодорожное движение было парализовано в 27 штатах. Отец Рузвельта имел крупные железнодорожные дела. Тревожные разговоры проникли в поместье отца, и они не могли пройти мимо его наблюдательного и внимательного сына.

Рузвельт вступил в сознательную жизнь на рубеже двух веков и двух эпох, на рубеже, который Ленин охарактеризовал как «поворотный пункт от старого к новому капитализму» [2]. В 1900 г. Рузвельту исполнилось восемнадцать лет. Ему шёл шестнадцатый год, когда заатлантическая республика, рождённая в конце XVIII столетия в освободительной войне восставших колоний, сама вступила на путь колониальных захватов. Ему был двадцать один год, когда Теодор Рузвельт, будучи президентом США, бесцеремонно

[1] «New York Herald Tribune», 13. IV. 1945.
[2] *Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 107.

отторг Панаму от Колумбии и когда комиссия конгресса США опубликовала ошеломляющие материалы о беспощадной расправе американских войск над боровшимися за свою независимость филиппинцами. Эти события не могли не задеть пытливый и любознательный ум молодого Рузвельта, как не могли не влиять на его мировоззрение исторические события последующих лет: первая мировая война и Великая Октябрьская революция в России.

Кое-какие детали дают представление об отношении юного Рузвельта к важным внутренним и международным политическим событиям. В 1900 г., за несколько недель до выборов республиканцев Мак-Кинлея в президенты и Теодора Рузвельта в вице-президенты США, Франклин Рузвельт поступил в Гарвардский университет. Новичок, сам ещё не имея права голоса, обратился к президенту университета, известному в Америке Чарльзу Эллиоту, с просьбой голосовать против «кандидатов республиканской партии и империализма». Затем он развернул в университете энергичную кампанию за сбор средств в фонд помощи бурам в их войне с Англией.

В Гарвардском университете и ещё до университета Рузвельт обнаруживал взгляды, диаметрально противоположные его воспитанию. Не случайно его биограф Эрнест Линдлей подозревает, что «в поведении Рузвельта проявлялся внутренний протест против его холёного детства».

Рузвельт родился 30 января 1882 г. в имении его предков, в Гайд-Парке, расположенном на левом берегу Гудсона, в 100 километрах к северу от Нью-Йорка. После его смерти Гайд-Парк, поступивший согласно завещанию Рузвельта в собственность правительства США, объявлен национальной святыней.

Отец и мать Рузвельта происходили из старинных американских семей, родословные которых тянутся от голландских и фламандских переселенцев в Новый Свет первой половины XVII века. Рузвельт до конца своей жизни состоял членом Голландского общества в Америке. Первый Рузвельт — Клаас Мартенсен — прибыл в Новый Амстердам вскоре после того, как это поселение было основано голландцами на месте нынешнего Нью-Йорка. Тогда же к берегам нынешнего штата Массачузетс причалил фламандский мореплаватель Филипп де-ла-Ной (Делано). Филипп был первым американским предком Сарры Делано, матери президента, который носил фамилии обоих родителей и назывался Франклин Делано Рузвельт.

Рузвельты играли заметную роль в общественной жизни Нью-Йорка. Сын Клааса Николай дважды избирался олдерменом. От двух сыновей Николая — Иоганна и Джейкоба — расходятся две ветви семьи Рузвельтов: от Иоганна — к Тео-

дору, а от Джейкоба — к Франклину Рузвельту. Сын Джейкоба Айзек активно участвовал в войне за независимость и был членом конституционного собрания. Правнук Айзека Джеймс, родившийся в 1828 г., был отцом Франклина Рузвельта.

Делано были крупными торговцами и судовладельцами. Отец Сарры Делано возглавлял большую чайную компанию. Во время гражданской войны между Севером и Югом он служил специальным представителем президента Линкольна в Китае. Среди сувениров Гайд-Парка хранится картина, изображающая корабль, на котором в 1862 г. семилетняя Сарра Делано ехала из Нью-Йорка в Гонконг.

Франклин Рузвельт появился на белый свет, по выражению лондонского «Times», как «любимое дитя фортуны». Его отец был вице-президентом железной дороги Делавер—Гудсон и президентом нескольких других дорог. Кроме образцового поместья в Гайд-Парке он имел апартаменты в Нью-Йорке, летнюю резиденцию на острове Кампобелло в прохладном заливе Фанди у берегов Канады и многое другое. Франклин Рузвельт был единственным сыном своих родителей. Как только он родился, мать посвятила ему всё своё время. И отец вскоре ушёл от железнодорожных дел для того, чтобы уделить больше внимания любимому сыну.

Рузвельт родился с гарантированным богатством на всю жизнь. Многое располагало к тому, чтобы из него получился ещё один бездельник, каких немало среди наследственных богачей в Америке. Но тунеядство не было в его натуре.

Под влиянием рассказов матери о своих предках-мореплавателях Рузвельт с ранних лет мечтал о морской карьере. Мать была его первым учителем. Юного Франклина воспитывали также французские и немецкие гувернантки. В школу его не пускали, пока Рузвельту не пошёл пятнадцатый год. Ему организовали игры с детьми круга его родителей. Но он часто оставался один — единственный мальчик в огромном поместьи без близких соседей. Тогда он жадно читал. Он очень любил историю, и больше всего его увлекали морские рассказы. Но он себя не утомлял книгами. Слишком много забавных развлечений было создано для него в Гайд-Парке. Его учили играть на рояли, ездить верхом, стрелять из ружья, плавать и управлять буером. Подростком он уже имел свою яхту. Воспитание Рузвельта напоминало скорее английское аристократическое, чем американское.

С трёхлетнего возраста он совершал с родителями заграничные путешествия, а с семи лет ежегодно. Родители показывали Франклину достопримечательности Англии, Франции, Швейцарии, Германии, Голландии и Скандинавских стран.

Когда ему исполнилось пять лет, отец взял его с собой в Вашингтон, в гости к своему близкому другу, президенту США Кливленду. Кливленд сказал мальчику: «Молодой человек, я тебе желаю того, чего никто тебе не пожелает. Я надеюсь, что ты никогда не будешь президентом Соединённых Штатов».

В 1896 г. Рузвельта отдали в фешенебельную Гротонскую школу в штате Массачузетс. Здесь учились сыновья богатейших семей Америки. Впоследствии многие из его школьных товарищей стали его политическими врагами. В школе он активно участвовал в футбольной команде и в других спортивных кружках, пел в хору. Хорошая домашняя подготовка дала ему возможность закончить шестилетний курс в четыре года.

Из 150 учащихся Гротонской школы Рузвельт был единственным сторонником демократической партии. Демократы тогда не были в моде, тем более в аристократической школе. Известный босс республиканской партии Марк Ханна и Теодор Рузвельт выживали их из подобных заведений. В последние годы XIX века власть республиканцев была крепка в стране. Тогда считали, что только южанин или ирландец может быть демократом. В этой обстановке Рузвельт настойчиво подчёркивал свою принадлежность к демократической партии.

По окончании Гротонской школы Рузвельт, желая осуществить мечты детства, собирался поступить в морскую академию в Аннаполисе. Отец убедил его пойти в университет с тем, чтобы хорошо подготовиться к приёму большого делового наследства. Осенью 1900 г. Рузвельт поступил в Гарвардский университет. Через два месяца умер его отец в возрасте 72 лет. Мать Рузвельта умерла спустя 41 год в возрасте 86 лет. Она дожила до начала третьего президентства её сына.

В Гарварде Рузвельт показал свой живой, острый ум. На старших курсах выявились его журналистские способности. Он стал популярным как хороший редактор университетской ежедневной газеты «Гарвард Кримсон». Но профессура не считала его блестящим студентом.

После Гарвардского университета Рузвельт с 1904 до 1907 г. специализировался в области права в высшей юридической школе Колумбийского университета в Нью-Йорке. Не сдав одного из выпускных экзаменов, Рузвельт не получил присуждаемой Колумбийским университетом степени, но был принят в адвокатуру и занялся в 1907 г. юридической практикой.

В 1905 г. он женился на Элеоноре Рузвельт, племяннице президента Теодора Рузвельта, с которой он дружил с дет-

ства. Впервые они встретились, когда ему было четыре, а ей два года. Элеонора Рузвельт, энергичная, с хорошим образованием и широкими общественными интересами сыграла немалую роль в карьере своего мужа. В годы президентства Рузвельта она была наиболее активной и выдающейся из всех её предшественниц в Белом доме. Она редактировала журнал, писала много статей, вела широкую филантропическую деятельность, регулярно выступала по радио, выступала также часто перед многочисленными аудиториями в различных городах США, неоднократно объездила страну на автомобиле и облетала её на самолете. Она темпераментно проявляла свою политическую активность, что раздражало известные круги в Америке. В США говорили, что никогда в прошлом ни одна женщина не привлекала столько голосов за и против кандидата в президенты, сколько Элеонора Рузвельт.

В 1907—1910 г. Рузвельт, занимаясь адвокатурой не из-за нужды в заработке, посвятил много времени морскому праву, той области юриспруденции, которая была ближе к делам, интересовавшим его с детства. За эти годы Рузвельт хорошо изучил и узнал адвокатов, играющих большую роль в государственной и партийной жизни США. Ещё лучше он знал богачей, на которых адвокаты в Америке работают. Он не питал уважения ни к тем, ни к другим. Его отталкивала циничная надменность пустых и невежественных богачей, жаргон биржевых брокеров и постоянные разговоры о деньгах.

В 1910 г. Рузвельт охотно расстался с адвокатурой. В это время организация демократической партии графства Датчесс, где расположен Гайд-Парк, решила выдвинуть кандидатуру Рузвельта в сенат штата Нью-Йорк. Выдвижение казалось чисто почётным без каких-либо шансов на успех. Графство Датчесс считалось твердыней республиканской партии. Раньше при жизни Рузвельта никогда демократы там не побеждали. И даже в 1936 г., когда Рузвельт победил в 36 из всех 48 штатов, избирательный округ Датчесс отдал большинство голосов республиканцам. Но в 1910 г. Рузвельт, объехав сам избирателей, убедил большинство голосовать за него. В 1912 г. его переизбрали в сенат штата с ещё большим успехом. В этом году он играл большую роль в президентской кампании. Тридцатилетний Рузвельт вышел на общеамериканскую политическую арену.

С первых же дней его пребывания на выборном посту Рузвельт обнаруживал взгляды и приёмы, характерные для всей его дальнейшей государственной деятельности.

Вступая в 1910 г. впервые в борьбу за победу на выборах, Рузвельт заявил: «Я принимаю выдвижение своей кандидатуры

абсолютно независимым. Я никому никаких обязательств не выдал и не нахожусь под влиянием чьих-либо особых интересов. Таким я останусь. Если меня выберут, я отдам всё своё время для служения населению моего избирательного округа» [1].

В сенате штата Рузвельт сразу развернул борьбу против коррупированного партийного аппарата, направляемого клубом Таммани-Холл. Известный босс Таммани Мэрфи контролировал через кокус партийную фракцию демократов в законодательном собрании (тогда сенаторы США выбирались ещё законодательными собраниями штатов). Мэрфи выдвинул в сенаторы кандидатуру своего человека — Шигена. Рузвельт, ознакомившись с прошлым Шигена, организовал оппозицию в законодательном собрании и после напряжённой трёхмесячной борьбы провалил ставленника Мэрфи. Смелость молодого сенатора Нью-Йорка, бросившего вызов сильному и властному Мэрфи, диктаторствовавшему в партийной организации штата, вызвала удивление. Тогда Рузвельт сказал: «Я ничего так не люблю, как хорошую политическую схватку» [2].

В сенате Нью-Йорка Рузвельт начал кампанию против энергетических трестов, которую он продолжал спустя много лет в должности губернатора штата и на посту президента США. В том же году, когда Рузвельт родился, Эдисон пустил первую центральную электростанцию. Век Рузвельта — век электричества. Мысли о грядущей роли нового источника энергии и света увлекали его, как морские рассказы. С первых дней своей политической деятельности он проповедывал удешевление производства и распределения электричества. Он выдвигал этот вопрос как важнейшую общеамериканскую задачу. С электрификацией страны и строительством гидроэлектростанций были связаны дальнейшие экономические мероприятия и идеи Рузвельта. В 1912 г., когда Рузвельта переизбрали в сенат Нью-Йорка, Инсул организовал в Чикаго «Среднезападную компанию общественных услуг» с целью монополизировать электричество в ряде штатов. Рузвельт принимал в сенате штата все меры к тому, чтобы проектировавшееся большое гидроэлектростроительство на реке Св. Лаврентия не стало добычей частных монополий.

В 1912 г. Рузвельт отстаивал кандидатуру Вильсона в президенты. Он организовал с этой целью конференцию в Нью-Йорке и стал затем председателем комитета содействия выдвижению Вильсона кандидатом в президенты от демократи-

---

[1] *P. O. Brien.* Forward with Roosevelt. Chicago 1936, p. 24.
[2] «New York Times Magazine», 27. I. 1935.

ческой партии. Босс Мэрфи, поддерживая кандидатуру конгрессмена Клэрка, старался изолировать Рузвельта и не включил его в состав нью-йоркской делегации на национальный партийный конвент, который открылся в июне 1912 г. в Балтиморе. Рузвельт сам прибыл на конвент. Там разыгралась горячая схватка между ним и Мэрфи. 28 июня в Балтиморе начались выборы кандидата в президенты. Проголосовали четырнадцать раз. Ни один кандидат не получил полагавшихся двух третей всех голосов, но Клэрк шёл впереди. При каждом последующем голосовании возрастали шансы Вильсона. Перелома на конвенте добились бывший лидер демократической партии Брайан и будущий лидер Рузвельт.

Когда Вильсон стал президентом, Рузвельту предложили на выбор несколько высоких постов в Вашингтоне. Он выбрал должность помощника морского министра. В министерстве он изумлял адмиралов и капитанов своими знаниями морского дела. Поступив в 1900 г. по желанию отца в Гарвардский университет, а не в морскую академию, о которой он долго мечтал, Рузвельт продолжал как любитель изучать морское дело. В студенческие годы он собрал большой материал о различных периодах развития флота США. Когда он стал президентом, его военно-морская библиотека, содержавшая более 6 тыс. книг, около 10 тыс. брошюр и сотни картин, представляла лучшую частную коллекцию морской литературы в Америке.

В первую мировую войну на Рузвельта возложили ответственность за проведение в жизнь морской программы. Он проявлял большую инициативу, размещал заказы на корабли ещё до того, как конгресс ассигновал на них средства. Он наводил порядок во флоте, добился ликвидации практики присуждения преступников к службе на военных кораблях. «Флот, — говорил Рузвельт, — не исправительное заведение».

После вступления США в войну он вместе с адмиралом Симсом организовал, как мы уже выше отмечали, минирование выхода из Северного моря в океан. Летом 1918 г. он был командирован на два месяца в Европу. В Англии он встречался с Ллойд Джорджем и Бальфуром, а во Франции — с Клемансо и Пуанкаре. Вместе с генералом Фошем он посещал фронт. В 1919 г. он снова направился во Францию. Он наблюдал за демобилизацией американского флота в европейских водах и участвовал в работах мирной конференции в Версале.

В 1920 г. национальный конвент демократической партии выбрал Рузвельта кандидатом в вице-президенты США. Демократы в соответствии с пожеланиями Вильсона выдвигали

на первое место в предвыборной дискуссии вопрос о Лиге наций. Рузвельт высказывался за вступление США в Лигу, но говорил о ней без энтузиазма и восторга. В отличие от Вильсона он утверждал, что «Лига, возможно, не покончит с войнами, но народы требуют известного эксперимента в этом отношении».

В первой своей официальной речи как кандидат в вице-президенты США Рузвельт заявил: «Мы против роли денег в политике, мы против контроля частных лиц над финансами государства, мы против обращения с человеком, как с товаром, мы против голодной заработной платы, мы против власти групп и клик». Затем в течение трёх месяцев он разъезжал по штатам, выступал в среднем по десять раз в день. Он дважды пересек страну, посетил все штаты и произнёс около 800 речей. Но он не мог изменить общих условий, определивших неудачу демократической партии на выборах 1920 г.

На сороковом году жизни здорового и цветущего Рузвельта постигла большая трагедия. Отдыхая с семьёй в своём коттедже на острове Кампобелло, он в августе 1921 г. сильно простудился, выкупавшись по обыкновению в холодной и бурной воде залива Фанди. Болезнь приковала его к постели. Его тело ниже талии оказалось парализованным. Жизнь Рузвельта одно время была в опасности. Врачи установили у него детский паралич.

На протяжении многих лет своей болезни Рузвельт проявлял большое терпение и железную волю. Он никогда не мирился с мыслью, что ему суждено дожить пассивно остаток своих дней. Даже в первый период, когда определённых перспектив на улучшение не было, он не бесполезно проводил время. Его голова оставалась ясной. Он много читал и вёл обширную корреспонденцию с деятелями его партии в различных частях страны.

Три года настойчивого лечения восстановили общее состояние его здоровья, но паралич ног остался.

Летом 1924 г. он появился на костылях на трибуне национального конвента демократической партии, состоявшегося в Нью-Йорке, и произнёс речь в пользу кандидатуры Смита в президенты США. Осенью того же года он узнал, что в Уорм-Спрингсе штата Джорджия находится тёплый источник, помогающий страдающим детским параличом. Он направился туда, ежедневно часами просиживал в тёплой воде, стараясь движениями оживить атрофированные ноги. Постепенно мускулы ног крепли, и он начал в этой воде плавать. После трёхмесячной тренировки он оставил костыли. Через год он мог управлять автомобилем и ездить верхом.

Рузвельт по два раза ежегодно посещал Уорм-Спрингс, который он превратил в образцовый санаторий для больных детским параличом, потратив на это около половины своего состояния.

Летом 1928 г. он направился в Хьюстон штата Техас на национальный партийный конвент, где успешно провёл губернатора Смита кандидатом в президенты США. Рузвельт ходил, опираясь голько на палку. К его ногам были привязаны стальные пластинки.

По мере приближения президентских выборов 1928 г. вырисовывались сомнительные перспективы для кандидата демократической партии. Смит не был уверен даже за свой штат Нью-Йорк. Этот крупнейший штат, в котором живёт свыше 10% населения страны, играет особую роль в выборах президента. За последние пятьдесят лет был всего один случай, когда кандидат в президенты победил на выборах, не имея за собой Нью-Йорка.

Смит считал, что он обеспечит победу демократов в Нью-Йорке, если вместе с баллотировкой его кандидатуры в президенты Рузвельт будет баллотироваться в губернаторы штата. Рузвельт категорически отказался. Врачи, запретившие ему пока вернуться на север и утверждавшие, что климат Нью-Йорка ему противопоказан, обещали, что если он проведёт ещё две зимы в Уорм-Спрингсе, то освободит свои ноги от стальных пластинок. После долгих телефонных разговоров и переписки Рузвельт послал из Уорм-Спрингса окончательный отказ Смиту: «К великому сожалению, — писал он, — должен подтвердить моё решение не согласиться с выдвижением моей кандидатуры, и я знаю, что ты меня поймёшь»[1]. Смит не успокоился и сообщил ему по телефону, что — хочет ли он или нет — партийная конференция штата всё равно выдвинет его кандидатуру. Рузвельт уступил и стал губернатором. Его ноги навсегда остались больными.

Смит напрасно старался. Рузвельт получил большинство на выборах губернатора Нью-Йорка, а кандидат в президенты от демократической партии собрал лишь 47,5% поданных в штате голосов.

Исход президентской кампании 1928 г. расценивался в США как катастрофа для демократической партии. Это было самое крупное поражение в вековой истории демократов. Победа республиканцев в таких традиционно верных демократам южных штатах, как Флорида, Северная Каролина, Виргиния и Техас, широко комментировалась в печати

[1] *F. Pickard*, The Roosevelts and America, London 1941, p. 165.

как начало конца старой партии Джефферсона. В отчаянии Смит заявил, что после четверти века активной политической жизни он никогда больше не согласится с выдвижением своей кандидатуры на выборную должность.

Рузвельт был одним из немногих руководящих деятелей демократической партии, которые в те дни не растерялись. Со свойственным ему юмором он заявлял, что сам будет голосовать за Гувера, когда тот выполнит своё обещание и «изгонит нищету из страны».

За последние шестьдесят лет каждый губернатор Нью-Йорка рассматривался как потенциальный кандидат в президенты США. В обстановке 1928 г. победа Рузвельта блеснула как единственный луч надежды для демократов. В дальнейшем прогрессивные мероприятия губернатора Нью-Йорка, проведённые в условиях дискредитации президента Гувера, увеличили популярность Рузвельта в стране. В 1930 г. Рузвельта переизбрали губернатором с небывалым большинством голосов. Впервые демократы получили большинство в штате за пределами города Нью-Йорка. В президентскую кампанию 1932 г. Рузвельт уверенно вступил в поединок с Гувером. Но прежде чем начать официальную борьбу с кандидатом республиканцев, ему пришлось преодолеть сопротивление в рядах собственной партии и в первую очередь в партийном аппарате Нью-Йорка. Помимо оппозиции со стороны Таммани против выдвижения кандидатуры Рузвельта в президенты возражал старый партийный лидер Смит.

По мере углубления экономического кризиса и выяснения политической конъюнктуры на 1932 г. Смит начал жалеть о своём отказе навсегда от выборных должностей, декларированном после его поражения в 1928 г. В феврале 1932 г. Смит заявил, что, хотя он активно не добивается выдвижения своей кандидатуры, он не будет возражать, если демократическая партия ему предложит баллотироваться в президенты США. Между старыми друзьями — Смитом и Рузвельтом — возникло охлаждение, перешедшее затем в вражду. Вскоре Рузвельт и Смит начали олицетворять два противоположных течения — прогрессивное и реакционное — в демократической партии. На президентских выборах 1936 и 1940 гг. Смит даже предпочёл поражение демократов победе Рузвельта. В своих резких нападках Смит не гнушался словами и выражениями. Рузвельт продолжал до конца своей жизни корректно отзываться о бывшем приятеле.

В июне 1932 г. Смит направился в Чикаго, где собирался национальный конвент демократической партии. Прибыв туда, он заявил на пресс-конференции, что приехал содействовать

выдвижению своей кандидатуры в президенты. Возглавлявший на конвенте кампанию в пользу Смита мэр города Джерси-Сити Гаги выступил 24 июня с декларацией, в которой утверждал, что Рузвельт не победит ни в одном штате, расположенном к востоку от Миссисипи, и что у него «нет никаких шансов быть избранным на выборах в ноябре». Рузвельт — заключала декларация — самый слабый из всех кандидатов, которые фигурируют на национальном конвенте демократической партии в 1932 г.

Рузвельт находился в это время в столице штата Нью-Йорк, в Олбани. Узнав о событиях на конвенте, он передал по телефону следующее заявление, опубликованное в тот же день от имени Фарли, выбранного в Чикаго председателем Национального комитета демократической партии: «Друзья губернатора Рузвельта не прибыли в Чикаго для того, чтобы критиковать, поносить или оклеветать кого-либо из демократов из любой части страны. Это, я уверен, достаточный ответ на заявление мистера Гаги» [1].

Первого июля 1932 г. национальный конвент демократов выбрал кандидата в президенты. Из 94 делегатов Нью-Йорка за Рузвельта голосовали только 31. Но он получил 945 из всех 1 154 голосов конвента.

До сих пор биография Рузвельта действительно ничем особенно не выделялась на общем фоне биографий крупных политических деятелей в Америке. Но к этому времени у Рузвельта окончательно выработалось своё мировоззрение, свои взгляды на американский капитализм и на политическую жизнь США. Он долго накапливал опыт, знания и мысли и берёг их, как вдумчивый полководец для решающего сражения. Будучи губернатором Нью-Йорка в годы небывалого экономического кризиса, он имел возможность провести генеральную репетицию в важнейшем штате страны, прежде чем начать борьбу за реформы капитализма в общеамериканском масштабе. Нью-Йорк, по выражению одной английской газеты, представлял для Рузвельта опытную лабораторию.

В 1932 г. Рузвельт начал свою кампанию как официальный кандидат в президенты США отказом от традиций. По существовавшему обычаю, выбранный кандидат формально оповещался об этом через месяц после закрытия конвента, а пока он должен был делать вид, что ничего не знает о судьбе своей кандидатуры. 2 июля, назавтра после избрания его кандидатом в президенты, Рузвельт, прилетев на самолёте

---

[1] *J. Farley*, Behind the Ballots, New York 1939, p. 115.

в Чикаго, выступил перед конвентом и сказал: «Пусть моё появление здесь символизирует, что я, поступая так, ломаю традиции. Пусть ломка глупых традиций станет отныне задачей нашей партии» [1].

В дальнейшем он не останавливался перед критикой святая святых американских традиций. 20 января 1945 г., начиная своё четвёртое президентство, Рузвельт заявил: «Американская конституция 1787 г. не была идеальным институтом Она не идеальна ещё и теперь». В более осторожной форме он выражал подобные мысли гораздо раньше. Вскоре после того, как Рузвельт стал губернатором Нью-Йорка, летом 1929 г., в разгар биржевого ажиотажа, он предупреждал, что «США находятся под угрозой создания такого частного высокоцентрализованного контроля над промышленностью, который может потребовать новой декларации независимости» [2].

Рузвельт был врагом устарелых порядков, в особенности тогда, когда эти порядки стояли ему на пути. Ему чужда была идея невмешательства государства в хозяйство, идея неограниченного господства монополий. Он говорил и писал о «необходимости ограничения операций спекулянта, манипулятора, даже финансиста» [3].

Он выступал против старинного лозунга американской буржуазии, гласящего, что «то правительство лучше, которое правит меньше». Он утверждал ещё в 1928 г., в те дни, когда «философия грубого индивидуализма» Гувера рассматривалась как библия американского капитализма, как теоретическая основа вечного процветания, что «государство, которое правительственными мероприятиями не старается разрешить новые проблемы, вызванные огромным ростом населения и поразительными достижениями науки, обречено на упадок и неминуемую гибель от бездействия» [4]. «Что я, — повторял Рузвельт ещё до начала своего президентства, — особенно подчёркиваю, настойчиво добиваюсь, — это признание того факта, что за тридцать лет XX века произошли более важные изменения во всей структуре цивилизации, чем за предыдущие триста лет» [5]. Отсюда он заключал: «Новые условия возлагают новые задачи на государство и на тех, которые управляют государством... Мы не можем считать себя разумными или патриотичными, если мы стараемся из-

---

[1] «New York Times», 3. VII. 1932.
[2] Ibid., 5. VII. 1929.
[3] *F. Roosevelt,* Looking Forward, New York 1933, p. 35, 237.
[4] *E. Lindley,* The Roosevelt Revolution, London 1934, p. 15.
[5] Ibid.

бежать ответственности за переустройство государства с тем, чтобы сделать его более полезным для народа и более отвечающим современным нуждам» [1].

Программные выступления Рузвельта в кампании 1932 г. выходили далеко за пределы платформы демократической партии. Его мероприятия не были согласованы с партийной платформой и зачастую ей противоречили. Формально демократическая партия выдвинула Рузвельта. Фактически не она его подняла, а он её поднял и завоевал ей такие позиции, каких она не имела в течение целого века. С 1841 до 1941 г. демократическая партия ни разу не стояла у федеральной власти более восьми лет подряд. Заканчивая свою торжественную речь на конвенте в Чикаго, Рузвельт обязался взять «новый курс» — «Нью-дил», ставший синонимом его политики. Эта политика не намечалась демократической партией. Она проводилась вопреки сильной оппозиции в конгрессе, где против президента выступали не только республиканцы, но и консервативные демократы.

Рузвельт часто апеллировал к общественному мнению США через голову конгресса, преодолевая при этом иногда оппозицию преобладающей в стране печати. Он так успешно поступал, ещё будучи на посту губернатора, обращаясь к населению штата через голову законодательного собрания Нью-Йорка. С тех пор как он стал президентом, в Белом доме регулярно два раза в неделю происходили пресс-конференции, которые содействовали выяснению и популяризации его взглядов по актуальным политическим вопросам.

Он был мастером доходчивых лозунгов. Его лозунги — «Забытый человек», «Нью-дил», «Арсенал демократии» и др. — вошли в политический лексикон и нашли широкое применение не только в США, но и за их пределами.

Он лично знал многих людей и поддерживал контакт с местными политическими деятелями в различных штатах и городах страны. Он завёл обширное знакомство и приобрёл много друзей во всех штатах ещё в 1920 г., когда совершал тур по стране как кандидат в вице-президенты и побил рекорд по количеству выступлений. С тех пор он поддерживал большую переписку не только с партийными профессионалами, но и с людьми различных профессий. Когда Рузвельт стал президентом, почтовый персонал Белого дома увеличился в пять раз. Кто бы ему ни писал, кто бы к нему ни обращался, всегда получал не формальный, не трафаретный ответ. Во всех проведённых им кампаниях, где бы он ни был, он с утра до поздней ночи беседовал с людьми.

---

[1] *F. Roosevelt*, Looking Forward, New York 1933, p. 35, 88.

Несмотря на его недуг, он разъезжал больше любого предшествовавшего ему президента США. Только за первые семь лет его пребывания в Белом доме, с 1933 г. до начала президентской кампании 1940 г., он несколько раз пересекал страну, проделал расстояние свыше 200 тыс. *км* по суше и более 80 тыс. *км* по воде. Он общался с населением прежде всего с целью получения непосредственной информации и правильного представления о проблемах и настроениях в каждом штате. «Когда сенаторы или конгрессмены посещали Белый дом, их редко спрашивали — как бывало при предыдущих президентах — о состоянии общественного мнения в представленных ими районах; им об этом сообщали. В Капитолии имела хождение поговорка: «Президент знает о наших избирателях больше, чем мы» [1].

Он обладал большой работоспособностью. Его рабочий день начинался в 9 часов 30 минут утра и редко кончался раньше 11 часов ночи. После работы он совершенно абстрагировался от серьёзных дел. Его умение быстро переключаться с напряжённых проблем на лёгкий отдых, на игру в покер и другие развлечения с друзьями сохранило ему, по словам его врачей, работоспособность на всё время его президентства.

К концу первого президентства Рузвельта его авторитет настолько возрос, доверие к нему настолько усилилось, что стали популярными в стране рассуждения: «Мы за то, за что президент» и что «Упорствующие сенаторы и конгрессмены были осуждены своими избирателями за оппозицию к президенту» [2]. В вашингтонских кругах Рузвельт был известен под различными кличками: «Хозяин», «Глава», «Тот человек», «Ф.Д.Р.» (Франклин Делано Рузвельт), «Мистер Большой» и «Великий Белый отец».

Рузвельт тщательно и осторожно подбирал ближайших сотрудников. Из тысяч друзей он особенно доверял нескольким своим старым помощникам. Во главе своего секретариата он поставил Гоу, с которым он познакомился, когда был сенатором Нью-Йорка, как с корреспондентом газеты «New York Herald» в Олбани. С тех пор эти два человека не расставались. В течение четверти века, до своей смерти в 1936 г., Гоу был интимным другом и помощником Рузвельта. Он жил у Рузвельта как член его семьи. Он держал Рузвельта в курсе политических событий и вёл его обширную корреспонденцию во время его длительной болезни. Помощниками Гоу были назначены также бывшие газетные работ-

---

[1] *S. High*, Roosevelt — and Then? New York 1937, p. 88.
[2] Ibid., p. 89.

ники Эрли и Макинтайр. Оба завоевали его доверие ещё во время первой мировой войны. Оба они сопровождали Рузвельта в его поездке по стране в 1920 г. Гоу, Эрли и Макинтайр, как правило, беседовали с президентом ещё до начала официального рабочего дня в спальне Рузвельта. После смерти Гоу ближайшим другом президента считался Гарри Гопкинс. Гопкинс время от времени проживал в Белом доме. Он был доверенным президента для выполнения не только внутриполитических, но и особо важных внешнеполитических поручений. Гопкинс работал с Рузвельтом ещё в Нью-Йорке.

В первые годы своего президентства Рузвельт широко пользовался советами учёных. Учёные, группировавшиеся вокруг него, были названы, как мы дальше увидим, «мозговым трестом». Многих из них он знал со времени пребывания в Гарвардском и Колумбийском университетах. В особенности следует отметить его близкого друга и многолетнего советника Самуила Розенмана, члена верховного суда Нью-Йорка. Раньше в Олбани, а потом в Вашингтоне Розенман считался непременным консультантом Рузвельта по важнейшим политическим вопросам.

Подбор официальных помощников, назначение которых санкционируется сенатом, труднее подбора интимных советников. Рузвельт с самого начала составил работоспособный кабинет, который в основном сохранился почти до его смерти. Важнейший министерский пост он поручил сенатору из Теннеси Хэллу. Назначением Хэлла государственным секретарём Рузвельт проложил известный мост к консервативным, так называемым южным бурбонам, играющим большую роль в демократической партии и в сенате США. Хэлл помог выдвижению кандидатуры Рузвельта на национальном конвенте 1932 г. в Чикаго. Он считался специалистом по вопросам торговли и тарифов, по которым у него были общие взгляды с Рузвельтом. Он оставался государственным секретарём до конца третьего президентства Рузвельта.

После государственного департамента вторым по важности федеральным ведомством считается казначейство. Секретарём казначейства (министром финансов) Рузвельт назначил вначале своего друга Вудина. Вудин был директором банка в Нью-Йорке и президентом крупной промышленной компании. Он был одним из немногих именитых богачей, выступавших против Гувера, и одним из трёх лиц, внесших по 10 тыс. долл. в фонд «Друзья Франклина Д. Рузвельта» для проведения предвыборной кампании в 1932 г. До 1928 г. Вудин был республиканцем. Потом он перешёл на сторону демократов. В Вашингтоне Вудин не мог долго итти в ногу с «Нью-дил». В 1934 г. его заменил Моргентау, который занимал

должность министра финансов около двенадцати лет и ушёл в отставку лишь после смерти Рузвельта.

Раньше, когда Рузвельт был губернатором, Моргентау в течение четырёх лет возглавлял комиссию, разрабатывавшую большие планы по благоустройству штата Нью-Йорк. Моргентау переехал в Вашингтон в 1933 г. вместе с Рузвельтом. До смены Вудина в министерстве финансов он помогал президенту в подготовке сельскохозяйственных мероприятий, в частности по линии сельскохозяйственного кредита.

Министром труда Рузвельт назначил Перкинс и таким образом впервые в США ввёл женщину в состав правительственного кабинета. Перкинс ведала вопросами труда в Нью-Йорке, когда Рузвельт был губернатором. Она была бессменным министром труда президента Рузвельта.

Портфели министров внутренних дел и сельского хозяйства Рузвельт предоставил прогрессивным республиканцам — Икесу и Уоллесу, перешедшим в ряды демократов. На выборах 1932 г. группа видных республиканцев, отмежевавшаяся от Гувера и выступавшая как прогрессивная лига, оказала существенную поддержку Рузвельту. Среди этих республиканцев числились сенаторы Норрис из Небраски, Лафоллет из Висконсина и др. Особую роль играл в этой лиге менее известный тогда Икес, высказывавшийся за Рузвельта с 1930 г. Икес прибыл в Вашингтон из Чикаго, где его называли «одиноким волком», единственным деятелем чикагского муниципалитета, которого Инсулу не удалось подкупить. Вскоре Икес стал главной опорой президента в проведении его внутренней политики, в частности в проведении программы общественных работ. Икес, как и Перкинс и Моргентау, ушёл из правительства лишь после смерти Рузвельта.

Издатель сельскохозяйственного журнала в Айове Уоллес был назначен министром земледелия. Уоллес символизировал воинствующие настроения аграрного Запада. Он хорошо знал американское сельское хозяйство. Его взгляды на фермерскую проблему очень близко подходили к взглядам Рузвельта. По желанию Рузвельта в 1940 г. Уоллеса избрали вице-президентом США.

Рузвельт включил в свой кабинет и прогрессивных и консервативных, и молодых и старых государственных деятелей, представлявших в территориальном отношении важнейшие районы страны. Политически кабинет представлял коалицию «слегка, — по выражению Рузвельта, — налево от центра». Всех членов коалиции объединяла верность и привязанность к президенту. Восемь из всех десяти министерских портфелей были доверены испытанным личным друзьям Рузвельта.

Рузвельт пришёл к власти в грозные для американского капитализма дни, в дни растерянности в господствующих кругах США. По мере углубления экономического кризиса, падения цен и роста безработицы усиливались по стране разговоры о возможном крахе всей капиталистической структуры в Америке. В январе 1933 г. президент Американской фермерской федерации, представлявшей наиболее консервативных фермеров зерновых районов, О'Нийл уверял сельскохозяйственную комиссию сената, что «если ничего не будет сделано для фермера, то в течение двенадцати месяцев революция в деревне неизбежна». Крупные волнения ожидались и в городе в случае переизбрания Гувера в президенты. «Гувер не имел влияния на конгресс, и ни конгресс, ни Гувер не имели для решения внутренних проблем программы, стоящей упоминания. Уолл-стрит излил свой гнев и проявил своё смятение в нападках на конгресс, а крупные капиталисты начали осмотрительно поговаривать о необходимости диктатуры»[1]. У республиканцев существовало одно, верное, по их мнению, средство — увеличение полицейских сил[2].

В этой обстановке Рузвельт принимал чрезвычайные меры, применял «военные, — по его выражению, — методы»[3]. Чрезвычайные мероприятия, проведённые Рузвельтом в первые месяцы его президентства, мы рассмотрим ниже. Рузвельт говорил о них как об экспериментах, диктуемых исключительными обстоятельствами, в определённом успехе которых он не уверен. Многие его мероприятия носили временный, скоропреходящий характер. Но его высказывания о «переустройстве государства» относились к идеям далеко идущих реформ в капиталистической Америке.

Мы видели, как Рузвельт выступал против произвола концентрированного капитала, против гуверовской «философии грубого индивидуализма». Ещё до выдвижения его кандидатуры в президенты, даже до возникновения кризиса 1929 г., он говорил о *большой опасности*, которую *таит* в себе «концентрация экономической силы в нескольких руках». В отличие от школы Гувера, утверждавшей, что достаточно обеспечить «просперити» на вершине социальной пирамиды США, для того чтобы самотёком улучшалось благосостояние всей страны, Рузвельт твердил, что государство обязано постоянно и непосредственно заботиться о материальных условиях населения, образующего основу социальной пирамиды в

---

[1] *E. Lindley,* The Roosevelt Revolution, London 1934, p. 20, 66, 18—19.
[2] *M. Childs,* They Hate Roosevelt, New York 1937, p. 7.
[3] *E. Lindley,* The Roosevelt Revolution, p. 49.

Америке. Констатируя несправедливое распределение национального дохода в США, Рузвельт считал, что правительство не может относиться к этому положению безразлично.

Свои взгляды он пытался раньше проводить в важнейшем штате и делать его показательным для других штатов [1]. Будучи губернатором Нью-Йорка, он выдвигал программу социального страхования, помощи сельскому хозяйству, восстановления лесов и создания условий для переселения части людей из города в деревню, жёсткого контроля над предприятиями общественных услуг и общественного владения гидроэлектростанциями.

На взгляды Рузвельта оказывали влияние идеи третьего президента США Джефферсона. «Три человека в нашей истории, — писал Рузвельт, — особо выделялись универсальностью своих интересов и знаний: Вениамин Франклин, Томас Джефферсон и Теодор Рузвельт» [2]. Из них Джефферсона он считал самым глубоким мыслителем [3]. Он старался приспособить его идеи к новым условиям. Между президентствами Томаса Джефферсона и Франклина Рузвельта прошло 124 года.

Джефферсон, живя на заре капитализма в Америке, рассматривал большие европейские города с их растущим пролетариатом как большое социальное зло, которого в США, где имеется много свободных, плодородных земель, можно избежать. Франклин Рузвельт считал, что электричество, способное трансформировать энергию на большое расстояние, даёт возможность рассредоточить промышленность и таким образом разгрузить перенаселённые города.

В начале 1933 г. Рузвельт писал: «Как государство мы только начинаем подходить к вопросу о возможности разнообразить нашу индустриальную жизнь переводом большой части промышленности в сельскохозяйственные районы. Дешёвая электрическая энергия, хорошие дороги и автомобили делают такое сельско-промышленное развитие возможным» [4].

Позже, в 1936 г., в своём обращении к международной энергетической конференции Рузвельт утверждал, что перегружённые и перенаселённые фабрично-заводские районы, сложившиеся в эпоху господства парового двигателя и продолжающие существовать в наши дни, становятся анахронизмом в век электричества, когда источник энергии может

---

[1] *F. Roosevelt,* Looking Forward, New York 1933, p. 67.
[2] Ibid., p. 11.
[3] Ibid., p. 12.
[4] Ibid., p. 66.

быть расположен вдали от места производства промышленных изделий.

Он говорил о городах и промышленных уголках без дыма и копоти, как Масон-Сити в штате Вашингтон. Масон-Сити — город без труб: он освещается, отапливается и снабжается электричеством для других надобностей из станции, расположенной вне города.

Рузвельт рассматривал электричество как средство для кардинального переустройства быта в городе и в деревне. Как губернатор и как кандидат в президенты США, он твердил, что «вопрос об энергии, о производстве и распределении электричества является важнейшей общегосударственной проблемой».

Со времени его избрания сенатором Нью-Йорка Рузвельт выступал за развитие гидроэлектростроительства и за общественное владение гидроэлектростанциями. Он выступал против Инсула и других магнатов, контролирующих с помощью держательских компаний предприятия общественных услуг [1].

Вопрос об энергетических трестах, занимавших значительное место в президентских кампаниях 1928 и 1932 гг., выходил за рамки чисто партийного спора. В нём ярче, чем в других вопросах, вырисовывались контуры различных линий американского капитализма — линии реакции и линии реформ, линии Гувера и линии Рузвельта.

Свою программу «переустройства» государства Рузвельт рассчитывал осуществить в течение десятилетий. Он говорил, что «Джефферсон вынужден был бороться двадцать лет за торжество своих идей. Возможно, что такое же время потребуется на обуздание власти крупных финансовых компаний в наши дни» [2]. Собираясь стать президентом, он писал: «Я думаю и надеюсь, что все хорошие американцы думают не только о нас и о нашей жизни. Мы думаем, я уверен, о наших детях и внуках. Наша святая обязанность передать им города, деревни, графства, штаты и государство, которые не будут жерновами на их шеях» [3].

Верил ли Рузвельт в возможность коренной реконструкции экономики и быта городов и сёл, не меняя общественно-политической структуры в Америке? В своём упомянутом обращении к международной энергетической конференции в 1936 г. Рузвельт сказал: «Это не нелогично — верить, что в нашем овладении электрической энергией кроется потенциально соответствующая промышленная и социальная

[1] *F. Roosevelt*, Looking Forward, New York 1933, p. 144.
[2] *F. Farley*, Behind the Ballots, New York 1939, p. 347.
[3] *F. Roosevelt*, Looking Forward, New York 1933, p. 105—106.

революция; возможно, что эта революция уже происходит, но мы её не осознаём»[1].

Трудно сказать, что Рузвельт подразумевал в данном случае под революцией. Все его планы предполагали не революцию, а реформы.

Рузвельт относился лояльно к рабочим и рабочему движению. Но он высказывался за них не потому, что был против капитализма, а потому, что был за него. В интересах же капитализма он пытался обуздать отдельных капиталистов. В первые дни своего пребывания в Белом доме он имел беседу с президентом Стального треста Тэйлором и председателем совета директоров Вифлеемской стальной корпорации Швабом. Он им говорил, что такое положение, когда рабочие влачат жалкое существование и в то же время доходы некоторых руководителей треста доходят до одного миллиона долларов в год, дискредитирует крупный капитал и что если сами капиталисты ничего не предпримут для улучшения условий жизни рабочих, то правительство вынуждено будет вмешиваться[2]. Рузвельт просил передать президенту Вифлеемской корпорации Грейсу, что «он больше никогда не будет иметь миллион долларов в год дохода»[3]. Рузвельт считал, что многие капиталисты ведут себя нехорошо, но что сам капитализм плох только в таком виде.

Рузвельт писал, что реакция — провокация, а не барьер против радикализма, что радикализму следует противопоставить «реальную программу реконструкции»[4]. Вся его программа реформ, рассредоточения промышленности и разгрузки городов объяснялась в конечном итоге стратегией сохранения капитализма.

В основе осуществления его идей лежало планирование производства. Он говорил, что «одобряет плановую экономику не только на этот период, но и надолго в будущем»[5]. Его начинания в области планирования промышленности, как увидим дальше, не увенчались успехом. Он имел возможность на опыте убедиться, что капитализм, смягчая одну проблему, обостряет другую.

Хотя Рузвельт не признавал, что капитализм вообще не в состоянии разрешить основные социальные проблемы, он признавал, что капитализм в существующем его виде приносит много зла. Стараясь его исправить, реформировать, он действовал смело и решительно, пользуясь прогрессивными ме-

[1] *M. Ramsay,* Pyramids of Power, Indianapolis 1937, p. 297.
[2] *F. Farley,* Behind the Ballots, New York 1939, p. 347—348.
[3] *S. High,* Roosevelt — and Then? New York 1937, p. 21.
[4] *F. Roosevelt,* Looking Forward, New York 1933, p. 10.
[5] Ibid., p. 13.

годами. Он открыл выход большим потенциальным социальным силам в Америке. Орган республиканской партии утверждал, что за двенадцать лет Рузвельт «внёс больше изменений в американское государство, чем это имело место за предыдущие 150 лет»[1].

Рузвельт стал президентом 4 марта 1933 г. 23 июля 1934 г. товарищ Сталин в беседе с Г. Уэллсом сказал: «Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура»[2].

12 апреля 1945 г. Рузвельт умер. Товарищ Сталин, выражая глубокое соболезнование правительству США, заявил: «Американский народ и Объединённые Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны»[3].

II

«НЬЮ-ДИЛ»

«Страна нуждается в экспериментах». Политика «заправки насоса». Источники финансирования производства и потребления. Банковская катастрофа и чрезвычайные мероприятия Рузвельта. Погоня за высокими ценами. Девальвация доллара. Банковские законы 1933—1935 гг. Парадокс государственных займов. «Мозговой трест». НРА. Отмена антитрестовских законов. «Минимальная» заработная плата и «максимальный» рабочий день. Внутренние противоречия НРА. ААА. Плановое истребление продуктов и стихийные бедствия. Усиление процесса диференциации в сельском хозяйстве. Консолидация фермерских долгов. Сельскохозяйственные акты 1936 и 1938 гг. Программы общественных работ. Законы о социальном страховании. Кризис 1937 г. Временный национально-экономический совет. Итоги «Нью-дил».

«Нью-дил»[4] — этими двумя словами называли в США годы президентства Франклина Рузвельта. Они символизируют деятельность его правительства и относятся прежде всего и главным образом к экономическим мероприятиям 32-го президентства США.

Рузвельт, выступая на выборах 1932 г., не претендовал на всеисцеляющий патент, не излагал определённой программы

---

[1] «New York Herald Tribune», 13. IV. 1945.

[2] *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 601.

[3] «Правда» от 13 апреля 1945 г.

[4] В буквальном смысле «Нью-дил» («New Deal») означает новую сдачу карт, в переносном смысле — новую тактику, новый курс.

оздоровления хозяйства, пострадавшего от кризиса. «Нью-дил» следует рассматривать не как связное целое, а как ряд отдельных экспериментов, не как движение в известном направлении по заранее выработанному плану, а лишь как нащупывание нового пути.

«Страна, — заявил Рузвельт, — нуждается и, если не ошибаюсь, настойчиво требует смелых экспериментов. Здравый смысл подсказывает, что нужно выбрать метод и сделать опыт; если он не удаётся, надо откровенно признать и пробовать другой способ. Главное — пробовать что-нибудь. Миллионы нуждающихся не всегда останутся безмолвными наблюдателями» [1].

В экономических экспериментах Рузвельта чувствовалось известное влияние упомянутой уже нами теории недостатка капитала. Его политика финансирования государством хозяйства известна в Америке под названием «заправки насоса» (pump priming). Иногда, если насос перестаёт подавать воду, бывает достаточно влить немного воды в цилиндр, для того чтобы восстановить деятельность насоса. Это средство, как мы знаем, пробовали в США и раньше. Но Рузвельт применял его в более крупных дозах и пускал его по более многочисленным каналам. Правительство Рузвельта, как будто следуя совету английского экономиста Кейнса, бесконечно занимало и расходовало деньги. Оно тратило большие суммы на оказание помощи и банкам, и трестам, и транспорту, и строительству, и безработным, и фермерам.

Где этот неиссякаемый источник, откуда Рузвельт годами черпал миллиарды долларов для финансирования одновременно и производства и потребления? Такой резерв в Америке существовал. Ко времени прихода Рузвельта к власти государственный долг США был сравнительно небольшим. В Англии, например, государственный долг составлял тогда около одной трети национального богатства Великобритании, а в Америке — всего около 8% национального богатства страны. Если поставить Америку в данном отношении в равные условия с Англией, то можно было бы увеличить государственный долг США примерно на 50 млрд. долл., даже учитывая условия и цены 1933 г. Да и соотношение государственного долга и национального богатства в Англии в указанный период далеко не служило пределом роста внутренних государственных займов.

Государственные расходы Рузвельта отличались от финансовых затрат Гувера не только количественно. Гувер старался использовать государственные деньги для спасения част-

[1] *F. Roosevelt*, Looking Forward, New York 1933, p. 51.

ных компаний от банкротства. Рузвельт наряду с финансированием частных корпораций развернул большую программу общественных работ и государственного строительства.

Важнейшие эксперименты «Нью-дил» — законы об оздоровлении промышленности и о помощи сельскому хозяйству — были признаны в 1935 и 1936 гг. Верховным судом США незаконными. Однако мероприятия Рузвельта, вызвавшие большой шум в США и за границей, не прошли бесследно. Они заставили миллионы аполитичных американцев задуматься над новыми сложными вопросами. Они также внесли кое-какие изменения в механизм американского капитализма. Роль государства в экономике США выросла, и выросла она прежде всего в области кредита и денежного обращения.

До 1933 г. регулирование денежного обращения в течение 20 лет считалось прерогативой федеральных резервных банков. Федеральная резервная система образовалась, как мы знаем, накануне первой мировой войны. Она централизовала банковские ресурсы и банковскую политику США. Но она не стала государственным учреждением. Резервные банки, как и национальные, существуют на основе федеральных законов. Но они представляют собой частный финансовый институт. В основе банковского законодательства лежала теория, что конгресс не должен ущемлять частную инициативу и независимость в деле контроля над кредитом и денежным обращением страны.

До 1934 г. около трёх четвертей всего золотого запаса США находилось в распоряжении федеральных резервных банков. Номинально и в дальнейшем, как и в 1933 г., большая часть американского золота считалась частной собственностью. Практически же с самого начала президентства Рузвельта золотом может распоряжаться только правительство.

Переход золота федеральных резервных банков в ведение государства совершился не вследствие проведения обдуманного финансового плана, а в результате спорадических, но весьма срочных действий. Рузвельт сменил Гувера 4 марта 1933 г., т. е. в тот день, когда банковская паника достигла кульминационного пункта. Растерянные и запуганные банкиры и промышленники взывали к правительству о помощи. Рузвельт потребовал — и конгресс предоставил ему — чрезвычайные полномочия. Он немедленно подписал закон, запрещающий вывоз и припрятывание золота. Через месяц, 5 апреля, он издал приказ об обязательной сдаче всеми гражданами США золотых запасов, превышающих сумму в 100 долл., резервным банкам. Спустя ещё две недели он наложил эмбарго на золото, циркулирующее между США и

заграницей. Одновременно был разрешён выпуск новых денег без золотого обеспечения.

Все эти декреты, изданные президентом на основе чрезвычайных полномочий, преследовали вместе с временным закрытием банков прежде всего одну цель: охладить страсти разгорячившихся вкладчиков, ликвидировать разразившуюся панику. Федеральная резервная система получила большую подмогу. Её золотой фонд увеличился и приобрёл надёжную защиту от нападения вкладчиков. Но на этом не остановились чрезвычайные мероприятия Рузвельта.

Новое правительство, исходя из внешних факторов кризиса, старалось в борьбе за оздоровление хозяйства повысить товарные цены. Ростом цен оно надеялось облегчить положение должников. Чем сильнее падение цен, тем чувствительнее тяжесть долгов. Сенатская комиссия по делам банков и валюты сообщила, что в 1929 г. общая задолженность в США составляла 56% национального богатства, а в 1932 г. — 80% [1]. За время кризиса национальный доход США сократился наполовину. Между тем рантье предъявляли требование в 1932 г. на такую же сумму, как в 1929 г. Определённые слои населения, в особенности фермеры, ещё до кризиса постоянно чувствовали всё возраставшую тяжесть долгов. К началу 1933 г. цены в США настолько упали, в частности городская и фермерская недвижимость настолько обесценилась, что аренда стала гораздо дешевле, чем проценты по долгам. Американские газеты рассказывали, как в 1932 г. многие фермеры платили за аренду отнятой у них за неуплату долгов фермы третью часть того, что они должны были бы платить в погашение задолженности и налогов, если бы они остались собственниками своих ферм [2]. Массовая ликвидация собственности должников оказалась нежелательной и для кредиторов. Создавшееся положение потребовало правительственного вмешательства. Правительство в то же время считало, что смягчение задолженности увеличивает потребление населения и содействует хозяйственному оживлению. С этой целью оно решило поднять цены на товары, в частности на фермерские продукты.

Повышение цен рассматривалось в 1933 г. в Вашингтоне как рычаг для поднятия всей хозяйственной конъюнктуры. Надёжен ли этот рычаг? Всё развитие капитализма говорит нам иное. Улучшение после кризиса всегда начиналось не вследствие высоких цен, а, наоборот, рост цен следовал за повышением производства. Капитализм всегда выходил из

---

[1] «Magazine of Wall Street», 26. II. 1933.
[2] «New York Times», 26. IX. 1932.

кризиса на низких ценах. Низкие цены ликвидировали мелкое и отсталое производство и заставляли крупные предприятия усовершенствовать технику, приспосабливаясь к существующим ценам. Таким образом создавалась основа для нового хозяйственного подъёма. Но на этот раз правительство США решило стимулировать хозяйственную деятельность, искусственно подымая цены.

Во имя поднятия цен правительство США решилось на девальвацию доллара. 12 мая 1933 г. конгресс принял предложение сенатора Томаса в виде добавления к новому сельскохозяйственному акту. Добавление Томаса сыграло большую роль во всей дальнейшей экономической деятельности Рузвельта. Оно также повлекло за собой немаловажные политические последствия.

Добавление Томаса предоставило президенту право увеличить сумму находящихся в обращении казначейских знаков на 3 млрд. долл., не обеспечивая их золотом, снизить золотую стоимость доллара до 50%, чеканить серебряную монету и принимать платежи от иностранных государств в счёт военных долгов серебром в сумме до 200 млн. долл. Незначительное на первый взгляд добавление сенатора из Оклагомы уполномочило Рузвельта решать по своему усмотрению переход от монометаллизма к биметаллизму, вопросы инфляции и девальвации валюты — все те проблемы, которые на протяжении десятилетий служили предметом горячих партийных споров в Америке.

Правительственный декрет от 5 апреля 1933 г., запретивший хранение частными лицами золота и золотых сертификатов, означал, что главная масса золота страны сосредоточивается в резервных банках. Он также означал, что США фактически отказываются от золотого обращения. Вслед за принятием добавления Томаса конгресс утвердил «золотой статут», согласно которому все платежи, обусловленные в золоте, могут быть погашены бумажной валютой. Наконец, так называемый акт золотого резерва от января 1934 г. официально передал золото федеральной резервной системы в распоряжение казначейства США.

Непосредственным поводом для передачи золота правительству послужила подготовка к девальвации валюты. В погоне за высокими ценами решено было снизить золотое содержание доллара. После проведения такой операции каждая единица золота стоила в бумажных деньгах больше, чем раньше. Владельцы драгоценного жёлтого металла могли на этом деле много выиграть. Этим объясняли в Вашингтоне целесообразность передачи золота государству. Немедленно после опубликования акта золотого резерва, в январе 1934 г.,

Рузвельт объявил о снижении количества золота, содержащегося в каждом долларе, на 41%.

В Вашингтоне долго пытались повысить цены без девальвации доллара. За всю свою историю США всего два раза прибегали к девальвации валюты: первый раз — в 1834 г., второй раз ровно через 100 лет — в 1934 г. В 1834 г. большинство конгресса состояло из представителей фермеров, но и они не рискнули уменьшить содержание золота в долларе больше чем на 6%. В 1934 г., когда большинство в конгрессе стояло на защите интересов банков и трестов, было признано необходимым обесценить золотой доллар больше чем на 40%. На такую серьёзную операцию Рузвельт решился лишь после того, как были исчерпаны многие другие средства для повышения цен (политика «дешёвых денег» резервных банков, РФК и другие мероприятия Гувера).

В Вашингтоне долго думали, что можно повысить цены при устойчивой валюте. Эту мысль подсказывала количественная теория денег, согласно которой товарные цены должны расти в соответствии с ростом количества денег в обращении [1].

Гувер увеличил количество денег настолько, что к началу 1933 г., в месяцы наибольшей глубины кризиса, в обращении оказалось на 60% больше денег, чем в месяцы наивысшего процветания 1929 г. За один 1932 г. резервные банки в целях выбрасывания денег на рынок увеличили свои пакеты

[1] В доказательство такой возможности приводился обыкновенно пример из периода первой мировой войны, когда операции казначейства с «займами свободы» сопровождались большим ростом товарных цен при номинальном сохранении золотого стандарта доллара. Некоторые американские экономисты, рассматривая период военного «просперити», утверждали, что в США в то время была проведена инфляция с помощью механизма государственных внутренних займов и гарантирования правительством внешних займов. Государственный долг США, составлявший 1 281 млн. долл. в апреле 1917 г. и переваливший за 25 млрд. долл. к середине 1919 г., увеличивался таким образом, что он, как мы в своё время отметили, содействовал повышению спроса и росту цен в стране. С апреля 1917 г. до середины 1919 г. индекс розничных цен в США вырос на одну треть. Гувер пробовал бороться с кризисом с помощью механизма государственных займов. Создание РФК в 1932 г. означало, по мнению этих же экономистов, выпуск нового 3-миллиардного государственного внутреннего займа на тех основаниях, на которых были выпущены «займы свободы» во время войны. Обязательства РФК считаются в банках первоклассным обеспечением. Но всё это ни к чему не привело. Нельзя сравнивать время, когда во всех странах воздвигнуты таможенные барьеры и оборот мировой торговли резко сократился, с военным временем, когда производство США не поспевало за спросом на американские товары. Да и в первой мировой войне, повторяем, после присоединения США к союзникам свободного золотого обращения фактически не было.

государственных обязательств в $2^1/_2$ раза. Но ничто не помогло. Пока казначейство свободно меняло бумажные деньги на золото, каждый бумажный доллар независимо от количества долларов в обращении стоил столько же, сколько стоят 25,8 грана драгоценного металла. Рузвельт, очевидно, учёл это обстоятельство. Немедленно после прихода к власти он отменил свободный обмен бумажных денег на золото и произвёл девальвацию доллара.

Как и в ряде других стран, проводивших девальвацию, в США в золотом исчислении цены после января 1934 г. упали. Снижение золотого содержания доллара на 41% означало, что за одно и то же количество золота нужно платить на 67% больше бумажных долларов, чем раньше. Индекс же цен в США спустя два года после девальвации повысился только на 33% [1].

Каковы бы ни были последствия девальвации, золото осталось в казначействе. Золото в руках правительства облегчило Рузвельту проведение большой программы государственного вмешательства в хозяйство.

Банковская катастрофа, разразившаяся в день прихода Рузвельта в Белый дом, заставила новое правительство заняться прежде всего банковской проблемой. Если бы Рузвельт захотел тогда национализировать всю банковскую систему США, утверждал в то время один английский наблюдатель, он бы мог свободно это сделать: «Вера общественного мнения в банкиров настолько пошатнулась, что он мог бы рассчитывать на необходимую поддержку. Но он не национализировал, а старался с помощью государственных кредитов спасти от банкротства большую часть банков» [2]. Спасая банковскую систему, не меняя её сущности, Рузвельт вместе с тем усилил государственное вмешательство в банковские дела, поставив кредит и денежное обращение под непосредственное наблюдение и контроль правительства.

Декретом президента США в разгар паники 6 марта 1933 г. были закрыты все банки страны. Через три дня их начали открывать постепенно, по мере успокоения публики и выяснения состояния отдельных банков. Спустя два месяца снова функционировали банки, распоряжающиеся 90% депозитов страны. Правительство поддержало пошатнувшиеся банки своим авторитетом и средствами Реконструктивной финансовой корпорации. Но золото оно им обратно не вернуло. Банкиры недоумевали, однако надеялись, что вскоре всё

[1] «Monthly Labor Review», March 1936.
[2] *F. Brockway,* Will Roosevelt Succeed? London 1934, p. 142.

восстановится и будет попрежнему. Когда впоследствии появился акт золотого резерва, «раздались громкие крики о грабеже и конфискации; но антагонизм общественного мнения к банкирам и очевидность того, что выгодой от поднятия цены на золото, выраженной в бумажных долларах, должно воспользоваться государство, заставили оппозицию замолчать»[1].

Мартовская паника 1933 г. показала, что назрела необходимость банковской реформы. В Вашингтоне много говорили тогда о том, что банковская система США устарела. Основное отличие банковской системы США от банковской системы Англии, Франции, Голландии и других стран — это локальный характер, формальная самостоятельность местных банков. Политическая борьба вокруг банков в прошлом привела к мысли, что открытие любым нью-йоркским банком филиалов на местах является покушением на права отдельных штатов. Крупные нью-йоркские банкиры от этого не страдают. Они контролируют массу местных банков различными путями и средствами. Но привилегии контроля отнюдь не возлагают на банки Уолл-стрита тех обязательств, которые возлагают, например, на центральные лондонские банки филиалы в Англии. Лондонский Middland Bank или Westminster Bank не могут продолжать свою деятельность в Сити и одновременно допускать банкротство своих филиалов на периферии. Между тем нью-йоркский Chase National Bank может в критический момент отказаться от любого провинциального банка, который он раньше неофициально использовал как филиал. Поэтому, несмотря на ряд неудобств, Уолл-стрит не настаивал на реорганизации банков и на легализации филиалов.

Сторонники легализации филиалов ссылались на Канаду. Там, по ту сторону Великих озёр, говорили они, — тоже кризис. Между тем в 1929—1933 гг. в США лопнуло около 10 тыс. банков, а в Канаде, где распространена система филиалов, ни один банк не обанкротился. В Канаде за 20 лет, истекших с начала первой мировой войны, потерпели крах только 2 банка, а в Шотландии с 1878 г. не было ни одного банковского краха. В действительности эти достижения обманчивы. Отсутствие краха не означает, что банки Англии или Шотландии не страдали от кризиса. В Канаде, например, на которую больше всего ссылались в США, кризис причинил многим банковским филиалам в западных районах огромный ущерб. Но только распределение этих потерь на всю объединённую систему предохранило западные филиалы от краха. Как бы то ни было, локальная банковская система

[1] *F. Brockway*, Will Roosevelt Succeed? London 1934, p. 149.

настолько укоренилась в понятии мелкой буржуазии отдельных штатов и была настолько хороша и выгодна для влиятельных тузов Уолл-стрита, что Вашингтон никак не мог предпринять решительных шагов в сторону приближения банковской структуры США к банковской структуре Канады.

В июне 1933 г. и в августе 1935 г. Вашингтон принял два банковских закона. Новые законы позволили национальным банкам открывать отделения только в тех штатах, где филиалы разрешены местными законами. К тому времени филиалы были легализованы только в 16 из 48 штатов. Новое законодательство пыталось страхованием депозитов перенести потери отдельных банков на всю систему и гарантировать в дальнейшем США от банковской катастрофы. Образовалась Федеральная страховая корпорация. К началу 1934 г. уже около 80% всех банков США застраховали свои депозиты. Закон установил, что депозиты размером до 10 тыс. долл. подлежат страхованию на 100%, от 10 тыс. до 50 тыс. долл. — на 75%, а свыше 50 тыс. долл. — на 50%. Однако страхование депозитов само по себе не является уже столь надёжной гарантией. На страхование можно рассчитывать в «нормальное» время, когда в нём нет особой нужды. Во время паники же Федеральная страховая корпорация депозитов может оказаться бессильной. Когда разгорается банковская катастрофа и вкладчики требуют возврата многих миллиардов долларов, любой страховой фонд, как бы он ни был велик, может оказаться ничтожным. Страхование депозитов тем и отличается от других видов страхования (например, страхование от огня, страхование жизни), что при этом виде страхования может последовать общая катастрофа, в то время как при других видах страхования этого быть не может, так как никогда все застрахованные дома не могут одновременно сгореть или все застрахованные лица умереть в один день.

В целях лучшего обеспечения депозитов и гарантирования от повторения мартовской паники 1933 г. банкам запретили совмещать депозитные операции с торговлей акциями. Равным образом — частным банкирским домам предложили заниматься либо депозитными операциями, либо инвестиционной деятельностью. С этой же целью президент США подписал 27 мая 1933 г. акт о бирже. Специальная комиссия была создана для наблюдения за торговлей ценными бумагами. За исключением обязательств федерального правительства, штатов, муниципалитетов и некоторых других новые ценные бумаги не могут котироваться на рынке без предварительной проверки их и одобрения правительственной биржевой комиссией. Комиссия должна следить за финансовым

состоянием тех компаний, акции которых циркулируют на бирже, и делать по этому поводу время от времени публичные сообщения. Закон 1935 г. о держательских компаниях в предприятиях общественных услуг расширил полномочия биржевой комиссии в отношении защиты прав акционеров и борьбы с экономически не оправдавшими себя пирамидами сверхдержательских компаний. Несколько позднее, в 1938 г., биржевая комиссия заручилась поддержкой федеральных судов в защите интересов покупателей акций. Одновременно федеральному резервному управлению было вменено в обязанность воспрепятствовать использованию банковских кредитов в спекулятивных целях.

Центр тяжести банковского законодательства 1933—1935 гг. лежал, однако, не в легализации филиалов, не в страховании депозитов и в защите держателей акций, а в усилении роли государства в кредитной системе и во всей экономике страны. Правительство взяло в свои руки и поставило под свой контроль банковские и валютные операции США. Акт золотого резерва передал драгоценный металл, на котором базируется американская валюта, в распоряжение казначейства. Федеральное резервное управление не может больше управлять денежным механизмом государства без прямого участия или по крайней мере без санкции правительства.

За время президентства Рузвельта наблюдалось несколько парадоксальное для США явление. До 1933 г. рост государственной задолженности сопровождался, как правило, повышением процента на государственные займы. В первую мировую войну процент на «займы свободы», выпущенные правительством Вильсона, вырос с $3^1/_2$ до $4^1/_2$. Во вторую мировую войну Вашингтон платил за новые государственные займы всего около 0,5%. Перед уходом Гувера из Белого дома за государственный кредит платили 4% — в 8 раз больше, чем спустя 10 лет, в течение которых государственный долг США вырос в 6 раз. Таких результатов в условиях США Рузвельту нетрудно было добиться, приспособив деятельность резервных банков в значительной части к кредитной политике правительства.

Банкиры далеко не были довольны создавшимся положением, но они были заинтересованы в престиже государственных обязательств, которые занимают с каждым годом всё большее место в их активах.

В условиях грандиозного роста государственного долга и государственных расходов при отсутствии свободного золотого обращения обязательства казначейства, естественно, неравноценны золоту. 28 ноября 1942 г. лондонский «Экономист» рассказывал, как в Бомбее открыто, а в других

городах на чёрных биржах американский доллар и английский фунт котируются на золото в два раза дешевле их официального курса. Но в США правительству удалось сохранить авторитет государственного кредита, размещать колоссальные внутренние займы по низкому проценту и с известным успехом тормозить стремительный рост товарных цен в военное время. Спустя десяток лет, во время войны стали сказываться мероприятия, проведённые правительством Рузвельта в области кредита и денежного обращения: экономические и полигические последствия этих мероприятий сами их инициаторы вряд ли предвидели.

Другие стороны экономической деятельности Рузвельта, хотя и вызвали большой шум в Америке и в Европе, оставили меньше следов в хозяйстве США, чем правительственные мероприятия, касавшиеся банков и золота. В 1933 г. хребтом «Нью-дил» считался закон об оздоровлении промышленности, закон, который тогда признавался главным творением президента и его советников.

Немедленно после переезда в Белый дом Рузвельт, помимо формирования правительственного кабинета, окружил себя экспертами, образовавшими своего рода неофициальный, тайный государственный экономический совет. Один из сотрудников «Нью-Йорк Таймс» назвал советников президента «мозговым трестом». В 1933—1934 гг. «мозговой трест» служил заголовком для сотен глав в различных книгах и для тысяч газетных и журнальных статей.

Основными фигурами «мозгового треста» были профессора Колумбийского университета — Молей, Тэгвелл и Берли, которые снабжали Рузвельта цифрами и фактами во время его кампании за победу на выборах в 1932 г. Услугами Молея Рузвельт пользовался ещё в бытность свою губернатором Нью-Йорка, как и услугами О'Коннора и Розенмана, которые последовали за Рузвельтом в Вашингтон. К ним присоединились генерал Джонсон, Дуглас из Аризоны и др.

«Мозговому тресту» поручено было выковать орудие для штурма препятствий, стоявших на пути к «просперити», найти средство против повторения экономической «эпидемии», которая с осени 1929 г. в течение $3^1/_2$ лет подтачивала и разрушала хозяйство США.

В то время много говорили о планировании американской экономики, говорили не только профессора Колумбийского и Гарвардского университетов, не только такие экономисты, как упомянутые нами в предыдущей главе Донам и Чейз. В книге Рузвельта, выдержавшей 4 издания в марте 1933 г., вторая глава называется: «Необходимо планировать экономику». Вновь избранный президент утверждал: «Я считаю,

что в конце концов наиболее важной является проблема контроля, проблема удовлетворительного планирования производства и распределения тех продуктов, которые наша громадная экономическая машина способна создавать» [1].

В Вашингтоне полагали, что можно планировать производство, не меняя социально-экономической структуры общества. «Мозговой трест» проектировал введение планового хозяйства при сохранении частной собственности на средства производства. Заводы капиталистов — не золото банков. В области кредита и денежного обращения Рузвельт в конечном итоге довёл государственное вмешательство не дальше тех пределов, каких ранее уже достигли правительства ряда других капиталистических стран. Иначе обстояло дело с промышленными предприятиями. Здесь и мысли не было об ограничении прав их владельцев. Весь смысл задуманного эксперимента в промышленности заключался, по мнению наиболее радикальных советников Рузвельта, в заимствовании того, что они считали лучшим из советского строя в СССР, — плана — и применении его к капиталистическому хозяйству.

В «мозговом тресте» обнаруживались с самого начала существенные разногласия между так называемыми правыми и левыми сторонниками плана. Правых возглавлял ставший в 1933 г. директором бюджета Дуглас, а левых — Тэгвелл. Дуглас утверждал, что хозяйство уже вступило на путь оздоровления: государственное вмешательство в дела промышленности должно быть сведено к минимуму. Президент США считал, что какой-то орган для наведения порядка в промышленности нужен, но что он должен быть создан и руководим предпринимателями. Торговая палата США заговорила о «промышленном самоуправлении». Правительство всецело полагалось на предпринимателей, отводя самому себе в «планировании» хозяйства подчинённую роль. Для того чтобы крупные американские монополии не возражали против идеи «плана», им предложили существенную компенсацию — ликвидацию антитрестовских законов. Одновременно правительство обещало и некоторые блага рабочим.

16 июня 1933 г. вошёл в силу закон о создании Национальной администрации по оздоровлению промышленности, сокращённо названный НРА [2]. В соответствии с этим законом всем предпринимателям в каждой отрасли промышленности предложили добровольно объединиться и выработать «ко-

---

[1] *F. Roosevelt,* Looking Forward, New York 1933, p. 47.

[2] National Industrial Recovery Administration — сокращённо NIRA или чаще — NRA — НРА.

дексы честной конкуренции», которые устанавливают размер производства, регулируют уровень заработной платы и размер рабочего времени, распределяют рынки между отдельными конкурентами и предприятиями. Кодексы после их одобрения президентом США приобретают законную силу и освобождают охватываемые ими компании от юрисдикции антитрестовских законов. Для уклоняющихся от кодексов предпринимателей предусматривалось правительственное и общественное воздействие. Президент США получил полномочие в случае поступления жалобы предлагать промышленным и торговым компаниям, не представившим кодекса, принять определённый «кодекс честной конкуренции». Но практического эффекта ни эти полномочия президента, ни общественное воздействие не имели. Автомобильная компания Форда, табачные компании и другие тресты наотрез отказались от кодексов, и правительство должно было с этим примириться.

НРА образовалась в виде колоссальной государственной машины федерального масштаба с соответствующими органами в штатах и городах. В федеральном аппарате числилось 8 производственных отделов, специальный отдел по изучению кодексов, научно-исследовательско-плановый и много других отделов, бюро, комиссий и палат. Возглавить весь этот механизм призван был бывший кавалерийский офицер, генерал Джонсон. Количество заместителей генерала дошло одно время до 55, а число их помощников — до 151. Джонсон взялся за дело энергично. Он надеялся одним наскоком установить порядок там, где господствует анархия.

При Джонсоне были созданы три совещательные палаты, представлявшие интересы предпринимателей, рабочих и потребителей. Членов первой палаты назначил министр торговли, второй — министр труда, а третьей — президент США. В палату предпринимателей вошли председатель торговой палаты США Гарриман и такие известные крупные капиталисты, как Тэйгл из «Стандарт Ойл», Слоан из «Дженерал Моторс», Раскоб и др. Эти лица вершили судьбы НРА. Руководимое такими фигурами федеральное плановое ведомство не вызывало тревогу американской реакции. НРА в одно время восхваляли Херст и бывший кандидат в президенты Смит, а также патер Кофлин.

Первый кодекс, принятый в хлопчатобумажной промышленности, вошёл в силу через месяц после утверждения НРА. В других отраслях хозяйства капиталисты не торопились. 24 июля 1933 г. президент США апеллирует по радио к стране. Кроме того, он рассылает 5 млн. временных соглашений предпринимателям. Наконец, лёд тронулся. 26 июля

принимается кодекс в судостроительной промышленности, 4 августа — в электротехнической, а 19 августа — в стальной, нефтяной и дерезообделочной промышленности. К годовщине организации НРА её кодексами были охвачены предприятия с общим количеством рабочих примерно в 20 млн. человек. К этому времени, по утверждению генерала Джонсона, 450 кодексов охватили 95% всей промышленности и торговли США.

Всего НРА одобрила около 750 кодексов, охвативших самые разнообразные виды производства, от чёрной металлургии и каменного угля вплоть до музыкальных инструментов и кухонной посуды. Каждый кодекс должен был служить руководством, уставом для определённой отрасли хозяйства, средством для избежания перепроизводства и для сохранения мира в промышленности. Каждый кодекс рассматривался как деталь, а совокупность всех «деталей» изображалась под куполом НРА, как плановая машина американского капитализма.

«Плановое» здание обнаружило прежде всего глубокие классовые противоречия. Предприниматели комментировали кодексы по-своему. Председатель торговой палаты США Генри Гарриман, представляя промышленников в Вашингтоне, разъяснял на страницах «Нью-Йорк Таймс», что основная задача НРА — это убрать с дороги мелкого предпринимателя (аутсайдера), который во время кризиса оказался более эластичным и конкурентоспособным, чем некоторые грузные всеамериканские монополии. «Промышленный пират (buccaneer), эксплоататор рабочего, без разбора снижающий цены, — писал Гарриман, — в большинстве случаев устанавливает ход производства. Сознательные деловые люди, которые несут бремя кризиса и борются за поддержание занятости рабочих, не имеют другого выбора, как последовать примеру своих беспринципных конкурентов, или уйти» [1]. Поэтому, по мнению Гарримана, необходимо помочь монополиям в их борьбе с неорганизованными производителями. «Смысл закона о промышленном оздоровлении заключается в том, что он, — продолжает Гарриман, — освобождает производство от ограничений, которые антитрестовские законы на него накладывают, но он не предписывает промышленности, что должно быть сделано... Он обязывает деловых людей самих привести свой дом в порядок» [2].

Монополии усилились. Они быстро расправлялись с «промышленными пиратами». По данным одного сведущего амери-

---

[1] «New York Times», 25. VI. 1933.
[2] Ibid.

канского экономиста, за первые шесть месяцев существования НРА не меньше одного миллиона мелких предпринимателей (аутсайдеров) оказались жертвами закона об оздоровлении промышленности [1].

А в начале 1934 г. известный нью-йоркский экономический журнал «Анналист» утверждал: «Отмена НРА антитрестовских законов во многом усиливает потенциальную стратегическую позицию крупных промышленников в целом как в отношении других классов населения, так и в отношении мелких предпринимателей. Крупные организации финансового капитала получат в конце концов существенную выгоду от нового режима — избавление от невыгодных методов конкуренции, более тесное срастание частных банков с государственным финансовым аппаратом, увеличение централизации и координации — всё это элементы, усиливающие крупный финансовый капитал» [2].

Контроль цен и производства является главным орудием монополий. Многие кодексы предусматривали установление минимальных цен и максимального объёма производства. Кодекс стальных трестов ограничил введение новых машин, а кодекс текстильных компаний запретил строительство новых предприятий без специального разрешения главы НРА. За время действия НРА повысились доходы монополий. Чистые доходы 200 важнейших промышленных корпораций были в 1934 г. на 60% больше, чем в 1933 г., а в первую половину 1935 г. эти доходы выросли на 18% по сравнению с первой половиной 1934 г. [3] В то же время реальная заработная плата рабочим, как мы сейчас увидим, сокращалась.

Закон об оздоровлении промышленности предоставил некоторые права и рабочим, зафиксированные пунктами 7а и 7б НРА. Он гарантировал каждому рабочему полную свободу в отношении участия в коллективных договорах и профессиональных союзах. Но открытое письмо президента США генералу Джонсону в октябре 1933 г. разъясняло, что пункт 7а не запрещает предпринимателям заключать индивидуальные соглашения с рабочими; это разъяснение затруднило рабочим реализацию их права на коллективные договоры. Во многих случаях капиталисты использовали пресловутый пункт 7а для усиления своих хозяйских, компанейских союзов.

НРА регламентировала также три основных условия труда: минимальную заработную плату, максимальный рабочий день

[1] «New York Herald Tribune», 31. XII. 1933.

[2] «Annalist», 19. I. 1934, p. 83.

[3] «Economic Conditions» National City Bank, April, August 1935. Данные о первой половине 1934 и 1935 гг. относятся к 260 важнейшим корпорациям.

и запрещение детского труда. И эти правила предприниматели нарушали. Известный американский экономист Лео Вольман в работе, составленной для Национального бюро экономических исследований, пришёл к выводу, что с июня 1933 г. до 1935 г. наблюдалось общее падение реальной заработной платы [1]. Аналогичная картина наблюдалась и в 1935 г. За первую половину 1935 г. реальная недельная заработная плата в фабричной промышленности продолжала снижаться [2].

Не лучше соблюдали капиталисты установленный НРА максимальный рабочий день. Люди, изучавшие этот вопрос на фабриках и заводах США, утверждали, что регулирующие кодексы НРА привели к увеличению эксплоатации рабочей силы. Нагрузка на каждого рабочего выросла прямо пропорционально номинальному росту заработной платы и обратно пропорционально сокращению рабочего дня. Один американский автор писал в 1934 г.: «На хлопчатобумажных фабриках и на сталелитейных заводах, на консервных предприятиях, угольных шахтах, дровяных складах, нефтяных промыслах, в магазинах, ресторанах, конторах — везде я слышал один и тот же рассказ. Там, где заработная плата до НРА была ниже минимума, установленного кодексом для этой промышленности, ставка повышена, но процесс работы был ускорен настолько, что компенсировал рост заработной платы и сокращение рабочего дня. Работа, получаемая от каждого рабочего, эквивалентна прежней заработной плате и прежнему рабочему дню» [3].

В результате вместо желанного мира, возвещённого авто-

---

[1] «Current History», September 1935, p. 388.

[2] «Conference Board Service Letter», February, July 1935.

Приводимые указанными источниками цифры снижения реальной заработной платы не превышают 11%. Однако эти цифры показывают только половину правды. Статистика исходила из официальных ставок союзов. В ряде случаев союзные ставки оставались только теоретической нормой заработной платы. При наличии громадной безработицы и при неорганизованности тогда главной массы рабочего класса США нетрудно было игнорировать тарифные сетки, устанавливаемые союзами. В 1934 г. редактор органа профессиональных союзов штата Луизиана, например, рассказывал, что очень немногие плотники получают по ставкам союза. Тем, которые не в состоянии найти работу по установленному тарифу, сам союз плотников разрешает наниматься за любую цену («American Mercury», August 1934, p. 388). Через год после этого заявления орган Уолл-стрита утверждал, что ставки союзов в Нью-Йорке и в других больших городах бывали в последнее время в 2 раза выше действительной заработной платы («Magazine of Wall Street», 17. VIII. 1934, p. 429). Подобные утверждения не могут претендовать на точность. Но не подлежит сомнению, что реальная заработная плата в 1933—1934 гг. падала в гораздо большей степени, чем указывает Вольман.

[3] «American Mercury», August 1934, p. 387.

рами НРА, усилилась борьба в промышленности. Об этой борьбе мы будем говорить в следующей части данной главы.

На практике НРА напоминала «организованный» хаос. Основа плана — кодексы сочинялись произвольно. Некоторые кодексы ограничивались 1—2 страницами, излагавшими общие принципы. Другие заполняли сотни страниц, описывая подробно права и обязанности корпораций и предприятий. Многие кодексы, получившие силу закона, предоставили предпринимателям новые права. В то же время эти кодексы содержали такие оговорки, которые освобождают капиталиста от предусмотренных НРА обязанностей.

Попытка перевода хозяйства США на плановые рельсы с помощью добровольного объединения целых отраслей промышленности во всеамериканские картели оказалась с самого начала порочной. В основе всей идеи лежали глубокие противоречия. Перепроизводство даже в богатейшей капиталистической стране, в Америке, не абсолютное, а относительное — относительно покупательной способности населения. Ограничение производства при данном уровне техники и при данной норме эксплоатации увеличивает безработицу, и в результате ещё больше усиливается относительное перепроизводство. НРА пыталась одновременно и ограничить производство и увеличить занятость рабочих. Логически это мыслимо только при регрессе техники или при сознательном уменьшении нормы эксплоатации. НРА предусматривала некоторое сокращение рабочего времени. Незначительное уменьшение абсолютной прибавочной стоимости далеко не разрешает проблемы. Но и это не было достигнуто. Проведённому в сенате ещё 6 апреля 1933 г., через месяц после прихода Рузвельта к власти, биллю о 30-часовой рабочей неделе без сокращения заработной платы не суждено было стать законом. На деле получился рост продукции без соответствующего увеличения числа занятых рабочих. Законы о максимальном рабочем дне и минимальной заработной плате всё же были изданы, но они часто нарушались. Регулировать интенсивность труда правительство не могло, здесь всё зависело от доброй воли предпринимателей. Могло ли быть в таком вопросе согласие между различными промышленными компаниями? Стюарт Чейз писал перед ликвидацией НРА: «9 промышленников из 10 не доверяют своим конкурентам, а 99 из 100 не доверяют правительству. Семена сотрудничества, как бы обильно их ни сеяли, не могут расти на такой почве»[1].

«Никогда Вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли, во имя

[1] *S. Chase*, Government in Business, New York 1935, p. 43.

удовлетворения народных нужд»[1]. Никто из руководителей НРА не мог вразумительно объяснить, какая сила в состоянии помешать частному капиталисту заменять старый станок новым или каким-нибудь другим способом увеличивать производительность труда. Но допустим, что НРА удалось лимитировать выпуск продукции, запретить переоборудование производства и установить минимальные цены. Что означали бы такие «достижения»? Они означали бы уменьшение национального дохода. История капитализма в XX веке знает примеры, когда некоторым монополиям удалось в отдельных отраслях производства сохранить подобные условия, и таким путём они вырывали себе большую долю национального дохода. Но когда такие условия устанавливаются во всех отраслях промышленности, это преимущество исчезает для всех.

Ввиду новизны эксперимента в Америке НРА назначили испытательный срок — два года. Многие конгрессмены рассматривали с самого начала этот срок как время не только для испытания, но и для всего существования закона об оздоровлении промышленности. Одно из двух, рассуждали законодатели: если хозяйственная конъюнктура повысится, то в возобновлении акта о планировании промышленности не будет надобности; если экономическая депрессия будет продолжаться, то закон не будет продлён потому, что он себя не оправдал.

Еще задолго до истечения полномочий НРА начались на неё давления и атаки со всех сторон. Рабочих возмущала своекорыстная трактовка хозяевами пункта 7а. Мелкие предприниматели, пострадавшие от усиления монополий, протестовали. Да и сами монополии не были в восторге от «плановой» процедуры.

Жалобы мелких предпринимателей нашли отклики в конгрессе. По инициативе сенаторов Бора и Ная в феврале 1934 г. была создана комиссия по обследованию этих жалоб. Председателем комиссии стал известный юрист Дарроу. Проверив влияние кодексов в сталелитейной, угольной, электротехнической и в ряде других менее крупных отраслей промышленности, Дарроу констатировал, что НРА поощряет монополии и выживает мелких промышленников и торговцев.

Одновременно НРА подверглась нападению со стороны председателя «National Industrial Conference Board», человека, выражающего мнение крупного американского капитала. В октябре 1934 г. сам президент США отметил, что федеральный контроль, возможно, зашёл слишком далеко в

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 600.

отношении фиксации цен и ограничения продукции и что удовлетворительный уровень цен для всех товаров не достигнут [1].

В мае 1935 г. Гарриман, выступая на собрании 1 300 банкиров, утверждал: «Чрезвычайная обстановка требовала сотрудничества государства и хозяйства, но ни в коем случае не предполагалось, что правительство будет постоянно вторгаться в дела промышленности» [2]. НРА, по мнению Гарримана, уже выполнила свою миссию. Все американские монополии считали, что они уже извлекли из «планового хозяйства» всё, что возможно было, и что дальнейшее функционирование кодексов нежелательно.

Через три недели после выступления Гарримана на собрании банкиров Верховный суд США объявил деятельность НРА противоречащей конституции. Внутренние противоречия, как отмечает Липпман, свели на-нет НРА фактически ещё до того, как она была ликвидирована юридически, подобно тому, как «сухой» закон перестал существовать раньше, чем он был формально отменён [3].

Правительство не возражало. Президент США заявил, что программа НРА завершена и что промышленность получает «передышку». Таковы в общем история и судьба опыта планирования производства и распределения в капиталистической Америке.

За два года «планирования» хозяйственная конъюнктура несколько повысилась, но повысилась она в это время не только в США. Незначительное улучшение положения в производстве ко времени аннулирования закона об оздоровлении промышленности, к маю 1935 г., по сравнению с маем 1933 г. вряд ли можно приписать влиянию НРА. Во всём мире процент прироста производства за эти два года был почти в 3 раза, а в соседней Канаде почти в $4^1/_2$ раза выше, чем в США [4].

ИНДЕКС ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

(1928 г. = 100)

	Май 1933 г.	Май 1935 г.	% прироста
США	70	77	10
Англия	92	111	21
Германия	68	96	41
Япония	131	159	21
Канада	62	89	44
Весь мир	82	104	27

[1] «New York Times», 14. X. 1934.
[2] Ibid., 10. V. 1935.
[3] «New York Herald Tribune», 29. V. 1935.
[4] «Monthly Bulletin of Statistics, L. of N.», August 1934, 1935.

Трудно утверждать, что 10-процентным повышением индекса производства США обязаны именно НРА. С таким же основанием можно утверждать, что 44-процентным повышением этого индекса Канада обязана отсутствию НРА. В отдельные месяцы НРА, правда, стимулировала рост промышленной продукции. Но вряд ли кто-нибудь докажет, что без НРА в конечном итоге — спустя 2 года после прихода демократов к власти — хозяйство США находилось бы на более низком уровне. Монополии всегда препятствуют выходу из кризиса. И в 1933 г. усиление монополий не могло стимулировать оздоровление хозяйства в США.

В сельском хозяйстве политика нового правительства не была так безуспешна, как в промышленности. Сельскохозяйственные мероприятия Вашингтона повторяли опыт правительств в других странах. Политика сокращения или даже уничтожения сельскохозяйственной продукции во имя повышения цен практиковалась за пределами США задолго до «Нью-дил». Достаточно напомнить о британском каучуке и бразильском кофе.

Разразившиеся в стране «фермерские забастовки» заставили правительство и конгресс поторопиться с опубликованием нового аграрного законодательства. Акт о сокращении сельскохозяйственной продукции, известный как ААА [1], вошёл в силу 12 мая 1933 г., больше чем за месяц до подписания президентом США закона о создании НРА. Согласно ААА, продукция пшеницы, хлопка, кукурузы, риса, табака, мяса и молока сокращалась настолько, чтобы соотношение между ценами на эти товары и промышленные товары соответствовало отношению среднего уровня цен за пятилетие, предшествовавшее первой мировой войне. Фермеры, согласившиеся сократить производство или уничтожать часть продукции, получали известную компенсацию. Средства для компенсации собирались из специального налога на потребление: из налога на пшеницу при её поступлении на мельницу, на хлопок при его поступлении на фабрику и т. д.

Статистика США тогда доказывала, что фермер получает всего 16% той суммы, которую потребитель платит за хлеб. Схема нового правительства обещала увеличить долю, достающуюся производителю от продажи пшеницы.

Опубликование ААА сопровождалось в штатах большой пропагандистской кампанией. Пропагандистский аппарат Вашингтона имел в своём распоряжении прессу, радио и кино, экономистов, публицистов, журналистов и художников. Упол-

[1] Agricultural Adjustement Act. Первыми буквами этих трёх слов обыкновенно обозначают сельскохозяйственную политику Рузвельта.

номоченные для организации фермерских собраний и для разъяснения новой сельскохозяйственной программы были назначены в 2 200 графствах, специализировавшихся на производстве пшеницы. На собраниях вывешивались агитационные плакаты и многообещающие лозунги. Агитация возымела действие только в совокупности с денежным вознаграждением за сокращение продукции. Денежное награждение распределялось так, чтобы обеспечить взаимный контроль отдельных фермеров над действительным сокращением посевной площади.

Закон от 12 мая 1933 г. сильно отличался от сельскохозяйственного акта, принятого по инициативе Гувера 15 июня 1929 г. Гувер отказался поднять покупательную способность фермерских продуктов до уровня 1910—1914 гг. Проект Гувера сводился к частичному изъятию государством излишков сельскохозяйственных продуктов с рынка, чтобы таким путём поднять цены на фермерские товары. Рузвельтовский проект обратил большое внимание на сокращение производства. Созданная Гувером Фермерская палата также предложила летом 1931 г. уничтожить непосредственно на полях часть урожая хлопка. Но Рузвельт применял политику уничтожения продукции в несравненно более широком масштабе. За первый год действия ААА площадь под пшеницей была сокращена на 7,5 млн. акров, 10 млн. акров под хлопком было перепахано, 6 200 тыс. поросят были истреблены. Поросятами считали всех свиней весом до 50 *кг*. 1 млн. свиноматок предполагалось уничтожить, но сопротивление фермеров сократило это число до 220 тыс. По плану всё это мясо должно было быть превращено в удобрение. Лишь под давлением общественного мнения часть мяса попала безработным и нуждающимся фермерам.

Плановому истреблению продукции пришла навстречу стихия. Для большей части аграрного Запада 1933 год был пятым подряд засушливым годом. В первый год действия ААА засуха охватила обширную территорию от границ Канады до самых южных штатов. Убытки оценивались в 5 млрд. долл.[1] Летом 1934 г. нью-йоркская газета сообщала: «Фермеры среднезападных районов делают запасы всего, что попадается им под руки... В горах Озарке в штатах Миссури и Арканзас, где растёт много дуба, фермеры собирают и заготовляют на зиму дубовые листья... В Канзасе фермеры запасают чертополох»[2].

---

[1] *L. Hacker*, A short History of the New Deal, New York 1935, p. 92.
[2] «New York Times», 25. VIII. 1934.

В 1935 г. по фермерским штатам пронёсся суровый шторм песка и пыли. Фермеры с ужасом говорили об этом шторме. Пыль вторгалась в плотно закрытые помещения, проникала во все щели, покрывала продукты. Песок хрустел на зубах. От шторма не было никакого убежища. Операции в больницах откладывались, мельницы закрывались. Один американский журнал писал тогда: «Ураганы пыли принесли с собой катастрофу и смерть на протяжении 300 тыс. кв. миль» [1].

Песчаные штормы и засуха — стихийное бедствие. Но эта стихия порождена в большой мере вековым произволом капиталистического хозяйничания на американской земле. Многие землевладельцы, ведя в погоне за быстрой наживой хищническое хозяйство, истощали почву, вырубали леса и осушали озёра. Вихри, не встречая лесных преград на своём пути, сушат, выветривают и сметают верхний слой почвы. Засуха начала всё чаще и чаще опустошать фермерское хозяйство. И в 1936 г. она распространилась на ряд западных штатов.

Но на сей раз жестокая и коварная стихия совпала с правительственной программой сокращения и уничтожения урожая. Несмотря на такое «счастливое» стечение обстоятельств, мероприятия ААА долго не давали эффекта. К годовщине существования нового сельскохозяйственного закона, в мае 1934 г., покупательная способность фермерских продуктов была точно такая же, как в мае 1933 г. В Вашингтоне начали принимать дополнительные меры. В 1934 г. конгресс одобрил билль Банкхеда, предусматривавший принудительное сокращение посева хлопка на одну треть. Правительство выступало на рынке как крупный покупатель сельскохозяйственных продуктов. Государственные запасы хлопка и пшеницы быстро возрастали. В конце концов сельскохозяйственные цены повысились. Ко времени образования правительства Рузвельта, в марте 1933 г., покупательная способность фермерских продуктов равнялась 55% 1910—1914 гг. Спустя два года, в марте 1935 г., эта цифра дошла до 85. Что больше влияло на рост сельскохозяйственных цен — ААА или стихийные бедствия — остаётся предметом спора. Если даже считать, что рост цен результат исключительно ААА, то это ещё не означает, что благосостояние фермера поднялось пропорционально повышению цен на его продукцию. Доход фермеров определяется не одними ценами, а ценами, помноженными на продукцию. В результате ААА и засухи продукция сельского хозяйства резко сократилась. В 1934 г., например, сбор хлопка в США сократился по сравнению с 1933 г. больше

[1] «National», 22. V. 1935, p. 597.

чем на 25%, а урожай кукурузы — больше чем на 40%. Покупательная способность фермерского дохода, включающего компенсацию за сокращение и уничтожение продукции, поднялась к двухлетию прихода Рузвельта к власти лишь до 62% средней покупательной способности этого дохода за пятилетие, предшествовавшее кризису 1929—1933 гг.[1]

Таково положение в голых цифрах американской статистики, рассматривающей фермерское хозяйство в целом и его доход — в среднем. Но что такое средний доход? Где он существует? Получает ли половина фермеров 50% или они получают меньше 1% всего совокупного фермерского дохода, — покупательная способность сельскохозяйственных продуктов от этого не меняется; не меняется также и доход среднего фермера.

Мы уже в своё время отметили, что к концу 20-х годов примерно одному проценту всех фермеров принадлежало 28% всей земли под фермами. Сопоставим эту цифру с другой. В 1929 г. 28% всех фермеров дали всего 3% всех сельскохозяйственных продуктов, поступивших на рынок, а половина всех ферм дала только 11% всей товарной продукции сельского хозяйства США[2]. В некоторых районах процесс дифференциации пошёл дальше. В Калифорнии, например, крупные сельскохозяйственные компании производят больше половины всей фермерской продукции штата. Между тем правительство подвело всех фермеров под одну рубрику: ААА предлагало всем пшеничным фермам сократить площадь посева на 20%, хлопковым — на 25, табачным — на 50% и т. д. Что значит общее 20-процентное сокращение посевной площади под пшеницу для всех ферм, независимо от размера и характера хозяйства? Крупные фермы сократили посевную площадь за счёт менее плодородных земель; улучшая технику обработки почвы, они собирают на меньшей площади не меньше продукции. Правительство лимитировало размер посева, но не сбор урожая. Некоторые плантаторы на Юге открыто заявляли об их намерении тратить денежное награждение, получаемое за сокращение посевной площади, для увеличения продукции на обрабатываемой земле[3].

Мелкие же фермы имеют меньше возможности для маневрирования. Около двух третей американских ферм считаются недостаточно крупными для использования с выгодой трактора или другого моторного инвентаря. По переписи 1930 г.

---

[1] «Banking», September 1935, p. 30.

[2] *E. Bogart,* Economic History of the American People, N. Y. 1935, p. 721; U. S. Department of Agriculture, «Technology on the Farm», p. 68.

[3] *A. Brockway,* Will Roosevelt Succeed? London 1934, p. 108.

тракторами в США пользовались лишь 13,5% и грузовиками 13,4% всех ферм.

В результате действия ААА на продовольственном рынке США должен был ещё больше сократиться удельный вес той половины фермеров, которая поставляет лишь 11% всей товарной продукции сельского хозяйства страны. Аграрное законодательство 1933 г., каковы бы ни были намерения его авторов, пошло на пользу наиболее состоятельным фермерам, усиливая таким образом процесс диференциации в американской деревне.

Наряду с сокращением продукции сельского хозяйства «Нью-дил» предусматривал консолидацию фермерских долгов. Согласно распоряжению президента США от 27 марта 1933 г., образовалось фермерское кредитное управление, объединившее около полудюжины различных систем сельскохозяйственных банков, функционировавших до тех пор в стране. Спустя шесть лет, в 1939 г., после дальнейших реорганизаций фермерское кредитное управление превратилось в отдел министерства земледелия США.

Новое сельскохозяйственное кредитное учреждение обещало уменьшить процент по долгам и оказывать помощь тем фермерам, хозяйствам которых угрожает продажа с аукциона. Но к тому времени для половины всех американских фермеров подобные обещания уже не представляли интереса. По данным тогдашнего министра земледелия США Уоллеса, в 1935 г. половина фермеров не имела уже собственной земли. В отдельных районах арендаторы составляли 70—80% всех фермеров [1].

ААА, как и предыдущие сельскохозяйственные планы Вашингтона, не разрешили фермерской проблемы, не облегчили положение фермерской бедноты. Недовольство этими мерами также проявлялось в среде владельцев элеваторов и текстильных фабрикантов. Они не удовлетворяли и многих зажиточных фермеров, ведущих на сравнительно небольшом участке земли крупное капиталистическое хозяйство [2]. Многие землевладельцы, как и владельцы закладных, вышедшие из затруднений с помощью субсидий федерального казначейства, утверждали, что правительство уже выполнило свою миссию и что дальнейшее государственное вмешательство в сельскохозяйственную экономику нежелательно. Против ААА, наконец, вырастала оппозиция в конгрессе США.

[1] «New York Times Magazine», 31. III. 1935.

[2] В 1929 г., например, среди хозяйств с годовым доходом в 30 тыс. долл. и больше числилась 331 ферма с земельным участком менее чем в 10 *га* каждая.

6 апреля 1936 г. ААА постигла участь НРА. Верховный суд США признал её незаконной. Но правительство тут же провело через конгресс подобный же закон в несколько изменённом виде, под названием «Акт о сохранении почвы и распределении земли». Акт 1936 г. уполномочивает министерство земледелия выдавать денежные премии фермерам за перевод части обрабатываемой почвы под травы и под разные другие сохраняющие почву растения. Учитывая опыт ААА, когда крупные фермеры часто злоупотребляли правительственными субсидиями, премии были сейчас дифференцированы в зависимости от плодородия изъятой из обработки почвы, а не только от размера сокращаемой площади, как это вытекало из закона 1933 г. В 1938 г. правительству опять удалось провести через конгресс закон о непосредственном регулировании размера посевов. Согласно закону 1938 г. производители основных сельскохозяйственных продуктов — пшеницы, кукурузы, хлопка, табака и риса — получают на выгодных условиях займы и премии, если они ограничивают посевную площадь и выбрасывают на рынок продукты в соответствии с указаниями правительства. Для проведения в жизнь нового плана регулирования продукции сельского хозяйства конгресс ассигновал на 1939 бюджетный год, начинающийся 1 июля, почти в три раза больше средств, чем на реализацию ААА в первый год её существования.

Одновременно правительство США, проводя политику демпинга за границей, субсидировало экспорт пшеницы и хлопка выдачей вывозных премий. Когда в 1939 г. начало военных действий в Европе резко сократило внешний рынок для американского сельского хозяйства, правительство пыталось субсидировать внутреннее потребление, усиленно рекламируя изобретённый в городе Рочестере «продовольственно-штемпельный план» [1].

Вместе с законом 1938 г. пропагандировалась новая идея о «гарантии» фермеру стабильного дохода, а внутреннему рынку — равномерного притока сельскохозяйственных продуктов независимо от состояния урожая: в период сельскохозяйственного изобилия правительство выдаёт фермерам субсидии, и таким образом оно превращает излишки пшеницы, кукурузы и хлопка в большие государственные запасы, которые предполагается выпускать на рынок в недородные

[1] По этому плану, люди, пользующиеся государственным пособием, если они согласны вместо каждого доллара получать талон оранжевого цвета, получают бесплатно вдобавок ещё один талон синего цвета. Первый талон действителен на покупку продовольствия любого вида на один доллар. На синий талон можно приобрести на полдоллара лишь определённые продукты, официально числящиеся в списке излишков.

годы. В 1939 г. приступили к введению этого плана в действие. Фермерам предоставили займы под 8 млн. бушелей пшеницы, 260 млн. бушелей кукурузы и 11 млн. кип хлопка. В дальнейшем полагали эти займы увеличить.

США оказались перед перспективой постоянного возрастания, а отнюдь не сокращения излишков сельскохозяйственных продуктов. Спрос иностранных рынков на американский хлопок, табак и пшеницу систематически уменьшался. Что сделало бы правительство США с растущими государственными запасами хлопка и пшеницы, — никому не было известно. Но разразившаяся вторая мировая война разрешила вопрос об излишках сельскохозяйственных продуктов в США, и он временно потерял свою остроту.

В итоге семилетних мероприятий «Нью-дил» в сельском хозяйстве в 1939 г. — последнем году перед второй мировой войной — покупательная способность фермерских продуктов была на 25% выше, чем в 1932 г., но на 23% ниже, чем до первой мировой войны. Трудно доказать, что движение сельскохозяйственных цен в 30-х годах обусловливалось только действиями ААА. Если даже допустить, что повышение покупательной способности фермерских продуктов на одну четверть в период 1933—1939 гг. обязано исключительно сельскохозяйственной политике Вашингтона, то отсюда отнюдь не вытекает, что фермерская проблема в США разрешена или близка к разрешению. Но в отличие от НРА, ААА, в особенности в её модифицированном виде, может ссылаться на кое-какие результаты.

Правительственные мероприятия в области кредита и денежного обращения, промышленности и сельского хозяйства сопровождались финансированием производства и потребления. Политика «заправки насоса» означала расходование государственных средств на кредитование промышленности и на увеличение потребления населения. Теоретические работы Кейнса, напечатанные в 1933—1936 гг.[1], служили путеводной звездой для сторонников этой политики в США. В 1934 г. Кейнс посетил Вашингтон. Федеральная столица представляла тогда лабораторию, в которой проверялась теория известного английского экономиста.

Правительство Рузвельта увеличило прежде всего фонды Реконструктивной финансовой корпорации. За первые три года её существования РФК роздала около 9 млрд. долл. Из этой суммы только 2 788 млн. долл. приходится на 15 месяцев операций РФК при Гувере[2]. РФК субсидировала вначале

[1] «The Means to Prosperity»; «The General Theory of Employment, Interest and Money».

[2] *S. Chase*, Government in Business, New York 1935, p. 35.

преимущественно банки, промышленные и железнодорожные компании, а также фермерские организации. До конца президентства Гувера господствующая в Вашингтоне концепция гласила, что безработица является проблемой, которой должны заниматься частные филантропические общества и в крайнем случае местные власти. Когда число лиц, лишённых средств к существованию и зависящих исключительно от помощи, перевалило за 25 млн., федеральные власти должны были вспомнить о «забытом человеке», тем более что расходы на помощь безработным стали рассматривать как один из ключей к оздоровлению хозяйства.

В мае 1933 г. прошёл закон об образовании федеральной чрезвычайной организации помощи безработным, сокращённо названной FERA [1]. Возглавил эту организацию друг Рузвельта Гарри Гопкинс. Раньше Гопкинс занимался проблемой безработицы в штате Нью-Йорк. FERA просуществовала до конца 1935 г. Она израсходовала свыше 4 млрд. долл., 71% этой суммы покрывался федеральным правительством, а 29% — местными фондами.

Правительство считало, что основные фонды помощи нуждающимся должны быть израсходованы на организацию специальных работ для безработных. Для этой цели конгресс ассигновал в июне 1933 г. 3 300 млн. долл., и была создана Федеральная администрация общественных работ — PWA [2]. Главой PWA был назначен министр внутренних дел США Гарольд Икес. Это учреждение охватило 60 федеральных строительных управлений, ведавших работами на железных дорогах и на автострадах, на судостроительных верфях, в речных портах и других местах. Оно также финансировало общественные работы штатов и муниципалитетов.

PWA открыла много агентств и контор, но желательного эффекта она не дала. Строительные проекты реализовались медленно. Из 3 300 млн. долл., ассигнованных на общественные работы в июне 1933 г., на 1 января 1934 г. было израсходовано фактически только 405 млн. долл. [3] К осени 1933 г. полтора десятка миллионов безработных продолжало бродить по штатам.

В целях эффективного сокращения безработицы в надвигавшуюся зиму в ноябре 1933 г. возникло под руководством Гопкинса новое ведомство по организации общественных работ — CWA [4]. CWA просуществовала до апреля 1934 г. В январе этого года число людей, получивших временную работу

[1] Federal Emergency Relief Administration.
[2] Public Work Administration.
[3] «Labor Fact Book», II, New York 1934, p. 63.
[4] Civil Works Administration.

через CWA, дошло, по данным Гопкинса, до своего максимума, превысив 4 млн. В феврале Гопкинс начал свёртывать деятельность CWA, сокращая еженедельно число занятых лиц на 400 тыс. Но даже в январе 1934 г. CWA предоставила временное занятие только одному из каждых 4 лиц, заявивших о своём желании получить работу [1].

Многомиллионная безработица продолжала волновать страну. В особенности вызывала беспокойство безработная молодёжь. Специальная организация — CCC [2] — была создана для безработных в возрасте от 18 до 25 лет ещё в апреле 1933 г. Молодёжь размещалась в лагерях. В течение одного года число лагерей дошло до 1 500. В лагерях была установлена военная дисциплина. Молодёжь тренировалась под руководством армейских офицеров. Она была разбита на батальоны, роты, взводы, как в армии. Срок пребывания в лагере был рассчитан до одного года, с тем чтобы пропускать через них побольше юношей. Всего через лагеря прошло свыше 2 млн. человек. Молодые люди получали там питание и 1 долл. в день. Их использовали на строительстве дорог и плотин, на работе по сохранению лесов и парков.

После кризиса 1929—1933 гг. индекс промышленного производства в США начал обнаруживать, правда, с резкими отклонениями, тенденцию к повышению. По мере улучшения хозяйственной конъюнктуры в влиятельных капиталистических кругах и в конгрессе опять усилились разговоры о том, что забота о безработных должна быть изъята из ведения федерального правительства и возложена всецело на местные власти. 4 января 1935 г. президент США в послании конгрессу предложил новую схему, отличающуюся от прошлых планов помощи безработным. По этой схеме безработные делятся на две категории — на безработных вообще и на специфические жертвы кризиса. Федеральное правительство оставило за собой заботу только о второй категории.

В 1935 г. организовалась WPA [3], принявшая на себя работы ликвидированной тогда FERA. В начале 1936 г. количество людей, получавших работу по линии WPA, достигло своего максимума, превысив 3 млн. В дальнейшем, ввиду улучшения экономической конъюнктуры, конгресс урезал фонды помощи безработным. К концу 1937 г. на работах WPA осталось менее 1 млн. человек. Возникший в то время новый экономический кризис, однако, заставил правительство и конгресс снова расширить программу общественных работ. К концу 1938 г. число лиц, занятых на работах WPA, опять

[1] «Labor Fact Book», II, New York 1934, p. 65.
[2] Civilian Conservation Corps.
[3] Works Progress Administration.

превысило 3 млн. Через год, к началу второй мировой войны, эта цифра сократилась до 2 млн. Почти половина этого числа людей была занята на дорожном строительстве [1].

Примирившись с политикой «заправки насоса», конгресс США согласился, наконец, с принятием в 1935 и 1939 гг. законов социального страхования. Раньше подобные билли в федеральном масштабе считались противоречащими духу американизма. Законы 1935 и 1939 гг. касаются не только безработных. Они предусматривают субсидии федерального правительства штатам для оказания помощи нуждающимся больным, инвалидам и пострадавшим от стихийных бедствий. Они также устанавливают пенсию для рабочих, достигших 65-летнего возраста; средства для выплаты пенсий собираются из налога на заработную плату. Программа социального страхования правительства Рузвельта несколько приблизила США к рабочему законодательству, ранее проведённому в ряде других буржуазно-демократических государств.

В принятии этих законов в Америке большую роль сыграла коммунистическая партия США. В начале 1935 г. по инициативе компартии в Вашингтоне одновременно с заседанием конгресса США состоялся национальный конгресс по вопросу о безработице и социальном страховании, в котором участвовало свыше 2 500 делегатов, представлявших все профсоюзные организации страны. Проект закона о социальном страховании, выработанный коммунистами и одобренный большинством организованных рабочих, был внесён в конгресс США.

Всего на «заправку насоса» с целью расширения покупательной способности населения было израсходовано в США в 1933—1939 гг. около 20 млрд. долл., из коих свыше 12 млрд. приходятся на реализацию программ общественных работ федерального правительства, а большая часть остальной суммы — на непосредственную помощь нуждающимся [2]. Сумма в 20 млрд. долл. равна почти всей сумме дефицита в государственном бюджете США за время с июля 1933 до июля 1939 г. В среднем в 1933—1939 гг. помощь непосредственная или через посредство государственных и общественных работ была оказана 6 млн. семейств, в которых числилось 20 млн. человек [3].

Несмотря на значительные государственные затраты за время между большим экономическим кризисом 1929—1933 гг. и второй мировой войной, число безработных в США

[1] *L. Lyon* and *V. Abramson*, Government and Economic Life, v. II, p. 1177, Brookings Institution, Washington 1940.
[2] Ibid., v. II, p. 1198.
[3] Ibid., p. 1195.

колебалось в пределах 10—15 млн. Американские экономисты утверждают, что мероприятия федерального правительства прибавили к национальной покупательной способности США в 1933—1939 гг. 19,5 млрд. долл., что составляет в среднем около 2 800 млн. долл. в год. В 1936 г. эта цифра, достигнув высшей точки, дошла до 4 143 млн. долл. Но в 1937 г. она была снижена до 985 млн. долл. [1]

В конце 1937 г. экономическая конъюнктура США начала резко падать. Индекс промышленного производства бюллетеня Федерального резервного управления снизился за 10 месяцев, с августа 1937 г. до июня 1938 г., на 35%. Снижение конъюнктуры последовало за сокращением государственных расходов на общественные работы. В Вашингтоне, где всегда склонны объяснять экономические кризисы не имманентными законами капитализма, пытались на сей раз видеть всё зло в сокращении государственного дефицита на бюджетный год, наступивший 1 июля 1937 г., хотя в действительности уменьшение правительственных ассигнований на строительные работы только усилило назревание нового экономического кризиса. В 30-х годах в отличие от 20-х годов американская экономика нуждалась в постоянной государственной поддержке даже в период оживления. В этом отражалось своеобразное состояние народного хозяйства США в годы между мировым экономическим кризисом и второй мировой войной, в период, названный товарищем Сталиным «депрессией особого рода».

Резкое ухудшение хозяйственной конъюнктуры в конце 1937 г. развязало руки правительству. Дефицит в 1938/39 бюджетном году снова вырос. В 1936/37 бюджетном году дефицит равнялся 2 811 млн. долл., в 1937/38 г. — 1 525 млн. долл., а в 1938/39 г. — 3 542 млн. долл.

Правительство решило продолжать «заправлять насос», не лимитируя эту операцию ни средствами, ни временем.

Государство вливало миллиарды долларов в «насос». Но основная цель не была достигнута. Разморозить источники частного капиталовложения не удалось. В 1935—1939 гг. капиталовложения частных корпораций в новое строительство были в 5 раз меньше, чем в 1925—1929 гг. [2]

Уменьшение частных инвестиций отнюдь не компенсировалось государственным строительством. В конце 1937 г. американская печать утверждала о наличии сознательного «саботажа» со стороны некоторых влиятельных капиталистических

---

[1] *A. Burns* and *D. Waston,* Government Spending and Economic Expansion, Washington 1941, p. 63.

[2] «Engineering News Record», 30. VI. 1942.

кругов по отношению к мероприятиям правительства. Крупнейшая нью-йоркская газета даже употребила выражение, что «капиталисты бастуют» [1].

По предложению президента США, в 1938 г. конгресс одобрил создание «Временного национально-экономического комитета» из 12 человек — по три от палаты представителей и сената и по одному от министерства финансов, торговли, труда и юстиции, биржевой и федеральной торговой комиссий. Официально основной задачей комитета считалось всестороннее изучение роли, причин и следствий концентрации экономической власти в руках монополистических корпораций, а также рекомендация конгрессу мер, необходимых для обуздывания незаконной деятельности некоторых трестов. Образование Национального экономического комитета на шестом году «Нью-дил» расценивалось как желание объяснить причины безуспешности экспериментов Вашингтона в промышленности условиями и силами, действующими вне орбиты власти федерального правительства.

Идею «планового» капитализма стали предавать забвению. Временный национально-экономический комитет исходил из «желательности максимальной свободы действий для частной инициативы и индивидуальной предприимчивости» [2].

Но эксперименты «Нью-дил» оставили след в экономической, политической и общественной жизни страны. За два президентства Рузвельта многие представления и понятия, казавшиеся в Америке неизменными и непременными, получили новое толкование и новое направление. Мероприятия Вашингтона с 1933 г. по отношению к банкам и золоту, известные и ранее в других капиталистических государствах, были новы для США. Равным образом были новы для США масштабы и размеры общественных работ и прямой помощи безработным, а также социальное страхование, хотя бы в том зачаточном виде, в каком оно было осуществлено при Рузвельте. В области сельского хозяйства правительство пыталось в последующие годы исправить дефекты первых лет действий ААА. Но здесь уместно напомнить, что фермеры были представлены в конгрессе сильной группой, а южные плантаторы — и в демократической партии. Сенаторы и конгрессмены из фермерских штатов, как правило, отстаивают прежде всего и главным образом интересы крупных аграриев. Меньше всего, или, вернее, ничего, «Нью-дил» не достиг в области планирования промышленности. НРА, вопреки своей идее, была использована монополиями, которые, не желая

[1] «New York Times», 23. X. 1937.

[2] *M. Fainsed* and *L. Gordon,* Government and the American Economy, New York 1941, p. 616.

усиления государственного вмешательства в хозяйство, сами впоследствии её похоронили. В отличие от ААА, после отмены Верховным судом НРА правительство не пыталось заменить её каким-либо учреждением или его подобием в целях регулирования промышленности в федеральном масштабе. Но пункты кодексов НРА о нормировании рабочего дня и заработной платы, не соблюдённые предпринимателями, нашли отклик в рабочем классе и отражение в рабочем движении, а выступления Рузвельта против произвола концентрированного капитала нашли одобрение и повысили авторитет президента во всех прогрессивных слоях США.

Говоря о перспективах «Нью-дил», товарищ Сталин в беседе с Гербертом Уэллсом летом 1934 г. сказал: «Таким образом, в лучшем случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов... В лучшем случае — некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве» [1].

Многомиллионная безработица в стране оставалась, омрачая перспективы народного хозяйства США. В Вашингтоне и в Нью-Йорке много говорили и писали о том, что рост бюджетного дефицита и государственного долга нельзя рассматривать как надёжную основу для оздоровления больной экономики страны. Но к концу 30-х годов политические события в Европе временно сняли с повестки дня острые экономические проблемы в Америке.

III

ПОДЪЁМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Активизация профсоюзов. Всеобщая стачка в Сан-Франциско. Всеобщая забастовка текстильщиков. Движение за производственные союзы. КПП. «Сидячие» стачки. Стачка на заводах «Дженерал Моторс». Рост КПП и АФТ. Рост и укрепление компартии. Бюро по урегулированию трудовых конфликтов.

Годы между мировым экономическим кризисом и второй мировой войной ознаменовались возрождением и подъёмом рабочего движения.

Иммиграционные квоты, существовавшие с 1921 г., изменяли национальный состав американского рабочего класса.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 600, 601.

В обстановке растущей безработицы подрастало молодое поколение, образовывался новый, менее разношёрстный в национальном отношении пролетариат, преимущественно говорящий на английском языке.

Небывалый кризис и провал мероприятий Гувера пробудили пролетарскую Америку. 20-м годам прозябания и упадка Американской федерации труда противостоят 30-е годы роста и активизации профессиональных союзов в США. Миллионная демонстрация 6 марта 1930 г. и кровавые бои горняков в 1931 г. являлись только предвестниками подымающейся волны классовой борьбы.

Стачечная волна нарастала, достигнув в год прихода Рузвельта к власти самого высокого уровня за всё время после 1922 г. В 1933 г. бастовало свыше 1 млн. рабочих. В 1934 г. бастовало ещё больше — около полутора миллионов, а в следующем году — опять свыше миллиона. В 1937 г. число бастующих, приближаясь к 2 млн., доводит стачечную волну до самого высокого уровня после 1919 г., а её отдельные гребни возвышаются над всей историей стачечной борьбы в США.

НРА, узаконившая право рабочих участвовать в коллективных договорах, способствовала в обстановке оживления рабочего движения росту профессиональных союзов. За время действия НРА число членов АФТ, плативших членские взносы, выросло почти на 1 млн. человек. Нарушение капиталистами прав, завоёванных рабочими и зафиксированных в пунктах 7а и 7б НРА, вызвало ряд конфликтов в промышленности.

Масса новых членов профессиональных союзов состояла из молодых, энергичных, воинственно настроенных рабочих, вливших свежую струю в застойную жизнь АФТ. Вновь организованные рабочие не мирились с тактикой соглашательств и уступок старого профсоюзного руководства по отношению к предпринимателям. На отказ администрации предприятия признать союз и соблюдать правила труда, установленные НРА, они отвечали борьбой, забастовкой, руководимой сплошь и рядом не старыми профсоюзными лидерами, а стачечными комитетами, организованными непосредственно рабочими на фабриках и заводах.

Наиболее крупными забастовками 1933 г. были стачки 60 тыс. рабочих швейной промышленности в Нью-Йорке, 65 тыс. текстильщиков в Южной Каролине и 70 тыс. шахтёров в Западной Пенсильвании. В 1934 г. число рабочих, вовлечённых в самую крупную забастовку, доходило до полумиллиона.

В важнейших стачках 1934 г. обозначалось сильное стремление ко всеобщим забастовкам, к борьбе за единство рабочего класса. В этом заключалось большое политическое значение стачечной борьбы того периода. Консервативным лидерам АФТ удалось в 1934 г. сорвать движение за всеобщие стачки в Толедо, Миннеаполисе, Мильвоки, Портленде, Сиэтле и других городах. Но всеобщая стачка в Сан-Франциско и всеобщая забастовка текстильщиков возникли вопреки сопротивлению оппортунистических вождей.

Знаменитая стачка в Сан-Франциско выросла из борьбы портовых рабочих. В мае 1934 г. моряки присоединились к стачке грузчиков. В Сан-Франциско образовался объединённый стачечный комитет в составе 50 человек. Число бастующих дошло до 35 тыс. Моряки и грузчики выставили чисто экономические требования: повышение заработной платы, 30-часовая рабочая неделя, наём рабочих с ведома союза и коллективный договор. В результате объединённой стачки моряков и грузчиков тихоокеанские порты США, за исключением Сан-Педро, частично работавшего с помощью штрейкбрехеров, замерли, движение судов вдоль побережья прекратилось. 19 июня 1934 г., впервые за 45 лет, ни один корабль не вошёл в Сан-Францискскую гавань. В начале июля ассоциация судовладельцев в Сан-Франциско решила «открыть порты любыми средствами». Начался террор против бастующих. 5 июля части национальной гвардии завязали бой с рабочими. Борьба продолжалась два дня. Двое рабочих было убито и 115 ранено. 6 июля объединённый стачечный комитет обратился к рабочим с призывом ко всеобщей забастовке в ответ на террор. Возмущённые рабочие потребовали от своих союзов, чтобы они выступили в знак солидарности. Не менее 15 тыс. рабочих шагало за гробами убитых стачечников. Призыв стачечного комитета ко всеобщей забастовке стал лозунгом многолюдной траурной процессии, лозунгом рабочей массы.

В Сан-Франциско созываются профсоюзные собрания. На них присутствуют члены объединённого стачечного комитета. Союз за союзом подавляющим большинством голосов принимает резолюцию о всеобщей забастовке. Председатель АФТ Грин угрожает, что всеобщая стачка будет объявлена нелегальной, нарушающей устав АФТ. Но ничто не может приостановить движение. Сан-Франциско принимает всё более и более необычный вид. Деловая жизнь замирает. К стачке присоединяются трамвайщики, шоферы, мясники и др., 16 июля начинается всеобщая стачка.

Во всеобщей стачке участвует 127 тыс. рабочих Сан-Франциско и трёх соседних городов — Окленда, Аламеды и Бер-

кли. Окрестности Сан-Франциско приобретают вид военного лагеря. Но так как войска не внушают доверия властям, на борьбу с рабочими выдвигается в первую голову полиция в количестве 5 тыс. человек и специально завербованные предпринимателями отряды. Вооружённые отряды пароходных компаний громят рабочие клубы и помещения рабочих организаций. Типография органа компартии «Вестерн Уоркер», объявленного официальным органом стачки, была разгромлена. Налётчики похищали активных стачечников. За один день в Сан-Франциско было арестовано 373 человека.

В первый день всеобщей стачки в Сан-Франциско прибыл глава НРА генерал Джонсон. В речи, произнесённой в Калифорнийском университете, Джонсон, заявляя, что коммунисты устанавливают свой контроль над профессиональными союзами и что стачка служит сигналом к революции, призывал к «истреблению коммунистов». Губернатор Калифорнии передал по радио, что в Сан-Франциско происходит не стачка, а «коммунистическая революция».

Одновременно с террором и жестокой атакой на забастовку извне началась кампания изнутри за её ликвидацию со стороны представителей АФТ. На второй день стачки председатель АФТ Грин заявил: «Стачка местная. Она не имеет национального значения... Американская федерация труда не организовала и не одобряла этой забастовки».

На третий день всеобщей забастовки центральный стачечный комитет, в котором преобладали верные Грину официальные платные сотрудники АФТ, решил большинством 207 против 180 предложить рабочим морского транспорта согласиться на арбитраж. На четвёртый день центральный стачечный комитет постановил прекратить забастовку. За это постановление голосовал 191 член комитета, против — 176.

Всеобщая забастовка сорвана. Грузчики и моряки отступают организованно. Они поддерживают друг друга до конца. Они заставляют предпринимателей сговариваться с ними по всем спорным вопросам, отказаться от репрессий за принадлежность к союзу и за активное участие в стачке, включая в соглашение всех бастующих рабочих.

Всеобщая стачка в Сан-Франциско является одним из самых выдающихся сражений в истории американского рабочего класса. Она продемонстрировала силу пролетарской массы, выступающей сплочённо, силу, которая может вынудить к уступкам не только предпринимателей, но которая может заставить и лидеров АФТ считаться с желанием рядовых членов союзов.

В то же время, летом 1934 г., назревали всеобщие забастовки в сталелитейной и автомобильной промышленности,

которые Грину удалось предотвратить в последнюю минуту. Съезд сталелитейщиков даже принял уже решение о всеобщей забастовке.

В текстильной промышленности движение рабочих завершилось трёхнедельной стачкой. Текстильная промышленность первой приняла кодекс НРА. Кодекс установил минимум заработной платы — 12 долл. в неделю. На деле же в связи с увеличением количества станков и веретён, приходящихся на каждого рабочего, заработная плата текстильщиков на Юге составляла только 50—60% установленного минимума. Весной 1934 г. правительство предложило сверх того сократить продукцию хлопчатобумажных фабрик на 25%. При сохранении установленной нормы выработки это означало сокращение заработной платы ещё на 25%. Сотни тысяч текстильщиков запротестовали. В середине августа состоялся съезд союза текстильщиков. Из 500 делегатов только 10 голосовали на съезде против всеобщей забастовки. Съезд состоял в значительной части из делегатов, выбранных новой членской массой. За один первый год действия НРА в союз влилось больше 200 тыс. новых членов. На съезде было внесено много предложений, свидетельствовавших о новом веянии в рядах АФТ.

В назначенный срок, 1 сентября 1934 г., около полумиллиона рабочих 2 780 фабрик не явилось на работу. Всеобщая стачка стала свершившимся фактом. Но после 3-недельной борьбы вожди профсоюза текстильщиков капитулировали и предложили бастующим вернуться к работе, хотя рабочие не добились удовлетворения ни одного из своих требований. Конфликт был передан на арбитраж. Так закончилось самое массовое сражение американского пролетариата в 1934 г.

Стачечная волна 1933—1934 гг., поднявшаяся до всеобщей стачки в Сан-Франциско и до всеобщей забастовки текстильщиков, не была только эпизодом в истории рабочего движения США. Как в период больших боёв пролетариата 1919—1922 гг. развивалось прогрессивное движение в АФТ за вертикальное строение союзов, так и во время ожесточённых боёв 1934 г. возобновилась с большой силой старая борьба за производственные союзы.

К середине 30-х годов чисто цеховые союзы представляли меньше 25% союзов, входивших в АФТ [1]. Несмотря на это, цеховой принцип и его сторонники продолжали господствовать в АФТ. Система голосования на съездах АФТ позволяет представителям меньшинства союзов доминировать в федерации. В 1935 г., например, одних национальных и интер-

[1] *R. Lester*, Economics of Labor, New York 1941, p. 591.

национальных (включающих Канаду) союзов в системе АФТ числилось 109. Между тем большинство голосов принадлежало тогда всего 12 союзам. Спустя пять лет, в 1940 г., больше 50% всех голосов в АФТ приходилось на долю всего 5 союзов: строителей, печатников, шоферов, механиков и музыкантов.

Движение в АФТ в пользу её реорганизации и переустройства наблюдалось на всём протяжении XX века. Вопрос о её реорганизации подымался на её съездах ещё в 1901 и в 1903 гг. На съезде АФТ в 1912 г. резолюция, внесённая 6 делегатами объединённого союза горнорабочих, о «замене цеховой организации союзов, раздробляющей часто силы рабочих, производственной» получила 35% всех голосов. Кстати, одним из этих 6 делегатов был будущий председатель АФТ Вильям Грин. Спустя 20 лет Грин на посту председателя АФТ занял совершенно противоположную позицию в вопросе о производственных союзах.

С конца 1933 г. внутри руководства АФТ наметились существенные разногласия. Небывалый экономический кризис подорвал веру в теорию «делового тред-юнионизма», которую долгие годы проповедывали Гомперс и Грин. Группа профсоюзных вождей, прислушиваясь к настроениям пролетариата в Америке и извлекая некоторые уроки из рабочего движения в Европе, в частности из трагической участи профессиональных союзов в гитлеровской Германии, поняла необходимость поворота. Осенью 1934 г. на 54-м съезде АФТ, состоявшемся в Сан-Франциско, эта группа, представлявшая профессиональные союзы, более или менее последовательно организованные по производственному принципу, требовала, чтобы исполком АФТ более чутко прислушивался к голосу низов и приступил к вовлечению в союзы неорганизованных рабочих отраслей промышленности с серийным производством. В этих отраслях промышленности, как утверждали сторонники производственных союзов, цеховые объединения, неспособные охватить всю армию рабочих, показали свою несостоятельность.

На 55-м съезде АФТ, происходившем в октябре 1935 г. в Атлантик-Сити, 38% всех голосов были поданы за производственные союзы. За такие союзы голосовало на этом съезде около 90% делегатов профсоюзных объединений городов и штатов[1]. После съезда оппозиция в АФТ, объединившая 10 профессиональных союзов, организовала для пропаганды своих идей специальную печать. В начале 1936 г. она создала

[1] Профсоюзные объединения городов и штатов представлены отдельно на съезде.

Комитет производственных профсоюзов — КПП. Председатель объединённого союза горнорабочих Джон Льюис, став председателем Комитета, ушёл с поста вице-президента АФТ.

К Комитету производственных союзов сразу примкнуло свыше 1 млн. членов, входивших в союзы АФТ. Комитет поставил своей задачей организацию неорганизованных, в первую очередь на предприятиях массового производства, активное содействие прогрессивному движению и социальному законодательству.

Стараясь сохранить единство в профессиональном движении, КПП не шёл на раскол. Наоборот, массовой вербовкой новых членов в важнейших отраслях промышленности и активной поддержкой прогрессивного движения, направленного против наступления реакции, против опасности фашизма и войны, он решил поднять престиж АФТ и увеличить удельный вес профессиональных союзов в экономической и политической жизни страны. КПП не настаивал на превращении всех цеховых союзов в производственные. Такая организация, как АФТ, может совмещать в себе, по его мнению, союзы, построенные и по вертикальному и по горизонтальному принципу. КПП заверял, что он не только не посягнёт на права, но будет приветствовать те цеховые союзы, которые будут заниматься организацией неорганизованных.

В ведущих отраслях промышленности принцип цеховых союзов давно показал свою несостоятельность. КПП утверждал, что сама структура массового производства требует соответствующей организации рабочих. В сталелитейной, автомобильной, нефтяной и ряде других отраслей промышленности большие армии рабочих сконцентрированы в одном месте. На предприятиях массового производства перед всеми рабочими в их повседневной борьбе стоят одни и те же задачи. На десятках предприятий, принадлежащих одному и тому же тресту, всем рабочим приходится бороться с одной и той же администрацией и одной и той же тарифной политикой. Концентрированному и централизованному производству может противостоять только единый производственный союз с централизованным руководством. Наряду с этим такие профсоюзы, как союзы ремесленников (маляров, парикмахеров, музыкантов), могут оставаться цеховыми.

Деятельность КПП отнюдь не нарушала устава АФТ. Однако консервативные лидеры в исполкоме федерации заклеймили КПП как параллельную организацию, и в августе 1936 г. они исключили около 1 млн. членов — сторонников производственных союзов из АФТ. Исключение касалось одной трети всего членского состава объединённых федерацией союзов. Согласно уставу АФТ никаких полномочий на подоб-

ные действия исполком не имел. Исключение поэтому было объявлено временным. Грин мотивировал неотложную необходимость крайних мер тем, что КПП является якобы «руководимой Москвой мятежной организацией».

В ноябре 1936 г. в городе Тампа штата Флорида собрался 56-й съезд АФТ. Лишив представителей одной трети всех членов АФТ права голоса на съезде, консервативное руководство исполкома добилось в Тампе подтверждения временного исключения из АФТ союзов, примыкающих к КПП.

Преемник Гомперса — Грин не гнушался никакими средствами в борьбе с производственными союзами. Противозаконно исключив около 1 млн. членов АФТ за их принадлежность к КПП, он оказался сам в щекотливом положении. Устав АФТ гласит, что ни один член исключённого союза не может занимать должность в федерации. Грин — член исключённого из АФТ объединённого союза горнорабочих. Но это не помешало Грину и после съезда в Тампе оставаться председателем АФТ.

С начала 1936 г. Комитет производственных профсоюзов развернул большую организационную и пропагандистскую деятельность. Прежде всего были подобраны и вовлечены в активную профсоюзную работу кадры энергичных и хорошо подготовленных людей. Несколько сот платных инструкторов были разосланы в важнейшие промышленные районы.

КПП создал культурно-просветительный отдел и организовал курсы рабочих инструкторов, где изучали историю рабочего движения, тактику стачечной борьбы, условия труда в СССР и в капиталистических странах, а также структуру профессиональных союзов. В своей пропагандистской работе культурно-просветительный отдел широко пользовался печатью, радио, кино и даже авиацией. Он основал свою собственную прессу и широко информировал о своих целях и задачах в других газетах и журналах, стараясь при этом завоевать симпатии и поддержку прогрессивных групп и различных обществ страны: ветеранов войны, женских клубов, клубов национальных меньшинств и др. Неплохо также были поставлены культурные развлечения. Профессиональные союзы обзавелись своими оркестрами, хорами и спортивными командами.

КПП располагал большим штатом экономистов и юристов в Вашингтоне, Нью-Йорке, Питтсбурге, Детройте и других важных пунктах. Экономисты, хорошо разбирающиеся в финансовых отчётах, постоянно следили за хозяйственной конъюнктурой, за состоянием дел на отдельных предприятиях и за прибылью компаний, не полагаясь, как это делают союзы АФТ, на статистику и отчёты предпринимателей. Экономисты

и техники изучали структуру промышленных корпораций и отдельных предприятий для того, чтобы знать, какой завод, какой цех является стратегически наиболее уязвимым в случае забастовки.

Для проведения своей организационной и пропагандистской работы КПП собрал солидный фонд, который дал возможность ассигновать 500 тыс. долл. на организацию рабочих стальной промышленности и оказывать финансовую помощь рабочим автомобильных заводов во время забастовки на предприятиях «Дженерал Моторс» в размере 525 тыс. долл. в месяц.

В важнейших отраслях промышленности КПП создал свои отдельные комитеты: комитет по организации рабочих сталелитейных заводов, комитет по организации текстильщиков и др. Комитет по организации текстильщиков — КОТ — разослал по всей стране 500 инструкторов, из них 100 в одну Новую Англию для организации числящихся в США свыше миллиона рабочих текстильной промышленности. КОТ получал большую поддержку от объединённого союза швейников, во главе которого стоял один из виднейших руководителей КПП — Хиллмэн. Союз швейников ассигновал на помощь текстильщикам в их борьбе фонд почти в 900 тыс. долл., собрав с каждого из своих 170 тыс. членов по 5 долл. В районы сталелитейной промышленности было отправлено 250 инструкторов.

Хорошо подготовившись, Комитет производственных профсоюзов перешёл к активным наступательным действиям. Успехи оказались серьёзными. Не прошло и года, как компании, которые в течение полувека не разрешали существования профессиональных органов на их предприятиях, требуя от поступающих к ним рабочих подписания «контракта рыжей собаки», допустили создание профессиональных организаций КПП, а представителей этих союзов признали полномочными заключать коллективные договоры.

В борьбе за признание союзов администрацией фабрик и заводов, за вовлечение в союз неорганизованных рабочих на предприятиях массового производства КПП применял новые методы. Учитывая опыт американских трестов в борьбе со стачками и их расправы с обыкновенными забастовками, КПП проводил так называемые «сидячие» стачки [1], которые

[1] Идея «сидячей» стачки («sit down strike»), т. е. стачки, сопровождающейся занятием рабочими предприятий, не нова и заимствована рабочим классом США из Европы («польские стачки»), но американский пролетариат придал этой форме стачек более боевой и организованный характер. В то время как «польские стачки» на их родине в Польше, а также в Венгрии и некоторых других странах носят пассив-

во вторую половину 30-х годов стали главной формой стачечной борьбы в США.

«Сидячая» стачка представляет более острую и более сильную форму борьбы труда с капиталом, чем обыкновенная забастовка. Она требует предварительной тщательной организации и подготовки. Её особенность заключается в том, что часть рабочих занимает предприятие и остаётся в нём до конца забастовки. Уже в 1935 и в 1936 гг. имел место ряд непродолжительных «сидячих» стачек на предприятиях резиновой промышленности в Акроне. В автомобильной промышленности первая такая стачка была проведена в ноябре 1936 г. — на заводе автодеталей в Детройте. Стачка окончилась победой рабочих. За ней последовали такой же формы стачки на ряде других заводов автомобильных частей, окончившиеся победой. Накопив опыт, объединённый союз рабочих автомобильной промышленности организовал в январе 1937 г. большую «сидячую» стачку на заводах «Дженерал Моторс». После этого «сидячие» стачки возникали в разных штатах от восточного до западного побережья, вызывая тревогу предпринимателей. 4 апреля 1937 г. «Нью-Йорк Таймс» писал: «Новые приёмы рабочих в виде «сидячей» стачки больших размеров вызвали взрыв энтузиазма среди до сих пор неорганизованной рабочей массы, привели в замешательство предпринимателей и заставили страну призадуматься над тем, является ли новая форма борьбы просто временной причудой или она предвозвещает нечто, подобное экономической революции с определёнными политическими последствиями».

Форма «сидячей» стачки менялась и совершенствовалась. Вначале все бастующие рабочие оставались на предприятиях. Но вскоре практика показала, что на заводе достаточно оставить только часть рабочих. Помимо того, что это облегчает организацию снабжения и отдыха «сидячих» рабочих, большинству бастующих необходимо вести работу за пределами предприятий. Успешное завершение «сидячей» стачки требует создания больших резервов и массового пикетирования на улицах на случай осады завода предпринимательской полицией. Бесперебойное снабжение «сидячих» рабочих продовольствием, литературой, широкой информацией и т. п. требует также участия многих людей.

На заводе, охваченном «сидячей» стачкой, соблюдаются образцовый порядок и дисциплина. Помимо общего стачечного комитета, «сидячие» рабочие выбирают особый комитет.

ный характер, «сидячие» стачки в США отличались активным, наступательным характером.

На заводе с самого начала забастовки устанавливаются дежурства, потребление алкоголя запрещается; курить можно только в определённом отведённом для этого месте; внутри предприятия всё должно быть в идеальной чистоте; наблюдение за всем этим входит в обязанность особого комитета, при котором обычно имеется товарищеский суд для нарушителей порядка. Комитету приходится также следить за тем, чтобы не было провокации со стороны шпионов предпринимателей.

Отдельные члены комитета занимаются делами обороны. Они укрепляют слабые, угрожаемые места, где необходимо, воздвигают баррикады и выставляют посты. Посты стоят также на улицах, в их распоряжении имеются автомобили, мотоциклы, а иногда даже аэропланы. В случае нападения на «сидячих» рабочих большинство бастующих, следящих за ходом событий вне предприятия, организуют оборону. Большое внимание уделяется поддержке морального настроения «сидячих» рабочих. На предприятиях во время стачки нередко организуются для «сидячих» рабочих концерты, кино, радиопередачи и различные развлечения.

Так протекала большая стачка на автомобильных заводах «Дженерал Моторс», которая началась 30 декабря 1936 г. и продолжалась 44 дня. 135 тыс. рабочих вели борьбу с крупнейшей компанией, имеющей капитал в 1,5 млрд. долл. На заводах оставалось только около 40 тыс. рабочих, остальные вели борьбу вне предприятия. Надлежащая постановка научно-исследовательской работы КПП дала возможность рабочим сразу ударить компанию по самому чувствительному месту: приостановка работы на так называемых «ключевых» предприятиях «Дженерал Моторс» во Флинте расстроила производство на десятках заводов, разбросанных в 14 штатах; захват нескольких узловых пунктов парализовал работу всех расположенных в США 69 заводов крупнейшей в мире автомобильной фирмы.

Как только разразилась крупная автомобильная стачка, рабочие захватили ворота заводов, и никто без пропуска стачечного комитета не мог войти в здание. Окна предприятий были забаррикадированы броней. За воротами заводов дежурило много пикетов. На самом ответственном участке борьбы — во Флинте у завода Фишера № 1 — в серьёзный момент борьбы 3 тыс. рабочих занимали первую линию пикетов и тысячи образовали резерв и связь с другими заводами. КПП организовал группу сочувствующих бастующим среди рабочих других компаний. В этой группе участвовали местные, не примыкающие к КПП организации АФТ, которые вопреки

запрещению Грина оказывали существенную поддержку «сидячим» стачечникам.

В первые дни стачки администрация «Дженерал Моторс» угрожала и упорствовала. Она игнорировала посредничество губернатора Мичигана и даже президента США, твердила, что она платит высокую заработную плату рабочим, угрожала уволить бастующих и категорически заявляла, что будет разговаривать с представителями рабочих лишь после окончания стачки. Однако спустя шесть недель этой же администрации пришлось пойти на соглашение с рабочими.

Вслед за забастовкой на заводах «Дженерал Моторс» была успешно организована и проведена стачка 65 тыс. рабочих на автомобильных заводах Крейслера, где 6 тыс. «сидячих» стачечников оказалось достаточно для того, чтобы удержать в течение 17 дней в своих руках 8 заводов и заставить компанию пойти на уступки. На каждого «сидячего» рабочего приходилось за пределами завода 7—8 рабочих пикетов. В результате успешного проведения этих стачек число членов объединённого союза автомобильных рабочих увеличилось за один год с 30 тыс. до 400 тыс.

Не прошло и месяца после окончания стачки на заводах «Дженерал Моторс», как Стальной трест решил без боя признать союз и подписать соглашение, по которому 160 тыс. рабочих получили более высокую заработную плату и добились сокращения рабочей недели на одну шестую. В прошлом делались неоднократные попытки организовать рабочих Стального треста США. Но эти попытки не увенчались успехом. В 1936 г. КПП решил организовать 500 тыс. рабочих сталелитейной промышленности в объединённый производственный союз. Американский Институт железа и стали[1] заявил в резкой форме, что стальные компании этого не допустят. Через несколько месяцев предпринимателям пришлось отказаться от этого категорического заявления. В начале 1937 г. Стальной трест вынужден был заговорить с представителями КПП другим языком и признать союз. Вслед за крупнейшим в мире трестом по производству чугуна и стали отступали с боем другие стальные компании США. После достижения крупных успехов в Питтсбурге, ставшем самым организованным районом сталелитейщиков, КПП взялся за другие сталелитейные центры. За один год союз рабочих сталелитейной промышленности вырос с 10 тыс. до полумиллиона членов.

Крупнейшие американские концерны, величайшие морган-дюпоновские компании — Стальной трест, «Дженерал

[1] В Институте железа и стали представлены крупнейшие монополистические объединения американской чёрной металлургии.

Моторс» и «Дженерал Электрик» — отступали перед нажимом организованных рабочих. Заводы Карнеджи, которые 50 лет отстаивали принцип «открытой мастерской», решили весной 1937 г. после двухдневных переговоров признать профессиональный союз, не приняв боя.

Достижения КПП подняли авторитет производственных союзов. Через два года после съезда в Атлантик-Сити число членов союзов, примыкавших к КПП, дошло до 3 700 тыс., превысив численность союзов, объединённых АФТ.

Рост КПП отнюдь не происходил за счёт уменьшения АФТ. Параллельно росту новых производственных союзов росли старые профессиональные союзы. К съезду в Атлантик-Сити в 1935 г. АФТ пришла с 3 млн. членов. Вскоре после этого съезда 1 млн. человек был исключён из состава Федерации. Спустя два года численность АФТ дошла до 3 600 тыс. человек. В октябре 1937 г., когда оба профсоюзных центра собрали свои съезды, они представляли вместе свыше 7 млн. организованных рабочих — в два с половиной раза больше, чем представляла АФТ двумя годами раньше.

Деятельность производственных союзов оказала активизирующее влияние на союзы АФТ. Члены цеховых союзов поддерживали бастующих рабочих не только во время борьбы в автомобильной промышленности. Движение солидарности местных союзов, независимо от того, к какому профсоюзному центру они примыкали, приняло широкие размеры во многих штатах и в различных отраслях промышленности. Создавшееся положение побудило исполком АФТ пересмотреть свои позиции и отказаться от некоторых «традиций». Исполком заявил, что он не осуждает сотрудничества союзов АФТ и КПП в стачках, организованных КПП. Конференция АФТ, происходившая в мае 1937 г. в Цинциннати, решила ассигновать средства для организации параллельных союзов на тех предприятиях, где силен КПП. Такие союзы были организованы в угольной и текстильной промышленности.

Многие союзы национального масштаба, входившие в Федерацию, постепенно один за другим признавали на практике целесообразность объединения рабочих по производственному признаку и начали принимать в один союз всех рабочих одного и того же предприятия, независимо от различия профессий. Таким образом, в результате деятельности КПП активизировались многие профсоюзы, входившие в АФТ. Они начали уделять больше внимания выборным кампаниям и другим вопросам политической жизни США. Они, наконец, стали интересоваться и международными проблемами.

Рост союзов КПП и АФТ продолжался, но темпы роста с середины 1937 г. снизились. В июне этого года силами войск и полиции была подавлена стачка 90 тыс. рабочих на 4 самых крупных после Стального треста заводах сталелитейных компаний. 18 рабочих были убиты. Это была первая стачка, проигранная КПП.

Неудача рабочих в так называемой мелкой стальной промышленности вызвала реваншистские настроения в тех крупных трестах, где рабочие одержали победы. Реакционная печать усилила нападки на КПП и даже на правительство США, упрекая федеральные власти в попустительстве стачкам. В конгрессе начали раздаваться голоса о запрещении «сидячих» стачек. Реакция, опомнившись после её поражения на выборах в конце 1936 г. и в стачках в начале 1937 г., перешла от обороны к наступлению.

С середины 1937 г. наблюдалось снижение роста КПП. Стачечная волна по сравнению с первой половиной года спала. Но забастовки продолжались ещё в ближайшие два года в довольно крупных размерах. В 1938 г. в стачках участвовали около 700 тыс., а в 1939 г. — около 1 200 тыс. рабочих. Стачечная волна в США пошла на убыль лишь после того, как Гитлер, напав на Польшу, разжёг пожар второй мировой войны. В 1940 г. количество рабочих, охваченных стачками, составило впервые за 8 лет менее полумиллиона. В этот период наиболее крупными стачками были: забастовка 58 тыс. рабочих на автомобильных заводах Крейслера, забастовка 100 тыс. рабочих, занятых на общественных работах по линии WPA, и забастовка 320 тыс. углекопов. Все эти три большие стачки происходили в 1939 г.

Снижение темпов роста КПП с середины 1937 г. компенсировалось организационным укреплением, а также усилением политической активности производственных союзов. В ноябре 1938 г. на учредительном съезде в Питтсбурге решили назвать КПП «Конгресс производственных профсоюзов», точнее, Конгресс производственных организаций [1]. Сокращённо производственные союзы продолжают обозначаться теми же тремя буквами, что и раньше [2].

Учредительный съезд высказался за поддержку прогрессивных мероприятий правительства Рузвельта и за установление связи с международными объединениями профессиональных союзов. Он одобрил посредничество президента США в деле объединения обоих профсоюзных центров, но отметил, что непримиримая позиция, занятая исполкомом

---

[1] Congress of Industrial Organisations.

[2] CIO — КПП.

АФТ, требующим фактически роспуска производственных союзов, организованных после 1935 г., исключает возможность профсоюзного единства. Лидеры АФТ в свою очередь опасались за своё положение в профессиональном движении, так как в случае слияния с КПП и объединения всех членов обеих организаций производственные союзы могли оказаться в объединённом центре в значительном большинстве.

Ко времени учредительного съезда в ноябре 1938 г. число членов КПП перевалило за 4 млн., превысив численность АФТ на 400 тыс. человек. В дальнейшем происходили некоторые сдвиги в количественном соотношении сил обоих профсоюзных центров. Так, например, союз дамских портных с числом членов в 250 тыс. человек вышел из КПП и в 1940 г. вступил в АФТ. В ноябре 1940 г. на своём 60-м съезде АФТ насчитывала 4 250 тыс. членов, превысив на несколько сот тысяч численность КПП. В ходе войны параллельно росту промышленного производства и занятости рабочих росли и профессиональные союзы. В конце 1941 г., когда Япония напала на США, АФТ и КПП насчитывали по 5 млн. членов.

За какие-нибудь 5—6 лет количество организованного пролетариата в Америке выросло в 3 раза. Вильям Фостер характеризовал в сентябре 1939 г. достижения профессиональных союзов как «ренессанс» в рабочем движении США [1].

Уже в 1933—1934 гг. стачечное движение изменило характер деятельности АФТ. Изменились условия, побудившие в 1920 г. прогрессивную оппозицию в профессиональных союзах создать Лигу профсоюзной пропаганды, реорганизованную впоследствии в Лигу профсоюзного единства — ЛПЕ. Отметив заблаговременно новые веяния и важность усиления работы внутри старых массовых союзов в интересах профсоюзного единства, коммунисты вместе с другими прогрессивными силами начали ещё в 1933 г. кампанию за слияние членов ЛПЕ с АФТ. К весне 1935 г. эта кампания настолько успешно разрешала поставленную задачу, что ЛПЕ формально объявила о своей ликвидации.

Коммунисты сосредоточили своё внимание на вовлечении неорганизованных рабочих в профсоюзы. Профсоюзные кадры коммунистов сыграли активную роль в росте профессиональных союзов во вторую половину 30-х годов и в проведении «сидячих» стачек. Во время большой автомобильной забастовки 1937 г. коммунисты организовали регулярное снабжение, собирали деньги, создавали общественное мнение среди рабочих других компаний. Центральный орган компар-

[1] «Communist», September 1939, p. 812.

тии «Дейли Уоркер» ежедневно выходил со специальными приложениями, посвящёнными стачке. Организованность и дисциплинированность, проявленные рабочими в «сидячих» стачках, являются во многом результатом той большой работы, которую годами коммунистическая партия Америки проводила в пролетарских массах.

Коммунистическая партия США, поддерживая с самого начала движение производственных союзов, вела большую работу за профсоюзное единство на основе объединённой АФТ, построенной по производственному принципу. Коммунисты работали над вовлечением организованных рабочих США в борьбу против реакции, против фашистских агрессоров, в борьбу за прогрессивное законодательство, за сохранение мира во всём мире.

Компартия в борьбе за производственные профсоюзы и за профсоюзное единство, за социальное страхование, за сохранение и расширение демократических свобод закладывала фундамент широкого фронта прогресса и демократии против сил реакции, фашизма и войны. В этой борьбе коммунистическая партия стала общепризнанной политической силой в стране. Она выросла и количественно. К началу 1930 г., после очистки от фракционной группы Ловстона, в её рядах оставалось всего 7 500 членов. К IX съезду, происходившему в июне 1936 г., она насчитывала около 40 тыс., к X съезду, состоявшемуся в мае 1938 г., — около 75 тыс. членов, а к началу 1939 г. её численность составила почти 100 тыс. членов [1].

Говоря о достижениях организованных рабочих США в 30-х годах, нельзя обойти молчанием позицию правительства, отношение к стачкам федеральных и местных властей. Мир в промышленности составлял одну из главных задач НРА. После аннулирования закона об оздоровлении хозяйства конфликты между рабочими и предпринимателями причиняли много забот правительству. Господствующая с 1933 г. в Вашингтоне демократическая партия своей победой на национальных и местных выборах была многим обязана поддержке рабочих. При Рузвельте во время стачек правительство не могло, как это было при Гувере, всецело принимать сторону предпринимателей. Оно и не стало на сторону рабочих. Но вместе с тем оно воздержалось от некоторых методов прошлого, от применения таких средств, как подавление стачек с помощью федеральных войск. Мирное разрешение конфликтов на фабриках и заводах стало основой рабочей политики правительства Рузвельта со дня его прихода к власти.

---

[1] «Правда» от 14 февраля 1939 г.

В августе 1933 г. правительство создало «Национальное бюро труда» [1]. По указанию президента США в декабре того же года бюро уполномочивалось «разрешать путём посредничества, примирения и арбитража все споры между рабочими и предпринимателями». Национальное бюро возглавил сенатор Вагнер. На местах образовались районные бюро труда. До середины 1934 г. Национальное и районные бюро рассмотрели 3 795 конфликтов, охвативших около 2 млн. рабочих, посредничали в 1 323 возникших стачках и удержали рабочих от объявления 497 забастовок. Тем не менее сенатор Вагнер констатировал, что итоги посредничества неудовлетворительны и «вызывают тревогу».

Национальное и районные бюро труда оказались наруку предпринимателям. У Вагнера не было власти для проведения решений Бюро в жизнь. Его вмешательство обыкновенно откладывало и затрудняло организацию забастовок. В то же время принятие его предложений зависело от доброй воли предпринимателей. Последние сплошь и рядом обращались в Национальное бюро труда, минуя районные, рассматривая правительственное ведомство как своего защитника против требований рабочих. В результате рабочие начали смотреть на бюро Вагнера как на беспомощное и необъективное учреждение.

В июне 1934 г. президент Рузвельт создал Национальное бюро по урегулированию трудовых конфликтов с более широкими полномочиями. В июле следующего года в конгрессе США прошёл билль, известный как «акт Вагнера». Этот билль узаконил бюро по урегулированию конфликтов в промышленности как ведомство, призванное наряду с его арбитражными полномочиями соблюдать права рабочих, предусмотренные пунктом 7а ликвидированной НРА.

Акт Вагнера осуждает «несправедливые обращения с рабочими», как, например, отказ предпринимателей от заключения коллективных договоров, дискриминацию членов профессиональных союзов, финансирование компанейских союзов и др. Хотя правила, предусмотренные актом Вагнера, элементарны, они вызвали большое недовольство предпринимателей. На многих крупных предприятиях администрация, утверждая, что этот акт содействует росту профессиональных союзов, называла его противоконституционным; администрация не успокоилась даже после того, как в апреле 1937 г. Верховный суд нашёл деятельность Бюро по урегулированию трудовых конфликтов не противоречащей конституции США.

---

[1] National Labor Board.

Ещё большее недовольство предпринимателей вызывало отношение правительства к «сидячим» стачкам. Организованные рабочие, оказавшие большую поддержку Рузвельту в выборной кампании 1936 г., считали, что этот президент США не будет громить стачки и не будет терроризировать профессиональные союзы. Когда развернулась борьба в автомобильной промышленности, представители КПП напомнили Рузвельту о его долге перед рабочими и о том, как в 1936 г. правление «Дженерал Моторс» тратило много средств и энергии для того, чтобы добиться поражения президента на выборах. Федеральное правительство, боясь дискредитации рузвельтовского курса, само воздержалось от применения силы по отношению к бастующим рабочим и удерживало местные власти от этого.

Отношение правительства к «сидячим» стачкам восстановило против него автомобильные и стальные тресты. К ропоту против государственного вмешательства в хозяйство прибавилось сильное недовольство рабочим законодательством и отношением правительства к стачкам вообще. В известных капиталистических кругах усилились антирузвельтовские настроения.

IV

ВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ 1934, 1936 и 1938 гг.

Концентрация общественно-политических сил вокруг двух лагерей. Особенности выборов в 74-й конгресс. «Лига свободы». «Чёрный легион». «Германо-Американский союз». Хьюи Лонг. Радио-патер Кофлин. Джеральд Смит. Союзная партия. План Таунсенда. Активность Херста. Два лагеря в президентской кампании 1936 г. Лэндон и его покровители. Раскол СП. Роль компартии в президентской кампании. Крупнейшая победа Рузвельта. Борьба вокруг прогрессивного законодательства в 75-м конгрессе. Выборы в 76-й конгресс.

В первые два президентства Рузвельта наблюдалось оживление не только в рабочем движении, но и во всей политической жизни страны. Затяжной, необычайно тяжёлый экономический кризис 1929—1933 гг., последовавшие за ним непривычные для США хозяйственные эксперименты, безработица, исчислявшаяся восьмизначным числом даже в годы улучшения дел в промышленности, рост и активизация профсоюзов, да к тому же общее напряжение международной обстановки — все эти события усилили биение пульса политической жизни в Америке.

Политическая история США проникнута борьбой между консервативно-реакционными и прогрессивно-демократиче-

скими силами. Президенты были разные: и консерваторы и либералы. Члены обеих палат конгресса были соответственно разделены. В каждой из двух больших партий — республиканской и демократической — существовали два крыла: консервативное и либеральное. Это деление не миновало и профессиональных союзов.

События 30-х годов нашего века усилили процесс деления общественно-политических сил страны на два лагеря: на лагерь прогресса и демократии, с одной стороны, лагерь консерватизма и реакции — с другой. В первом лагере большую и активную роль играли организации рабочего класса. Во втором лагере подвизались и активизировались с каждым годом профашистские группы.

Национальные выборные кампании, разыгрывающиеся в США каждые два года, отражали борьбу двух лагерей. Уже выборы в 74-й конгресс, происходившие осенью 1934 г., представляли необычную для США картину.

До 1934 г. выборы в конгресс, происходившие между президентскими кампаниями, как правило, приносили успех оппозиции. В особых случаях, в 1918 г. и в 1930 г., например, эти выборы, как мы видели, обнаруживали резкие колебания политической атмосферы. В среднем, начиная с периода реконструкции, последовавшего после гражданской войны, с 1870 и вплоть до 1935 г. каждый раз на выборах в конгресс, не совпадающих с президентскими выборами, правительственная партия теряла около 50 делегатских мандатов.

Совершенно иные результаты дали выборы в 74-й конгресс. Правительственная партия увеличила число мест в сенате и в палате представителей. В обеих законодательных палатах у неё оказалось больше двух третей всех голосов. Демократы получили такое большинство на выборах, какого они не имели в течение истекших 75 лет. В 1934 г. исполнилось 80 лет со дня основания республиканской партии. За эти 80 лет GOP впервые очутилась в таком беспомощном меньшинстве в конгрессе. В 1934 г. демократы продолжали, как в 1932 г., бить республиканскую партию «на её территории», в традиционно преданных ей штатах и районах. Промышленная Пенсильвания, которая с 1856 г. считалась неприступной цитаделью республиканцев, не устояла на выборах в 74-й конгресс. Демократы разрушили в 1934 г. гнездо «старой гвардии» республиканской партии в сенате, вытеснив оттуда Рида из Пенсильвании, Фесса из Огайо, Робинзона из Индианы и Уолкотта из Коннектикута. Ошеломляющее впечатление на всю страну произвёл провал республиканского колосса — сенатора Давида Рида из Пенсильвании. Рид был лидером «старой гвардии» в сенате,

известным другом миллиардера Меллона и советником его компании в Питтсбурге, через которую связывал сенатскую фракцию республиканцев с Морганом и другими магнатами Уолл-стрита. Он считался последовательным врагом любой реформы и неугомонным критиком «Нью-дил». На выборах в конгресс решалась судьба Рида не только как лидера «старой гвардии» в сенате, но и как наиболее подходящего кандидата от республиканцев в президенты США в 1936 г. И вот этот Рид оказался битым в его родной Пенсильвании, в цитадели своей партии. Большой потерей для «старой гвардии» было также поражение сенатора Фесса из Огайо. Фесс считался правой рукой Кулиджа и Гувера. Он был главным докладчиком на национальном конвенте республиканцев в 1928 г., на конвенте, принявшем кандидатуру Гувера; он остался при Гувере лидером республиканцев в сенате и был одно время также председателем Национального комитета республиканской партии. В 1934 г. Рид получил в Пенсильвании на 120 тыс. голосов меньше, а Фесс в Огайо — на 450 тыс. голосов меньше, чем кандидаты демократической партии.

Такое поражение партии, особенно покровительствуемой крупным американским капиталом, свидетельствовало прежде всего о сдвигах, происходивших в умах аполитичного многомиллионного избирателя США. В 1934 г. оппозиционная партия едва ли могла надеяться на голоса рабочих и фермеров. Ещё были свежи следы недавнего господства республиканцев. При президенте Гувере жизненный уровень рабоче-фермерской массы был, как по мановению руки, снижен наполовину. Правда, и демократы не принесли безбедного существования трудящимся города и деревни. Но Рузвельт выгодно отличался от Гувера в глазах рабочих и фермеров.

При президентах Гардинге, Кулидже и Гувере господствующие республиканцы в течение 12 лет решительно отвергали идею социального страхования. Утверждая, что пособие безработным является тем злом, которое подтачивает основы британской экономики и разрушает капитализм на европейском континенте, они предостерегали США от введения этого «зла». Между тем демократы, по крайней мере в принципе, не возражали против идеи социального страхования, хотя 73-й конгресс ещё не принимал решения по этому вопросу.

Программы общественных работ, проведённые в 1933—1934 гг., и прямая помощь, оказанная безработным в это время правительством Рузвельта, сказались в промышленных штатах, когда в ноябре 1934 г. происходили выборы в 74-й конгресс.

Позиция правительственной партии оказалась сильнее и в фермерских районах. К осени 1934 г. покупательная способность фермерских продуктов поднялась наполовину по сравнению с их покупательной способностью ко времени прихода Рузвельта к власти. От роста цен, как мы видели, выиграли главным образом зажиточные слои, те фермеры, которые имеют значительные товарные излишки. Но эти фермеры являются политически наиболее активными. От них в большей мере зависит общественное мнение на выборах в аграрных районах.

В кругах крупного американского капитала недовольство Рузвельтом не приобрело ещё в 1934 г. таких выпуклых форм, как в дальнейшем. Мнение этих кругов об экспериментах Рузвельта выразил за полгода до выборов орган республиканской партии такими словами: «Новый курс» не является настоящим левым поворотом, уводящим нас навсегда от старой главной дороги. Напротив, это только канал, извилина, необходимая для обхода революции. Или, выражаясь фигурально, это сыворотка, предохраняющая нас от сумасшествия после укуса собаки — кризиса» [1].

Перед самыми выборами усилился контакт между правительством и финансовыми кругами Нью-Йорка. В Белый дом приглашались виднейшие банкиры. В октябре 1934 г. президент США совещался с компанионом Моргана Лэффингуэлом, главой второго по величине банка США «Гаранти трест компани» Петтером и другими видными представителями Уолл-стрита. После этого Рузвельт выступил на конференции ассоциации американских банкиров.

Объективно общеполитические условия благоприятствовали демократам. Наряду с этим, господствующая партия могла кое-чем привлечь на свою сторону колеблющихся избирателей.

Победившая партия обладает в Америке мощными средствами воздействия. Прекрасно знакомый с закулисной политической жизнью США представитель «Нью-Йорк Таймс» в Вашингтоне Артур Крок писал за неделю до выборов в конгресс: «С марта 1933 г. редко кто получал назначение, если он не внушал полной уверенности в своём дальнейшем поведении. Армия служащих, естественно, оказывала частным образом большую поддержку демократическим кандидатам и подписалась на солидную сумму денег для проведения кампании» [2].

Государственные должности принесли демократам в 1934 г. дополнительные голоса. Но основное, что обеспечило полу-

---

[1] «New York Herald Tribune Magazine», 8. IV. 1934.
[2] «New York Times Magazine», 28. X. 1934.

лярность правительственной партии и придало кампании демократов на выборах в 74-й конгресс прогрессивную окраску, — это программы общественных работ и прямая помощь нуждающимся.

Сильный удар, полученный в 1934 г. республиканцами, не оправившимися ещё от поражения 1932 г., заставил немало активных членов партии призадуматься над судьбой организации. Инсургенты в рядах республиканцев, предсказывая позорный провал кампании 1934 г., выступали против «старой гвардии» ещё задолго до выборов. В некоторых штатах развивалось движение младореспубликанцев, восставших против твердолобой «старой гвардии». В 1934 г. младореспубликанские клубы возникли в Массачузетсе, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Мичигане, Калифорнии и других штатах. В мае 1934 г. орган республиканцев сообщил, что только в одном штате Нью-Джерси младореспубликанцы насчитывают 30 тыс. членов и имеют свои клубы в 16 выборных районах из 21. В Нью-Йорке младореспубликанцы организовали больше 160 клубов в 47 графствах из всех 63 [1].

Многие «молодые» и «старые» республиканцы, видя безнадёжное состояние своей партии на выборах, апеллировали к избирателям не как представители GOP, а как ярые сторонники политики демократического президента. Пенсильванский губернатор республиканец Пинчот тщетно доказывал на выборах, что «политика Белого дома ему ближе и дороже, чем кандидату демократов в сенаторы Гаффею» [2]. В штате Мэриленд победил в 1934 г. на выборах в губернаторы республиканец Найс. Найс обвинял губернатора Ритчи в равнодушии к «Нью-дил» и клялся усердно проводить рузвельтовский «новый курс», если он будет избран [3].

«Старая гвардия» республиканской партии десятилетиями считалась оплотом реакции и консерватизма в стране. Её разгром в 1934 г. происходил в условиях подъёма рабочего движения и общей активизации прогрессивных сил США. Реакция всполошилась. Она начала собирать и консолидировать свои силы. На крайнем её фланге стали возникать профашистские и фашистские организации.

В августе 1934 г. образовалась так называемая «Лига свободы» для борьбы с радикализмом и прогрессивными мероприятиями правительства Рузвельта. «Лига» появилась на политической арене как крупная реакционная сила с креном в сторону фашизма. В её программу входило: борьба с

[1] «New York Herald Tribune Magazine», 13. V. 1934.
[2] «New York Times Magazine», 28. X. 1934.
[3] Ibid.

профессиональными союзами и поощрение компанейских союзов, отпор движению за 30-часовую рабочую неделю, сопротивление введению социального страхования и помощи федерального правительства безработным. В организации «Лиги свободы» принимали участие самые реакционные элементы обеих партий, в том числе бывший президент Гувер и бывший его соперник, кандидат в президенты от демократов в 1928 г. Смит. В руководство «Лиги» входили Смит, кандидат в президенты от демократов в 1924 г. Девис, директор Стального треста Миллер, король пороха Дюпон, бывший председатель национального комитета демократической партии Раскоб, бывший губернатор Массачузетса демократ Эли, лидеры «старой гвардии» республиканцев — конгрессмен Водсворд из Нью-Йорка, сенатор Рид из Пенсильвании и др. В приглашении о вступлении в «Лигу свободы», разосланном по специальным адресам во все штаты за подписью Раскоба, говорилось, что эта организация «делает всё, что возможно, для искоренения порочного радикального элемента, угрожающего разрушением нашему государству» [1].

«Лига» основала свою главную квартиру в Вашингтоне и открыла отделения в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Балтиморе и других крупных городах. Она часто организовывала агитационные выступления по радио и издавала обширную литературу. До начала 1936 г. она распространила одних брошюр 3,5 млн. экземпляров. К её услугам оказались также первые страницы больших американских газет. Гласные доходы Лиги за 1935 г. равнялись 483 тыс. долл. Около $^1/_3$ этой суммы внёс один Дюпон [2]. По словам председателя «Лиги» Шауса, к началу 1936 г. организация насчитывала около 75 тыс. членов. В это время её постигли неудачи.

«Лига» представляла группу крупных богачей, недовольных «Нью-дил». Она пыталась придать своей оппозиции к Рузвельту характер надпартийной борьбы. Сторонники «Лиги» были уверены, что она станет решающей силой на президентских выборах.

В конце января 1936 г. в пышном вашингтонском отеле «Мейфлоуер» состоялась конференция «Лиги». Бывший губернатор Нью-Йорка и кандидат в президенты США в 1928 г. Смит, пустив в ход свойственное ему краснобайство, нецадно поносил на конференции своего старого партийного коллегу президента Рузвельта. Через несколько дней Смиту ответил по радио лидер демократов в сенате Робинзон из

[1] «Labor Fact Book», III, New York 1936, p. 160.
[2] «New York Times», 26. I. 1936.

Арканзаса. Выступление сенатора Робинзона нашло одобрительные отклики в общественном мнении страны. Не входя в детали полемики, многих бывших сторонников Смита коробило поведение этого нью-йоркского «истсайдера», заискивавшего сейчас перед теми миллионерами, которые восемью годами раньше презрительно и насмешливо относились к его кандидатуре в президенты США.

Через 3 месяца, в апреле 1936 г., подкомиссия сенатора Лафоллета получила материалы, установившие связь между «Лигой свободы» и индустриальным шпионажем, а также организациями, снабжавшими пинкертонов и штрейкбрехеров пулемётами и слезоточивыми бомбами из федеральных лабораторий в Питтсбурге»[1].

Годом раньше республиканцы рассчитывали на «Лигу свободы» как на большую подмогу. Но ко времени развёртывания президентской кампании 1936 г. «Лига» настолько дискредитировала себя в глазах широких кругов избирателей, что от неё отреклась даже «старая гвардия» республиканской партии. В 1936 г. «Лига свободы» стала помехой для оппозиционной партии и выгодной мишенью для демократов.

В президентскую кампанию 1936 г. была раскрыта в штате Мичиган тайная организация, именуемая «Чёрным легионом». Легион возник в 1933 г. в Мичигане и создал впоследствии свои организации в ближайших штатах, расположенных у реки Огайо. Его актив образовали члены Ку-клукс-клана, переселившиеся в Детройт из южных штатов. Он был организован по военному принципу. В Мичигане «Чёрный легион» завербовал около 40 тыс. членов, объединив их в полки и бригады. Легионеры проходили военное обучение. Среди членов этой организации оказались лица, распоряжающиеся на местах фондами общественных работ. Легионеров обеспечивали работой. Это дало возможность заманивать в ряды «Легиона» безработных. В организации оказались также полицейские и некоторые высшие судебные чины штата Мичиган, что помогало «Чёрному легиону» долго скрывать свою преступную деятельность. «Легион» стремился к установлению диктатуры в США и широко применял террор. Организация была раскрыта в связи с «казнью» за несоблюдение дисциплины одного легионера. Во время обыска власти нашли список 50 лиц, жителей Мичигана, осуждённых руководством «Легиона» на смерть. Как только преступные замыслы «Легиона» были разоблачены, волна общественного возмущения пронеслась по штатам. «Легион» быстро распадался. «Чёрный легион» заимствовал от Ку-клукс-клана ритуал и балахоны с

[1] «New York Times», 15. IV. 1936.

капюшонами. Сам Ку-клукс-клан, потерявший свою былую силу, произвёл в 1934 г. реорганизацию своих рядов, пытаясь восстановить свои поредевшие ряды в южных штатах и перестроиться на фашистский лад; он разжигал расовую ненависть в индустриальных районах на Севере, в Детройте и других городах, где скоплялись негритянские рабочие.

В то время в различных городах и штатах США появлялись фашистские организации: «Орден 76-го года» в Нью-Йорке, «Рубашки хаки» в Филадельфии, «Бдительные» в Чикаго, «Серебряные рубахи» в Лос-Анжелосе, в Оклагома-Сити, в Эшвиле и других городах. «Серебряные рубахи» обнаружили своё существование в январе 1933 г., во время прихода Гитлера к власти в Германии. Организация начала выпускать два еженедельника, проповедывавшие, что дело Гитлера восторжествует в Америке. «Рубашки хаки» возникли в том же году. Их целью было переустройство государственной жизни США в духе Гитлера и Муссолини.

Вскоре после установления фашистской диктатуры в Германии в районах, заселённых немцами в Америке, начала формироваться гитлеровская агентура под названием «Друзья новой Германии». Спустя некоторое время «Друзья новой Германии» были реорганизованы в «Германо-американский союз». Лидер союза американский фашист Фриц Кун, считавший себя наместником Гитлера в США, основал свою главную квартиру в Нью-Йорке.

«Германо-американский союз» ставил своей задачей превращение немцев, живущих в США, в обособленное меньшинство, хорошо организованное, вымуштрованное, которое должно было, по мнению гитлеровцев, сыграть большую роль в разрушении заатлантической республики. Однако в первое президентство Рузвельта демократические круги США больше беспокоил доморощенный фашизм, чем импортировавшийся из-за границы нацизм.

Характерную фигуру американского фашиста представлял собой убитый в сентябре 1935 г. сенатор Хьюи Лонг из Луизианы. Лонг пользовался громкой, но худой славой в США и за границей. Его называли американским Гитлером в зародыше. В штате Луизиана он пытался строить фашистское государство в миниатюре.

Луизиана — своеобразный штат, единственный в стране, который в административном отношении делится не на графства, а на округа. Его двухмиллионное население представляет собой пёстрый национальный, расовый, социальный и религиозный конгломерат. Белое население северных округов является потомками англичан, а южных округов — французов. Негры составляли в 1930 г. 27% всего населения штата.

Они сосредоточены на севере и образуют там большинство населения. Но они совершенно бесправны. На выборах 1938 г. во всём штате в списках избирателей числилось 1 123 негра, преимущественно жителей Нового Орлеана [1]. По количеству линчеваний и убийств Луизиана занимает одно из первых мест в США. По неграмотности она уступила в 1930 г. первенство только одному штату — Южной Каролине. За исключением добычи нефти и её перегонки Луизиана не имеет своей промышленности; она представляет собой аграрный штат, производящий рис, хлопок, кукурузу, сахарный тростник, фрукты и табак. Её фермеры, обойдённые «просперити» и тяжело пострадавшие от кризиса, имели основания для недовольства. Обнищавшие плантаторы, потомки рабовладельцев, привыкшие приказывать и властвовать, не сбавили спеси даже тогда, когда они разорились. Им никто не противодействовал. Масса населения, состоящая из негров и белой бедноты, апатична. В политической жизни штата демократическая партия имеет с давних времён монополию. В условиях распространения фашизма за границей и роста фашистских тенденций в США Луизиана оказалась подходящим местом для экспериментов Лонга.

Лонг родился в 1893 г. в семье бедного фермера, имевшего 9 детей. Первую политическую вылазку он сделал, когда ему было 14 лет, выполняя негласные поручения на выборах, за что получил тогда в награду первые «честные» 5 долл. В следующие 10 лет будущий диктатор Луизианы испробовал много профессий. Он плохо учился и неудачно торговал. Но он усердно изучал библию, зная, что это древнее произведение пригодилось многим политическим ораторам в Америке. Он долго разъезжал по штату, развозил на лошади товары по фермам, завёл обширное знакомство во многих округах, усвоил жаргон местной бедноты, установил личный контакт с массой.

В 1918 г. 25-летний Лонг, не имея ни профессии, ни знаний, избрал своим поприщем политику. За 10 лет он старательно изучил тонкости механизма демократической партии. За это время он приобрёл некоторое состояние и завоевал на свою сторону местный партийный аппарат. Чуя добычу, за ним потянулись падкие на мзду подхалимы, ябедники, гангстеры, громилы... В 1928 г. Лонг добился своего избрания в губернаторы штата, а в 1930 г. — в сенаторы США. Пренебрегая почтительно соблюдаемым в Вашингтоне обычаем, что «новый сенатор должен быть видимым, но не слышимым», Лонг, перешагнув в возрасте 37 лет порог Капитолия,

[1] *H. Gosnell,* Grass Roots Politics, Washington 1942.

немедленно принял участие во всевозможных дебатах по персональным и политическим вопросам. Самый молодой сенатор изумил общественность столицы своими тирадами. Властолюбивый и энергичный, малокультурный, но с богатой фантазией, он, как передают его биографы, возымел желание стать повелителем 48 штатов, мечтал о диктатуре над 125-миллионным американским народом.

Затяжной экономический кризис в Америке и установление фашистской диктатуры в Германии усилили в Лонге веру в свои силы. Незаурядный оратор, находчивый демагог, он умело сдабривал свои речи провинциальным американским юмором и цитатами из библии. Перефразируя идеи из Декларации независимости о том, что все люди родились равными, он выбросил лозунг: «Каждый человек — король». Этот лозунг вместе с программой перераспределения богатства открыл Лонгу доступ к определённым кругам избирателей далеко за пределами Луизианы. Он предлагал разделить собственность так, чтобы самая бедная семья владела не меньше чем 5 тыс. долл. и имела не меньше такой же суммы годового дохода, а самая богатая имела состояние не больше чем в 5 млн. долл. Соблазнив неимущих, Лонг тут же успокаивал крупных богачей. «Рокфеллер и Морган, — говорил он, — спали бы спокойнее, если бы у каждого из них под подушкой лежали бы 100 млн. долл., а не 1—2 млрд. долл.» [1]. Таким образом, для Рокфеллера и Моргана минимум богатства сразу был поднят в 20 раз. «Равный раздел», рекомендованный в Америке столетием раньше Томасом Скидмором, модифицированный и опошленный сейчас Хьюи Лонгом, привлекал к нему сторонников из среды фермеров и городской мелкой буржуазии.

В Луизиане Лонг установил такую же строгую диктатуру, какая существовала на Юге после гражданской войны, в годы реконструкции. «Чтобы служить народу по-настоящему, вы должны прежде всего иметь власть», — вещал диктатор [2]. В родном штате унять его никто не мог: он беспощадно уничтожал своих врагов; организовав широкую сеть тайной полиции и подчинив себе национальную гвардию, законодательное собрание и верховный суд штата, он проводил законы, укреплявшие его диктатуру. Луизианская легислатура стала напоминать гитлеровский рейхстаг. В феврале 1931 г. собрание из 7 тыс. человек в новоорлеанском муниципалитете выразило верноподданнические чувства диктатору Луизианы. Учёный совет местного университета, характери-

[1] *F. Davis,* Huey Long, New York 1935, p. 154.
[2] *R. Swing,* Forrunners of American Fascism, New York 1935, p. 73.

зуя Лонга как «настоящего представителя американских идеалов», присудил ему на этом собрании степень доктора юридических наук.

Луизианский прототип Гитлера щеголял своим цинизмом. В Луизиане он заставил «законодателей» принять 46 законов в 48 минут. Об одном законодателе он выразился: «Я его купил, как мешок картофеля» [1]. В 1932 г. на национальном конвенте демократов в Чикаго Лонг воскликнул: «Демократическая партия Луизианы? Я — демократическая партия Луизианы!» [2] Тремя годами раньше, говоря об основном законе его штата, он публично заявил: «Конституция сейчас — это я» [3].

Наступило лето 1932 г. Национальный конвент демократической партии собрался в Чикаго. В Луизиане с 1831 г. в течение целого века делегаты на национальный конвент выбирались на партийной конференции штата. В 1932 г. Лонг назначает делегацию в Чикаго. Его противники зашевелились. Набравшись смелости, они решили, наконец, обуздать зарвавшегося диктатора. Они созвали партийную конференцию и выбрали делегацию на национальный конвент. В делегацию вошли три бывших губернатора штата. Тогда Лонг наметил третью делегацию и провёл её через специальную конференцию из верных ему людей.

В конце июня 1932 г. из Луизианы в Чикаго прибыли 3 делегации на партийный съезд. Первую возглавлял диктатор, вторую — оппозиция, а третью Лонг представил как «нейтральную», выбранную беспристрастными членами партии. Оппозиция апеллировала к конвенту. Национальный конвент большинством в 638 против 514 решил спор в пользу Лонга. Лонг говорил своим землякам: «Вам могут не нравиться мои методы, но я своего умею добиться».

В президентской кампании 1932 г. Лонг активно выступал за Рузвельта с надеждой сменить его на следующих выборах. После конвента он обратился к председателю национального комитета демократической партии Фарли с предложением снарядить специальный пропагандистский поезд, в котором сенатор из Луизианы будет разъезжать по стране, агитировать за Рузвельта и обещать каждому из 48 штатов немедленную оплату сертификатов, выданных ветеранам войны. Лонг, говоря о Рузвельте, думал о популяризации собственной персоны. Но на сей раз он своего не добился.

Отказ Фарли ошарашил Лонга. Разъярённый сенатор встретил нового президента в штыки. Со времени переезда

[1] *H. Gosnell,* Grass Roots Politics, p. 114.
[2] *W. Smith,* The Kingfish, New York 1933, p. 13.
[3] Ibid., p. 5.

Рузвельта в Белый дом неугомонный Лонг, не брезгая средствами и не жалея энергии, подкапывался под правительство. В первый месяц президентства Рузвельта Лонг посетил Белый дом. Он держал себя в беседе с президентом США грубо и вызывающе, претендовал без ложной скромности на то, что Рузвельт обязан ему своей победой на национальном конвенте в Чикаго [1].

В 1934 г. Лонг готовился уже к президентской кампании 1936 г. В начале 1935 г. он начал атаку против правительства и руководства демократической партии. С трибуны сената он апеллировал к справедливости, взывал к совести. Он говорил, что его разоблачения злоупотреблений правительства потрясут столицу. Он обещал огласить такие неопровержимые, дискредитирующие высокопоставленных лиц материалы, перед которыми нефтяная панама покажется эпизодом, не стоящим упоминания. Прежде всего он обвинял в коррупции министра почт и председателя национального комитета демократической партии Фарли и требовал, чтобы сенат расследовал его деятельность. Лонга поддерживали такие известные противники Рузвельта, как сенаторы-республиканцы Ванденберг из Мичигана и Остин из Вермонта. Но сенат решил, что оснований для расследования нет.

Несмотря на неудавшуюся атаку Лонга, в правительственных кругах считали сенатора из Луизианы самым опасным оппонентом Рузвельта, демагогом, который может больше, чем кто-либо другой, навредить демократам на очередных президентских выборах. Национальный комитет демократической партии провёл секретный опрос по стране. Опрос показал, что Лонг, в случае выдвижения его кандидатуры в президенты США от имени третьей партии, соберёт на выборах 3—4 млн. голосов [2]. Лонг не имел шансов на победу в национальном масштабе на выборах 1936 г. Но демократы имели основание серьёзно опасаться его дезорганизаторских действий. Лозунг «перераспределения богатства» откололо бы много голосов скорее от демократической, чем от республиканской партии, заманил бы миллионы избирателей, которые были на стороне Рузвельта.

В Вашингтоне замыслы Лонга не увенчались успехом. В последние 5 лет своей жизни сенатор Лонг продолжал властно управлять Луизианой, сознавая, что источником его силы остаётся родной штат.

Лонг проводил в Луизиане некоторые демагогические мероприятия, реформы, для того чтобы создать себе авторитет

---

[1] *J. Farley.* Behind the Ballots, New York 1938, p. 241.
[2] Ibid., p. 249.

в широких слоях мелкой буржуазии, а отчасти и среди рабочих. Он освободил от налога собственность в 2 тыс. долл. и ниже, отменил избирательный налог, запретил взимать плату за пользование мостами и сократил налог на коммунальные услуги. В то же время в Луизиане не были приняты законы о детском труде, о социальном страховании и пенсии, хотя бы в таком куцом виде, в каком эти законы были приняты в некоторых других штатах.

Лонг много строил в Луизиане, переоборудовал университет, сооружал дороги и спортивные площадки, увеличив за 6 лет долг штата в 9 раз. Он ввёл бесплатные учебные пособия для школьников. Но вместе с тем учителя не получали жалования месяцами, многие школы за время хозяйничания Лонга закрылись.

Считая Луизиану трамплином, с которого можно будет прыгнуть из сенаторов в президенты, Лонг, в целях завоевания доверия в широких слоях населения страны, не щадил некоторых местных богачей. Он обложил налогами некоторые промышленные корпорации в таком размере, что они перевели свои предприятия в другие штаты. С компанией «Стандарт Ойл» он имел особые счёты. В своей автобиографии он писал, что этот нефтяной трест помешал ему стать миллионером. Вначале он повёл сильную атаку на «Стандарт Ойл», но вскоре от этого отказался, обещав в январе 1935 г. сократить предложенный раньше им же самим налог на рафинированную в Луизиане нефть на 80%. Когда Лонг стал известной фигурой и начал составлять программу своего будущего президентства, он пытался заверить Уолл-стрит, что он гораздо меньший радикал, чем Рузвельт. Он включил в своё предполагаемое будущее так называемое «национальное правительство для спасения американского капитализма» и Рузвельта, и Гувера, и Бора, и Смита. Он говорил, что создаст единую господствующую партию, через которую будет править Америкой.

Диктатура Лонга в штате создавала оппозицию против него. Лонг, по выражению близко знавших его людей, имел мало друзей, сравнительно много последователей и больше всего врагов. Он неоднократно утверждал, что «Стандарт Ойл» готовит покушение на его диктатуру и на его жизнь. Лонг окружил себя телохранителями, но они его не спасли. В ночь с 8 на 9 сентября 1935 г. его смертельно ранили.

Вся затея держалась на одном человеке. Ставленники сенатора в Луизиане нажили политический капитал и на его смерти. Они успешно провели в начале 1936 г. выборную кампанию, говоря отсталому населению этого штата, что Лонг

погиб, как мученик за дело бедных и угнетённых. Одержав победу на выборах, они обещали смягчить практиковавшиеся их покойным вождём методы управления. Во всей стране программа сенатора из Луизианы была предана, как и сам сенатор, забвению. Клубы Лонга при его жизни быстро росли, но ещё быстрее они распались после его смерти.

В те же годы, когда Лонг основывал свою диктатуру на Юге, на Севере началась карьера другого американского фашиста. В 1926 г. католическому священнику Кофлину, служившему в маленькой церкви небольшого рабочего посёлка под Детройтом, исполнилось 35 лет. До тех пор священник вёл себя тишайше. Никого он не интересовал, никто за пределами его бедного прихода о нём не знал. В это время детройтский епископ решил построить в приходе Кофлина церковь святой Терезы. Бедный поселковый отправитель треб ожил. Он энергично взялся за сбор денег. Пустив в ход все иезуитские приёмы: римско-католическую риторику, библейские притчи и параболы, проникновенный голос, святоша решил испробовать счастье по радио. Детройтская радиостанция, расположенная в городе, где больше половины населения принадлежало, по переписи 1930 г., к католической церкви, сочувственно встретила предложение Кофлина. Душераздирающая проповедь обратила на себя внимание определённой категории радиослушателей. На Кофлина посыпались деньги, как из рога изобилия. В течение первых лет радиопередача приносила ему много долларов, но мало славы. После возникновения кризиса радио-патер, имея уже трёхлетний стаж выступлений у микрофона, начал включать в свои речи социальную тематику. С высокой башни вновь построенной церкви он ниспосылал проклятия нью-йоркским банкирам. После выступления против Моргана и Меллона Кофлин получил больше полумиллиона писем, а после одного нападения на Гувера — больше миллиона писем. Кофлин разбогател, соорудил собственную радиовещательную станцию, нанял много стенографисток и большой штат служащих. Свыше ста человек вели его обширную корреспонденцию. Каждое воскресенье радио передавало его послания.

Вначале Кофлин активно поддерживал правительство «Нью-дил». Ещё в 1932 г. он встречался с Франклином Рузвельтом. Осенью 1933 г. Кофлин организовал в Нью-Йорке митинги, на которых защищал правительственную политику инфляции, в частности закупку государством серебра. Он призывал всё христианство к мобилизации против «золотого бога». Его лозунгами тогда были: «Рузвельт или руины», «Нью-дил — христов путь». Он ездил в Вашингтон, посетил Белый дом, беседовал с Молеем и другими деяте-

лями «мозгового треста». Радио-патера назвали правительственным проповедником. Так продолжалось примерно до середины 1934 г. Но в это время между проповедником и правительством произошло столкновение.

Министр финансов Моргентау как-то публично сообщил, что «бессеребренник» Кофлин, молящийся смиренным голосом за биметаллизм, является крупнейшим стяжателем серебра, что у него накопилось около 500 тыс. унций этого белого металла. Кофлин тут же повернул оружие своей бурной элоквенции против правительства.

В ноябре того же года Кофлин организовал «Национальный союз социальной справедливости», который, по его, несомненно преувеличенным, данным, насчитывал 200 тыс. членов. Программа этого союза из 16 пунктов была охарактеризована либеральной печатью США как «фашизм под крестом». Она говорила о национализации банков и предприятий общественного пользования и демагогически обещала много благ рабочим и фермерам. Программа не упоминала о конституции, о демократии, о свободе слова и печати. В дальнейшем в своих писаниях радио-патер критиковал и высмеивал демократические традиции американского народа. Перед выборами 1936 г., говоря о том, что США находятся на распутье, Кофлин заявил, что он пойдёт по фашистскому пути. Кофлин часто повторял фашистскую теорию о том, что богатство создаётся союзом капитала и труда. Его экономическое суемудрие — инфляция, его политический девиз — «расстрел коммунистов». Издаваемый им еженедельник «Социальная справедливость» клеветал на СССР, защищал японскую агрессию в Китае и оправдывал разбойничьи злодеяния германского фашизма.

С конца 30-х годов Кофлин, проповедуя изоляционизм, активно проводил линию Гитлера в Америке. Проповедь изоляционизма, направленного своим остриём против Англии, усилила влияние Кофлина среди американских ирландцев, у которых патер завоевал известную популярность ещё раньше: ирландцы — католики, а Кофлин — ирландец. Пропагандой инфляции Кофлин приобрёл сторонников у фермеров среднего и северного Запада. В отличие от Лонга Кофлину удалось пробить лазейку в некоторые пролетарские районы, в среду католических рабочих-иммигрантов. Но он всё же не мог выдвигать, как Лонг, собственную персону в президенты США. Кофлину мешает конституция, которая гласит, что президентом может быть только гражданин США по рождению. Кофлин родился в Канаде.

В 1935 г., когда Лонга называли американским Гитлером, Кофлину отводили в США роль Геббельса. В апреле того же

года Лонг заявил, что у него и Кофлина общая программа, что детройтский патер защищает то дело, за которое сам Лонг давно борется [1].

Больше чем за год до президентских выборов 1936 г. Лонга не стало. Преемника он не оставил. Его пытался заменить бывший деятель Ку-клукс-клана преподобный Джеральд Смит, который подвизался в штабе Лонга. Смит подготовил путч, но неудачно. Аппарат демократической партии выжил его из Луизианы. Его взял под своё покровительство Кофлин.

Через несколько лет Джеральд Смит основал в Детройте свою главную квартиру, откуда он с помощью Кофлина начал каждое воскресенье вечером выступать по радио. Бешеную деятельность он развернул во время второй мировой войны. В 1942 г. он начал выпускать в Детройте фашистский журнал «Крест и знамя». Он стал играть руководящую роль в «пятой колонне» после вступления США во вторую мировую войну. Но уже в президентской кампании 1936 г. он проявил большую активность.

Для кандидата в президенты США Смит был ещё менее подходящим, чем Кофлин. Оба они поддерживали в 1936 г. кандидатуру конгрессмена Лемке от Северной Дакоты. Лемке баллотировался на президентских выборах от имени Союзной партии. Союзная партия, организованная тогда с благословения Кофлина, выдвинула платформу, в основном совпадавшую во внутренней политике с программой «Национального союза социальной справедливости» и требовавшую строгого изоляционизма во внешней политике. Смит организовал в 1936 г. «Комитет одного миллиона». Кофлин тогда утверждал, что его «Национальный союз социальной справедливости» насчитывает не менее 5 млн. сторонников.

Не полагаясь, однако, на собственные силы, Лемке и Кофлин искали союзников в среде других демагогов, независимо от того, руководствуются ли они фашистскими или другими соображениями. Мировой экономический кризис породил в США различные реакционные и утопические идеи (планы сенатора Бильба из Миссисипи, таунсендский проект о пенсии и др.), которые увлекали довольно широкие слои избирателей. Больше всего приверженцев привлёк план Таунсенда. В середине 30-х годов его сторонники вызвали массовое движение в стране.

Таунсенду исполнилось в 1936 г. 70 лет. Он был сельским врачом в Южной Дакоте, а потом в Калифорнии. Таунсенд — старый, больной, далёкий от политики и, как боль-

[1] «New York World Telegram», 25. IV. 1935.

шинство людей его профессии в США, слабо разбирающийся в экономических вопросах человек. Но когда в результате затяжного экономического кризиса в каждом штате и в каждом городе зарождались спасательные планы, тогда Таунсенду пришла в голову мысль спасти мирным и демократическим путём отечество и прежде всего помочь людям его возраста. Его мысль довольно проста. Все люди, достигшие 60 лет, за исключением очень богатых, должны получать от государства 200 долл. в месяц, которые они до конца каждого месяца обязаны израсходовать. Эти люди обязаны также отказаться от всякой платной работы. Уход старых людей с работы увеличит спрос на труд, уменьшит безработицу в стране. Постоянно расходуемые таким путём большие суммы увеличат спрос на товары и приведут к небывалому «просперити». Старость превратится «из суровой надоедливой зимы в восхитительную золотую осень».

По переписи 1930 г. людей старше 60 лет в США числилось свыше 10 млн. Если исключить богатых людей, остаётся, согласно вычислениям соответствующих экспертов, 8 млн. — претендентов на пенсию в 200 долл. ежемесячно. В круглых цифрах вместе с административными расходами план Таунсенда обошёлся бы государству в 20 млрд. долл. в год. Эта сумма равна была одной трети национального дохода 1936 г. Она больше чем в 5 раз превышала расходы федерального правительства в 1935 г. Где же государству ежегодно брать такие суммы? Вот гвоздь вопроса. Таунсенд и эту задачу разрешает очень просто. Общая стоимость всех хозяйственных операций в 1929 г. превышала 1 триллион долл. Достаточно обложить эту сумму 2-процентным налогом, чтобы получить нужные государству 20 млрд. в год.

До этого места план Таунсенда ясен. Он доступен каждому грамотному человеку. Средний американец больше вопросов не задаёт. Какой превосходный план! Все гениальные идеи чрезвычайно просты — не правда ли? Во всей стране организовались таунсендские клубы: 3 тыс. клубов открылись в течение 6 месяцев. К началу 1935 г. эти клубы уже насчитывали 500 тыс. членов, платящих членские взносы. В 1935 г. свыше 20 млн. человек подписали петицию о принятии плана Таунсенда. Подписали в первую очередь люди, достигшие или приближающиеся к «счастливому» возрасту. Подписали также молодые, имеющие близких родственников-стариков. До кризиса 1929 г. этот план, как правильно утверждали в Америке, не собрал бы и 20 тыс. подписей. Но другая ситуация сложилась в США после пережитого кризиса. Довольно широкие слои населения, разорённые в минувшие годы непонятной им стихией, готовы были верить в спасителя, в

утопию, в чудо. Любой нереальный план, способный внушить массе иллюзию, приобретал реальное значение, политический смысл. В штате Орегон заставили члена законодательного собрания сложить полномочия за отказ подписать таунсендскую петицию. План Таунсенда дошёл до Капитолия. За него голосовали в апреле 1936 г. 56 членов конгресса. За короткий срок Таунсенд приобрёл гораздо больше сторонников, чем Лонг и Кофлин, вместе взятые. Никогда в истории США конгресс не получал по какому бы то ни было вопросу столько писем, сколько в 1935 г., с просьбой принять план старого врача. Кого не прельстит такое лёгкое мирное разрешение большой социально-экономической проблемы. Да и сам Таунсенд — личность, не столь отталкивающая, как детройтский патер или луизианский диктатор. Он человек скромный, не корыстолюбивый. Он никем не хотел командовать, ни над кем не хотел властвовать, категорически отказался от выставления своей кандидатуры в президенты.

Всё как будто хорошо. Но как раз в том самом месте, где план так «просто» разрешает сложную задачу, начинается основная проблема: 2-процентное обложение всех хозяйственных операций не означает, как предполагали многие сторонники плана Таунсенда, что товары вздорожают только на 2%; однократный 2-процентный налог на все предметы потребления дал бы сравнительно ничтожную сумму. В 1929 г. весь оборот розничной торговли США равнялся 49 млрд. долл. Налог в 2% на эту торговлю дал бы меньше 1 млрд. долл., т. е. меньше 5% суммы, необходимой для проведения в жизнь плана Таунсенда. Товары в США обыкновенно проходят от начального производителя до конечного потребителя через 10—15 производственных и торговых операций. Каждый раз, если принять этот план, приходилось бы платить 2% налога. Но это ещё далеко не всё. 2-процентный налог на каждую чисто финансовую операцию тоже в конечном счёте переносился бы на потребителя. В сумме стоимости всех хозяйственных операций, превышавшей 1 триллион долл. в 1929 г., львиную долю составляют кредитные, фондовые и другие чисто финансовые сделки. Эти сделки при их 2-процентном обложении резко сократились бы или совершались бы нелегально. Короче говоря, если бы в 1929 г. за каждую операцию платили 2% налога, то общая накидка на товары, дошедшие до потребителя, составляла бы 40%. Впрочем, 1929 г. не характерен. В 1934 г. стоимость всех хозяйственных операций была в $2^1/_2$ раза меньше, чем в 1929 г. Так что при этих условиях нужен был бы уже не 2-х, а 5-процентный налог.

Такая система обложения поставила бы в чрезвычайно выгодные условия крупнейшие монополии, представляющие такие комбинаты, как Стальной трест, Форд и т. п. Как каждый налог на потребление ложится главной тяжестью на широкие слои населения, так и бремя таунсендского налога чувствовала бы преимущественно масса трудящихся.

В общем план Таунсенда означает организованную передачу 7% населения около одной трети национального дохода, если исходить из данных 1936 г. Идеи и пожелания превратить старость в спокойный и обеспеченный финал жизни каждого человека, несомненно, достойны симпатии, но в таком плане они утопичны и абсурдны. Наивному движению, увлекшему миллионы, угрожало превращение в орудие реакции и фашизма. В июне 1936 г. Таунсенд согласился выступить за Лемке в блоке с Кофлином и Джеральдом Смитом.

Лемке и Кофлин надеялись в 1936 г. и на поддержку наиболее опытного в Америке эксплоататора предрассудков отсталых людей, короля «жёлтой» прессы Херста. Ещё в 1932 г. Кофлин гостил в замке Херста в Калифорнии. Вместе с Херстом пел в 1932 г. дифирамбы Рузвельту и вместе с ним он повернул в 1934 г. против Рузвельта.

Осенью 1934 г. Херст посетил Гитлера и заключил в Берлине договор, по которому обязался доставлять информацию об Америке. В открытом письме Альфреду Розенбергу Херст, восхищаясь достижениями Германии и Италии, горевал, что Америка ничего существенного в фашистском направлении не предпринимала. Стараясь в президентской кампании 1936 г. всячески провалить Рузвельта, Херст в то же время не верил в возможность победы кандидата Союзной партии Лемке. Он рассчитывал на кандидата республиканской партии, на Лендона, которого он не без основания считал своей креатурой. Это он, Херст, рекламировал незаметного губернатора Канзаса с середины 1935 г. В декабре этого года Херст нанёс визит Лендону в Канзасе.

Лендона избрали кандидатом в президенты на национальном конвенте республиканской партии, состоявшемся в июне 1936 г. в Кливленде. В том же месяце в Филадельфии национальный конвент демократической партии избрал Рузвельта кандидатом в президенты на следующие 4 года. К этому времени основные круги крупного американского капитала, недовольные государственным вмешательством в хозяйство, рабочим законодательством, отношением правительства к профессиональным союзам и к стачкам, отвернулись от Рузвельта. Торговая палата США, Национальная ассоциация

промышленников, Американская ассоциация банкиров, Американский институт железа и стали и другие органы, представляющие монополистический капитал США, открыто выражали своё непримиримое отношение к политике государственного контроля над хозяйством, как и к рабочей политике Рузвельта.

Ко времени национальных конвентов 1936 г. «Лига свободы» сама уже стояла в тени, но она своё дело сделала: она подготовила общий фронт реакции, объединённое выступление главных органов крупного капитала. Отдельные крупные капиталисты оказывали финансовую поддержку Рузвельту и в 1936 г. К таким исключениям относились автомобильный промышленник Крейслер, глава известного табачного треста Рейнольдс, директор пароходной компании Гарриман и др. Но в основном крупный американский капитал с династиями архимиллионеров и миллиардеров Моргана, Рокфеллера, Дюпона и Меллона во главе оказывал активную поддержку Лендону. 30 июня 1936 г. «Нью-Йорк Таймс» сообщил, что контролируемый Рокфеллером «Чейз нэшионал-банк» финансирует кампанию Лендона. Рокфеллер пожертвовал в пользу избирательной кампании республиканской партии 103 тыс. долл., а семья Дюпонов — 510 тыс. долл. Крупные суммы поступили также в кассу республиканцев от Моргана, Меллона, Херста, известного банкира Джорджа Фишера Беккера. 80—90% всех органов печати в США выступали против Рузвельта. Но Рузвельт имел на выборах несомненное преимущество перед своими соперниками.

Рузвельт выражал взгляды тех кругов либеральной буржуазии США, которые в результате экономического кризиса в Америке и разгула фашизма в Германии считали, что для сохранения существующего социального порядка в Америке необходимы некоторые социальные реформы, необходимы частичные уступки бастующим рабочим, что государство должно оказывать помощь голодающим безработным и нуждающимся фермерам. Тактика Рузвельта сводилась к компромиссу между Уолл-стритом и народом. Отсюда продолжение политики «заправки насоса», программы общественных работ и законы о социальном страховании. Отсюда усиление роли государства в кредитной системе и во всей экономике США, «некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве», попытка «некоторого обуздания наиболее необузданных представителей капиталистического профита».

Такая политика не устраивает господствующий в США монополистический капитал. Объединённая реакция не пожелала мириться с таким положением, когда народная масса оказы-

вает известное влияние на поведение правительства. Она всячески боролась против программ общественных работ, против социального страхования и против других прогрессивных мероприятий Вашингтона, но открыто избирателям она об этом говорить не могла.

Объединённая реакция в лице Лендона и Лемке, Гувера и Смита, Херста и Кофлина выступала в кампании 1936 г. с общей трафаретной демагогией: «Нью-дил» — социализм, а Рузвельт — коммунист, стремящийся к диктатуре; усиливая власть федерального правительства и ущемляя права отдельных штатов, Рузвельт извращает дух американской конституции и нарушает традиции джефферсоновской демократии; попустительствуя стачкам, правительство поощряет опасную, чуждую Америке классовую борьбу. Республиканская, как и союзная партия не выступала также открыто против программ общественных работ, против оказания помощи безработным и разорённым фермерам. Она только осуждала бюджетный дефицит.

Пресса Херста рекламировала бесцветного канзасского губернатора Лендона, как «мастера бездефицитного бюджета». Канзас действительно не знал дефицита в бюджете. Но это не было заслугой губернатора. Закон штата запрещает превышение расходов над доходами. Канзас не исключение. Бездефицитный бюджет характерен и для других сельскохозяйственных штатов на Западе. Демагогию о чудодейственном спасителе из Канзаса не трудно было разоблачить.

Миллионы избирателей поняли, что разговоры республиканцев о бездефицитном бюджете федерального правительства означают прежде всего урезывание государственных расходов на оказание помощи безработным, на организацию общественных работ. Организованные рабочие опасались, что права, завоёванные ими при Рузвельте, подвергнутся немедленной атаке в случае победы Лендона.

Союзы, входившие в КПП, оказали большую финансовую поддержку кампании за переизбрание Рузвельта в 1936 г. Они создали «Беспартийную рабочую лигу», выражавшую их политические стремления в национальном масштабе. В июле того же года они основали в Нью-Йорке свою отдельную политическую организацию — Американскую рабочую партию. Эта партия, оставшаяся и в дальнейшем значительной силой в крупнейшем штате страны, образовалась с целью содействия избранию Рузвельта в президенты США и Лемана в губернаторы Нью-Йорка.

Рузвельт завоевал на свою сторону прогрессивные группы не только в лице организованных рабочих. В штате

Миннесота его поддерживала в 1936 г. местная фермерско-рабочая партия. В Висконсине президент оказался ближе к партии Лафоллета, чем к собственной партии. В Небраске опорой Рузвельта стал прогрессивный республиканец сенатор Норрис. В то же время реакционные демократы с бывшим кандидатом в президенты Смитом и бывшим председателем национального комитета демократической партии Раскобом во главе боролись против Рузвельта. Отход от демократов консервативной группы Смита — Раскоба усилил позиции прогрессивных элементов внутри господствующей партии. Влияние прогрессивных лиц в демократической партии в 1936 г. оказалось больше, чем за предыдущие 30—40 лет.

В 1936 г., впервые за несколько десятилетий, спор между республиканцами и демократами принял в глазах широких кругов избирателей более серьёзный характер. Лендона, как и Лемке, рекламировали и финансировали силы, являвшиеся носителями реакции и фашистской опасности в США, боровшиеся за лишение безработных и той небольшой помощи, которую они получали, настаивавшие на сокращении заработка занятых рабочих. За Рузвельтом пошли десятки миллионов избирателей, которым дороги демократические свободы, которые интуитивно чувствовали, что победа Лендона усилит реакцию в США, окрылит американских фашистов. Открытая поддержка, оказанная Морганом, Рокфеллером, Дюпоном, Меллоном, Фордом и другими тузами американского капитала Лендону в этих условиях ещё больше увеличила шансы Рузвельта. Выборная кампания 1936 г. представляла, больше чем любая кампания в прошлом, борьбу скорее двух лагерей, чем двух партий: лагерь прогресса и демократии, с одной стороны, лагерь консерватизма и реакции — с другой.

Рузвельт, заручившись поддержкой лагеря прогресса и демократии, обеспечил себе второе президентство.

На выборах 1936 г. маленькая социалистическая партия в поисках новых членов сомкнулась с троцкистами, приняв их в свои ряды как организованную группу. Под влиянием троцкистов СП, демагогически разглагольствуя о переходе к социализму, а на деле направляя главную атаку против Рузвельта, заняла на выборах место в рядах реакции. Норман Томас закончил выборную кампанию 1936 г. бесславным провалом. Он собрал всего лишь одну пятую часть того количества голосов, которое он получил на президентских выборах в 1932 г.

В развернувшейся в 1936 г. борьбе двух лагерей коммунистическая партия США, выросшая со времени президентской

кампании 1932 г. в 5 раз [1], сыграла важную роль. Предвыборный национальный конвент коммунистов состоялся в июне 1936 г. в Нью-Йорке. Выдвигая собственных кандидатов в президенты и вице-президенты, коммунистическая партия США сосредоточила вместе с тем свои усилия на борьбе с кандидатами реакции. Её главный лозунг был: «Прогресс против реакции; демократия против фашизма».

Выборная кампания 1936 г. была одной из самых знаменательных в истории США. «Никогда классовые линии, — писал Фостер об этой кампании, — не были так выпукло очерчены; никогда рабочие не обнаруживали такой политической сознательности и солидарности» [2].

На выборах Рузвельт получил 27 477 тыс. голосов, Лендон — 16 680 тыс., а Лемке — 882 тыс. Происходившие в 1936 г. вместе с президентскими выборами выборы в 75-й конгресс увеличили число мест правительственной партии в сенате до 75, а в палате представителей — до 333. У республиканцев осталось всего 17 сенаторов и 89 конгрессменов. В обеих законодательных палатах оппозиционная партия сохранила всего лишь около одной пятой всех голосов.

Кампания 1936 г. — третья подряд президентская кампания, свидетельствовавшая, что территориальный фактор, сыгравший в течение целого века столь большую роль в американской двухпартийной системе, уже в значительной мере потерял своё значение. Уже на президентских выборах 1932 г. аппарат республиканцев не был в состоянии удержать такие партийные бастионы, как штаты Иллинойс, Огайо, Индиана, Мичиган и Калифорния. В 1936 г. к этим штатам присоединилась главная крепость республиканской партии — Пенсильвания.

В борьбе за второе президентство Рузвельт победил в 46 из 48 штатов. Он получил 523 из всех 531 выборщика. Лендон с трудом повёл за собой два небольших штата — Мен и Вермонт, а Лемке, которому Кофлин обещал 9 млн. голосов, не собрал даже десятой части этого количества и не победил ни в одном штате.

За истекшие 115 лет никогда выборная кампания не заканчивалась такой победой одной партии, как в 1936 г. Рузвельт чувствовал своё превосходство над Лендоном. Его речь в Филадельфии в конце июня собрались слушать около 100 тыс. человек; встречи, устроенные ему в важнейших городах во время его предвыборного путешествия по

[1] «Communist», March 1940, p. 239.
[2] Ibid.

штатам, да и отклики на его выступления по радио были достойным ответом на критику президента подавляющим большинством американских газет и журналов. Но такого головокружительного успеха сам Рузвельт не ожидал. Он полагал, что Лендон соберёт не 8, а 171 выборщика [1].

За несколько дней до выборов Рузвельт завершил кампанию выступлением в Мэдисон-Сквер-Гарден в Нью-Йорке. Говоря о своих противниках в лагере монополистического капитала, Рузвельт апеллировал к американскому народу и сказал: «Никогда раньше в нашей истории эти силы не выступали так определённо против одного кандидата, как сейчас. Они единодушны в их ненависти ко мне — и я приветствую их ненависть» [2]. Затем, упомянув о конкретных задачах, стоящих перед правительством, Рузвельт заявил о своём желании «сократить чрезмерно длинный рабочий день, увеличить заработную плату, не гарантирующую от голода, покончить с детским трудом и искоренить потогонную систему» [3]. «За всё это, — четыре раза повторил он в своей речи, — мы только начали бороться».

После начала второго президентства Рузвельта отношения между правительством и реакционными капиталистическими кругами ещё больше обострялись в связи с терпимым отношением федеральных властей к стачкам. Правительство, видя на выборах 1936 г., какую силу представляют организованные рабочие, старалось эту силу сохранить в своём политическом активе. Президент США добивался объединения АФТ и КПП.

В новом, 75-м, конгрессе республиканцы имели такое ничтожное меньшинство, которое можно было бы игнорировать, если бы демократическая партия выступала единодушно. Но республиканцы не были изолированы. Любой прогрессивный билль, внесённый в конгресс президентом, наталкивался на сопротивление консервативного блока обеих партий. Рузвельт в свою очередь угрожал принятием мер к обузданию произвола крупнейших трестов.

30 апреля 1938 г. президент США в своём послании конгрессу, указав, что 1,5% семейств в стране получают доход, равный доходу 47% всех семейств США, и что 5% корпораций владеют 87% капиталов всех корпораций страны, требовал принятия определённых мер по ограничению власти монополистического капитала, который, по выражению Рузв-

---

[1] *J. Farley,* Behind the Ballots, New York 1939, p. 326.
[2] «New York Herald Tribune», 1. XI. 1936.
[3] Ibid.

вельта, «достигнув исключительных размеров, угрожает существованию демократии».

Через несколько дней, 3 мая, Рузвельт в обращении к конгрессу просил утвердить билль о максимальном рабочем дне и минимальной заработной плате.

Законопроект о максимальном рабочем дне и минимальной заработной плате стоял долго в центре борьбы 75-го конгресса. В декабре 1937 г. реакционный блок республиканцев и демократов добился провала этого законопроекта в палате представителей большинством в 216 против 198. В середине июня 1938 г. под широким давлением общественного мнения обе палаты конгресса, учитывая приближающиеся новые выборы, одобрили билль об установлении максимальной продолжительности рабочей недели и о минимальной заработной плате, но с существенными оговорками. Из действия закона исключалась вся местная промышленность, те предприятия, которые не вывозят свои товары за пределы штата, рабочие рыбной промышленности, торговли, сельского хозяйства и др. Для различных категорий рабочих установлен различный минимум почасовой заработной платы от 25 до 40 центов в зависимости от стажа, а максимум рабочей недели — от 40 до 44 часов. По официальным правительственным данным, минимальная заработная плата на основе принятого закона равнялась только половине прожиточного минимума. Тем не менее, само принятие закона о максимальном рабочем дне и минимальной заработной плате рассматривалось как победа прогрессивных сил в США.

Два других важных законопроекта, приковывавших к себе в 1937 г. общественное внимание, реакции удалось провалить. Первый — вопрос о реформе Верховного суда. Во всей истории США Верховный суд проявлял себя как реакционное учреждение, мешающее проведению прогрессивного законодательства. Он в своё время объявлял законы о подоходном налоге, о максимальном рабочем дне и минимальной заработной плате противоречащими конституции. Вместе с тем он отказался от вмешательства в законодательство южных штатов, которые, вопреки специальным добавлениям к конституции США, лишают негров по сей день избирательного права.

В конституции США ничего не говорится о праве Верховного суда аннулировать законы. Но там сказано, что «судебная власть распространяется на все дела, касающиеся права и справедливости». Эта неопределённая формулировка дала возможность высшему толкователю конституции — Верховному суду присвоить себе право объявления любого закона

не имеющим силы, противоречащим букве или духу конституции.

Верховный суд состоит из 9 назначаемых президентом США пожизненных судей, являющихся, как правило, старыми или по крайней мере пожилыми людьми. Эти «старцы» ни от кого не зависят, никому не подчиняются, ни перед кем не отчитываются. Глава Верховного суда Юз сказал в 1935 г.: «Мы руководствуемся конституцией, но конституция это то, что признают судьи» [1].

В первое президентство Рузвельта Верховный суд мешал мероприятиям федерального правительства. После вторичного избрания в президенты Рузвельт поставил вопрос о некоторой реформе Верховного суда, сводящейся к увеличению и к более частому обновлению его состава. Но и этой куцой реформе не суждено было осуществиться благодаря усилиям реакционного блока в конгрессе.

В открытой борьбе с 9 стариками — хозяевами американских законов — президент США потерпел неудачу. Ему не удалось провести реформу в этом феноменальном учреждении. Но время и возраст пришли президенту на помощь. 78-летний Ван де Вантер подал в отставку ещё в 1937 г. В следующие два года умерли или ушли в отставку ещё 4 судьи. В течение второго президентства Рузвельт получил возможность заменить большинство жрецов Фемиды своими людьми.

В борьбе против попыток Рузвельта реформировать Верховный суд образовался реакционный блок республиканцев и демократов в конгрессе. Этот блок играл большую роль в высшем законодательном органе США на протяжении последующих десяти лет.

Второй горячо обсуждавшийся в 75-м конгрессе билль, который реакции удалось также сорвать в 1937 г., — это законопроект об изъятии дел о судах Линча из ведения судебных органов отдельных штатов и о передаче этих дел федеральным властям и федеральному суду.

По инициативе прогрессивных организаций США в конгресс был внесён билль о делах, касающихся линчевания. В апреле 1937 г. палата представителей одобрила этот билль, но в сенате представители южных штатов, так называемые «бурбоны», устроили обструкцию и при поддержке реакционных сенаторов из других штатов помешали превращению билля в закон.

---

[1] «New York Times», 2. VI. 1935.

За время заседания 75-го конгресса представители крупных промышленных концернов в Вашингтоне резко критиковали рабочую политику правительства, утверждая, что лойяльное отношение президента к борьбе и к требованиям рабочих повлекло за собой чрезмерное повышение заработной платы. Сильной критике подвергалась также налоговая политика Рузвельта, в особенности налоговый акт 1936 г. Раньше нераспределённая прибыль корпораций освобождалась от обложения. Акт 1936 г. установил прогрессивный налог на эту прибыль до максимума в 27%. Такой налог имеет не только фискальное значение. Его прогрессивный характер стимулирует распределение между акционерами большей доли дивидендов, чем раньше. С таким обстоятельством учредители крупных корпораций мириться никак не хотели.

Учитывая уроки 1936 г., объединённая оппозиция к Рузвельту лучше подготовилась к выборам в 76-й конгресс, происходившим в ноябре 1938 г.

Ещё более чётко, чем в 1936 г., на выборах 1938 г. общественно-политические силы страны разделились на два лагеря — прогрессивный и реакционный. В первом лагере находилось прогрессивное крыло демократов и республиканцев, которое в борьбе против реакции выступало совместно с рабочими, фермерскими и интеллигентскими организациями, и местные прогрессивные политические организации в ряде штатов — Американская рабочая партия в Нью-Йорке, фермерско-рабочая партия в Миннесоте, «Федерация содружества» на тихоокеанском побережье, негритянские организации и др., а также существовавшая до 1941 г. «Рабочая беспартийная лига», которая представляла широкое политическое движение организованных рабочих в национальном масштабе. Политические организации прогрессивного лагеря опирались на рабочих, организованных в производственные союзы, на основную массу членов профсоюзов, которые входили в АФТ и в «братства» железнодорожников, на объединения безработных, фермеров и негров, на передовые организации интеллигенции и молодёжи. В общем прогрессивные силы представляли подавляющее большинство населения страны.

В ходе выборной кампании президент Рузвельт обратился к избирателям с просьбой голосовать за прогрессивных кандидатов, независимо от того, являются ли они республиканцами или демократами. Он высказался против переизбрания в конгресс ряда членов его собственной партии, отнеся их, как выражались в США, в «чёрный список». В частности в Нью-Йорке он провалил реакционного демократа О'Коннора

и содействовал победе на выборах кандидата Американской рабочей партии Маркантонио.

Коммунистическая партия, значительно выросшая к тому времени, продолжала играть исключительно активную роль в лагере прогресса и демократии. На выборах в конгресс она отказалась от самостоятельного списка и выступала объединённо в блоке со всеми прогрессивными силами страны. Наряду с требованием, формулированным в 1936 г., видное место в платформе компартии на выборах 1938 г. занимал вопрос о включении США в активные коллективные действия против фашистских агрессоров.

По мере приближения выборов обнаружились и слабые стороны прогрессивного лагеря. Главная его сила — организованные в профессиональные союзы рабочие — в результате деятельности реакционных лидеров АФТ не смогли выступить на выборах сплочённо и единодушно. Президент Рузвельт придавал большое значение профсоюзному единству. Он сам и его министр труда Перкинс обратились в октябре 1938 г. к АФТ и КПП с просьбой притти к обоюдному соглашению.

Оба лагеря были представлены в обеих больших партиях. Но республиканцев по заслугам считали символом реакции. Во-первых, большинство представителей республиканской партии в конгрессе было реакционерами; во-вторых, республиканская партия финансировалась и опиралась на реакционных и даже профашистски настроенных капиталистов; в-третьих, со времени возникновения мирового экономического кризиса в демократической партии взяли верх прогрессивные элементы, которые сохранили руководство в своих руках. В республиканской партии, несмотря на её тяжёлые поражения в период 1930—1936 гг., руководство оставалось в руках реакции, в руках так называемой «старой гвардии».

Республиканцы тщательно готовились к выборам 1938 г., используя слабые стороны прогрессивного лагеря и сложившиеся новые объективные условия.

В кампании 1938 г. республиканской партии благоприятствовала экономическая конъюнктура. Летом 1938 г., когда начались предварительные выборы (Primaries) по штатам, безработица в Америке доходила примерно до таких размеров, какие она насчитывала во время президентской кампании 1932 г. Цены на важнейшие фермерские продукты упали до среднего уровня 1933 г. В августе 1938 г. фермер получал за бушель зерна в два раза меньше, чем в августе 1937 г. Крупнейшие американские монополии в лице Стального треста и «Дженерал Моторс», потерпев поражение на

президентских выборах 1936 г. и в стачечной борьбе конца 1936 и начала 1937 г., решили взять реванш. Представители Уолл-стрита, по утверждению нью-йоркской печати [1], стараясь обострить возникшие в Америке экономические затруднения, начали кричать, что «правительство вызвало кризис», что кризис наступил раньше времени, что он обусловлен ошибочной экономической политикой Рузвельта. По мере приближения выборов в конгресс этот тезис повторялся всё чаще и чаще. Председатель национального комитета республиканской партии Гамильтон, бывший президент Гувер и тому подобные реакционные деятели, выступая на многолюдных предвыборных собраниях, твердили, что возникший в конце 1937 г. экономический кризис является «результатом безрассудного экспериментирования Франклина Рузвельта» [2], «забыв» при этом, что правильная, по их мнению, политика Гувера отнюдь не предотвратила кризиса в 1929 г.

Спекуляция реакции на кризисе принесла, однако, мизерные успехи республиканской партии. Предварительные выборы не оправдали надежд республиканцев. Журнал «Current History», подводя в октябре 1938 г. итоги предварительных выборов, которые, по общему мнению, решают исход настоящих выборов, утверждал, что сами республиканцы надеются в лучшем случае выиграть 50 мест в палате представителей и 2—3 места в сенате. Таковы были максимальные шансы оппозиционной партии к концу сентября. Но в это время на помощь реакции США пришли её консервативные единомышленники в Англии. Поощрением гитлеровской агрессии в Европе Чемберлен оказывал услуги реакции и в США.

Учёл ли Чемберлен в Мюнхене предвыборную кампанию, проводившуюся в тот момент в Америке, или нет, позиция Англии и Франции по отношению к Чехословакии усилила в США изоляционистские настроения, а эти настроения противники Рузвельта не замедлили использовать. В палате представителей республиканская партия получила новых 81 место, а в сенате — новых 6 мест. Она довела число своих голосов до 39% в палате и до 24% в сенате.

Международное положение, в частности события, происходившие по ту сторону Атлантики, оказало своё влияние не только на состав 76-го конгресса, но и на предыдущие и на последующие выборные кампании, как и на другие важные стороны внутриполитической борьбы в Америке.

---

[1] «New York Times», 23. X. 1937.
[2] Ibid., 11. IX. 1938.

V

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В угоду изоляционизму. Срыв экономической конференции в Лондоне. Самоустранение от политических проблем Европы. Восстановление дипломатических отношений с СССР. Декларация Амо. Акт о Филиппинах. Политика «доброго соседа». Причины роста изоляционизма. Акт Джонсона. Акт о нейтралитете. США и международный суд в Гааге. Взаимное снижение тарифов. Товарищ Сталин о мирном сосуществовании СССР и США.

Внешнюю политику США в Вашингтоне с давних пор делят в географическом отношении на три основные сферы: на европейскую, латино-американскую и дальневосточную.

Рузвельт стал президентом США тогда, когда Гитлер стал диктатором Германии. Он въехал в Белый дом через пять дней после поджога фашистами рейхстага.

В США оживлённо обсуждались внешнеполитические перспективы нового президента и нового 73-го конгресса, отношение Вашингтона к событиям, назревающим по ту сторону Атлантического океана. На страницах нью-йоркских газет под заголовком «Национальный или интернациональный путь Америки» велась дискуссия между изоляционистами и сторонниками участия в европейских проблемах. И те и другие говорили об одной цели — о гарантии мира для США. Спорящие стороны расходились только по вопросу о методе, о путях и средствах. Одни говорили, что изоляция обеспечит мир для Америки. Другие утверждали, что мир будет сохранён, если США будут совместно с другими государствами бороться против поджигателей войны в Европе. Рузвельт никогда не был изоляционистом. Но в первые годы его пребывания во главе правительства и государства, пока он не убедился, что фашистские государства стали реальной опасностью для всеобщего мира и эвентуальной угрозой для Америки, в Вашингтоне предпринимались важные внешнеполитические шаги, не вызывавшие возражений изоляционистов.

Со времени окончания первой мировой войны политика США по отношению к Европе была проникнута глубокими противоречиями. Вашингтон пытался, как выразился американский профессор международного права Фенвик на заседании сенатской комиссии по иностранным делам, «совмещать экономическое сотрудничество с политической изоляцией» [1]. Правда, что в 20-х годах США отнюдь не безразлично и не безучастно относились к политическим событиям

[1] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation and Our Foreign Policy, Hearings, U. S. Senate», part 5, 1939, p. 161.

в Европе. Но экономическое сотрудничество и политическое невмешательство являлись наказом конгресса, официальным курсом, кредо американской политики в Европе. Первые шаги правительства Рузвельта дали основание полагать, что Вашингтон готов ослабить и экономические связи с европейскими государствами.

Предшественник Рузвельта и 72-й конгресс возлагали большие надежды на международную экономическую конференцию. Конференция открылась в Лондоне 12 июня 1933 г. Взоры делегаций были обращены на США — на страну, занимающую первое место в мировой экономике. Делегатов интересовало мнение нового американского президента. Перед открытием конференции президент их обнадёжил. 16 мая 1933 г. Рузвельт в телеграмме, посланной правительствам 54 государств, говорил, что «стабилизацией валют конференция должна навести порядок там, где сейчас существует хаос». Двумя неделями раньше новый государственный секретарь США Хэлл, выступая в Американском обществе международного права, заявил: «Не подлежит никакому сомнению, что оздоровлению хозяйства должно предшествовать восстановление международных финансов и торговли».

Международная торговля связана с таможенными тарифами, а тарифы — с валютой. Если какая-либо страна вступает на путь инфляции, то увеличивается её конкурентоспособность на внешних рынках. Другие государства повышают таможенные барьеры по отношению к этой стране. Никакое тарифное соглашение не действует при скачущей валюте. Валюты и тарифы занимали важное место в работе конференции в Лондоне. Но в Вашингтоне внутренние проблемы и хозяйственные эксперименты заставили правительство перед открытием международной конференции временно отказаться от устойчивого доллара.

Хэлл готов был в Лондоне итти на компромисс со странами «золотого блока» [1]. Но в то время на внешнюю политику США оказывали сильное влияние профессора Колумбийского и Гарвардского университетов, экономисты, образовавшие «мозговой трест». Через две недели после открытия международной экономической конференции 25 июня 1933 г. «Нью-Йорк Таймс» поместил статью Донама из Гарварда. Донам писал: «Мы должны не понизить, а повысить тарифы для защиты современного американского хозяйства... Ни один международный план, учитывающий наши активные попытки форсировать внешнюю торговлю, не может

[1] «Золотой блок» образовали тогда Франция, Италия, Швейцария, Голландия и Бельгия.

быть приемлемым для Европы, и ни один план, если он даже удовлетворяет Европу, не может служить надёжной основой для нашей промышленности». А главная фигура в «мозговом тресте», Молей, ставший помощником государственного секретаря, утверждая, что «в значительной своей части болезни каждой страны являются внутренними», заявил: «Международная конференция, которая пытается лечить эти болезни интернациональными средствами, кончится крахом» [1].

3 июля 1933 г. президент США сообщил, что он не намерен итти на уступки европейским государствам по валютному вопросу. 27-го того же месяца международное экономическое совещание, ничего не решив, прервало свою работу. Делегаты некоторых стран, оставляя с хмурыми лицами Лондон, обвиняли Рузвельта в том, что он «торпедировал» конференцию. Но общественное мнение США, в котором тогда преобладали изоляционистские настроения, одобрило поведение президента.

Рузвельт, считаясь с настроениями в стране, утверждал, что международная экономическая конференция ни в коем случае не должна вовлечь США в какие бы то ни было чисто европейские политические проблемы [2]. Ещё в президентскую кампанию 1928 г. Рузвельт отозвался о Лиге наций как о «первом великом орудии поддержания мира», в работе которой США «должны принимать активное фактическое и официальное участие». Но в 1932 г. перед выборами он говорил, что «Лига наций не является той Лигой, о которой мечтал Вудро Вильсон», что она «представляет только место собраний для политических дискуссий о чисто европейских национальных проблемах. Поэтому я не одобряю вступление Америки в Лигу наций» [3].

В таких же тонах составлялись декларации, опубликованные тогда Норманом Дэвисом, представлявшим США на международной конференции по разоружению.

14 октября 1933 г. Германия отозвала своих представителей из Лиги наций и с конференции по разоружению. Гитлер бросил вызов международным договорам и сотрудничеству между государствами. О дальнейших намерениях Берлина не трудно было догадаться. Включение Америки в коллективные антивоенные действия могло бы содействовать пресечению угрозы всеобщему миру в самом её зародыше. Пятью месяцами раньше, за 10 дней перед отправкой послания правительствам 54 стран, Рузвельт в беседе с посетившим Ва-

[1] «Current History», July 1933, p. 400.
[2] *F. Roosevelt*, Looking Forward, New York 1933, p. 254.
[3] «New York Times», 25. IX. 1932.

шингтон специальным представителем германского правительства — председателем рейхсбанка Шахтом — заявил, что «США будут настаивать на сохранении прежнего положения в вооружённых силах Германии» и что в Вашингтоне «рассматривают Германию как единственное препятствие к соглашению о разоружении». Президент США просил Шахта сообщить об этом Гитлеру [1]. С тех пор, однако, не прошло и двух месяцев, как Рузвельт занялся всецело решением внутренних проблем. Что касается внешней политики, в частности отношения США к Европе, то в конце октября 1933 г. Норман Дэвис заявил: «Мы присутствуем в Женеве только из-за вопроса о разоружении. Пока имеется возможность успешно вести переговоры по этому вопросу, мы охотно их продолжим. Мы, однако, не заинтересованы в политическом или любом чисто европейском аспекте вопроса. Мы снова ясно заявляем, что политически нигде не стоим в ряду с какими бы то ни было европейскими державами» [2].

Исключительно важным международным актом, совершённым Рузвельтом в первый год его президентства, явилось восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. Об этом президент США официально сообщил 16 ноября 1933 г.

Дипломатические отношения между Вашингтоном и Москвой были восстановлены лишь на 17-м году существования советской власти, через 10 дней после празднования 16-й годовщины Великой Октябрьской революции. США — последняя из великих держав и 25-е по счёту капиталистическое государство, признавшее СССР.

Рузвельт отказался от тезиса Юза о том, что до «фундаментальных изменений» во внутренней политике советской власти позиция Вашингтона по отношению к Москве останется неизменной. Этот тезис, объявленный весной 1921 г., рьяно соблюдали правительства Гардинга, Кулиджа и Гувера. Весной 1933 г. новый президент решил, что пора отбросить устарелые представления и понятия об СССР.

Перелом, наступивший в 1933 г. в американо-советских отношениях, был обусловлен прежде всего и главным образом успехами СССР в его борьбе за индустриализацию и коллективизацию, которые обеспечили общий подъём внутри страны и создали базу для обороны от нападения извне. Рузвельт въехал в Белый дом через два месяца после исторического доклада товарища Сталина об итогах первой

[1] «Peace and War — United States Foreign Policy, 1931—1941, published by the State Department», «New York Times», 6. I. 1943.

[2] *J. Latané*, A History of American Foreign Policy, New York 1941, p. 963.

пятилетки. Весь мир с удивлением узнал, что программа гигантского строительства, задуманная в Кремле, досрочно завершена, что за 4 года Россия «из аграрной стала индустриальной».

Правительство США, решив установить нормальные отношения с СССР, естественно, учитывало и другие моменты. В октябре 1933 г., во время обмена посланиями между Рузвельтом и Калининым, крупнейшая нью-йоркская газета писала: «Советский Союз представляет барьер против агрессии милитаристской Японии на одном континенте и гитлеровской Германии — на другом» [1].

Торговые интересы тоже принимались во внимание. 11 ноября 1933 г. Национальная ассоциация промышленников США выпустила циркуляр к своим членам, в котором указала, что после войны торговля даже с непризнанным СССР была значительнее, чем торговля с довоенной Россией [2].

Какое бы место ни занимали экономические, стратегические и другие соображения в расчётах правительства США, новый президент, решив покончить с реакционными догматическими установками его предшественников в советском вопросе, руководствовался отнюдь не изоляционистскими побуждениями. Но сами изоляционисты, в частности их многолетний лидер Бора и его единомышленники, нашли шаг президента от 16 ноября 1933 г. соответствующим их взглядам. При президентах Кулидже и Гувере Бора как председатель комиссии по иностранным делам сената неизменно выступал за признание СССР, считая, что тезис Юза означает отход от американской традиции, согласно которой Вашингтон не вмешивается в форму правления, выбранную другими государствами, и признаёт эти государства такими, какими они есть. Эта традиция так же стара, как и история самой заатлантической республики. 12 марта 1943 г. исполнилось 150 лет, как государственный секретарь первого президента США Томас Джефферсон заявил: «Мы, конечно, не можем отказать любой стране в тех правах, на которых основывается наше государство. Каждая страна может выбрать такую форму правления, какая ей понравится, и изменять эту форму так, как ей заблагорассудится».

---

[1] «New York Times», 21. X. 1933.

[2] «Закупки Советов в Америке, — говорится в этом циркуляре, — состоящие из фабричного оборудования, разного рода машин и автомобилей, равнялись по своей стоимости в 1930 г. 114 млн. долл. по сравнению с 25 млн., которые составлял экспорт в Россию в 1913 г. В то же время импорт в США из России, состоящий главным образом из марганца, не только не конкурирует с нашей промышленностью, но и не представляет значительных размеров и не вырос по сравнению с довоенным временем».

На Дальнем Востоке правительство Рузвельта решило соблюдать доктрину Стимсона о непризнании нового статута, установленного средствами, противоречащими пакту Келлога, и т. д.

В мае 1933 г. нанкинское правительство подписало соглашение о перемирии, которое в США расценивали, как молчаливый отказ Китая от Маньчжурии [1]. В Вашингтоне полагали, что необъявленной войне, которую Япония вела против Китая с 18 сентября 1931 г., пришёл конец. В Америке, по словам председателя «Ассоциации внешней политики» Бьюэлла, были в 1933 г. уверены, что отныне Япония будет всецело поглощена освоением Маньчжурии, для чего ей потребуется четверть века [2].

Государственный департамент США готов был молчаливо мириться с тем, чтобы доктрина «открытых дверей» не распространялась к северу от Великой китайской стены. Американцы строили большие планы экономического внедрения в Китай. Они говорили о перспективе железнодорожного строительства стоимостью в 2,5 млрд. долл., а также большого строительства шоссейных дорог, с тем чтобы превратить Китай в растущий рынок для американских автомобилей [3].

Не прошло, однако, и года, как Япония дала официально знать, что она отнюдь не намерена удовлетвориться завоеванием Маньчжурии, а считает весь Китай своей вотчиной.

18 апреля 1934 г. представитель японского министерства иностранных дел Амо сделал заявление о политике императорского правительства в Китае. Вопреки договору девяти держав, Токио объявило себя единственным арбитром в китайских вопросах. Оно предупредило заинтересованные державы, чтобы они воздержались от проявления в Китае какой бы то ни было активности, которую Япония будет рассматривать как нарушение её интересов. Ссылаясь на «ответственность» и на «особую миссию Японии на Дальнем Востоке», Амо говорил, что Токио возражает против снабжения Китая не только самолётами и другими военными материалами, но и против любой операции в этой стране, «предпринятой иностранными державами во имя оказания технической и финансовой помощи», если на это не будет особого согласия Японии.

29-го того же месяца государственный департамент США в специальной ноте напомнил Японии о том, что договор о равных возможностях для держав в Китае не может быть

[1] *J. Latané,* A History of American Foreign Policy, p. 878.
[2] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 8, p. 236.
[3] Ibid., part 22, p. 616.

отменён или изменён одним государством. Ответной ноты не последовало. Японский посол в Вашингтоне, комментируя декларацию Амо, заявил, что «Япония должна действовать и решать сама, что хорошо для Китая» [1]. Он также советовал американцам, «прежде чем предпринимать законные дела в Китае, консультироваться в Токио».

В конце декабря того же года американский посол в Токио Грю в своём донесении Хэллу отметил: «В Японии постоянно говорят и пишут о предназначении этого государства покорить мир и господствовать в нём. Определённые круги армии и флота, патриотические и различные другие общества по всей стране считают своей целью установление экономического контроля и эвентуально доминирующего политического влияния Японии в Китае, на Филиппинах, на Малаккском полуострове, в Сиаме и Голландской Индии...» [2] Перечисляя ещё другие районы, входившие в завоевательные планы Токио, и указывая на интенсивную подготовку вооружённых сил, Грю заключил, что было бы «преступно близоруко» не учитывать возможности войны между США и Японией. Через 12 месяцев, 23 декабря 1935 г., известный японский дипломат Курусу в беседе с сотрудником американского посольства в Токио утверждал, что «Японии суждено быть руководителем восточной цивилизации и что с течением времени она станет хозяином в группе стран, состоящей из Китая, Индии, Голландской Индии и др.» [3]

Америка на этот раз не собиралась оказать энергичное давление на Японию. Урок 1931—1932 гг., когда Англия уклонялась от поддержки инициативы США в маньчжурском вопросе, не был забыт в 1934 г. Да и сейчас не видно было, чтобы британское правительство горело желанием производить совместно с Вашингтоном эффективный нажим на Японию. Весной 1934 г. дух изоляционизма витал над конгрессом. Токио, объявляя по существу об установлении своего протектората над всем Китаем, выбрало в апреле 1934 г., как в сентябре 1931 г., удачный момент. Японцы имели тогда основания рассчитывать на пассивность Англии и Америки.

За три недели до опубликования декларации Амо, 24 марта 1934 г., президент США подписал закон, принятый двумя днями раньше конгрессом, о независимости Филиппин. США обещали Филиппинским островам полную независимость в 1946 г. Подобный акт конгресс принял ещё в январе 1933 г. вопреки вето президента Гувера. Но филиппинское

---

[1] *J. Latané*, A History of American Foreign Policy, p. 882.
[2] «Peace and War» etc.
[3] Ibid.

законодательное собрание, не согласившись с некоторыми пунктами этого акта, отклонило его. 2 марта 1934 г. президент Рузвельт в послании конгрессу предложил в виде дальнейших уступок Филиппинам отказ США от армейских баз на архипелаге. Через 20 дней конгресс принял новый акт о независимости островов. На этот раз филиппинское законодательное собрание согласилось и официально это подтвердило 1 мая 1934 г., в день 36-й годовщины победы американской эскадры в Манильской бухте.

Конгресс назначил 10-летний переходный период, в течение которого сохранялись суверенитет и вооружённые силы США на Филиппинах. Было предусмотрено сохранение за Америкой на островах по договорённости с будущим филиппинским правительством двух морских баз.

Акт о Филиппинах объясняли различными причинами. В конгрессе представители сахарной промышленности и торговли, а также других заинтересованных групп желали избавиться от беспошлинного импорта сахара, растительного масла и верёвок из Филиппин. Влияние южных плантаторов всегда было сильно в демократической партии. Пришедшее в 1933 г. к власти правительство демократов пошло навстречу настойчивым требованиям представителей Юга в конгрессе. Акт 1934 г. лимитировал уже на 10-летний переходный период беспошлинный импорт в США из Филиппин определёнными квотами. Товары, ввозимые сверх этих квот, облагались на общих основаниях. По истечении 10-летнего срока всякие таможенные льготы Филиппинам в Америке предполагалось отменить.

Указывали также на уязвимость Филиппин в военном отношении. Американский генерал Риверс, служивший в своё время на Филиппинах, писал, например, об этих островах: «Такой выдвинутый вперёд пост представляет Ахиллесову пяту в обороне Соединённых Штатов»[1]. Вместе с актом о Филиппинах конгресс рекомендовал президенту США в «наивозможно краткий срок начать переговоры с иностранными державами для заключения договора о нейтрализации на вечные времена островов, как только они получат независимость».

Каковы бы ни были побуждения, руководившие конгрессом и правительством США в филиппинском вопросе, акт от 22 марта 1934 г. обнадёжил японцев. Если в Токио авторы декларации Амо не были вполне уверены в том, как будет реагировать Америка на опубликование такого претенциозного документа, то акт о Филиппинах рассеял сомнения.

---

[1] «New York Times», 1. I. 1934.

В отношении Латинской Америки правительство Рузвельта начало применять новую тактику. Латинская Америка — важнейшая арена внешней экспансии США. Никто из изоляционистов никогда не говорил об изоляции США от Центральной и Южной Америки. Никто из них, в частности, не возражал против существования доктрины Монро. Изоляционисты старого закала, вроде председателя Комиссии по иностранным делам сената до 1933 г. Бора, выступали только против метода, против ведения американскими войсками «частной войны» в Никарагуа и против других приёмов, которые, по выражению помощника государственного секретаря Уэллеса в 1935 г., известны как «дипломатия доллара» и как политика «дубинки» [1].

Когда Хэлл сменил Стимсона в 1933 г. на посту государственного секретаря, в Вашингтоне и в Нью-Йорке много говорили о том, что политика США в Латинской Америке нуждается в срочных коррективах. Мировой экономический кризис обнаружил слабые стороны экспансии США в Латинской Америке больше, чем где бы то ни было. Как раз в этой части света больше всего сократилась внешняя торговля США в 1929—1932 гг. Здесь же больше всего обесценивались американские капиталы. Согласно исследованию, опубликованному Брукингским институтом, к концу 1935 г. частные капиталы США за границей, вложенные в иностранные ценные бумаги, считались обесцененными во всём мире на 38%, а в Южной Америке — на 77% [2].

Политика активной экспансии в южные страны, проводившаяся Вашингтоном в 20-х годах, обнаруживала своеобразные противоречия, которые особенно сказывались во время экономического кризиса. Капитал США считает Латинскую Америку своей естественной сферой влияния. Нью-йоркские банки рассматривают некоторые страны Центральной Америки, как свои владения. Между тем ни одно государство, расположенное к югу от Рио-Гранде, не признаёт себя колонией и старается при каждом случае подчеркнуть свою независимость. Пробел, образовавшийся от недоговорённости между центральноамериканскими государствами и их богатым северным соседом, «заполняли» иногда, как мы видели, вооружённые силы дяди Сама, но от этого инвестиция и торговля США в итоге не выиграли. В 1934 г. даже начальник управления колоний министерства внутренних дел США Грюнинг, говоря о прошлой политике Нью-Йорка в южных

[1] «Department of State, Latin American Series» No. 9, Washington 1935, p. 5.

[2] *C. Lewis*, America's Stake in international investments, Washington 1938, p. 414.

странах, признал: «Временами эта политика приводила к экономическому развалу и разрушала страны как рынки для американских продуктов. И в самом слове «рынки» — ключ к новой политике» [1].

Вашингтон стал перед дилеммой: либо более эффективно действовать «дубинкой» и силой заставить южных соседей относиться с должным уважением к доллару, либо изменить тактику, стать более терпимым и улучшить политические отношения с этими соседями. Настроения в общественном мнении страны и в новом 73-м конгрессе почти исключали первый путь. В 1933 г. государственный департамент под новым руководством пошёл по второму пути.

В своём первом официальном обращении к американскому народу 4 марта 1933 г. Рузвельт декларировал политику «доброго соседа... соблюдение святости своих соглашений с соседями» [2]. В отличие от приведённых нами заявлений Кулиджа в 1926 и 1927 гг. об узаконении интервенции, о том, что заграничные капиталы США должны быть защищены, что «граждане и их имущество даже тогда, когда они находятся за границей, продолжают оставаться частью государства», 28 декабря 1933 г. Рузвельт заверял, что «отныне установленная политика США в отношении Латинской Америки будет противоположной политике вооружённого вмешательства». Этими словами Рузвельт подтвердил заявление Хэлла, сделанное тогда же в Монтевидео.

В декабре 1933 г. в столице Уругвая состоялась 7-я панамериканская конференция. Среди резолюций, обсуждавшихся на конференции, фигурировало предложение, гласящее: «Ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние или во внешние дела другого государства». Делегация США добивалась вначале передачи этого предложения на рассмотрение комиссии юристов. Но когда представители других государств настаивали на немедленном принятии решения против интервенции, Хэлл поднялся и заявил: «При правительстве Рузвельта ни одно государство не должно опасаться интервенции со стороны Соединённых Штатов». Через год помощник Хэлла Уэллес ещё более чётко объяснил сущность вопроса: «Американский капитал, инвестированный за границей, должен практически и теоретически подчиняться законам той страны, в которой он находится» [3].

Заявления Рузвельта и Хэлла сопровождались конкретными действиями. Из Никарагуа американские войска ушли ещё за два месяца до смены Гувера Рузвельтом в Белом

[1] «New York Times Magazine», 10. VI. 1934.
[2] *F. Roosevelt*, Looking Forward, New York 1933, p. 266.
[3] «Department of State, Latin American Series» No. 9, p. 6.

доме. В августе 1933 г. правительство США обещало вывести американские вооружённые силы из Гаити, где они находились 18 лет. Обещание было выполнено через год. С уводом морской пехоты из Гаити в государствах Карибской Америки больше не осталось экспедиционных войск США.

В апреле 1934 г. президент Гаити прибыл в Вашингтон хлопотать об освобождении экономики республики от подчинения крупнейшему нью-йоркскому банку [1], который с 1915 г. держал в своих руках хозяйство и финансы страны. При содействии государственного департамента банк Гаити, принадлежавший нью-йоркскому банку, был продан правительству республики. В середине 1935 г. прекратился непосредственный контроль специальных агентов Нью-Йорка над налоговыми и финансовыми делами Гаити.

В мае 1934 г. США подписали новый договор с Кубой. Договор 1903 г. вместе с добавлением Платта, предоставлявшим американским войскам в течение 30 лет право интервенции на Кубе, был отменён. В марте 1936 г. Вашингтон отказался от аналогичных прав в Панаме.

Труднее было Вашингтону урегулировать спорные вопросы с непосредственным южным соседом США — Мексикой. Шестилетний план хозяйственного и культурного преобразования государства, который мексиканское правительство начало проводить в 1934 г., задел интересы влиятельных кругов США. В связи с национализацией мексиканским правительством нефтяных источников и других богатств, принадлежавших капиталу США, американские компании неоднократно требовали интервенции в Мексику. Политика «доброго соседа», однако, не позволила Вашингтону решиться не только на вооружённое вмешательство, но даже на экономические санкции или на оказание дипломатического давления на Мексику. Когда нефтяные компании нажимали через своих лобби в конгрессе на государственный департамент, Хэлл публично заявил, что «правительство США не ставило и не ставит под сомнение права национализации собственности мексиканским правительством при осуществлении государственной власти в пределах его юрисдикции» [2]. Он дальше сообщил, что правительство США выразило своё пожелание в самой дружественной форме, чтобы американцы, пострадавшие от национализации собственности в Мексике, получили соответствующую компенсацию.

Отказ США от покушений на суверенитет латино-американских государств был снова подтверждён на конференции

---

[1] National City Bank.
[2] «New York Times», 31. III. 1938.

в Буэнос-Айресе. В январе 1936 г. президент США обратился с предложением к правительствам латино-американских республик о созыве внеочередной панамериканской конференции с целью укрепления и обеспечения мира в западном полушарии. Одновременно он заверял конгресс: «В области международных финансов мы, поскольку это связано с нами, положили конец дипломатии доллара» [1].

Конференция собралась в столице Аргентины. Её открыл 1 декабря 1936 г. президент Рузвельт, который прибыл на крейсере в Буэнос-Айрес. Конференция приняла решение о взаимной консультации с целью устранения опасности в случае угрозы миру в какой-либо американской республике. Она объявила интервенцию в любую американскую страну актом, подлежащим обсуждению и осуждению всеми американскими государствами. Специальный дополнительный протокол, принятый на конференции, гласил: «Высокие договаривающиеся стороны считают недопустимым вмешательство любой из них по любой причине, прямо или косвенно, во внутренние или во внешние дела другого из представленных государств. Представители США наравне с делегатами других американских республик в Буэнос-Айресе безоговорочно согласились с дополнительным протоколом конференции.

Правда, печать американских стран не придаёт слишком большого значения договорам. Ещё меньше полагаются в этих странах на заявления государственных деятелей, которые часто меняются. Отмена добавления Платта не означает, что берега латино-американских государств становятся недоступными для десантных операций США. Комментируя эту отмену, влиятельная нью-йоркская газета утверждала, что для интервенции нет нужды в специальном добавлении Платта, так как «возможность защиты граждан США в других странах представляет международное право» [2]. В 1916 г. президент Вильсон отправил экспедиционную армию в Мексику, не имея для этого юридических оснований, подобных добавлению Платта в соглашении с Кубой. «С добавлением или без добавления Платта, — пишет историк внешней политики США, — Америка не может долго относиться безразлично к анархии вблизи от нашей страны и Панамского канала» [3]. Но всё же новая тактика США по отношению к своим южным соседям, признанная более либеральной и приемлемой, чем старая тактика, встретила сочувствие в большинстве стран Латинской Америки.

---

[1] «New York Times», 4. I. 1936.

[2] «New York Herald Tribune Magazine», 20. V. 1934.

[3] *L. Sears*, A History of American Foreign Relations, New York 1937, p. 630.

Перечисленные внешнеполитические мероприятия, проведённые 32-м президентом США в первые годы его пребывания в Белом доме, отражают настроения, преобладавшие в то время в стране и в конгрессе. Эти настроения имеют свою историю. Нигде, ни в одной капиталистической стране так не отрекались от войны, как в США. Участие США в войне было демонстративно признано в господствующих политических кругах случайным, ошибочным и бесцельным актом. Президент Вильсон оказался после окончания войны виновником всех бедствий, козлом отпущения. Эти обвинения против Вильсона исходили от тех лиц и групп, которые в 1917 г. настаивали на вступлении США в войну. Республиканцы, господствовавшие с 1921 г. в Вашингтоне, в течение 12 лет объясняли все недуги американского капитализма войной: «Экономический кризис 1920 г. — следствие войны!» «Хроническая безработица в Америке, — война виновата!» «Два миллиона ферм покинуты за один 1922 г., — опять война!» «Расхождение цен на предметы промышленности и на продукты сельского хозяйства, — тоже война!» Наконец, тяжёлые удары кризиса 1929—1933 гг. также объясняли войной. Чего только Кулидж и Гувер не относили за счёт войны!

Нигде не производились такие кропотливые и детальные подсчёты, во что обошлась война, как в Америке. Статистики, подсчитав военные расходы, пришли, как мы видели, к выводу, что на эти деньги можно было осчастливить всех граждан США. Этой «занимательной» арифметикой занимался президент Кулидж спустя 10 лет после войны.

В 1932—1933 гг. европейские государства фактически аннулировали военные долги Америке. Исключением была Финляндия, но она должна была США всего менее одной тысячной общей суммы аннулированных долгов. В то же время публиковались цифры об обесценении частных займов, обильно предоставленных Америкой в 20-х годах другим странам. С 1931 по 1935 г. американские частные инвестиции за границей сократились номинально с 18 млрд. до 13 млрд. долл. Больше половины этих инвестиций приходилось на ценные бумаги иностранных государств, муниципалитетов и частных компаний, на так называемые портфельные инвестиции, из коих 38% считались на декабрь 1935 г., как мы уже отметили, потерянными. В Европе эти частные потери США превысили тогда 50% [1].

США в своё время быстро превратились из должника в кредитора. Ещё быстрее они сдали свои позиции. К 1936 г. американские портфельные инвестиции за границей с учётом

[1] *C. Lewis,* America's Stake in international investments, p. 414.

потерь составляли всего менее 4 млрд. долл., а прямые инвестиции — капиталы, вложенные американскими компаниями в фабрики и заводы, шахты, рудники и нефтеносные земли, электрические станции, транспорт, связь, плантации и другие предприятия за границей, — при учёте потерь вряд ли составили большую сумму. Иностранные инвестиции в Америке превысили тогда 7,5 млрд. долл.[1] Таким образом, к середине 30-х годов размеры иностранных капиталов в США равнялись примерно американским инвестициям за границей. Правда, американский финансовый капитал вернулся почти к своему старому международному финансовому положению в новых условиях, когда страна изобиловала свободными неиспользованными капиталами. Но как бы то ни было, после неудачного опыта и колоссальных потерь молодой международный кредитор прервал свою карьеру. К началу 30-х годов Америка перестала быть мировым банкиром.

Эти факты лили воду на мельницу изоляционизма. Генерал Джонсон, жалуясь на «неблагодарных союзников», для которых Америка столь много сделала в первую мировую войну, заявил на заседании комиссии сената: «Вместо того чтобы приветствовать дядю Сама, как спасителя, нас обзывают дядей Шейлоком, угнетателем»[2]. Когда европейские должники отказались платить Америке по частным и государственным обязательствам, подобные жалобы производили в США известное впечатление.

В 20-х годах, когда Америка переправляла миллиарды долларов через Атлантический океан, она далеко отошла от изоляционизма. Тогда Вашингтону трудно было воздержаться от активного участия в европейских политических вопросах. В 30-х годах, когда экспорт капитала из Америки в Европу прекратился, в влиятельных кругах США считали возможным возвращение к традиционной политике невмешательства в европейские дела.

Наконец, в довершение всего изоляционистские настроения в США усилились в результате работы сенатской комиссии Ная. Комиссия Ная заседала в 1934—1936 гг. Она обследовала большие прибыли, полученные банкирами, владельцами военных и других заводов во время войны. Она обнаружила сомнительные и нечестные приёмы, практиковавшиеся на военных поставках и при заключении правительственных контрактов в военное время, а также подозрительные манипуляции с налогами на крупные состояния, нажитые в результате войны.

---

[1] *C. Lewis,* America's Stake in international investments, p. 131, 414.

[2] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 10, p. 276.

В такой атмосфере проводилась внешняя политика США в первые годы президентства Рузвельта. Это были также первые годы фашистского режима в Германии. В Америке много говорили о готовящейся войне. В 1935 г. произошли два события, свидетельствовавшие, что военные тучи сгущаются над Европой. Весной Германия объявила о введении всеобщей обязательной воинской повинности, а осенью того года Италия напала на Абиссинию.

Как будет себя вести Америка в случае европейской войны? Будет ли она снова воевать? «Never again!» [1] — восклицали задававшие тон в Вашингтоне изоляционисты. Но где же гарантия?

В прошлом при возникновении больших войн в Европе Америка объявляла о своём строгом нейтралитете. Но ничто не помогло. Нейтралитет не предохранил США от вооружённого вмешательства ни в начале XIX века, во время наполеоновских войн, ни в начале XX века, во время первой мировой войны. На этот раз в Вашингтоне решили заблаговременно принять сильнодействующие средства для ограждения Америки от военной инфекции, несущейся из Европы.

13 апреля 1934 г. вступил в силу акт Джонсона, согласно которому должники, не внесшие причитающихся с них платежей, лишаются возможности получать какие-либо кредиты в США. Практически этот акт тогда ничего не изменил. Американский покупатель иностранных ценных бумаг не намерен был больше увлекаться этой слишком рискованной игрой. Но акт Джонсона, запретив оказывать материальную и финансовую помощь европейским государствам, прозвучал в унисон изоляционизму.

Новый импульс изоляционизм получил в 1935 г., когда Муссолини начал размахивать шпагой в сторону Абиссинии и Европа стала перед реальной угрозой новой большой войны. 24 августа 1935 г. конгресс принял, а 31-го того же месяца президент США подписал акт о нейтралитете сроком на 6 месяцев.

Акт о нейтралитете говорил: «В случае возникновения или продолжения войны между двумя или более иностранными государствами президент констатирует этот факт, после чего запрещается экспорт оружия, амуниции и военных материалов из любого места США и их владений в любой порт воюющих держав или в нейтральный порт для переправки или для использования в воюющей стране» [2].

Этот акт запретил кораблям США перевозить оружие и военные материалы, предназначенные прямо или косвенно для

[1] «Никогда больше!»

[2] «World Almanac», 1936, p. 60.

воюющего государства. Он также поручил президенту США запретить американским гражданам передвигаться на кораблях воюющих стран.

В конгрессе акт о нейтралитете был принят таким подавляющим большинством голосов, каким законы не часто проходят в США. В Америке вошёл в силу закон о строжайшем нейтралитете во время войны. Американская печать воздала хвалу изобретателям закона, проявившим инициативу заранее, а не тогда, когда грянула война и было бы уже поздно. Наконец-то мудрые законодатели нашли верное своевременное средство против втягивания США в военный конфликт!

В феврале следующего года, когда истёк срок, на который был принят акт о нейтралитете, конгресс его немедленно продлил до 1 мая 1937 г. и подкрепил его добавлениями. Добавления запретили предоставление Америкой займов или кредитов воюющим державам, независимо от того, нарушали ли они соглашения с США о долгах или нет, из действия акта о нейтралитете были изъяты страны западного полушария, воюющие с не американским государством.

В конгрессе закон о нейтралитете с добавлениями прошёл в 1936 г., как и акт 1935 г., почти единогласно. Президент США подписал его. США отреклись от участия в каких бы то ни было внешних вооружённых конфликтах. Они взяли на себя добровольно дополнительные обязательства, которые в случае войны за океаном превращали американский нейтралитет в особый, более строгий, чем предусматривает международное право.

Из других важных международных вопросов, обсуждавшихся в 73 и 74-м конгрессах, следует отметить проблему международного трибунала в Гааге. Идея международного суда, как и Лиги наций, зародилась в Вашингтоне. Она была изложена американской делегацией на первой Гаагской мирной конференции в 1899 г. Когда в 1920 г. такой суд образовался, США, однако, отказались участвовать в нём ввиду того, что он учреждён и избирается Лигой наций.

В 1923 г. государственный секретарь Юз объявил, что США могут вступить в Гаагский трибунал с четырьмя оговорками. Эти оговорки должны были предохранить Америку, как выражались в Вашингтоне, от «вхождения в Лигу наций через чёрный ход». В феврале 1923 г. президент Гардинг просил согласия сената на присоединение США к Гаагскому трибуналу. Это предложение поддержал Кулидж, сменивший в августе этого года Гардинга. После почти трёхлетнего периода, 27 января 1926 г., сенат большинством 76 голосов против 17 решил принять предложение Гардинга и Кулиджа, но уже не с четырьмя, а с пятью оговорками. По пятой оговорке

Международный трибунал не может заниматься каким бы то ни было вопросом, в котором Америка заинтересована, без предварительного согласования с Вашингтоном. Этот пункт вызвал возражения в Лиге наций. Его комментировали как желание Вашингтона получить особые права в Международном суде и даже право вето на решения Лиги, передаваемые в этот суд. Кулидж отказался просить сенат отменить пятую оговорку.

В январе 1929 г. государственный секретарь Стимсон опять поднял вопрос о присоединении США к Гаагскому суду. К этому времени была найдена примирительная формулировка. В декабре этого года президент Гувер обратился в сенат с просьбой разрешить вопрос положительно и немедленно. Дело, однако, было передано в Комиссию по иностранным делам сената, где оно «изучалось» до января 1935 г. 29-го того же месяца после двухнедельных дебатов рекомендованная комиссией резолюция о присоединении к Гаагскому трибуналу была поставлена на голосование. Президент Рузвельт в специальном послании сенату поддержал мнение его предшественника. В сенате резолюция не получила нужных двух третей голосов. На этот раз за неё высказались всего 52 сенатора — на 24 меньше, чем 9 годами раньше. 32 сенатора голосовали против резолюции. Против резолюции высказался также ряд законодательных собраний в отдельных штатах. В 1935 г. изоляционистские настроения в США были несравненно сильнее, чем в 1926 г. Дискуссия в сенате о Гаагском суде, затянувшаяся на 12 лет, прекратилась в конце первого месяца заседания 74-го конгресса.

В общеизоляционистском курсе в Вашингтоне не была забыта внешняя торговля. И если кто-нибудь забывал о ней, то государственный секретарь США Хэлл об этом напоминал. Он доказывал, что если ликвидировать таможенные барьеры и другие препятствия, стоящие на пути международной торговли, то увеличится благосостояние США, как и других стран. Этот сторонник фритредерства в XX веке утверждал, что протекционизм чуть ли не причина всех зол. Спустя несколько лет, 26 января 1938 г., он заявил на заседании бюджетной комиссии палаты представителей, что война или экономическая катастрофа в ближайшие годы почти неизбежны, если не будут снижены таможенные барьеры. Хэлл выражал взгляды тех людей в Америке, которые убеждены, что внешняя торговля, в отличие от внутренней торговли, является не следствием, а причиной «просперити» [1]. Хэлл — южанин. Благосостояние южных хлопководов и табаководов больше, чем

[1] *G. Peek*, Why quit Our Own, New York 1936, p. 158.

других групп населения США, зависит непосредственно от экспорта. В 20-е годы «просперити» около 40% табака и больше 50% хлопка, произведённых в США, отправлялись за границу. Таким образом, в вопросе о внешней торговле Хэлл, помимо его общих взглядов, отражал в Вашингтоне интересы южных плантаторов, которые всегда играли большую роль в демократической партии.

Образовавшееся в марте 1933 г. правительство демократов не могло игнорировать мнение южных аграриев. Хэлл с первого дня его пребывания на посту государственного секретаря добивался принятия мер к стимулированию внешней торговли. Но его усилия увенчались успехом лишь через 15 месяцев.

12 июня 1934 г. вошёл в силу закон, уполномочивающий президента США заключать новые торговые соглашения и изменять по своему усмотрению, без ратификации конгресса, таможенные тарифы в размерах до 50% существующих ставок при соответствующей компенсации со стороны иностранных государств. До конца первого президентства Рузвельта США заключили торговые соглашения на основе взаимного снижения тарифов с 15 государствами. К концу 30-х годов это число дошло до 22. Ни одно из этих государств не было тоталитарным. 15 октября 1935 г. президент США распорядился, чтобы никакие льготы не распространялись на товары, импортируемые из Германии. С тех пор германские товары, ввозимые в США, облагались самыми высокими таможенными пошлинами, установленными тарифным актом 1930 г.

Тарифные соглашения, не будучи единственной причиной, содействовали росту американской внешней торговли. Стоимость экспорта США, равнявшаяся 1 802 млн. долл. в 1933 г., поднялась до 2 463 млн. долл. в 1935 г. и до 3 580 млн. долл. в 1937 г. На этом уровне экспорт оставался до начала второй мировой войны. Импорт США равнялся 1 640 млн. долл. в 1933 г., 2 250 млн. долл. в 1935 г. и 3 360 млн. долл. в 1937 г. В 1938 и в 1939 гг. из великих держав Германия была единственной, из которой США ввозили меньше товаров, чем в 1933 г.

В июле 1935 г. США заключили торговое соглашение с СССР, снизив на основе акта 1934 г. таможенные пошлины на советские товары, экспортируемые в Америку. Однако возможности расширения советско-американских экономических отношений далеко не были использованы. Наряду с ростом американо-советской дружбы и симпатии к СССР в народе США со времени восстановления дипломатических отношений между обеими странами, в Вашингтоне, иногда даже в государственном департаменте, чувствовалось

влияние реакционных антисоветских элементов, пугавших обывателей федеральной столицы «красной опасностью» и прочими призраками.

По этому поводу очень важное замечание сделал товарищ Сталин в беседе с Рой Говардом 1 марта 1936 г.: «Американская демократия и советская система могут мирно сосуществовать и соревноваться. Но одна не может развиться в другую. Советская система не перерастет в американскую демократию и наоборот. Мы можем мирно сосуществовать, если не будем придираться друг к другу по всяким мелочам» [1].

VI

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Международная обстановка ко второму президентству Рузвельта. Морская конференция и Морская программа США. Война в Китае. Англо-американское сближение. Конференция в Брюсселе. Потопление «Панея». «Пятая колонна» в США и в Латинской Америке. Рост антифашистских настроений. «Неоизоляционисты». «Cash and carry». Рузвельт о «карантине» против агрессоров. Добавление Лудлоу. Нейтралитет и выборы. Мюнхенское соглашение. Лимская конференция. Новые военбазы. Канун второй мировой войны. Большая дискуссия о нейтралитете.

20 января 1937 г. Рузвельт принял во второй раз присягу на пост президента США. Полгода отделяет от этой даты начало войны, инспирированной Гитлером и Муссолини в Испании, менее 6 месяцев от начала большого наступления Японии на Китай, менее 5 месяцев от заявления Гитлера на съезде фашистской партии в Нюрнберге о том, что немцы жили бы в изобилии, если бы они владели «неисчерпаемыми богатствами и запасами сырья Урала и бесконечными плодородными равнинами Украины», менее 2 месяцев от заключения союза агрессоров под этикеткой «антикоминтерновский пакт».

Второе президентство Рузвельта началось в накалённой международной атмосфере, заставившей правительство уделять внешней политике больше внимания, чем раньше. Из Западной Европы, Восточной Азии и Южной Америки поступали в Вашингтон тревожные сведения. И хотя в конгрессе большинство отстаивало принцип невмешательства в европейские дела, события в Европе начали вскоре обсуждаться в общественных кругах и в печати как самые актуальные проблемы США.

[1] *Сталин,* Беседа с председателем американского объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой-Говардом, Партиздат, 1937, стр. 16.

Дипломатические и морские круги в 1937 г. сосредоточили своё внимание на дальневосточных делах. Война, развернувшаяся в Китае, задевала непосредственно американские интересы. Положение на Тихом океане определяло новую морскую программу США.

Морское соглашение, заключённое в 1930 г. в Лондоне, было действительно до 1 января 1936 г. 23-я статья этого соглашения обязывала договорившиеся государства участвовать в 1935 г. в следующей морской конференции. В 1934 г. происходили предварительные переговоры между представителями Великобритании, США и Японии. Япония, претендуя в соответствии с декларацией Амо, на «особую миссию в Восточной Азии», не пожелала продлить договор, ограничивающий её военно-морской флот тремя пятыми флота Англии и Америки. Америка настаивала на сохранении в дальнейшем соотношения флотов, установленного Вашингтонским и Лондонским морскими соглашениями. Англия предложила компромисс, означавший моральное удовлетворение Токио: в принципе для японского флота устанавливается паритет с флотами Великобритании и США, но Япония соглашается на известный период времени не использовать это право. Япония отвергла это предложение. Предварительные переговоры прекратились 19 декабря 1934 г. Через 10 дней японцы официально сообщили, что спустя два года они будут считать себя свободными от обязательств, вытекающих из Вашингтонской морской конференции, и что они предупреждают об этом заблаговременно, как предусмотрено договором.

В декабре 1935 г. в Лондоне открылась морская конференция. Её участь была решена годом раньше на предварительных переговорах. Япония, не добившись согласия на паритет её флота с флотами Англии и Америки, покинула конференцию. Италия также отказалась принять на себя в дальнейшем какие бы то ни было обязательства. Конференция продолжалась. На ней впервые со времени окончания первой мировой войны намечалось действительное сотрудничество между США и Великобританией. Англия, стоя перед фактом строительства нового флота на германских верфях и при напряжённом положении в Средиземном море, ещё меньше, чем Америка, могла мириться с агрессивными планами Японии. 25 марта 1936 г. Англия, США и Франция подписали новое морское соглашение. Без участия такой морской державы, как Япония, соглашение 1936 г. не могло дать таких результатов, как в 1922 и 1930 гг. Не лимитируя, как в прошлом, общий тоннаж флотов, Англия, США и Франция согласились ограничивать тоннаж и вооружение отдельных строящихся морских единиц: воздержаться от строительства линкоров

водоизмещением свыше 35 тыс. *т*, а крейсеров — свыше 8 тыс. *т*. Соглашение содержит «эскалаторную» статью, в соответствии с которой допускалось превышение установленного лимита, если для этого давала повод страна, не подписавшая соглашения 1936 г.

Компромиссное предложение Англии на предварительных переговорах по существу продлило бы на некоторое время предыдущие морские соглашения. Принятие его приостановило бы строительство военных кораблей в Японии, но не в Англии или Америке. В отчёте морского министра США за 1934 г. указано, что ко времени начала предварительных переговоров в Лондоне Америка не использовала прав, предоставленных ей прошлыми морскими соглашениями, на строительство 78 кораблей общим водоизмещением в 136 975 *т*, Англия — на строительство 44 кораблей в 132 963 *т*, а Япония — на строительство 1 корабля в 1 300 *т*.

С точки зрения финансовой и технической Америке, конечно, вполне было под силу состязаться в строительстве кораблей с Японией. Но технические и экономические соображения могли определять размеры судостроения в мирное время в такой стране, как Япония. В Америке же военное строительство не в военное время определяется соотношением сил партий, групп и блоков в конгрессе. В середине 30-х годов морская программа могла стать предметом обсуждения и тем более одобрения конгресса лишь в том случае, если бы правительству удалось предварительно убедить конгресс, что дипломатические средства, направленные на сокращение военных расходов, исчерпаны. Да и проведение в жизнь утверждённой морской программы в Америке, как мы видели, часто зависело от внутриполитического положения в стране.

Ещё в 1934 г. конгресс принял билль о доведении к 1941 г. военно-морского флота США до размеров, предусмотренных Вашингтонским и Лондонским соглашениями. Сторонники билля утверждали, что такой акт будет действовать отрезвляюще на Японию. Но Япония, учитывая влияние изоляционизма в Вашингтоне, не особенно встревожилась. Да и сам президент США, подписывая акт конгресса, заявил, что этот закон только разрешает, но не обязывает строить новые военные корабли, что осуществление новой морской программы зависит от ассигнований, которые будут на каждый год обсуждаться на сессиях конгресса будущих созывов. Лишь после провала морской конференции и начала большого наступления Японии на Китай, обсуждение вопросов морского строительства приняло в Вашингтоне более серьёзный характер.

В феврале 1936 г. председатель комиссии по иностранным делам сената США Питтмен заявил, что «Соединённые Шта-

ты в случае необходимости построят на каждое японское военно-морское судно 4 американских корабля для того, чтобы сохранить возможность торговать с Китаем».

На бюджетный год, наступивший 1 июля 1937 г., конгресс США ассигновал морскому министерству самую большую за истекшие 15 лет сумму. На следующий бюджетный год эти ассигнования, несколько увеличившись, дошли до 600 млн. долл., что превышает примерно в 2 раза сумму, израсходованную на флот в 1934 г., и в 5—6 раз — в каждые из 12 лет, предшествовавших 1914 г. Уже через 6 месяцев после окончательного отказа Японии от соглашения, 25 июля 1936 г. морское министерство США сообщило, что военное судостроение в Америке — самое крупное в мире. К началу 1937 г. в США строилось и подготовлялось строительство 95 военных кораблей. После 16-летнего перерыва США заложили 2 линкора.

В январе 1938 г. президент США обратился к конгрессу со специальным посланием, в котором он просил расширить морскую программу за пределы, установленные в 1922 и в 1930 гг., на 20% и немедленно приступить к строительству двух дополнительных линкоров и двух дополнительных крейсеров сверх существующих планов. В мае 1938 г. это предложение стало законом. По сравнению со старым лимитом флота в новом лимите количество линкоров увеличилось с 15 до 18, крейсеров — с 39 до 47, авианосцев — с 6 до 8, а эсминцев — с 132 до 147. Одновременно в Вашингтоне сообщалось об использовании прав, предоставленных «эскалаторной» статьёй морского соглашения 1936 г., и о подготовительной работе по сооружению линкоров водоизмещением в 40—46 тыс. *т*, что должно было служить ответом на поведение Японии.

В начале 1938 г. в Лондоне и в Вашингтоне утверждали, что Япония приступила к строительству линкоров водоизмещением в 43 тыс. *т*. Англия, Америка и Франция официально запросили Японию о размерах строящихся линкоров. В Токио отказались дать какие-либо объяснения по этому вопросу. В конце марта 1938 г. президент США утвердил строительство двух линкоров по 45 тыс. *т* каждый. В Вашингтоне заговорили о дальнейшем увеличении морской программы, о том, что «флот США никому не должен уступить первенства» [1].

Вместе с морскими принимались меры к улучшению и увеличению сухопутных сил США. Численность регулярной армии выросла со 138 тыс. человек в 1935 г. до 183 тыс. в

[1] «A Navy Second to none».

1938 г. Но к середине 1938 г. начальник штаба американской армии утверждал, что регулярная армия США занимает лишь 18-е место в мире [1].

Большую роль в росте морской программы Вашингтона сыграли события 1937—1938 гг. в Европе. Но морские круги США интересовала прежде всего активность Японии.

7 июля 1937 г. японские войска после трёхлетней передышки возобновили поход для завоевания и покорения Китая. Вторжение японцев во внутренние провинции страны началось в большом масштабе возле Бейпина. Через 5 недель военные операции перенеслись в район Шанхая, где китайские войска упорно сопротивлялись в течение 3 месяцев. 14 декабря японцы заняли Нанкин. Ханькоу держался до конца следующего года. Но ещё за месяц до сдачи Нанкина китайское правительство решило временно перенести свою резиденцию в глубь страны, в город Чунцин. Условия мира, предложенные Японией через германского посла в Китае, были отвергнуты 1 января 1938 г. без рассмотрения. Война, изображённая японцами летом 1937 г. как инцидент, который будет скоро ликвидирован, приняла затяжной характер.

25 октября 1938 г. японские войска вступили в Ханькоу. Одновременно, высадив большой десант северо-восточнее Гонконга, они заняли Кантон.

Движение японских армий на юг, где английские интересы более значительны, чем на севере Китая, встревожило правительство Великобритании. В Лондоне начали признавать, что политика терпения, уступок и попустительства по отношению к Японии чревата опасностями для Британской империи. 18 октября 1938 г. английский посол в Китае Керр демонстративно выехал из Шанхая в Чунцин с целью возобновить связь с китайским правительством. Годом раньше сообщалось о соглашении, заключённом между Англией и Голландией о совместной защите их дальневосточных владений. В то же время в Лондоне старались закрепить сотрудничество, намечавшееся на морской конференции 1936 г., с Америкой. 28 ноября 1937 г. Англия вместе с США объявили в Токио протест против японского вмешательства в работу китайских таможен. Ещё 20-го того же месяца между Англией и США начались переговоры о заключении торгового соглашения. Этим переговорам придавали в обеих странах большое значение.

Открытие переговоров в Лондоне без разрешения спорных вопросов, в частности вопроса о военных долгах, который в

[1] «Peace and War» etc.

США раньше выдвигался как предпосылка к торговому соглашению, рассматривалось как уступка со стороны Вашингтона в целях сближения с Лондоном. Соперничество между двумя крупнейшими империалистическими государствами ограничивалось к этому времени сферой торговой конкуренции. Разногласия о морских силах, о военных долгах, о валюте и других вопросах отошли на задний план. Вызов Японии на Дальнем Востоке вынудил Англию и Америку к общим действиям. В дальнейшем американская печать утверждала, что переговоры в Лондоне вышли за пределы торгового соглашения. В начале 1938 г. газета «Нью-Йорк Таймс» писала «об обязательстве обоих флотов помогать друг другу в деле защиты общих интересов Англии и США в бассейне Тихого океана» [1].

США вместе с другими 18 государствами участвовали в конференции, состоявшейся в ноябре 1937 г. в Брюсселе, с целью урегулирования японо-китайского конфликта. Конференция ни к чему не привела. Поведение Англии и Америки не вызывало опасений у Японии. Лондон и Вашингтон были заинтересованы в совместных действиях. В обеих столицах желали единодушных выступлений, но каждый из двух партнёров остерегался проявления такой инициативы, которая могла бы вынести его спор с Японией за границы дипломатических отношений.

США после опыта 1932 г., когда Англия не пожелала оказать совместно с Америкой давление на Японию, вели себя сейчас по отношению к войне в Китае осторожнее. Правда, по сравнению с 1932 г. англо-японские отношения резко ухудшились. Но объективно Вашингтон мог сейчас рассчитывать на эффективную поддержку Англии, в случае японо-американского конфликта, ещё меньше, чем в 1932 г. К началу войны в Маньчжурии Англия могла свободно перебросить главные силы своего флота в Тихий океан. В 1937 г. напряжённое положение в Европе приковало эти силы в Атлантическом океане и в Средиземном море. Через три дня после открытия конференции в Брюсселе, 6 ноября 1937 г., в Риме был оформлен итало-германо-японский блок агрессоров. К тому же дух «умиротворения» Чемберлена, сменившего Болдуина в 1937 г., распространялся и на Тихий океан.

Америка тогда не желала принять на себя главное бремя борьбы с Японией. Этим объясняется насторожённость в политике Америки в дни созыва Брюссельской конференции.

---

[1] «Известия», 14 февраля 1938 г.

Конференция ограничилась моральным осуждением Японии и добрыми пожеланиями по адресу Китая.

Тем увереннее действовала Япония. Ответственные политические деятели Токио открыто заявляли, что если США не откажутся от статус-кво на Тихом океане Япония не остановится перед войной с Америкой. Воюя с Китаем, японцы не церемонились с находившимися там американцами и англичанами. Через 10 дней после занятия Шанхая, 21 ноября 1937 г., японские военные власти потребовали от международного сеттльмента передачи им таможен, почты и телеграфа. 12 декабря того же года японская авиация потопила в реке Янцзы американскую канонерку «Пеней» и 3 американских танкера.

Общественность и печать США начали выступать за более решительную политику на Дальнем Востоке. 24 декабря 1937 г. газета «Нью-Йорк Таймс» в редакционной статье писала: «Нужно положить конец международному бандитизму, нужно положить предел действиям преступных государств, беззаконных агрессоров». Через полгода эта газета заявила в передовой статье: «Мы не признаём японские притязания хотя бы на один фут насильственно захваченной китайской территории» [1].

26 января 1938 г. в конгресс США был внесён законопроект о прекращении торговых отношений между Америкой и Японией до тех пор, пока японские войска занимают китайскую территорию. Значение этого билля видно из данных конгресса, опубликованных весной следующего года: 54% всех материалов, используемых Японией в войне с Китаем, она получала из США [2].

Одновременно зашевелились изоляционисты. Сенатор Джонсон из Калифорнии и конгрессмен Лудлоу из Индианы выступали в начале 1938 г. против соглашения с Англией, которое могло бы в результате происходивших тогда переговоров между обеими странами возложить на США какие бы то ни было обязательства в борьбе с агрессором. В сенате группа изоляционистов с сенатором Най во главе повела кампанию за немедленный отзыв американских войск из Китая и за полный уход США с Дальнего Востока.

Правительство США отправило в Токио ноту по поводу потопления «Пенея». Рузвельт просил Хэлла передать через японского посла в Вашингтоне императору, что «президент США глубоко потрясён» известием о бомбардировке американских кораблей. Ещё до инцидента на реке Янцзы государ-

---

[1] «New York Times», 15. VI. 1938.

[2] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 22, p. 631.

ственный департамент резко реагировал на вторжение Японии в Китай. 23 августа он утверждал, что создавшееся положение в Тихом океане «выходит далеко за пределы вопроса о непосредственной защите граждан и интересов США». А 6 октября он заявил, что «действия Японии в Китае несовместимы с принципами, регулирующими взаимоотношения между народами, и противоречат договору 9 держав от 6 февраля 1922 г.». Японское правительство, не желая тогда дальше обострять конфликт с США, принесло извинение и выразило готовность возместить американцам убытки.

14 марта 1938 г. в районе Гавайских островов начались большие манёвры американского флота, в которых участвовали 150 военных кораблей. Манёвры в отличие от прошлых лет были строго засекречены. Они представляли репетицию войны с Японией. В то же время в Вашингтоне официально сообщали о сокращении американских войск в Китае, об отзыве оттуда 15-го пехотного полка.

Правительство США пыталось различными взаимоуравновешивающими мероприятиями успокоить и сторонников и противников активной политики на Дальнем Востоке. К началу второго года второго президентства Рузвельта германский фюрер, охваченный бредовыми идеями о мировом господстве, привлёк внимание общественности и конгресса США к событиям в Европе.

В Вашингтоне начали понимать, что программа мирового господства Германии угрожает Америке. За пять лет фашизм хорошо подготовился к тотальной войне. С 1933 г. гитлеровцы держали германские города на полуголодном пайке, проводили политику «пушки вместо масла» и превращали страну в вооружённый лагерь, подчинив всю хозяйственную жизнь государства подготовке к борьбе за установление господства германского фашизма сначала над Европой, а потом и над другими континентами. Аппарат Геббельса годами засорял головы немецкой молодёжи фашистскими догмами о том, что другие великие державы отжили свой век, что Франция — больное, умирающее государство, что Англия — «бумажная держава», что славяне и другие народы, населяющие СССР, относятся к людям низшей расы, что Америка не является больше молодой, творческой страной и что сама история вручает Германии мандат на мировое господство. В этой зачумлённой политической атмосфере выращивалась ненависть к другим народам, возбуждались звериные чувства, воспитывались кадры хладнокровных убийц и палачей.

Фашистские «учёные» возвещали, что Америка, несмотря на то что она расположена за океаном, разделит участь

Европы [1]. В США не склонны были придавать значение сочинениям немецких «учёных». Но Гитлер не ограничивал свою деятельность в западном полушарии словесной пропагандой. Он организовал в США и в странах Латинской Америки большую «пятую колонну».

Мы уже упомянули о «германо-американском союзе» в США. Сокращённо эту организацию назвали «Бунд». В конце мая 1938 г. в конгрессе обсуждались мероприятия, необходимые в связи с выступлением на собрании «Бунда» члена этой организации с призывом к убийству президента Рузвельта. Помимо «Бунда» в политических, стратегических и промышленных центрах страны насаждались гнёзда тайных агентов, присланных со специальными заданиями из Германии. В июне 1938 г. в Нью-Йорке открылся процесс над германским шпионским центром в США. Процесс установил, что Германия широко использовала шпионаж для осуществления своих целей в Америке. В обвинительном заключении фигурировали официальные представители Германии и само германское правительство.

Германское правительство требовало от каждого немца в США, чтобы он шпионил в пользу Гитлера. В обращении к американским немцам официальный орган «Бунда» нью-йоркский «Weckruf» писал в октябре 1936 г.: «Приобретением гражданства США вы не теряете германского характера. Вы остаётесь теми же, кем были — немцами в Америке».

В первую мировую войну следственные органы утверждали, что до прибытия в Америку фон Папена и капитана Ринтелена Германия не имела своих диверсионных организаций в США. Совсем иначе обстояло дело сейчас. Ещё задолго до второй мировой войны гитлеровцы организовали разветвлённую сеть шпионов и диверсантов в Соединённых Штатах.

Ещё более нагло и энергично орудовала гитлеровская «пятая колонна» на территории латино-американских стран. Организации немцев почти в каждой из этих 20 стран открыто проводили политику «интервенции изнутри». Германские резиденты в этих странах участвовали в гитлеровских плебисцитах. Действуя по директивам Берлина, они были организованы там как государство в государстве.

Для претендента на мировое господство слабые в военном отношении латино-американские страны с их богатейши-

[1] Гитлеровский профессор Колин Росс, считавшийся в Германии крупнейшим авторитетом по американской культуре, заявил в опубликованной им книге «Наша Америка»: «Америка наша не только потому, что немецкая кровь течёт в венах по крайней мере 20 или 30 млн. американцев... но потому, что с самого начала Америка строилась германским гением и немецким духом...»

ми источниками сырья и продовольствия сами по себе служили достаточной приманкой. Кроме того, Латинская Америка представляет естественный плацдарм для давления и нападения на США.

Со дня захвата Гитлером власти в Германии Берлин уделял большое внимание западному полушарию. В Латинской Америке подрывная деятельность Геббельса и Гиммлера облегчалась тем, что в южных странах Нового Света живёт до 2 млн. человек немецкого происхождения. Немцы старались использовать 5 млн. итальянцев, живущих в этих государствах. Они также рассчитывали на содействие в этом отношении фашистского режима генерала Франко, который, будучи многим обязан гитлеровской Германии, использовал культурные и другие связи Испании с её бывшими колониями в Америке в интересах агрессоров.

На территории 20 государств, расположенных к югу от США, фашисты готовили заговоры, путчи, восстания. В первую мировую войну германский статс-секретарь Циммерман неудачно пытался вовлечь Мексику в войну против США. Несмотря на печальный для Берлина исторический опыт, Риббентроп продолжал итти (в Мексике) по стопам Циммермана. К началу второй мировой войны германские агенты сколотили и поддерживали значительные организации туземной нацистской партии [1] более, чем в 10 мексиканских штатах [2]. Фашистские лагери расположились на стратегической панамериканской дороге, между столицей Мексики и пограничным городом США — Ларедо.

Южнее, в районах, расположенных поближе к Панамскому каналу, в конце 30-х годов всё чаще сновали немецкие «туристы». Дальше на юге, у Колумбии, начиналась авиационная линия, проходившая через весь материк и кончавшаяся в Аргентине и Чили. Линия строилась и обслуживалась немцами. Обширная сеть воздушных линий в Южной Америке субсидировалась Берлином с определённой целью. Редактор одной аргентинской газеты утверждал в 1938 г., что в южных странах Нового Света числится больше самолётов со знаками свастики, чем могло потребоваться «в течение столетия для чисто торговой экспансии» [3]. Спустя 3 года президент Рузвельт в своём выступлении по радио заявил, что правительство США оповещено о существовании немецких секретных аэродромов в Колумбии.

В течение первых 5 лет фашистской власти в Германии виднейшее место в заокеанской деятельности гитлеровской

[1] Partido National Socialisto Mexicano.
[2] «New York Herald Tribune», 19. VI. 1941.
[3] «Foreign Affairs», October 1938, p. 79.

агентуры занимала самая крупная и самая многочисленная страна Латинской Америки — Бразилия. По своим естественным ресурсам Бразилия является одной из богатейших стран в мире. По географическому положению (Бразильские порты Натал и Пернамбуко выдаются в океан почти на 4,5 тыс. *км* восточнее, чем Нью-Йорк) гитлеровские «геополитики» рассматривали эту страну как ключ к овладению континентом. Крупп и другие германские концерны пробрались к богатствам Бразилии. Германская компания воздушного транспорта «Луфтганза» овладела в одной Бразилии линиями длиной в 8 тыс. *км*.

Бразильские немцы, как и немцы других стран американского континента, организовались в «бунды», клубы молодёжи и другие нацистские организации. В районах, заселённых немцами, создавались штурмовые отряды.

Гитлер и Муссолини щедро финансировали фашистские организации в Бразилии. Но они просчитались: в Бразилии гитлеровская деятельность провалилась раньше, чем в других южноамериканских странах. Бразильский президент Варгас, используя до поры до времени германских и итальянских фашистов в борьбе за укрепление своей власти в стране, в 1938 г. сам разогнал местные и пришлые фашистские организации, когда они стали угрозой для его правительства. Но всё же в немецких районах штурмовые отряды, приспособившись к новым условиям, сохранялись ещё годами.

Потерпев поражение в Рио-де-Жанейро, германские фашисты перенесли свой главный южноамериканский штаб в Буэнос-Айрес. В Аргентине Гитлер сохранил известные позиции даже спустя несколько лет после того, как все другие государства Латинской Америки порвали с державами оси. Через три года после провала фашизма в Бразилии председатель комиссии аргентинского парламента по расследованию нацистской деятельности в стране Таборда сообщил, что «по всей Южной Америке в пунктах, имеющих стратегическое значение, находится полмиллиона германских штурмовиков. 60 тыс. штурмовиков находятся в Буэнос-Айресе, остальные — в Патагонии, Чили, Парагвае, Бразилии (в штатах Рио-Гранде до Суль и Санта Катарина) и в Уругвае» [1].

К югу от США на всём протяжении от Рио-Гранде до мыса Горн германские инструкторы обучали штурмовые отряды, организовали фашистскую силу для борьбы с США, для установления «нового порядка» на американском континенте и для замены двух десятков национальных флагов единой эмблемой свастики в западном полушарии. Восстания и пере-

[1] «Правда», 9 сентября 1941 г.

вороты проектировались в ряде стран как непосредственная задача, возложенная германским командованием на заокеанские фашистские организации. Готовя войну, Гитлер рассчитывал беспорядками на американском континенте отвлечь внимание Вашингтона от событий в Европе и заставить США отказаться от помощи противникам Германии.

США не могли равнодушно наблюдать подрывную деятельность гитлеровцев к югу от их границ. В 1938 г. исполнилось 115 лет с тех пор, как президент Монро декларировал, что каждая попытка европейских государств вмешаться во внутреннюю жизнь стран Нового Света будет рассматриваться как угроза миру и свободе США. В конце 30-х годов XX века фашистская угроза в Латинской Америке была опаснее тех угроз, которые побудили в 1823 г. Монро декларировать знаменитую доктрину. В 1938 г. около 60% населения латино-американских стран жило под властью диктаторов [1], подражавших часто приёмам и методам Гитлера и Муссолини. В военных кастах этих стран водилось немало авантюристов, кандидатов в квислинги и лавали. Правительство Рузвельта, согласившись вывести войска США из южных стран, не могло мириться с формированием на территории этих государств штурмовых отрядов и других вооружённых сил, руководимых эмиссарами фашистской Германии.

12 марта 1938 г. произошло событие, которое заставило правительство и общественность США более серьёзно относиться к происках Гитлера в западном полушарии. В этот день жертвой гитлеровской агрессии пала первая независимая страна. Действуя по-прусски, германские полчища бесцеремонно оккупировали Австрию, ликвидировали её самостоятельность и превратили её в провинцию «третьей империи». Дальновидных, демократически настроенных политических деятелей заставило насторожиться поведение английского правительства в этом прологе к великой европейской трагедии. Политика «умиротворения» Чемберлена фактически поощряла в 1938 г. агрессию Германии в Центральной Европе, как в 1931 г. политика Макдональда попустительствовала агрессии Японии в Восточной Азии.

17 февраля 1938 г. лондонский «Таймс» в передовой статье заявил, что продвижение Германии «за пределы её восточных границ может совершаться мирными средствами. Сопротивление экспансии в таком понимании или отношении, которые сложатся в связи с этим, не может быть делом британской политики».

За границей, в частности в Германии, это заявление было

[1] *C. Beard,* Giddy Minds and Foreign Quarrels, New York 1939, p. 33.

не без основания понято как выражение точки зрения правительства Чемберлена. Авторитетная лондонская газета вела себя сейчас так, как 6 годами раньше в маньчжурском вопросе. Через 3 дня, 20 февраля 1938 г., Гитлер, выступая в рейхстаге, говорил о необходимости защиты более 10 млн. немцев, живущих по ту сторону германской границы. В этот же день британский министр иностранных дел Иден, расходившийся с Чемберленом в вопросе об отношении к германской агрессии, подал в отставку. Его заменил Галифакс, навестивший тремя месяцами раньше Гитлера в Берхтесгадене как специальный посланец Чемберлена.

К моменту захвата Австрии исполнилось уже 20 месяцев с тех пор, как фашистские Германия и Италия начали интервенцию против республиканской Испании. Демократические круги США убедились, что Австрия не единственная страна, принесённая Чемберленом на алтарь «умиротворения». Они больше не сомневались в том, что лондонский комитет по невмешательству в испанские дела разыгрывает дипломатический фарс, что этот комитет на деле попустительствовал агрессии Гитлера и Муссолини.

В США вырастало массовое возмущение агрессорами и их пособниками. Американская лига мира и демократии настолько выросла, что к концу 1938 г. в её рядах насчитывалось почти 8 млн. членов [1].

В начале апреля 1938 г. министры сельского хозяйства и внутренних дел США Уоллес и Икес резко выступили против фашистских диктаторов. В речи, произнесённой в Чикаго, Икес сказал: «Фашизм является злейшим врагом, с которым мы должны начать борьбу немедленно. Фашизм представляет реальную угрозу для нашего государства. Народ всё больше и больше начинает ощущать опасность этого отвратительного политического явления» [2].

22 декабря 1938 г. германский поверенный в делах в Вашингтоне Томпсен официально протестовал против антигерманской речи Икеса, произнесённой четырьмя днями раньше в городе Кливленд. Заместитель Хэлла Уэллес ответил Томпсену, что правительство отклоняет протест, так как выступление Икеса отражает чувства подавляющего большинства населения США.

---

[1] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 22, p. 630.

[2] «New York Times», 3. IV. 1938.

15 июня 1938 г. эта газета писала в передовой статье: «Американское общественное мнение возмущено германским захватом Австрии... Агрессивные страны ошибутся, если они сбросят США со счётов. Мы полностью готовы поддерживать демократические страны в случае возникновения большой войны в Европе... Закон о нейтралитете не помешает американцам помогать своим естественным союзникам».

Вместе с ростом антифашистских настроений среди широких слоёв населения США росли симпатии к Советскому Союзу, к его борьбе за мир и его политике коллективных и эффективных действий против агрессии. Трансарктические перелёты героев Советского Союза в 1937 г. послужили делу сближения США и СССР. Вскоре после второго перелёта через Северный полюс в Америку во Владивосток прибыла с дружественным визитом азиатская эскадра США.

В то же время в США активизировались антисоветские, профашистские группы, которые старались использовать традиционный американский изоляционизм и изоляционистские настроения в стране как орудие своей реакционной политики. Вожаками этих групп стали бывший президент Гувер и бывший лётчик Линдберг, сенаторы Тафт и Ванденберг, конгрессмены Гамильтон Фиш и Гофман, издатели Херст и Мак-Кормик, проповедники Кофлин и Джеральд Смит и др. Большинство из них в прошлом ничего общего с изоляционизмом не имело. Гувер, как мы знаем, — известный международный делец. Херст в своё время воспевал испано-американскую войну, вторжение американских войск в Мексику в 1916 г. и захват Соединёнными Штатами чужих территорий. Линдберг носился с мыслью о присоединении к США Канады. Сын бывшего президента сенатор Тафт получил воспитание в духе своего отца — одного из пионеров «дипломатии доллара». Но когда речь зашла об участии США в отпоре фашистским агрессорам, эти реакционеры пытались использовать изоляционизм не только во внешней, но и во внутренней политике, в борьбе с президентом Рузвельтом, как в своё время наиболее ярые империалисты США с сенатором Лоджем во главе использовали изоляционизм в борьбе с Вильсоном.

Эти «неоизоляционисты» паломничали к Гитлеру. Мы уже отметили визит Херста к фюреру ещё в 1934 г. Линдберг в 30-х годах неоднократно бывал в Германии. Гитлер преподнёс ему медаль. Гамильтон Фиш после поездки в Берлин стал доказывать, что демократические государства должны «во всём уступать Гитлеру». Сенатору Ванденбергу в 1938 г. нанёс визит в Америке личный адъютант Гитлера.

В марте 1938 г. во время ликвидации независимости Австрии Гитлера посетил Гувер. В октябре того же года бывший президент выступил в Нью-Йорке на ежегодном съезде, организуемом газетой «Нью-Йорк Геральд Трибюн» (Форум), на котором делегаты всех штатов, представители профессиональных союзов и предпринимательских объединений, науки и искусства, армии и флота обсуждали проблемы мира. Гувер в своей речи заявил: «Я убеждён, что ни

Германия, ни другие фашистские государства не желают войны с западными демократиями, пока эти демократии не мешают продвижению фашизма на восток»[1]. Он также утверждал, что японская агрессия в Китае, то, что Япония «повернулась лицом к Азии», исключает угрозу Америке со стороны Тихого океана. Отсюда Гувер заключал: хорошо, что германская агрессия направляется на восток, а японская на запад; США могут спокойно оставаться нейтральным наблюдателем.

Правительство США к началу второго президентства Рузвельта, убедившись, что политика самоустранения от грозных событий, разыгрывающихся за океаном, идёт вразрез с интересами Америки, что Гитлер угрожает не только востоку, но и западу, начало активно бороться с изоляционистскими настроениями, стараясь рассеять иллюзии об иммунитете Америки от фашистской агрессии. Но делало оно это осторожно, взвешивая каждое своё выступление, учитывая каждый раз удельный вес сторонников изоляционизма во внутренней политике. Заседавший в 1937—1938 гг. 75-й конгресс оставался в большинстве своём на изоляционистских позициях.

В конце апреля 1937 г., когда истёк срок действия акта о нейтралитете, конгресс принял новый закон, а президент США подписал его. Новый акт о нейтралитете распространился и на гражданские войны. Это было вызвано событиями в Испании, куда экспорт оружия из США был запрещён специальным добавлением к старому акту, принятым 8 января 1937 г. По новому акту президент мог ограничить экспорт не только непосредственно военных, но и таких материалов, как сталь, медь, нефть, хлопок и др., разрешив их вывоз в воюющую страну не иначе как при условии предварительного перехода права собственности к иностранному владельцу. Этот новый пункт в акте сформулирован двумя словами «Cash and carry» (плати и вези), т. е. продавать товар за наличный расчёт и экспортировать его не на американских кораблях. Сенатор Бора, определяя сущность «Cash and carry», выразился так: «Мы стараемся избежать любого риска, любой опасности, но мы намерены получать всю прибыль»[2]. По существу принятие «Cash and carry» означало некоторое отступление от нейтралитета, поощрение тех государств, которые будут господствовать на морских коммуникациях и будут в состоянии платить за товар наличными. Америка предупреждала таким образом, что в случае

[1] «New York Herald Tribune», 30. X. 1938.
[2] «Congressional Record», 1. III. 1939, p. 2099.

войны между фашистской Германией и западноевропейскими демократиями её производственный аппарат будет к услугам Англии и Франции. Да и в отношении займов актом 1937 г. президенту разрешалось допускать исключение для «нормальных» коммерческих кредитов и кратковременных обязательств.

Новый закон был установлен на 2 года. Однако через два месяца, в июле 1937 г., когда разразилась война в Китае, президент США отказался ввести в действие этот акт, опасаясь, что такой шаг больше ударит по Китаю, чем по Японии. Формально отказ объясняли в Вашингтоне тем, что официально Япония Китаю войны не объявляла.

5 октября 1937 г., за месяц до открытия конференции в Брюсселе, президент США выступил как сторонник международных коллективных действий. Произнося тогда речь в Чикаго и констатируя, что политика «изоляции или нейтралитета не является спасением», Рузвельт призывал миролюбивые государства к объединённым усилиям и к установлению «карантина» вокруг агрессивных стран.

Речь в Чикаго взбудоражила наёмных и бесплатных, сознательных и невольных друзей Гитлера в Америке. Старые и новые изоляционисты запротестовали. Республиканцы Ванденберг, Джонсон, Каппер и Лафоллет, с авторитетом членов комиссии по иностранным делам сената, развернули кампанию против внешней политики Рузвельта, нападая главным образом на принцип коллективной безопасности, настаивая на отказе от всякого сотрудничества с Англией. К ним присоединились демократы из этой же комиссии Рейнольдс и Клэрк. Им вторили известные сенаторы и конгрессмены, заседавшие в других комиссиях высшего законодательного органа США.

В этой обстановке конгрессмен Лудлоу из Индианы предложил принять добавление к конституции о том, чтобы в дальнейшем США не участвовали в какой бы то ни было войне без предварительного референдума в стране, за исключением тех случаев, когда американский континент или владения США подвергнутся нападению или когда им будет угрожать немедленное нападение.

10 января 1938 г. палата представителей голосовала предложение Лудлоу. Из участвовавших в голосовании 397 конгрессменов почти половина — 47% — высказалась за новое добавление к конституции США.

Речь Рузвельта в Чикаго, в которой он официально определил позицию США по отношению к растущей фашистской агрессии, послужила вместе с тем пробным шаром,

проверкой пульса общественного мнения. Изоляционизм оказался сильнее и активнее, чем многие предполагали.

С наступлением 1938 г. началась подготовка к выборам в 76-й конгресс. Рузвельт опасался, чтобы оппозиция, спекулируя на изоляционистских чувствах, не укрепила своего положения на выборах. В течение года президент США избегал выступлений, подобных его речи в Чикаго о «карантине». Отдельные члены правительства, как Икес, Уоллес и даже государственный секретарь Хэлл, продолжали публично осуждать фашистских агрессоров, не всегда стесняясь в выражениях.

На протяжении 1938 г. в конгресс неоднократно поступали предложения о пересмотре акта о нейтралитете. В начале февраля сенатор Кинг внёс билль об отмене этого акта, утверждая, что закон о нейтралитете «выгоден агрессорам и невыгоден малым и слабым странам» [1]. В мае в конгресс был внесён законопроект о снятии эмбарго на вывоз оружия в республиканскую Испанию. Законопроект нашёл одобрение в широких кругах общественности США. Ещё до его внесения в конгресс, в середине февраля, бывший посол США в Германии Додд и 60 других видных политических и общественных деятелей обратились к президенту США с письмом о необходимости разрешить отправку военных материалов испанскому правительству. Двумя неделями раньше 26 сенаторов и 34 конгрессмена отправили приветственную телеграмму испанским кортесам. Влиятельная печать признавала, что закон о нейтралитете, который год-два тому назад рекламировался как гарантия мира, выглядит сейчас как пособничество фашистскому разбою [2].

В середине июня председатель комиссии по иностранным делам сената Питтмен заявил, что комиссия намерена добиваться пересмотра внешней политики США, в особенности закона о нейтралитете, ещё до наступления нового 1939 года. Но в Белом доме, видимо, тогда предпочли отложить рассмотрение вопроса до созыва нового, 76-го конгресса. 10 мая 1938 г. газета «Нью-Йорк Таймс», ссылаясь на председателя

---

[1] В середине марта вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» писал, что группа членов обеих палат конгресса, в которую входят представители обеих партий, открыла кампанию за поддержку билля Кинга.

[2] 18 марта 1938 г. газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» утверждала, что «акт о нейтралитете, помогающий агрессорам в Испании, в случае его применения в Китае действовал бы в пользу Японии». Через два дня газета «Нью-Йорк Таймс», призывая отменить не только закон о нейтралитете, но и акт Джонсона, писала: «С нашей точки зрения это совершенно нелепо. Умышленно ставить в худшее положение страны, которые разделяют нашу веру в демократию и вынуждены защищаться от фашистской тирании, — безумие и глупость».

комиссии по иностранным делам палаты представителей, сообщила, что после секретного совещания в Белом доме было решено временно подождать с отменой закона о нейтралитете. Это сообщение истолковывалось в США и за границей как решение Вашингтона воздержаться от действий и ограничиваться пока одними словами в этом актуальном и щекотливом вопросе внешней политики Америки.

Между тем гитлеровцы, проглотив Австрию, начали «войну нервов» по отношению к Чехословакии. Германия под видом «защиты» немцев, живущих в Судетской области, предъявила свои права на эту область.

Чехословакия была в союзе с Францией, а позиция Франции зависела от позиции Англии. Чехословакия имела также пакт о взаимопомощи с СССР. Советский Союз остался полностью верным взятым на себя обязательствам. Выступая как защитник неприкосновенности и независимости Чехословацкой республики, СССР неоднократно заявлял о своей готовности выполнять договор о взаимной помощи [1]. По настоянию чехословацкого правительства этот договор был обусловлен помощью Франции. Таким образом, реализация советско-чехословацкого пакта зависела от позиций французского правительства, а поведение Франции определялось в значительной мере позицией Англии.

Клайвденскую клику в Англии, как и антисоветские круги во Франции и США, обуревало желание использовать гитлеровскую агрессию и направить её на восток. Чемберлен послал Рейсимена в Прагу с целью склонить правительство Чехословакии к уступкам Берлину. Чем уступчивее становился Чемберлен, тем наглее действовал Гитлер.

7 сентября 1938 г. лондонский «Таймс» опять, как перед аншлюссом Австрии, запел знакомую уже миру мелодию. Говоря о том, что судетская проблема не может быть удовлетворительно разрешена в пределах Чехословакии, эта газета рекомендовала Праге согласиться на преобразование страны в «более однородное государство, отрезав от неё бахрому

[1] СССР не отказался от своих обязательств даже тогда, когда Чехословакия, приняв германо-англо-французский ультиматум, запросила о позиции Советского Союза в том случае, если Чехословакия всё же решит защищаться с оружием в руках. «Этот вторичный запрос, — заявил тогда народный комиссар по иностранным делам СССР, — вполне понятен, ибо после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, советское правительство, несомненно, имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта. Тем не менее советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт» («Правда» от 24 сентября 1938 г.).

чужестранного населения, расположенного у границ народа, с которым это население имеет расовую связь».

В Берлине не сомневались в том, что «Таймс» выражает точку зрения премьера Великобритании. Гитлер повысил тон. Через пять дней, 12 сентября, выступая на съезде фашистской партии в Нюрнберге, германский фюрер угрожал силой разрешить судетский вопрос.

15 сентября Чемберлен полетел в резиденцию фюрера, в Берхтесгаден. Гитлер в беседе с британским премьером настаивал на выдвинутом им в Нюрнберге требовании о немедленном предоставлении судетским немцам права на самоопределение. Чувствуя «миротворческое» расположение Чемберлена, германский диктатор заявил на прощание, что он «готов скорее рисковать мировой войной, чем ждать» [1].

19 сентября Англия и Франция предложили Чехословакии уступить Германии те пограничные районы её территории, в которых население состоит больше чем на 50% из немцев. Взамен Великобритания обещала участвовать вместе с другими державами в гарантии новых границ республики при условии отказа Чехословакии от военного союза с Францией, СССР, Югославией и Румынией. Чехословакия просила передать вопрос на арбитраж. Но премьеры Англии и Франции Чемберлен и Даладье ультимативно потребовали согласия Чехословакии в течение 48 часов. Правительство Чехословакии не смело больше прекословить.

22 сентября Чемберлен снова прилетает в Германию, на сей раз в Годесберг. Он спешит преподнести Гитлеру в подарок «Sudetenland». Но, к его удивлению, Гитлер принимает его холодно. Заносчивый ефрейтор выдвигает новые требования: очищения Судетской области Чехословакией, включая и некоторые районы, где немцы составляют меньшинство, до 1 октября, т. е. менее чем в 10-дневный срок; оставления военных, промышленных, транспортных и других сооружений в полной сохранности; скот, продовольствие, сырьё и другие всевозможные товары не должны быть эвакуированы. Предъявляя всё новые и новые требования, Гитлер уже больше не говорил так, как неделей раньше в Берхтесгадене, т. е. о присоединении Германии к международным гарантиям новых границ чехословацкого государства. Он держал себя в беседе с главой британского правительства вызывающе.

Годесбергские требования Гитлер предъявил ультимативно и Чехословакии. Чехословакия, отклонив эти требования, объявила общую мобилизацию.

---

[1] «New York Times», 29. IX. 1938.

Вступив на стезю уступок, премьерам Англии и Франции трудно было остановиться. Чемберлен апеллировал к Муссолини, прося его воздействовать на Гитлера. Фюрер согласился ещё на одно свидание.

29 сентября 1938 г. 70-летний Чемберлен совершил третий за две недели полёт в Германию. В этот день в Мюнхене правительства Англии и Франции позорно капитулировали перед Гитлером, приняв фактически годесбергский ультиматум. Капитулянты покорно торопились завершить «сделку», боясь как бы Гитлер не предъявил новых требований. 1 октября началась оккупация Судетской области германскими войсками. Единственное, что Чемберлен и Даладье выторговали в Мюнхене, — это продление срока передачи Германии намеченной чехословацкой территории до 10 октября.

Чехословакию не спрашивали. Она вынуждена была уступить нажиму четырёх великих держав: Англии, Франции, Германии и Италии. Её народ со скрежетом зубовным наблюдал коварство врагов, измену и предательство «друзей». То, что осталось от Чехословакии, было брошено на милость Гитлера. Зато Гитлер «компенсировал» Чемберлена опубликованием в Мюнхене совместного коммюнике о том, что настоящее соглашение, а также англо-германское морское соглашение 1935 г. рассматриваются как «символическое желание обоих народов никогда больше не воевать друг против друга».

В Вашингтоне следили с напряжённым вниманием за полётами британского «ангела мира» в Берхтесгаден, Годесберг и Мюнхен. Мюнхенское соглашение имело для США немаловажное значение. Оно узаконило агрессию, увеличило аппетиты держав оси не только в Европе и окрылило «пятую колонну» в США и в Латинской Америке.

Представитель Вашингтона в Мюнхене не присутствовал. Его подпись не фигурировала под ультиматумами, посланными Чемберленом и Даладье в Прагу. Но хотя правительство США не одобряло мюнхенской сделки, оно поддерживало переговоры, происходившие в Германии. Профессор Бирд утверждает, что президент Соединённых Штатов «не буквально, а по существу направился в Мюнхен вместе с Чемберленом и Даладье»[1]. Этот маститый американский историк, не беспристрастно критиковавший внешнюю политику Рузвельта, слишком резко выражается в данном случае. Но тот факт, что за 2 и 3 дня до подписания соглашения, 26 и 27 сентября, президент США дважды обращался к Гитлеру с просьбой продолжить переговоры с целью сохранения

[1] *C. Beard,* Giddy Minds and Foreign Quarrels, New York 1939, p. 54.

мира, создал в стране убеждение, что и Америка внесла свою лепту в Мюнхен.

Мюнхенское соглашение осуждалось широкими кругами общественности США и вызывало в их рядах разговоры о вероломстве Британии, с которой в последние годы Вашингтон старался сотрудничать в международных вопросах. Мюнхенское соглашение, как мы видели, оказало на выборы в американский конгресс, происходившие через месяц, влияние, обратное тому, которого добивалось правительство США. В США, правда, нашлись известные политические деятели, приветствовавшие соглашение в Мюнхене. К ним относились такие люди, как Херст, Гувер и Линдберг, сенатор Ванденберг и посол Кеннеди. Известный автомобильный промышленник Нудсен, возглавлявший тогда фирму «Дженерал Моторс», даже лично поздравил Гитлера с «успехом». Но эти реакционеры и их сторонники так или иначе выступали на выборах против Рузвельта.

После выборов в 76-й конгресс правительство США действовало более энергично и решительно против фашистских агрессоров. Прежде всего оно старалось обезопасить ближайший тыл США, ударить по разветвлённой агентуре Гитлера в Латинской Америке.

9 декабря 1938 г. в столице Перу, в Лиме, открылась 8-я панамериканская конференция. Этот день ежегодно отмечается как дата последнего сражения Южной Америки за свою независимость. Конференция была направлена против оси Берлин—Рим—Токио, против проникновения фашистских держав в латино-американские страны. Она заседала до 27 декабря, закончив свою работу за месяц до эвакуации Барселоны и за 3 месяца до падения Мадрида и установления с помощью Гитлера и Муссолини диктатуры генерала Франко над всей Испанией. В Берлине рассчитывали, что франкистская Испания и её фаланги за океаном сыграют важную роль в борьбе фашизма за Латинскую Америку. Об этом открыто говорили 13 февраля 1939 г. в Иберийско-американском институте в Берлине как о компенсации за ту помощь, которую Германия оказывала мятежникам в Испании [1].

Делегация США в Лиму состояла из лидеров республиканцев и демократов, представителей Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, известных деятелей протестантской и католической церкви, представителей женских и других общественных организаций, проникнутых решимостью бороться против укрепления фашизма на американской почве.

[1] «Communist», July 1939, p. 642.

Инициатива правительства США в деле борьбы с фашизмом в западном полушарии нашла широкий отклик среди прогрессивных сил латино-американских государств. Новая «добрососедская политика» Рузвельта содействовала сплачиванию антифашистских сил в странах, расположенных к югу от США. Во многих случаях туземная интеллигенция, учащаяся молодёжь и рабочие, завербованные в фашистские организации с помощью демагогической программы социальных реформ, убедившись в том, что эти организации действуют в ущерб национальным интересам их стран, отошли от фашизма и присоединились к демократическому движению. В Мексике демократическое движение одерживало победу за победой над силами реакции и фашизма. В Чили, где годами фашизм был весьма активен, за 6 недель до конференции в Лиме победил на президентских выборах народный фронт. Прогрессивные силы добились определённых успехов и в ряде других латино-американских стран.

Из представителей больших южноамериканских государств на конференции только делегация Аргентины выступала в Лиме как орудие реакции и фашизма. Представители 17 латино-американских республик одобряли предложения Хэлла. Тем не менее Хэлл, желая сохранить единство на конференции, опасаясь ещё большего сближения Аргентины с соперниками США в Латинской Америке, сам отказался от своих предложений с целью достижения компромисса.

Конференция в Лиме приняла свыше 100 резолюций, в большинстве своём проникнутых антифашистским духом. Резолюции были приняты против подрывной деятельности иностранной агентуры в Америке, против расовых предрассудков, религиозных преследований и др. Основное решение конференции о солидарности американских государств, названное «Лимской декларацией», подтвердило и закрепило соглашение о взаимной консультации в случае угрозы миру, заключённое в 1936 г. в Буэнос-Айресе. Другие вопросы, обсуждавшиеся в Лиме, — например, вопрос об определении агрессора — были перенесены на следующую панамериканскую конференцию.

Итоги конференции в Лиме оценивались, по словам Хэлла, «как свидетельство создания общего фронта против любой угрозы миру извне, в защиту безопасности, территориальной независимости и демократических институтов стран западного полушария». Под флагом защиты демократии и очищения континента от фашистской чумы протекал через 3 месяца после Лимской конференции конгресс демократических сил латино-американских стран в Монтевидео.

Одновременно в Вашингтоне принимали меры к укреплению обороны западного полушария. В начале января 1939 г. морской министр США Свенсон просил конгресс утвердить проект строительства 30 новых военно-морских и военно-воздушных баз. Проект предусматривал сооружение баз в зоне Панамского канала, на островах Порто Рико, Куба и Сант Томас.

В Вашингтоне также начали уделять больше внимания обороне США в Тихом океане. В списке 30 новых баз, составлявших проект Свенсона, числились укрепления на Гавайях, на островах Гуам, Мидуэй, Уэйк, Уналяска и в других пунктах. Постройка базы на Гуаме, расположенном в районе японских мандатных островов, имела не только военное, но и политическое значение. Вашингтон дал знать, что он, как и Токио, не считает себя больше связанным соглашением 1922 г., запретившим строительство военных укреплений в этой части Тихого океана. Положение на Дальнем Востоке становилось всё более напряжённым, а отношения между Америкой и Японией — всё более натянутыми. 26 июля 1939 г. США известили Японию, что через 6 месяцев они расторгнут договор о торговле и навигации, регулировавший экономические отношения между обеими странами с 1911 г. «Моральное эмбарго», наложенное в середине 1938 г. государственным департаментом на экспорт продукции авиационной промышленности в Японию, было расширено в 1939 г. Между тем события в Европе продолжали развиваться с головокружительной быстротой.

15 марта 1939 г. германские войска оккупировали то, что осталось после грабежа, произведённого пятью месяцами раньше, от недавно независимого, демократического чехословацкого государства. Назавтра, 16 марта, Гитлер издал декрет о подчинении Германии оккупированной территории под названием «протекторат Богемии и Моравии». В тот же день его министр иностранных дел Риббентроп в речи по радио разъяснил, что «Чехия и Моравия становятся германской провинцией».

Через неделю после оккупации Чехословакии, 22 марта 1939 г., Гитлер аннексировал Клайпедскую область Литвы и тут же начал предъявлять претензии к Польше. Мегаломания фюрера и бряцание оружия его армии вызывали ужас в малых, граничащих с Германией странах. Вслед за рыканием крупного хищника послышался вой шакала: 25-го того же месяца Муссолини публично заявил, что Италия требует Тунис, Джибути и Суэцкий канал. С тех пор не прошло и

двух недель, как он обрушился на Албанию. 7 апреля итальянская авиация бомбардировала албанские города.

22 мая 1939 г. Германия и Италия объявили, что ось Берлин—Рим официально преобразована в оборонительный и наступательный военный союз. Руководящая фашистская печать, комментируя договор о союзе, утверждала, что речь идёт о борьбе за «жизненное пространство»: Германии — в Прибалтике, в Центральной и Восточной Европе, а Италии — на Балканах, в бассейне Средиземного моря и в Африке.

Правительство США рассматривало насильственный, безнаказанный захват чужих территорий в Европе и Азии как опасную угрозу, которая рано или поздно обрушится на Америку, как предварительный этап к нападению с востока и с запада старого фашизированного мира на Новый Свет, как на перспективу большой войны в двух океанах, к которой США не были готовы. В феврале 1939 г. на совещании в Белом доме президента с членами сенатской комиссии по военным делам Рузвельт, предупреждая, что «война неизбежна», утверждал, что она представит прямую угрозу миру и безопасности США.

Касаясь причин надвигающейся новой мировой войны и сущности опасений США, Рузвельт отметил, что борьба идёт прежде всего за господство в Европе; но если Германия установит своё господство в Европе, то она получит возможность продолжать борьбу за мировое господство. Указывая на экономические факторы, лежащие в основе обострившейся борьбы между европейскими капиталистическими державами, Рузвельт сказал, что Соединённые Штаты являются страной, «владеющей мировыми богатствами (a have nation), которой угрожает нападение со стороны государств, не владеющих этими богатствами (the have-nots)» [1].

Отношения между Вашингтоном и Берлином, которые и раньше не были дружественными, резко ухудшились с осени 1938 г.

15 ноября этого года в связи с погромами в Германии Рузвельт заявил, что ему «трудно поверить, чтобы такие действия совершались в цивилизованном XX веке». В знак протеста он предписал американскому послу в Берлине Вильсону немедленно покинуть Германию.

За несколько недель до окончательного захвата Германией Чехословакии Рузвельт, находясь в пути к месту манёвров американского флота, обеспокоенный полученными

---

[1] *J. Alsop* and *R. Kintner*, American white paper, New York 1940, p. 30—31.

тревожными сведениями о предстоящем новом международном кризисе, вынужден был вернуться до срока в Вашингтон. Через месяц после оккупации Чехословакии, 14 апреля, Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с предложением дать заверение, что вооружённые силы Германии и Италии не нападут на владения 31 независимой страны по крайней мере в течение ближайших 10 лет. Прямого ответа не последовало. Но Гитлер, произнося 28-го того же месяца речь в рейхстаге, сказал, что Германия никому не угрожает, что она чуть ли не самая миролюбивая страна в мире, что он, мол, не просит от Рузвельта заверения о ненападении США на их соседей в западном полушарии.

Послание Рузвельта к Гитлеру и Муссолини от 14 апреля 1939 г. отражало не только взгляды правительства США, но и выражало глубокие чувства и настроения широких масс американского народа. Странно прозвучала в ушах этих масс попытка Чемберлена оправдать себя в день оккупации Чехословакии, когда 15 марта он в палате общин заявил, что попрежнему уверен в «искренности» Гитлера в Мюнхене, хотя последние действия Германии «не соответствуют духу мюнхенского соглашения».

С удовлетворением отмечали в общественных кругах США ответ СССР на германские ноты по поводу ликвидации чехословацкого государства. 18 марта 1939 г. советское правительство в ноте Германии заявило, что оккупация Чехии и изменение статуса Словакии являются актом агрессии, актом, нарушившим политическую устойчивость в средней Европе, увеличившим элементы тревоги и нанесшим новый удар чувству безопасности народов.

Вскоре сама Германия подтвердила, что опасения её соседей были вполне обоснованы. Гитлер начал изрыгать угрозы по адресу Польши, требуя Данциг и Коридор. Через несколько месяцев он заявил английскому послу в Берлине Гендерсону, что «он предпочитает войну сейчас, когда ему, Гитлеру, 50 лет, тому времени, когда ему будет 55 или 65 лет».

С самого начала 1939 г. правительство США принимало меры к усилению армии и флота. 12 января Рузвельт просил конгресс утвердить «программу необходимого минимума обороны». После долгих колебаний конгресс в июне согласился создать запасы стратегического сырья. В том же месяце было заключено соглашение с Англией об обмене американского хлопка на британский каучук. Но больше всего правительство старалось обеспечить американскую помощь противникам Гитлера в случае войны в Европе. Оно твердило, что запрет на вывоз оружия из США в воюющие страны оказы-

вает прямую поддержку Германии, которая лучше вооружена и подготовлена к войне, чем те государства, на которые она готовит нападение. Несмотря на этот запрет, Рузвельт утверждал на приёмах представителей печати, что «американские авиационные заводы готовы к услугам Англии и Франции» [1].

4 января 1939 г. в послании открывшемуся 76-му конгрессу Рузвельт говорил: «Мы убедились, что наш закон о нейтралитете может оказать содействие агрессору и лишить помощи жертву агрессии. Простой инстинкт самосохранения должен подсказать нам, что мы не можем допустить повторения этого в будущем». Через два дня после оккупации Чехословакии, 17 марта, президент США просил конгресс спешно пересмотреть акт о нейтралитете.

В конгрессе и в печати развернулась большая дискуссия. Изоляционисты засуетились. Они ревниво отстаивали концепцию об иммунитете Америки от фашистского нападения.

С 5 апреля до 10 мая 1939 г. заседала комиссия по иностранным делам сената. 23 видных сенатора под председательством Питтмена из Невады заслушали мнение крупнейших экспертов США по вопросам внешней политики. Выступали на комиссии бывший государственный секретарь Стимсон и бывший помощник государственного секретаря Лонг, председатель Военно-промышленного совета в первую мировую войну Барух, председатель Ассоциации внешней политики Бьюэлл, один из авторов пакта Келлога, профессор Шотвель и др.

Профессоры Стилвелл и Бирд защищали изоляционистскую точку зрения, позицию строгого нейтралитета. Стилвелл, утверждая в комиссии сената, что никакой агрессор не опасен, если его базы расположены на расстоянии не менее 1 500 миль от объекта нападения, заключил: «Что бы ни случилось в Европе или в Азии, США остаются вне всякой опасности» [2].

Бывший председатель Американского исторического общества профессор Бирд, признавая, что нейтралитет во время войны обойдётся США очень дорого, говорил всё же, что Америка в борьбе за сохранение нейтралитета должна мириться со многими неудобствами, не останавливаясь перед отказом от внешней торговли, так как эти жертвы, как бы они ни были велики, будут меньше жертв войны. Много ли стоит Европа, спрашивал Бирд, если она без помощи Америки не может справиться с Германией и Италией?

---

[1] «New York Herald Tribune», 3. II. 1939.

[2] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 19, p. 562.

Третий адвокат изоляционизма, генерал Джонсон, пытался воздействовать на комиссию сената изречениями вроде того, что «Америка никогда не проигрывала войны и никогда не выигрывала мира»; что успешное ведение современной войны потребует от США отказа от демократии и Америке придётся прежде всего перещеголять — «перегитлеровать Гитлера в диктаторском режиме во внутренней политике» [1].

Профессор международного права Фенвик доказывал несостоятельность изоляционизма, но вместе с тем он говорил, что ни одна из держав оси не осмелится напасть на США. Германия, по его мнению, не повторит ошибки прошлой войны, а Японию можно будет заставить принять американские условия, прекратив с ней торговлю и спокойно выжидая [2].

Сторонники отмены акта о нейтралитете доказывали, что идея сохранения мира путём издания закона против войны абсурдна. Эмбарго на вывоз оружия в Британскую империю, помимо всего прочего, технически не осуществимо. США не могут отказаться от торговли с северным соседом. Они не в состоянии абсолютно контролировать экспорт в Канаду, как и импорт из Канады. Примером может служить «сухой» закон. Бьюэлл, дискуссируя с теми, которые утверждали на комиссии сената, что ни одна из держав оси не осмелится напасть на Америку, ссылался на берлинскую «Börsen-Zeitung», которая в те дни призывала правительства «умиротворения» Англии и Франции совместно с Германией и Италией поживиться за счёт США в западном полушарии» [3].

Профессор Шотвель и бывший государственный секретарь Стимсон полемизировали против самого сильного аргумента изоляционистов, против их претензий на гарантию США от милитаризма и на защиту таким путём американского образа жизни. В 1939 г. наиболее доходчивый аргумент изоляционистов стал наиболее сильным аргументом против них. Никто никогда так не угрожал американскому укладу жизни, как Гитлер в случае его победы в Европе. Военные эксперты США утверждали, что если Гитлер выйдет из затеянной им европейской войны победителем, то в самом лучшем случае Америке придётся тратить минимум 10—15 млрд. долл. в год только на содержание армии и флота [4]. Стимсон доказывал, что в случае установления господства фашизма на восточных берегах Атлантики при наличии в Тихом океане такой агрессивной державы, как Япония, США пришлось бы

---

[1] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 10, p. 281.
[2] Ibid., part 6, p. 193—194.
[3] Ibid., part 8, p. 237.
[4] *C. Clark,* Defense for America, New York 1940, p. 64.

постоянно содержать военно-морской флот, в 2 раза больший английского, и постоянную сухопутную армию, в 2 раза большую германской. Он говорил, что, если державы оси победят, то западное «полушарие окажется экономически настолько пострадавшим и в военном отношении настолько угрожаемым, что оно не будет тогда ни безопасным, ни счастливым кровом для народа с американскими понятиями жизни» [1].

30 июня 1939 г. после продолжительного и бурного обсуждения вопрос о пересмотре закона о нейтралитете был поставлен на голосование в палате представителей. Изоляционисты обеих партий соединились и большинством в 200 против 188 голосов добились принятия резолюции о сохранении эмбарго на вывоз оружия в воюющие страны, не делая разницы между агрессором и жертвой агрессии. Сторонникам правительства с трудом удалось изъять из резолюции слова «орудия войны», надеясь таким путём обеспечить возможность экспорта в военное время самолётов, автомобилей и других важных материалов.

В комиссию по иностранным делам сената поступили 6 проектов о пересмотре закона о нейтралитете. Правительство поддерживало предложение о запрещении продажи оружия и военных материалов только агрессорам. 11 июля комиссия большинством в 12 голосов против 11 решила отложить дальнейшее рассмотрение вопроса до начала 1940 г.

14 июля Хэлл, осуждая позицию изоляционистов в конгрессе, утверждал, что эта позиция содействует развязыванию агрессии: она даёт основание подготовленной к нападению Германии надеяться, что её противники будут лишены возможности приобретать необходимые военные материалы в Америке.

18 июля, после совещания в Белом доме президента США и государственного секретаря с лидерами республиканцев и демократов, Рузвельт и Хэлл опубликовали заявление о том, что «отказ сената пересмотреть в настоящее время закон о нейтралитете ослабит влияние США в деле сохранения мира среди народов в случае нового кризиса в Европе в промежутке между нынешней и очередной сессией конгресса» [2].

Переубедить сенаторов не удалось. 18 июля одновременно с заявлением Рузвельта и Хэлла лидер правительственной партии в сенате Беркли заявил, что «на нынешней сессии конгресса невозможно пересмотреть закон о нейтралитете».

---

[1] «76th Congress, Neutrality, Peace Legislation» etc., part 1, p. 35.
[2] «Peace and War» etc., «New York Times», 6. I. 1943.

Сессия 76-го конгресса закрылась 5 августа 1939 г. Эмбарго на оружие осталось в силе. Дискуссия в стране продолжалась. Но события последующих лет выдали побуждения наиболее горячих «изоляционистов». Те сенаторы, которые перед второй мировой войной активнее всех выступали за полный уход Америки с Дальнего Востока, заняли противоположную позицию после войны, когда вооружённые силы США стали хранителями реакции в Китае и Японии. Те, которые громче других осуждали любое вмешательство Америки в европейские дела, когда речь шла об отпоре фашистской агрессии, стали впоследствии горячими поборниками вмешательства в дела европейских стран в интересах сохранения реакционно-монархических институтов и остатков фашизма на земном шаре.

Лето 1939 года. Дискуссия в разгаре. Многие в США защищают на словах мир. Все оппоненты говорят об одинаковой цели. Они расходятся только в средствах и в прогнозах. Кто прав: правительство или конгресс, большинство или меньшинство в конгрессе?

Ответа долго ждать не пришлось. Лето 1939 г. приближалось к концу. Страницы истории переворачивались быстро.

1 сентября началась война в Европе.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

ААА (с.-х. мероприятия Рузвельта) — *368—374, 379, 380.*
Абсентеизм — *274, 275, 324.*
Автомобилизм — *212, 213.*
Акты:
  Адамсона — *28.*
  Вагнера — *396.*
  Джонсона — *440, 460.*
  «Золотого резерва» — *353, 356, 358.*
  «Национального происхождения» — *284.*
  Об ограничении детского труда — *7, 113.*
  О нейтралитете — *440, 441, 458—460, 469—471.*
  О сохранении почвы и распределении земли — *373.*
  О Филиппинах — *79, 319, 432, 433.*
  О шпионаже — *94, 141.*
  Эш-Куминса — *172.*
Акции:
  Падение — *292.*
  Рабочие — *248—250.*
  Распределение — *187, 188, 249, 250.*
Американская алюминиевая компания — *72, 113, 124.*
Американская лига мира и демократии — *456.*
Американская телефонная и телеграфная компания — *185, 188—190, 201, 251, 283.*
Американская федерация труда (АФТ) — *18, 29, 36, 37, 42, 79, 81—88, 130, 131, 133—138, 154, 171, 236, 242, 244, 248, 271, 275, 303, 321, 381—387, 390, 392—395, 420, 423, 424, 464.*
«Американский индивидуализм» — *281, 282, 290, 320, 340, 345.*
Американский институт железа и стали — *283, 391, 416.*
Американский легион — *96.*
Амо декларация — *431—433, 445.*
Англо-американское соперничество — *159, 259—264, 306, 308, 314—316, 449.*
Англо-японский союз — *120.*
Антанта — *12, 16, 38, 56, 58, 67, 68, 75.*
«Антикоминтерновский пакт» — *444, 449, 467.*
Антисоветская пропаганда — *65, 66, 457.*
Антитрестовские законы:
  Клейтона — *7, 8, 112, 113, 193, 360—363.*
  Шермана — *112, 190, 193, 360—363.*
АРА (Американская организация помощи) — *280.*

Б

Банки:
  Международный — *258.*
  Национальные — *202, 207.*
  Рабочие — *248, 250.*
  Резервные — *8, 9, 15, 105, 168, 202, 205, 206, 287, 301—303, 351—353, 358.*
Банковская система — *356, 357.*
Банковские законы:
  1913 г. — *8.*
  1933 г. — *357, 358.*
  1935 г. — *357, 358.*

Банкротства банков — *205, 303—305, 354—357.*
Банкхеда билль — *370.*
Безработица — *126, 230, 268, 289—291, 294, 295, 320, 375—377, 380, 424.*
Беспартийная рабочая лига — *417.*
Биржа — *11, 105, 193, 199, 202, 206—208, 252, 253, 267, 275, 285—288, 292, 357.*
Биржевой акт 27 мая 1933 г. — *357.*
Биржевые крахи:
1929 г. — *287, 288.*
1930 г. — *290.*
Блокада — *25.*
Братства железнодорожников — *87, 171, 172, 244, 248, 423.*
Бюро помощи ветеранам — *149.*

В

Вашингтона завещание — *116.*
Версальский договор:
Переговоры в Париже — *59—63.*
Отклонение сенатом — *70—76.*
Верховный суд — *37, 112—114, 140, 154, 165, 172, 238, 239, 351, 367, 396, 421, 422.*
Вифлеемская стальная корпорация — *24, 51, 207, 306, 348.*
Военно-продовольственное ведомство — *37.*
Военно-промышленный совет — *36.*
Военные действия армии США — *46—48.*
Военные долги — *159—163, 258, 305, 309—311, 438, 439, 448, 449.*
Военные потери — *50.*
Военные прибыли — *51.*
Военные расходы — *50, 51.*
Военный совет рабочей политики — *37.*
Военный совет труда — *37.*
Войны:
Боливо-парагвайская — *315.*
Война в Китае (1937 г.) — *448, 449, 458, 459.*
Война в Маньчжурии — *311—313, 431.*
Война за независимость — *100, 270.*
Гражданская в Бразилии — *316.*
Гражданская в Испании — *458, 460, 464.*
Гражданская в США — *35, 78, 82, 398.*
Испано-американская — *10, 165.*
Первая мировая — *10, 48.*
Временный национально-экономический комитет — *379.*
Выборы в конгресс:
66-й (1918 г.) — *53, 100.*
67-й (1920 г.) — *107, 115.*
68-й (1922 г.) — *114, 115, 144, 171.*
69-й (1924 г.) — *173.*
70-й (1926 г.) — *274.*
71-й (1928 г.) — *274.*
72-й (1930 г.) — *291.*
73-й (1932 г.) — *325.*
74-й (1934 г.) — *398—401.*
75-й (1936 г.) — *419, 420.*
76-й (1938 г.) — *423—425, 459, 464.*
Выборы президентские:
1912 г. — *6, 7, 151, 334, 335.*
1916 г. — *27, 31, 53.*
1920 г. — *70, 78, 99, 100, 102, 103, 106, 107, 109, 110, 274, 335.*
1924 г. — *167, 168—174, 274.*
1928 г. — *206, 223, 267—275, 282, 337, 347.*
1932 г. — *310, 311, 316—324, 338, 339, 341, 347, 349, 359, 407, 418, 419, 424, 428.*
1936 г. — *151, 327, 338, 397, 403, 408, 411, 415—420.*
1940 г. — *338, 342.*
WPA (Администрация общественных работ) — *376, 393.*

Г

Гаагский трибунал — *441, 442.*
«Голодные походы» — *296.*
Государственный долг — *350, 358.*
«Гуверовская бомба» — *321.*
«Гуверовские городки» — *294.*

Д

Двадцать одно требование Японии к Китаю — *119.*
Девальвация доллара — *40, 353—355, 427.*
«Демократизация богатства» — *188, 247—250.*
Денежное обращение — *351—355, 359, 360.*

Держательские компании — *189—203, 282, 303, 319, 347, 358.*
«Дженерал Моторс» — *180, 184, 185, 188, 202, 250, 268, 361, 388, 390, 391, 424, 464.*
«Дженерал Электрик» — *188, 193, 206, 392.*
Добавления к конституции:
17-е — *7.*
18-е — *38, 39, 75, 225, 226, 269, 318.*
19-е — *78, 79.*
21-е — *226, 318.*
Доктрины:
Монро — *17, 62, 75, 115, 124, 164, 166, 434, 455.*
«Открытых дверей» — *115, 119, 123, 166, 257, 312, 431.*
Стимсона — *313, 431.*

З

«Займы свободы» — *39, 41, 187, 354, 358.*
Заработная плата — *233, 234, 244, 289, 363, 421.*
«Золотой блок» — *427.*
Золотой запас — *351—355.*

И

Издольщики — *245, 246.*
Изоляционизм — *34, 70, 115—118, 121, 124, 125, 157, 253, 258, 264, 306, 316, 411, 412, 425, 426, 428, 430, 432, 434, 439, 440, 442, 446, 450, 457—459, 469—471.*
Иммиграционные квоты — *125, 128, 166, 167, 283, 284, 380, 381.*
Индейцы — *246, 247.*
Индустриализация Юга — *239, 240.*
Индустриальные рабочие мира (ИРМ) — *83, 135.*
Интервенция в России — *64—70.*
Ипотечная задолженность — *103.*

К

«Карантин против агрессоров» — *459.*
Cash and carry — *458.*
Кинга билль — *460.*
Комиссии:
Биржевая — *358.*
Лафоллета — *302.*
Национальных ресурсов — *186.*
Ная — *14, 16, 439.*
По иностранным долгам — *160.*
Уолша — *147, 148, 150.*
Федеральная топливная — *132.*
Комитет Гувера — *177, 178, 190.*
Комитет производственных профсоюзов (КПП) — *386—393.*
Коммунистический Интернационал — *91—93.*
Компартия, *см.* Партии.
Компанейские союзы — *138—141, 402.*
Конгресс производственных профсоюзов (КПП) — *393, 394, 397, 417, 420, 424, 464.*
Конференции:
Брюссельская 1937 г. — *449.*
Вашингтонская 1922 г. — *121—123, 257, 261, 262, 311—313, 431, 445, 447, 451.*
Вашингтонская экономическая 1931 г. — *299.*
Генуэзская 1922 г. — *157.*
Женевская морская 1927 г. — *262, 305, 306.*
Женевская экономическая 1927 г. — *175.*
Лозаннская 1922 г. — *157.*
Лозаннская 1932 г. — *310.*
Лондонская морская 1930 г. — *305—309, 445.*
Лондонская морская 1935 г. — *445.*
Лондонская экономическая 1933 г. — *427, 428.*
Оттавская 1932 г. — *314, 315.*
По разоружению 1932 г. — *321, 428.*
Центрально-американских государств 1923 г. — *166.*
Кризисы:
1920—1921 гг. — *104, 105, 113, 129, 144, 230, 232, 288, 291, 305.*
1929—1933 гг. — *275, 286—305, 309, 314, 317, 319, 324, 345, 352, 356, 368, 381, 397, 425.*
1937—1938 гг. — *424, 425.*
Ку-клукс-клан — *96—98, 170, 403, 404, 412.*

Л

Лансинг—Исии соглашение — *43, 119, 123.*
Ленин:
О Вильсоне — *57, 59.*

О Гомперсе — *83.*
О концентрации производства в США — *185.*
О Лиге социалистической пропаганды — *89.*
О начале эпохи империализма — *329.*
О паразитизме американского капитализма — *201.*
О рабочих-иммигрантах — *127.*
О развитии капитализма в США — *176.*
О республиканцах и демократах — *99.*
Предложения Буллиту — *68.*
Тактические указания — *136.*
Лига наций — *61—63, 70—77, 106, 107, 118, 121, 157, 158, 262, 312, 313, 336, 428, 441.*
Лига свободы — *401—403, 416.*
Лига социалистической пропаганды — *83, 89.*
Лимская декларация 1938 г. — *465.*
ЛПЕ (Лига профсоюзного единства) — *242, 244, 394.*
ЛПП (Лига профсоюзной пропаганды) — *136, 137, 239, 242, 394.*
«Лузитания» — *25—27, 63.*
Лудлоу добавление — *459.*

М

Мак-Нери билль — *272, 273, 284.*
Мирный договор США и Германии (1921 г.) — *76.*
«Мозговой трест» — *343, 359, 360, 411, 427.*
Мораторий по военным долгам — *309—311.*
Морские вооружения — *120—122, 261—266, 306—309, 445—448.*
Мюнхенское соглашение — *462—464, 467.*

Н

Налоговая политика Меллона — *114, 115, 120, 171.*
Национальное богатство — *105, 106, 144, 175, 176, 186, 203 253, 287, 288, 350—352.*
Национальные конвенты:
1916 г. — *28, 29*
1920 г. — *102, 103.*
1924 г. — *169—172.*
1928 г. — *268.*
1932 г. — *316—323.*
1936 г. — *415—419.*
Негритянский вопрос — *47, 97, 98, 243—246, 297, 421.*
Нейтралитет:
Акт 1935 г., *см.* Акт о нейтралитете.
Декларация 4 августа 1914 г. — *11, 18.*
Нефтяная панама — *146—150, 167.*
«Новая свобода» — *7—9, 28, 33, 77, 95, 98.*
Новый курс (Нью-дил) — *349—380, 399—402, 410, 417.*
НРА (Национальная администрация по оздоровлению промышленности) — *360—384, 395, 396*

О

«Обезьяний процесс» — *221—223, 229.*
«Открытая мастерская» — *81—88.*

П

Пакт Келлога — *265, 266, 312, 431.*
Панамериканские конференции:
5-я в Сант-Яго (1923 г.) — *164.*
6-я в Гаванне (1928 г.) — *256.*
7-я в Монтевидео (1933 г.) — *435.*
Внеочередная в Буэнос-Айресе (1936 г.) — *437.*
8-я в Лиме (1938 г.) — *464, 465.*
Партии:
Американская рабочая — *417, 423.*
Демократическая — *99—101, 398.*
Коммунистическая — *89—93, 141—143, 377, 394, 395.*
Республиканская — *99—101, 398—401.*
Социалистическая — *322, 418.*
Фермерско-рабочая — *172.*
PWA (Администрация общественных работ) — *375.*
Переписи населения:
1910 г. — *126.*
1920 г. — *126.*
1930 г. — *244, 413.*
Планы:
«Б.-О.» — *139, 140.*
Гувера (сельскохозяйственный) — *284, 369.*

Дауэса — *158, 159, 162, 166, 168, 258.*
Плэмба — *87, 88.*
Таунсенда — *412—415.*
Юнга — *158, 258, 309.*
Политика «доброго соседа» — *435, 436, 465.*
Поход ветеранов войны (1932 г.) — *296, 297.*
Пресса — *215—218, 415.*
Преступность — *226—229.*
Продукция сельского хозяйства — *231, 232.*
Прожиточный минимум — *229, 230, 233, 301.*
Промышленное производство — *267, 268, 291—293, 314, 367, 368, 378.*
Промышленный ценз 1927 г. — *240.*
Процесс в Скоттсборо — *297, 298.*
Процесс коммунистов в 1923 г. — *142.*
«Пятая колонна»:
В Латинской Америке — *452—455, 464, 465.*
В США — *451, 452.*

Р

Расовая дискриминация — *47, 97, 98, 110, 135, 136, 166, 167, 243, 244, 297, 405, 421.*
Репарации — *57, 60, 157—159, 165, 258, 309, 310.*
РФК (Реконструктивная финансовая корпорация) — *303, 305, 354, 355, 374.*

С

«Свобода морей» — *264.*
Советы в США — *79.*
Социальное страхование — *247, 377, 399, 402, 416.*
Спорт — *218, 219, 229.*
Сталин:
О мирном сосуществовании СССР и США — *444.*
О назревании кризиса в США — *266.*
О «Нью-дил» — *380.*
О попытках создания единого фронта против СССР — *159.*
О послекризисном периоде — *378.*
О прибыли капиталистов — *365, 366.*
О причинах затягивания мирового экономического кризиса — *293.*
О причинах мировых войн — *16, 17.*
О Рузвельте — *349.*
О теории «исключительности» — *266.*
«Стальной трест» — *8, 72, 81, 84—87, 112, 125, 143, 185, 188—192, 202, 249, 348, 391, 393, 402, 415, 424.*
Стандартизация — *177, 178.*
«Стандарт-Ойл»:
Индианы — *188.*
Нью-Джерси — *185, 188, 207.*
Нью-Йорка — *188.*
Стачки:
В Нью-Йоркском порту (1919 г.) — *80.*
Всеобщая в Сан-Франциско (1934 г.) — *382, 383.*
Всеобщая текстильщиков (1934 г.) — *384.*
В Сиэтле (1919 г.) — *80.*
В стальной промышленности (1919 г.) — *85—88, 95.*
Железнодорожников (1922 г.) — *131—133, 137.*
Железнодорожников (1919 г.) — *87.*
На антрацитовых шахтах (1925—1926 гг.) — *234.*
На заводах Крейслера (1939 г.) — *393.*
На заводах «Стального треста» (1937 г.) — *393.*
На предприятиях «Дженерал-Моторс» (1936 г.) — *390, 391.*
На предприятиях Крейслера (1936 г.) — *391.*
Полицейских в Бостоне (1919 г.) — *81.*
Рабочих WPA (1939 г.) — *393.*
Текстильщиков в Гастони (1929 г.) — *242, 243.*
Текстильщиков в Южной Каролине (1933 г.) — *381.*
Текстильщиков (1925 — 1929 гг.) — *239—242.*
Углекопов (1922 г.) — *129—133, 137, 235.*
Углекопов (1927—1928 гг.) — *235—237.*
Углекопов (1919 г.) — *88, 129.*
Углекопов (1939 г.) — *393.*
Шахтёров в Колорадо (1914 г.) — *9.*

Шахтёров в Пенсильвании (1933 г.) — *381.*
Шахтёров (1930—1931 гг.) — *296.*
Швейников в Нью-Йорке (1933 г.) — *381.*
Стачки «сидячие» — *388—397.*
Суд Линча — *422.*
«Сухой» закон — *38, 39, 75, 95, 223—229, 269, 318, 324, 367, 470.*
США и Англия — *10, 11, 13, 159, 259, 449.*
США и Канада — *256.*
США и Латинская Америка — *115, 123, 124, 163—166, 253—255, 275, 434—437.*
США и СССР — *119, 166, 322, 429, 430, 443, 444, 457.*
США и Япония — *119, 120, 261—263, 308, 311, 431—433, 449.*

Т

Таммани-Холл — *334, 338.*
Таможенные тарифы:
Андервуда — *7.*
Мак-Кембера — *124, 125, 161, 283.*
Смута — *285, 289, 290.*
Теория «исключительности» — *266.*
Технократы — *302.*
Торговая палата — *72, 87, 360—362, 415.*
Тройственное согласие — *10.*
Тройственный союз — *10.*
Туризм — *213, 229.*

Ф

Фашистская агрессия — *455, 456, 461, 462, 466—472.*
Фашистские организации:
«Бдительные» — *404.*
«Германо-американский союз» — *404, 452.*
«Друзья новой Германии» — *404.*
«Национальный союз социальной справедливости» (Кофлин) — *411, 412.*
«Орден 76-го года» — *404.*
«Рубашки хаки» — *404.*
«Серебряные рубахи» — *404.*
«Чёрный легион» — *403.*
Федеральная резервная система — *168, 205, 267, 291, 302, 352, 353, 358, 378.*
Федеральная страховая корпорация — *357.*
Федеральная фермерская палата — *284, 289, 369.*
FERA (Федеральная чрезвычайная администрация помощи) — *375, 376.*
Фермерское движение — *171, 172, 273, 298, 299, 368.*
Фермерское кредитное управление — *372.*
Фундаментализм — *98, 220—223.*

Ц

CWA (Гражданская администрация общественных работ) — *375, 376.*
CCC (Лагери безработной молодёжи) — *376.*

Ч

«Чёрный пояс» — *245.*
«Чёрный список» — *13, 14.*
«Чёрный Том» — *24.*
«Четырнадцать пунктов» Вильсона — *31, 41, 42, 56—58, 62, 63.*

Э

Экспорт:
Капиталов — *52, 113, 125, 156—165, 252, 253, 257, 259, 305, 309, 310, 314, 434, 435, 438, 439.*
Товаров — *11, 12, 14, 103, 116, 159, 161—163, 250—252, 256, 257, 290, 315, 442, 443.*
Эмбарго, *см.* Акт о нейтралитете.
Эмбарго моральное — *466.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Агрикола — *277, 278.*
Адамс — *146, 202, 237, 283.*
Адерхольт — *243.*
Айрес — *286.*
Альберт — *23.*
Аль-Капоне, *см.* Капоне.
Амо — *431.*
Амундсен — *218.*
Андерс — *224.*
Андерсон — *88.*
Армстронг — *246.*
Артур — *317.*
Асквит — *14.*
Астор — *210.*

Б

Бальфур — *14, 43, 58, 121, 122, 159, 335.*
Барджес — *229.*
Барух — *34, 36, 85, 187, 469.*
Бейер — *140.*
Беккер Джордж Фишер — *416.*
Беккер Ньютон — *34, 35, 67, 210, 288.*
Берли — *185, 187, 188, 359.*
Бетлер — *51, 110, 112, 265.*
Бетман-Гольвег — *21.*
Бирд — *209, 463, 469.*
Бисмарк — *63.*
Битти — *121.*
Блисс — *54.*
Бой-Эд — *24.*
Боливар — *124.*
Болдуин — *174, 449.*
Бора — *34, 69, 70, 73, 118, 121, 255, 265, 306, 313, 366, 409, 430, 458.*
Брайан Вильям — *7, 11, 13, 27, 29, 34, 102, 118, 170, 221—223, 335.*
Брайан Чарльз — *170.*
Брандис — *109.*
Бриан — *121, 265.*
Буллит — *68, 69.*
Бэкон — *29.*
Бьюэлл — *469, 470.*

В

Вагнер — *396.*
Ванденберг — *408, 457, 459, 464.*
Ван де Вантер — *422.*
Вандербильт — *199, 210—212.*
Вандерлип — *144, 150.*
Варгас — *454.*
Ван-Сверинген Мантис — *184, 199, 200—202.*
Ван-Сверинген Орис — *184, 199, 200—202.*
Ванцетти — *95, 96, 237—239, 243.*
Вашингтон — *43, 59, 113, 116, 146, 150, 326.*
Вивиани — *43, 121.*
Вигин — *202.*
Викершем — *223, 224.*
Вильбур — *253, 283.*
Вильгельм II — *21, 27, 31.*
Вильсон — *5—9, 11—14, 16—19, 21, 26—34, 37, 40—44, 49, 52—77, 81, 85, 88, 95, 96, 98, 101, 102, 104, 106, 107, 111—113, 119, 123—125, 148, 154, 155, 157, 187, 222, 280, 291, 319, 326, 327, 334, 336, 358, 428, 437, 438, 457, 467.*
Водсворд — *402.*

Вольман — *364.*
Вуд — *17, 29, 86, 103, 110.*
Вудин — *343, 344.*

Г

Гаги — *339.*
Гайткопер — *29.*
Галифакс — *456.*
Гамильтон А. — *113, 281.*
Гамильтон Фиш — *457.*
Гардинг У. — *103, 106—112, 115, 119, 123, 124, 142, 144—147, 149, 150, 154, 155, 157, 167, 177, 197, 282, 323, 327, 399, 429, 441.*
Гардинг Ф. — *108, 109.*
Гарриман — *199, 361, 362, 367, 416.*
Гарфильд — *317.*
Гаффей — *401.*
Геббельс — *411, 451, 458.*
Гефлин — *223.*
Гендерсон — *468.*
Генрих VIII — *307.*
Гери — *72, 84, 87.*
Гильфердинг — *191.*
Гиммлер — *452, 453.*
Гитлер — *404, 407, 411, 415, 426, 444, 453, 454, 456—457, 459, 461—464, 466, 468, 470.*
Гомперс — *18, 29, 36, 42, 72, 79, 82—88, 134, 135, 137, 138, 154, 167, 385, 387.*
Гопкинс — *343, 375, 376.*
Гоу — *342, 343.*
Гофман — *457.*
Грант — *11.*
Гревс — *65, 68.*
Грей — *14, 18, 74.*
Грейс — *348.*
Григори — *94.*
Грин — *167, 321, 382—385, 387, 391.*
Гувер — *37, 38, 40, 106, 110, 139, 140, 145, 157, 177, 206, 215, 218, 233, 251, 254, 260, 268, 271—283, 285—291, 295, 303, 305, 307, 309, 310, 316—321, 323, 324, 327, 338, 340, 343, 345, 347, 351, 354, 369, 375, 381, 395, 399, 402, 409, 410, 417, 425, 429, 430, 432, 435, 438, 457, 458, 464.*
Гугенгейм — *211.*
Гульд — *199.*
Грю — *432.*
Грюнинг — *434.*

Д

Даладье — *463.*
Дарвин — *221.*
Дарроу — *222, 366.*
Даузс — *158, 169, 303, 307.*
Дебс — *106.*
Девис — *170, 173, 230, 402.*
Де-ла-Ной (Делано) Ф. — *330.*
Демпси — *219.*
Деникин — *69.*
Джеймс — *29.*
Джексон — *271.*
Джерард — *17.*
Джефферсон — *7, 11, 12, 100, 326, 346, 347, 430.*
Джонс — *307.*
Джонсон Хирам — *67, 74, 308, 320, 450, 459.*
Джонсон Хью — *359, 361—363, 383, 439, 469.*
Джордж — *245.*
Диас — *255.*
Догени — *146—148, 168.*
Догерти — *99, 108—111, 142, 144—146, 149, 150, 304.*
Додд — *460.*
Додж — *209.*
Донам — *299, 302, 359, 427.*
Дуглас — *359, 360.*
Дункан — *42.*
Дэвис — *428.*
Дэвисон — *14, 72.*
Дюмон — *268.*
Дюпон — *52, 188, 210—212, 402, 416, 418.*

Ж

Жоффр — *43.*

З

Занфорд — *112.*
Зелигман — *253.*
Зеллинс — *84.*
Зорге — *127.*
Зудерланд — *112.*

И

Иден — *456.*
Ийтон — *198.*
Икес — *344, 375, 456, 460.*
Инсул — *184, 196—199, 201, 210, 295, 304, 318, 334, 344, 347.*
Иошидзава — *311.*
Исии — *43.*

К

Калинин — *430.*
Капоне — *228.*
Каппер — *459.*
Карвер — *187, 248.*
Карл V — *21.*
Карман — *229.*
Катаяма — *89.*
Като — *121, 122.*
Кейнс — *57, 60, 63, 350.*
Келлог — *257, 265.*
Кемпбелл — *232.*
Кенворти — *312.*
Кенион — *73.*
Кеннеди — *464.*
Керр — *448.*
Кинг — *149, 460.*
Киндерслей — *314.*
Китченер — *14.*
Клемансо — *61, 63, 69, 70, 77, 102, 335.*
Кливленд — *101, 125, 332.*
Клэрк — *335, 459.*
Кокс — *102.*
Колчак — *67, 69.*
Кольби — *77.*
Коммонс — *205, 206.*
Кофлин — *361, 410, 411, 414, 415, 417, 419, 457.*
Коффин — *210.*
Крамер — *145.*
Крез — *175.*
Крейн — *153.*
Крейслер — *416.*
Крил — *34, 40, 41, 66.*
Крок — *400.*
Кулидж Дж. — *154.*
Кулидж К. — *50, 81, 103, 144, 149—157, 160, 165—167, 169, 173—175, 177, 184, 191, 197, 203, 208, 215, 223, 238, 255, 256, 260, 262, 264, 267, 272, 275, 282, 285, 295, 306, 327, 399, 429, 430, 435, 438, 441, 442.*
Кун — *404.*
Курусу — *432.*

Л

Ламонт Р. — *283.*
Ламонт Т. — *14, 71, 72, 259, 288.*
Лансинг — *18, 27, 43, 54, 60, 62, 68.*
Лафайет — *27, 59.*
Лафоллет — *26, 67, 70, 115, 167, 171—173, 230, 272, 302, 303, 344, 403, 418, 459.*
Легин — *83.*
Лемке — *412, 415, 417—419.*
Ленберг — *209, 212.*
Лендон — *151, 415—419.*
Ленин — *57, 59, 68, 83, 99, 127, 136, 176, 185, 201, 329.*
Линдберг — *202, 457, 464.*
Линдлей — *330.*
Линкольн А — *101, 146, 150, 270, 323, 326, 331.*
Линкольн С. — *6.*
Липпман — *328.*
Ллойд Джордж — *14, 15, 31, 43, 44, 48, 54, 55—61, 63, 68—70, 77, 335.*
Ловстон — *216, 395.*
Лодж — *10, 17, 58, .62, 70—74, 76, 109, 110, 112, 118, 121, 457.*
Лонг — *404—411, 414, 469.*
Лоск — *94.*
Лоуден — *103, 110.*
Лудлоу — *450, 459.*
Лэффингуэл — *400.*
Людендорф — *46, 65.*
Людовик XVI — *212.*
Льюис — *235, 236, 386.*

М

Магеллан — *123.*
Мадеирос — *237.*
Май-Кой — *188.*
Мак-Аду — *36, 102, 148, 168, 170, 268.*
Макдональд — *238, 305, 307, 455*
Макино — *69.*
Макинтайр — *343.*
Мак-Киллер — *308.*
Мак-Кинли — *119, 123.*
Мак-Кормик — *457.*
Мак-Мулен — *273.*
Мак-Нери — *272, 273.*
Макхольд — *202.*
Мария-Антуанетта — *212.*
Маркантонио — *424.*
Маркс — *102.*
Мартен — *313.*
Маршал — *18.*
Массон — *67.*
Мачадо — *255*
Меллон — *72, 110, 111, 113—115, 148, 157, 171, 175, 188, 211, 236, 273, 283, 399, 410, 416, 418.*
Мертон — *149.*
Милас — *175.*

Миллард — *119.*
Миллер — *402.*
Миллс — *175.*
Минз — *185, 187, 188.*
Минс — *146.*
Митчель — *202, 286, 304.*
Молей — *359, 410, 427.*
Монкадо — *255.*
Монро — *455.*
Морган — *10, 14, 16, 25, 71, 201, 202, 206, 210, 211, 259, 277, 279, 286, 288, 399, 406, 410, 416, 418.*
Моргентау — *343, 344, 411.*
Моринг — *277, 278.*
Муди — *185.*
Муни — *27, 30, 149.*
Муссолини — *157, 404, 440, 444, 454—456, 463, 464, 468.*
Мэрфи — *334, 335.*

Н

Най — *366, 450.*
Найс — *401.*
Наполеон Бонапарт — *59.*
Нокс — *70.*
Норман — *322, 418.*
Норрис — *282, 320, 344, 417.*
Нудсен — *464.*
Нэтт — *202.*

О

Обрегон — *124.*
Оверман — *66.*
О'Коннор — *359.*
О'Нейль — *148.*
О'Нийл — *345.*
Орландо — *55, 102.*
Осби — *323.*
Остин — *408.*

П

Пальмер — *77, 88, 94, 95, 102, 142, 153.*
Папен — *23, 24, 452.*
Паркер — *19, 20, 22, 26, 40, 158.*
Пейдж — *18, 32, 37.*
Перкинс — *344, 424.*
Петтер — *288, 400.*
Петтигру — *83, 99, 118.*
Першинг — *46—48, 164, 238, 295.*
Пикфорд — *295.*
Пинчот — *184, 193, 401.*
Питтмен — *446, 460, 468.*
Плэмб — *87.*
Понсе де Леон — *203.*
Проссер — *288.*
Пуанкаре — *43, 55, 57, 158, 335.*

Р

Раскоб — *202, 268, 361, 402, 418.*
Рейнольдс — *416, 459.*
Рейсимен — *461.*
Риббентроп — *453, 466.*
Риверс — *433.*
Риглей — *210.*
Рид Давид — *268, 398, 399, 402.*
Рид Джемс — *265.*
Рид Джон — *79, 80, 91, 92.*
Ринтелен — *22, 23, 452.*
Рипли — *184, 187, 194.*
Ритчи — *401.*
Ричардсон — *66.*
Робертсон — *263.*
Робинзон — *398, 402, 403.*
Розенберг — *415.*
Розенман — *343, 359.*
Рой-Говард — *443.*
Рокфеллер — *85, 86, 188, 210—212, 236, 286, 288, 303, 406, 416, 418.*
Рондда — *38.*
Рузвельт Джеймс — *331.*
Рузвельт Клаас Мартенс — *330.*
Рузвельт Сарра — *330, 331.*
Рузвельт Теодор — *6, 10, 11, 17, 27, 123, 155, 282, 326, 327, 332, 346.*
Рузвельт Франклин — *45, 283, 317—321, 323, 326—355, 358—360, 365, 367, 369, 376, 379, 380, 395—397, 399—402, 404, 407—410, 415—420, 422—430, 433, 435, 442—444, 453, 455, 457—459, 464, 467, 468, 471.*
Рузвельт Элеонора — *332, 333.*
Рут — *17, 62, 106.*
Рутенберг — *91—93, 142.*

С

Саймон — *312.*
Сакко — *95, 96, 237—239, 243.*
Сандино — *255, 256.*
Сидехара — *121, 122, 311.*
Симмонс — *97.*

Синклер Г. — *146—148.*
Синклер Э. — *6.*
Сиссон — *248.*
Скидмор — *406.*
Скопс — *221, 222.*
Слоан — *361.*
Смит Альфред — *72, 102, 170, 268, 269, 271, 272, 274, 295, 324, 336—338, 361, 402, 409, 417, 418.*
Смит Джеральд — *412, 415, 457.*
Смит Джесс — *145, 149, 150.*
Сойер — *145.*
Сталин — *159, 266, 293, 349, 365, 366, 378, 380, 429, 444.*
Стилвелл — *469.*
Стимсон — *106, 255, 283, 307, 311—313, 431, 434, 442, 469, 470.*
Стратон — *221.*
Строун — *202.*
Стюарт — *302.*
Сулливен — *108.*
Сэймур — *19.*

Т

Таборда — *454.*
Талейран — *58.*
Тарбэлл — *6.*
Таунсенд — *412—415.*
Тафт — *457.*
Тафт В. — *5, 6, 18, 62, 72, 78, 87, 106, 112, 123, 125, 140, 151, 155, 283.*
Тейэр — *237, 238.*
Тенней — *219.*
Тильден — *218.*
Токугава — *121.*
Томас — *353.*
Томпсен — *456.*
Томпсон — *277.*
Тэгвелл — *359, 360.*
Тэйгл — *361.*
Тэйлор — *348.*
Тьюмалти — *77.*
Тьер — *63.*

У

Уайт — *18, 54, 58.*
Уитней — *288.*
Уолкотт — *398.*
Уолл — *248.*
Уоллес — *104, 344, 456, 460.*
Уолш — *144, 147, 148, 150, 263.*
Уостон — *73.*
Уэллес — *434, 435, 456.*
Уэллс — *349, 380.*

Ф

Фарли — *339, 407, 408.*
Фаррель — *192.*
Фей — *22, 24.*
Фенвик — *426, 470.*
Феррестер — *223.*
Фесс — *398, 399.*
Филиппс — *6.*
Фиппс — *212.*
Фишер — *286.*
Фицпатрик — *82, 85, 137.*
Флетчер — *164.*
Флинн — *184, 192.*
Фолл — *110, 144, 147—149.*
Форбс — *145, 149, 211.*
Форд — *179—181, 188, 211, 218, 230, 281, 295, 418.*
Фостер — *81—85, 87, 88, 136, 142, 173, 274, 323, 419.*
Фош — *46, 55, 121, 335.*
Франклин — *346.*
Франко — *453, 464.*
Фрезир — *247.*
Фридрих-Вильгельм — *63.*
Фрик — *72.*
Фуллер — *238, 239.*

Х

Ханна — *332.*
Хауз — *5, 11, 14, 17, 18, 54, 61, 62, 77.*
Хей — *119.*
Хейвуд — *92, 135.*
Хейс В. — *57, 147, 148.*
Хейс Р. — *317.*
Херст — *210, 216, 361, 397, 415—417, 457, 464.*
Хилкуит — *322.*
Хилл — *199.*
Хиллмэн — *388.*
Хирота — *313.*
Хитчкок — *76.*
Хольт — *299.*
Хэлл — *343, 427, 432, 434, 435, 442, 443, 450, 460, 465, 471.*

Ц

Циммерман — *32, 33, 453.*

Ч

Чейз — *359, 365.*
Чемберлен — *425, 449, 455, 456, 461—463.*
Черчилль — *262, 308.*

Ш

Шаус — *402.*
Шваб — *348.*
Швигер — *26.*
Шеле — *22.*
Шерман — *54, 70, 71.*
Шиген — *334.*
Ширер — *306.*
Шлезингер — *136.*
Шотвель — *264, 469, 470.*
Штреземан — *265.*

Э

Эберлинг — *241.*
Эдельшайм — *17.*
Эдисон — *72, 196, 334.*
Эдуард VII — *10.*
Эллен — *95.*
Эли — *402.*
Эллиот — *17, 330.*
Эммерсон — *246.*
Энгельс — *127.*
Энджел — *233.*
Эрли — *343.*
Эррио — *238.*

Ю

Юденич — *70.*
Юз — *28, 30, 96, 106, 110, 119, 121, 122, 124, 157, 158, 164—166, 256, 421, 429, 430.*
Юнг О. — *258, 320.*
Юнг С. — *304.*

Редактор *И. Динерштейн*
Переплет художника *Р. Житкова*
Технический редактор *А. Тюнеева*

Подписано к печати 31/V 1947 г.
М-01163. Объём 30¼ п. л. Тираж 15 тыс. экз. Заказ № 656.
Цена 12 руб.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
186	7—8 снизу (сноска 2)	доходом менее	доходом не менее
228	14 сверху	Маймн	Майами
314	13 снизу	нью-йорские	нью-йоркские
376	1 снизу (сноска 3)	Admlstration	Administration
437	20 сверху	государств	государств*
440	11 снизу	призидент	презилент